HISTORIA ROSSICA

Фритьоф Беньямин Шенк

Александр Невский в русской культурной памяти

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Frithjof Benjamin Schenk

ALEKSANDR NEVSKIJ

HEILIGER – FÜRST – NATIONALHELD:

Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000)

BÖHLAU VERLAG:
KÖLN – WEIMAR – WIEN

2004

Фритьоф Беньямин Шенк

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ:

Святой, правитель, национальный герой

(1263–2000)

Авторизованный перевод с немецкого
Елены Земсковой и Майи Лавринович

Новое Литературное Обозрение

2007

УДК 929Александр Невский
ББК 63.3(2)42-8Александр Невский
Ш 47

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слезкин, Р. Уортман

Редактор серии
М. Долбилов

Шенк Фритьоф Беньямин
Ш 47 **Александр Невский в русской культурной памяти:** святой, правитель, национальный герой (1263—2000) / Авторизованный перевод с нем. Елены Земсковой и Майи Лавринович — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

В уникальной по охвату источников книге немецкий историк Фритьоф Беньямин Шенк исследует семивековую толщу памяти об одной из самых легендарных фигур русской истории. Перед читателем разворачивается панорама образов Александра Невского, запечатленных в летописях, агиографии и иконах, идеологии и официальной пропаганде, исторических трудах и политической публицистике, живописи, скульптуре, кинематографе и коммерческой рекламе. Анализируя, как предание об Александре Невском конструировалось и использовалось различными историческими авторами — государственной властью, православной церковью, интеллигенцией, русским национализмом, исследователь приходит к заключению о вкладе этого длящегося мифотворчества в выработку альтернативных версий коллективной идентичности.

УДК 929Александр Невский
ББК 63.3(2)42-8Александр Невский

ISBN 5-86793-506-X

© Frithjof Benjamin Schenk, 2004
© «Новое литературное обозрение», 2007

Предисловие

Все началось в ноябре 1996 г., когда я оказался в Музее Великой Отечественной войны в Москве. В витрине, установленной у входа в Зал славы, я увидел огромный золотой меч с богато украшенным клинком. Изготовленное тульскими мастерами оружие представлялось посетителям как меч князя и военачальника Александра Невского. Меч — подарок российского президента Бориса Ельцина, переданный музею в мае 1995 г. к 50-летию победы над нацистской Германией. Что общего, спросил я себя, имеет средневековый новгородский князь, великий князь Владимирский, правивший в XIII в., с победой Красной армии во Второй мировой войне? Тогда я еще не подозревал, в какие глубинные слои русской культурной памяти заведет меня вопрос, которым отмечено начало моих многолетних занятий историей памяти об Александре Невском.

В основе книги лежит диссертация, защищенная в 2002 г. в Свободном университете Берлина. На долгом пути от первой мысли до готовой книги мне помогали советом и делом многие коллеги и друзья, которых я хотел бы здесь поблагодарить.

Мой научный руководитель профессор доктор Клаус Цернак, который с самого начала активно содействовал проекту моей диссертации, помог мне как исследователю обрести уверенность в собственных силах. Он поддержал мой план охватить большой временной отрезок — от Средневековья до наших дней — и всегда был критическим спутником в этом путешествии через века русской истории.

Профессор доктор Этьен Франсуа руководил моей диссертацией как рецензент. Я благодарен ему не только за знакомство с теорией «мест памяти» Пьера Нора, которая вдохновила меня на этот проект. Именно профессор Франсуа предложил, в частности, включить компаративный обзор в последнюю главу.

Издание этой работы на русском языке в серии *Historia Rossica* — особая честь для меня. В первую очередь я хотел бы сердечно поблагодарить Ирину Прохорову за интерес и поддержку этого проекта. Я выражаю свою признательность переводчицам этого объемного текста — Елене Земсковой и Майе Лавринович за их основательную и профессиональную работу. Я благодарен Алексею Миллеру и Михаилу Шкаровскому за тщательное чтение и комментарии к отдельным главам русского текста книги. Михаил Долбилов сделал ряд ценных указаний на заключительном этапе.

И наконец, я благодарю мою жену Биргит Брандт, пустившуюся вместе со мной в путешествие «Александр Невский», которое довело ее даже до овладения русским языком. На ее поддержку я всегда мог рассчитывать во время работы над немецким и русским изданиями. Ей посвящается эта книга.

Санкт-Петербург, ноябрь 2006 г.

---

[1] См. об этом: *Schenk F.B.* Ein Heiliger zwischen Resakralisierung und Profanierung: Die Verehrung Alexander Newskijs im postsowjetischen Russland // Säkularisierung und Funktionalisierung von Nationalheiligen Ostmitteleuropas im 20. / 21. Jahrhundert / Hg. Stefan Samerski. Leipzig, 2007 (в печати).

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Постановка проблемы

Девятого мая 2002 г., в День Победы над национал-социалистской Германией, на одной из центральных площадей Санкт-Петербурга был открыт новый монумент. Бронзовая статуя была установлена в память о святом Александре Невском, покровителе северной столицы, новгородском князе, в XIII в. разбившем шведов и Тевтонский орден в двух окутанных мифами битвах. В церемонии приняли участие высокопоставленные лица из числа политиков, церковных иерархов, военных и бизнесменов, в том числе губернатор города, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, кавалеры ордена Александра Невского и представители строительной компании-спонсора. Начало торжеств было ознаменовано крестным ходом с мощами святого от Александро-Невской лавры до прилегающей площади, еще ранее названной именем Александра Невского. Сразу после торжественного шествия под аккомпанемент церковного хорового пения и военных маршей был открыт монумент высотой более десяти метров[1].

Новый памятник в Санкт-Петербурге и обстоятельства его открытия вызывают при ближайшем рассмотрении множество вопросов. Прежде всего почему князь, живший в XIII в., считается святым покровителем города, который только в 2003 г. отпраздновал трехсотлетие своего основания? Кроме места установки монумента требует объяснения и время его открытия. Какая связь между средневековым князем и победой над немецко-фашистскими захватчиками, отмечавшейся в России в пятьдесят восьмой раз 9 мая 2002 г.? И наконец, почему памятник князю, совершившему свои славные подвиги более 750 лет назад, воздвигнут именно в наше время?

Последний вопрос кажется тем более обоснованным, что открытие монумента в Санкт-Петербурге — далеко не единственный случай такого рода. Еще в 1990 г., в рамках празднования 750-летия Невской битвы, в городе Пушкин был открыт небольшой бюст Александра Невского. В 1993 г. неподалеку от Пскова, на берегу Чудского озера, установили огромный бронзовый монумент Невскому. Несколько лет спустя администрация Великого Новгорода заменила статуей великого князя бюст Карла Маркса на привокзальной площади. В октябре 2000 г. были воздвигнуты памятники на Красной площади в Курске и в поселке Ленинское, Выборгского района, Ленинградской области. В 2003 г. памятники Невскому появились также во Владимире и в Усть-Ижоре. Перечень этот, наверное, неполный...

Кроме того, принимая во внимание масштабность празднования в 1990 и 1992 гг. 750-летия одержанных Невским великих побед и в 1995 г.775-летия со дня его рождения во многих городах Российской Федерации, а также огромное количество книг и журнальных статей, появившихся о нем за последние годы, можно без сомнения говорить о ренессансе коллективной памяти об Александре Невском в постсоветской России[2].

Однако интерпретации и объяснения требует не только сам факт памяти о Невском в сегодняшней России, но и виды и формы такого воспоминания. Цоколь нового памятника в Санкт-Петербурге украшает православный крест, а на фундаменте монумента находится надпись: «Святому благоверному великому князю Александру Невскому». Религиозные элементы подобного рода на памятниках средневековому князю были в советские времена, разумеется, столь же невозможны, как и упоминание фирмы-спонсора, украшающее монумент в Петербурге[3]. Невозможно представить себе во времена коммунистического правления и участие духовенства в торжественном открытии памятника Невскому. Мощи святого, торжественно выставленные для обозрения на церемонии 9 мая 2002 г., еще за тринадцать лет до этого хранились в подвале ленинградского Музея религии и атеизма в Казанском соборе.

Возрастающий интерес к Александру Невскому, его новая сакрализация и использование его фигуры в рекламе указывают на обширную трансформацию культуры памяти в современной России. Вместе с СССР в 1991 г. развалились не только институции коммунистического режима. С распадом союзного государства утратила свои основания и официальная советская доктрина исто-

рии, а вместе с ней и идея многонационального «советского народа». Поиски новых концептов коллективной идентичности в постсоветской России идут рука об руку с новым формулированием исторических нарративов, создающих эту идентичность. Эти изменения коснулись и памяти об Александре Невском, в дореволюционное время почитавшемся в качестве православного святого, а в советскую эпоху — великого героя и полководца. Очевидно, что и в сегодняшней России он играет важную роль как фигура коллективной самоидентификации.

В этой работе рассматривается русская и советская история памяти об Александре Невском с конца XIII в. и до исхода XX в. Предмет нашего анализа — Александр Невский как одно из «мест» (или «фигур») русской культурной памяти. В центре исследования — не биография новгородского князя, но история «воспоминаний» о нем. Предпосылкой исследования стало положение о том, что создающийся всяким сообществом образ «собственного» прошлого позволяет сделать выводы о соотносящихся с этим образом концептах коллективной идентичности. Изменения представлений об истории понимаются при этом не как процесс аккумуляции исторического знания, но как движение интерпретаций, смысловых «уплотнений», «смещений» и «выпадений», а также как воспоминания и забвения, отражающие изменения в самоописании «мы-группы» («Wir-Gruppe»). Следовательно, в центре нашего внимания оказываются два комплекса вопросов. Во-первых, как изменялся образ Александра Невского в период более чем семисотлетней его истории? Какие моменты этой истории можно назвать переломными и как это объяснить? Во-вторых, какие концепты коллективной идентичности запечатлены в различных формах «воспоминания» о Невском? В какие «рамочные повествования» о сообществе была интегрирована память об этой исторической личности?

Фигура Александра Невского представляется идеальной для подобного рода *case study* не только из-за его популярности в современной России. Новгородский князь, или, скорее, образ, напоминавший и напоминающий о нем, напрашивается в качестве предмета исследования еще и потому, что позволяет направить взгляд в глубь русской истории. С конца XIII в. Александр Невский занимает прочное место в русской культурной памяти, однако напоминавший о нем образ много раз существенно менялся. Эти трансформации, согласно основному положению работы, можно интерпретировать как выражения изменений концептов коллектив-

ной идентичности в русской истории. Исследование, посвященное Невскому как «месту памяти», позволяет проанализировать этот процесс на протяжении почти восьми столетий.

Такие понятия, как «место» или «фигура памяти», «мы-группа», «культурная память» или «концепт коллективной идентичности», указывают на те категории, которыми можно очертить эвристическое поле настоящего исследования. Стоящие за использованием этих терминов теоретические предпосылки, сжато охарактеризованные ниже, составили концептуальный фундамент для последующего анализа.

1.2. Теоретические основания и определение понятий

Значение представления об общем прошлом для возникновения чувства общности у различных социальных групп признано и проблематизировано в последнее время прежде всего историками, исследующими феномен нации. Многие из них определяют нации не как «естественные» общности, но преимущественно как «воображаемые» сообщества, т.е. продукт социального конструирования и коммуникации. Эти авторы полагают, что идея общего прошлого является определяющей для возникновения национальной идентичности[4].

Уже в конце XIX в. французский религиовед Эрнест Ренан в часто цитируемой речи «Qu'est-ce qu'une nation?» указал, что нации следует рассматривать в первую очередь как «духовный принцип», как «политическое волевое сообщество, не претендующее на вечность» (Д. Лангевише), основанное на ежедневном плебисците его членов[5]. По Ренану, нации вновь и вновь конституируются распространенным среди населения чувством национальной общности. Бенедикт Андерсон в чрезвычайно популярном эссе «Imagined Communities» указывает, что нации представляют собой прежде всего «воображаемые сообщества»[6]. Отдельных членов такого сообщества связывает друг с другом не ряд «объективных» критериев общности, а в гораздо большей степени представление об общности и о ее характеристиках. В отличие от основанных на реальном опыте сплоченности небольших социальных групп и образований, все участники которых знакомы между собой, нация существует главным образом в умах своих членов как «воображаемое сообщество». Подхватывая мысль Ренана, немецкий историк Хаген Шуль-

це также описывает нации как «духовные сущности, сообщества, существующие лишь до тех пор, покуда они есть в умах и сердцах людей, и исчезающие, как только о них перестают или не хотят больше думать»[7].

Уже Ренан обратил внимание на то, что воображение любой национальной общности связано с идеей о древности и глубоких исторических корнях сообщества. Ренан видит фундаментальные составляющие «духовного принципа» нации как в «общем обладании богатым наследством памяти», так и в желании «сохранить целостность полученного наследства»[8]. Современные исследователи процессов формирования наций почти единогласно признают, что представление членов нации о том, что все вместе они обладают уводящей в далекое прошлое историей, следует рассматривать в качестве центральной составляющей концепта национальной общности[9]. При этом неоднократно указывалось на активную роль историографии и историков как «инженеров-конструкторов» исторического нарратива и «изобретателей» создающей идентичность традиции[10].

Двусторонняя связь между национальным самосознанием и коллективной памятью была впервые систематически проанализирована на примере Франции Пьером Нора, инициатором и редактором издания «Les lieux de mémoire»[11]. Это многотомное собрание статей явилось своего рода инвентаризацией мест коллективной памяти французской нации и «топологией символики Франции»[12]. Нора также исходит из тесной связи памяти и идентичности сообщества. Опираясь на мысли Мориса Хальбвакса о коллективной памяти, Нора подчеркивает, что «память всегда (вырастает) из группы, сплоченность которой она поддерживает»[13]. Это справедливо и в отношении нации, которую Нора описывает как «символическую реальность», «нацию памяти»[14]. По Нора, память национального сообщества прикрепляется к так называемым *lieux de mémoire* — «местам памяти». Последние он понимает как точки кристаллизации коллективного воспоминания и идентичности. Для «мест памяти» характерно наличие относительно стабильного «материального» ядра, переменчивого символического значения и функциональной задачи вызывать воспоминания[15]. *Lieux de mémoire* Нора — это «места» в широком смысле слова. В его пионерском исследовании, посвященном «местам памяти» французской нации, есть статьи об эмблемах (например, триколоре, галльском петухе и гексагоне), о

памятниках и зданиях (например, Пантеоне, Триумфальной арке и Эйфелевой башне), а также об институциях, девизах и исторических личностях (например, о французской Национальной библиотеке, девизе «Liberté, Egalité, Fraternité» или Жанне д'Арк). В перечне русских «мест памяти» Александр Невский оказался бы в последней группе — в качестве «духовного брата» святой Жанны.

Термин «место памяти» весьма близок по своему значению греческому понятию «топос». «Место памяти» — это место в географическом, временном или символическом пространстве. Это «символическая фигура», значение которой может меняться в зависимости от контекста ее употребления, передачи, присвоения и восприятия и которая, утратив значение, может вновь исчезнуть из коллективной памяти. Нора видит в «месте памяти» «символический фрагмент символического целого». Исследование французских *lieux de mémoire* позволяет ему направить взгляд «в зеркало французской идентичности»[16].

Апелляция к общему прошлому, однако, не является специфическим признаком создания национального сообщества. Хотя бы потому, что сконструированные в XVIII и XIX вв. национальные истории создавались чаще всего на основе более древних исторических нарративов, которые сами были частями преднациональных, т.е. религиозно-сакральных, региональных, имперских или династических дискурсов о сообществе («Gemeinschaft»). Исследуя новые национальные исторические традиции, о чистом «изобретении традиции» можно говорить лишь в самых редких случаях[17]. Большинство из этих концептов является, скорее, переосмыслением уже имевшихся повествований и коллажами из них, т.е. продуктами своеобразного «межкультурного бриколажа»[18]. То же самое можно сказать и о русской истории. Несмотря на утверждения многочисленных новейших западных исследований, посвященных становлению русской нации и русского национального самосознания, «изобретатели русской нации» XVIII и XIX вв. не творили *ex nihilo*[19]. Они обращались также и к традиционным образам и символам допетровской эпохи, перерабатывая их согласно потребностям нового времени. Невозможно осмыслить имперский и национальный образы Александра Невского, созданные в XVIII и XIX вв., не обратившись к более ранним их вариантам. Точно так же без этого невозможно исследовать и генезис соотносящихся с этими образами концептов имперской или национальной российской/русской идентичности[20].

Очевидно, что представление об общем, уводящем в глубину веков прошлом имеет основополагающее значение для сплочения мы-групп вообще, независимо от того, религиозные это группы, социальные, политические, этнические или национальные. Термин «мы-группа» («Wir-Gruppe»), использующийся в этой работе, заимствован из этнологии. Там он укрепился в качестве рабочего понятия для описания социальных групп, сплоченность которых базируется не на «объективных» (как предполагается) критериях, таких, например, как язык, религия, культура, раса или среда обитания, а на субъективном признании принадлежности к группе ее членов[21]. Немецкий этнолог Георг Эльверт видит в мы-группах продукт так называемых «мы-групп-процессов». Он описывает эти процессы как «организующее перекодирование целенаправленного процесса формирования общества (Vergesellschaftungsprozesse) в личные (воображенные) отношения к сообществу... Образцы таких перекодирований в большинстве случаев явлены нам как культурно обусловленные. Привязка к унаследованным символам... порождает видимость "традиции"»[22]. Эльверт напоминает, что при исследовании возникновения мы-групп должны быть проанализированы как лежащие в их основе процессы формирования общества, так и соответствующие шаблоны перекодирования. Настоящая работа, в которой исследуется процесс изменения одного создающего идентичность символа, направлена на решение проблемы «шаблонов перекодирования» в русской и советской истории. Нам кажется весьма важным попытаться связать результаты этого исследования с социально-историческим анализом протекавших параллельно процессов формирования общества, однако такую работу мы могли осуществить лишь предварительно.

Определение «мы-группы», по Эльверту, чрезвычайно растяжимо. Оно пригодно как для обозначения малых социальных союзов (семья или монастырская община), так и для «воображаемых сообществ» (конфессиональная группа или социальный класс)[23]. В качестве «мы-группы», если следовать определениям Ренана, Андерсона и Шульце, может быть описана и нация[24]. Особенно важен, однако, тот факт, что люди, как правило, чувствуют (или могут чувствовать) свою принадлежность одновременно к нескольким мы-группам. В новейших этнологических исследованиях часто обращается внимание на то, что причастность индивида к определенной группе всегда зависит от ситуации. Сам факт, что человек отождествляет себя со своей семьей, своим родом, религиозной группой,

этнической общиной или нацией, определяется прежде всего тем, от какой «они-группы» («Sie-Gruppe») он (вместе с другими) хочет себя отграничить[25].

Мы-группы срастаются и укрепляются в той степени, в какой ее члены, вспоминая свою общую историю, сознают континуальность и когерентность, т.е. единство и своеобразие сообщества[26]. В этом пункте историческое исследование нации пересекается с этнологией. Рассказ о «собственном» прошлом дает отдельному человеку представление о традиции и величии сообщества и снабжает его сведениями о существенных чертах, конституирующих мы-группу. Рассказ показывает образы друзей и врагов, предлагает критерии принадлежности или исключенности и «назначает» выдающихся исторических персонажей в качестве образцов и фигур идентификации. В контексте настоящей работы термин «мы-группа» используется для обозначения того социального объединения, которое Александр Невский репрезентирует в источниках. Именно это объединение воображается сегодняшним вспоминающим сообществом в качестве коллектива предков. Этот термин соотносится и с определениями самих источников, таких, например, как «мы христиане» или «русский народ», и находит соответствие в таких категориях, как «Новгород», «Суздальская земля», «Россия» и т.п.

Предположение о том, что групповая память и групповая идентичность нерасторжимо скреплены друг с другом и взаимообусловлены, восходит к французскому ученому Морису Хальбваксу, разработавшему в своем главном теоретическом труде «Социальные рамки памяти» («Les cadres sociaux de la mémoire», 1925) понятие «коллективной памяти»[27]. Хальбвакс представляет нам человеческую память не как продукт деятельности групп, но как нечто, действующее в группах и через группы[28]. Он обращает внимание на социальную обусловленность индивидуальной памяти и описывает индивидуальное воспоминание как социальный феномен. По Хальбваксу, процесс воспоминания невозможно представить вне коммуникации. Социальные группы и сообщества (семья, религиозные группы, нации и пр.), согласно Хальбваксу, не обладая памятью сами по себе, обуславливают память собственных членов посредством специфических социальных рамок восприятия (*cadres sociaux*) и духовных потребностей. Таким образом, память человека индивидуальна в том смысле, что она всегда является неповторимой комбинацией различных элементов коллективной памяти. Коллективная память представляется Хальбваксу совокупностью

воспоминаний, которые «общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках»[29].

Для того чтобы какое-либо событие смогло закрепиться в коллективной памяти, оно должно, согласно Хальбваксу, наполниться смыслом. «Всякая личность и всякий исторический факт при своем вступлении в эту (коллективную) память немедленно транспонируются в поучение, понятие, символ, они получают смысл, они становятся элементом идейной системы данного общества»[30]. Опираясь на Хальбвакса, немецкий теоретик памяти египтолог Ян Ассман описал эти наполненные смыслом конструктивные элементы коллективной памяти как «фигуры воспоминания»[31]. Для них характерны отнесенность к конкретному времени и пространству, ориентация на определенную социальную группу и реконструктивный, воссоздающий способ действия[32]. Таким образом, они обладают большим сходством с «местами памяти» («lieux de mémoire»), описанными Нора. Фигуры воспоминания служат пространственными и временными ориентирами памяти группы, стремящейся консолидироваться в качестве таковой. Они сообщают членам сообщества представление о родине и истории, становятся для него моделями и обучающими образцами. «В них выражена общая позиция группы; они не только воспроизводят ее прошлое, но и определяют ее характер, ее свойства и ее слабости»[33]. Коллективная память благодаря этому обладает «идентичностной конкретностью» (Ассман). Тот, кто принимает в ней участие, свидетельствует тем самым свою групповую принадлежность. Воссоздающий характер фигур воспоминаний выражается в том, что прошлое постоянно, вновь и вновь, переписывается в соответствии с изменениями референциальных рамок и духовных потребностей сообщества. От прошлого остается в наличии лишь то, что сообщество в каждую эпоху может реконструировать с помощью нынешних референциальных рамок.

Ян Ассман сумел продуктивно развить концепцию коллективной памяти Хальбвакса. В теоретической части своей книги «Культурная память» («Kulturelles Gedächtnis», 1992) Ассман разработал на основе понятия «коллективной памяти» понятие памяти «культурной», которое используется в настоящей работе[34]. Ассман описывает культурную память как одну из четырех областей «внешнего измерения» человеческой памяти. Он различает миметическую память (сфера поступков), предметную память, коммуникативную память и, наконец, культурную память[35]. По Ассману, культурная

память служит передаче смысла. Она создает пространство, в которое «более или менее плавно переходят все три вышеназванные области»[36]. Эта память «культурная», поскольку «она может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций», а «памятью» ее можно назвать потому, что «она функционирует по отношению к общественной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию»[37].

Культурную память, связанную с символическим кодированием, и прежде всего с письменностью, Ассман отграничивает от коммуникативной памяти, присутствующей в «живом воспоминании» и передающейся устно[38]. В отличие от коммуникативной памяти, говорящей прежде всего об историческом опыте индивидуальных биографий, чей временной горизонт распространяется максимум на три поколения назад, культурная память, способная простираться вплоть до мифической предыстории сообщества, хранит картины из «абсолютного прошлого». Отличие коммуникативной памяти состоит в том, что она не нуждается в специальных носителях, она принадлежит всем. Культурная память, напротив, поддерживается и передается профессионалами, «специалистами — носителями традиций». Коммуникативная память базируется на неформальном, повседневном общении, культурная, напротив, отличается высокой степенью формализованности. Она привязана к сверхповседневной, институционально передаваемой коммуникации и опирается на «институты воспоминания»: дискурс, символ и церемонию[39].

Алейда Ассман, жена Яна Ассмана, описывает культурную память сообщества как его «функциональную память». В отличие от «памяти-хранилища» («Speichergedächtnis»), культурная память связана с определенной группой, она наводит мост между прошлым, настоящим и будущим и передает ценности, определяющие специфику идентификации и поведенческие нормы[40]. Различая функциональную память и «память-хранилище», Алейда Ассман опирается на противопоставление памяти и истории у Хальбвакса. Последний подчеркивал, что многим коллективным памятям, носителями которых являются отдельные связанные с ними группы, противостоит одна «объективная» история, описывающая гомогенное историческое пространство. Хальбвакс понимает под «историей» собрание фактов, очищенных от каких бы то ни было отношений к групповой идентичности[41]. Однако это позитивистское по духу представление об «истории» можно уже счесть устаревшим.

Сегодня историографию зачастую определяют лишь как особенный вид социальной памяти. Английский историк Питер Бёрк, например, защищает тезис о том, что историография всегда есть продукт социальных групп и любое историописание находится во власти своего времени, интересов пишущего и заказчика[42]. Ян и Алейда Ассман тем не менее держатся за противопоставление истории и памяти. Культура воспоминания, т.е. культурная память, по их мнению, всегда соотносится с идентичностью определенной группы, но «научное историописание», занимающееся прошлым исключительно из теоретического любопытства, может, как пишет Ян Ассман, представлять знание «нейтрально по отношению к идентичности»[43]. Противоречивость отношений памяти и истории существенна и для настоящей работы. Если в «Историческом введении» (глава 2) предпринята попытка бегло описать «память-хранилище» истории, в дальнейшем тексте в центре внимания оказывается исследование русской и советской «функциональной памяти». Причисление историографических текстов к той или другой категории по ходу работы оказывается в зависимости от их предполагаемой релевантности идентичности. В сомнительных случаях, однако, историографические труды понимаются как часть культуры воспоминания своего времени и исследуются как свидетельства культурной памяти соответствующего вспоминающего сообщества.

Последнее значимое для теоретических рамок настоящей работы понятие — «коллективная идентичность». «Идентичность» относится к основным понятиям психологических и социологических исследований XX в.[44]. В психологии одно из значений «идентичности» — «единство личности, которое можно свести к ее активным психическим способностям к синтезу или интеграции, посредством которых эта личность пытается удостовериться в континуальности и когерентности своей жизненной практики»[45]. Перенос в нашем контексте понятия «идентичность» с личности на группу не связан с предположением, что сообщество, подобно человеку, может быть описано в качестве «биопсихологического единства» (Штрауб), которому можно приписать идентичность по аналогии с тем, как она приписывается индивидууму[46]. «Социальное тело» не существует в качестве видимой и конкретно осязаемой реальности. «Оно представляет собой метафору, мнимую величину, социальную конструкцию»[47]. В этом качестве, однако, оно полностью принадлежит реальности. Под «коллективной идентичностью», или «мы-иден-

тичностью», в дальнейшем мы будем понимать создаваемый той или иной группой в процессе «воображения» самой себя образ, с которым идентифицируют себя ее члены. Поскольку коллективная идентичность всегда базируется на индивидуальном осознании социальной принадлежности, понятие «коллективная идентичность» обозначает представления отдельных людей о собственном сходстве или сродстве по отношению к другим.

Коллективные идентичности — это «дискурсивные формации», они связаны с участниками коллективного знания и общей памяти. Гарантирующее идентичность знание какого-либо сообщества распределяется между текстами с нормативной и формирующей функциями[48]. К первой группе относятся, например, поговорки и «житейская мудрость», ко второй — мифы, героический эпос и генеалогии. Жизнеописания Александра Невского, принадлежащие к русской культурной памяти, следует причислить к группе текстов с формирующей функцией. Тексты формирующего характера отвечают на вопросы «кто мы?», «кто есть другие?». Они служат самоопределению и мотивируют совместное коллективное действие. Конструкция образа «другого» («они-группы») дает группе возможность осознать собственное своеобразие и, следовательно, конститутивна для генезиса коллективной идентичности[49].

Коллективная идентичность всегда есть вопрос самоидентификации участвующих в ней индивидов. Она не существует «сама по себе», но лишь в той степени, в какой определенные индивиды признают свое в ней участие[50]. «Ее сила или слабость зависят от того, насколько она жива в сознании членов группы и способна мотивировать их мышление и деятельность»[51]. Поскольку исследование сознания большого числа людей в исторической перспективе — предприятие насколько смелое, настолько и нереализуемое, настоящая работа не претендует на изучение изменений коллективной идентичности в русской культуре. Наша цель скромнее: исследовать изменения *концептов* коллективной идентичности в той мере, в какой они отразились в истории одной фигуры русской культурной памяти[52]. Ответить на вопрос, в какой степени присутствующие в культурной памяти образы на самом деле проникали в сознание членов соответствующего вспоминающего сообщества, определяли их чувство социальной принадлежности и влияли на их действия, к сожалению, в большинстве случаев весьма затруднительно. Однако, поскольку сами носители культурной памяти, принадлежащие к элитарным «носителям традиции», могут рассматри-

ваться как живая часть соответствующих сообществ, кажется справедливым предположение, что созданные под их влиянием дискурсы воспоминания могут быть прочитаны как выражение памяти, специфической для этого сообщества, и выражение самосознания этого сообщества, релевантного на этот момент. Одновременно мы исходим из того, что исследованные нами образы истории достоверно репродуцировали или заново формировали и определяли для реципиентов дискурса памяти представление о сообществе.

При рассуждении об авторстве дискурса воспоминания постоянно возникает вопрос о причинах изменений культурной памяти и конституирующих ее фигур. Эти изменения лишь в самых редких случаях могут быть интерпретированы как следствия направленного политического влияния[53]. Заряженность фигур памяти значением и смыслом в большинстве случаев не является итогом направленных пропагандистских мер «сверху», она оказывается результатом процесса конструирования, в котором принимает участие множество социальных групп, и этот процесс зависит от времени и обстоятельств. Исследование этого процесса дает нам возможность не только проследить изменения образов истории, но и проанализировать изменения структур, связывающих и объединяющих сообщество в длительной исторической перспективе[54].

1.3. Источники и современное состояние исследований

История воспоминания об Александре Ярославиче (1220/1221—1263) начинается вскоре после его смерти, с написания его жития в 80-е гг. XIII в. С этого времени Александр Невский занимает прочное место в русской культурной памяти. Его деяния были описаны в летописях, его житие копировалось и изменялось, возникли первые изображения на иконах и росписях. История жизни Невского помещалась в генеалогиях, его биография освещалась в историографических трудах и включалась в школьные учебники. Позже фигура Невского стала предметом исторической живописи, поэзии и художественного кинематографа. Источниковую базу настоящего исследования составили письменные документы, в которых говорится об Александре Невском, и репрезентирующие его документы изобразительные[55]. При этом совокупность всех «текстов» (в самом широком смысле слова), посвящавшихся этой

исторической фигуре на протяжении веков, описывается нами в качестве единства, как «дискурс об Александре Невском», как «нить воспоминаний» русской культурной памяти. Объединение в один дискурс столь различных артефактов, как, например, икона, школьный учебник по истории или пропагандистский плакат времен Великой Отечественной войны, кажется нам вполне оправданным, если принять во внимание их общий сюжет, существенную интертекстуальную переплетенность и взаимную соотнесенность этих источников.

В настоящей работе мы обращаемся к источникам с рядом вопросов. Во-первых, какой образ Александра Невского воплощен в них, что из его деяний сохраняется в памяти, а что забыто? какие положительные черты его характера выходят на передний план? изображен он князем, святым, политиком, дипломатом или полководцем? Во-вторых, какой образ сообщества спроектирован в отдельных текстах и изображениях, какая мы-группа репрезентирует Александра в документах, представляющих историю памяти о нем, на основе каких критериев (религия, язык, территория, политическая лояльность, культура и т.п.) описывается и определяется сообщество? В-третьих, от каких они-групп, или «групп врага» (неверные, католики, шведы, Тевтонский орден, монголы), отграничивает себя сообщество и какие выводы эти образы «другого» позволяют сделать об образе самой мы-группы?

Тексты и изображения, в которых можно увидеть определенные соответствия в прорисовке образа Александра Невского, объединяются нами в подгруппы и описываются в настоящей работе как дискурсы, являющиеся частями истории памяти об Александре Невском. Дискурс понимается как корпус текстов, изображений и высказываний, связанных определенной содержательной согласованностью. Такое совпадение может (но не всегда) указывать на одну определенную группу носителей дискурса. Но отдельные дискурсы всегда являются проявлениями и отражениями различных концептов коллективной идентичности, по которым мы даем им название (например, локальный, региональный, церковный, имперский, национальный дискурсы), или соотносятся с ними. Эти дискурсы могут разворачиваться и хронологически последовательно, и одновременно. Понятие дискурса служит для настоящей работы вспомогательным средством, позволяющим осмыслить оба описываемых нами феномена: специфическое для своего времени проявление образа Александра Невского и соотносящиеся с ним концепты коллективной идентичности.

Диахроническое рассмотрение «нити воспоминания» внутри культурной памяти на протяжении столь длительного времени позволяет обнаружить традиции, назвать отношения, указать на инновации, а также связать их с изменениями концептов коллективной идентичности или прочесть их как индикаторы этого процесса. При этом всегда следует учитывать, что Александр Невский был всего лишь одной из многих фигур памяти, в которых на протяжении русской истории отражались различные концепты общности. Если бы мы задались целью детально описать отдельные концепты коллективной (например, религиозно-конфессиональной, имперской или национальной) идентичности, нам потребовалось бы наряду с диахронным анализом одного «места памяти» провести многослойное, компаративное и синхронное исследование различных фигур воспоминания. В рамках настоящей работы, однако, это не представляется возможным[56].

Вопрос о том, почему Александр Невский попал в культурную память практически сразу же после своей смерти, почему на протяжении столетий его фигура способна была обретать все новые и новые значения (что делает его особенно пригодным для такого рода *case study*), можно прояснить, обратившись к биографии нашего героя. Александр Ярославич (Невский) жил в травматичное для русской культурной памяти время, когда большинство земель Руси на востоке подверглось нападению и было включено в Монгольскую империю, а Новгород на северо-западе постоянно вынужден был противостоять Тевтонскому ордену, Швеции и Литве. В эту «темную эпоху» победы Александра казались его современникам одинокими знаками надежды и гордости. Александр смог развиться в многогранную фигуру памяти, поскольку в его биографии уже кажутся предначертанными многие основные вопросы, определявшие в последующие столетия важные дискурсы идентичности русской истории. Эти дискурсы могут быть предварительно обозначены оппозициями «централизм *vs* регионализм», «авторитарное правление *vs* вечевая демократия», «православие *vs* католический мир», «Россия и Запад», а также «Россия и Азия». Александр снова и снова оказывался легко переозначиваемой фигурой памяти, что было возможно не в последнюю очередь потому, что о его жизни сохранилось относительно немного фактической информации, а его биография с самого начала оставляла открытым пространство для игры интерпретаций.

Кроме того, выбор Александра Невского в качестве предмета исследования по истории русской культурной памяти и изменений

концептов коллективной идентичности в русской истории обусловлен тем, что более чем семивековая история воспоминания о нем до сих пор не получила полного рассмотрения. Если другие фигуры русской культурной памяти, такие, например, как святые Владимир, Борис и Глеб, Иван Грозный, Иван Сусанин или Петр Великий, были неоднократно проанализированы как русскими, так и западными историками, исследование истории образа Александра Невского с XIII по XX в. до сих пор отсутствует[57]. Тем не менее у нас есть возможность опираться на многочисленные исследования по отдельным аспектам истории памяти о Невском. А.И. Рогов, Ю.К. Бегунов и И.Н. Данилевский внесли важный вклад в изучение истории образа Александра Невского, в особенности с XIII по начало XIX в.[58]. Хорошо изученной можно назвать историю Жития св. Александра и его редакции[59]. Достаточно полно проанализированы изменения в иконографии Невского с XVI по XIX в.[60]. Обширная литература о художественном фильме «Александр Невский» (1938) рассматривает предмет прежде всего в контексте истории советского кино, культуры сталинизма и биографии Сергея Эйзенштейна[61]. Исследование Ханса-Хайнриха Нольте, посвященное теме Ледового побоища (1242) в советской историографии, доходит только до 1917 г. и ограничивается изучением лишь одного аспекта истории памяти о Невском[62].

Таким образом, насущная потребность данного исследования состоит не только в полном рассмотрении истории памяти об Александре Невском. Систематического анализа требует история его почитания в XIX и XX вв. Наконец, до сих пор ни в русских, ни в западных исследованиях не предпринимались попытки рассмотреть изменения образа Александра Невского в качестве одного из аспектов развития русской культурной памяти и индикатора изменений концептов коллективной идентичности в русской истории[63].

1.4. Структура работы

По структуре работа ориентирована на хронологию истории памяти об Александре Невском. Каждая глава посвящена отдельной фазе развития его образа внутри русской культурной памяти. В историческом введении (глава 2) кратко перечислены и прокомментированы в соответствии с современным состоянием научного знания важнейшие события биографии Александра Ярославича,

релевантные для настоящей работы. Третья глава посвящена локальной и региональной памяти о Невском во Владимире и Новгороде (конец XIII — конец XV в.). В главе четвертой рассматривается история почитания Александра в период так называемой «Московской Руси» (ок. 1462 — 1700). В пятой главе анализируется образ князя в период, крайние даты которого обозначены правлениями Петра Великого и Екатерины Великой (1689—1796). Шестая глава посвящена «длинному XIX веку», продолжавшемуся до перелома 1917 г. В седьмой главе рассматривается период 1917 — 1937 гг., когда Александр Невский стал в большевистском официальном дискурсе памяти негативным символом коллективной идентичности. В восьмой главе рассматривается «реабилитация» Невского в 1937 г. Экранизация биографии Александра 1938 г. является предметом девятой главы. Десятая глава рассматривает инструментализацию фигуры князя во время Великой Отечественной войны. Глава одиннадцатая посвящена памяти об Александре в «долгое послевоенное время» (1945—1985), а в двенадцатой главе рассмотрение материала доведено до конца XX в. В заключении приводятся важнейшие результаты работы и делаются итоговые выводы (глава 13). В Приложении размещены перечни исследованных текстуальных и изобразительных источников, научной литературы и протокол эпизодов художественного фильма 1938 г.

Больше половины работы посвящено истории памяти об Александре Невском в XIX и XX вв. (главы с шестой по двенадцатую). Столь пристальное внимание к данному периоду объясняется, во-первых, тем, что он до сих пор не был достаточно исследован. Кроме того, XIX век заслуживает особенного внимания потому, что в эту эпоху конкурировали друг с другом несколько образов Александра Невского и соответствующих им концептов коллективной идентичности. Вопрос об интегрирующей силе государственно-имперского проекта коллективной идентичности и значении соперничавших с ним концептов религиозно-сакрального и национального толка становится особенно острым в период падения царской России, после Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны. Александр стал одной из популярнейших фигур русской культурной памяти только после «реабилитации» советским руководством в 1937 г. Если в XIX в. новгородский князь не причислялся к «высшей лиге» имперского, национального и религиозно-сакрального пантеона, во времена советского патриотизма он стал одним из ведущих исторических героев. Это «прира-

щение значения» отразилось на объеме глав с восьмой по одиннадцатую, где широко представлена история памяти о Невском в 1937—1985 гг. Особое внимание уделяется в этих главах фильму Сергея Эйзенштейна 1938 г. (девятая глава). В контексте нашей работы этот источник приобретает исключительное значение, поскольку ни один другой документ истории памяти о Невском не оказал столь существенного влияния на его образ в дискурсе воспоминания XX в. Кроме того, ни один другой источник не дает нам возможности столь детально исследовать историю его возникновения, полемику о «верном» изображении в нем Александра Невского, взаимоотношения концепта общности и образа истории и, наконец, вопросы рецепции. Хотя истории воспоминания об Александре в XX в. посвящена почти половина исследования, мы сознательно отказались от эксплицитного деления работы на две части, рассматривающие отдельно древнерусско-русско-российский и советский периоды. Так можно более наглядно обрисовать непрерывные линии внутри русской культурной памяти, проходящие поверх разлома 1917 г.

---

[1] Проект памятника принадлежит скульптору Валентину Григорьевичу Козенюку (1938—1997), выигравшему второй тур конкурса в 1997 г. После смерти Козенюка осуществление проекта взял на себя его ученик Александр Анатольевич Пальмин. Об истории создания памятника см.: *Золотоносов М., Калиновский Ю.* Бронзовый век. Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда — Петербурга. 1985—2003. СПб., 2005. С. 323—332.

[2] Об истории памяти об Александре Невском в 1985—2000 гг. см. главу 12.

[3] Верхний край цоколя украшен надписью архаизованными буквами «Святой князь Александр, храни Град Святого Петра; к 300-летию города; Балтийская строительная компания».

[4] О современном состоянии исследований в области национализма см.: *Langewiesche D.* Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Neue Politische Literatur. 1995. № 40. S. 190—236; *Idem.* Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.

[5] *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? Et autres écrits politiques, Présentation Raoul Girardet. Paris, 1996. Нем.: Was ist eine Nation? Vortrag vom 11. März 1882 an der Sorbonne // Weidinger D. Nation — Nationalismus — Nationale Identität. Bonn, 1998. S. 15. Рус.: *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 т. / Пер/ с фр. под ред. В.Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87—101.

[6] См.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. Нем.: Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts, Frankfurt/M., 1996. S. 15—16. Рус.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30—32.

[7] *Schulze H.* Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994. S. 110—111.

[8] *Renan.* Was ist eine Nation? S. 15.

[9] См. также: *François E., Siegrist H., Vogel J.* Die Nation. Vorstellungen, Inszenierungen, Emotionen // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich; 19. und 20. Jahrhundert / Hg. E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 23.

[10] См.: *Anderson.* Erfindung der Nation. S. 205ff.; The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983; *François E., Schulze H.* Das emotionale Fundament der Nationen // Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama. Begleitband zur Ausstellung im Deutschen Historischen Museum (20.3.—9.6.1998) / Hg. M. Flacke. Berlin, 1998. S. 18.

[11] См.: Les lieux de mémoire / Ed. P. Nora. Vol. 1: La République. Paris, 1984; Vol. 2: La Nation. Paris, 1986; Vol. 3: Les France. Paris, 1992; *Idem.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Berlin, 1990 (особ. глава «Zwischen Geschichte und Gedächtnis: Die Gedächtnisorte». S. 11—33); *Idem.* Das Abenteuer der Lieux de mémoire // Nation und Emotion. S. 83—92. О концепции Нора см. также: *Große-Kracht K.* Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs — Pierre Nora // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1996. Bd. 47. H. 1. S. 21—31; *François E., Schulze H.* Einleitung // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1. München, 2001. S. 15ff.; *Шенк Ф.Б.* Концепция «Lieux de mémoire» // Comentarii de Historia. 2001. № 2. http://www.main.vsu.ru/~cdh/02-main.htm. Критика позиции Нора: *Valensi L.* Histoire Nationale, Histoire Monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // Annales. 1995. Vol. 50. № 6. P. 1271—1278. Издание Нора послужило импульсом для подобных проектов во многих странах. См., например: I luoghi della memoria / Ed. M. Isnenghi. Vol. 1—3. Roma; Bari, 1987—1998; Dansk identiteshistorie / Ed. O. Feldbaek. Kopenhagen, 1991/92; Lieux de mémoire et identités nationales / Ed. P. de Boer, W. Frijhoff. Amsterdam, 1993; Waar de blanke top der duinen: en andere vaderlandse herinneringen? / Ed. N.C.F. van Sas. Amsterdam, 1995; Orte des Gedächtnisses / Ed. M. Csáky. Wien, 2000; Deutsche Erinnerungsorte / Hg. E. François, H. Schulze. Bd. 1—3. München, 2001. См. также: Mythen der Nationen. По-русски некоторые работы Нора опубликованы в: Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

[12] *Nora.* Das Abenteuer der Lieux de mémoire. S. 83.

[13] *Nora.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. S. 13. Теория памяти Хальбвакса будет представлена в настоящей главе ниже.

[14] *Nora.* Das Abenteuer der Lieux de mémoire. S. 85; *Idem.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. S. 16.

[15] См.: *Nora.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. S. 26.

[16] *Nora.* Das Abenteuer der Lieux de mémoire. S. 86.

[17] *Hobsbawm E.* Introduction. Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. P. 1—14.

[18] Ср.: *Suter A.* Nationalstaat und die «Tradition von Erfindung». Vergleichende Überlegungen // Geschichte und Gesellschaft. 1999. Bd. 25. S. 481—482; *Geulen C.* Die Metamorphose der Identität. Zur «Langlebigkeit» des Nationalismus // Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität 3 / Hg. A. Assmann, H. Friese. Frankfurt/Main, 1999. S. 357. Франсуа, Зигрист и Фогель также подчеркивают, что конструкторам национальных чувств всегда необходимо «зацепиться» за специфические привычки и эмоциональные правила соответствующей культуры или общества. В конце концов, инструментализация образов истории является не феноменом Нового времени, но «естественным следствием социального соревнования за власть дефиниции». См. их слова в: Die Nation. S. 23.

[19] См., например: *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.), 1992. Особ. P. 189—274; *Tolz V.* Russia. London; New York, 2001.

[20] За исследование концептов коллективной идентичности в русской истории, выходящее за рамки отдельных эпох, выступает, в частности, И.Н. Данилевский. См.: *Данилевский И.Н.* Древнерусская государственность и «народ Русь»: Возможности и пути корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147—168.

[21] Ср.: *Elwert G.* Nationalismus und Ethnizität. Über Bildung von Wir-Gruppen // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989. Bd. 41. S. 440—464; *Streck B.* Wir Gruppe // Wörterbuch der Ethnologie. Wuppertal, 2000. S. 299—302; *Mennell S.* The Formation of We-Images: A Process Theory // Social Theory and the Politics of Identity / Ed. C. Calhoun. Cambridge (Mass.), 1994. P. 175—197; *Kohl K.-H.* Ethnizität und Tradition aus ethnologischer Sicht // Identitäten. S. 269—287.

[22] *Elwert.* Nationalismus und Ethnizität. S. 451—452.

[23] См.: *Streck.* Wir Gruppe. S. 299; *Mennell.* The Formation of We-Images.

[24] Крекель использует понятие «мы-группа» только для обозначения так называемых «первичных групп» (например, семьи, трудового коллектива, спортивной команды и пр.), члены которых быстро идентифицируют себя с соответствующим обществом благодаря возможности прямой коммуникации и потому готовы подчинить собственные интересы интересам группы. Воображенные сообщества (такие, например, как классы, нации и т.д.) Крекель называет «фальшивыми мы-группами». Эмоциональная связь отдельного человека с группой, как и готовность к солидарному поведению в этих сообществах, по его мнению, недостижима (*Kreckel R.* Soziale Integration und nationale Identität // Berliner Journal für Soziologie. 1994. Bd. 4. S. 14—15). С аргументами Крекеля можно согласиться лишь отчасти. Автор в своей концепции недооценивает, например, силу национальных идей и идеологий, вновь и вновь увлекающих массы и призывающих их к самоотречению. См. об этом: Nation und Emotion / Hg. François, Siegrist, Vogel.

[25] См.: Wir Gruppe. S. 299; *Kohl.* Ethnizitdt. S. 271ff. Понимание, что категория «другого» или «этнической границы» конституирует формирование этнических групп, восходит к трудам норвежского этнолога Фредрика Барта (Fredrik Barth).

[26] О значении традиционного сознания для формирования мы-групп см.: *Kohl.* Ethnizität. S. 279.

[27] В немецком переводе: *Halbwachs M.* Das Gedächtnis und seine soziale Bedingungen. Frankfurt, 1985. См. также посмертно изданную работу: La mémoire collective. Paris, 1950 (нем. пер.: Das kollektive Gedächtnis. Frankfurt, 1991). О теории Хальбвакса см. также: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 35—47; *Große-Kracht.* Gedgchtnis und Geschichte. S. 22ff.

[28] См.: *Langenohl A.* Erinnerung und Modernisierung. Öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Rußland. Diss. Universität Gießen. 1999. S. 23. Теория коллективной памяти Хальбвакса не основана на предположении о том, что социальная группа в состоянии постигать прошлое независимо от собственных членов. Таким образом, на теорию Хальбвакса не распространяется критика Марка Блока, предостерегавшего от опрометчивых переносов индивидуальных психологических феноменов, таких как способность помнить и вспоминать, на коллектив. См.: *Große-Kracht.* Gedächtnis und Geschichte. S. 23.

[29] *Halbwachs.* Das Gedächtnis und seine soziale Bedingungen. S. 390. Цит. по: *Ассман Я.* Культурная память. С. 42.

[30] *Halbwachs.* Das Gedächtnis und seine soziale Bedingungen. S. 389. Цит. по: *Ассман Я.* Культурная память. С. 39.

[31] Ян Ассман несколько модифицировал термин Хальбвакса «образы воспоминания», чтобы иметь возможность рассматривать не только иконические, но и нарративные способы ее формирования. См.: *Ассман.* Культурная память. С. 39.

[32] Там же. С. 39—43.

[33] *Halbwachs.* Das Gedächtnis und seine soziale Bedingungen. S. 209f. Цит. по: *Ассман Я.* Культурная память. С. 41.

[34] *Ассман.* Культурная память. С. 14—177.

[35] См.: Там же. С. 19—20. «Внешнее измерение» человеческой памяти он отграничивает от ее «внутреннего измерения», к которому он относит, в частности, нейронные структуры мозга.

[36] Там же. С. 20.

[37] Там же. С. 23.

[38] См.: Там же. С. 50 и далее (особ. таблица на с. 58—59).

[39] См.: *Langenohl.* Erinnerung und Modernisierung. S. 30. Лангеноль подчеркивает, что культурная память базируется на «институциональном воспоминании» («institutionelle Erinnerung»). Институциональное воспоминание выражается (в отличие от «интеракционального» или «субъективного воспоминания») в том, что репрезентации прошлого вызываются посредством общественных институций, таких, например, как нормы, дискурс,

символы и церемонии (см.: Ibid. S. 50ff.). Однако мы не можем следовать тезису Лангеноля о том, что институциональное воспоминание является исторически феноменом Нового времени (особ. S. 31ff.), особенно учитывая исследование Яна Ассмана о значении культурной памяти для возникновения политической идентичности в древних культурах, например в Египте.

[40] См.: *Assmann A.* Gedächtnis, Erinnerung // Handbuch der Geschichtsdidaktik / Hg. K. Bergmann. Seelze-Velber, 1997. S. 36.

[41] См.: *Ассман.* Культурная память. С. 44—47. Подспудное разграничение памяти и истории можно найти и в работах Нора, описывавшего как историческое событие сам факт распада единства истории и памяти. См.: *Nora P.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. S. 12ff.

[42] См.: *Burke P.* Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / Hg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt/Main, 1991. S. 289—304.

[43] См.: *Ассман.* Культурная память. С. 45.

[44] Литература по теме «идентичность» необозрима. Сжатое введение в историю понятия, интерпретации и способы употребления в литературе содержится в: *Straub J.* Personale und kollektive Identität. Zur Analyse eines theoretischen Begriffs // Identitäten / Hg. Assmann, Friese. S. 73—104; *Wagner P.* Fest-Stellungen. Beobachtungen zur sozialwissenschaftlichen Diskussion über Identität // *Idem.* S. 44—72; *Bergmann K.* Identität // Handbuch der Geschichtsdidaktik. Seelze-Velber, 1997. S. 23—29; *Assmann A.* Zum Problem der Identität aus kulturwissenschaftlicher Sicht // Die Form des Regionalen. Über neue Formen kultureller Identitдt. Frankfurt/Main, 1994. S. 13—35; *Ассман.* Культурная память. С. 139—177; *Langenohl.* Erinnerung und Modernisierung. S. 61ff.

[45] *Straub.* Personale und kollektive Identität. S. 75. Давая такое определение, Штрауб следует концепции «идентичности» Эрика Х. Эриксона, разработанной в теории психологии развития и клинической практике.

[46] Критический взгляд на «коллективную идентичность» см.: *Kreckel.* Soziale Integration und nationale Identität. Основное положение Крекеля: «Идентичность могут формировать только индивидуумы. Группы не обладают такой способностью. Собственной идентичности не имеют и общества (или “нации”)». (Ibid. S. 13). Однако Крекель допускает, что члены группы вполне могут идентифицировать себя с каким-либо обществом как собственной мы-группой. Критику использования понятия «коллективной идентичности» см. также в: *Niethammer L.* Konjunkturen und Konkurrenzen kollektiver Identität. Ideologie, Infrastruktur und Gedächtnis in der Zeitgeschichte // Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. 1994. Bd. 24. S. 378—399. Нитхаммер называет «идентичность» «синтетическим словом», в семантике которого «наслаиваются друг на друга различные, но одинаковые по форме академические метафоры». Однако его претензии к Хальбваксу в том, что тот приписывает коллективам их собственную субъективность, так же мало убедительны, как и упреки Ассману в том, что он

занимается «историей культуры с политическими намерениями». См.: Ibid. S. 393—394.

[47] *Ассман.* Культурная память. С. 141.

[48] См.: Там же. С. 152.

[49] См.: Там же. С. 140. Такая же дифференциальная концепция идентичности лежит в основе и этнологического понимания взаимообусловленности мы- и они-групп (см. выше). Дихотомия собственной группы (*in-group*) и чужой группы (*out-group*) была тематизирована уже американским социологом Уильямом Г. Самнером (1840—1910). На это указывает Шульце (*Schulze.* Staat und Nation. S. 111).

[50] Лангеноль полагает, что, поскольку коллективная идентичность всегда базируется на индивидуальном сознании групповой принадлежности множества отдельных людей, различение индивидуальной и коллективной идентичности дезориентирует исследователя. По его мнению, точнее было бы говорить о «личном» и «социальном аспекте индивидуальной идентичности» (*Langenohl.* Erinnerung und Modernisierung. S. 72). Крекель также различает «личную» и «социальную идентичность» человека. См.: *Kreckel.* Soziale Integration und nationale Identität. S. 14.

[51] *Ассман.* Культурная память. С. 142.

[52] Франсуа, Зигрист и Фогель также предостерегают читателей от отождествления идей и представлений, заложенных в дискурсах о нации, с действительными чувствами и сознанием людей. См.: *François, Siegrist, Vogel.* Die Nation. S. 17.

[53] Этот аспект подчеркивается при анализе национальных мифов в: *François, Siegrist, Vogel.* Die Nation. S. 23—24.

[54] Изменения культурной памяти не следует рассматривать только как следствие, выражение или сопровождающее явление изменений в проекте самоописания определенного сообщества. На этот процесс, например, существенно повлияло развитие медиатехнологий. Исследуя в настоящей работе временной отрезок с XIII по XX в., мы не полностью вынесли за скобки этот аспект. Специфика медиальной репрезентации воспоминания каждой эпохи учитывается в отдельных главах работы.

[55] Основной корпус источников нашей работы существует в виде опубликованных текстов и репродукций, поэтому большинство документов были доступны нам в библиотеках: Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук, Библиотека Духовной академии (все в Санкт-Петербурге), Баварская государственная библиотека (Мюнхен), Государственная библиотека (Берлин), Библиотека института Восточной Европы Свободного университета (Берлин). В рамках разысканий по истории возникновения и рецепции кинофильма «Александр Невский» (1938) работа велась с фондом Эйзенштейна в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Москва.

[56] Многотомники, изданные Нора, а также Франсуа и Шульце, наглядно демонстрируют, что работа над систематическим исследованием, посвященным, например, культурной памяти одной нации, очень похожа на

составление мозаики и может быть по силам только группе совместно работающих историков.

[57] См., например: *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. München, 2001; *Lenhoff G.* The Martyred Princes Boris and Gleb. A Socio-cultural Study of the Cult and the Texts. Columbus, 1989; *Poppe A.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. 1973. № 1. S. 6—29; *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987. *Idem.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Houndmills, 2001; *Platt K.M.F., Brandenberger D.* Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV. under I.V. Stalin // The Russian Review. 1999. Vol. 58. P. 635—654; *Киселева Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 279—302; *Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.Y., 1985. *Case study* Олега Рябова, посвященное истории фигуры памяти «Русь-матушка», также следует причислить к области исследований по истории русской культурной памяти: *Рябов О.* Матушка Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. М., 2001. См. также: *Hubbs J.* Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988. Основополагающее исследование мифа о царе: *Cherniavsky M.* Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; London, 1961. Сжатое изложение истории и сравнение пяти мест русской национальной памяти XIX в. (св. Владимир, Александр Невский, Иван III и освобождение от татарского ига, Иван Грозный, Петр Великий) написано Ульрикой Шмигельт для каталога выставки «Мифы наций»: *Schmiegelt U.* Geschichte als Begründung der Autokratie // Mythen der Nationen. S. 401—421. Краткий обзор по истории различных русских коллективных и государственных символов см.: *Hellberg-Hirn E.* Soil and soul: the symbolic world of Russianness. Aldershot, 1998; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. Очерки истории государственной символики России. М., 1993. Важнейшие исследования образов властителей в русской истории и символического «театра» российских императоров: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Großen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

Над похожим исследованием по истории образа Александра Невского работают Мари Исоахо (Меки-Петейс) (Оулу, Финляндия) и Елена Салей из Петербурга. Работа Меки-Петейс посвящена прежде всего изображению Александра в агиографической литературе и истории рецепции Жития святого, Салей исследует историю патроната Александра Невского. См.: *Isoaho [Mäki-Petäys] M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden, 2006; *Idem.* The political narrative of the Life of Alexander Nevskiy as an instrument of Russian identity and order. Доклад на

конференции: «Narrative, Identity, Order» (13—15.09.2001, университет Тампере, Финляндия). http://www.uta.fi/conference/PAG/PAG_pa pers_mari _maki_petays.pdf; *Idem*. On the Applicability of Image Research to the Study of Medieval Hagiographies // Looking at the Other. Historical Study of Images in Theory and Practice. University of Oulu, Department of History / Ed. K. Alenius, O. Fält, S. Jalagin. Oulu, 2002. P. 89—103; *Салей Е.И.* Александро-Невский собор как художественно-идеологический ансамбль. (Рукопись). СПб., 2001.

[58] *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Drang nach Osten» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32—58; *Бегунов Ю.К.* Александр Невский: Человек и миф // Наука и религия. 1970. № 5. С. 52—57; *Idem*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts // Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert / Hg. H. Grasshoff. Berlin, 1986. S. 81—125; *Он же*. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного князя. М., 2003 (особ. с. 175—191); *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 181—206; 207—228 (лекция 7 «Александр Невский — Русь и Орден»; лекция 8 «Александр Невский — Русь и Орда»). Обе лекции Данилевского посвящены прежде всего памяти об Александре в советской историографии после 1937 г.

[59] См.: *Мансикка В.И.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. СПб., 1913; *Охотникова В.Л.* Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжностей Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 354—363; *Бегунов Ю.К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 348—357 (последняя статья перекрывает по содержанию многочисленные статьи Бегунова о Житии Невского; см. список литературы); *Philipp W.* Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1973. Bd. 18. S. 55—72; *Lilienfeld F. von*. Das Bild des «heiligen Herrschers» in der ältesten Redaktion der Vita des Aleksandr Nevskij // Eikon und Logos / Hg. H. Goltz. Halle, 1981. S. 141—158 (Beiträge zur Erforschung byzantinischer Kulturtradition. Bd. 35); *Länge A.* Das Bild Aleksandr Nevskijs in den Redaktionen seiner Vita. Berlin, 1978 (неопубликованная магистерская работа, Свободный университет, Берлин); *Crnković D.* Thematic and Compositional Unity in the Life of Aleksandr Nevskii (Dissertation Faculty of the Graduate School of Yale University). Yale, 1985; *Waszink P.M.* Life, Courage, Ice. A Semiological Essay on the Old Russian Biography of Aleksandr Nevskij. München, 1990; *Soldat C.* Urbild und Abbild. Untersuchungen zu Herrschaft und Weltbild in Altrußland 11—16. Jahrhundert. München, 2001. (Slavistische Beiträge. Bd. 402). (Особенно) S. 164—171. Об истории представления Александра Невского в русском летописании см.: *Лурье Я.С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 387—399.

[60] См.: *Шляпкин И.А.* Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Российского археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 82—102; *Бегунов Ю.К.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 172—176. Об изображении Александра Невского в церковной живописи XIX в. см.: *Климов П.Ю.* Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX — начала XX в. (Г.И. Семирадский, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров) // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции, 26—28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 93—100.

[61] См., в частности: *Goodwin J.* Alexander Nevsky: The Great Man in History // Goodwin J. Eisenstein, Cinema, and History. Urbana; Chicago, 1993. P. 156—178; *Юренев Р.* Чувство Родины. Замысел и постановка фильма «Александр Невский» // Искусство кино. 1973. № 11. С. 56—78; *Лурье Я.С.* К проблеме «исторического жанра» в кино // In Memoriam. Сборник памяти Я.С. Лурье / Сост. Н.М. Ботвинник, Е.И. Валеева. СПб., 1997. С. 50—65; *Puiseux H.* Le détournement d'Alexandre Nevski au service de Staline // Film et Histoire / Ed. M. Ferro. Paris, 1984. P. 15—21; *Рошаль Л.М.* Некоторые проблемы историзма произведения киноискусства. На примере фильма «Александр Невский» С. Эйзенштейна // Труды МГИАИ. М., 1970. Т. 28. С. 438—454; *Taylor R.* Alexander Nevsky // Taylor R. Film Propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. London; N.Y, 1998. P. 85—98; *Uhlenbruch B.* Mythos als Subversion? Vermutungen zu Ėjzenštejns Aleksandr Nevskij // Textbeschreibungen, Systembeobachtungen. Neue Studien zur russischen Literatur im 20. Jahrhundert / Hg. D. Kretzschmar, Chr. Veldhues. Dortmund, 1997. S. 373—403 (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Bd. 10).

[62] *Nolte H.-H.* «Drang nach Osten». Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Frankfurt/Main, 1976. S. 196—232. См. также: *Dahlmann D.* Der russische Sieg über die «teutonischen Ritter» auf dem Peipussee 1242 // Schlachtenmythen. Ereignis — Erzählung — Erinnerung / Hg. G. Krumeich, S. Brandt. Köln, 2003. S. 63—75.

[63] При всем том мы имеем возможность опираться на широкий спектр литературы по истории концептов коллективной идентичности или истории русского национального самосознания. См.: *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge (Mass.), 1960; *Cherniavsky.* Tsar and People; *Idem.* Russia // National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe / Ed. Ranum, Orest. Baltimore, 1975. P. 118—143; *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden Baden, 1986; *Serman I.* Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // Russia in the Age of the Enlightment / Ed. R. Bartlett. London, 1990. P. 40—56; Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990; *Kappeler A.* Some Remarks on Russian National Identities (Sixteenth to Nineteenth Centuries) // Ethnic Studies. 1993. Vol. 10.

P. 147—155; *Osterrieder M.* Von der Sakralgemeinschaft zur modernen Nation. Die Entstehung eines Nationalbewußtseins unter Russen, Ukrainern und Weißruthenen im Lichte der Thesen Benedict Andersons // Formen des Nationalen Bewußtseins im Lichte zeitgenössischer Nationalismustheorie / Hg. E. Schmidt-Hartmann. München, 1994. S. 197—232; *Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Cornell, 1995; Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte / Hg. F. Golczewski, G. Pickhan. Göttingen, 1998; *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855—1875. Köln, 2000; *Tolz.* Russia; *Мильчина В.* О национальной идее без дефиниций и анахронизмов. Круглый стол «Национальная идея в России XIX века», РГГУ, 13 июня 2001 года // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 451—466; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

2. АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Настоящая вводная глава призвана задать систему координат, послужить своего рода ориентиром для исследования истории памяти об Александре Невском. Здесь мы хотели бы перечислить и упорядочить события биографии Александра Ярославича, появляющиеся в рассматриваемых нами источниках. До сих пор многие важные вопросы истории его жизни остаются в научной литературе спорными. В качестве одной из причин такого положения можно назвать относительную скудость источников XIII в., что дает значительный простор для интерпретаций. Мы сознательно не претендуем на то, чтобы сказать, как «было на самом деле». Скорее, рассматривая актуальный научный дискурс, мы постараемся описать состояние знания о важных эпизодах биографии Невского и других событиях его времени и обозначить лакуны этого знания.

2.1. Фон времени

Годы жизни Александра Ярославича (1220/1221—1263)[1] приходятся на эпоху «удельной Руси»[2]. Одним из важнейших моментов этой эпохи стала «регионализация княжеской власти на крепкие уделы, связанные со старыми городскими центрами земель, которые и стали, по сути, основанием древнерусской истории»[3]. Существенной особенностью новых локальных структур власти, боровшихся друг с другом за киевское наследство, стала дихотомия (или, напротив, объединение) княжеской власти одной из ветвей династии Рюриковичей, с одной стороны, и веча — с другой. За наследство Киева, «матери городов русских», после его падения боролись три новых властных центра: Владимиро-Суздальское княжество, ориентированная на Запад Галицкая земля с сильной аристократи-

ей и город-республика Новгород, политические структуры которого представляли собой наиболее существенный противовес принципу княжеской власти[4]. Рассматривая политическую историю Руси XIII в., мы сталкивается с тремя действующими в ней силами. Во-первых, формально еще существовала центральная власть в качестве возникшего к концу XII в. института великого князя Владимирского. Во-вторых, на передний план выступали конкурирующие друг с другом удельные князья из династии Рюриковичей и, в-третьих, города-республики, прежде всего Новгород и Псков, с их народными собраниями и олигархическими политическими структурами, боровшиеся с местными князьями за собственные вольности. Поскольку Новгород, никогда не бывший столицей удельно-княжеской вотчины, постоянно избирал себе в князья великого князя или принимал его в этом качестве, борьба против местных князей и против великого князя зачастую совпадала.

Насколько сильно представление об общем государстве, одной «Русской земле», еще действовало в эпоху раздробленности — спорный вопрос. Идея «Русской земли» имела как политическое, так и сакральное измерение. Она указывала, с одной стороны, на территорию политического влияния киевской династии, которая дала на рубеже тысячелетия наименование платившим дань территориям, с другой стороны, с середины XI в. — на православную *terra sancta*, «землю, крещенную великим князем Владимиром (969—1015)». К Руси, таким образом, относились племена различного этнического происхождения, если они принимали православие и платили дань киевской династии[5]. После падения Киева «региональный патриотизм отдельных удельных князей, кажется, взорвал представление о сакральном и гармоничном единстве “Русской земли”. Разгорелась борьба за священное наследство Киева как резиденции великого князя и митрополита; ее целью стал перенос концепции Руси на одно из удельных княжеств»[6]. В политической практике это означало, что отдельные княжества постоянно вели междоусобные войны и отказывали друг другу в помощи против нападений «извне». Местный патриотизм и регионализм стали следствием регионализации княжеской власти[7]. Сопротивляясь этому процессу, православное духовенство стало главным институтом, который отстаивал целостность сакральной общины и культивировал память о единой «Русской земле». Подчеркивая свои претензии на представительство всей «Русской земли», глава русской епархии с 1164 г. именовался «митрополитом *всея* Руси»[8].

Дезинтеграция старого киевского государства роковым образом совпала по времени с массивной внешнеполитической угрозой. Наивысшая опасность грозила воевавшим между собой княжествам Руси со стороны формировавшейся в Азии Монгольской империи. Уже 31 мая 1223 г. в битве на Калке, в которой военную поддержку половцам оказали войска князей Южной Руси, произошло первое столкновение войск княжеств Руси с военной силой монголов. Сокрушительное поражение, однако, не имело ни малейшего значения для борьбы внутри Руси. Опасность из степи была привычной, и никто не предполагал наличия далекоидущих захватнических планов у «языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их; а зовут я Татары»[9]. В 1237—1240 гг. все княжества Руси вплоть до города-республики Новгорода покорились власти монголов[10]. Главной характеристикой этого подчинения, именуемого в русской историографии чаще всего «монголо-татарским игом», была экономическая эксплуатация захваченных территорий[11]. Великий князь со времени правления Ярослава Всеволодовича (1238—1246), отца Александра, стал зависим от ярлыка Золотой Орды, однако хан не вмешивался в политическую структуру, а главное, в религиозную свободу покоренных земель[12]. Сарайские правители скорее использовали раздоры князей Руси и их зависимость от благорасположения хана Золотой Орды для политики «divide et impera».

Новгород занимал особое место в союзе удельных княжеств Руси в трех отношениях. Во-первых, городу удалось довольно рано освободиться от тесной связи с Киевом, являвшимся центром великокняжеской власти. Во-вторых, в вечевой республике развивались собственные конституционные традиции. В-третьих, Новгородскую землю обошли стороной монгольские захваты, она имела стабильные территориальные границы.

Процесс выхода Новгорода из зависимости от великого князя и митрополита выражался и в стремлении к политической и церковной автономии. Уже в 1136 г. город впервые призвал князя против воли Киева[13]. И после возвышения Владимира как великокняжеского престола избрание Новгородского князя оставалось предметом переговоров между великим князем и политической элитой, т.е. в основном боярами и крупными купцами[14]. Стремление Новгорода к политической самостоятельности сопровождалось усилиями церкви к достижению автономии. Эта тенденция стала

очевидной уже в середине XI в., когда в городе был построен собственный Софийский собор, стилистически имитирующий одноименный храм в Киеве. Церковь под небесным покровительством «премудрости Божией» принадлежала к символическому инвентарю столиц Руси, которые задумывались и концептуализировались как отражения Константинополя или Иерусалима[15]. Софийский собор стал символом Новгорода, в источниках часто именовавшегося «городом Святой Софии». С 1156 г. Новгород самостоятельно выбирал себе епископа («владыку») и через десять лет добился повышения собственного статуса, получив архиепископский престол. «Самосознание новгородцев... отлилось [в XII—XIII вв.] в цельную идеологию, перенятую местным летописанием, стремившимся приписать Новгороду превосходство над Киевом... и проецировавшим свободу выбора собственного князя в древнейшие времена...»[16] Подоплекой новгородских стремлений к политической самостоятельности было превращение города в преуспевающую торговую державу вследствие перемещения торговли Руси с Европой на Балтику. Из своего территориального центра, бассейна озера Ильмень и Псковской земли, торговая республика посредством взимания дани распространилась на большие территории, прилегающие с северо-востока. Новгород становился, таким образом, «полиэтническим государством под славянским руководством»[17]. На пустынных территориях Севера пересекались властные интересы Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества, от которого в конце XII в. Новгороду неоднократно приходилось защищать свои владения. Кроме того, соперниками торгового города стали Литва, Швеция и орден меченосцев.

Параллельно с освобождением от киевского и владимирского влияния в Новгороде происходила дифференциация внутренней политической структуры, сопровождавшаяся все большим ограничением власти выборного или посаженного на престол князя[18]. В первой четверти XIII в. развитие демократически-олигархического устройства города было в основном завершено. Демократической основой стало народное собрание — вече, созывавшееся нерегулярно и представлявшее собой форум политических групп города. Как центральный институт правления вече призывало и отставляло князей, избирало управляющие институции города и решало вопросы войны и заключения мира[19]. Исполнительная власть находилась в руках олигархических институций — посадника, тысяцкого и других, определявшихся из бояр и представлявших город-

республику перед князем. Наконец, сам князь номинально стоял во главе республики, однако его права ограничивались договором с городом, заключавшимся им под присягой. До конца XIII в. князь командовал новгородским войском, основу которого составляла его собственная дружина.

2.2. Александр Ярославич. Князь Новгородский

Между 1228 и 1233 гг. Александр вместе со своим старшим братом Федором Ярославичем несколько раз занимал место выборного князя Новгорода в качестве наместника своего отца, Ярослава Всеволодовича. В 1236 г. он был наконец посажен Ярославом в качестве единственного князя Новгородского и оставался им до самой смерти в 1263 г., если не считать краткого периода регентства его брата Андрея (1240—1241). После того как Александр в 1252 г. получил от ордынского хана ярлык на Владимирское великое княжение, на княжеском престоле в Новгороде его представляли сыновья Василий (1252—1255, 1256—1259) и Дмитрий (с 1259 г.)[20]. Отношения Новгородского князя с городом имеют особое значение для понимания биографии Александра Ярославича. Нам известно, что его отец, Ярослав Всеволодович, избранный князь Новгородский с 1226 г., при повторном призвании 30 декабря 1230 г. «створи вече, и целова святую Богородицю на грамотах на всех Ярославлих»[21]. Очевидно, обновления присяги не произошло в 1236 г., когда Александр стал единственным Новгородским князем. Видимо, «он считался заместителем своего отца, договор с которым еще действовал»[22]. Самая старая дошедшая до нас грамота о присяге князя привилегиям города относится, правда, только к 1264 г. Если предположить все же, что подобной клятвой были связаны уже Ярослав Всеволодович и его сын Александр[23], это означает, что уже они, а не Ярослав Ярославич в 1264 г., «были низведены из городских правителей до простых служилых князей и равноправных политических партнеров, которыми городской совет располагал для договоров с другими русскими князьями. Князь оказывал городу военную поддержку, но сам в любой момент мог быть назначен и смещен по желанию веча»[24]. Хотя княжеская власть в Новгороде с 20-х гг. XIII в., вероятно, становилась все более ограниченной, и следует исходить из того, что эти ограничения теоретически имели силу и для Ярослава Всеволодовича и его сына Александра, за

обоими в научной литературе признается особое положение в длинном списке новгородских князей. Исследователи полагают, что, несмотря на связанность договором, они обладали «личным суверенитетом» (В.Л. Янин) на княжеском престоле и добились повышения своего княжеского статуса для укрепления внешнеполитического авторитета[25].

Молодой Новгородский князь Александр Ярославич весьма рано вынужден был реагировать на внешнеполитические вызовы. В 1236 г. он принял посольство Ливонского ордена меченосцев во главе с Андреасом Велвеном, поддержкой которого Александр, предположительно, хотел заручиться в коалиции против Литвы[26]. В дальнейшем князю пришлось во главе новгородского войска и собственной дружины пройти проверку в битвах со Швецией, Тевтонским орденом и Литвой за сферы влияния на востоке Прибалтики. Однако источники о событиях с 1240 по 1245 г. «чрезвычайно скудны и оставляют широкий простор для спекуляций»[27].

Невская битва

Прозвище «Невский» Александр Ярославич получил благодаря битве на Неве 15 июля 1240 г.[28]. В этом сражении Новгородский князь победил с меньшим по численности войском отряд шведского короля Эрика Эриксона под предводительством Ярла Биргера (или Ульфа Фази)[29]. Политические цели, побудившие шведов разбить лагерь на месте слияния Ижоры и Невы, по-разному толкуются исследователями. Одно направление связывает наступление с севера с крестовыми походами против отпавшего от римско-католической веры финского племени еми[30]. Другое объяснение интерпретирует шведское выступление как попытку захватить устье Невы и тем самым получить политический и экономический контроль над привлекательной балтийской торговлей Руси[31]. Феннел рассматривает битву в череде конфликтов за влияние на Карелию и Финляндию[32]. По вопросу о значении битвы мнения также расходятся. Джон Линд полагает, что события 1240 г. лишь много позже обрели символическое значение и важную роль в русском историческом сознании, присущие им по сей день[33]. Сам он оценивает сражение как следствие мелких приграничных споров и указывает, что в шведских источниках отсутствуют какие-либо упоминания о нем[34]. До сих пор Невская битва не играет никакой роли в шведском историческом сознании[35]. Данилевский также подчеркивает, что масштаб и значение битвы долгое время преувеличивались. Он

даже задается вопросом о том, заслуживает ли вообще происшествие 15 июля названия «битвы»[36].

Несмотря на военный успех на Неве в ноябре 1240 г., дело дошло до разрыва Александра с Новгородом, вследствие чего князь покинул город и вернулся в Переславль-Залесский. Причины этих событий неизвестны, что уже долгое время дает исследователям возможность для различных спекуляций. Если Пикхан трактует разрыв Александра и Новгорода как знак «политики умиротворения» правящих новгородских кругов, направленной против Тевтонского ордена, то Кучкин видит причину размолвки в том, что Александр не предотвратил захват орденом Пскова и Изборска[37]. Можно предположить также, что Александр пытался извлечь выгоду из своего военного триумфа для расширения собственных властных полномочий, что вызвало протест представителей города-республики. Более или менее точно можно утверждать, что ноябрьский скандал 1240 г. стал выражением существовавшего тогда правового положения, позволявшего Новгороду по собственной воле призывать или смещать князя[38].

Ледовое побоище

Как и Швеция, Тевтонский орден тоже пытался расширить свои территории на западе Прибалтики за счет Новгорода[39]. В сентябре 1240 г. орден при поддержке Ярослава Владимировича, эстонских вассалов датского короля и епископа Дерптского Германа захватил приграничную крепость Изборск. Вскоре последовал захват Пскова. О периоде господства ордена в городе известно мало[40]. Новгородская летопись сообщает о предателе, Твердиле Иванковиче, который якобы вступил в сговор с орденом, чтобы вместе управлять городом в течение двух лет. «Личность и роль Твердилы в передаче города, однако, до сих пор не очевидны»[41]. По вопросу о политических целях рыцарей в научной литературе также присутствуют различные мнения. При этом, однако, почти единогласно утверждается, что рыцари следовали политической концепции, предусматривающей церковное и территориальное включение Новгородской и Псковской земель в орденские владения[42]. Когда в начале 1241 г. нападения тевтонских рыцарей стали угрожать Новгороду, город призвал на помощь из Переславля великого князя Ярослава. Последний сначала прислал своего сына Андрея и лишь после повторного обращения архиепископа Спиридона направил Александра в качестве князя и воеводы. С новгородским отрядом

невский герой выступил против Тевтонского ордена, летом изгнал рыцарей из крепости Копорье и с помощью своего брата Андрея, ведшего войска из Владимиро-Суздальского княжества, в мае 1242 г. освободил Псков. После похода Александра в «чудскую землю» (Эстония)[43], на льду Чудского озера (о. Пейпус) произошла решающая победа Александра над рыцарями. В источниках сохранилось очень мало информации о самом сражении[44]. Этим объясняется существование противоположных мнений при оценке этого события. Уже вопрос о масштабе битвы представляет собой загадку. «Ливонская рифмованная хроника» сообщает о двадцати убитых и шести пленных рыцарях, Новгородская первая летопись указывает, что враг потерял четыреста рыцарей убитыми и пятьдесят пленными[45]. Источники не дают точных сведений и о самом ходе битвы[46]. То же самое можно сказать о военной тактике Александра, особенно интересовавшей советскую историографию, однако вызывающей жаркие споры до сих пор из-за скудности источниковой базы[47]. Наконец, полная неясность царит в вопросе об историческом значении битвы 1242 г. Господствующая в дореволюционной русской историографии интерпретация заключается в том, что сражение это стало определяющим для ливонско-русских и соответственно католическо-православных границ Средних веков. В советской историографии битва трактовалась как поворотный пункт длившегося веками немецкого «натиска на Восток»[48]. Критические аргументы состоят в том, что значение битвы 1242 г. «сильно преувеличено» как летописцами, так и историками[49]. Феннел, попытавшийся лишить «всемирно-исторического значения» как Невскую битву, так и Ледовое побоище, видит в них результат мелких приграничных конфликтов[50]. Действительно, и после битвы на льду случались сражения между Новгородом и соседним рыцарским орденом. Так, мирный договор 1242 г. обновлялся обеими сторонами в 1253, 1256 и 1262 гг. Только после 1286 г. отношения между соседями надолго стали спокойнее.

В русской и советской историографии XIX—XX вв. события 1242 г. зачастую представлены «судьбоносной битвой русских и немцев». Такая «национальная» интерпретация, однако, не отражает реального положения вещей. Даже если отвлечься от того, что средневековому сознанию было еще чуждо мышление в современных национальных категориях, в Ледовом побоище по обе стороны сражались «полиэтничные» войска[51]. Не следует забывать, что Новгород был «полиэтническим государством»[52]. Линии конфлик-

тов XIII в. пролегали не между народами, а между даннических владениями, например Тевтонского ордена и Новгородской республики. «Русский лагерь» того времени можно назвать каким угодно, но не единым. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные конфликты местных центров — Пскова и Новгорода, с одной стороны, и соответствующих удельных и великих князей — с другой, а также между самими Псковом и Новгородом и между конкурирующими ветвями династии Рюриковичей. Наконец, практика сменяющихся коалиций в борьбе за сферы политического влияния на северо-западе Европы показывает, что границы между отдельными союзами и сторонами в военных конфликтах в XIII в. проходили не по национальным границам[53].

Борьба с Литвой

В истории памяти об Александре Невском победы над Литвой обычно оказываются на третьем месте после битв 1240 и 1242 гг. Несмотря на это, Феннел оценивает Литву как самую большую опасность для Западной Руси в XIII в.[54]. Великое княжество Литовское — государство, набирающее силу на востоке Центральной Европы, — вероятно, было единственным выигравшим от ослабления княжеств Руси после монгольского нашествия. Захват Миндовгом Полоцка, Витебска и Смоленска спровоцировал новгородское сопротивление под предводительством Александра Ярославича. В 1245 г. ему удалось при поддержке Ярослава Владимировича отразить наступление литовцев, победив в трех битвах. Однако Полоцк остался зависим от Миндовга, и литовские претензии на земли Руси не были сломлены. Уже в 1253 г. против Новгорода вновь выступили Литва и Тевтонский орден.

Александр Ярославич и «восточная политика» римских пап

Спор об оценке битв Александра со шведами и Тевтонским орденом по сей день разделяет историков. Особенно острая дискуссия развернулась по вопросу о внутренней связи «западных» захватнических стремлений, другими словами, о возможности координации этих стремлений папской курией. Одна сторона, представленная прежде всего национально-патриотической историографией русского и советского происхождения, видит в различных военных наступлениях с Запада «части одного широкомасштабного папского плана, направленного против церковной и политической независи-

мости русских»[55]. По мнению Эдуарда Винтера, «Запад», который автор рассматривает как гомогенное единство с равнонаправленными интересами, «отблагодарил Русь за ее безмерную жертву, принесенную и в защиту западного мира, безрассудным использованием татарского бедствия для завоевания Северо-Западной Руси»[56]. Существенным основанием такой интерпретации стали многочисленные призывы пап Григория IX (1227—1241) и Иннокентия IV (1243—1254) к крестовым походам против языческих и схизматических народов Северной и Северо-Восточной Европы[57]. В качестве еще одного кирпича в фундамент этой «теории заговора» можно добавить и попытки папского легата Вильгельма Модены заручиться поддержкой ордена и Швеции для одновременных действий против Новгорода[58]. В этой связи Амман видит множество свидетельств тому, что «обе великие битвы около 1240 г. можно считать отдельными акциями двух армий одного и того же повелителя, а именно папы Григория IX»[59]. Сама формулировка Аммана, однако, указывает на гипотетический характер этого предположения, что признавал и Шаскольский[60].

Тем не менее все эти бесспорные попытки пап координировать католические силы в духе римских интересов не могут стать несомненным основанием для заключения о том, что существовала реальная связь между военными действиями Тевтонского ордена и Швеции. Такой точки зрения придерживается противоположная сторона в этом споре[61]. Пикхан полагает, что тот факт, что «Запад» напал на ослабленную Русь с тыла, «едва ли может быть доказан, однако не исключен»[62]. Линд сомневается в том, что западные державы готовы были стать пособниками папы, даже если у курии вообще был такой план[63]. В этом же русле лежит аргументация Хеша, который подчеркивает внутреннюю разобщенность «западного лагеря». Конкурирующие интересы в Лифляндии и Финляндии отдельных светских и церковных деятелей, по мнению этого исследователя, исключали скоординированные действия против ослабленной Руси в 30—40-е гг. XIII в.[64]. Феннел идет еще дальше, размышляя об отсутствии сколько-нибудь достаточных оснований для теории о том, что у папы был какой бы то ни было злой умысел по отношению к православной церкви[65].

Курия не только пыталась инструментализировать политику католических держав в своих интересах, но и сама выступала в качестве политического агента по отношению к новгородским князьям и великому князю Владимирскому[66]. При этом политическая

тактика Рима в период с 1245 по 1254 г. претерпела существенные изменения. Папа Иннокентий IV еще в 1248 г. пытался привлечь к католической вере и антимонгольскому союзу «Dux Susdaliensis» Александра. В письме от 23 января (10 февраля) «Nobili viro Alexandro, Duci Susdaliensi» («Благородному государю Александру, герцогу Суздальскому») папа призывает: «...дабы ты предпринимал действенные усилия и признал своей матерью Церковь Римскую, оказал послушание ее Понтифику и привел своих подданных к послушанию Апостолическому престолу»[67]. Полагая, что Александр позитивно отреагирует на такой призыв и покорится апостольскому престолу, в сентябре 1248 г. курия предложила ему королевское звание и титул «Illustris Rex Novogardi» («светлейший король Новгорода»)[68]. В отличие от Даниила Галицкого, коронованного в 1254 г. одним из папских легатов «королем Руси» («rex Russiae»), Александр Ярославич не принял предложения курии. Усилия папы переманить Александра в католический лагерь окончились провалом не позднее 1252 г. Предположительно, в этом году князь принял двух папских посланников, собиравшихся наставлять его в западном вероучении, и отказал им со словами: «...а от вас учения не приемляем»[69]. С тех пор Иннокентий искал открытого столкновения с православным князем. Папа призвал 9 мая 1254 г. к крестовому походу против татар и их союзников, к которым были причислены и князья Руси[70]. Временно коронованный христианским королем великий князь Литовский Миндовг тоже был призван наследником папы Иннокентия, Александром IV (1254—1261), к тому, чтобы выступить против «упорствующих в неверии» русских[71].

2.3. Александр Ярославич. Великий князь Владимирский

Если позиция Александра по отношению к Риму была пронизана осторожностью и скрытностью, его монгольская политика отличалась неким прагматизмом[72]. Новгородский князь умел ловко использовать внутренние раздоры в монгольском лагере и в 1252 г. благодаря этому получил ярлык на великое княжение. Александр посещал Золотую Орду (Сарай) в общей сложности четыре раза и однажды ездил в Каракорум, в Великую Орду[73]. В 1247 г. он впервые побывал в Сарае у хана Батыя. Вместе с братом Андреем в

1248 г. Александр предпринял далекое путешествие в Каракорум[74]. Там он получил ярлык на «Киев и всю землю Русскую» (включая княжества Черниговское, Переяславское и город-республику Новгород) из рук великого хана, а его младший брат стал великим князем Владимирским. В 1252 г. Александр вновь отправился к хану Золотой Орды, предположительно чтобы интриговать против своего брата. От сына Батыя Сартака Александр получил ярлык на великое княжение во Владимире. Андрей был изгнан с великокняжеского престола, проиграв монгольскому войску под предводительством Неврюя, и бежал в Швецию[75].

Возведение на великое княжение сильного Александра Ярославича означало для золотоордынского хана укрепление его собственной власти. Единственной не подчинявшейся ему частью Руси оставался Новгород. Отдавая славному Новгородскому князю Великое княжество Владимирское, Батый, вероятно, надеялся на получение дани и с богатого торгового города. И сам Александр мог извлечь выгоду из союза с Батыем. Он избегал открытого столкновения с монголами, проводил «политику безусловной покорности»[76] и поэтому смог упрочить свои внутриполитические великокняжеские позиции. По меткому замечанию Феннела, «так называемое *татарское иго* началось не столько во время нашествия Батыя на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев»[77]. Он был готов ввести данническую систему монголов и в Новгороде, что привело в 1257 г. к первому конфликту и столкновению с городом, за который выступал сын и наместник Александра, Василий[78]. Окончательное включение Новгорода в монгольскую данническую систему произошло в 1259 г., после массивного военного давления со стороны Александра[79]. За этим конфликтом, который, казалось бы, происходил между Новгородом и монголами, вновь просвечивает конкуренция между принципом княжеской власти и городским самоуправлением, а также борьба за политический и экономический контроль над городом между князем и городскими органами власти[80]. В конце концов Александру удалось утвердиться в Новгороде, посадив там в качестве наместника своего второго сына Дмитрия (1259).

Наличие у Александра решительной западной и гибкой восточной политики привело многих историков к предположению, что за его решениями стояла определенная политическая программа[81]. Ляйтчу, однако, кажется «более чем сомнительным, что Александр мог выбирать между прозападной и провосточной политикой»[82]. По

его мнению, позицию князя определял скорее здравый прагматизм, чем политическая программа. Сопротивление монголам в середине XIII в. выглядело еще нереалистичным[83]. Напротив того, сохранившая свои силы Новгородская республика могла относительно легко предотвратить исходившую от Тевтонского ордена и Швеции опасность, существенно меньшую по сравнению с силой восточного врага. Пожалуй, новый великий князь вообще мог быть не заинтересован в разрыве с восточными оккупантами. Поскольку монголы оставили политические структуры захваченных земель нетронутыми, Александр сам выигрывал от их власти[84]. Возможной причиной отказа Александра заключить союз с папой и принять из его рук королевскую корону было и сильное влияние православной церкви, пользовавшейся при монголах свободой вероисповедания и освобождением от уплаты дани[85].

Александр Ярославич умер 14 ноября 1263 г. в Городце на Волге, возвращаясь из последней поездки в Золотую Орду, где пытался смягчить гнев монголов после многочисленных восстаний в русских городах (Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле и др.) и предотвратить участие войск княжеств Руси в войне Орды с Ираном[86]. Незадолго до смерти великий князь, по тогдашнему обычаю, принял великую схиму под именем Алексий[87]. Он был похоронен 23 ноября 1263 г. в Рождественском монастыре во Владимире. Младший сын Александра Даниил (Московский), родившийся в 1261 г. от второго брака с Дарьей Изяславной, явился родоначальником московской ветви Рюриковичей; его фигура в XV—XVI вв. приобрела особенно большое значение в утверждении генеалогии набиравшего силу Московского княжества.

---

[1] Уже вопрос о том, когда родился Александр Ярославич, является в историографии спорным. Юрий Бегунов, опираясь на Татищева (который исходил из того, что Александр Невский появился на свет в 1219 г.), защищает в своей книге тезис о том, что князь родился 30 мая 1220 года (*Бегунов Ю.К.* Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Бегунов, Кирпичников. С. 206—209). В.А. Кучкин придерживается мнения, что Александр родился 13 мая 1221 г. (*Кучкин В.А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2; *Он же.* Александр Невский. Государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 20). К версии Кучкина присоединяется А.А. Горский (*Горский А.А.* Александр Невский // Родина. 1993. № 11. С. 27).

[2]Новейшие научные труды по биографии Александра Невского: *Кучкин.* Александр Невский. Государственный деятель; *Горский А.А.* Два «неудобных факта» из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. С. 64—74; *Кирпичников А.Н.* Две великих битвы Александра Невского // Там же. С. 29—41; *Лурье Я.С.* Ордынское иго и Александр Невский: источники и историография XX в. // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 100—130; *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орда; *Он же.* Александр Невский: Русь и Орден. Содержательный и одновременно критический обзор можно найти и у Дж. Феннела: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1990. С. 121—149. О состоянии источников см.: *Колотилова С.И.* Русские источники XIII века об Александре Невском // Исторические науки. Ученые записки Гос.пед.института им. А.И. Герцена. Псков. Т. 502. 1971. С. 99—107; *Лурье Я.С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // Он же. Ордынское иго и Александр Невский. С. 100—120. Хронику важнейших событий биографии Александра составил Ю.К. Бегунов (см. его «Летопись жизни и деятельности Александра Невского»).

[3] *Zernack K.* Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994. S. 85.

[4] Одной из причин распада Киевской Руси стали проблематичные правила наследования великокняжеского престола по принципу сеньората, что провоцировало постоянные конфликты между братьями или дядьями и племянниками. Кроме того, свою роль сыграли экономические и внешнеполитические факторы. Ненадежность юго-восточных степных границ, которым угрожали половцы, и связанная с этим угроза торговому пути «из варяг в греки» способствовали тому, что торговля переместилась с сухопутных на водные пути, и Киев постепенно утрачивал свое экономическое значение. Венеция и Генуя стали основными средиземноморскими торговыми партнерами Византии, а торговля русских княжеств с Западной Европой постепенно стала осуществляться через Балтику, от чего выиграл Новгород.

[5] См.: *Stökl G.* Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1990. S. 272; *Данилевский.* Древнерусская государственность (особ. со с. 157); *Halperin Ch.J.* The Concept of the Russian Land from the Ninth to the Fourteenth Centuries // Russian History. 1975. Vol. II. № 1. P. 29—38. С географической точки зрения «Русская земля» изначально соответствовала территории в треугольнике Киев—Чернигов—Переяславль (Ibid. P. 30). Гальперин указывает на возможные языческие корни концепции «Русской земли». Он предполагает ее связь с языческими представлениями о «матери сырой земле» (P. 31—32). Идея *terra sancta* опирается на образ Палестины как «Святой земли». Для представления о святости Руси огромное значение имела легенда о князьях-мучениках Борисе и Глебе, чья кровь освятила Русскую землю так же, как кровь Христа почву Палестины (P. 33). Данилевский указывает на претензии русских столиц быть отражением Иерусалима (см.: Древнерусская государственность. С. 161). См. также: *Soldat.* Urbild und Abbild. S. 123ff.

[6] *Osterrieder.* Sakralgemeinschaft. S. 202.

[7] См., например: *Goehrke C.* Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 82ff.; *Данилевский.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 199 и далее.

[8] См.: *Данилевский И.Н.* От Киевской Руси к Руси удельной // Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 21—39.

[9] Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 61. (Далее: Новгородская первая летопись). Об оценке монгольской опасности с русской стороны см.: *Leitsch W.* Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 210ff.

[10] В научной литературе нет единого мнения о причинах, по которым Новгород избежал нашествия татар. Возможной причиной считается сильная оттепель весной 1238 г. См. об этом, в частности: *Goehrke C.* Groß-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1. (1. Halbband). Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hg. v. Manfred Hellmann. Stuttgart, 1981. S. 450.

[11] См.: *Nitsche P.* Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus (1240—1538) // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1/1. S. 558—559. О системе данничества, созданной в середине 50-х гг. XIII в., см.: *Егоров В.Л.* Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48—58; *Он же.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. С. 42—63.

[12] Хан Берке даже разрешил митрополиту Кириллу в 1261 г. строительство православной церкви и основание епископства в Сарае, столице Золотой Орды.

[13] Во времена Киевской Руси большинство князей сажали своих старших сыновей, и тем самым будущих наследников, править в Новгороде.

[14]Этот конфликт отразился и в биографии Александра Ярославича, который, будучи великим князем Владимирским, в 1255 г. вступил в противоборство с Новгородом из-за наместничества своего сына Василия Александровича.

[15] Об этом см.: *Benz E.* Geist und Leben der Ostkirche. München, 1971. S. 54—55; *Philipp W.* Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1983. Bd. 33. S. 227—228.

[16] *Goehrke.* Groß-Novgorod. S. 446.

[17] Ibid. S. 447.

[18] Об истории новгородской системы управления см.: *Goehrke.* Groß-Novgorod. S. 461ff.

[19] Только в 1136—1238 гг. новгородское вече призвало 38 князей.

[20] Весной 1255 г. новгородцы изгнали Василия и избрали своим князем брата Александра, Ярослава Ярославича, князя Псковского. После совместного похода суздальского и новгородского войск Александр вновь

посадил на княжение Василия. Поскольку Александр назвал смещение своего сына нарушением правила, весьма возможно, что между ним и Новгородом около 1242 г. был заключен договор. См.: *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des veče. Wiesbaden, 1967. S. 166. Значение событий 1255 г. подчеркивает Феннел (*Феннел.* С. 147).

[21] Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальский список). Л. 112 об. Цит. по: Новгородская первая летопись. С. 70. См.: *Zernack.* Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 163.

[22] Ibid. S. 165. Это высказывание, хотя и относится к событиям 1241 г., может быть применено и к ситуации 1236 г.

[23] См.: *Zernack.* Burgstädtische Volksversammlungen. S. 165.

[24] *Goehrke.* Groß-Novgorod. S. 445—446.

[25] Вопрос о позиции Александра как князя Новгорода является в научной литературе дискуссионным. Цернак подчеркивает усиление княжеской власти за счет раздробления частных интересов в Новгороде при Александре и оспаривает тем самым мнение А.А. Преснякова. См.: *Цернак К.* Александр Невский и «окно в Европу» // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 79. О том, что поначалу позиция Александра была относительно слабой, говорит его отдаление от Новгорода после победы над шведами в 1240 г. и последовавшая затем размолвка с городом (см. ниже).

[26] См.: *Кучкин.* Александр Невский. С. 23. Несмотря на то что Александр очевидно отказался от такой дерзости, антилитовский союз был заключен Псковом и орденом.

[27] *Pickhan G.* Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrußland. Wiesbaden, 1992. S. 114.

[28] Сведения о сражении на Неве содержатся только в Житии Александра и Новгородской первой летописи старшего извода (л. 126—127). См.: *Феннел.* С. 121. Первая «редакция» Жития относится к 80-м гг. XIII в. (см. главу 3.1). Неизвестно точное время, когда Александр получил прозвище «Невский». Историк В.В. Тюрин в 1998 г. обратил внимание на то, что прозвище появляется в источниках лишь с XV в. См.: *Данилевский.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 191. Бегунов указывает в этой связи на источник «о шести храбрецах», созданный предположительно в первой трети XV в., где Александр назван «Невским». См.: *Begunov Ju.K.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd. 16. S. 88.

[29] Имя Биргера не встречается ни в Новгородской летописи, ни в Житии св. Александра. Отождествление шведского полководца с Биргером восходит к исследованиям Карамзина. Эта версия событий присутствует во многих описаниях битвы 1240 г. Если следовать конкурирующей версии, выдвинутой И.П. Шаскольским, шведские войска возглавлял не Биргер, а Ульф Фази (Ваза). См.: *Шаскольский И.П.* Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 18 и далее. Точку зрения Шаскольского разделяет Данилевский,

объясняя, что Биргер стал ярлом только в 1248 г. (*Данилевский.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 190). Шведский отряд поддерживался норвежскими («мурманы») и финскими подразделениями.

[30] Папа Григорий IX в булле 9 декабря 1237 г. поручил это шведам. О притязаниях папы на Финляндию см.: *Ammann A.M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Nevski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma, 1936. S. 213ff. Кучкин предлагает спекулятивные суждения о поддержке Александром восстания племени еми (*Кучкин.* Александр Невский. С. 22).

[31] См.: *Шаскольский.* Невская битва. Победа Александра в 1240 г. не маркирует отказа шведских притязаний на северные Новгородские земли. Уже в 1256 г. ярл Биргер, построив шведскую крепость на реке Нарове, вновь вынудил Новгород к обороне под предводительством Александра.

[32] См.: *Феннел.* С. 121.

[33] Линд уточняет, что выигранная битва 1240 г. была в начале XIV в., когда новгородское положение по отношению к Швеции существенно ухудшилось, событием, которое с удовольствием вспоминали на Волхове и роль которого с тех пор все сильнее подчеркивалась (*Линд.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 48 и далее). Аргументы Линда оспариваются в: *Шаскольский.* Невская битва 1240 года.

[34] Ср. также: *Лурье.* Ордынское иго и Александр Невский. С. 128; См.: *Феннел.* С. 121.

[35] См.: *Линд.* Некоторые соображения о Невской битве. С. 44; *Ammann.* Wandlungen. S. 215.

[36] См.: *Данилевский.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 187. Кирпичников, отмежевываясь от представлений советской историографии, указывает, что счет воюющим шел максимум на сотни, но не тысячи (*Кирпичников.* Две великих битвы Александра Невского. С. 34).

[37] См.: *Pickhan.* Gospodin Pskov. S. 117; *Кучкин.* Александр Невский. С. 25.

[38] См.: *Hösch E.* Alexander Nevskij // Die Großen der Weltgeschichte. Zürich, 1973. Bd. 3. S. 722.

[39] Тевтонский орден 13 мая 1237 г. объединился с Ливонским орденом меченосцев («договор в Витербо»). Говоря в дальнейшем о «Тевтонском ордене», мы будем иметь в виду этот союз.

[40] См.: *Pickhan.* Gospodin Pskov. S. 115ff. Новгородская первая летопись (л. 127 об. — 128) сообщает об осаде Пскова, поджогах его пригородов и похищениях Орденом детей. См.: Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) в изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 77 и далее. Вставки в Синодальный список 1234—1330 гг. предположительно взяты из летописи, датируемой первой половиной XIV в.

[41] См.: *Pickhan.* Gospodin Pskov. S. 116.

[42] См.: *Goehrke*. Groß-Novgorod. S. 451; *Pickhan*. Gospodin Pskov. S. 114—115.

[43] О походе на территорию ордена, когда авангард Александра под предводительством Домаша Твердиславича попал в засаду и был разбит, сообщает Новгородская первая летопись (л. 128 об. — 129 об.), см.: Новгородская первая летопись. С. 78. Г.Н. Караев предполагает, что Александр не связывал с этим наступлением каких-то захватнических планов, поскольку не располагал достаточными силами для этого (*Караев Г.Н.* Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л., 1966. С. 156). Данилевский критически определяет наступление как «грабеж эстов войском Александра Невского» (*Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орден. С. 195).

[44] К существенным источникам по Ледовому побоищу причисляют Житие Александра, Новгородскую первую летопись старшего извода (Синодальный список) (л. 129—130), Ливонскую рифмованную хронику (строки 2065—2294, особ. 2240—2262), а также Псковскую и Суздальскую летописи. См. об этом: *Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. С. 177 и далее. Ливонская рифмованная хроника была создана в конце XIII в., ее автор неизвестен. Впервые полностью и адекватно переведена на русский и опубликована была только в 1966 г. Ее содержание (включая повествование о Ледовом сражении), однако, можно было найти в «Ливонской хронике» Германна Вартберга (XIV в.) и в «Ливонской хронике» Балтасара Руссова (XVI в.), обе были переведены и изданы по-русски Е.В. Чешихиным: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. См. об этом издании: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*. Письменные источники. С. 193 и далее.

[45] См.: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*. Письменные источники. С. 226; *Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орден. С. 197. Новгородская первая летопись: «...и паде Чюди бещисла, а Немци 400, а 50 руками яша и приведоша в Новгород» (Новгородская первая летопись. С. 78 (л. 129 об.)). В Ливонской рифмованной хронике: «...dar bliben zwenzic brûder tôt / un sechse wurden gevangen» (Livländische Reimchronik / Hg. von Leo Meyer. Hildesheim, 1963. S. 52 (Vers 2260f.). В русском переводе: «Там было убито двадцать братьев-рыцарей, а шесть было взято в плен». Перевод цит. по: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*. Письменные источники. С. 213.

[46] Древнейшая редакция Жития и одновременно древнейшее свидетельство о событиях дает только справку о месте битвы: «Князь же Олександр оплъчися... и покриша озеро Чюдское обои от множества вои... Бе же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла и труск от копий ломления и звук от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися; и не бе видети леду; покры бо ся кровию. Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видех полк Божий на въздусе, пришедши на помощь Олександрови. И тако победи я помощию Божиею, и даша ратнии плеща своя и сечахут я, гоняще, яки по аеру, и не бе камо

утещи» (Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 193).

[47] Новгородская первая летопись документирует наступательную тактику ордена: «...князь Олександр и новгородци, поставиша полк на Чюдьском озере, на Узмени, у Воронея камени; и наехаша на полк Немци и Чюдь и пришибошася свиньею сквозе полк, и бысть сеча ту велика Немцем и Чюди» (Новгородская первая летопись. С. 78 (л. 129 — 129 об.)). Ливонская рифмованная хроника сообщает о численном превосходстве войск Александра Невского и о том, что рыцари Ордена попали в ходе битвы в окружение: «Русские имели такую рать, что каждого немца атаковало, пожалуй, шестьдесят человек» («Die Rûzen hatten sulche schar, / daz ie wol sechzic man / einen dûtschen ritten an») (стихи 2252—2254); «Те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены» («Wer in der brûdere her was, die wurden umringet gar») (стихи 2250 и далее). Однако в хронике ничего не сказано ни о диспозиции войска, которым командовал Александр, ни об особых тактических маневрах князя. О построении войск Руси хроника замечает лишь, что стрелки занимали позицию перед «kuniges Schar», т.е., очевидно, перед княжеской дружиной (стихи 2241—2243).

[48] О подобной интерпретации см.: *Белецкий С.В., Сатырева Д.Н.* Псков и Орден в первой трети XIII века // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 81.

[49] См., например: *Leitsch*. Weltbild. S. 204. *Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орден. С. 194 и далее.

[50] См. об этом: *Феннел*. С. 123 и далее; *Хеш Е.* Восточная политика немецкого ордена в XIII веке // Александр Невский и его эпоха. С. 66; *Hösch E.* Die Ostpolitik des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert // Balten — Slaven — Deutsche: Aspekte und Perspektiven kultureller Kontakte / Hg. U. Obst, G. Ressel. Münster: FS Friedrich Scholz, 1999. S. 87—102. Хеш, как и Линд, разделяет позицию Феннела. Это мнение оспаривает Кучкин, который называет Невскую битву «крупным сражением, в котором участвовало несколько тысяч человек» (*Кучкин*. Александр Невский. С. 25). Кирпичников предполагает, что на стороне ордена сражались всего около трех-четырех сотен человек. Таким образом, нельзя назвать эту битву особенно масштабной. Этот факт, однако, по мнению исследователя, ни в коем случае не умаляет исторического значения битвы (*Кирпичников*. Две великие битвы Александра Невского. С. 39).

[51] Например, Тевтонский орден поддерживали эстонские отряды, новгородцы, племена карелов и финноязычные племена Ижорской земли.

[52] Данилевский определяет всю Русь как мультиэтническое «государство» (*Данилевский*. Древнерусская государственность. С. 159).

[53] Так, например, Псков и Рига в 1228 г. заключили союз против Новгорода и великого князя Ярослава. В 1236 г. военные подразделения из Пскова сражались на стороне ордена меченосцев против Литвы и т.п.

[54] См.: *Феннел*. С. 121 и далее.

[55] *Stökl.* Russische Geschichte. S. 131. Этот же взгляд представлен, например, в: *Шаскольский.* Невская битва. С. 17. («Поскольку и шведские, и немецкие рыцари совершили свои походы на Русь почти одновременно... есть все основания полагать, что Швеция и немецкий рыцарский орден предварительно договорились о совместных действиях против русских земель».) В книге «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.» (Л., 1978) Шаскольский, однако, допускает, что не было каких-либо «прямых указаний на шведско-немецкие переговоры и соглашение о совместном нападении на Русь». Цит. по: *Лурье.* Ордынское иго и Александр Невский. С. 128. Шаскольский придерживается исследовательской традиции, рамки которой представлены работами Г.А. Доннера, А.М. Аммана, Э. Винтера и др. См. об этом: *Хеш.* Восточная политика. С. 67—68; а также главу 11.2 настоящей работы.

[56] *Winter E.* Rußland und das Papsttum. Berlin, 1960. Bd. 1. S. 94.

[57] См. также: *Christiansen E.* The Northern Crusades. London, 1997. P. 132ff.

[58] См.: *Goehrke.* Groß-Novgorod. S. 451. Из «Хроникона» Генриха Латышского (Heinrich von Lettland) нам известно, что известие о поражении в битве на Калке в 1223 г. дошло до Риги. См.: *Winter.* Rußland und das Papsttum. S. 91—92. Критика этой теории: *Christiansen.* Crusades. P. 133.

[59] *Ammann.* Wandlungen. S. 217.

[60] См.: *Хеш.* Восточная политика. С. 67.

[61] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 31; *Хеш.* Восточная политика; *Линд.* Битва; *Leitsch.* Weltbild.

[62] *Pickhan.* Gospodin Pskov. S. 115.

[63] См.: *Линд.* Битва. С. 44.

[64] *Хеш.* Восточная политика. С. 68.

[65] См. об этом: *Лурье.* Ордынское иго и Александр Невский. С. 130; *Fennell.* Crisis. P. 120—121.

[66] О политике папства по отношению к Руси см. особ.: *Winter.* Rußland und das Papsttum.

[67] Кроме того, папа просил его «оповестить братьев из Тевтонского ордена, пребывающих в Ливонии, как только узнаешь о том, что татарское полчище направляет стопы свои в христианский мир; так... сможем мы, с помощью Божией, заранее поразмыслить о способах действенного отпора татарам сим». «Благородному государю Александру, герцогу Суздальскому Иннокентий, Епископ, Раб рабов Божиих». Цит. по: *Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. 1988. № 20. С. 103—104. Винтер прочитывает это письмо как призыв «выступить вместе с Тевтонским орденом против татар» (Rußland und das Papsttum. S. 99). Письмо было опубликовано в России уже в XVIII в. См.: *Müller G.F.* Leben des heiligen Alexandri Newsky // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1. St. Petersburg, 1732. S. 302ff. Датировка писем спорная. Дата отправки 10 февраля названа Винтером, который, очевидно, ориентируется на «Историю государства Российского» Карамзина (Т. 4). Эрнст Боннел полага-

ет, что письмо было отправлено 23 января. См.: *Bonnel E.* Russisch-Livländische Chronographie. Von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. (Reprint: Leipzig, 1967). S. 64.

[68] Послание Иннокентия IV Александру от 15 сентября 1248 г. См. об этом: *Winter.* Rußland und das Papsttum. S. 100; *Bonnell.* Chronographie. S. 64. В письме папа поздравляет адресата с решением объединиться с римской церковью и призывает построить во Пскове католический собор. Горский предполагает, что послание от 15 сентября было ответом на несохранившееся письмо Александра, в котором тот в «нейтрально-дружественном тоне» прореагировал на первое послание папы (*Горский.* Два «неудобных факта». С. 64 и далее). Переоценив дружественность Александра, курия предположила, что тот решил принять католицизм. Оригинал и русский перевод письма опубликованы в: *Рошко.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. С. 108—109, 112—113.

[69] Повесть. С. 194—200. О посещении папских легатов сообщает Житие Александра, а также Новгородская первая летопись. Ни одна западная хроника, однако, не содержит упоминания о посольстве (см.: *Winter.* Rußland und das Papsttum. S. 99). Мюллер предполагает, что посольство 1252 г. передало папское послание от 23 января 1248 г. (*Müller.* Leben. S. 304ff.). Горский считает, что делегация привезла письмо от 15 сентября (*Горский.* Два «неудобных факта». С. 68).

[70] См.: *Bonnell.* Chronographie. S. 68—69.

[71] Булла Александра IV Миндаугасу, цит. по: *Winter.* Rußland und das Papsttum. S. 105.

[72] Об источниках о монгольском господстве при Александре Ярославиче см.: *Лурье.* Ордынское иго и Александр Невский (особ. С. 100—120).

[73] См.: *Егоров.* Александр Невский и чингизиды.

[74] Бегунов датирует первую поездку Александра в Сарай и Каракорум 1249—1250 гг. (*Бегунов.* Летопись жизни и деятельности Александра Невского. С. 208).

[75] О событиях 1252 г. см. также: *Fennell J.* Andrej Jaroslavič and the struggle for power in 1252. An investigation of the sources // Russia Mediaevalis. 1973. Vol. 1. P. 49—62. Со времен Татищева в научной литературе спорным остается вопрос о том, есть ли связь между поездкой Александра к Батыю и Сартаку и походом Неврюя против Андрея. Если С.М. Соловьев, Феннел, Хеш и др., придерживаясь татищевской традиции, считают, что Александр «замарал руки» участием в карательном походе против Андрея (*Hösch.* Aleksandr Nevskij, S. 722), то, например, Кучкин полагает, что усилия Александра в получении титула великого князя были согласованы с братом (*Кучкин.* Александр Невский. С. 28—29). Горский называет версию Татищева «предположением ученого» (*Горский.* Два «неудобных факта». С. 69 и далее). В походе Неврюя против Андрея он видит карательное действие монголов против нелояльного великого князя Владимирского. По мнению Кучкина, Андрей, в отличие от своего брата Александра, искал союза с Даниилом Галицким и политической близости с Западом с целью создания коалиции против татар. Александр не провоцировал наказание

своего брата, а, скорее, смог предотвратить своим согласием широкий поход против Руси. Третья версия событий 1252 г. состоит в том, что падение Андрея и возвышение Александра было связано с перераспределением власти внутри самой Орды, особенно с отстранением вдовы великого хана Гуюка, Огуль-Гамиш, и возвышением Менгке как нового правителя Каракорума. Менгке был союзником хана Золотой Орды Батыя, также покровительствовавшего Александру (см. об этом: *Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орда. С. 208 и далее). Егоров предполагает, что в распоряжении Татищева были источники, не дошедшие до нас из-за московского пожара 1812 г. (*Егоров*. Александр Невский и чингизиды. С. 51). Алексей Толочко, однако, убедительно доказывает, что в распоряжении Татищева не было никаких уникальных и утраченных впоследствии источников и что фактически все «избыточные» сообщения историка являются вымыслом (*Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005. С. 39—40).

[76] *Stökl*. Russische Geschichte. S. 131.

[77] *Феннел*. Кризис средневековой Руси. С. 149.

[78] Сам Новгород был к тому же разделен на два лагеря. См.: *Феннел*. С. 145 и далее.

[79] См.: *Феннел*. С. 147—149.

[80] Другую интерпретацию конфликта из-за монгольской «переписи» в Новгороде предлагает Данилевский. Он указывает на религиозные причины сопротивления простых новгородцев переписи. В этой связи Данилевский отмечает, что во второй книге Самуила (24:10) царь Давид назвал страшным грехом пересчет Израиля и Иудеи (*Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орда. С. 212 и далее).

[81] Например: *Егоров*. Александр Невский и чингизиды. С. 56. Егоров называет Александра предшественником евразийцев. Данилевский интерпретирует выбор Александром «восточного пути» как исторический крен России в сторону деспотической системы правления, традиционно-консервативного экономического устройства и духовной нетерпимости по отношению к инакомыслию (*Данилевский*. Александр Невский: Русь и Орда. С. 219).

[82] *Leitsch*. Weltbild. S. 206. Это, однако, не помешало исследователю мысленно представить и «проиграть» ситуацию такого выбора в своей статье. Торке и Филипп также сомневаются в существовании такой программы (Lexikon der Geschichte Rußlands. Von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution / Hg. H.-J.Torke. München, 1985. S. 22, s.v. «Aleksandr Nevskij»; *Philipp*. Heiligkeit und Herrschaft. S. 62).

[83] См., в частности: *Winter*. Rußland und das Papsttum. S. 97.

[84] См.: *Fennell*. Crisis. P. 109ff. Столь «непатриотичное» поведение национального героя Александра кажется немыслимым прежде всего русским исследователям. Неоднократно подчеркивается, что князь сотрудничал с врагами только потому, что полагал, что конец их власти близок (см., например: *Leitsch*. Weltbild. S. 214) или что его принуждали к такой позиции (см.: *Кучкин*. Александр Невский. С. 29).

[85] См.: *Fennell.* Crisis. P. 112f. Феннел подчеркивает, что о глобальном отказе Александра сотрудничать с католическими державами не могло быть и речи. Он указывает на планы женитьбы сына Александра Василия на дочери норвежского короля Хаакона (Ibid. C. 121).

[86] См.: *Егоров.* Александр Невский и чингизиды. С. 55. Неизвестно, увенчалась ли поездка Александра успехом. По крайней мере, в летописях ничего не говорится о карательной экспедиции монголов в 1262 г. См.: *Fennell.* Crisis. P. 119ff.

[87] Об этой традиции см.: *Lilienfeld.* Bild des heiligen Herrschers. S. 158; *Cherniavsky.* Tsar and People. P. 34ff.

3. САКРАЛИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА (XIII—XV ВЕКА)

3.1. Святой князь и местное почитание во Владимире

Рождественский монастырь во Владимире, где 23 ноября 1263 г. был похоронен Александр Ярославич, стал центром ранней памяти о князе вскоре после его смерти. Из этой «первичной ячейки» культ святого переместился в XV в. с местного на региональный уровень, и в XVI в. утвердился на всей территории влияния Русской православной церкви. Уже в конце XIII в. Александр почитался святым в месте своего захоронения[1]. По представлениям православной церкви, святые — это люди, в жизни и деяниях которых особенным образом проявилась Божья благодать. Так же как во Христе воплотился Божественный Логос, Святой Дух как третья божественная ипостась проявляется в «обожествленных личностях» («vergöttlichte Personen»)[2]. Святые, таким образом, становятся живым доказательством присутствия Бога на земле. Согласно православному миропониманию, святые составляют связующее звено между церковью земной и небесной, двумя частями единого *communio sanctorum* (Тела Христова). Они присутствуют на иконах, в пространстве храма, а также в памяти верующих. Земная община просит у своих святых заступничества перед Богом и надеется, что они защитят ее интересы, охранят ее от опасности и бедствий. «Знать о святом защитнике и просителе на небесах — важнейшее желание средневекового благочестия»[3]. Монастырь или город, где захоронен святой, становится, таким образом, святым местом. Церковь или земля, причисляющие к своим какого-либо святого, становятся благодаря этому наполненными Божьей благодатью. Тем самым часть излучаемой им святости возвращается потомкам, канонизировавшим святого. Святость, получаемая общиной, и наличие заступника перед Богом — два важнейших аспекта, объясняющие христианское поклонение святым.

Православная церковь знает различные группы святых[4]. Она видела и видит присутствие Святого Духа не только в мучениках, аскетах, юродивых и страстотерпцах. Отдельный тип составляют «святые князья», к которым следует причислить св. Александра. Сам факт, что церковь признала святым светского властителя, в конце XIII в. не был нововведением. В Русской православной церкви к тому времени уже почитались святыми Ольга и Владимир («Новый Константин»), а также мученики князья Борис и Глеб[5]. Католическая церковь также знает эту категорию святых, из наиболее известных можно назвать святых Вацлава, Людовика, Генриха II и Кунигунду[6]. Первообразы идеальных христианских властителей встречаются в ветхозаветных преданиях и античности — в личностях Давида, Соломона или Константина.

Вопрос о том, за что был канонизирован князь Александр Ярославич, стал одной из важнейших тем истории памяти о нем. С чисто формальной точки зрения, для того чтобы Русская православная церковь смогла канонизировать кого-либо, должны быть выполнены три предварительных условия, которые можно считать признаками воплощения Святого Духа. Во-первых, подвиг, заслуги в земной жизни[7]. Во-вторых, засвидетельствованные чудотворения, «чудеса, которые означают, что святой имеет свободный доступ к Богу»[8], и, в-третьих, нетленность останков[9]. О подвигах, чудесах и иногда о сохранности тела, как правило, сообщается в житии святого. Житие как письменное свидетельство являлось последним условием для признания святости какой-либо личности. В житии рассказывается, как Бог действовал через святого, который, следовательно, заслуживает почитания. Полные версии таких легенд предназначены для чтения на вечерних службах и трапезах в монастырях или наставительного чтения для более широких слоев населения. Жития святых со временем собирались в Четьи Минеи и в сокращенном варианте прочитывались в дни памяти святых на утренней службе в конце евхаристического канона[10].

Житие Александра

Первая версия (редакция) Жития Александра, «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Олександра», была написана, вероятно, в 80-е гг. XIII в.[11]. Автором текста считается монах Рождественского монастыря во Владимире, где находилась гробница князя[12]. Скорее всего, существенно повлиял на форму и содержание Жития митрополит Киевский и всея Руси, друг

Александра, Кирилл II (1250—1281)[13]. Повесть можно рассматривать как «пратекст» истории памяти об Александре Невском. С течением времени она много раз перерабатывалась и зачастую использовалась как аутентичный исторический источник[14]. Поэтому «Повесть» заслуживает особенного рассмотрения.

Из-за тесной связи мирских (биографических) и духовных (агиографических[15]) элементов в «Повести» исследователи долгое время предполагали, что самая древняя версия текста исконно являлась не житием, а результатом «присвоения» и переработки церковью ранее чисто мирской биографии[16]. Эта версия считается в современной научной литературе несостоятельной[17]. Связь фактического и идеально-типического сегодня даже считается важной характеристикой русских повестей о святых вообще и в особенности княжеских житий[18].

В научной литературе, кажется, есть согласие в том, что некоторые пассажи «Повести» сообщают о реальных исторических событиях. Житие называет многочисленные вехи биографии Александра Ярославича, начиная от его рождения и до погребения во Владимире. Агиограф помещает факты биографии князя во внеисторическое время. Не указывая года, когда произошло то или иное событие, он упорядочивает все описанные факты по отношению к церковным праздникам. Упоминается борьба Александра со Швецией, Тевтонским орденом и Литвой, причем Невская битва описана самым детальным образом. Эта победа становится в «Повести» отправной точкой, от которой автор отсчитывает время последующих событий. Кроме того, повествуется, как «некто силен от Западныя страны, иже нарицаются слуги Божия, от тех прииде»[19], о триумфальном въезде Новгородского князя во Псков после битвы на Чудском озере, о приеме папской делегации из Рима, о первой и последней поездках Александра к хану Золотой Орды. У читателя Жития создается впечатление, что Батый сделал Александра великим князем уже в его первую поездку. В «Повести» не упоминаются ни захват русских земель монголами, ни сотрудничество Александра с оккупантами. Связи Александра с Сараем, с точки зрения агиографа, служили предотвращению еще больших тягот для русских княжеств[20]. Столь же мало освещены и разногласия Александра с братом Андреем и его возможное участие в свержении брата. Разрыв князя с Новгородом и участие во включении города в данническую систему монголов также не упоминаются в повести. В общем, возникает «неполная, гармонизированная картина по-

литики Александра, рисующая его правление блистательным и успешным»[21].

Изображение и интерпретация военных столкновений Александра с внешними врагами развертываются — соответственно главной теме древнерусской литературы — на фоне космической борьбы между божественной ратью и силами тьмы[22]. Деяния Александра оказываются героическими, поскольку он смог отразить переход через границу чуждых сил, в телеологическом смысле воспринимаемый как несправедливость, и поэтому вел *bellum iustum*, справедливую войну. Это выражалось, например, в молитвах Александра в храме Святой Софии перед Невской битвой и сражением на льду Чудского озера. Перед битвой со шведами Александр просил Всевышнего о заступничестве, поскольку тот отвел народам границы и «повеле жити, не преступая в чужую часть»[23]. Переход границы врагом представлялся нарушением божественного порядка. Подобным образом Александр «размышляет» в молитве перед боем с Тевтонским орденом, называя врага «высокомерным» и «языком велеречным»[24]. Победы Александра, таким образом, оказывались триумфом смирения над гордыней и могли быть оправданы теологически[25].

В соответствии с жанровой спецификой жития, представляющего не «уникально историческое», а «общетипическое» святого, на передний план выходит не биографическое, а сакральное измерение текста[26]. В «Повести» жизнь Александра называется святой, честной и славной[27], его правление установленным от Бога[28], а смертные останки «святым телом»[29]. Сам зачин и заключительный пассаж «Повести», формулы смирения автора в начале[30] и формулировки в конце текста[31] типичны для повести о святом, как и многочисленные цитаты и интертекстуальные отсылки к Ветхому Завету, другим житиям русских князей, а также прочим религиозным текстам, например «Пчеле»[32]. С точки зрения агиографа, в Александре воплотился идеал христианского властителя:

> Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, съмерен, — по образу Божию есть, не внимая богатьства и не презря кров праведничю, сироте и вдовици в правду судяй, милостилюбец, а не златолюбец, благ домочадцем своим и вънешним от стран приходящим кормитель. На таковыя Бог призирает на мир щедротами: Бог бо мира не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряет, учит и показает на мир милость свою[33].

Жизнь монахов и книжников, писавших жития, определялась миром текстов Священного Писания, догмата и литургии. Этот запас текстов определил не только лексику их произведений, он был постоянным источником вполне определенных первообразов, служивших в то же время фоном для восприятия действительности. Поэтому описание личностей в житии скорее следует интерпретировать как «иконоподобную репрезентацию типичного величия»[34], чем как изображение индивидуальных черт святого. В целом понимание истории православным средневековьем определялось схемой «префигурация и воплощение». Исторические события при ретроспективном взгляде теряли свое индивидуальное значение, поскольку мыслились как исполнение или повторение событий, предсказанных в Ветхом Завете, и встраивались в контекст священной истории. При таком типологическом объяснении истории все события оказывались отражением или частями божественного плана, помимо которого не могут существовать действующие в истории силы[35]. Такое мышление по схеме «первообраз — отображение», которое обнаруживается и в теологии иконы или древнерусской традиции именования столицы, является центральным для понимания средневековой православной культуры[36]. Также и автор «Повести» часто описывает различные эпизоды из жизни Александра, используя образы Ветхого Завета или других сакральных текстов. Такой подход можно интерпретировать как стремление воспринимать написанное не в его исторической уникальности, а скорее встроить его в «сверхисторическое», в неизменные во времени рамки возвращающихся первообразов. Этот принцип «первообраза — отображения» появляется в «Повести», например, в описании внешности Александра:

> Но и възраст его бе паче инех человек, и глас его — аки труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа иже бе поставил его египетьский царь и втораго царяя в Египте. Сила же бе его — часть от силы Самсона. И дал бе ему Бог премудрость Соломоню, храборьство же его — акы царя римскаго Еуспасиана, иже бе пленил всю землю Иудейскую[37].

В молитве перед битвой на Чудском озере Александр сам себя включает в один традиционный ряд с «прадедом Ярославом», который выступил против «окаянного Святополка», и становится, таким образом, «отображением» предка[38]. Посещение посла «из западныя страны», который хотел «видети дивный възраст его, яко же древле

царица Ужская приходила к Соломону, хотящи слышати премудрость его», описано так же, как воплощение префигурации, предсказанной в Ветхом Завете[39]. Образ великого князя оказывается мозаикой из элементов известных первообразов, а его жизнь — последовательностью сформированных в Ветхом Завете и хранящихся в культурной памяти событий. Александр тем самым ставится на одну ступень с великими ветхозаветными царями, правителями древности и римскими императорами. Будучи копией этих образцов княжеской власти, Александр сам становился фигурой, которой уготована функция создания и интеграции сообщества.

Вопрос о том, за какие религиозные заслуги, за какой подвиг Александру была открыта дверь в чин святых, уже давно занимает историков. Эта проблема может рассматриваться и как важная переменная долгой истории памяти о нем. Агиограф сообщает о благочестии Александра, о почтении, с которым он относился к православному духовенству, о его участии в закладке храмов и объясняет принятие Александром монашества на смертном одре величайшим желанием «его паче меры ангельскаго образа»[40]. Однако ни об аскетизме, ни о готовности умереть мучеником в «Повести» речи нет. Засвидетельствованные боевые заслуги Александра не были связаны с мессианской войной, которая могла бы сделать полководца святым[41]. Вернер Филипп полагает, что автор «Повести» создал новый тип святого[42]. По мнению исследователя, в Житии Александра не говорится ни о страданиях от насилия, ни о мученической смерти за христианскую веру или аскетическом бегстве от мира, как в житиях других святых русских князей (например, Бориса и Глеба или Михаила Черниговского): «...здесь канонизированы само богоподобное правление князя и, таким образом, решение мирских вопросов под благочестивую ответственность»[43]. Александр становился отцом-основателем особого типа православных святых князей, заслуживших свое положение прежде всего светскими деяниями на благо сообщества («общественными служениями») и теперь вставших в один ряд с равноапостольными князьями, князьями-монахами и князьями-страстотерпцами и мучениками[44]. Согласно другой типологии, выдвигающей на передний план военные заслуги Александра, этот святой причисляется к группе правителей, боровшихся за «Русскую землю»[45]. Независимо от того, выделяются ли в Житии Александра Невского сильнее его заслуги как правителя или его подвиг («борьба»), можно говорить о повышенном значении в «Повести» светских деяний князя[46]. Филипп увидел в фигуре св. Александра явное взаимопроникнове-

ние сакрального и политического, т.е. слияние двух основных параметров жизни высших социальных слоев средневековой Руси: создаваемой церковью святости и княжеской власти. Образ святого правителя, нашедший выражение в Житии, по мнению Филиппа, чрезвычайно важен для понимания эпохи, «когда невозможно установить признаки наличия политической теории»[47]. «Однако возникновение нового типа отношений между светскими действиями и благочестием не получило дальнейшего развития»[48]. Напротив, духовные и мирские черты синтетического образа Александра в дальнейшем вновь распались на составные части: образы святого монаха и князя.

Число чудес, приписываемых Александру, особенно существенно возросло в XIV в., но и в первой редакции Жития можно обнаружить три события, которые рассматривались и рассматриваются как знаки особой харизматической отмеченности. Два из них ясно и прямо названы «чудо дивно»[49]. «Ижорское чудо», о котором вновь и вновь писали агиографы и историки жизни Александра, связано с Невской битвой 1240 г. Во время сражения, говорится в Житии, Новгородскому князю поспешили на помощь «аггела Божия» и поразили «многое множество» врагов[50]. Небесную помощь, согласно Житию, оказали Александру и святые князья Борис и Глеб, поспешившие к «сроднику своему Олександру», после того как явились ночью одному человеку, «старейшине в земли Ижерстей», по имени Пелгусий (Филипп)[51]. Поддержка Александра и его дружины «полком Божиим»[52] повторилась и в битве на льду Чудского озера, хотя в Житии это событие не названо «чудом». Третье событие, прямо обозначенное как чудо, связано с погребением Александра во Владимире. Житие сообщает, что умерший сам открыл ладонь, «акы жив сущи», чтобы взять у митрополита духовную грамоту[53]. «Это чудо стало достаточным подтверждением святости Александра»[54].

Религиозная община и политическое сообщество в Житии Александра

Житие Александра Невского — это не только документ, изображающий князя как копию первообраза святого правителя. «Повесть» можно прочесть и как источник сведений о том, в какой системе координат мыслилась в конце XIII в. «община» («Gemeinschaft») во Владимире. Автор «Повести» концептуализирует мы-группу, во-первых, как сообщество, объединенное политической

лояльностью князю, и, во-вторых, как религиозную общину. Правитель и религия — две силы, описанные в Житии, которые создают и объединяют сообщество. Когда после смерти Александра титул великого князя утратил часть своего политического веса, территория мы-группы стала описываться не как «Русская земля», а как «земля Суздальская». Отношение подданных к правителю агиограф описывает как лояльность членов княжеской дружины. Воины Александровой дружины готовы бороться и умереть за своего господина и предводителя: «О, княже нашь честный! Ныне приспе время нам положити главы своя за тя»[55]. Одновременно воюющие войска называются «полку Олександрове», а территория мы-группы «землей Олександровой»[56]. При этом агиограф не имеет больше в виду «Русскую землю», но только лишь Суздальскую. Так, митрополит Кирилл у смертного одра Александра сетует: «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце Суждольской!»[57]

Эта цитата, с одной стороны, указывает на местное святопочитание Александра, с другой — показывает, что в духовном мире автора идея единой земли Руси уступала место более узкому представлению о Суздальской земле[58]. В такой трактовке Житие оказывается документом ностальгического суздальского «удельного патриотизма»[59] и выражением ностальгической «контрапрезентной» [противопоставляющей героическое прошлое ущербному настоящему; термин Я. Ассмана. — *Примеч. ред.*] памяти[60]. Агиограф с печалью вкладывает в уста митрополита у одра князя такие слова: «Уже бо не обрящется таковый князь ни един в земли Суждальстей!»[61]

После смерти Александра все быстрее падало политическое значение Владимирского княжества. Сам город Владимир утратил статус резиденции великого князя, в пользу столиц других вотчин действующих великих князей. От того периода полной «государственной» дезинтеграции не сохранилось свидетельств «идеи и надежды, охватывающих целиком всю нацию и ее далекое будущее»[62]. Житие Александра Невского также не является исключением. Оно отражает расхождение идеала *одного* правителя «Русской земли» с реальностью и одновременно — отсутствие надежды, что этот идеал сможет стать реальностью в будущем.

Как и концепция «Русской земли», идея сообщества Суздальской земли была, с одной стороны, ориентирована на фигуру властителя или династии, с другой — на религию, православие. Мы-группа, сконструированная в «Повести», изображается — в

частности, в контексте описания битв — как сакральное сообщество. На помощь князю и его дружине в битвах приходит небесное воинство. Александр вел «избранный Богом народ» против сил тьмы[63]. Сакральный характер мы-группы автор подчеркивает, описывая ее врагов как противников православной церкви. Другой «становится врагом уже потому, что приписываемые ему стремления понимаются и отвергаются как угроза одновременно осознаваемому Своему»[64]. Этим «своим» в контексте «Повести» оказывается православная вера. Отмежевываясь от «иноплеменников»-монголов, автор называет подданных Александра «христианами». Одновременно сообщество православных христиан отграничивается от римско-католических врагов. Шведский государь выступает перед читателем «Повести» как «король части Римьскыя... от полунощныя страны»[65]. При этом отмежевание от врагов с Запада выражено сильнее, чем от язычников-монголов[66]. Следует, однако, признать, что самоописание мы-группы как сакрального сообщества в «Повести» не проведено последовательно и находит полное выражение только в церковно-сакральном дискурсе XVI в.[67]. «Другие», враги, обозначены в «Повести» и посредством указания на их иное географическое происхождение[68]. Рыцари Тевтонского ордена пришли из «западной страны», которая также называется «землей немецкой», населенной «иноязычниками»[69]. Литовцев, притесняющих области Александрова правления, автор называет «языком литовским»[70]. Монголы, названные «моавитьскими» или «иноплеменниками», подчиняются «царю на восточной стране»[71].

Житие Александра следует рассматривать в первую очередь в контексте местного культа святого во Владимире. Монахи Рождественского монастыря, где был погребен Александр, почитали князя и надеялись на его заступничество и защиту в нужде и опасности. Описание чуда с духовной грамотой, которое, согласно Житию, произошло во Владимире, подчеркивает также и святость места, где расположена могила Александра. Наконец, во Владимире Александра вспоминали ежегодно не в день смерти, как обыкновенно принято, а 23 ноября, в день его погребения, когда произошло то самое чудо. Эта дата, уже отделенная от биографии Александра, наряду со святостью его личности также подчеркивает святость места, где он нашел последний покой. Заступничество и перенесение части святости на саму общину были двумя важными функциями и раннего святопочитания Александра.

О функции раннего культа Александра Невского за пределами владимирского монастыря известно мало. Выраженные в Житии слава и величие князя бросали отблеск и на его преемника, Владимирского князя Дмитрия Александровича[72]. Художественная стилизация великого князя Александра шла на пользу престижа «князя Суздальской земли, его величия и силы, защищавшей, как считалось, и Псковские земли»[73]. Канонизация Александра легитимировала и политику его преемника. Наследовавшие ему правители имели возможность оправдывать собственные политические решения отсылкой к примеру великого предшественника. Это касалось прежде всего татарской политики русских князей. Положительное изображение «иноплеменных» и их «царя на восточной стране» можно трактовать и как попытку «оправдать великокняжескую политику борьбы с популярнейшим (антимонгольским) течением»[74]. Золотоордынский хан, которому «бе Бог покорил языки многы, от въстока даже и до запада»[75], уже не выглядит в «Повести» столь ужасным и устрашающим, как степные народы в русских текстах XII — XIII вв., где говорится, что Господь сотворил их в наказание грешным христианам[76]. В соответствии с политическими реалиями времени возникновения «Повести», Александр мог функционировать только как антизападный символ в контексте мирной монгольской политики. Поскольку за дружественной татарам политикой русских князей стояла и церковь — Орда гарантировала ей свободу от дани и свободу вероисповедания, — можно предположить, что автор «Повести» разделял точку зрения, легитимирующую политику сотрудничества, которой преемники Александра следовали в отношениях с монголами.

3.2. Александр и борьба за новгородские вольности

В Новгороде, втором центре раннего культа Александра, память об этой личности стала складываться несколько позже, чем во Владимире[77]. Только в XV в., когда республика постепенно втягивалась в противоборство с формирующимся централизованным Московским государством, стремившимся включить ее в свой состав, на берегах Волхова вспомнили о князе, правившем в XIII в. Защищавший независимость Новгорода от Швеции, Тевтонского ордена и Литвы Александр Ярославич призван был спасти город от нового притеснения и, будучи фигурой идентификации из «собственной»

новгородской истории, помочь укрепить оборонческое региональное самосознание.

Критическое воспоминание

Еще в первой половине XIV столетия отношение Новгорода к Александру Ярославичу было скорее дистанцированным. В договорной грамоте 1264 г. с преемником Александра, Ярославом Ярославичем, город обязал последнего отказаться от деспотических методов, которыми в Новгороде правил его брат[78]. Летописцы самоуверенного города-республики, конечно, чтили память о своем защитнике и его заслугах, однако не стремились скрыть от потомков трудности, которые испытывал город с князем Александром. Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список)[79] сообщает о разногласиях, побудивших в 1240 г. Александра покинуть город (Л. 128), о борьбе за наместничество его сына Василия в 1255 г. (Л. 133 об. — 135) и, наконец, о конфликте с князем в 1257 и 1259 гг., связанном с уплатой монголам дани (Л. 136, 137—138)[80]. События 1240 г. могли стать напоминанием об относительной слабости тогдашней власти князя и силе городских институтов. Картина княжения Александра, созданная в летописях, нисколько не похожа на образ идеального христианского правления. Так, например, летописец сообщает о наказании новгородцев, в 1257 г. вступивших в сговор с сыном Александра Василием: «...овому носа урезаша, а иному очи вынимаша, кто Василья на зло повел; всяк бо злыи зле да погыбнать»[81].

Если сравнивать новгородскую линию памяти об Александре начала XIV в. с «Повестью», то очевидно, что биография князя скроена здесь скорее по мерке города-республики. Так, в 1240 г. шведы напали не на «землю Александра», как говорится в «Повести», а на «Ладогу... и Новгород и всю область Новгородскую»[82]. Роль Александра как Новгородского князя подчеркивается, однако его личность не идеализируется, как это делается в более поздних текстах[83].

«Новгородизация» Александра

В XV в. из новгородского дискурса о князе Александре исчезают критические моменты. Очевидно, именно в этот период городские летописцы познакомились с его Житием, результатом рецепции которого и стал образ князя, созданный в новой летописи вечевой республики. Часть Новгородской первой летописи младшего

извода, повествующую об Александре Невском, в научной литературе называют «второй редакцией» Жития[84]. Это несколько вводит в заблуждение, поскольку житие, будучи в отличие от летописи сакральным текстом, выполняет и литургическую функцию. В этой «второй редакции» летописец сводит вместе владимирскую линию памяти («Повесть») и Новгородскую первую летопись старшего извода и создает таким образом «новгородизированное Житие»[85]. Интеграция Жития и Новгородской летописи, произошедшая предположительно в 30-е гг. XV в. по указанию Новгородского архиепископа Евфимия II, свидетельствует о возросшем значении Александра для городского историописания. Это предположение подтверждается и анализом изменений, которые летописец ввел в некоторые пассажи «Повести» для ее «новгородизации», и тех, которые стали следствием механической компиляции Жития и летописи[86]. Автор не пытался изобразить Александра исключительно новгородским правителем, однако его функция как великого князя явно отходит на второй план перед позицией князя Новгородского[87]. Как и в «Повести», Александр изображен святым правителем, хотя мирской характер текста усиливается благодаря включению летописных сведений и «прикреплению» отдельных эпизодов Жития к определенным годам[88]. Как и в Новгородской первой летописи старшего извода XIV в., в «новом издании» наряду с заслугами Александра перед русскими землями особо подчеркнуты его заслуги перед Новгородом. Александр «много трудися за Новъград и за Пьсков и за всю землю Рускую живот свои отдавая»[89]. Согласно «второй редакции» Жития, в 1240 г. шведы зарились не только на «землю Александрову»[90], но и на «Новгород и всю область Новгородскую»[91]. «Новгородизация» Александра очевидна и в другом месте. Упоминание «доброчестивой и богоугодной» матери Александра, Феодосии, похороненной вместе с его братом Федором в Юрьевском монастыре в Новгороде и почитавшейся там святой, становится новой составной частью биографии[92]. Очевидно и стремление автора подчеркнуть новгородское участие в битвах 1240 и 1242 гг., важно поименное перечисление всех павших горожан. Кроме того, автор несколько раз говорит о помощи в битвах святой Софии, защитницы Новгорода[93]. Святая София была символическим воплощением архиепископской церковной власти и всей Новгородской республики[94]. «Пробелы» во «второй редакции» Жития также можно трактовать как признаки изменения образа Александра Невского внутри новгородского дискурса. При перене-

сении летописных данных из «старшего» в «младший» извод летописи жертвой идеализирующих усилий летописца пали сообщения о том, как Александр Невский (в 1257 или 1259 г.) требовал от новгородцев уплаты дани монголам[95]. Очевидно, эти силовые вмешательства князя в самостоятельность Новгорода не должны были послужить примером потомству и особенно преемникам Александра на великокняжеском престоле:. «Так князь Александр, на самом деле существенно ограничивший новгородские вольности, стал символом самостоятельности города-республики»[96]. Новыми являются в тексте «второй редакции» прямые характеристики Александра как «поборника суща православнеи вере»[97]. Связь защиты страны с защитой религии указывает на идейную близость территории политической лояльности и сферы распространения православия, что соответствует концепту «Русской земли». Однако место Руси занимает теперь Новгород. Богатый город-республика с его честолюбивым епископом стремился наряду с Владимиром, Суздалем, а позже и Москвой предстать в качестве *terra sancta* — политического, исторического и сакрального наследника Киева.

«Третья редакция» Жития, предположительно написанная в Новгороде в том же XV в., подтверждает в общем и целом наметившийся уже во «второй редакции» семантический сдвиг в образе Александра Невского[98]. Эта «версия» намного короче предыдущих и распадается на две части. В первой Александр изображен князем-воином, мудрым, смелым и непобедимым, равным по храбрости таким героям, как Александр Великий, Ахилл и Дигенис Акрит[99]. Александр сравнивается теперь не с библейскими персонажами, а с героями древнего эпоса и мифов. Подчеркивается функция Александра как великого князя, чья земля «славна бысть... страхом грозы его и храборьства его»[100]. Во второй части в образе князя вновь проступают идеально-типические черты справедливого христианского правителя — забота Александра о его земле и его глубокое уважение к духовенству, при этом пассажи, характеризующие Александра как святого, уходят на второй план. Не упомянуты ни божественная помощь в битвах (что подчеркивает заслуги князя как полководца), ни чудо с духовной грамотой[101]. Таким образом, данное жизнеописание имеет «отчетливо светский характер»[102]. Особенно заметным он становится в сравнении с редакциями Жития XVI в., в которых на передний план выступают религиозные элементы, добродетели Александра и особенно его чудотворство. Как и «вторая редакция», «третья» отличается отчетливо новгородским

почерком. Уже в заглавии текста — «Успение великого князя Новгородского Александра Ярославича» — заметны притязания на роль святого города, к тому времени именовавшегося Великим Новгородом[103]. Много раз упомянуты и военные походы «великого князя Новгородского Александра Ярославича», и заступничество святой Софии, а эпизоды, прославляющие Александра как Суздальского князя и защитника Рождественского монастыря, опущены. Наконец, победоносный полководец в 1242 г. возвращается не во Псков, а в Новгород[104].

Александр и борьба за новгородские вольности

Обе «новгородские редакции» Жития были созданы между 1430 и 1464 гг. В научной традиции они рассматриваются в связи с подъемом новгородской литературы при епископах Евфимии II (1429—1458) и Ионе. Политическим фоном такого культурного расцвета была борьба города в 1370—1380-е гг. со стремительно растущим Великим княжеством Московским. Москва, ставшая в 1326 г. митрополичьей, а в 1328 г. великокняжеской резиденцией, в 1375 г. выступила против конкурирующего Тверского княжества[105] и в 1380 г. на Куликовом поле одержала имевшую огромный символический потенциал победу над монголами. Таким образом, Новгород потерял возможность играть на противоречиях между Москвой и Тверью. Возвышение Москвы, претендовавшей на гегемонию, провозгласившей «собирание» вокруг себя «русских земель», увеличивало давление на самостоятельную вечевую республику, усиливавшееся в связи с тем, что великий князь Московский рассматривал Новгород как часть своей вотчины[106]. Несмотря на властные амбиции Москвы, Новгород отказался от обращения к своим литовским соседям[107]. После католического крещения великого князя Ягайло в 1386 г. Литва едва ли могла рассматриваться как реалистичная «альтернатива русской истории»[108]. При том что во внешней политике Новгород все еще пытался балансировать между Москвой и Литвой, оборонительные меры против московского давления были направлены прежде всего «вовнутрь». Таким образом, «обязательства перед “стариной”, стародавним образом жизни [чувство принадлежности к политической и православной общине. — *Ф.Б.Ш.*] в этой напряженной ситуации, очевидно, были сильнее, чем стремление спасти собственное политическое устройство радикальной сменой политического курса, а именно подчине-

нием себя суверенитету чужого, да еще и не православного господина»[109]. Под двойным давлением извне (Москвы и Литвы) усиливалось коллективное самосознание церковных и политических деятелей Новгорода, для которых защита городских вольностей была связана и с экономической выгодой. Формирование специфической новгородской идентичности, таким образом, стоит расценивать не как государственный «сепаратизм», а как (оборонительный) «регионализм»[110]. Утверждение новгородского регионального самосознания было тесно связано с обращением к собственной истории. Из нее пытались почерпнуть такое самосознание, которым можно было бы укрепить оборонную мощь города. При всем том, однако, действенность этих мер была, судя по всему, ограничена узким кругом высшего городского слоя[111]. Символическая борьба за историю Руси достигла своего апогея при владыке Евфимии II[112]. Архиепископ и «моральный авторитет города-республики» Евфимий поддерживал обращение к величию новгородского прошлого[113]. Созданные в то время летописи транслируют специфическое самосознание и ставят «Новгород в центр истории Руси»[114]. Кроме того, важные импульсы получил и «культ личности» некоторых выдающихся деятелей новгородской истории. Очевидно, в этом контексте следует рассматривать и «присвоение» Александра Невского, о котором свидетельствуют обе новгородские «редакции» Жития.

Евфимий способствовал развитию культа многочисленных местных святых, например Феодосии (матери Александра) и первого Новгородского архиепископа Иоанна[115]. Тесно связана с фигурой Иоанна легенда об отводе штурма Новгорода князем Андреем Боголюбским (1169), вновь вызванная к жизни при Евфимии благодаря тексту сербского агиографа Пахомия Логофита с «явной антимосковской направленностью», имевшему центральное значение для новгородского регионального сознания в XV в. В легенде Пахомия напавшие на Новгород суздальцы даже названы «иноплеменниками», что еще более подчеркивает стремление Новгорода отмежеваться от врагов внутри Руси[116]. Согласно этому рассказу, Новгород защитила от захватчиков икона Божьей Матери. Пресвятая Богородица как защитница — центральный топос древнерусской традиции столичного города[117]. Новгородский миф, таким образом, становится символом, отсылающим к легенде о чудесах иконы Божьей Матери Владимирской (Умиления), перевезенной в 1395 г. в качестве «залога политической силы» из Владимира в Москву[118]. Заступничество Пресвятой Богородицы в 1169 г. многократно изо-

бражается на иконах новгородской школы XV в. (ил. 1)[119]. Этот тип иконы — символ новгородской свободы[120] — важен в контексте нашей работы, поскольку, по предположению Конрада Онаша, одним из четырех изображенных на иконе всадников с нимбами, поспешивших на помощь новгородцам, является Александр Невский. В нижней трети иконы изображено, как новгородцы наступают на суздальцев, на их стороне выступают ангелы и четверо небесных всадников. Второй и четвертый из них однозначно идентифицируются как Борис и Глеб[121]. На первом коне, по мнению Онаша и других исследователей, изображен Александр Невский. Третий конный до сих пор не идентифицирован. Фигура, в которой Онаш увидел Невского, облачена в шлем и доспехи. В левой руке всадник держит копье, направленное против суздальцев[122]. Нимб над его головой указывает на святость. В пользу идентификации этой фигуры как Александра Невского говорит специфика новгородской иконописной традиции: князя изображали верхом[123]. Однако рассматриваемая икона не имеет титла, потому едва ли можно утверждать однозначно, что фигура первого конного является ранним изображением св. Александра [124].

Несмотря на то что вопрос о толковании этой иконы остается открытым, результаты анализа «второй» и «третьей» редакций Жития встраиваются в общее доступное нам представление об «идеологической» оборонительной борьбе Новгорода против Москвы в первой трети XV в. Переработки Жития, очевидно, связаны с усилиями Евфимия II укрепить статус Новгорода и подчеркнуть претензию на ведущую роль новгородского архиепископства[125]. Интеграция Жития св. Александра в новгородское летописание XV в., «новгородизация» князя в новых редакциях Жития, переоценка его заслуг перед республикой и идеализация его правления (подчеркивание уважения им новгородских вольностей и замалчивание авторитарных мер против города) — все это указывает на то, что в первой половине XV в. Александр Невский стал важной фигурой в культурной памяти Новгорода. Александр, память о котором в Новгороде поначалу не была безоблачной, в ситуации массированной угрозы оказался покровителем города и его защитником от пришедшего из Москвы врага. Это «примирение» с Александром примечательно, ведь «город веками стремился сохранить дистанцированные отношения со своим князем»[126]. Этот образ Александра, имеющий по сравнению с «первой редакцией» Жития больше светских черт и сближающий святого князя с миром земных политических отношений, вероятно, отражает идеальный образ княжеско-

го правления, что отвечало тогдашним политическим взглядам Новгорода.

Несмотря на укрепившееся региональное самосознание, Новгород, как известно, не смог предотвратить поглощения Великим княжеством Московским и уничтожения городских вольностей. В 1456 г. республика вынуждена была принять первые ограничения независимости. Политика «собирания русских земель» при Иване III (1462—1505) в 70-е гг. наконец покончила с особым статусом Новгорода. Происшедшие к 1478 г. события оправдали страх политических и религиозных элит вечевой республики перед становящейся центральной властью Москвы. После капитуляции и подчинения города «государю всея Руси» они потеряли не только политические институты управления и вече. Иван III завладел также и многочисленными церковными и боярскими земельными владениями. Таким образом, высший слой города-республики, ослабленный мерами по переселению, потерял наряду с политическими институциями и экономические основания своей независимости. Архиепископский двор до окончательного уничтожения республики при Иване Грозном (1533—1584) оставался последним потенциальным носителем регионалистских устремлений Новгорода. К 1570 г. централистская автократия утвердилась на месте договорной вечевой республики.

3.3. «Московский» образ Александра Невского в новгородской литературе

Наряду с дискурсом об Александре Невском как защитнике и охранителе новгородских вольностей и фигуре идентификации оборонительного новгородского регионального самосознания, в новгородских летописях XV в. уже можно проследить и черты специфического «московского дискурса». В этой линии памяти Александр Невский больше не служит символом борьбы Новгорода с внешним врагом, но, будучи родоначальником московской ветви Рюриковичей, подчеркивает достоинство и историческую легитимность становящейся династии. Как родоначальник Даниловичей Александр упомянут в краткой генеалогии «А се князи русьстии», включенной наряду с «приложением вторым» в Комиссионный список Новгородской первой летописи[127]. Весь пассаж о генеалогии, предположительно вписанный между 1417 и 1425 гг., вероят-

но, московского происхождения. Александр Ярославич упомянут здесь как основатель московской династии, генеалогия которой описана от Даниила Александровича до Василия Дмитриевича (ум. 1425): «И от сего князя Александра пошло Великое княжение Московское»[128].

В цепочке «православных великих князей, заступников наших всея Русская земля»[129] Александр награжден эпитетами «великий», «храбрый», «Невский»[130]. Он прославился военными подвигами против «немцев» и был признан русскими князьями, поэтому Батый и пожаловал ему титул великого князя[131].

Жизнеописание Александра Невского и в Первой Софийской летописи также несет эти «общерусские черты» и более ориентировано на институт великокняжеской власти[132]. Эта «редакция Жития» по причине ее широкого распространения наиболее интересна для исследователя, она была написана в 40—50-х гг. XV в. в кругах, близких к Софийскому собору в Новгороде. Бегунов полагает, что летопись вышла из-под пера московского книжника[133]. По сравнению со «второй редакцией» Жития (Новгородской первой летописи младшего извода) здесь усилен «общерусский элемент»[134]. Показательна в этом отношении, во-первых, речь митрополита у смертного одра Александра, в которой церковный глава оплакивает уже не «солнце земли Суздальской», а «солнце земли *Русской*»[135]. Во-вторых, согласно Софийской летописи, главными заслугами Александра оказываются защита *Великого княжения* и православной веры[136]. В-третьих, Александр, как и его родители, постоянно упоминается в Первой Софийской летописи в своей великокняжеской функции, с полным титулом «великий князь Александр Ярославич», а не «великий князь Новгородский», как раньше. Поскольку в этой летописи все московские князья называются «великими», можно говорить о наметившейся здесь связи, позднее весьма распространенной, между Александром и московским правителем соответствующего периода[137].

По всей вероятности, эти изменения в жизнеописании Александра предприняты не из стилистических соображений. Уже здесь отразилось стремление представить его общерусским святым и предшественником великого князя Московского[138]. Существование в новгородской литературе «промосковского» образа Александра может быть объяснено или наличием в городе промосковской партии, выступавшей за сближение с усиливающимся великим княжеством, или присутствием в Новгороде московских книжни-

ков. Однако эта группировка не могла доминировать в новгородской литературе до подчинения города Иваном III. Только в XVI в. определяющей характеристикой новгородских источников можно назвать приспосабливание к общерусскому дискурсу[139]. Тот факт, что Александр уже в XV в., всего через два года после капитуляции Новгорода, рассматривался московскими правящими слоями как важный святой, находит подтверждение в послании митрополита Геронтия и архиепископа Ростовского Вассиана Ивану III, написанном осенью 1480 г. В этом письме церковные иерархи выражают надежду, что Господь и «великий князь Александр Невский» придут на помощь московским великим князьям в битве на реке Угре. Верные образу князя, который встречается и на самой древней сохранившейся иконе с изображением Александра (XVI в.), они называют князя «святым старцем»[140].

3.4. Борьба за историю Руси

Прославленный великий князь Александр Ярославич оказался символом, переходившим из рук в руки в борьбе за политическую власть между Москвой и Новгородом. Оба города стремились завладеть историческим и символическим наследством Киевской Руси для утверждения собственных политических амбиций. Конкурирующие дискурсы об Александре Невском в новгородской литературе XV в. — признаки этой борьбы за «русскую историю». Великое княжество Московское с конца XIV в. пыталось подготовить программу «собирания русских земель» посредством «собирания русской истории (или историй)» и символически продолжить ее[141]. Этот процесс выкристаллизовался в летописях, призванных создать представление о единстве земель Руси, и в строительстве символически нагруженных архитектурных сооружений в Московской земле, как и новых новгородских церквей, напоминавших об эпохе единства Русской земли и укреплявших московское самосознание[142]. «Символическая борьба» между Новгородом и Москвой достигла кульминации в конце XV — начале XVI в. в легендарном споре о белом клобуке и шапке Мономаха. Оба головных убора считались репрезентациями регалий правителей византийского происхождения[143]. Ссылаясь на эти легенды, архиепископский двор в Новгороде и связанный с великим князем Московским митрополит претендовали после падения Константинополя в 1453 г. на сакральное наследие Византии.

«Присвоение» Александра Невского московским или общерусским дискурсом говорит о трансформации местного святого в фигуру, почитаемую во всей стране. На ранней фазе истории памяти о Невском его культ был распространен в узких местных границах. Александр оберегал Рождественский монастырь во Владимире, где находилась его гробница, а также служил прообразом для суздальских князей и легитимировал их протатарскую политику. Внутри новгородского дискурса XV в. возросла роль Александра как регионального святого, на защиту которого рассчитывали в борьбе против Москвы городские элиты, нуждавшиеся в этом образе и для укрепления своей идентичности.

Собирание истории Руси в московском дискурсе, наметившееся уже в новгородской литературе XV в., привело к интеграции святого князя в такое повествование, которое представляло Великое княжество Московское как телос русской истории, а Даниловичей — как легитимную правящую династию. В XVI в. этот общерусский дискурс наконец сумел возобладать над локальным и региональным видением истории.

---

[1] Почитание местных святых соответствует православной традиции. Общецерковная канонизация была лишь формальным актом утверждения распространенной веры. См.: *Špidlik T.* L'idée Russe. Une autre vision de l'homme. Troyes, 1994. P. 137. И на Западе средневековый культ святых также ограничивался сначала в основном местом погребения. См.: *Angenendt A.* Der Heilige: auf Erden — im Himmel // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter / Hg. J. Petersohn. Sigmaringen, 1994. S. 49. Шляпкин полагает, что святопочитание Александра ограничивалось до XVI в. Рождественским монастырем во Владимире (*Шляпкин.* Иконография... С. 84 и далее).

[2] См.: *Felmy K.Ch.* Die Heiligen der Russischen Orthodoxen Kirche und ihre Ikonen // Tausend Jahre orthodoxe Kirche in der Rus'. 988—1988. Russische Heilige in Ikonen / Hg. F. Ullrich. Recklinghausen, 1988. S. 7; Почитание святых в православной церкви. М., 1997.

[3] *Angenendt.* Der Heilige. S. 36.

[4] См.: *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990; *Onasch K.* Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten unter Berücksichtigung der Alten Kirche. Leipzig, 1981. S. 154—155.

[5] О почитании Владимира, Бориса и Глеба см., в частности: *Poppe A.* Politik und Heiligenverehrung in der Kiever Rus'. Der apostelgleiche Herrscher und seine Märtyrersöhne // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter / Hg. Petersohn. S. 403—422.

[6] О сравнении Александра Невского и св. Вацлава см. гл. 13 и *Schenk F.B.* Der Heilige und die Nation. Aleksandr Nevskij und der Heilige

Wenzel im russischen bzw. tschechischen kulturellen Gedächtnis // Bohemia. 2004. Bd. 45. S. 315—352. Компаративное рассмотрение Людовика (ум. 1270, канонизирован в 1297 г.) и Невского кажется весьма многообещающим. Заметны не только хронологические параллели, но имеют нечто общее и тип, подвиг и история почитания. О св. Людовике см.: *Le Goff J.* La sainteté de Saint Louis. Sa place dans la typologie et l'évolution chronologique des rois saints // Les fonctions des saints dans le monde occidental (IIIe—XIIIe siècle). Rome, 1991. S. 285—293; *Le Goff J.* Ludwig der Heilige. Stuttgart, 2000. Например, орден Святого Людовика послужил образцом для ордена Александра Невского (1725) (см. гл. 5.2).

[7] Фери Лилиенфельд считает, что термин «подвиг» соответствует греческому *áthlon,* обозначающему духовную борьбу аскетов, борьбу веры и те образы, которые связаны с новозаветными представлениями о *militia christi.* См.: *Lilienfeld F.* Der Himmel im Herzen. Altrussische Heiligenlegenden. Freiburg u.a., 1990. S. 22.

[8] *Špidlik.* L'idée Russe. P. 137.

[9] *Бегунов.* Человек и миф. С. 54; *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, 1992. P. 78. О нетленности останков святых и о культе мощей см.: *Angenendt.* Der Heilige. S. 38ff. О почитании мощей и о вере в чудотворные нетленные мощи в православной церкви см.: О нетлении и почитании святых мощей. М., 1996. Эту триаду (подвиг, чудо, нетленность останков) можно назвать только идеально типической. Во многих случаях возможны и отступления от нее. Конрад Онаш называет четыре критерия, которые формально должны быть выполнены для канонизации: местное почитание, существование жития, подтвержденное чудо у гробницы и формальное ходатайство «постулатора». См.: Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten unter Berücksichtigung der Alten Kirche / Hg. K.Onasch. Leipzig, 1981. S. 156.

[10] См.: Altrussische Heiligenleben / Hg. K.Onasch. Berlin, 1977. S. 14.

[11] Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 90—195. Перевод на современный русский язык Г.А. Шмаринова опубликован: Там же. С. 196—203. Заглавие «первой редакции» Жития до конца не прояснено. См.: *Охотникова В.И.* Повесть о житии Александра Невского. С. 355. Цитированная версия Жития была реконструирована Ю.К. Бегуновым из тринадцати различных версий текста, впервые опубликована в его книге: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М., 1965. С. 255—265.

[12] См.: *Охотникова.* Повесть... С. 356—357.

[13] Тем не менее митрополит Киевский и всея Руси перенес свою резиденцию во Владимир только в 1299 г. Между 1250 и 1274 гг. Кирилл II, с 1243 г. епископ Холмский и Галицкий, жил, однако, в Рождественском монастыре. Д.С. Лихачев посвятил статью проблеме влияния галицко-волынской традиции на «первую редакцию» Жития (*Лихачев Д.С.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Л., 1947.

Т. 5. С. 36—56). Кроме Кирилла на текст Жития мог повлиять и сын Александра Дмитрий. См.: *Охотникова*. Повесть... С. 357.

[14] Житие Александра Невского вплоть до XVIII в. многократно переписывалось, сокращалось или дополнялось и возникало в многочисленных летописях, а также компиляциях старых рукописей. В этом многообразии переработок исследователи смогли выделить от 15 до 20 «редакций», из которых не все еще изданы. Большинство «редакций» собрано в: *Мансикка*. Житие Александра Невского. См. о различных редакциях: *Бегунов*. К вопросу... С. 348—349.

[15] «Агиографией» обычно называется вся литература о святых. В нашем контексте мы будем различать «агиографическое» и «историческое» для описания сакральных или типологических элементов в житии.

[16] Эту теорию представляет Н. Серебрянский, который пытается доказать, что «Слово о погибели русской земли» является введением к этой пропавшей светской биографии. См.: *Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. СПб., 1915. Т. 245, кн. 3. С. 151 и далее. См. об этом: *Philipp W.* Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli russkoj zemli» zum « • itie Aleksandra Nevskogo» // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1957. Bd. 5. S. 20.

[17] См.: *Охотникова*. Повесть... С. 354—355. Филипп опровергает теорию Серебрянского (*Philipp*. Verhältnis. S. 10ff.). Для него «Повесть» представляет собой новый литературный и историографический тип, отличный от жития и военной повести. Он рассматривает и «Слово о погибели русской земли» как самостоятельное произведение (Ibid. S. 26, 33; *Idem*. Heiligkeit und Herrschaft. S. 55ff.). Исследование тематической и композиционной структуры «Повести» приводит и Црнковича к выводу о том, что ее следует понимать как текстуальное единство одного жития (*Crnković*. Life of Aleksandr Nevskij).

[18] См.: *Lilienfeld F.* Das Herz zum Verstand neigen. Altrussische Heilige des Beginns. Freiburg, 1989. S. 9; *Begunov*. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 93. Там же освещаются дискуссии по вопросу о жанре (S. 94—95).

[19] Повесть. С. 191. Имеется в виду, вероятно, посол ордена меченосцев, возможно, его вице-ландмейстер, Андреас фон Велвен.

[20] В «Повести» сообщается, что, когда Александр по приказанию Батыя впервые прибыл в Орду, монгольские женщины пугали детей словами о том, что «Олександро князь едет» (С. 194). Во время второй поездки Александр смог уберечь «христиан» от преследований войск «иноплеменников» (Повесть. С. 195).

[21] *Philipp*. Heiligkeit und Herrschaft. S. 65.

[22] См.: *Лихачев Д.С.* Слово об Александре Невском // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 13—14.

[23] Повесть. С. 191.

[24] Повесть. С. 193. Гордыня считается самым тяжким из семи смертных грехов.

[25] Похожую аргументацию приводят польские хроники после битвы при Грюнвальде (Танненберге) 1410 г. против Тевтонского ордена. См.: *Ekdahl S.* Tannenberg/Grunwald. Ein politisches Symbol in Deutschland und Polen // Journal of Baltic Studies. 1991. Vol. 22. P. 271—324.

[26] См.: *Benz.* Heiligenlegenden. S. 11ff. Дискуссия вокруг удельного веса биографических и агиографических элементов в Житии Александра Невского проходит красной нитью через советские и российские исследования. За неимением достаточного количества иных источников, Житие часто рассматривается как биографическое свидетельство. Доказательством историчности описания фигуры и жизни Александра часто становятся названные в тексте очевидцы и спутники жизни; высказывается предположение, что само Житие написано современником князя, близость которого «к материалу» гарантирует высокую степень аутентичности. Ключевский постоянно цитируется сторонниками этой версии как главный авторитет. Он считал, что в Житии «соединены именно такия черты, которыя рисуют не историческую деятельность знаменитого князя со всех сторон, а его личность и глубокое впечатление, произведенное им на современников» (*Ключевский В.* Древнерусские жития святых. М., 1871. С. 68—69). Ключевский рассматривает жития святых русского средневековья как исторические источники, аутентичное зерно которых лишь покрыто слоем церковной риторики. См. об этом также: *Mayer G.* Hagiographie und Geschichte // Mayer G. Morphologie der Viten. Zur Struktur ost— und südslavischer Mönchs— und Hierarchenviten. Bochum, 1971. S. 111—129. Только в 60-х гг. XX в. Бегунов, Клейненберг и Шаскольский стали критически рассматривать практику использования Жития как исторического источника. По их мнению, главнейшей для текста была сакральная задача. Это демонстрируют и многочисленные интертекстуальные отсылки к другим религиозным текстам. Таким образом, «Повесть» может быть использована как исторический источник лишь с серьезными оговорками. Однако сведения, совпадающие с добавлениями в Новгородскую, Псковскую и Суздальскую летописи, следует читать как указания на действительные исторические события (*Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 184 и далее).

[27] «...святое и честное и славное житие его» (Повесть. С. 190).

[28] «Тако глаголеть Господь: "Князи аз учиняю, священни бо суть, и аз вожю я"» (Повесть. С. 190).

[29] Повесть. С. 195.

[30] «О Господе нашем Исусе Христе, Сыне Божии. Аз худый и многогрешный, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Олександра» (Повесть. С. 190).

[31] «И тако прослави Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославльшему святая своя в веки веком. Аминь» (Повесть. С. 195).

[32] Собрание библейских, древнефилософских и церковных мудростей. См.: *Lilienfeld.* Bild des heiligen Herrschers. S. 149. К текстам-предшественникам причисляются также «Иудейская война» Иосифа Флавия, Житие святых Бориса и Глеба, а также летописи Южной Руси. См.: *Benz.* Heiligen-

legenden. S. 254; *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 184. Влияние древнерусских воинских повестей на «Повесть» рассматривает Охотникова (Повесть... С. 345 и далее).

[33] Повесть. С. 194. В «Повести» этот пассаж представлен как высказывание пророка Исаии. Фон Лилиенфельд, однако, отмечает, что эта цитата отсутствует в Книге пророка Исаии, как и во всем Священном Писании. См.: Erzählung vom Leben und der großen Tapferkeit des rechtgläubigen Fürsten Aleksandr Nevskij // Hg. Hauptmann, Stricker. Die orthodoxe Kirche in Rußland. S. 147. Тем не менее этот пассаж в некоторых местах напоминает библейский текст. См., например: Исаия 1:17; 32:1.

[34] *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 66.

[35] См.: *Schmidt W.* Die historiographischen Gattungen und die Geschichtsauffassung // Schmidt W. Gattungstheoretische Untersuchungen zur altrussischen Kriegserzählung. Berlin, 1975. S. 20—21.

[36] См.: *Philipp W.* Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Rußland // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1983. Bd. 33. S. 159ff.; *Soldat.* Urbild und Abbild.

[37] Повесть. С. 190. Александр описывается по образцу ветхозаветного архетипа, воплощенного в Соломоне, Батый уподобляется персидскому правителю Киру. См.: *Onasch.* Heiligenleben. S. 332. Черты Александра (мощь голоса, красота, сила и мудрость) заимствованы из формульного арсенала известного в Южной Руси «Хронографа». См.: *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 61. Отсылки отдельных элементов к библейским цитатам указаны в: Erzählung vom Leben und der großen Tapferkeit des rechtgläubigen Fürsten Aleksandr Nevskij. S. 140.

[38] Повесть. С. 193. Имеется в виду Ярослав Мудрый (1019—1054) и его победа над Святополком (Окаянным) в 1019 г. Святополк считается убийцей святых князей Бориса и Глеба.

[39] Повесть. С. 191.

[40] Там же. С. 195.

[41] Иначе трактовали этот вопрос в более поздний период истории памяти об Александре Невском, например в XIX и XX вв., авторы, считавшие нападения шведов и Тевтонского ордена частью одного изощренного военного плана папской курии по подчинению и конверсии православной Руси. Указывая на описание приема папских легатов и отказ Александра принять от них католическую веру и выступить вместе с католиками в войне против монголов (см.: Повесть. С. 194), Данилевский подчеркивает, что упорство Александра в православной вере могло стать для духовенства и населения важной причиной его культа как «благоверного князя» (*Данилевский.* Александр Невский: Русь и Орда. С. 220 и далее, особ. С. 226).

[42] См.: *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 66.

[43] Ibid. S. 67. Подчеркиванием обращенности Александра к мирской жизни задается модель, которая противопоставляется распространенному тогда отшельничеству и отказу от мира.

[44] Типология приводится по: *Федотов.* Святые. С. 91. Другие представители этой группы: Довмонт Тимофей (ум. 1299), Всеволод Мстислово-

вич (Гавриил) (ум. 1138) и Мстислав Ростиславович Новгородский (ум. 1179)). Житие Александра — самое старшее в этой группе. См.: Там же. С. 99.

[45] Типология по Серебрянскому, см.: *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 66. Онаш подразделяет группы святых князей на: а) страстотерпцы, например Борис и Глеб; б) веротерпцы, например Михаил Черниговский, в) благоверные, например Александр Невский (*Onasch.* Liturgie und Kunst. S. 155).

[46] Означающие (правление и борьба), которые можно обнаружить в «Повести», имеют эквиваленты на Западе, с одной стороны, в представлении католической церкви о святом правлении, как оно, например, выражалось в личности Генриха II (о его культе см.: *Länge.* Bild. S. ii и далее), и, с другой стороны, в идее рыцарского «воинства Христова» — *militia Christi (*например, крестоносцы в борьбе с сарацинами). Бенц, напротив, считает оба эти мотива специфическими чертами почитания святых на Руси (*Benz.* Heiligenlegenden. S. 24).

[47] *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 60; *Philipp.* Ansätze. S. 197.

[48] *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 70.

[49] Повесть. С. 192, 195.

[50] Там же. С. 192. Это событие в Житии представлено по схеме «префигурация и воплощение» — как повторение битвы царя Езекии против ассирийского царя Сеннахериба из Книги Царств (2 Цар. 19:35 и далее). По ветхозаветному преданию, царю Езекии пришли на помощь ангелы, убившие 185 тысяч ассирийцев. Райнхард Фретшнер указывает, что в «Повести» впервые (в древнерусской литературе) возникает представление о возможности непосредственного божественного вмешательства в пользу одной из сторон. См.: *Frötschner R.* Das Bild des Krieges im Moskauer Reich im 16. Jahrhundert // Frötschner R., Osterrieder M. Das Bild des Krieges im Moskauer Reich und Polen-Litauen im 16. Jahrhundert. Mitteilungen des Osteuropa-Instituts. München, 1995. № 8. S. 26.

[51] См.: Повесть. С. 191—192.

[52] Там же. С. 193.

[53] Там же. С. 195. Об этом событии напоминают ранние иконописные изображения Александра, представляющие его монахом со свитком в руке.

[54] *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 55.

[55] Повесть. С. 193.

[56] Там же. С. 191—192.

[57] Там же. С. 195.

[58] См.: *Philipp.* Verhältnis. S. 26. Гальперин также подчеркивает: «Примерно в течение века после монгольского завоевания Северо-Восточная Русь не использовала миф о Русской земле для выражения своей идентичности». Об этом свидетельствует не только Житие Александра Невского, но и Житие св. митрополита Петра (1320-е гг.). См.: *Halperin.* The Concept of the Russian Land. S. 35.

[59] Повествование об Александре Невском и в суздальских летописях этого времени имеет региональный характер. Лаврентьевская летопись,

например, усиливает значение участия брата Александра, Андрея, в битве на льду Чудского озера. Присутствие новгородцев, однако, не упомянуто здесь вовсе. См.: *Тихомиров М.Н.* О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Серия философии. 1950. Т. 7. № 1. С. 88—91.

[60] См.: *Ассман.* Культурная память. С. 83.

[61] Повесть. С. 195. В идеализации правления Александра «Повесть» сближается с двумя памятниками, где описание плачевного состояния политического устройства в эту эпоху строится на контрасте с идеализированной историей «Русской земли» — «Словом о полку Игореве», созданным в 80-е гг. XII в., и «Словом о погибели земли русской» (между 1212 и 1238 гг.). В этих текстах выражены «скорбь об утрате единого государственного правления из-за неверной политики дробления наследства» (*Zernack.* Polen und Rußland. S. 91) и преломление исторического сознания по отношению к Ярославу Мудрому и Владимиру Мономаху. См. также: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 121. По мнению Филиппа, «Слово о погибели земли русской» «еще находится во власти киевской традиции». В нем прославления и жалобы (в отличие от Жития св. Александра) относятся «не к одной из русских земель, а ко всей Руси как единому государству» (*Philipp.* Verhältnis. S. 36).

[62] *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 62.

[63] Понимание мы-группы в «Повести» как святого или избранного народа отмечается и в: *Soldat.* Urbild und Abbild. S. 169ff.

[64] *Hoffmann L.* Die Konstitution des Volkes durch seine Feinde // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 1993. Bd. 2. S. 22.

[65] Повесть. С. 191. Под «частью римскыя», вероятно, имеется в виду область юрисдикции папы или «Запад».

[66] Однозначно негативное изображение римско-католической веры в православном дискурсе, намеченное в этом тексте, Василиос Макридес и др. возводят к разрушению в 1204 г. Константинополя крестоносцами (*Makrides V.* Antiokzidentalismus und Antieuropäismus in den orthodoxen Kulturen Ost- und Südosteuropas in vergleichender Perspektive. Erfurt, 2001. Рукопись. S. 11).

[67] Филипп, напротив, интерпретирует изображение побед Александра над шведами и Тевтонским орденом как элемент религиозного повествования об общей защите страны и православия (*Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 64).

[68] Неизвестно, какая группа народов, на которую распространялись захватнические планы Тевтонского ордена, имеется в виду под этнонимом «словеньский язык» (Повесть. С. 193). Лилиенфелд считает, что это название может относиться как к одному из восточнославянских племен на новгородской территории, так и ко всем жителям прибалтийских территорий Западной Руси (*Lilienfeld.* Erzählung. S. 144).

[69] Повесть. С. 191, 192, 193, 195.

[70] Там же. С. 194.

[71] Там же. С. 194, 195. Разнообразие в древнерусских текстах самоназваний и номинаций для чужих народов (земля, язык, религия) отмечается Данилевским (*Данилевский*. Древнерусская государственность. С. 162 и далее).

[72] Дмитрий Александрович (Переяславский), великий князь Владимирский (1277—1281 и 1283—1293). В 1281—1283 и 1293—1304 гг. великим князем был его брат Андрей (Городецкий). Оба придерживались начатой их отцами политики сотрудничества с татарами, с помощью которых они могли поддерживать собственную власть.

[73] *Philipp*. Verhältnis. S. 26.

[74] *Philipp*. Heiligkeit und Herrschaft. S. 63. Однако нет ни одного источника того времени сходной направленности. Филипп говорит о высоком потенциале сопротивления населения протатарской линии поведения князей, что выразилось в многочисленных восстаниях против чуждого господства.

[75] Повесть. С. 194.

[76] См.: *Philipp*. Ansätze. S. 185ff.

[77] Весьма интересным могло бы стать исследование культа Александра Невского во Пскове, невозможное в рамках настоящей работы. Наряду с Новгородом и Вяткой, в период позднего Средневековья Псков стал одним из центров регионалистских тенденций. См.: *Goehrke*. Regionalismus. S. 92. Первая и Вторая Псковские летописи, создание которых датируется серединой XIII в., при описании, например, сражения на льду Чудского озера подчеркивают участие в нем псковичей под защитой Святой Троицы. См.: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 178 и далее. О месте Александра в культурной памяти Пскова см.: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский во псковской литературе XV—XVI вв. // Zeitschrift für Slavistik. 1976. Bd. 21. S. 311—318; *Grabmüller H.J.* Die Alexander-Nevskij-Vita in der Pskover Handschriftenüberlieferung // Die Welt der Slaven. 1976. Bd. 21. S. 68—80.

[78] «...а что, княже, братъ твой Александр деялъ насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи» (Цит. по: *Шляпкин*. Иконография. С. 86). Договор опубликован в: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.; Л., 1949. С. 9—10.

[79] Добавления к Синодальному списку 1234—1300 гг. имеют источником рукопись, созданную предположительно в первой половине XIV в. См.: Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016—1333/1352 / Hg. und übersetzt von Joachim Dietze. München, 1971. S. 30.

[80] Новгородская первая летопись. С. 78, 80—83. См. об этом: *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописи // Новгородский исторический сборник. 1959. Т. 9. С. 229—238.

[81] Новгородская первая летопись. Л. 136. С. 82. Феннел интерпретирует последнее высказывание летописца как ироническое (*Феннел*. Кризис. С. 147).

[82] Новгородская первая летопись. Л. 126 и 126 об. С. 77. Для сравнения см.: Повесть. С. 91. Гальперин обращает внимание на то, что ни в новгородских летописях, ни в других источниках нет отсылки к политической идеологии «Новгородской земли». Эта форма, связанная с концепцией «Русской земли», обнаруживается только в русских княжествах с собственной правящей династией. Новгород, напротив, скорее определял себя через покровительство святой Софии. См.: *Halperin*. Novgorod and the «Novgorodian Land» // Cahiers du Monde russe. 1999. Vol. 40. № 3 (Juillet—Septembre). P. 345—364.

[83] «...потрудился за Новгород и за всю Русскую землю» (Новгородская первая летопись. Л. 140. С. 84).

[84] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А.Н. Насонов. М., 1950. С. 289—307 (младший извод). См. об этом: *Бегунов*. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 234 и далее; *Länge*. Bild. S. 17. Обозначение «вторая редакция» Жития, вероятно, было введено Ю.К. Бегуновым. Охотникова в своей обзорной статье не использует это понятие по отношению к этой редакции (*Охотникова*. С. 357 и далее).

[85] «Вторая редакция» Жития поделена по годам и перемежается сообщениями другого содержания. При этом новгородский составитель компилирует выписки из Новгородской первой летописи старшего извода о 1240—1243, 1246, 1251 и 1262 гг. и элементы текста «Повести», создавая новую летописную мозаику.

[86] См. об этом: *Lammich M.* Fürstenbiographien des 13. Jahrhunderts in den russischen Chroniken. Diss. Univ. Köln. Köln, 1973. S. 169.

[87] См.: *Länge*. Bild. S. 22. В младшем изводе Новгородской первой летописи упоминаются как Новгород, так и «Русские земли» в качестве политического пространства. Как и в «Повести», митрополит после погребения Александра оплакивает «солнце земли суждальской» (Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 306).

[88] Изображение Александра соответствует созданному в «Повести» образу идеального христианского правителя. Отметим упоминания «святого князя Александра» (Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 290), чуда духовной грамоты (С. 306), чуда на реке Ижоре (С. 293 и далее), божественной помощи в Ледовом сражении (С. 296). Сохранились цитаты и аналогии и из других христианских текстов-предшественников.

[89] Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 306. Псков в старшем изводе летописи еще не упомянут на соответствующем месте. См.: Там же. С. 84. После 1348 г. Новгород должен был официально признать отделение Пскова. В конце XIV в. Псков, хотя и подчинялся высшему надзору Новгородского архиепископа, все сильнее искал сближения с Москвой, под чей контроль фактически попал в середине XV в.

[90] «...и поиду, рече, пленю землю Александрову» (Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 291).

[91] Там же.

[92] Там же. С. 290.

[93] См.: Там же. С. 294—296. «Князь же Александр с новгородци придоша вси здрави в своя сы съхранены Богом и Святою Софеею» (С. 294). Помощь святой Софии и участие новгородцев в битве 1242 г. — элементы Новгородской первой летописи старшего извода. Там уже не упоминается участие в Ледовом побоище псковичей и суздальских войск под предводительством Андрея Ярославича. См. об этом: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 178—179.

[94] См., в частности: *Fedotov G.P.* The Russian Religious Mind. Vol. 2: The Middle Ages. The 13th to the 15th Centuries. Cambridge (Mass.), 1966. P. 191ff. [См. рус. издание: *Федотов Г.П.* Русская религиозность // Федотов Г.П. Собр. соч. М., 2003. Т. 11. — *Примеч. ред.*] Софийский собор в Новгороде, например, изображался на миниатюрах XVI в. как символ города-республики.

[95] Однако летописец не скрывает ссору, которая побудила князя в 1240 г. покинуть Новгород (Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 294—295).

[96] *Länge.* Bild. S. 27.

[97] Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 292.

[98] Успение великого князя Новгородского Александра Ярославича // Begunov. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 105—109. Время возникновения текста (который Мансикка и Охотникова называют «второй особенной редакцией») точно не установлено (*Охотникова.* Повесть... С. 358). Бегунов полагает, что эта редакция возникла между 1440 и 1464 гг. (*Begunov.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 101). Очевидно, что и «Повесть», и «вторая редакция» Жития послужили образцами автору «третьей редакции».

[99] Дигенис Акрит — герой византийского народного романа в стихах XI—XII вв.

[100] Успение великого князя Новгородского. С. 107.

[101] Тот факт, что в тексте не упоминаются ни папское посольство, ни победы Александра над Литвой, можно легко интерпретировать как уступки политическому положению Новгорода в XV в. Скудная источниковая база, как и опасность переусердствовать в интерпретации, позволяет нам делать лишь осторожные предположения.

[102] *Охотникова.* Повесть... С. 357. Отсюда Шляпкин делает вывод, что Александр почитался в Новгороде за смелость и мужество, а не как святой (*Шляпкин.* Иконография. С. 89).

[103] Успение великого князя Новгородского. С. 106. Самоназвание «Великий Новгород» появляется в новгородских источниках с конца XIV в. См.: *Halperin.* Novgorod and the «Novgorodian Land». P. 347.

[104] Успение великого князя Новгородского. С. 105, 107. Как и во «второй», в «третьей редакции» заметна специфика описаний отношений Пскова и Новгорода. Хотя здесь не говорится больше о том, что псковский предатель выдал город Тевтонскому ордену, однако Псков назван «новгородским градом».

[105] С победой Москвы над Тверью династическая линия Даниловичей, чья родословная начинается с сына Александра Даниила, противопоставлялась Ярославичам, ведущим свою ветвь от Ярослава Всеволодовича (отца Александра).

[106] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 195; *Zernack.* Polen und Rußland. S. 144.

[107] Хотя в 1434 г. архиепископ Евфимий II формально был утвержден в своем сане митрополитом Западной Руси в Смоленске, позднее он испросил разрешения и у Москвы. Джоель Раба интерпретирует этот шаг как начало пролитовской политики Евфимия II, направленной на создание «западнорусского» (русинского) государства (которое стало бы альтернативой Москве) и на сохранение новгородских вольностей под защитой Литвы. Подтверждение этой версии Раба видит в прозападной политике Евфимия в области искусства (например, постройка дворца архиепископа в готическом стиле). См.: *Raba J.* Evfimij II, Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1977. Bd. 25. S. 165ff.

[108] *Zernack.* Polen und Rußland. S. 117.

[109] *Goehrke.* Regionalismus. S. 85. Штёкль, напротив, считает, что новгородская политика была «однозначно ориентирована на Литву» (*Stökl.* Russische Geschichte. S. 195).

[110] См.: *Zernack.* Polen und Rußland. S. 143; *Stökl.* Russische Geschichte. S. 151. Гёрке определяет «регионализм» позднего Средневековья как «собирательное понятие... обозначающее различные интересы разных социальных слоев и групп, выступавших против притязаний вышестоящей власти и в исторически заданных рамках собственной территории». Он является «неизбежным результатом специфического исторического развития... которое уже признано как таковое и сознательно создается целенаправленной “работой с общественностью” (с учетом возможностей средневековья)» (*Goehrke.* Regionalismus. S. 93). Гёрке четко отличает понятие новгородского «регионализма» от часто использовавшегося советской историографией термина «сепаратизм». Ср., например, выражение «партия новгородских сепаратистов»: *Лихачев Д.С.* Идеологическая борьба Москвы и Новгород в XIV—XV веках // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 47.

[111] Позиция широких слоев населения, черни не совсем ясна из имеющихся источников. Тем не менее в советской историографии постоянно предпринимались попытки обосновать промосковскую и антибоярскую позицию черни, отвечавшую ее «классовым интересам». Из такой трактовки (традиционной для великорусской интерпретации истории) вытекает понимание роли Великого княжества Московского как защитника «демократических» и врага «сепаратистских» устремлений. См.: *Goehrke.* Regionalismus. S. 87. Советскую позицию см., например: *Лихачев.* Борьба. С. 47.

[112] Лихачев называет ее «идеологической борьбой».

[113] Компетенция архиепископа Великого Новгорода и Пскова в XV в. простиралась далеко за пределы духовных институтов. Одновременно

происходили ограничение боярской власти и централизация государственного аппарата. См.: *Raba*. Evfimij II. S. 163ff. Новгородский архиепископ «был, вероятно, фигурой, наиболее подготовленной к тому, чтобы стать самостоятельным, конкурирующим с великим князем территориальным правителем» (*Stökl*. Russische Geschichte. S. 148). См. также: *Goehrke*. Groß Novgorod. S. 454; *Лихачев*. Борьба. С. 47 и далее.

[114] *Goehrke*. Groß Novgorod. S. 454.

[115] См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 236; *Лихачев*. Борьба. С. 48 и далее.

[116] См.: *Лихачев*. Борьба. С. 49.

[117] См.: *Philipp*. Altrussische Hauptstadt. S. 228ff.

[118] См.: *Bushkovitch*. Religion and Society in Russia. P. 104.

[119] «Чудо от иконы знамения в Новгороде». Ил. в книге: *Onasch K.* Ikonen. Berlin, 1961. S. 365—366, Abb. 41 u. 42.

[120] *Fedotov*. Russian Religious Mind. Bd. 2. S. 194.

[121] См.: *Raba*. Evfimij II. S. 170.

[122] Наряду с данным типом иконы существуют изображения на ту же тему того же периода, на которых эта фигура отсутствует. Ил., в частности, приведены в: *Лихачев*. Борьба. С. 48; *Zernack*. Polen und Rußland. Ил. V; *Onasch*. Ikonen. Abb. 43.

[123] См.: *Шляпкин*. Иконография. С. 97—98. В одном из новгородских иконописных подлинников XVI в. говорится об Александре (под 23 ноября): «Преподобный Александр Невский, аки Георгий, риза киноварь, испод лазорь» (Цит. по: *Шляпкин*. С. 97). Шляпкин усматривает в этих указаниях иконографическое влияние Лицевого свода XVI в., где Александр часто изображался верхом (ср. гл. 4.3). Вероятно, позже над такой иконографией возобладало изображение Александра монахом и, следовательно, «московская позиция». См. также: *Рогов*. Александр Невский. С. 54. Иконописные конные изображения вновь появляются уже в XVIII столетии, когда Петр I запретил изображать Александра монахом (см. об этом гл. 5.1).

[124] См.: Lexikon der christlichen Ikonographie. Freiburg/Brsg., 1990. Bd. 5. Sp. 87. В издании указывается, что вопрос об идентификации первого конного остается нерешенным в научной литературе. Лидия Иовлева считает, что два всадника рядом с Борисом и Глебом — это св. Дмитрий Фессалоникийский (Солунский) и св. Георгий. См.: Die Tretjakow-Galerie / Hg. L.Iowlewa. M.; L., 1987. Abb. 13, 14.

[125] См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 237.

[126] См.: *Länge*. Bild. S. 24.

[127] А се князи русьстии // Новгородская первая летопись (младший извод). Приложение второе. С. 468 и далее. См. об этом: *Begunov*. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 88—89.

[128] А се князи русьстии. С. 468.

[129] Там же. С. 469.

[130] Там же. С. 468.

[131] Неизвестно, кто имеется в виду под понятием «немци» — шведы или Тевтонский орден.

[132] См.: *Охотникова.* Повесть... С. 359; *Begunov.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 89ff. Жизнеописание Александра в Софийской летописи называется в научной литературе «вторым вариантом второй редакции Жития». О третьем варианте см.: *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н.П. Лихачева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 60—72.

[133] *Бегунов.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 234. Как и «вторая редакция» в Новгородской первой летописи (младшего извода), жизнеописание в Софийской хронике составлено из элементов Новгородской первой летописи (старшего извода) и текста первой редакции Жития («Повести»).

[134] См.: *Охотникова.* Повесть... С. 359.

[135] «Заиде солнце земли Русской». Цит по: *Begunov.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur. S. 235. Ср: Новгородская первая летопись (младшего извода). С. 306.

[136]«...и за все великое княжение, отдавая живот за правоверную веру». Цит. по: *Бегунов.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 235. В Новгородской первой летописи (младшего извода) это добавление отсутствует. Там сказано лишь, что «много трудися за Новъград и за Пьсков и за всю землю Рускую живот свои отдавая» (Новгородская первая летопись. С. 306).

[137] См.: *Бегунов.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 235. Лихачев отвергает интерпретацию Бегунова, полагая, что Софийская летопись в целом помещает в центр русской истории Новгород, а не Москву. См.: *Лихачев.* Борьба. С. 48.

[138] См.: *Бегунов.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. С. 236.

[139] См., например, редакцию Жития под названием «Месяца ноября 23 день преставление святого и великого князя Александра Ярославича Невского», переработку «первой редакции», созданную в Новгороде между 1559 и 1575 гг. Она вышла из-под пера верного московского книжника, постоянно называющего Александра «великим князем». Новгород как территориальное единство здесь уступает место представлению о нераздельной «Русской земле». Именование Александра «вторым Владимиром» сближает этот текст с московскими редакциями Жития того же времени. Эти редакции опубликованы — см.: *Бегунов.* К вопросу... С. 353—357. Вообще об этом см.: *Länge.* Bild. S. 69ff.

[140] См.: *Преображенский А.* Солнце земли русской. К 750-летию победы на Неве // Литературная Россия. № 28. 1990. 13 июля С. 19.

[141] См.: *Лихачев.* Борьба. С. 46.

[142] Подробнее: Там же.

[143] См. об этом также: *Nitsche P.* Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. Bd. 35. H. 3. S. 331; *Raba J.* Moscow — the Third Rome or the New Jerusalem? // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1994. Bd. 50. S. 304.

4. РОССИЕЗАЦИЯ* АЛЕКСАНДРА (XV — XVII ВЕКА)

4.1. Церковный и династический дискурсы

Включение Александра Невского во «всерусский», ориентированный на Великое княжество Московское исторический дискурс, наметившееся уже в новгородских источниках конца XV в., окончательно завершилось в московской литературе XVI в. Александр стал элементом телеологического нарратива, направленного на формирующееся централизованное Московское государство. Образ Александра Невского, нарисованный в источниках московского периода (1462—1700), однако, оказался не вполне свободен от противоречий. Можно выделить две идеально типические конструкции, два различных, в определенной мере конкурирующих между собой, способа чтения его образа: с одной стороны, Александр явлен скорее отвернувшимся от мира чудотворцем и монахом, с другой — земным правителем и князем. Имея в виду эту дихотомию, связанные с его личностью тексты и артефакты можно разделить на две группы, которые для удобства анализа мы назовем *церковным* и *династическим* дискурсами. К церковному дискурсу следует отнести такие виды источников, как редакции Жития, Четьи Минеи и иконы, к династическому — в первую очередь летописание и генеалогии. В настоящей главе мы проинтерпретируем этот поляризованный образ Александра Невского, используя два различных подхода. Сначала мы рассмотрим оба дискурса как оп-

---

* Данный окказионализм требует разъяснения. В оригинальном тексте фигурирует слово «Russifizierung». Устоявшийся термин «русификация», с его неизбежным значением этнонациональной ассимиляции или аккультурации, относится к более позднему периоду российской истории и не подходит для передачи смысла, вкладываемого автором в «Russifizierung», — выход памяти об Александре Невском за рамки «региональных» (новгородского, московского) повествований и включение ее в протонациональный *российский* мастер-нарратив. (*Примеч. ред.*)

позиционные друг другу, как выражение борьбы православной церкви и московской династии за право присвоить себе этот образ. На втором шаге это противопоставление будет снято и противопоставленные типы чтения будут интерпретироваться как взаимодополняющие полюса концепта коллективной идентичности в Московском государстве.

В основе первого хода анализа лежит предположение, что образ Александра Невского оказался символом, переходящим из рук в руки в противостоянии православной церкви и правящей династии, причем обе стороны постоянно пытались повлиять на образ святого князя. В зависимости от контекста Александр призван был символизировать либо святость русской церкви, либо достоинство и легитимность правящего дома. Русская церковь и светская великокняжеская власть были — по крайней мере, после перенесения в Москву резиденции митрополита — силами, тесно связанными и сотрудничавшими друг с другом[1]. Обе они стремились (по византийскому примеру) сделать Москву центром движения за собирание русских земель, а после падения Константинополя — и религиозным преемником Византии. Наряду с этим симбиотическим взаимодействием церковь и государство преследовали и самостоятельные и отчасти противоположные политические цели. Интересы церкви и великого князя постоянно расходились в вопросах о примате светской или церковной власти и о церковном землевладении. В зависимости от ситуации, в спорных вопросах побеждала одна из этих политических сил. Однако, рассматривая весь московский период, можно констатировать постепенное смещение равновесия в пользу светской власти, приведшее при Петре I к упразднению патриаршества.

На втором этапе нашей интерпретации мы хотели бы учесть и тот факт, что разграничение духовной и самостоятельной светской культурных сфер в России окончательно произошло только в XVIII в. Большинство книжников и иконописцев московского периода были монахами, тесно включенными в церковный контекст. Кроме того, в большинстве источников этого времени преобладает представление о симфонии, гармоническом взаимодействии церковной и светской властей. Поскольку в Московском государстве церковная и светская сферы еще не были четко разделены, попытка функционального объяснения двухчастного образа Александра Невского, предпринимаемая на первом шаге нашего анализа, очень быстро исчерпывает свои возможности. И тогда начинается попыт-

ка представить оба дискурса как представляющие два *взаимодополняющих* концепта сообщества в Московском государстве. Если в церковном дискурсе Александр Невский воплощал идею сакрального сообщества, в династическом дискурсе он указывал на сообщество, конститутивными элементами которого были правитель и сфера его власти. Политическая лояльность государю и сакральное сообщество были двумя составными частями концепта «Русской земли», усвоенного Великим княжеством Московским для упрочения собственной модели коллективной идентичности.

4.2. Церковный дискурс

Житие Александра, созданное в Рождественском монастыре, и его новгородские переработки XV в. свидетельствуют, что к тому времени он почитался уже в качестве местного и регионального святого[2]. Невозможно сказать однозначно, насколько широко был распространен культ Александра и произошла ли канонизация князя ранее XVI в. До нашего времени не дошло ни одной портретной иконы с его изображением и не сохранилось ни одной церкви того времени, освященной его именем[3]. Лишь одна фреска Благовещенского собора Московского Кремля 1508 г., где Александр изображен с нимбом, в образе монаха-схимника, рядом с византийским святым Иоанном Дамаскином, может свидетельствовать, что память о нем как святом не ограничивалась Новгородом и Владимиром и до официальной канонизации в 1547 г.[4].

Канонизация

Нет сомнения в том, что во второй половине XVI в. культ Александра Невского распространился по всей территории влияния Русской православной церкви[5]. В 1547 г. на церковном соборе Александр и еще двадцать один «великий» или «новый чудотворец» были официально канонизированы[6], день погребения святого во Владимире (23 ноября) был помещен в церковные календари как день его памяти[7]. Теперь ежегодно в этот день во всех русских православных церквях во время утренней службы читалась определенная форма его Жития, его изображения вошли в официальные «подлинники иконописные», и теоретически теперь его именем можно было освящать храмы[8]. С этого времени официально почитался день памяти святого и место, где находилась его могила. На

практике это означало, что дети, появившиеся на свет 23 ноября, часто получали при крещении имя Александр и вверялись защите своего покровителя. А жители Владимира могли рассчитывать на небесную помощь и защиту «своего» святого[9].

В ходе канонизации Александра в XVI в. были созданы переработки и редакции его Жития, в которых сохранившийся образ был дополнен новыми чертами. В этих текстах Александр изображен не только святым князем и защитником своей земли и веры, он также несет черты «несостоявшегося» мученика и миссионера православной веры. Кроме того, в этих редакциях Жития содержится сообщение об открытии могилы Александра, когда была засвидетельствована нетленность его смертных останков. Это событие, однако, было лишь одним из множества чудес, о которых повествуют новые редакции Жития. Число их увеличивается.

Редакции Жития

Особо примечательна в нашем контексте редакция Жития, которая попала в Великие Четьи Минеи (Успенский список)[10]. Этот первый восточнославянский канон святопочитания (завершен в 1552 г.) содержит, наряду с житиями святых и библейскими текстами, комментарии и цитаты из святых отцов в календарном порядке: двенадцать томов, по одному на месяц[11]. Житие Александра в этом компендиуме репрезентирует официально санкционированный образ святого в церковном контексте. Автор этого панегирика правоверному князю Александру Невскому неизвестен. Текст, по всей вероятности, принадлежит перу кого-то из владимирских книжников, взявшегося за этот труд по инициативе митрополита Макария. Как и большинство редакций Жития, эта переработка ориентирована на содержание и композицию оригинала — в данном случае на первую редакцию Жития XIII в., «Повесть», — в ней изменены или добавлены лишь отдельные детали. В редакции Миней Четьих опущены все пассажи, противоречащие Житию святого, например сравнение Александра с римским императором Веспасианом или подробное описание участия шести храбрецов в Невской битве, имевшиеся еще в первой редакции. Новым оказывается описание детства Александра, расцвеченное агиографическими мотивами, подчеркивающими, что жизнь его с самого начала была жизнью святого[12]. Кроме того, автор вкладывает в уста Александра многочисленные молитвы и моральные проповеди, подчеркивая таким образом набожность и благоверность князя. В

целом образ храброго и сильного князя Александра, «непобедимого воина, второго Константина, нового Владимира», уступает место образу «предивного чудотворца, великого князя Александра»[13], благочестивого пастыря «своей паствы»[14]. Важное место занимают и те чудеса, которые отличают Александра именно как «нового чудотворца», их описания в заключительной части Жития вместе с похвалой увеличивают общий объем текста на треть.

Общее число чудес, о которых сообщает новая редакция Жития, включая чудо с духовной грамотой (см. 3.1), — четырнадцать. В основном они происходили у могилы Александра. Верующие христиане были убеждены в том, что в земных останках (мощах) святого сохраняется частица присутствия божественной силы. Пребывающая после смерти человека на небесах душа, согласно христианскому вероисповеданию, остается связанной с телом. Это представление о двойном присутствии святого, преставившегося пред Богом и одновременно действующего на земле, составляло основу средневекового культа мощей и святых[15]. У могилы Александра во Владимире, сообщает агиограф, были услышаны молитвы и излечены многие больные[16]. Особенный интерес представляют описания события, которое произошло в Рождественском монастыре в 1380 г. Агиограф повествует о том, как на могилу Александра пришли два старца и стали молиться и просить о помощи великому князю Дмитрию (в будущем Донскому) (1362/1363—1389) в борьбе с иноплеменниками, монголами[17]. После этого святой князь восстал из могилы, чтобы помочь своему родственнику в битве с Мамаем. Свидетелем события стал монастырский служка, рассказ которого стал поводом для открытия могилы. Подтверждая чудесное событие, останки Александра оказались неповрежденными, их поместили в специальную раку и установили на возвышении в помещении храма[18]. Внимание, которое автор уделяет описанию чудес, произошедших после смерти Александра, подчеркивает, насколько в церковном дискурсе приоритет сместился от мирского правителя к монаху-чудотворцу. Не случайно в этой редакции Жития впервые появляется монашеское имя Александра, Алексий. Очевидно, что сообщения о чудесах Александра и нетленности его останков призваны заполнить пробелы в доказательствах официальной версии рассказа о его святости, заметные еще в исходном варианте Жития XIII в. Новый текст подтверждал и доказывал святость Александра, не оставляя никаких сомнений. Важно, что при этом Александр Невский прославлялся как святой из «Русской зем-

ли»: «Не от Рима бо, ни от Синая провъзсиал еси, но в *Рустеи земли* явися, чюдотворец преславен (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*)»[19]. Все это усиливало представление о достоинстве как земной, так и небесной русской церкви, стремившейся стать наследницей Византии. Алексий-Александр был «всерусским» святым, а не представителем Суздальской земли и, конечно, уже не был новгородцем. Такое «присвоение» Александра, произошедшее уже в Первой Софийской летописи (см. 3.3), возобладало как во всех последующих редакциях Жития, так и в Минеях Четьих. Так, митрополит Кирилл жалуется при гробе Александра, как это было и в Софийской летописи: «Зайде солнце *земля Русския* (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*)»[20]. В отличие от первой редакции Жития, в плаче митрополита Кирилла отсутствует добавление о том, что такого правителя больше не будет на Русской земле. Времена изменились: его преемником стал Иван IV.

В качестве конституирующего элемента «Русской земли» агиограф рассматривает православную веру. Вывод об этом можно сделать *ex negativo,* исходя из нарисованного им образа шведов, Тевтонского ордена и монголов. Образ врага оказывается отрицательным образом самих себя, который создается методом исключения. Центральным критерием описания врага автор выбирает неверность или язычество и таким образом задает мы-группу как «правоверное» религиозное сообщество. Согласно Житию, шведы, в большинстве случаев именуемые здесь «римлянами», стремились «разорити веру святую православную и пролиати хотяща кровь христианьскую»[21]. То есть автор не только подразумевает, что враги-католики не являются христианами, но и одновременно стилизует Александра как защитника правой веры.

Еще сильнее подчеркивается отмежевание мы-группы от неверных врагов в редакции Жития Василия Варлаама, составленной в 50-х гг. XVI в. псковским монахом из окружения Макария[22]. Все три группы врагов — шведы, Тевтонский орден и монголы — с настойчивым постоянством характеризуются здесь как язычники и противники Бога[23]. Для отграничения от них мы-группа, жители «Русской земли» описаны последовательно (как ни в какой другой редакции) как христианское сакральное сообщество («нам христианом»)[24]. Так, шведский король, выступивший на «Великий Нов град и всю землю Словенскую», назван «безбожным кралем»[25]. Его воины называются «безбожными», «безбожными римлянами», «латынове» или «погании без Бога». При этом переходы от описания шведов к описанию Тевтонского ордена расплывчатые. Рыцари

также названы «безбожными и погаными немцами», они тоже — «погании латына приидоша от западных стран»[26], «окаяннии немци» или просто «безбожные немцы». Одно из трех определений — «безбожный», «поганый» или «окаянный» — постоянно предшествует имени врага. Существенной особенностью этой редакции Жития является четкая трактовка монголов как врагов. Впервые в Житии Александра Невского предпринято описание нашествия «иноплеменников» на земли Руси. Их нападение, как и в ранних источниках, оказывается выражением Божьего гнева и наказания «за умножение грех ради наших»[27]. Даже хан Батый назван здесь «зверобразныи безбожныи царь Батыи»[28]. Свита его состоит из «безбожных и поганых татар»[29]. Поскольку «окаянный злоимянитыи царъ Батыи еще не назытился бяще крови человеческиа», он послал к Александру требование, чтобы и тот подчинился ему[30].

Сам Александр постоянно называется в тексте «блаженным», «христолюбивым» и «святым великим князем». Его военные успехи трактуются в связи с этим в первую очередь как акты защиты «православной веры Христовой»[31]. Даже его политика сотрудничества с монголами в этой редакции Жития оказывается защитой Руси «от безбожных Агарян»[32]. Однако его «подвиг» не ограничен только успешной защитой земли и православной веры. В фигуре Александра Невского объединены типологические аспекты и святого-мученика, и святого, ведущего мессианскую войну: Александр едет к Батыю и, подобно своему родственнику Михаилу Черниговскому, готов умереть мученической смертью за свою веру, дабы предотвратить гибель государства[33]. Однако, убедившись в стойкости Александра, Батый освобождает его от прохода через очистительный огонь и поклонения идолам, а затем отпускает его с миром. Агиограф изображает Александра по образцу «мученика воли» или «бескровного мученика», не отказавшегося от своей веры под угрозой смерти, но неказненного — его подвиг равен подвигу мученика[34]. По Василию Варлааму, Александр, сражаясь с «немцами», вел мессианскую войну. Он стремился к тому, чтобы «безбожные рыцари» Тевтонского ордена не только отказались от притязаний на Новгород и своих захватнических планов, но и сменили веру: «Да отженут безбожнии от себе идолослужение и обратятся к Богу живу»[35].

Последняя важная в нашем контексте редакция Жития вышла из-под пера архиепископа Вологодского и архимандрита Рождественского монастыря во Владимире, Ионы Думина. Это Житие Александра Невского, самое объемное и подробное, предположи-

тельно было написано около 1591 г. по заказу первого патриарха Московского Иова (1589—1605)[36]. Текст в издании Мансикки занимает целых 75 страниц. Он был предназначен для Рождественского монастыря во Владимире и, очевидно, имел широкое распространение[37]. Автор, по всей видимости, опирался на вариант текста «Великих Миней Четьих» и «Степенной книги»[38]. В этой редакции, таким образом, сливаются уже элементы «церковного» и «династического» дискурсов[39]. Однако и здесь на передний план выступает образ Александра как благоверного и святого «нового чудотворца»:

> [Александр] в божественных бо божествен, во Ангелех светел, во святых дивен, в земных предобр, в небесных благ[40].

Новшеством, важным для понимания «церковного образа» Александра Невского, оказывается «реконструкция» теологического диспута Александра с папскими посланниками[41]. Великий князь показывает себя защитником истинной веры, обнаруживая глубокие теологические познания в вопросах иконопочитания и догмата Святой Троицы. В конце XVI в. список чудес, связанных с Александром, стал еще длиннее. В 1552 г., сообщает Иона Думин, некий монах из Рождественского монастыря во Владимире по имени Антоний наблюдал, как к могиле Александра на белых конях прискакали Борис и Глеб. Антоний тотчас узнал их по сходству с иконописными изображениями[42]. Святые князья-страстотерпцы прибыли, чтобы разбудить Александра и поспешить вместе с ним и еще четырьмя предками[43] на помощь Ивану IV, «рабу государю, царю, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу» в битве против крымского хана Девлет-Гирея[44]. Уже в 1380 г., сообщает Житие, Александр (по версии Ионы Думина, и сам (!) побеждавший монголов)[45], помог Дмитрию в битве с Мамаем[46]. Заступничество Александра в битвах против татарских войск (1380 и 1552 гг.) соответствовало той роли образца и основателя династии, которая нашла выражение в литературе о сражениях на Куликовом поле, на Дону («Задонщина») и с крымскими татарами. Александр, сам сотрудничавший с монголами, в этих текстах постоянно оказывается историческим образцом победителя как западного, так и восточного врага[47]. В том же 1552 г., сообщает Иона в другом месте, перед походом на Казань Иван IV посетил могилу Александра, чтобы просить помощи святого перед битвой. В это время в гробу Александра открылась щель. Присутствовавший при этом монах просунул в щель руку и ощутил на коже заживляющий раны бальзам[48].

Следующее чудо, описанное Ионой Думиным в Житии Александра, важно при рассмотрении истории мощей Александра. 23 мая 1491 г. в Рождественском монастыре во Владимире случился пожар. Повреждена была и церковь, где был захоронен Александр. Его останки, однако, чудесным образом не были затронуты огнем, сообщает агиограф. Один монах наблюдал, пишет Иона, как святой князь спасся из горящей церкви на коне. После открытия саркофага его смертные останки нашли невредимыми[49]. Христиане в Средневековье считали, что мощи святых неуязвимы для огня.

Рассматриваемые нами «полные» версии Жития Александра, частью вошедшие в Четьи Минеи, были предназначены для назидательного чтения монахов и клира или для чтения на вечернем богослужении. Краткая версия Жития, читавшаяся в день памяти на утренней службе в конце евхаристического канона во всех русских православных церквях, так же как и иконописные изображения святого, получила широкое распространение и, вероятно, оказала наиболее существенное влияние на образ Александра, сложившийся у населения. Первая краткая версия Жития (служба), предназначенная для чтения 23 ноября, была написана монахом Рождественского монастыря по имени Михаил[50]. Кроме нескольких редакций Жития, вероятно, он воспользовался и литургическим каноном монастыря, где ежегодно с 1263 г. у гробницы Александра совершался молебен. Как считает А.И. Рогов, образ Александра, созданный в службе, отвечал уже новым редакциям Жития: «Александр, по словам службы, преславный чудотворец, исцеления которого “не может язык человечь изглаголати”»[51]. В своей земной жизни Александр был покорителем западных врагов («от власти немецкиа») и защитником твердой веры от «еретических» папских посланников («еретическое нечестие поправ»). Важной составной частью службы была молитва Александру о поддержке и защите «Русской земли» и помощи в борьбе против врагов и «языка чуждого»[52]. Кроме того, у Александра просили «покровительства святого своему самодержавному потомку».

Иконография

Такой церковный образ Александра нашел наиболее концентрированное воплощение в ранних иконописных изображениях святого. После канонизации Александра в 1547 г. его иконописный образ, вероятно, сразу же стал частью убранства всех приходов Русской православной церкви. В день его памяти икона водружалась

на проскинетарион, а во многих церквях она постоянно была доступной для молящихся. Самое древнее из дошедших до нас отдельных иконописных изображений датируется концом XVI в.[53]. Александр представлен здесь анфас, с нимбом, «суровым и почтенным монахом»[54], схимником с бородой. Концы острого капюшона связаны вместе, в левой руке он держит закрытый свиток, правая покоится на груди[55]. Рисунок данного иконографического образца имеется также в иконописном подлиннике семейства Строгановых конца XVI в. (ил. 2 и 3)[56]. В конце XVII в. появился новый тип иконы, где Александр, молящийся Богоматери или Всевышнему, изображался точно так же, но без свитка[57].

Создание икон в православной церкви обусловлено строгим каноном. Первые иконописные изображения святого, как правило, включались в официальные сборники иконописных подлинников и затем служили «прототипом» для последующих изображений. Дошедшие до нас иконы Александра Невского, датируемые концом XVI — XVII в., с большой вероятностью отражают этот первый «прототип», возникший после 1547 г. или ранее[58].

Соответствие созданного в Житии образа Александра его иконописному изображению не случайно. Житие и икона представляют собой «композиционное целое», «единство, являющееся одним из существеннейших признаков древнерусской культуры и общества»[59]. Икона при этом имеет комплементарную по отношению к слову, дидактическую функцию: «Иконы являются для неученых людей тем, чем книги для умеющих читать; они — то же для зрения, что и речь для слуха»[60]. Иконы, как и написанный текст, содержат в себе знаки. Они «прочитываются» верующими и почитаются подобно святым книгам. Житие и изображения одинаково направлены не на передачу идентичности определенной личности, но на воспроизводство ее прообраза[61]. Изображения святых на иконах коренным образом отличаются от античных портретов или светской живописи. Теология икон учит, что образ святого есть нечто большее, чем просто наглядное изображение какой-либо личности, — он скорее воплощает собой постоянное воспроизведение архетипа, является отображением истинного прообраза. Отношение между означаемым и означающим правильно описывать при этом не в терминах «идентичности» или «подобия», но «тождества сущностей». Образ святого на иконе, будучи отображением прообраза, не идентичен самому святому, он является лишь его репрезентацией. Поэтому, вопреки ветхозаветному запрету на поклонение изоб-

ражениям, поклонение святому посредством иконы может быть оправдано теологически: святые, «елико бо часто чрез изображение на иконах видимы бывают, потолику взирающии на оныя подвизаемы бывают воспоминати и любити первообразных им... ибо честь, воздаваемая образу, преходит к первообразному, и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней»[62]. Нимб, окружающий святых на иконах, говорит о богоизбранности и отмеченности этих людей, в которых Бог обнаруживает себя в виде Святого Духа[63]. Точно так же, как сам святой своим подвигом и чудотворством свидетельствует присутствие Бога на земле, его икона напоминает верующим о божественной благодати, которую они получают через святых.

Наиболее полно близость житий и изображений святых отразилась в так называемых житийных иконах. Одна из таких икон с изображением Александра Невского находится сейчас в Покровском соборе (Василия Блаженного) в Москве. Она написана между 1591/1594 и 1635 гг., по всей вероятности для построенной в 1625-м и разрушенной в 1770 г. Александро-Невской церкви Московского Кремля[64]. Как и на портретной иконе, на среднике житийной иконы Александр Невский изображен монахом. По периметру иконы расположены тридцать два клейма, двенадцать из которых изображают сцены из земной жизни Александра, а остальные восемнадцать повествуют о чудесах на его могиле[65]. На титле значится: «Святый благоверный великий князь Александр Невский, нареченный во иноцех Алексий»[66]. Бегунову удалось доказать, что иконописец использовал в качестве литературного образца редакцию Жития Ионы Думина 1591 г. Особенный интерес в нашем контексте вызывает тот факт, что иконописец придает чудесам Александра намного большее значение, чем его земной жизни, которой отведена лишь треть имеющегося в распоряжении художника пространства. Перед началом работы ограниченный свободным местом на иконе живописец вынужден был выбрать самые важные для себя эпизоды жизни Александра из описанных в Житии[67]. Несомненно, с точки зрения иконописца, подвиг Александра состоял в защите правой веры (в Орде, в борьбе против шведов, в переговорах с папскими легатами) и в решении стать монахом, принятом на смертном одре. Замечательно, что художник, по-видимому, не придавал никакого значения битве на льду Чудского озера. Однако намного важнее земных заслуг Александра оказывается для иконописца небесная жизнь святого, особенно чудеса, происходившие у его мо-

гилы. Насколько образ святого-монаха был уже закреплен в церковном дискурсе, особенно наглядно демонстрирует клеймо № 32. На этом рисунке изображены Борис и Глеб с пятью другими русскими князьями, спешащие на помощь Ивану IV в битве с крымскими татарами (1552). Александр оказывается единственным из князей, изображенным верхом в монашеском облачении[68]. В церковном дискурсе прообразом Александра, существом его фигуры был не обращенный к миру великий князь, но отрешившийся от мира чудотворец и инок.

Эти наблюдения могут подтвердить предположение М. Чернявского о том, что в облике монаха-князя в росписи церкви Ризоположения Московского Кремля изображен Александр Невский[69]. Один из пилонов домовой церкви Московского митрополита и будущего патриарха украшен портретами князей из династии Рюриковичей (роспись собора датируется 1644 г., но создана по старым образцам XVI в.)[70]. Если идея Чернявского верна, эта икона представляет собой иконографическую противоположность изображению Александра как святого *князя* в усыпальнице Рюриковичей в Архангельском соборе[71].

Спорным в научной литературе остается вопрос о том, является ли изображением Александра Невского одна из конных фигур на монументальной иконе «Церковь воинствующая. Благословенно воинство небесного царя». Икона предположительно была написана после 1552 г. в мастерской Макария и находится сегодня в Успенском соборе Московского Кремля[72]. Нижней группой святых всадников (все с нимбами) предводительствует всадник на темном коне и в доспехах (без нимба), со знаменем в руках. Почти все исследователи определяют эту фигуру как Александра Невского[73]. Можно предположить, что этот образ находится в русле новгородской традиции, по которой Александр, подобно св. Георгию, изображался верхом[74]. Однако некоторые признаки заставляют усомниться в этом выводе. Во-первых, невозможно привести ни одного доказательства этой гипотезы, поскольку титла не сохранилось[75]. Далее, изображение Александра верхом в доспехах (к тому же без нимба) противоречит иконографическому канону, утвердившемуся в Москве с 1547 г. В любом случае, если на иконе, которая интерпретируется как прославление Ивана IV после похода на Казань, на самом деле изображен Александр Невский, такой образ князя вписывается скорее в династический (мы рассмотрим его ниже), чем в церковный дискурс о святом князе[76]. Интерпретация, согласс-

но которой войско и процессия святых князей являются и частью священной истории (которая «демонстрировалась и в "Степенной книге"»[77]), и частью генеалогии тогдашнего правителя и династии, представляется нам в некотором смысле убедительной.

Редакции Жития, краткие версии которых использовались на службах и для иконописных изображений, — это тексты *одной* церковной знаковой системы, в которой Александру после канонизации было отведено постоянное место. По сравнению с ранними редакциями образ Александра в церковном дискурсе существенно изменился. Эти тексты представляют нам уже не того смелого и властного князя Александра, который за свои земные деяния удостоился особой божественной благодати. На его месте появляется благочестивый, твердый в своей правой вере Алексий, видевший единственную цель своей жизни в уходе от мира и принятии монашества. Несомненно, этот великий схимник прожил славную земную жизнь, посвятив ее защите правой веры, но на первом плане все же оказывается его отказ от мира, вступление в небесную церковь и чудеса, происходившие после его смерти.

Александр Невский и православная церковь

За волной канонизации «новых чудотворцев» в середине XVI в. можно различить контуры деятельности митрополита Макария (1543—1564), который «систематически пропагандировал идеологию нового Московского царства посредством чрезвычайно масштабных литературных предприятий»[78]. Однако самого Макария занимало прежде всего повышение символического значения и веса церкви. Большое число «своих» святых Русской православной церкви повышало ее престиж и достоинство. В 1448 г. русская церковь добилась статуса автокефалии и, следовательно, независимости от Византии[79]. С тех пор русские епископы могли избирать своего митрополита независимо от греческого патриарха. Избрание русских церковных иерархов совершалось теперь лишь с санкции Московского великого князя. С падением Константинополя самосознание и самостояние русской церкви переживали дальнейший расцвет. С начала XVI в. Великое княжество Московское, действуя в идеологической сфере совместно с церковью, стремилось получить оставшееся от Византийской империи наследство и стать «Третьим Римом»[80]. Идея Третьего Рима, развитая прежде всего в канцеляриях «властной церкви» Иосифа Волоколамского, покоится в основном на двух основаниях. После того как в 1547 г. Иван IV был по византийскому образцу венчан царем последней православ-

но-христианской империи и вступил в наследство византийского императора, Русская православная церковь стала полагать себя первой среди всех православных церквей[81]. Большое число «собственных» святых свидетельствовало, что русская церковь была достойна константинопольского наследства[82].

Однако автономия от Константинополя не означала для русской церкви большей степени независимости. «Значение митрополии... снизилось в той мере, в какой она потеряла поддержку Византии и стала зависеть только от Великого княжества...»[83] Церковь, однако, не уступала свои позиции добровольно. Уже в трудах Иосифа Волоколамского (1439/1440—1515) обозначился спорный вопрос о примате церковной или светской власти. Заимствуя и «освежая» византийский идеал властителя, Иосиф вносил существенный вклад в идеологическое обоснование московской автократии[84]. Произведения Иосифа учили великого князя понимать свою власть как власть византийского императора. По мнению церковного идеолога, истинный христианский царь и правитель ответственен за свои поступки только перед Богом. Ему надлежит защищать церковь и заботиться о благочестии народа и жизни подданных[85]. Во внутренней политике Иосиф ратовал за подчинение всех князей и епископов единоличной власти великого князя Московского [86]. Однако, что весьма важно, Иосиф ни в коем случае не имел в виду, что церковь должна подчиняться светской власти по византийскому примеру. Напротив, решение о том, действительно ли царь является правоверным и благочестивым властителем по описанному выше образу, он считал прерогативой исключительно православной церкви.

К тому же в пользу церкви был решен и спорный вопрос о землевладении — в 1503 г. великий князь вынужден был принять сторону духовенства[87]. Все эти факты говорят о том, что «церковь и государство... были тесно связаны друг с другом, но тем не менее они были различными силами, которые не только объединялись, но и боролись друг с другом»[88]. Поэтому, рассматривая историю церковного почитания Александра Невского, не следует забывать о потребности церкви отмежеваться от великого княжества. На этом фоне следует воспринимать и отразившиеся в документах церковного дискурса об Александре Невском процессы полного включения святого князя в церковный контекст, вытеснения светского и княжеского аспекта его фигуры и замены их монашески-отрешенным и мистическим содержанием. «Так оно и должно было быть. Князь-монах вполне соответствует идее московских митрополитов о высоте монашества и превосходстве его над царством»[89].

Кроме уже названного «внешнего размежевания», канонизации XVI в. имели, однако, и компенсаторную функцию внутри самой церковной сферы. Победы церковной партии Иосифа Волоколамского над движением Нила Сорского и ересью «жидовствующих» способствовали дальнейшему упадку русского монашества. В этом смысле канонизация «новых чудотворцев» была реакцией на внутренний кризис церковной жизни, «призывом помнить славное прошлое монастырей, попыткой остановить упадок монастырей и восстановить их авторитет»[90]. Подробное описание чудес, происшедших на могиле Александра, в редакциях Жития XVI в. встраивается в эту картину. В конце XV в. появляются первые объемные добавления к житиям, дававшие подробные сведения о чудесах различных святых[91]. Наконец, по наблюдению П. Бушковича, в конце XVI — XVII в. происходит «взрыв культа чудес»[92]. Он интерпретирует расцвет повествований о чудесных исцелениях как отражение отмирающей традиции описания чудес, некогда происшедших в жизни святых монахов и старцев. Собор 1547 г. был, по его мнению, «первым известным случаем, когда церковь решила признать целый ряд святых чудотворцами»[93]. Церковь официально санкционировала изменения религиозной культуры, проявлявшиеся уже с начала столетия. Культ новых и старых чудотворцев призван был остановить распад института монашеской жизни в середине XVI в. Этот культ стал церковно-политическим и, кажется, явился весьма успешным средством коммуникации с общиной[94]. На таком фоне канонизация «нового чудотворца» Александра Невского до сих пор не рассматривалась. Невозможно объяснить повышение значимости совершенных им чудес в редакциях Жития XVI в. или в рассмотренной нами житийной иконе только лишь пробелами в обосновании его святости. Кроме этого, фигуры Невского и других канонизированных чудотворцев имели функцию образца, по которому русской церковью определялась святость в период размежевания с внешним миром и внутренней консолидации.

4.3. Династический дискурс

Источники московского периода позволяют выделить наряду с церковным и «династический» дискурс об Александре Невском. Если в церковном дискурсе на первый план выходит святость князя, его монашество и его чудотворство, династический дискурс фокусируется на Александре как властителе. Особенно наглядна эта разни-

ца при рассмотрении произведений официальной историографии. Династический образ привел в конце концов к появлению специфической иконографии святого князя. Александр Невский поменял свое монашеское облачение на княжеский плащ и предстал, таким образом, славным предком и основателем правящей династии. Эта существенная разница указывает на особенную функцию династического образа Александра. Если церковный дискурс стремился утвердить положение русской церкви по отношению к Византии и великому князю и консолидировать общину перед лицом внутренних кризисов, то специфический династический образ служил утверждению нового, самодержавного образа правителя, оправданию и легитимации ее собственных политических действий и, не в последнюю очередь, внутренней стабилизации царской власти.

Неизвестно, повлиял ли Иван IV Грозный (1533—1584) на канонизацию Александра. Сохранилось его поручение собрать жития, литургии и сообщения о чудесах новых святых[95]. Канонизация основателя московской линии Рюриковичей в любом случае могла способствовать решению его политической задачи укрепления нового централизованного государства и автократии[96]. Новое московское централизованное государство и правящая династия изображаются и прославляются в официальной историографии — Никоновской летописи (1555—1560), «Степенной книге» (1560—1563) и Лицевом своде (1568—1576) — как логическое продолжение не только русской, но и всей богоугодной священной истории. Эти произведения, частью созданные по инициативе Ивана IV и под влиянием митрополита Макария, призваны были обслуживать политико-государственные интенции правителей; в них отразилось самосознание Московского государства[97]. Труды русской историографии XVI в. одновременно маркируют поворот от погодной летописи к первым систематическим изложениям истории. При этом «кремлевское историописание в основе своей [было] централизованной официальной попыткой создания героической имперской истории в бесспорно величественном стиле»[98]. Официальная историография была признаком возрастающего самосознания Московского государства в XVI в. и средством легитимировать власть Даниловичей — московской ветви Рюриковичей — при помощи легенды о ее происхождении от римских императоров, через Рюрика к Владимиру Мономаху. Большое значение княжеских генеалогий объясняется представлением о том, что благополучие народа тесно связано с личностью его властителя. «Хороший правитель» есть носитель особенного блага, основанного на его родословной, боже-

ственном происхождении[99]. Поэтому «в XVI в. и у Москвы возникла потребность, заметная на Западе уже ранее, интенсивно приукрашивать древнее и благородное происхождение правящей династии»[100]. В генеалогическом повествовании, кульминацией которого было царствование Ивана IV, Александр Ярославич, отец Даниила Московского, занимал значительное место.

Никоновская летопись

Патриаршая, или Никоновская, летопись, еще находящаяся во власти традиционного летописного стиля, тем не менее понимается ее автором уже как история молодого Московского государства. Главным признаком повествования об Александре Невском в этой летописи оказывается встраивание князя в генеалогическую линию, ведущую к правящему московскому государю и его династии[101]. Упомянуть о князе в тексте летописи значит для ее автора включить имя Александра в последовательность князей от св. Владимира до Ивана IV:

> Александра Ярославича, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, праправнука Владимера Маномаха, препраправнука Всеволожа, пращура Ярославля, прапращура великого Владимера[102].

«Степенная книга»

«Степенная книга царского родословия» — первый памятник, порвавший с погодной летописной традицией и упорядочивающий материал, дошедший из летописей, в форме генеалогии. Каждая глава книги описывает отдельную ступень развития священной истории от римского императора Августа через его предполагаемого родственника Пруса, далее Рюрика и киевских князей и вплоть до правящего московского царя[103]. Под «русской историей» понимается в этом тексте уже не история Руси как территории, а история династии Рюриковичей[104]. Жизнь князя Александра Ярославича в «Степенной книге» оказывается «восьмой степенью»[105]. И в этом тексте имя Александра указывает на благородство московской династии:

> Александр Ярославич, иже бысть осьмый степень от самодержавнаго и равноапостольнаго царя и великаго князя Владимира Светославича, просветившаго Руськую землю святым крещением, от Рюрика же первый надесять степень...[106]

Все это включает Александра Невского в знаковую систему, прямо ориентированную на правителя Московского государства, «христолюбивого царя нашего Ивана и благороднейших чад его в роды и роды»[107] и представляющую святость династии как центральное измерение русской истории[108].

В основе жизнеописания Александра как в Никоновской летописи, так и в «Степенной книге» лежат редакции Жития святого. Автору «Степенной книги» послужило образцом Житие из Миней Четьих[109]. Здесь оно сокращено и дополнено летописными сведениями иного содержания. По сравнению с редакцией Великих Миней Четьих жизнеописание в «Степенной книге» носит более светский характер. Чудотворство Александра и его святость уходят на второй план в пользу его деятельности как правителя. Уже в заголовке Александр не назван чудотворцем, а во всем тексте назван «святым» только один раз[110]. Упоминания об исцелениях и других чудесах на его могиле сведены в одно предложение[111]. Напротив, княжеский компонент образа святого в «Степенной книге» усиливается. Александр представлен как «самодержец»[112] всей «Русской земли», способный успешно защищать свои великокняжеские властные амбиции «внутри страны», например в 1255 г. в борьбе с Новгородом:

> Некогда же Новоградстии людие дияволим омрачением совет неблаг совеща на своего благодетеля и по Бозе свободителя и восколебашася яко пьяни: сына его, князя Василька Александровича от себе выгнаша, иного же умыслиша призвати к себе[113].

После этого Александр выступил против города и урегулировал конфликт без кровопролития[114]. «Самодержцами всея Руси» московские великие князья стали называть себя только с Ивана III (1462—1505). Они использовали греко-византийское определение для императора «Autokrator»[115]. Перенеся задним числом титул правителей XV и XVI вв. на Александра Невского, автор «Степенной книги» усилил впечатление исторической непрерывности — от великого князя Владимира до московских царей. Твердые решительные меры против оппозиции в «своей» стране гармонировали с идеалом самодержавного правителя и могли послужить правящему Ивану IV для целей легитимации его борьбы с боярской высшей аристократией.

В «Степенной книге» впервые сообщается и о победоносном походе Александра Невского против татар. То, на что лишь наме-

кал Василий Варлаам (см. 4.2), оказывается эксплицированным в данном тексте. Здесь говорится, что Александр выгнал из многих городов монгольских управляющих, а некоторых даже крестил[116]. В образе Александра очевидно появился новый аспект. Он не только был защитником страны от неверных латинян, но также противником и покорителем монголов. Этот топос, встречавшийся в популярных мифах еще в конце XIX в.[117], проник в повествование об Александре из «Задонщины», где описывается взятие Казани. Там подвиги Дмитрия Донского и Ивана IV сравниваются с заслугами Александра[118]. Описание татарской политики Александра в исторических трудах XVI в., таким образом, не лишено противоречий. В «Степенной книге» великий князь предстает покорителем монголов, а в Никоновской летописи их союзником[119]. Семантическая открытость фигуры памяти «Александр Невский», очевидно, допускает синтез столь противоположных высказываний.

Несмотря на то что Д. Миллер отмечает в «Степенной книге» «систематическое собрание наиболее антилатинских эпизодов более старых версий»[120], необходимо подчеркнуть, что антилатинские клише и стереотипы «Степенной книги» выглядят просто безобидными по сравнению с редакцией Жития Василия Варлаама. Представление о том, что король Швеции был «гордым варваром, похвалющася разорити святую веру православную и пролияти хотяща кровь християнскую»[121], очень хорошо вписывалось в образ врага с католического Запада, постоянно репродуцировавшийся в московских канцеляриях XVI в. Мы-группа, сконструированная в официальной историографии при Иване IV, определяется — по аналогии с церковным дискурсом — прежде всего религиозно: в размежевании с неверными латинянами, с отпавшей от правой веры Византией и, наконец, с языческими народами Востока. История Александра занимает свое место в дискурсе о «столкновении вер» (Миллер) в основном как пример антилатинского отмежевания. Но одновременно она имеет и антитатарское измерение[122].

Лицевой свод

«Редакции» Жития Александра из «Степенной книги» и Никоновской летописи уже нельзя назвать житиями в узком смысле слова. Хотя содержащиеся в них повествования о святом князе во многих частях пересекаются с церковным дискурсом, произведения официальной историографии не имели сакральной функции. Они не служили верующим религиозным утешением, но были призваны репрезентировать и легитимировать правящую династию и

царя. Особенно явно это становится на примере Лицевого свода, единственный экземпляр которого хранился в царском дворце и служил документации исторического самосознания, а также, очевидно, историческому наставлению и воспитанию царских сыновей[123]. Лицевой свод — выдающееся произведение, «грандиозная объяснительная и интерпретирующая система» Ивана IV[124], частями которой следует считать и иконографическую программу росписей Золотой палаты и Архангельского собора Московского Кремля. Лицевой свод был создан группой книжников между 1568 и 1576 гг. Он представляет собой повествование о мировой истории, снабженное иллюстрациями (около 16 000 миниатюр в десяти томах), от сотворения мира до царствования Ивана IV[125]. Лаптевский том, один из десяти фолиантов, содержит 43 листа, на которых изображена 81 сцена из жизни Александра с соответствующим текстом[126]. Это иллюстрированное житие для нашего анализа обладает высочайшей источниковой ценностью, так как, исследуя выбор эпизодов для изображения и иконографических образцов, мы получаем возможность проанализировать «концентрированный» образ святого князя в династическом дискурсе[127].

Опубликованная часть биографии Александра из Лицевого свода может быть поделена на пять связанных по смыслу частей. В первой (л. 898—904: 10 миниатюр) Александр представлен христианским правителем, продемонстрированы его слава и черты непобедимого полководца. Наряду с этим показан контекст времени, разорение княжеств Руси монголами и посещение Александра послом ордена. Вторая часть (л. 904 об. — 915 об.: 22 миниатюры) посвящена борьбе Александра со Швецией[128]. Некую вставку составляют три миниатюры (916, 916 об. и 926 об.), изображающие победу монголов над венграми и болгарами. В четвертой части (917 и 917 об.: 2 миниатюры) проиллюстрирован разрыв Александра с Новгородом и его выход из города (1240). Пятая, самая объемная часть (л. 918 — 940: 44 миниатюры) описывает нападения Тевтонского ордена на Новгородскую землю и реакцию Александра. К сожалению, ограниченный доступ к источникам не дает возможности установить, какие еще сцены из Жития Александра выбрали для иллюстрирования составители Лицевого свода. Можно предполагать, что 81 опубликованная миниатюра охватывает большую часть посвященных Александру изображений.

Даже не зная всех миниатюр Лицевого свода, можно выдвинуть гипотезу о том, что иллюстраторы биографии Александра в первую

очередь стремились изобразить его земную жизнь, его военные и государственные деяния. Александр Лицевого свода предстает перед нами святым князем, а не монахом. Три четверти миниатюр описывают отношения между Александром Невским и населением его земли, с одной стороны, и Швецией и Тевтонским орденом — с другой. При этом борьбе с рыцарями авторы посвящают более половины всех иллюстраций. Детально представлены взятие рыцарями Изборска, строительство крепости Копорье, борьба за Псков, охваченные пожаром пригороды Пскова и зверства рыцарей по отношению к безоружным жителям (л. 918 — 923 об.). Художники показывают, как враги распространяют данническую власть на города Руси (это можно понять по изображению православных храмов). По сравнению с «Повестью», где существенное внимание уделяется Невской битве, в Лицевом своде упор делается на успехи Александра в борьбе с Тевтонским орденом. Поскольку Лицевой свод возник в то время, когда Иван IV вел Ливонскую войну, напрашивается предположение, что Александр Невский в политическом сознании царского двора того времени присутствовал прежде всего как победитель рыцарских орденов. Для московского царя, имевшего в Ливонии политические интересы, святой князь приобретал функцию легитимирующего образца. Иван IV возводил свои притязания на вотчину в Ливонии к временам «от великого государя Александра Невского»[129]. Обе эти функции (генеалогическая и функция образца) отразились и в письме царя князю Курбскому 1564 г.:

> Российскаго царствия самодержавство Божим изволением почен от великаго князя Владимира... и храбраго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы велию победу показавшаго...[130]

Александр Невский на миниатюрах Лицевого свода всегда представлен в великокняжеской одежде, а в батальных сценах — в доспехах. Он изображен чаще всего на троне в окружении дворцовых зданий или на белом коне. На всех изображениях он одет в зеленый кафтан с золотыми манжетами, воротником и поясом. Его плечи покрыты длинным пурпурным плащом с меховой оторочкой. На голове чаще княжеская шапка с меховой оторочкой, напоминающая шапку Мономаха (ил. 4). Он никогда не изображается в шлеме и очень редко с непокрытой головой. Александр на миниатюрах —

почтенный и статный мужчина с бородой. Голову его всегда обрамляет нимб. Святость Александра объясняется здесь прежде всего его справедливым правлением. Он во всем соответствует первообразу святого правителя. В двух миниатюрах особенно очевидно историко-философское представление о префигурации и воплощении, наблюдавшееся уже в «Повести» и определившее еще в XVI в. историческое мышление в Москве. Иллюстрации на девятисотом листе Лицевого свода представляют победоносный захват Йотапаты римским императором Веспасианом, изображенным на коне в западной королевской короне (ил. 5). На его месте выступает в таком же виде князь Александр, также на коне и в княжеской шапке. Этот образ представляет непобедимость Александра, отсылая к первообразу непобедимого властителя, отраженному в фигуре римского императора. Суть изображения не в том, что Александр действует *как* император Веспасиан, а в том, что он воплощает повторение того же самого первообраза, он *есть* воплощение префигурации, образец которой был дан в древней священной истории[131].

Иконография

Концентрированным выражением образа Александра в династическом дискурсе — как святого властителя, воплощенного в фигуре князя, — стала иконографическая программа росписей усыпальницы Рюриковичей в Архангельском соборе Московского Кремля. Большой московский пожар 1547 г. стал поводом для полного обновления росписей храма в 1564—1566 гг.[132]. Новые фрески стали отражением «идеологии Московского царства в середине XVI в.»[133]. Фрески, расположенные на четырех опорных пилястрах, представляют портретную галерею (большей частью не святых) князей Киевской и удельной Руси, дополненную надгробными портретами похороненных здесь правителей, чей род таким образом символически закрепляется в прошлом Руси. Иконографическая программа храма-усыпальницы пронизана эсхатологическими ожиданиями. Портреты князей соотносятся с изображением Страшного суда. Одновременно изображения правителей в Архангельском соборе маркируют важный шаг к высвобождению образа князя из церковного контекста[134]. Изображение Александра Невского, которому, как основателю династии, отводится выдающееся место в этом ряду, размещено в нижней части столба в среднем нефе храма. Невский, как легитимирующий предок-заступник

погребенных здесь правителей, изображен князем с бармами и в отороченной мехом шапке (ил. 6). Голова его окружена нимбом, в правой руке он держит православный крест[135]. Выбор этого иконографического образца кажется тем более интересным, что в Благовещенском соборе, дворцовой церкви Рюриковичей, иконографическая программа которого датируется 1508 г., Александр еще изображен монахом[136]. И в Архангельском соборе его изображение как схимника было бы вполне возможно, что, например, доказывает иконография его сына, Даниила, изображенного иноком[137]. Бармы и шапка Мономаха стали причисляться к регалиям великого князя (и позднее русского царя) только с эпохи Ивана III (1462—1505). Неизвестно, имелись ли определенные регалии уже у великих князей Владимирских и как они могли выглядеть[138]. Изображение Александра в одеянии русского царя, таким образом, можно оценить как перенос регалий правителя из конца XV в XIII в. Тем самым св. Александр указывал не только на благородство правящей династии — его изображение в Архангельском соборе подчеркивало и сущностное сходство сегодняшнего царя и его предка — основателя династии.

В XVII в. образ Александра в династическом дискурсе не претерпел кардинальных изменений[139]. Для правителей Московского царства Александр Невский в дальнейшем был интересен прежде всего как яркий представитель собственной генеалогии, как исторический предок. В Смутное время (конец XVI — начало XVII в.) на прославленного предка ссылались как царь Василий Шуйский (1606—1610), так и основатель новой династии Романовых[140]. Михаил Федорович (Романов) (1613—1645), новый царь, в своей соборной грамоте 1613 г. открыто апеллировал к Александру Невскому[141]. В 1634 г. именем святого были освящены церковь в стенах Московского Кремля — первый храм вне стен Рождественского монастыря во Владимире[142]. Предположительно храм был построен по настоянию патриарха Филарета и действовал как один из главных соборов правящей династии. Ежегодно 23 ноября здесь проходил праздничный крестный ход в присутствии Михаила Федоровича, а в дальнейшем Алексея Михайловича (1645—1676)[143]. Однако в целом интерес к Александру Невскому в XVII в. ослабел[144]. Тем не менее святой князь и в дальнейшем появляется в официальных генеалогиях как предок правящего государя. При этом порой случалось, что Александр по образцу церковного дискурса изображался

монахом. Примером такого смешения церковного образа и династического дискурса может служить Синодик, пожертвованный царской дочерью Татьяной Михайловной в 1682 г. Ново-Иерусалимскому монастырю (ил. 7)[145]. В нем Александр является фигурой в родословном древе, в вершине которого изображен св. Владимир. Начиная с вершины древа композиция может быть прочитана попеременно слева направо как генеалогия Рюриковичей до правящего царя Федора Алексеевича (1676—1682), который изображен слева внизу у подножия древа[146]. Великий князь Александр Невский изображен на левой стороне на четвертом месте (от Владимира), соответственно своему монашескому чину и церковной иконографии в одеянии великого схимника, однако — как и все остальные князья — без нимба.

Спорным остается вопрос о том, именно ли Александр Невский представлен на известной иконе «Насаждение древа Московского государства — Похвала Богоматери Владимирской» Симона Ушакова, написанной в 1668 г. для московской семейной церкви Никитниковых из Ярославля[147]. На иконе изображено дерево, растущее из главного купола Успенского собора в Москве, ветви которого обвивают изображение Богоматери Владимирской. В ветвях по обе стороны изображения Богородицы располагаются по десять медальонов с портретами святых иноков, московских митрополитов и святых князей. У подножия дерева изображены митрополит Петр и князь Иван Данилович (Калита), а также Алексей Михайлович с женой и двумя сыновьями. Александром Невским предположительно является один из святых монахов (с нимбом) на правой стороне (нижний левый медальон)[148]. Вполне возможно, что Александру предназначалось место в этом памятнике прославления московской власти. Также возможно, что в фигуре монаха «Александра» скрылся св. Александр Свирский[149].

Собственно генеалогия, «харизма родословной» Романовых приобретала все большее значение, поскольку Московское государство во второй половине XVII в. «намного сильнее, чем когда-либо ранее, было втянуто во взаимодействие великих европейских держав»[150]. Правящий дом Романовых в конце XVII в., вступив на сцену европейской политики, столкнулся с «культурой генеалогии», с помощью которой другие династии исторически легитимировали себя и свою власть. Официальные генеалогические книги и портретные собрания предков в это время стали чрезвычайно популяр-

ны. Такой генеалогией была «Большая государственная книга», сокращенно «Титулярник», изготовленная в 1672 г. для боярина Матвеева[151]. «Титулярник» — собрание 246 портретов государей, диахронно связывающих царя Алексея Михайловича с его предками Рюриковичами в единой историко-генеалогической линии, а синхронно — с другими членами российской правящей династии и современными зарубежными правителями.

Образ Александра Невского нашел свое место в первой из двух частей (ил. 8)[152]. Это — погрудное изображение мужчины с вьющимися волосами и бородой, с непокрытой головой, в великокняжеском одеянии, с воротником, украшенным драгоценными камнями и отороченным мехом. Портрет сопровождается надписью: «Великий князь Александр Ярославич Невский». В этом изображении Александра отсутствует какой-либо намек на его святость. Ни эпитет «святой», ни нимб или монашеское облачение не указывают на сакральное содержание и функцию. Портрет в «Титулярнике», таким образом, это первый чисто светский портрет Александра Невского.

Александр Невский и московская династия

В династическом дискурсе московского периода Александр Невский изображается князем, родоначальником Даниловичей и образцом для московского царя. Можно выделить три причины, почему этот дискурс одновременно подчеркивал принадлежность св. Александра к правящей династии и обособлял его княжескую ипостась. Во-первых, легенды о происхождении династии, простирающиеся до времен Римской империи и представляющие важнейших князей Киевской и удельной Руси в некоей последовательности. Они были призваны проиллюстрировать легитимность правления Даниловичей как вовне, так и внутри страны. С внешнеполитической точки зрения они были нацелены на то, чтобы форсировать признание московского правящего дома другими европейскими династиями. Во внутренней политике правящий род представлял себя как исторически легитимную и единственно справедливую властную силу. Александр Невский и как святой, и как родоначальник княжеского рода в этом повествовании занимал важное место. Во-вторых, канонизация Александра могла иметь для Московского государства стабилизирующее значение не только с точки зрения благородного происхождения правящей династии. В

1547—1551 гг. канонизировались прежде всего святые монахи из Центральной и Северной России, в том числе и из Новгорода, Пскова и Вологды. Это «собирание святых русских земель» можно интерпретировать как синтез фигур идентификации, ранее имевших лишь местное значение, в едином, общегосударственном «знаковом пуле»[153]. Такое соединение имело интеграционный и идентификационный потенциал для политических и церковных элит в княжествах и регионах, связанных теперь с Москвой (например, в Новгороде)[154]. В-третьих, тот факт, что в династическом дискурсе Александр Невский появляется не как монах, а как святой правитель, можно попытаться объяснить латентной конкуренцией церковной и светской властей за первенство в Московском царстве. «Своя» история в этом конфликте становилась ареной борьбы за «присвоение» символов. Если в образе монаха Александр Невский символизировал аскетический идеал, то в мантии московского царя он был иллюстрацией благородства правящего дома.

4.4. *Terra sancta* Московское царство

В дальнейший период существования Московского царства Александр Невский еще не играл той большой роли, какая выпала ему в XVIII в. Великому князю, введенному канонизацией 1547 г. в сонм святых Русской православной церкви, приходилось в XVI — XVII вв. делить славу и память с множеством прочих святых князей. Однако в это время были заложены основы его позднейшего почитания. Специфический церковный дискурс о святом князе, ставивший во главу угла его чудотворство, сконцентрировался в образе монаха Алексия и великого схимника. Этот отрешившийся от мира чудотворный князь был проявлением Божественной благодати, выпавшей на долю русской церкви. Он служил ей доказательством избранности, позволяя отграничить себя от Византии и от светской власти великого князя. Образ святого был и компенсацией за распад монашеской жизни.

Дополнительно к этому династический дискурс подчеркивал значение Александра для обоснования московского самодержавия и — через включение в генеалогию — власти московских Рюриковичей. Мы постараемся суммировать оба интерпретативных образца фигуры Александра, противопоставив источники церковного и династического дискурсов.

Церковный дискурс	Династический дискурс
Алексий, святой монах и чудотворец	Александр, святой великий князь
На первый план выдвигаются чудотворства	Мирская жизнь на первом плане
Символизирует святость церкви	Символизирует благородство династии
Редакции Жития, служба	Официальная историография/ генеалогия
Житийная икона	Лицевой свод
Церковь Ризоположения	Архангельский собор
Портретная икона	«Титулярник»

Церковный и династический дискурсы сосуществовали в московский период на равных правах, не противореча друг другу существенно и даже обнаруживая большую общность. Это неудивительно, поскольку церковная и светская сферы в московский период не были еще четко разграничены. Русская история не знала поляризации, которая на Западе возникла между папской и императорской властью. Тексты, распределенные в настоящей главе по различным дискурсам, зачастую исходили из одного и того же источника.

Функциональное объяснение наблюдаемых нами различий между двумя дискурсами об Александре Невском быстро наталкивается на определенные пределы.

Церковный и династический дискурсы — это не только оппозиция, они могут быть прочитаны как репрезентации двух взаимодополняющих полюсов одного повествования о сущности «Русской земли», унаследованной Московским централизованным государством. Непрерывность церковного и династического единства от Киева до Москвы составляла исходный пункт московского самосознания[155]. Оба образа Александра Невского московского периода — монаха-чудотворца Алексия и непобедимого великого князя и полководца Александра — воплощают, с одной стороны, святость церкви и страны, а с другой — божественное благородство царя и его династии[156]. Святость русской церкви и благородство правящего рода не исключали друг друга, они даже были взаимообусловлены. Это были две стороны одной медали, два полюса, организовавшие русский дискурс коллективной идентичности московского периода[157]. В конце XVII в. две повествовательные линии уже устоялись.

С одной стороны, утвердился дискурс о сакральном сообществе, зародившемся при крещении св. Владимиром Руси — святой земли (*terra sancta*). Падение Константинополя стало новым импульсом для такого самосознания. Великое княжество Московское, в понимании его церковных и политических идеологов, сменило Византию как оплот православной веры. Свое формульное воплощение эта идея нашла в понятии «Святой Руси». Русская земля или Великое княжество Московское как ее легитимный наследник мыслились Палестиной, землей обетованной, а населявший ее народ — избранным народом. Свидетельством святости земли был великий сонм ее святых. Как инкарнации Святого Духа они были доказательством преизбытка Божьей благодати и исключительной позиции «Русской земли» в священной истории. Со времен политического кризиса эпохи Смуты и церковного раскола конца XVII в. дискурс о святости Руси оказывался возможной антитезой историческому нарративу, представлявшему Россию как чисто политический организм, как сообщество, сформированное вокруг великого князя или царя.

С другой стороны, существовал дискурс о распространении политической власти Великого княжества Московского. После захвата Казанского ханства (1552) и Астрахани (1556) территория, подвластная русскому царю, распространилась за границы старой «Русской земли». Царство с тех пор не могло мыслиться исключительно как сакральное сообщество. Секуляризация государственной идеологии и соответственно развитие независимого от религии понятия государства, которое в XVII в. обозначилось при Алексее Михайловиче и приобрело четкие очертания при Петре I, стали логическим следствием этой имперской экспансии[158]. Такая «этатизация» политической теории может быть прослежена и в изменениях образа Александра Невского в конце XVII в. Если в церковном дискурсе наш герой символизировал святость страны, в династическом он подчеркивал легитимность политической власти московских царей.

---

[1] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 190.

[2] *Рогов.* Александр Невский. С. 58. Рогов полагает, что во Владимире и Новгороде действовали носители двух различных традиций. В Новгороде хранили память о Невском как о князе-полководце, во Владимире его чтили как князя-монаха. В Москве обе линии слились, и образ Александра приобрел еще один аспект — основателя и защитника правящей династии.

[3] В завещании Ивана Ивановича 1356 г. имеется указание на икону «Александра» (см.: *Голубинский*. История канонизации святых в русской церкви. М., 1902. С. 65; *Philipp*. Heiligkeit und Herrschaft. S. 70). Из этого упоминания, однако, нельзя сделать однозначного вывода о том, что речь идет об образе святого Александра *Невского*.

[4] Изображение Александра монахом соответствует его иконографии после 1547 г., однако в руках у него нет свитка. Роспись построенной в 1484—1489 гг. церкви была осуществлена по указанию Василия Ивановича. На стенах и пилонах представлены византийские императоры и русские князья. Программа росписей посвящена теме престолонаследия московских князей. Фрески были замазаны после 1547 г., однако вновь обновлены при Екатерине Второй. См.: Geschichte der russischen Kunst. Bd. 3. Dresden, 1959. S. 390—391; *Cherniavsky M.* Ivan the Terrible and the Iconography of the Kremlin Cathedral of Archangel Michael // Russian History. 1975. Bd. 1. H. 2. P. 4—5. Автор усматривает в фигуре рядом с Александром его правнука Ивана Калиту. Ил. см. в: *Рогов*. Александр Невский.

[5] До этого времени на всей территории влияния Русской православной церкви святыми князьями почитались Ольга, Владимир, Михаил Черниговский, Федор Ярославский и его сыновья Давид и Константин. См.: *Федотов*. Святые. С. 104.

[6] Канонизация сопровождается внесением святого в список (канон) и является церковно-правовым актом. См.: *Onasch*. Liturgie und Kunst. S. 156. Источниковая база о соборе 1547 г. весьма скудная, так что «скептик может сомневаться, а был ли вообще собор 1547 г.» (*Bushkovitch*. Religion and Society in Russia. P. 82). Тем не менее на канонизацию большого числа «чудотворцев» указывают многочисленные рукописи в различных монастырях. Список святых (аналог списка Волоколамского монастыря, изданного Карамзиным) опубликован в: *Bushkovitch*. Religion and Society in Russia. P. 81. На соборах 1547—1551 гг. в ранг святых было возведено 39 человек (перечень см: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVII вв.). М., 1986. С. 170—171). До того времени Русской православной церковью было канонизировано лишь 22 святых. Все остальные имена были перенесены из Менологиона Византийского.

[7] Церковь считала и считает день смерти святого днем его рождения для вечной жизни. Поэтому он чаще всего выбирается датой ежегодного празднования. Кульминацией *dies natalis* было торжество евхаристии в церкви погребения святого и чтение его жития. См.: *Onasch*. Liturgie und Kunst. S. 85. В случае Александра церковное руководство утвердило в качестве праздничной не дату его смерти, а день погребения во Владимире. Предположительно эта дата отмечалась в местном культе Александра, что можно считать знаком признания традиций Рождественского монастыря.

[8] Согласно М. Хитрову, первый храм Александру Невскому был посвящен в 1630 г. в Москве. (*Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. Репринт. СПб., 1992. С. 246). Хитров, вероятно, имеет в виду Александро-Невский собор в Москве, освященный в 1634 г. См. гл. 4.3.

[9] О феномене патроната в общем см.: *Angenendt A.* Ekstase und Wunder — Vorbild und Inbild: die Heiligen // Die Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder 1500—2000 / Hg. R. v. Dülmen. Köln, 1998. S. 100. О «святом месте» и «святом» дне см.: *Angenendt A.* Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart. München, 1997. S. 125ff.

[10] «Слово похвальное благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в нем же и о чудесех его споведася» было написано по указанию Макария и около 1550 г. было включено в Великие Четьи Минеи. Мы цитируем по: *Мансикка.* Житие Александра Невского. Приложение. С. 15—31 (далее: Четьи Минеи). Об этой редакции см.: *Охотникова.* Повесть... С. 360. Охотникова называет этот вариант «владимирской редакцией».

[11] См.: *Onasch K.* Grundzüge der russischen Kirchengeschichte. Göttingen, 1967. S. 58.

[12] Святость обожествленных личностей с раннего детства — распространенный мотив житийной литературы. См.: *Angenendt.* Ekstase und Wunder. S. 102.

[13] Четьи Минеи. С. 16. См. об этом также: *Шляпкин.* С. 89.

[14] Четьи Минеи. С. 27.

[15] См.: *Angenendt.* Der Heilige. S. 42; О нетлении и почитании святых мощей. С. 44—45.

[16] Трудно ответить на вопрос о том, предшествовало ли сообщениям в Житии о чудесах устное предание. Как правило, почитание святого у могилы начиналось с предания о наблюдавшихся там чудесах. См.: *Angenendt.* Der Heilige. S. 47.

[17] «Господине Александре, въстани и ускори на помощъ сроднику своему великому князю Дмитрию, одолеваему сущу от иноплеменник» (Четьи Минеи. С. 27).

[18] Бегунов полагает, что это сообщение о чуде отчасти соответствует фактам. Надежным ему представляется рассказ об открытии могилы в 1380 г. и изготовлении и выставлении специальной раки (*Бегунов.* Древнее изображение Александра Невского // Byzantino-Slavica. 1981. Bd. 42. H. 1. S. 41). Онаш предполагает, что Александр был после 1380 г. причислен к лику святых. См.: *Onasch.* Heiligenleben. S. 333. Также: *Голубинский.* Канонизация. С. 65. Фактически открытие и установление гроба можно интерпретировать как *elevatio*, т.е. «постановку святого тела для почестей к алтарю», т.е. причисление к святым.

[19] Четьи Минеи. С. 30.

[20] Там же. С. 26. Филипп полагает, что понятие это олицетворяет консолидацию нового централизованного государства под властью Москвы (*Philipp.* Verhältnis. S. 26).

[21] Четьи Минеи. С. 20.

[22] Житие и жизнь и повесть о храбрости и чудесех, описано вкратце, святого великого князя Александра Ярославича Невского, нового чудотворца // Мансикка. Житие Александра Невского. С. 33—48 (далее: Васи-

лий Варлаам). В общем об этой редакции см.: *Länge*. Bild. S. 45ff.; *Охотникова*. Повесть... С. 360 и далее. Редакция Василия Варлаама была включена также и в Царский список Великих Миней Четьих, адресатом которого были царь и его ближайшее окружение.

[23] Литовцы упомянуты, однако не описаны подробно.

[24] Василий Варлаам. С. 44.

[25] Там же. С. 36.

[26] «...погании Латына приидоша от западных стран» (Василий Варлаам. С. 38).

[27] Василий Варлаам. С. 42. Об описании монгольского вторжения в ранних источниках см., в частности: *Philipp*. Ansätze. S. 185ff.

[28] Василий Варлаам. С. 42.

[29] Там же. С. 42.

[30] Там же. С. 43.

[31] Там же. С. 38.

[32] «...заступника и оборонителя от безбожных Агарян» (Там же. С. 47). О библейской типизации нехристианских агрессоров см.: *Schmidt*. Gattungen. S. 26.

[33] «Лутче ми единому умерети за православную веру Христову от безбожнаго царя, нежели многим кровополитие довести и граду погибель» (Василий Варлаам. С. 43).

[34] См.: *Angenendt*. Der Heilige. S. 19.

[35] Василий Варлаам. С. 41.

[36] Месяца ноября 23 день. Житие и подвиги благовернаго великаго князя Александра, иде Невский именуется, новаго чудотворца, в немже и о чудесех его отчасти исповедание // *Мансикка*. Житие Александра Невского. Прил. С. 49—124 (далее: Иона Думин). Об этой редакции см. также: *Länge*. Bild. S. 73ff.

[37] См.: *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII века // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 314, 325. Так, например, Житие Ионы Думина служило образцом для иконописцев, иконы которых рассматривает Бегунов.

[38] Подробнее о «Степенной книге» см. гл. 4.3.

[39] Влияние «Степенной книги» особенно заметно в начале текста: «Александр Ярославич, деоспот всея Русии, от рода Варяжска, от колена Августа кесаря Римскаго, от святаго корене святопомазаннаа отрасль, иже бысть осмый степень от самодрьжавнаго и равноапостольнаго царя и великаго князя Владимира Светославича... от Рюрика же первыйнадесять степень...» (Иона Думин. С. 52). Привязка Александра к императору Августу отсутствует в остальных редакциях Жития.

[40] Там же. С. 50—51.

[41] Там же. С. 92 и далее.

[42] «...внят ту от образа написанаго их на иконе, разуме обоим сим юношам страстотерпицем быти Борису и Глебу» (Там же. С. 114).

[43] Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо и Ярослав Всеволодович.

[44] Очевидно, речь идет о победоносной битве, в которой полководец М.И. Воротынский в 1552 г. вновь отразил нападение Девлет-Гирея.

[45] «...якоже в жизни сей беяше храбр на Агарян победитель, сице и по смерти въста из гроба...» (Там же. С. 104).

[46] См. выше (редакция Миней Четьих).

[47] См.: *Рогов*. Александр Невский. С. 35 и далее. Дмитрий Донской и Александр Невский были двумя центральными персонажами-референтами из «собственного» прошлого в XVI в. См.: *Leitsch*. Weltbild. S. 208. Однако следует возразить Ляйтчу, видевшему в канонизации Александра попытку Московского великого князя легитимировать задним числом протатарскую политику (см.: *Leitsch*. Weltbild. S. 208). В середине XVI в. сотрудничество Александра с татарами было почти позабыто. В памяти об Александре Невском темой является не его сотрудническая линия, но князь скорее стилизуется как покоритель монголов и предшественник Дмитрия Донского.

[48] См.: Иона Думин. С. 106.

[49] Ср.: Там же. С. 105—106. Согласно Никоновской летописи и «Истории государства Российского» Карамзина, останки Александра избежали этого пожара лишь частично. См.: *Голубинский*. Канонизация. С. 65.

[50] *Бегунов*. Древнее изображение Александра Невского. С. 41; *Охотникова*. Повесть... С. 360. О службе см.: *Рогов*. Александр Невский. С. 43 и далее. См. также: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 213—228. Представленные здесь аспекты относятся к данным, отраженным в статье Рогова. Канон для дня поминовения Александра существует в нескольких обработках. Так, например, новая версия была создана в 70-е гг. XVII в. См.: *Бегунов*. Человек и миф. С. 56; *Хитров*. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. С. 245—246.

[51] *Рогов*. Александр Невский. С. 45.

[52] «...велий щит и крепость Руской земли» (цит. по: *Рогов*. Александр Невский. С. 43).

[53] Ил. в: *Бегунов*. Памятник русской литературы XIII века. Табл. 5.

[54] Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 5. Freiburg/Brsg., 1990. Sp. 87.

[55] Если на католических изображениях святых идентифицировать личность позволяют прежде всего персональные атрибуты, на русских иконах идентичность святого определяет *доличное* (особенно одежда), указывающее на группу и *лик,* к которому принадлежит святой (мученик, аскет или князь), и *личное* (например, форма бороды, тела и выражение лица). Поэтому как одежда, выражение лица, нимб, так и титла несут знаковую функцию и служат идентификации святого. См.: *Успенский Б.А.* Семиотика иконы // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 233—234. Доличное и личное какого-либо святого описывается в «подлинниках иконописных». См., например, описание иконы святого Александра в подлиннике Филимонова: «...св. благоверного князя Александра Невского, Владимирского чудотворца преставися в лето 6771, подобием: брада аки

Козмина, в схиме, кудрецы видеть маленько из под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист» (*Филимонов*. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. М., 1876. С. 199. Цит. по: *Шляпкин*. Иконография. С. 95). См. об этом: *Барсуков*. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Репр.: Leipzig, 1979.

[56] Прорись иконы Александра Невского см.: Ikonenmalerhandbuch der Familie Stroganov. München; Autenried, 1965. S. 105. Изображение Александра схимником имеется и на пелене XVII в. Ил. в: *Рогов*. Александр Невский. Табл. 2 (пелена 1613 г.); *Хитров*. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. С. 191 (пелена 1690 г.).

[57] Александр, молящийся Богоматери. Ил. в: Tausend Jahre orthodoxe Kirche in der Rus'. 988—1988. Russische Heilige in Ikonen / Hg. v. F. Ullrich. Recklinghausen, 1988. S. 47. Abb. 56. (XVII в.) См. также: *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2: XVI — начало XVIII века. М., 1963. С. 488—489. № 1020 (без ил.) — Александр, молящийся Богу (конец XVII в.). Ил. в: *Рогов*. Александр Невский. Ил. 4. Александр изображен в профиль, склонившийся в молитвенной позе, Мария и благословляющая рука Божия — в верхнем углу иконы в венце из облаков. Это изображение святого в профиль в молитве Богоматери или Богу-отцу соответствует общему изменению композиции изображений святых на иконах в конце XVI в. См.: *Skrobucha H.* Zur Darstellung russischer Heiliger in der Ikonenmalerei // Kirche im Osten. 1964. Bd. 7. S. 11.

[58] Исследовав изображения чудес на житийной иконе Александра (см. ниже), Бегунов попытался доказать, что первой портретной иконой Александра была созданная между 1263 и 1380 гг. во Владимире надгробная икона. По мнению Бегунова, на клейме житийной иконы имеется изображение той надгробной иконы, и оно соответствует этому первому иконографическому архетипу (*Бегунов*. Древнее изображение. С. 40—41). Однако, если учесть свободу иконописцев в композиции при создании клеймен на житийных иконах, рассуждения Бегунова вызывают сомнения.

[59] *Onasch*. Heiligenleben. S. 28, 44.

[60] Иоанн Дамаскин (VIII век). Цит. по: *Успенский Б.А.* Семиотика иконы. С. 225. Значение иконы как «опосредующего института» между церковной иерархией и социумом подчеркивает Онаш: *Onasch*. Liturgie und Kunst. S. 167—168.

[61] О немиметическом характере средневековой живописи и литературы см.: *Waszink*. Life, Courage, Ice. S. 36ff.

[62] Догмат об иконопочитании Трехсот шестидесяти седми святых отец Седьмого Вселенского Собора Никейского (787 года).

[63] См.: *Špidlik*. L'Idée russe. S. 307.

[64] Об иконе «Александр Невский с деянием» см. подробнее: *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи; *Он же*. Древнее изображение. Об Александро-Невской церкви в Московском Кремле см. также главу 4.3.

[65] См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи. С. 317 и далее. Клейма считаются от левого верхнего до правого нижнего угла. Для житийных икон есть собственный канон, которому должен следовать иконописец. Если при работе над центральной фигурой он должен строго следовать образцам из иконописного подлинника, то при оформлении клейм он обладает относительной композиционной свободой в той степени, в какой изображенное соотносится с текстуальным образцом (житием). На близость композиционного принципа клейм к фрескам и живописной миниатюре указывает Успенский (*Успенский Б.А.* Семиотика иконы. С. 224).

[66] *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи. С. 312.

[67] Клейма 1—3 изображают рождение Александра, его крестины и воспитание; в № 4 изображено посещение рыцаря ордена (Андреаса фон Велвена?); в № 5 — военный лагерь шведов и молитва Александра Богоматери; № 6 — видение Пелгусию Бориса и Глеба; № 7 — битва на Неве, поддержка ангелов, бегство шведских воинов и прием Александром послов Батыя; № 8 показывает Александра в походе к Батыю, его встречу с ханом и возвращение во Владимир; № 9 — прием папских легатов Александром и их возвращение; № 10 — вторая поездка Александра в Орду и встреча с ханом Сартаком; № 11 — прием монашеского чина, смерть и печаль народа. Александр изображен повсюду в великокняжеском облачении — либо сидящим на троне, либо на белом коне с нимбом. Бегунов усматривает здесь влияние изобразительных образов Лицевого свода (см. главу 4.3). См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи. С. 323 и далее.

[68] Описание этой сцены см. выше (редакция Жития Ионы Думина). Лилиенфельд кажется очевидным, что это клеймо демонстрирует синтез церковно-монашеского и светски-военного элемента. См.: *Lilienfeld*. Bild des heiligen Herrschers. S. 145.

[69] *Cherniavsky*. Ivan the Terrible and the Iconography. S. 4.

[70] Борис и Глеб, Дмитрий Углицкий, Юрий Владимирович, Владимир, Даниил Александрович, Андрей Боголюбский.

[71] См. главу 4.3.

[72] Ил. иконы см., в частности в: *Антонова, Мнева*. Каталог древнерусской живописи. Т. 2. Табл. 37—41. Описание: С. 128—134. Подробно об этой иконе: *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40—70-х годов XVI в. М., 1972. С. 22—39.

[73] См.: Geschichte der russischen Kunst. Bd. 3. S. 404—405; *Lilienfeld*. Bild des heiligen Herrschers. S. 144; *Kämpfer F.* Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Groznyj // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. Bd. 23. S. 518—519; *Подобедова*. Московская школа. С. 26; *Бегунов*. Иконография. С. 174. Рядом с Александром на этой иконе предположительно изображены Иван IV, император Константин, св. Владимир, Дмитрий Донской, а также Борис и Глеб. О спорах вокруг идентификации конных фигур на этой иконе см.: *Сорокатый В.М.* Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты

содержания // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабаря (1896—1990). СПб., 1999. С. 399—417, особ. С. 404.

[74] См. главу 3.2.

[75] *Рогов.* Александр Невский. С. 55.

[76] Мнева полагает, что икона создавалась не для культового контекста, а как настенное украшение для светского дворца. См.: Geschichte der russischen Kunst. Bd. 3. S. 404.

[77] Точка зрения Подобедовой, см.: *Kämpfer.* Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. S. 519.

[78] *Stökl.* Russische Geschichte. S. 230.

[79] Патриарх Иеремия II объявил московскую митрополию патриархатом лишь после согласия трех остальных патриархатов 26 января 1589 г. См.: *Nikolaou T.* Der Begriff ἔθνσς («Nation») in seiner Bedeutung für das Autokephalon der Kirche // Orthodoxes Forum. 2000. Bd. 14. H. 1. S. 18.

[80] См.: *Zernack.* Polen und Rußland. S. 150—151.

[81] В научной литературе до сих пор нет общего мнения о том, в самом ли деле Московское царство считалось наследником Византийской империи. См.: Lexikon der Geschichte Rußlands. S. 102, s.v. «Drittes Rom»; *Данилевский.* Древнерусская государственность. С. 162. Идеологическая поддержка в этом направлении со стороны иосифлян несомненно существовала. Спорным является, однако, вопрос о том, насколько царский титул, регалии государя, двуглавый орел на гербе, женитьба Ивана III на византийской принцессе Зое Палеолог и московский придворный церемониал по византийскому образцу могут быть прочитаны как выражение попытки *translatio imperii* из Византии в Москву.

[82] См.: *Голубинский.* Канонизация. С. 93.

[83] *Philipp W.* Die gedankliche Begründung der Moskauer Autokratie bei ihrer Entstehung (1458—1522) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. S. 71. Подробнее см.: *Sacharov A.M.* Über den Kampf gegen das «Lateinertum» in Rußland am Ende des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen / Hg. W. Steinitz, P.N. Berkov u.a. Berlin, 1966. S. 92—105. Сахаров интерпретирует риторику «борьбы с латинством» в церковных источниках XV в. как выражение усилий церкви по отмежеванию от великого князя, связи которого с «неверными с Запада» становились все интенсивнее (напр., посольства, архитекторы из Италии в Московском Кремле, влияние Венеции на брак Ивана III с византийской принцессой Зоей).

[84] См.: *Philipp.* Gedankliche Begründung. S. 85. Литературным образцом для Иосифа стали «Поучительные главы» папы Агапета, написанные в 527 г. для императора Юстиниана.

[85] Такой образ властителя четко выкристаллизовался лишь при Иване IV. У Иосифа мы находим лишь общий перенос византийских идей, еще не ориентированных на русские отношения.

[86] *Philipp.* Gedankliche Begründung. S. 86.

[87] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 225.

[88] *Sacharov.* Kampf gegen das Lateinertum. S. 105.

[89] *Шляпкин.* Иконография. С. 98.

[90] *Bushkovitch.* Religion and Society in Russia. S. 88—89. См. также: *Fedotov G.P.* Russian Religious Mind. Vol. 1. Kievan Christianity. Cambridge (Mass.), 1946. P. 411—412. [См. рус. издание: *Федотов Г.П.* Русская религиозность // Федотов Г.П. Собр. соч. М., 2001. Т. 10. — *Примеч. ред.*] Хорошев полагает, что большое число канонизированных в 1547—1549 гг. монахов указывает на стремительный рост символического капитала монастырей-землевладельцев (*Хорошев.* Политическая история. С. 173).

[91] *Bushkovitch.* Religion and Society in Russia. P. 100.

[92] Ibid. P. 74.

[93] Ibid. P. 80.

[94] Во второй половине XVII в. при патриархе Никоне были серьезно ограничены все культы чудотворцев. См.: *Bushkovitch.* Religion and Society in Russia. P. 102, 126—127. Этот процесс сказался и в существенном ослаблении в это время культа Александра Невского. См.: *Рогов.* Александр Невский. С. 49. Сведения о последнем чуде на могиле Александра относятся к 1706 г. См.: *Begunov.* Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein. S. 85.

[95] См.: *Bushkovitch.* Religion and Society in Russia. P. 84. В другом месте подчеркивается, что Иван IV поддерживал «проект канонизации со всей энергией». См.: Gottesdienst zu Ehren aller Heiligen der Rus'. Würzburg, 1987. S. 17. См. также: *Lilienfeld.* Himmel im Herzen. S. 11 (где подчеркивается царская поддержка канонизации местных святых в 1547—1549 гг.).

[96] *Шляпкин.* Иконография. С. 90. Хорошев говорит о несомненном влиянии царя на работу Стоглавого собора (*Хорошев.* Политическая история. С. 173).

[97] См.: *Hecker H.* Politisches Denken und Geschichtsschreibung unter Ivan IV // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30. S. 4.

[98] *Miller D.B.* Official History in the Reign of Ivan Groznyi and its Seventeenth-Century Imitators // Russian History. 1987. Vol. 14. P. 338.

[99] *Erler A.* Königsheil // Handbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Berlin, 1978. Bd. 2. Sp. 1040.

[100] *Zernack.* Polen und Rußland. S. 169. Генеалогии, возводящие правящую династию к библейским и античным персонажам, в начале XVI в. и на Западе принадлежали к «обязательным атрибутам абсолютной власти» (*Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 33). О значении генеалогий как формы соединения коммуникативной и культурной памяти см.: *Ассман.* Культурная память. С. 51—52.

[101] Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. (Репринт: М., 1965.) С. 118—143 (далее: Никоновская летопись). Об этой «редакции Жития» см. в общем: *Länge.* Bild. S. 64ff.

[102] Никоновская летопись. С. 119. Эта формула повторяется в тексте в сокращенном варианте трижды.

[103] Об образе истории в «Степенной книге» (в частности, об идее происхождения Рюриковичей от императора Августа) см.: *Nitsche*. Translatio imperii?

[104] См.: *Bushkovitch P.* The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. № 3/4. P. 365.

[105] Житие и подвизи вкупе же отчасти чудеса прехвальнаго и блаженнаго князя Александра Ярославича, рекомаго Невскаго, нареченнаго во иноцех Алексия // ПСРЛ. Т. 21. Книга степенная царского родословия. СПб., 1908. Т. 1. С. 279—295 (далее: Степенная книга). Об этой редакции см. в общем: *Охотникова*. Повесть... С. 361; *Länge*. Bild. S. 54ff. Текст создан предположительно Андреем Афанасием, духовником Ивана IV, между 1560 и 1563 гг.

[106] Степенная книга. С. 279. После 1453 г. Московский великий князь Иван III уже называется царем в договорах с Ливонией, Бранденбургом, Ревелем и Любеком. В 1547 г. Иван IV был коронован «царем и самодержцем всея Руси». См.: *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 71—151.

[107] Там же. С. 294.

[108] См.: *Bushkovitch*. Formation of a National Consciousness. S. 365.

[109] По мнению Бегунова, Клейненберга и Шаскольского, авторы «Степенной книги» ориентировались на «Повесть». См.: Письменные источники о Ледовом побоище. С. 191. В основе текста Никоновской летописи лежит «вторая редакция» Жития (Там же. С. 191).

[110] Степенная книга. С. 294.

[111] Лишь чудо с духовной грамотой, помощь Александра Дмитрию Донскому в 1552 г. и чудо с самовоспламенившейся свечой описаны подробнее.

[112] Там же. С. 293.

[113] Там же. С. 290. В 1255 г. Новгород изгнал сына Александра и его наместника Василия и поставил Ярослава Ярославича. См. гл. 2.2.

[114] Конфликт 1257—1259 гг. Александр, напротив, решил в свою пользу, применив силу. См. также: Никоновская летопись. С. 140 и далее.

[115] Ср.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 207.

[116] «И того ради тогда великий князь Александр и прочии князи Русьтии изгнаша бесерменен Татар, а иных избиша; а инии от них крестишася имя Отьца и Сына и Святого Духа» (Степенная книга. С. 291).

[117] См.: *Коринфский А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901. С. 348—350. Также см. гл. 6.6. В 1669 г. Федор Грибоедов в своей «Истории о царях и великих князьях земли русской» пишет о «много преславных побед (Александра Невского) на татар и на немец». Цит. по: *Рогов*. Александр Невский. С. 48.

[118] См.: *Рогов*. Александр Невский. С. 35 и далее.

[119] См.: Никоновская летопись. С. 141. Александр силовыми методами проводит монгольскую данническую политику.

[120] *Miller*. Official History. P. 347.

[121] Степенная книга. С. 282.

[122] Наряду с «редакциями» Жития в «Степенной книге» и Никоновской летописи сохранились еще три «светские переработки» Жития. Первая датируется третьей третью XVI в. и описывает подробно героические деяния шести богатырей в битве на Неве (ср.: *Охотникова.* Повесть... С. 361—362) Вторая — переработка с историческими поправками «редакции» Ионы Думина, созданная в XVII в. (см.: Там же. С. 362). Третья и самая поздняя «редакция» создана в конце XVIII в. неизвестным автором, сократившим Никоновскую летопись до четырех эпизодов (битва на Неве, битва на Чудском озере, поездка в Золотую Орду, смерть князя) и попытавшимся в своем тексте выделить военные и мирские деяния Александра. Все агиографические элементы здесь исчезают (см.: Там же. С. 364).

[123] См.: *Kämpfer.* Das russische Herrscherbild. О Лицевом своде см. также: *Merten S.* Die Kunst und der Krieg. Kampfbilder und Kriegsverständnis im Lecevoj Svod (Moskau, 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. Bd. 50. H. 4. S. 481—518.

[124] *Kämpfer.* Das russische Herrscherbild. S. 195.

[125] См.: *Kämpfer.* Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. S. 520—521. О Лицевом своде см.: *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

[126] Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. СПб., 1992 (факсимильное издание Лаптевского тома). Об этом издании см.: *Бегунов Ю.К.* Издание без текстолога и искусствоведа // Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Бегунов, Кирпичников и др. СПб., 1995. С. 187—189. В основе текста Лицевого свода лежит Никоновская летопись. См.: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 176.

[127] Лицевой свод в определенной степени является комплементарным источником к житийной иконе в церковном дискурсе. Факсимильное издание 1990—1992 гг., к сожалению, содержит не все миниатюры Лицевого свода, на которых изображены сцены из Жития Александра. Некоторые иллюстрации, например, можно найти еще в Голицынском томе. На это подробно указывается в: *Бегунов.* Издание... С. 188 и далее. Бегунов напоминает, что до сих пор еще не имеется публикации собрания всех миниатюр, относящихся к Житию Александра Невского. Репродукция миниатюры, изображающей изгнание Василия Александровича из Новгорода в 1255 г., отсутствует в компендиуме 1990—1992 гг., она опубликована в: *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1975. Дальнейший анализ ограничивается миниатюрами факсимильного издания 1990—1992 гг. Более подробное исследование текста, и особенно зависимости и соответствий между текстом и изображениями, кажется нам весьма важным и интересным, однако не может быть проведено в рамках настоящей работы.

[128] В частности, явление Бориса и Глеба перед битвой, подвиги шести богатырей, чудо на Ижоре.

[129] Цит. по: *Рогов.* Александр Невский. С. 42.

[130] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 12. «Государем» Московский великий князь впервые назвал себя в 1494 г. (см.: *Stökl*. Russische Geschichte. S. 202). Митрополит Макарий после взятия Казани (1552) сравнивал Ивана IV с Александром Невским, Дмитрием Донским, Владимиром Святославичем и императором Константином. См.: Geschichte der russischen Kunst. Bd. 3. S. 404; *Cherniavsky*. Russia. S. 125.

[131] Подобный образец повторяется в иллюстрациях посещения Александра представителем ордена (Андреасом фон Велвеном). В левом верхнем углу дана «префигурация» изображенных событий, визит царицы Савской к царю Соломону (л. 903).

[132] См. об этом: *Kämpfer*. Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. S. 514ff.; *Idem*. Russisches Herrscherbild. S. 170ff. Сегодняшнее состояние, сохранившееся с XVII в., соответствует программе образов XVI в., поскольку Алексей Михайлович отдал указ новые росписи сделать аналогично старым. Особенно галерея Рюриковичей должна быть верной репродукцией старой росписи. См. также: *Lilienfeld*. Bild des heiligen Herrschers. S. 144. Подробнее о программе образов см.: *Cherniavsky*. Ivan the Terrible and the Iconography.

[133] *Kämpfer*. Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. S. 515. Чернявский, однако, видит в программатике росписи также и противоречия по отношению к общепринятой «политической теории» XVI в. Для него галерея князей является проявлением нового измерения политической теории, превознесением династического благородства по монгольскому образцу. См.: *Cherniavsky*. Ivan the Terrible and the Iconography. P. 12.

[134] См.: *Kämpfer*. Russisches Herrscherbild. S. 170.

[135] Причины этого явления не прояснены в исследованиях. См.: *Lilienfeld*. Bild des heiligen Herrschers. S. 145.

[136] См. главу 4.2.

[137] См.: *Cherniavsky*. Ivan the Terrible and the Iconography. Tf. 51.

[138] См.: *Kämpfer*. Russisches Herrscherbild. S. 58; *Cherniavsky*. Russia. P. 122.

[139] См.: *Рогов*. Александр Невский. С. 47.

[140] См.: *Stökl*. Russische Geschichte. S. 262; Lexikon der Geschichte Rußlands. S. 399, s.v. «Vasilij Šujskij».

[141] См.: *Преображенский*. Солнце земли русской.

[142] До 1613 г. Александру была посвящена надвратная церковь Рождественского монастыря во Владимире. См.: *Шляпкин*. Иконография. С. 91. Церковь в Москве с 1625 г. упоминается в описаниях Кремля. Она пострадала при пожаре 1626 г., в 1631 г. была вновь отстроена и освящена в 1634 г. Между 1681 и 1688 гг. она была перенесена с исходного места у колокольни Ивана Великого к Тайницким воротам. См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи. С. 321.

[143] Церковь Александра Невского у Тайницких ворот Московского Кремля была снесена в 1770 г. Иконостас был перенесен в Покровский собор. См.: *Бегунов*. Житие Александра Невского в станковой живописи. С. 321.

[144] См.: *Рогов*. Александр Невский. С. 49.

[145] См.: *Kämpfer.* Russisches Herrscherbild. S. 68, 245ff. Ил. см.: Ibid. S. 245.

[146] Разрыв между Рюриковичами и Романовыми при этом прикрыт мнимым наследованием от Федора Иоановича к Михаилу Федоровичу.

[147] См. об этом: *Kämpfer.* Russisches Herrscherbild. S. 230. Ил.: Ibid. S. 222; *Антонова, Мнева.* Каталог древнерусской живописи. Т. 2. Табл. 142/3. Описание: С. 411 и далее.

[148] *Kämpfer.* Russisches Herrscherbild. S. 230; *Антонова, Мнева.* Каталог древнерусской живописи. Т. 2. С. 411; *Lilienfeld.* Bild des heiligen Herrschers. S. 144; *Рогов.* Александр Невский. С. 53.

[149] Предположение см.: *Skrobucha.* Ikonenmalerei. S. 30.

[150] *Stökl.* Russische Geschichte. S. 321.

[151] *Kämpfer.* Russisches Herrscherbild. S. 84, 218ff. Название «Титулярник» восходит к западному обозначению «титулярных книг».

[152] Полный перечень портретов см.: *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 4; Приложения, заключение и алфавитные указатели. СПб., 1889. Ст. 201.

[153] См. также: *Хорошев.* Политическая история. С. 170 и далее. Федотов подчеркивает, что церковная санкция собирания русских земель или русской истории (историй) великими князьями Московскими было не единственной причиной канонизации некоторых князей в середине XVI в. В этом контексте имеет значение его указание, что знаменитые князья Киевской Руси, например Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, никогда не были канонизированы. См.: *Федотов.* Святые. С. 103.

[154] *Bushkovitch.* Religion and Society in Russia. P. 89. Бушкович спорит с представлением о «централизации» государства или церкви посредством канонизации местных святых. По его мнению, централизацией можно было бы считать насаждение московских святых в провинции, а не наоборот. Канонизацию он рассматривает как процесс «гомогенизации» — а не централизации — церкви и литургии. См.: Ibid. С. 88. Аргументация Бушковича очевидно направлена против Хорошева (см.: *Хорошев.* Политическая история. С. 170 и далее).

[155] См.: *Osterrieder.* Sakralgemeinschaft. S. 205; *Halperin.* The Concept of the Russian Land. P. 37; *Pelenski J.* The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. Boulder, 1998.

[156] Другим примером синтеза церковно-сакрального и династического дискурсов в одном историческом образе московского времени, вероятно, может служить биография Дмитрия Донского. Гальперин указывает, что победитель 1380 г. прославлялся в его житии XV в. как князь-монах. См.: *Halperin.* The Concept of the Russian Land. P. 37—38.

[157] См.: *Cherniavsky.* Holy Russia // *Idem.* Tsar and People. P. 101—127; *Idem.* «Holy Russia»: A Study in the History of an Idea // American Historical Review. 1958. Vol. 63. P. 617—637.

[158] *Tolz.* Russia. P. 23ff.

5. ЭТАТИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА (XVIII ВЕК)

5.1. Александр Невский и Петр I

Выдвижение Александра из круга святых русских князей на ведущую позицию в имперском пантеоне самым тесным образом связано с биографией Петра Великого (1682—1725). При царе-реформаторе государственная по преимуществу интерпретация окончательно взяла верх над церковным дискурсом. Александр Невский был адаптирован к новой, имперской, знаковой системе и встроен в нее. По воле Петра I всё, включая и святого Александра Невского, призвано было служить росту государственного блага и общей пользы. Содержание образа Александра Невского определялось отныне не благородством правящей династии или святостью церкви, как это было еще в XVI — XVII вв. В имперском петербургском дискурсе святой призван был служить отсылкой к личности и статусу царя и императора, к новосозданной столице Санкт-Петербургу и Российскому государству как империи.

Нет ничего удивительного в том, что Петр выбрал одним из центральных исторических героев Александра Невского. Уже Иван IV, начавший борьбу за господство на Балтике нападением на Ливонию (1558), в оправдание такой политики ссылался на своего средневекового предшественника (ср. гл. 4.3). Подобно ему и Петр во времена Северной войны со Швецией обосновывал свои претензии на территории вокруг Невы исторической границей между Новгородом и Швецией времен Александра Невского[1]. При этом само по себе восстановление исторических границ едва ли было военной целью Петра. У него, однако, была возможность задним числом оправдать свое стремление к Балтийскому морю обращением к российской истории, давно поглотившей историю Новгорода[2]. Петра I чествовали после взятия Ингерманландии, Карелии, Эстонии и Ливонии как завершителя дела Александра, уже в 1240 г. побившего на Неве ненавистных шведов:

> Се, идеже Александр святый посея малое семя, тебе превеликая угобзися нива. Где он трудился, да бы не безвестна была граница российская, ты престол российский тамо воздвигл еси[3].

Официальная версия этой истории гласила, что остзейские провинции принадлежали шведской короне не по праву, и, вернув их, Петр лишь восстановил справедливость. В торжественной проповеди 23 ноября 1718 г. Феофан Прокопович (с 1718 г. епископ Псковский) провел параллель между Петром и Александром, который «при Неве... благословенным же оружием умертвив, смертоноснаго супостата, отродил Россию и сия ея члены, Ингрию, глаголю и Карелию, уже тогда отсещися имевшия, удержал и утвердил в теле отечества своего и, прозван быв Александр Невский свидетельствует и доселе, яко Нева есть российская»[4].

Вполне понятно, таким образом, почему св. Александр Невский был выбран покровителем Санкт-Петербурга, основанного в 1703 г. в отвоеванном у Швеции устье реки Невы, а в 1711 г. объявленного «царствующим градом» — резиденцией двора и правительства[5]. Традиция небесного покровителя города, имеющая средиземноморские корни, уходящие в позднюю античность, впоследствии получила широкое распространение в городской культуре. Подобно св. Петру в Риме, святой, «присутствующий» (гробом, останками / мощами) в «своем» городе, призван был уберечь городскую общину от любого явного или неявного несчастья. Многие легенды об основании средневековых городов называют городского покровителя одновременно основателем города[6]. В случае Санкт-Петербурга эта роль однозначно отводилась самому Петру, однако в определенной степени последний правил как наместник Александра[7].

Для того чтобы мощи покровителя города обрели достойное их святилище, Петр задумал основать в Санкт-Петербурге новый монастырь в честь Святой Троицы и Александра Невского. Существует мнение, что идея строительства монастыря возникла у Петра уже в 1704 г., одновременно с планами основания города[8]. С уверенностью можно говорить лишь о том, что летом 1710 г., после решающей победы над Швецией под Полтавой (1709 г.), царь отправился к устью Невы, чтобы определить место для будущего монастыря в честь «Живоначальныя Троицы и святого благоверного великого князя Александра Невского». Выбор пал на место впадения в Неву Черной (ныне Монастырской) речки, где, как считалось, Александр разбил шведов в 1240 г.[9]. Сегодня уже невозможно сказать, стала ли эта легенда причиной основания монастыря, или, наоборот, строи-

тельство монастыря повлекло за собой легенду. В действительности, указанная победа была одержана не там, где сегодня стоит монастырь, а в том месте, где в Неву впадает Ижора[10]. Но не вызывает сомнения тщательно продуманное воскрешение *genius loci* — стремление Петра навсегда связать свои победы с победой Александра. Основание монастыря было своеобразным политическим жестом, подчеркивающим важную роль, которую царь отводил традиции борьбы за свободный выход к Балтийскому морю. Значение новой Александро-Невской обители как одного из символических центров столицы становится более очевидным при взгляде на ранние проекты застройки Санкт-Петербурга. Изначальный план города предусматривал прямую «Невскую першпективу» от монастыря до собора Св. Петра и Павла, т.е. от места погребения покровителя города до новой крепости и будущей усыпальницы династии Романовых. Однако, согласно измененному плану тридцатых годов XVIII в., улицы стали располагаться по лучевым осям, устремленным к Адмиралтейской башне. Тем самым было изменено и направление главной городской магистрали, Невского проспекта[11], который и сегодня, делая изгиб на площади Восстания, соединяет лавру с Адмиралтейством[12].

Может показаться, что основание Александро-Невского монастыря входит в противоречие с петровской церковной политикой, в особенности с его монастырской реформой 1701 и 1721 гг. Петр не только поставил под жесткий контроль доходы монастырей, но и запретил основание новых монашеских общин; вступление в монашество было сильно затруднено, немало монастырей было закрыто[13]. При всем том царь никогда не отвергал полностью монашество как социальную группу. Весь церковный аппарат, однако, должен был подчиниться государственному контролю, а монахи и монахини — внести свой вклад в созидание «общего блага», например в попечение о бедных, стариках и сиротах. Кроме того, Петр и идеолог его церковной политики Феофан Прокопович стремились сделать из монастырей «рассадники науки». Одним из важнейших образовательных учреждений для высшего духовенства и должен был стать Александро-Невский монастырь[14]. Петр обладал способностью «самым хитроумным образом использовать преимущества того, что имелось у него в распоряжении». Применительно к монастырской реформе такой подход означал «сплав старых церковных норм и новейших представлений о государственной пользе»[15]. Именно в этой связи следует рассматривать введение культа

Александра Невского и основание посвященного ему монастыря. «Старательно отмежевываясь от суеверий и поклонения святым»[16], Петр тем не менее считал почитание Александра Невского полезным с точки зрения государственного блага и интегрировал культ этого святого в новую идеологию столицы, императора и империи.

Строительство монастыря началось в 1712 г. по петровскому указу от 20 февраля[17]. Еще в 1710 г. на предполагаемом месте строительства были воздвигнуты два креста и построена небольшая деревянная часовня. День освящения первой церкви — Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта 1713 г., считается «днем рождения» монастыря. Для строительства первого каменного храма был приглашен архитектор Петропавловского собора Доминико Трезини. В 1717—1722 гг. по его проекту было построено двухэтажное барочное здание, где разместились «нижняя» Благовещенская церковь и «верхняя» церковь Св. Александра Невского, освященная 30 августа 1724 г. Именно в этот день в храм были торжественно помещены привезенные из Владимира мощи святого покровителя новой столицы.

Торжественное перенесение мощей из Рождественского монастыря во Владимире в Санкт-Петербург стало первым официальным мероприятием культа Александра Невского, рассчитанным на широкий резонанс. В мае 1723 г. Петр I издал указ, в котором распорядился о перенесении святых мощей[18]. Планирование акции осуществлялось Святейшим синодом[19]. Перенесение мощей было средневековым обычаем, посредством которого новый храм или город как бы вручался своему небесному покровителю. На этот раз обряд был важным шагом на пути «назначения» Александра небесным покровителем Санкт-Петербурга. Специально для процессии были изготовлены роскошный переносной ковчег для мощей и огромных размеров полог, требовавшие от девятнадцати до двадцати пяти носильщиков. Священный груз охраняли солдаты. По всему пути следования местное духовенство и население должно было встречать мощи крестным ходом и некоторое время сопровождать процессию. О большом количестве участников из народа сообщается в специальном подробном описании. 11 августа 1723 г. торжественная процессия двинулась из Владимира по направлению к Москве[20]. Изначально встреча в Петербурге была запланирована на 20—25 августа, что оказалось невыполнимым из-за дорожных трудностей. Только 17 августа процессия достигла ворот Москвы, где на следующий день ее проводил в город большой крестный ход. Мар-

шрут предусматривал путь через Тверь и Новгород и далее по воде в Шлиссельбург, куда рака и ее сопровождающие прибыли 18 сентября. Здесь мощи находились до дня их перемещения в новую столицу в следующем году.

В третью годовщину заключенного 30 августа 1721 г. Ништадтского мира, которым юридически закреплялись окончание Северной войны и присоединение к России «на вечные времена» Ингерманландии, Карелии, Эстляндии и Ливонии, должно было произойти торжественное перенесение мощей Александра в освященный его именем монастырь[21]. Однако едва ли можно было представить «въезд» св. Александра в Санкт-Петербург монахом и чудотворцем Алексием, каким он изображался на портретных иконах в духе московской традиции. Во-первых, император враждебно относился к монашеству, во-вторых, Новгородский князь использовался Петром в его политической символике как непобедимый полководец. Поэтому неизбежной оказалась символическая трансформация фигуры средневекового князя. Уже в июне 1724 г. Синод запретил рисовать св. Александра на иконах в монашеском облачении и утвердил новый канон его изображения[22]. Для начала под эти новые правила следовало «подогнать» украшения и аксессуары раки с мощами святого.

Смертные останки Александра, проделавшие долгий обратный путь на Неву, покоились в обитой серебром деревянной раке, изготовленной в 1695 г.[23] На семи пластинах, закрепленных на гробе, располагалось краткое изложение Жития князя, история создания раки и надпись, в которой Александра просили о небесном заступничестве. Абсолютно в духе старой московской традиции, в кратком тексте Жития вырисовывался образ Александра как святого князя, монаха и чудотворца, потомка древнего благородного рода, государя, соответствующего идеалу христианского правителя[24]. Он был благочестив и богобоязнен, уважал духовенство, был защитником вдов и сирот, помогал бедным и нищим. Сжатый рассказ о заслугах Александра как победителя «проклятого врага» с Запада в жизнеописании уместился всего лишь в одно предложение[25]. Его решение принять монашеский постриг, чудо с духовной грамотой и многие другие чудеса, произошедшие на его могиле, напротив, были оценены по достоинству. Над ракой с мощами располагалась икона в позолоченном серебряном окладе, на которой Александр Невский, как и на вышивке на плащанице, изображен в монашеском облачении, согласно старым иконографическим тре-

бованиям. Икона и плащаница перед отправкой в Петербург были отделены от раки и заменены изображениями Александра в княжеских одеждах[26].

К сожалению, до нас не дошла эта первая икона, изображающая святого князя по новым иконографическим канонам, работы мастера петербургской типографии Ивана Одольского. Однако еще три сохранившиеся иконы XVIII в. позволяют нам наметить то пространство, в котором могло располагаться это первое изображение. Одна из трех икон изображает Александра верхом на коне с золотой уздечкой, седлом и подковами (ил. 9). Князь облачен в роскошные одежды, украшенный драгоценными камнями плащ с меховой оторочкой. На голове у него княжеская шапка, не похожая ни на шапку Мономаха, московскую царскую корону, ни на новую, императорскую корону. Князь изображен с бородой, и его святость обозначена нимбом. В левой руке он крепко держит поводья, правая покоится на рукояти меча. На заднем плане этого изображения виден силуэт некоего города и течение реки — вероятно, указание на Санкт-Петербург[27]. Вторая икона, также датируемая XVIII в., представляет в стиле парсуны «Святого правоверного Александра Невского» в роскошных золотых доспехах (ил. 10). Длинный пурпурный плащ, отороченный зелено-голубым мехом, лежит на плечах и скреплен на груди брошью. В правой руке Александр держит скипетр, острие которого подобно стреле, левой он держит стоящий на земле щит с барочным орнаментом. Голова Александра окружена нимбом, его окаймленное бородой лицо сильно напоминает лик Иисуса на иконе «Христос Вседержитель» (ил. 11)[28]. Третья икона является частью иконостаса усыпальницы династии Романовых в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге (ил. 12). Александр Невский изображен здесь одиноко стоящим на фоне скромного пейзажа, на плечах у него красная мантия, подбитая горностаем. Его благоговейный взгляд устремлен горé, на горизонте едва различим силуэт некоего города.

Указ Синода, определивший новый иконографический образ Александра Невского, не содержит прямых разъяснений о том, что именно следовало изображать в качестве «великокняжеского одеяния». Обязательная «прорись» для новых изображений святого, видимо, отсутствовала[29]. Этим объясняется большое разнообразие различных иконописных изображений Невского начиная с этого времени. Укажем на важнейшую общую черту всех трех описанных нами икон XVIII в. На всех святой предстает прежде всего прави-

телем. На первой это сделано посредством мотива всадника и княжеской одежды, на другой эту роль символизируют скипетр, доспехи и сходство с иконографией Христа. Второе изображение святого, кроме того, подчеркивает при помощи доспехов и щита тот факт, что Александр был князем-воином, этот аспект возникает параллельно концепции нового образа правителя как полководца (императора). Таким образом, можно предположить, что на иконе, украшавшей ковчег с мощами Александра Невского при прибытии в Санкт-Петербург, он изображался не монахом и чудотворцем Алексием, но правителем или князем-воином[30].

Если «монаха Алексия» провожала из Владимира в Шлиссельбург процессия, в которой участвовало прежде всего высшее духовенство, то «великий князь и полководец Александр Невский» торжественно вступил во врученную его покровительству столицу с военными почестями. 30 августа 1724 г. весь флот Невы был направлен для сопровождения раки с мощами из Шлиссельбурга в Санкт-Петербург[31]. Согласно сохранившимся источникам, Петр I сам отправился под парусом навстречу своему предку, чтобы собственноручно управлять штурвалом галеры, которая должна была доставить гроб к месту назначения[32]. Мощи святого патрона приветствовали в Александро-Невском монастыре пушечными выстрелами и колокольным звоном и перенесли с берега Невы в освященную его именем церковь. Празднование третьей годовщины Ништадтского мира и установления небесного покровительства Александра над городом продолжалось три дня. Центральным событием церемонии стало праздничное богослужение 30 августа с последующей трапезой для генералов, сенаторов и высших государственных и церковных сановников в присутствии императорской семьи, куда всех пригласил архимандрит монастыря[33]. Да и все население Петербурга, роскошно иллюминированного 30 августа, не могло не заметить празднества. За процессией наблюдало более 6000 рядовых зрителей[34]. Прибытие мощей в Санкт-Петербург означало символическое возведение Александра на «престол» небесного покровителя города.

Петр I стремился объединить память об Александре Невском с памятью о себе и о собственных исторических заслугах. По этой причине 2 сентября 1724 г. он отдал распоряжение Синоду издать указ о переносе празднования дня св. Александра с 23 ноября на 30 августа[35]. С этих пор 30 августа должно было отмечаться не толь-

ко как день победы Петра над Швецией, но и как день переноса мощей св. Александра в Петербург. Решение Петра было нацелено на смещение «агиографических координат» культа Александра Невского. Переместив саму могилу святого, Петр I хотел теперь передвинуть и день его поминовения в церковном календаре. Это был последний элемент символической трансформации, призванный объединить в историческом сознании потомков в единое целое победу Петра над шведами и славу Александра, а также включить в историю памяти о Невском решение императора перенести мощи святого на Неву. Как будто просвещенный монарх рассматривал себя как типологическое повторение или отражение воплощенного в Александре Невском прообраза. В торжественной проповеди 23 ноября 1718 г. Феофан Прокопович назвал Петра «живым зерцалом» Александра[36]. Вероятнее, однако, что монарх просто стремился использовать славу Александра для повышения своей собственной популярности.

В новых литургических текстах для 30 августа объединены элементы жития Александра — особенно пассажи, описывающие военные победы над шведами, — и отрывки о предыстории Северной войны, Ништадтском мире и переносе мощей в Санкт-Петербург[37]. Заказ на сочинение нового синаксара, вместе с житием и литургией, получил архимандрит Гавриил Бужинский, талантливый проповедник и сторонник Петровских реформ[38]. Синаксар и утвердившийся в нем образ Александра Невского получили намного более широкое распространение, чем любые более ранние тексты о святом князе. К 1726 г. в типографии Александро-Невского монастыря было напечатано и разослано по всем епархиям 12 000 экземпляров этого произведения[39]. Текст Бужинского начинается с предисловия о Северной войне, основании Петербурга, строительстве монастыря и переносе мощей святого из Владимира. Описание перенесения останков существенно отличается от пригодных для сравнения описаний из средневековых текстов[40]. Если там перенос священных останков всегда объясняется Божьей волей, здесь он оказывается результатом решения монарха Петра. Перечисление чудесных деяний святого отсутствует в современном описании переноса мощей, так же как и плач жителей Владимира о потере драгоценной святыни. Как правило, и то и другое встречается в соответствующих средневековых текстах. Наконец, Бужинский не расцвечивает свой текст упоминанием о присутствии духовенства при приеме мощей в Петербурге.

Все эти признаки говорят о смене эпох, маркированной в истории России правлением Петра Великого. Теперь, в духе просвещенческих представлений, ход времени не определяется одной лишь Божественной волей. В ход вещей может вмешаться индивид, данный здесь в образе обожествленного императора. Бужинский отказывается от упоминания всех чудес, связанных с именем Александра Невского, хотя тот почитался святым. С точки зрения просвещенного агиографа, святой уже не обязан своим выдающимся положением Божьей милости. Все объясняется его личными заслугами перед общим благом. (Наблюдение, подтверждения которому имеются почти в каждом жизнеописании Александра XVIII в.) Описание перенесения мощей в целом оказывается выражением светского «присвоения» стародавнего религиозного образца. В центре находится воля абсолютного монарха, противодействие или жалобы населения на его решения были немыслимы.

За предисловием о Северной войне и перенесении мощей в синаксаре следует переработанная версия Жития Александра, созданная Бужинским на основе редакции псковского монаха Василия Варлаама, полностью отвечающая новым политическим требованиям. Главными врагами Русской земли оказываются здесь шведы («свеи»)[41]. Они постоянно нападают на Новгород и даже пытаются завоевать Псков (!). Но Александр вновь и вновь отражает их удары. Новгородский князь освободил, таким образом, «всю Российскую страну» и «российские народы». Бужинский заимствовал у своих предшественников идею о том, что уже при первой поездке в Орду Александр был готов умереть мученической смертью подобно Михаилу Черниговскому[42]. Этот топос в секуляризованном виде содержится почти во всех жизнеописаниях святого, созданных в XVIII в.[43]. Однако в тексте Бужинского князь готов пожертвовать жизнью не за правую веру (как у Василия Варлаама), но за свое отечество. В панегирике, предназначенном для исполнения во время богослужений, Бужинский, конечно, не мог полностью отказаться от упоминания о святости Александра. Но чудеса, происходившие на его могиле, отступают в новом житии на задний план[44]. Александр Невский здесь представлен скорее смелым, героическим и мужественным полководцем, чем отвернувшимся от мира аскетом или монахом[45].

Петру I удалось сплавить воедино память об Александре Невском с памятью о своей собственной личности. Его заслуги по сохранению памяти о князе, жившем в XIII в., с течением времени

стали прочными элементами дискурса об Александре Невском. Однако царю-реформатору не удалось полностью трансформировать символическую систему, связанную со святым князем. Против попыток интегрировать Александра в новую имперскую знаковую систему и сделать его инструментом личного культа Петра выступили консервативные круги. Протест защитников традиций против самовластного монаршего жеста, указавшего перенести гробницу Александра, выразился, например, в одной из легенд о перенесении мощей, распространенной как во Владимире, так и в Петербурге[46]. Святой князь, говорится в легенде, не хотел переезжать в новую столицу. Когда гроб открыли в Петербурге, он оказался пуст, а останки были обнаружены на старом месте во Владимире. Тогда Петр вновь приказал перенести мощи, что опять не удалось. После троекратного повторения император открыл гроб, и из него вырвалось наружу высокое пламя. Тогда Петр запер раку, а ключ бросил в Неву. С тех пор неизвестно, где же находятся нетленные останки, в Петербурге или во Владимире.

Очевидно, не везде был признан перенос дня поминовения Александра. В 1728—1730 гг., согласно указу Верховного тайного совета, св. Александр не поминался в день 30 августа[47]. Но и после того как этот день вновь был включен в церковный календарь, поминовение св. Александра Невского могло совершаться 23 ноября. По сей день церковь отмечает как день переноса его мощей (30 августа), так и день его погребения (23 ноября)[48]. Этот компромисс характерен для истории памяти о Невском. Новые интерпретации его фигуры в большинстве случаев не могли полностью вытеснить старые прочтения. В результате происходило расслоение, диверсификация образа Александра Невского, что имело силу внутри различных знаковых систем.

Поводом для противодействия переносу празднования, очевидно, стал синаксар Гаврилы Бужинского, названный архимандритом Псково-Печорского монастыря Маркеллом Радышевским «великим поношением высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича»[49]. Радышевский, оппонент Феофана Прокоповича, причислялся к консервативно-оппозиционному лагерю, представителем которого был сын Петра Алексей. Бегунов полагает, что столь резкую реакцию Радышевского вызвал намек в тексте Бужинского на оппозиционные группы вокруг царевича, пытавшиеся предотвратить строительство монастыря и перенос останков («...смятение... от злоковарных мятежников»)[50]. Этот протест демонстриру-

ет потенциальные силы конфликта, скрывавшиеся за символической борьбой вокруг фигуры Александра Невского. Возмущение консерваторов впервые принесло плоды лишь 18 сентября 1727 г. В этот день императрица Екатерина I (1725—1727) повелела изъять из обращения произведение Бужинского и перенести празднование обратно на 23 ноября по старым Минеям Четьим[51]. Спустя три года императрица Анна Иоанновна (1730—1740) вновь отменила это распоряжение[52]. Противоречивые сигналы из Санкт-Петербурга вызвали большое замешательство. Следует предположить, что в XVIII в. праздничное богослужение в честь Александра Невского в отдельных приходах отмечалось по двум разным дням и различным книгам[53].

Однако голоса протеста не могли предотвратить влияния Петра Великого на образ избранного им исторического предшественника. После смерти императора появились признаки слияния памяти о нем и Александре Невском. Указ Синода 1724 г. о том, что отныне следует изображать Александра только в великокняжеских одеяниях, собственно, касался лишь иконописи. Но и мастера секулярных форм изобразительного искусства (портрета, исторической живописи и мозаики) ориентировались на новый иконографический канон. Художники, не связанные строгой теологической теорией прообраза и копий, мало заботились о создании по возможности «аутентичного» или «исторического» изображения Александра Невского. Они и так не имели сведений ни о чертах его лица, ни о том, как выглядели в реальности плащ и снаряжение Новгородского князя или великого князя Владимирского. Тем более неудивительно, что в воображении «энциклопедиста» Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765) представление об Александре Невском слилось воедино с образом Петра Великого. Примером может служить мозаичный портрет, созданный этим решительным патриотом в 1757—1758 гг. в основанной им мастерской. Новгородский князь изображен здесь молодым человеком с длинными кудрями, усами и в светло-голубых латах. Над правым плечом у него красный княжеский плащ с горностаевой оторочкой, скрепленной на груди брошью. На окруженной нимбом голове — императорская корона (ил. 13)[54]. Этот образ Александра Невского до деталей совпадает с сохранившимся портретом Петра, на котором царь-реформатор изображен в молодые годы (ил. 14). Ломоносов лишает средневекового русского князя бороды и наделяет его — согласно канону облачения правителя XVIII в. — пурпурным плащом и императорской короной[55]. Кажется, художник позаимствовал даже черты лица Петра[56]. Внешнее сходство обоих властителей соотно-

силось для Ломоносова с родством их исторических заслуг, свои соображения о которых он изложил в «Кратком российском летописце»[57]. Эта небольшая книжка, написанная ученым в 1760 г. и содержащая краткий обзор всей российской истории, была чрезвычайно популярна и многократно переиздавалась в дальнейшем. До 1799 г. наряду с «Синопсисом» 1674 г. она была наиболее распространенным обзором истории Российской империи. Поскольку «Летописец» можно рассматривать и как «первый учебник по русской истории для школы», заданный в нем образ Александра должен был оказать существенное влияние на формирующуюся публику (Öffentlichkeit)[58]. «Летописец» был в первую очередь прославлением великого царя-реформатора Петра I. Его автор стремился содействовать формированию патриотического сознания у соотечественников. Как предшественник Петра Великого Александр Невский заслуживает славной памяти потомков в первую очередь благодаря своей победе над шведами:

> Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новгородском, храбро побеждал шведов и ливонских немцев, напавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честию отпустил на великое княжение Владимирское, о котором меньшие его братья, Святослав и Михайло Ярославичи, между собою спорили. По четвертом хождении в Орду, на возвратном пути, постригшись, преставился[59].

Ни победа Александра на Чудском озере, ни его промонгольская политика не удостоились упоминания в краткой записи Ломоносова. Примечательно, что ученый не говорит ничего и о святости Александра. Невская победа полностью вытеснила из памяти прочие его заслуги, Александр сливался воедино с Петром Великим и становился метафорой первого российского императора.

Окончательное «присвоение» государством фигуры Александра Невского имело огромное значение для двух российских императриц, Елизаветы (1741—1761) и Екатерины II (1762—1796). Как дочь царя-реформатора, так и бывшая принцесса Ангальт-Цербстская пытались использовать культ Александра Невского для повышения собственного авторитета. И вновь верному слуге государства Ломоносову удалось привести к общему знаменателю заслуги Александра Невского, Петра Первого и Елизаветы в одной надписи на

серебряной раке для мощей святого покровителя города, созданной в 1746—1753 гг. на средства императрицы:

> Богу Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику, презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшему, укротившему варварство на Востоке, низложившему зависть на Западе, по земном княжении в вечное царство преселенному в лето 1263, усердием Петра Великого на место древных и новых побед пренесенному 1724 года, Державнейшая Елисавета, отеческого ко святым почитания подражательница, к нему благочестием усердствуя, сию мужества и святости Его делами украшенную раку из первообретенного при Ея благословенной державе сребра сооружать благоволила в лето 1752[60].

Во времена правления Екатерины II завершилось строительство Александро-Невского монастыря. Императрице, весьма искушенной в создании сценариев родства с традициями своего избранного отечества, удалось в 1790 г. надолго соединить собственное имя с историей Александра Невского[61]. Освящение Троицкого собора в посвященном ему монастыре, состоявшееся 30 августа 1790 г., связало монархиню с новым перемещением его мощей[62]. После прибытия праздничной процессии из Казанского собора, серебряная рака под барабанный бой в присутствии императорской семьи «с великим торжеством»[63] была перенесена из верхней церкви Благовещенского собора в левый придел Троицкого собора. «Здесь Петр Великий начал, Екатерина Великая совершила», — прославляли событие преданные современники[64]. 18 декабря 1797 г., уже при сыне Екатерины Павле I (1796—1801), Александро-Невский монастырь стал именоваться лаврой и занял третье место в иерархии русских православных монастырей, после Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавр[65].

5.2. Имперский дискурс

Столица империи

Решение Петра сделать святым покровителем Петербурга Александра Невского надолго связало память о святом князе с историей города на Неве. Александр стал прочным элементом мифологического багажа Петербурга, подобно тому, как новое место захороне-

ния святого стало частью дискурса об Александре Невском. Перенос мощей означал для Санкт-Петербурга не только въезд покровителя города на его новую родину. Перенос останков из Владимира одновременно стал началом традиции захоронения в городе правителей, важным элементом оформления Петербурга как столицы империи. Хотя последним пристанищем Александра не стала усыпальница правящей династии, не вызывает сомнений, что святой был важен для столицы и в своей функции предка Романовых. На это указывает, во-первых, упомянутая замена иконы в Шлиссельбурге и, во-вторых, тот факт, что на раке были изображены регалии правителя[66]. Перезахоронив останки Александра в молодой столице, Петр создал новый близкий к власти культовый центр, «Сен-Дени» Российской империи.

Многочисленные изображения XVIII в. представляют Александра Невского на фоне архитектурных силуэтов новой столицы. На одном из наиболее старых дошедших до нас лубков с изображением патрона города святой князь представлен в доспехах верхом на галопирующем коне (ил. 15)[67]. В левой руке у него угрожающе поднятый меч, на окруженной нимбом голове — императорская корона[68]. Луч света, который посылает всаднику изображенный в верхнем левом углу Христос, говорит о том, что Александр обладает данной Богом имперской властью. На заднем плане этого портрета видны Александро-Невский монастырь, Петропавловская крепость, широкое русло Невы и расположенный на том же берегу военный лагерь — предположительно намек на победу Александра над Швецией в 1240 г.[69]. Эту гравюру можно назвать примером переплетения элементов церковного дискурса и нового, имперского прочтения Александра. Изобразительный ряд произведения уже полностью соответствует новой петербургской трактовке его фигуры. Традиционные элементы, однако, содержатся в кратком панегирическом тексте в нижней части лубка: Александр описывается здесь с помощью солярной метафоры как абсолютный монарх и победитель западных врагов[70]. Эпитеты («нового чудотворца, преславна и благоприятна») и тот факт, что городом его захоронения назван исключительно Владимир, напоминают об интерпретации фигуры князя, созданной в московскую эпоху[71]. Все это еще раз доказывает, что в развитии дискурса об Александре Невском новые интерпретации никогда полностью не вытесняли прежних прочтений.

Лубки, или народные картинки, появились в России в XVII в. и были предшественниками иллюстрированных медиа. На первых простых деревянных гравюрах изображались религиозные сюжеты,

сатирические сцены и, позднее, исторические и политические события. Наряду с иконами лубки были «единственным изобразительным материалом, доступным массам русского народа, то есть они занимали важное место как в городской, так и в крестьянской культуре»[72]. В середине XIX в. лубок стал атрибутом почти каждой крестьянской избы и жилища городского плебса. Частичная секуляризация образа Александра Невского в XVIII в. позволила теперь изображать князя и в профанной художественной форме, каковой был лубок. Это «высвобождение» образа святого из узких рамок иконописного канона стало важным шагом на пути популяризации покровителя города в петербургской интерпретации.

Очевидно, большое значение для закрепления образа Александра Невского в сознании населения Петербурга имели и праздничные процессии, проходившие ежегодно 30 августа в городе с 1743 г. (и вплоть до 1921 г.)[73]. По указанию «ее императорского величества Елизаветы Петровны» 29 августа 1743 г. Синод издал регламент процессии, который одобрила императрица[74]. Праздничный крестный ход, «как в Москве бывает» в другие дни, должен был состояться на следующий день и пройти от Казанского собора до Александро-Невского монастыря. Во главе процессии шествовали представители высшего духовенства с иконами и хоругвями, в сопровождении кавалеров ордена Александра Невского, императорской семьи, министров, высших чиновников и генералитета (ил. 16). Весь церковный люд, даже не упомянутый в описании процессии, предположительно формировал ее «хвост» и заполнял обочины дорог на пути ее следования. Унтер-офицеры и солдаты были выстроены вдоль всего Невского проспекта, осуществляя охрану представителей церкви и государства[75]. Вершиной мероприятия было праздничное богослужение в Александро-Невском монастыре, где крестный ход встречали барабанным боем[76]. Ежегодная церемония 30 августа закрепляла в живой памяти петербуржцев образ их городского патрона, а также Петра Великого и его победы над Швецией. Город был украшен и иллюминирован, в течение дня неоднократно звучали пушечные залпы с одной из крепостей[77]. В XIX в. празднования в честь покровителя города совпадали с тезоименитством трех императоров, носивших имя Александр. Именины императорской четы, а также дни их рождения, вступления на трон и коронации причислялись к шести важнейшим государственным праздникам[78]. Таким образом, на протяжении почти всего XIX в. 30 августа было для Петербурга важнейшим праздничным

днем. Монархи, двор, кавалеры ордена Александра Невского и вся столица чествовали друг друга, освящаемые святым-покровителем, образ которого занял прочное место в арсенале петербургского городского текста.

Империя

Городскому небесному покровителю, защитнику «царствующего града», вверялся не только Санкт-Петербург, но и вся Российская империя[79]. С переносом останков в новую столицу Александр стал и небесным покровителем империи. Этот символический акт соответствует обряду интронизации «национального святого», который можно наблюдать на Западе с XII в.[80]. Задача покровителя целой нации состоит не просто в том, чтобы поддерживать определенную династию в ее притязаниях на власть и защищать от внешних и внутренних врагов. Патронат святого служит конкретно-персональной символизации новой государственности. Он репрезентировал страну и был персонификацией нарождающейся нации[81]. Позиция св. Александра Невского, однако, никогда не была отмечена исключительностью, на которую мог претендовать, например, св. Вацлав в Чехии. Александр, наряду с Борисом и Глебом, Ольгой, Владимиром, Андреем и другими, оставался одним из многих святых, призванных представлять сообщество Российской империи у Божественного престола. Не исключено, впрочем, что в XVIII в. Александр Невский должен был стать единственным национальным святым «обновленной России». Просвещенная Российская империя стремилась к тому, чтобы ее воспринимали при европейских дворах как равноправную державу. Новгородский князь, уже в XIII в. давший отпор «западным державам», как нельзя лучше репрезентировал это новое самосознание.

Российское царство превратилось в «межконфессиональную империю» не только после включения в ее состав остзейских провинций Лифляндии и Эстляндии[82]. Очевидно, что уже со времен взятия Казани (1552) Московское государство дополнило свою экспансионистскую программу «собирания русских земель» имперским компонентом. Однако лишь Петр I, отказавшись от древней столицы и перенеся резиденцию на северо-западную окраину государства, провозгласив себя «всероссийским императором» и введя западные монархические регалии, определенно маркировал конец «Московского царства» и начало «Всероссийской империи»[83]. Ни традиционное представление о «Русской земле», ни идея свя-

щенного происхождения династии не могли уже составить достаточное идеологическое обоснование новой империи. И ясное отмежевание от внешнего врага едва ли было возможно в полиэтнической империи, управление которой все больше концентрировалось в руках разнородной по этническому составу бюрократии. Всероссийская империя не мыслилась больше *ex negativo* через противопоставление Византии, монголам или римско-католическому миру, как это было еще с Московским царством. В изменившейся России, стремившейся к признанию равноправной европейской державой, старомосковское неприятие всего чужого уступило место толерантности и открытости миру. Петербургская империя подчеркивала теперь не «синхронные» внешние, а «диахронные» внутренние границы, границы по отношению к московскому прошлому. Одновременно она предлагала своим подданным новые «положительные» фигуры идентификации — абстрактную идею института государства или империи и миф об «Отце Отечества», добром и всесильном самодержавном императоре[84]. Под эту новую доктрину была подогнана и официальная трактовка Александра Невского в XVIII в. Александр оказывался либо образцом государственного деятеля, либо частью нового императорского культа.

Император

Образ Александра Невского в его петербургской интерпретации указывал не только на личность Петра Великого, новую столицу и империю, он символизировал и новое представление о сущности монархии. Особенно четко прослеживается функция Александра Невского как проекции современного образа российского императора на примере его иконографии. Великий князь Владимирский сменил бармы и шапку Мономаха московского царя на пурпурный плащ и корону «императора всероссийского»[85]. Наряду с мозаичным портретом Ломоносова (ил. 13) и лубком с силуэтом Санкт-Петербурга (ил. 15), уже рассмотренными выше, наглядным примером «нового платья короля» может служить картина кисти Григория Ивановича Угрюмова «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями» (ил. 17). Картина была написана в 1794 г. по заказу Екатерины II для Троицкого собора Александро-Невской лавры. Как и Ломоносов, Угрюмов решил изобразить Александра молодым и безбородым. Не только плащ и корона указывают на этой картине на то, что Новгородский князь изображен здесь рос-

сийским императором. Регалией христианского (западного) императора была и белая лошадь, на которой князь-победитель на картине въезжает во Псков[86]. Выбор мотива был не в последнюю очередь продиктован именно этим обстоятельством. Александр въезжает в город как полководец-победитель после выигранной битвы во главе своего войска, его приветствуют народ, духовенство и музыканты[87]. На заднем плане видны двое пленных, что еще более усиливает триумф Александра[88].

Изначально почетный титул «император» в Римской империи получал высший военачальник[89]. Петр I, именовавшийся императором с 1721 г., позаимствовал новый образ правителя из римской модели. Регалии и церемонии внедряли в России имперскую традицию, равноправную с западным имперством[90]. Петр был убежден, что «русский царь обязан своей властью не предписанным божеством традициям наследования, а своим подвигам на ратном поле»[91]. Тематика угрюмовского полотна и его иконографические элементы прекрасно иллюстрируют это новое представление об императорской власти.

Подданные

Александр Невский воплощал в имперском дискурсе идеал правителя, заботящегося об общем благе и государственной пользе:

> ...сей муж был, како не всуе нарицался великий князь российский, како разсуждал должность звания своего и не титлу токмо государственную, но и тяжесть государственных дел со усердием носити тщался[92].

Александр должен был служить образцом своим потомкам и всем подданным. Петр, стремившийся «пробудить в подданных сознание объективности государства и представление об отечестве, впервые в русской традиции понятийно отделенном от правителя»[93], планировал создание российского ордена, который носил бы имя Александра Невского[94]. Император задумал этот знак отличия по аналогии с французским военным орденом Святого Людовика, однако не успел осуществить свой проект[95]. Орден был учрежден непосредственно после смерти Петра его женой Екатериной I, поводом стала свадьба их дочери Анны и герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха 21 мая 1725 г. Изображение Невского на центральном медальоне орденского креста могло бы послужить

образцом для исторического полотна Угрюмова. Здесь изображен молодой, безбородый князь в императорской мантии на скачущем галопом белом коне[96]. С небес к нему протягивается благословляющая рука, что свидетельствует о том, что использование сакрального символа для секулярной цели не обязательно означает утрату им сакрального статуса.

Первыми кавалерами ордена Александра Невского стали герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский, сама императрица Екатерина I, многочисленные высшие российские сановники, а также представители европейских правящих домов, среди них — члены немецких и шведских фамилий[97]. Орден, в отличие от французского военного ордена Св. Людовика, являлся наградой за преданность государю и заслуги перед Отечеством. Во внутренней политике орден был средством укрепить связь подданных с абсолютной монархией, во внешней — поощрить готовность политических партнеров к сотрудничеству. Согласно Орденскому статуту 1797 г., он был наградой «За Труды и Отечество», т.е. за личные заслуги и труды на благо Российского государства, а не за военные подвиги[98]. Этим имперский орден Александра Невского отличался и от одноименного советского ордена, учрежденного в 1942 г., которым награждались командиры Красной армии за выдающиеся военные подвиги во время Великой Отечественной войны[99]. В памяти кавалеров первого ордена Александра Невского его фигура не должна была оставаться примером батальных заслуг. В торжественных проповедях XVIII в. им предлагался другой идеал героя. Как подчеркивал в своей проповеди 30 августа 1778 г. Иоасаф Заболоцкий, герои благодаря своим духовным способностям возвышаются над человеческой массой, как пастухи над стадом или государи над подданными. Они — «стражи всеобщей безопасности, защитники отечества, поборцы веры»[100]. Герои прославляют отечество и распространяют благочестие, они полны мужества, отваги и мудрости.

> Правильная и беспристрастная мысль для героя столько же необходима, сколько и дела его должны быть благонамеренны и не преступающи границы справедливости и честности... Не составляет еще характера истинного Героя, чтобы покрывать поля, леса трупами сопротивников, восходить на победительные колесницы, венчаться знамениями почестей; но надобно при том, дабы внутри души его горел всегда чистейший огнь неизменной любви общего блага[101].

5.3. История и общество

Эпоха просвещенного абсолютизма поставила новые задачи перед историописанием. Наследницы Петра обнаружили, что отечественная история может быть запасом примеров из прошлого и средством взращивания патриотизма подданных. Облаченная в одеяния официальной исторической доктрины, отечественная история призвана была выдвигать особенно достойных и прославленных персонажей «собственного» прошлого в качестве примеров государственной верности и деятельности на пользу государства и таким образом повысить лояльность подданных. Отечественная история служила воспитанию подданных, прежде всего молодежи, как преданных и полезных слуг государства. Этой целью объясняется и государственный заказ на создание отечественной историографии, что привело, например, к основанию специального отделения Академии наук в Петербурге. Основы современной российской историографии в Академии закладывали иностранные, прежде всего немецкие, ученые. История обязывалась повиноваться примату государственной пользы. Следовательно, «истинная» интерпретация исторических событий неизбежно оказывалась государственной монополией[102]. Придворному историографу вменялось в обязанность устанавливать официальный взгляд на прошлое. Первым этот пост занял в 1748 г. Герард Фридрих Миллер, в 1768 г. его сменил Михаил Михайлович Щербатов, а в 1803 г. это место получил Николай Михайлович Карамзин. В конце XVIII в., при Екатерине Великой, идея Петра I — о создании у нового поколения государевых слуг такого представления о государстве, которое было бы основано на «собственной» истории и не связано с конкретным правителем, — получила воплощение с учреждением государственных школ и принесла первые плоды в начале XIX в.

Начавшаяся в XVIII в. дискуссия об отечественной истории скоро переросла в борьбу за «верную» интерпретацию прошлого Российского государства. Поначалу этот спор развернулся в молодой Академии наук между немецкими историками, с одной стороны, и их русскими коллегами — с другой. Одновременно научный исторический дискурс приобрел и определенную собственную динамику. Особый интерес в этом процессе представляют два момента. Во-первых, первые русские историки объявили основными принципами своей деятельности — наряду с государственной пользой — «объективность» и «верность источникам». В отдельных случаях это приводило к результатам, идущим вразрез с реализа-

цией государственных интересов, и ослабляло готовность воспевать монарха в панегириках, основанных на вымысле. Во-вторых, благодаря возникновению в конце XVIII в. дворянского общества и интеллигенции, в сферу интересов историков попадала, наряду с историей государства и династии, и история «общества». Историки, будучи сами представителями этой «третьей силы» (после церкви и государства), стали писать для читающей публики, стремящейся обрести себя в их трудах. В этом смысле становящийся научный дискурс о «своей» истории был не только предпосылкой, но и точкой отсчета для нарождающегося русского национального самосознания. Отражение этих боев за «собственное» прошлое между иностранными и русскими историками, а также между имперским и научным дискурсом можно найти и в развитии исторического повествования об Александре Невском в XVIII в.

Научный дискурс

Замечательно, что первая светская биография Александра Невского вышла из-под пера немецкого историка, члена Академии Герарда Фридриха Миллера. Его «Жизнь святого Александра Невского» (часть «Собрания русской истории») увидела свет в 1732 г. на немецком языке в Петербурге[103]. Миллер, опиравшийся в описании жизни Александра более всего на «Степенную книгу»[104], впервые привлек к работе другие источники, такие как шведские и ливонские хроники или сборники папских документов. Другим новшеством был тот факт, что историк приступил к биографии Александра с научными претензиями. Занимаясь критикой источников, Миллер тем не менее считал аутентичными все добавления об Александре в «Степенной книге», в основе которых лежало Житие святого. Кроме того, Миллер едва ли учитывал специфические особенности Жития как источника. Он оставлял сообщения Жития без изменений, опуская лишь сообщения о чудесах, указывая только: «...говорят, что так и случилось». Неожиданным выглядит тезис немецкого историка о том, что в 1240 г. слабостью Руси стремился воспользоваться не шведский король, а гроссмейстер «новосозданного в соседней Лифляндии рыцарского ордена»:

> Прослышав, что пришедшие с другой стороны татары уже несколько лет тому назад обложили данью русское царство и ослабили его, [он] отчасти из зависти, а отчасти в надежде на бессилие русского царства, соблазнился приобрести во владение Ордена ос-

тавшуюся часть России и после разорения престольного града Новгорода захватить в плен князя Александра[105].

По мнению Миллера, в устье Ижоры пришвартовались корабли Тевтонского ордена. Они лишь пользовались поддержкой соединений шведского короля[106]. По его словам,

не приходится сомневаться в достоверности этого рассказа об экспедиции, невзирая даже на молчание шведских и лифляндских историописателей, поскольку неизвестный автор утверждает, будто узнал обо всех обстоятельствах ее из собственных уст великого князя Александра[107].

В изложении Миллера главным противником Новгородского князя оказываются «немецкие рыцари», которые, потерпев поражение на Неве, направились далее на Псков (Плесков) и подожгли город, «не пощадив даже храмов Божиих и пленив каждого, кто избежал смерти от меча»[108]. По Миллеру, уже непосредственно после смерти своего отца Александр Невский стал его наследником на великокняжеском престоле. Интриги Новгородского князя против собственного брата Андрея и союз с монголами при подчинении Новгорода остаются вне картины мира биографа. Подробно рассмотрев также «восточную политику» папской курии, Миллер приходит к выводу:

Неизвестно доподлинно, искал ли тогдашний Папа Римский объединения греческой и римской церквей или даже требовал, чтобы великий князь со всеми подданными перешел в римско-католическое богослужение. Одно лишь очевидно, что великий князь в полной мере отразил все намерения прибывших тогда папских легатов и ни в коем случае не собирался терпеть от них поучения[109].

Как и в случае Невской битвы, Миллер не смущается тем, что описанию папского посольства в «Степенной книге» не имеется подтверждений в римских хрониках. В своей краткой биографии Александра Миллер стилизует Невского как благочестивого, добродетельного, смелого и победоносного князя, включенного русской церковью «среди прочих... в число святых» [110]. О нем напоминает и основание монастыря Петром Великим и учреждение ордена Екатериной I.

Ослабление антишведского момента в интерпретации Миллера нетипично для времени написания текста и слабо поддается объяснению. Факт недооценки значения Невского как предшественника петровской победы над Швецией в тексте Миллера не мог встретить одобрение русских читателей. Миллер был «одним из наиболее последовательных поборников русской истории»[111]. Его, автора первой светской биографии Александра Невского, вряд ли можно упрекать в антипатриотических настроениях, как это делал Ломоносов на пике споров о норманнской теории в 1749 г. Однако как ученый Миллер чувствовал свою зависимость скорее от источников, чем от постулата государственной пользы. Этим, вероятно, и объясняются отклонения в его жизнеописании Александра от имперского историографического канона.

Начало *русской* научной историографии ознаменовано двумя монументальными компилятивными трудами XVIII в.: «Историей Российской» Василия Никитича Татищева (опубликована в 1768—1848 гг.) и «Историей Российской от древнейших времен» князя Михаила Михайловича Щербатова (опубликована в 1770—1790 гг.)[112]. В обоих трудах сведения об Александре Невском по-прежнему расположены согласно летописной традиции, когда сообщения о разных по содержанию событиях перечисляются во временной последовательности. Обоих историков, проявивших большую основательность при обобщении всех имеющихся летописей, можно считать родоначальниками научного дискурса о российской истории вообще и об Александре Невском в частности. Серьезные усилия по сбору всей сохранившейся информации об этой личности были предприняты в труде Татищева (1686—1750)[113]. Татищев живо интересовался «темными сторонами» биографии Александра. Он был первым историком, критически оценившим получение Александром великого княжения во Владимире. Описывая события 1252 г., он дает понять, что Александр, воспользовавшись монгольской помощью, сместил с великокняжеского престола своего брата и конкурента Андрея из личных политических мотивов[114]. По Татищеву, в 1252 г. Александр Невский отправился к хану Сартаку, сыну Батыя, и был принят со всеми почестями. Александр пожаловался хану, что его брат Андрей несправедливо присвоил себе великокняжеский титул и не выполняет ханских требований. «Хан же разгневася на Андрея и повеле Неврю и Салатану итти на Андрея и привести его перед себя»[115]. По Татищеву, Андрею, кажется, была вполне очевидна связь между посещением хана его братом и походом против него самого:

> Господи, что есть, доколе нам меж собою бранитися и наводити друг на друга татар? Лутче мне збежати в чужую землю, нежели дружитися и служити татаром[116].

Безжалостно описанное Татищевым принуждение Новгорода выплачивать дань монголам (1257/1259) показывает национального святого не в лучшем свете[117].

Татищев «начал освобождаться от патриотического пыла и следовать, временами бессознательно, мудрому совету Шлецера — придерживаться исторической правды без политического, национального или религиозного уклона»[118]. Поэтому его «История» может рассматриваться как начало самостоятельного научного дискурса об Александре Невском с еще большими основаниями, чем статья Миллера. Сообщения о чудесах, указание на святость князей и прочие приметы ненаучного дискурса полностью отсутствуют в его описании деятельности Александра, как, впрочем, и в характеристиках, данных Татищевым другим князьям[119].

По мнению Татищева, не Божественная воля, а дела выдающихся личностей направляют ход истории. Историческая личность получает под этим новым, просвещенным взглядом свободу отвечать за свои поступки. Усилия Татищева объяснить исторический процесс из него самого были отражением «нового концепта, не имеющего прецедента в русской историографии»[120].

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) опирался при создании своей истории России на труды Татищева. Он пошел дальше своего предшественника по пути освобождения от языка источников и стал первым современным русским историком, привнесшим в историю об Александре Невском собственные объяснения. Для Щербатова ключом к пониманию хода истории были характеры исторических деятелей. Александр Невский, с его точки зрения,

> был храбр на брани... тверд в предприятиях... любитель правосудия, ненавистник всякого междоусобия, истинный друг своим ближним... и отец своим подданным... и на конец толь великую имел мудрость в правлении[121].

Когда Александр был впервые призван в Орду, он готов был встретить любые опасности и в случае необходимости пожертвовать собой ради «пользы своего Отечества»[122]. Используя христианский мотив жертвы, бывший со времен «Степенной книги» устойчивым

элементом предания об Александре Невском, историк приспосабливал его к новому идеалу просвещенного монарха. Новгородский князь был готов умереть не за *христианство*, как это было еще в «Степенной книге»[123]. По Щербатову, он хотел пожертвовать жизнью за *Отечество*. Внутренним стимулом, запрещающим Александру поклясться монгольским идолам, у Щербатова оказывается уже не «вера», а «совесть». Такая секуляризация фигуры Александра симптоматична для научного дискурса XVIII в.

В основе интерпретации Щербатовым российской истории лежит представление о непрекращающемся историческом развитии от средневековой Руси к современной Российской империи. При этом историк переносит современную государственную терминологию на события XIII в. Тевтонский орден, Швеция и Литва в его тексте боролись против «войска российского», возглавляемого Александром и другими «князьями российскими». Жителей страны, великим князем которой является Александр («страна Российская», или «Россия»), он называет «россиянами»[124]. Противники Александра, которых он видит прежде всего в гроссмейстерах Тевтонского ордена, были для него

> малых качеств люди, в коих зависть к преимуществам других место добродетели наполняет, мнят озлобление себе в хвале других находить и, чувствуя собственные свои недостатки, желали бы всех превосходящих себя людей истребить, дабы тем себе некоторое достоинство придать. Таков конечно был внутренно Герман Салц, гроссмейстер Тевтонского ордена и Герман Фалк, орденмейстер Лифляндских Меченосных рыцарей...[125]

Щербатов уже учитывает начавшееся в XVIII в. усиление в понятии «немец» значения «говорящий на немецком языке», различая в описании групп врагов «немецкого» и «шведского» «воинства». Представители Тевтонского ордена называются у него или «немцами», или «лифляндскими рыцарями». Неуверенность в том, кто именно имеется в виду под словом «немец» в средневековых источниках, могла стать причиной, по которой Щербатов, как и Миллер, предположил, что в 1240 г. на Новгородскую землю напал орден, а не Швеция.

Труд придворного историографа Щербатова, при всей его терминологической неточности, стремился представить жизнь Александра объективно, детально и дифференцированно. Фантастические или религиозные объяснения истории отметались. Сообщения

о чудесах появляются в этом тексте только для поддержки рационального объяснения описанных событий («естественным образом»)[126]. Кроме того, Щербатов не отказывается от критических замечаний о личности Александра или роли православной церкви, бывшей, по его мнению, важным инструментом поддержания монгольского владычества.

История для отечества

Изображение Александра Невского в научном дискурсе во многом отклоняется от «официального», имперского или панегирического образа князя. Все это, вероятно, побудило Екатерину II в последней трети XVIII в., когда она лично занялась отечественной историей, дать свою трактовку и фигуры Александра Невского. С помощью секретарей Х.А. Чеботарева и А.А. Барсова императрица написала «Записки касательно российской истории»[127]. Создавая этот исторический труд, Екатерина стремилась прежде всего ответить иностранным историкам, труды которых, по ее мнению, запятнали славу России[128]. Ее «Записки» как «единственное верное толкование российского прошлого для юного поколения нации» должны были стать основой официальных учебников, по которым воспитанники созданных по ее указанию народных училищ должны были постигать отечественную историю[129]. Как и труды Татищева и Щербатова, это произведение остается в плену традиционной летописной стилистики. Хотя в распоряжении Екатерины были тексты обоих историков, образ Александра Невского в «Записках» в некоторых аспектах очень четко отличается от интерпретации предшественников. В произведении Екатерины не было места критическому взгляду на «любимого героя российской императрицы»[130]. По ее версии, предотвращенное Александром нападение на Новгород планировал не Тевтонский орден, а Швеция («Готы и Свеи») — эта концепция абсолютно укладывается в рамки требований петербургского городского текста[131]. Участие Александра в смещении его брата Неврюем в 1252 г. у Екатерины не упоминается[132]. По ее версии, попавший под дурное влияние «советников малоумных», Андрей очутился в немилости у монголов, поскольку два года подряд не платил дани[133]. Здесь заметны контуры мифа о хорошем правителе, в ошибках которого всегда оказываются виновны плохие советники, — мифа, ставшего устойчивым топосом в идеологии «доброго царя».

Екатерина не скрывает конфликта 1257/1259 гг. между Новгородом и великим князем Александром, но его решение поддержать

монгольских сборщиков дани оказывается единственным средством отвести от отечества еще большую беду[134]. Александр — смелый, победоносный, мудрый и благочестивый князь, во всех отношениях соответствующий христианскому идеалу правителя:

> Во все же время юности своея смиренномудрия вседушно держался, воздержаша и бдя чистоту духовную и телесную, соблюдаше кротость и милосердие, от тщеславия отвращашеся, и много полагаше тщания во всяком воздержании страстей. В устех же его беспрестанно бяху словеса, услаждающие паче меда и сота, читая со усердием и внимая книги Святого писания; Деи же предков своих и иные нравовоспитательные тетради мнози непрестанно просматривая... Бе же возрастом велик зело, красоту же лица его видети, яко прекрасного Иосифа; сила же его бе, яко часть от силы Самсоновe, глас же слышать, яко трубу в народе. ...и почитали имя его, яко государя мудраго, остороумнаго и храбраго, паче же всего любили правосудие его[135].

Екатерина, сама перешедшая в православие из лютеранства, намного сильнее Татищева или Щербатова подчеркивает правоверие Александра. В отличие от Щербатова, она отводит большое место молитвам героя перед битвами[136]. Призванный в Орду Александр готов умереть не только за отечество, но и «за православие и людей своих»[137]. В теологическом диспуте с папскими посланниками он решительно заявляет о своей преданности «греко-российской церкви»[138]. Его подданные также охвачены любовью к отечеству и православию. Если у Татищева воины Невского еще говорят перед битвой на льду: «Се, княже господине, ныне нам приспе время положити главы своя за тя и за свою отчину»[139], то в екатерининской версии для них пришло «время положити главы своя за тя и за всю отчину и православие»[140].

Сравнивая этот пассаж с соответствующим местом в первой редакции Жития («Повести») — «О, княже наш честный! Ныне приспе время нам положити главы своя за *тя*»[141], — можно заметить, что в обоих текстах XVIII в. (Татищева и Екатерины) появляется мотив «отчины-отечества», за которое готовы бороться воины[142]. Этот мотив можно интерпретировать как признак модерного понимания государства, не связанного с монархом, и нарождающегося в XVIII в. российского государственного патриотизма[143].

Подобно Татищеву и Щербатову, Екатерина придерживается модерного принципа описания врага. Швеция, «ливонские ры-

цари», литовцы или монголы, в отличие от редакций Жития московского периода, не называются больше безбожниками или язычниками[144]. Описание конфликта между ними и Александром выдержано в трезвом и дистанцированном стиле. В этом, с одной стороны, выразилось просветительское понимание истории, согласно которому войны являются не выражением вселенской борьбы «добра и зла», как ранее, но результатом земных политических конфликтов. С другой стороны, этот факт говорит и о том, что новый дискурс о мы-группе отечества и о его истории не строился больше на агрессивном противостоянии внешнему миру, как это было в московский период.

В отличие от Татищева и Щербатова, Екатерина вводит в свои «Записки» рассказ о перемещении мощей Александра из Владимира в Санкт-Петербург (1724), а также из Благовещенского собора в Троицкий собор (1790). Хотя Екатерина не упоминает о своем участии во втором событии, в самом добавлении заключена однозначная цепь аналогий: Петр I вступил в наследство Александра Невского, а Екатерина завершила труд великого реформатора. Вероятно, занимаясь историей Александра Невского, императрица стремилась высвободить его образ из нового научного дискурса и сильнее интегрировать в монархическую знаковую систему, а себя самое представить продолжательницей дел Петра.

Бой за историю

В официальной екатерининской версии истории самодержавие представлено как «телос» российской истории, не имеющий альтернативы. В ее «Записках» маргинализуются «демократическая» и олигархическая традиции, восходящие к средневековому городскому народному собранию (вече)[145]. Первый конфликт Александра с Новгородом в 1240 г., вынудивший князя покинуть город, Екатерина объясняет не столкновением различных правовых систем или политических интересов, а характером жителей, «имеющих самочинные обычаи свои и непокорливый нрав»[146]. Столь консервативная интерпретация событий, очевидно, не близка Щербатову. Он признавал отсутствие в источниках сведений о причинах конфликта между Александром и Новгородом. Однако для него было ясно, что князь «восхотел сим случаем воспользоваться, чтобы приучить новгородцев к самовластнейшему правлению»[147] и что он был готов разорвать существовавшие между ним и городом договоры. Произведения Татищева и Щербатова об Александре Невском были весьма сомнительными источниками для того, чтобы извлечь

из истории средневекового князя капитал для имперского патриотизма петербургской империи. В повествованиях о жизни Александра, учитывающих и негативные стороны его личности, задается образ слишком многогранный и дифференцированный, чтобы стать инструментом государственной идеологии.

«Спор» об «истинной» интерпретации отечественной истории в XVIII в. между Татищевым и Щербатовым, с одной стороны, и Екатериной — с другой, можно интерпретировать и как отражение дискуссии о политических правах между представителями дворянства и абсолютным монархом. Татищев и Щербатов были не только основателями научного дискурса об Александре Невском. Благодаря своим политическим и научным трудам оба историка оказались в оппозиции к православной церкви и самодержцу. Щербатов выступал за расширение прав родовитого дворянства, Татищев — против «олигархических» порядков, усилившихся при Анне Иоанновне[148]. Незадолго до смерти он отказался от ордена Александра Невского, предложенного ему в качестве запоздалого признания его заслуг[149].

Исторические сочинения князя Щербатова, убежденного представителя знатного потомственного дворянства и поборника самодержавия с олигархическими элементами, уже содержат зачатки такой интерпретации «собственного» прошлого, в котором могла бы обрести себя российская дворянская нация[150]. Если императрица Екатерина II закончила свое повествование об Александре Невском указанием на его «последователей» (Петра и самое себя) и их заслуги, то князь Щербатов добавил к соответствующей главе список дворянских семей, предки которых во времена правления Невского поступили на службу русским князьям из других стран[151].

Ханс Роггер считает Щербатова одним из первых представителей «критического национализма», противостоящего «официальному национализму» Екатерины[152]. Татищев и Щербатов были предвестниками третьей общественной силы, сформировавшейся в конце XVIII — начале XIX в. из дворянской интеллигенции и создавшей базу для специфически *национального* дискурса об Александре Невском. Необходимой предпосылкой этого стало высвобождение Александра Невского из рамок церковного и государственного дискурсов.

Однако до конца XVIII в. историческое сознание становящейся читающей публики определяли, по всей видимости, не труды профессиональных историков. Скорее, подобную роль играли обзорные труды вроде «Краткого российского летописца» Ломоносова

(1760), «Зерцала российских государей» Тимофея Мальгина (1790) или «Ядра российской истории» А.И. Манкиева (1770)[153]. Образ Александра Невского в текстах этих непрофессиональных историков несколько расплывчат, однако однозначно окрашен в тона имперского дискурса. Если Ломоносов в главе об Александре говорит только о его победах над шведами (см. выше раздел 1), то у Манкиева и Мальгина нападения «лифляндского Гермейстера», шведов и литовцев сливаются в единую картину масштабного набега, спланированного шведским королем[154]. Во всех трех текстах утверждается, что ханский ярлык и великое княжение во Владимире в 1252 г. Александр получил лишь благодаря своей красоте, смелости и славе. Сотрудничество с монголами и вооруженная помощь в подавлении восстания против татарских сборщиков податей в Новгороде не удостоились упоминания авторов. Манкиев даже говорит о приказании Александра изгнать ханских посланников из всех русских городов[155]. Если Ломоносов и Манкиев не придают значения святости Александра, Мальгин по крайней мере упоминает, что Русская православная церковь видела в нем слугу Господа и причислила к святым[156]. Этот факт можно считать признаком того, что автор не идентифицирует себя с церковно-религиозным дискурсом об Александре Невском и рассматривает последний как самостоятельную линию памяти. В XVIII в. сходит на нет духовное и культурное доминирование православной церкви. Секулярный дискурс о великом князе Александре Невском получает теперь возможность свободного развития. Новое повествование о прославленном князе было включено в большой нарратив о Петре Великом. Мальгин, например, посвящает заслугам императора в увековечении памяти об Александре Невском почти половину текста о князе:

> Государь император Петр Великий благочестия, мудрости и храбрости сего блаженнаго Ироя подражатель, в память славных его дел и возблагодарение Господу сил за дарованныя России милости новыми знаменитейшими победами над гордыми издревле Готфами, в 1710 г. при устье речки Черной на месте слывшем Виктори Победное, том самом, на котором св. Александр победил Рыцарей и Шведов, основал и после построил пресловутый монастырь во имя Пресвятыя Троицы и сего святаго великаго князя Российскаго, [повелел] именовать оный Александро-Невским[157].

Федор Туманский, издавший в 1789 г. первую светскую биографию Александра Невского на русском языке, в своем произведении

довел новый образ князя в имперском дискурсе до совершенства. Александра надлежит помнить не только как святого, но и «Государя Великого»[158]. Его заботой всегда было «благоустройство и безопасность счастливых им управляемых *народов*»[159]. «Он, проводя всю жизнь свою к единому Отечества благу, великодушно соглашался жертвовать оною для спасения подданных». Иногда «мудрый государь» силой направлял на путь истинный тех «чад России развратившихся», которые «требовали... исправления», например «неблагодарных новгородцев» в 1255 г.[160]. Туманский превозносит Александра как «истинного России защитника» (С. 39), спасшего «отечество» от «народов северных и литовцев и от поисков кичливого Папы»[161]. Величайшей заслугой его было отражение в 1240 г. шведов, которых Туманский именует «злобными врагами России», «всегда и от начала своего состояния»[162]. «Нынешний шведский король», требовавший от России уступки территорий, должен был бы внимательно изучить бесславный опыт своего средневекового предшественника — «жалко, что не посмотрел он на конец избранного себе образца»[163]. «Петр Великий, совершивший намерения Александровы со Шведами, Лифляндиею и Естляндиею», основав монастырь в Санкт-Петербурге и перенеся останки в день Ништадтского мира в 1724 г., снабдил своего предка достойными рекомендациями[164].

5.4. Государство — церковь — нация

Культурное доминирование православной церкви завершается в период правления Петра Великого. Царю-реформатору удалось присвоить и трансформировать сакральные символы для новых, имперских знаковых ресурсов. Император адаптировал образ Александра Невского, изначально являвшийся религиозным символом, для оформления своего собственного монаршего культа и символического оснащения новой столицы империи. Но подобная секуляризация Александра не означала автоматически профанацию его фигуры. Петровская антропология была «безусловно христианской»[165]. Александр Невский, как и раньше, почитался святым, однако в XVIII в. он больше не символизировал главным образом благородство правящей династии или святость русской церкви или Русской земли. В новом имперском дискурсе коллективной идентичности, представляющем собой синкретическую смесь стилизованных под античность барочных и христианских элементов, он был скорее частью повествования о Петре Великом, его преемни-

цах, об империи и ее новой столице. Выход на первый план его победы над Швецией не был в первую очередь обусловлен созданием нового образа врага. Наличие собственной славной и победной истории подчеркивало равноправие России как европейской державы. Петр I перенял многочисленные институции и знаки «старой России» и адаптировал их «к пользе» новой петербургской империи. Подобная практика неоднократно вызывала противостояние. Охранительные силы видели в Петре «немецкого правителя» или даже воплощение антихриста. Поэтому неудивительно, что наряду с новым имперским прочтением Александра мог сохраняться и церковный дискурс[166]. Дуализм церковного и династического дискурсов, выразившийся уже в московский период, в XVIII в. усилился. Династический дискурс при этом возвысился до имперского и смог вытеснить религиозный дискурс из официальных государственных и церковных документов. Такой «перевоплотившийся» Александр Невский стал элементом нового концепта коллективной идентичности Российской империи, распрощавшейся с традиционной концепцией «Руси» и, подобно прочим европейским абсолютным монархиям, определявшей себя в первую очередь как единство политической лояльности богоравному властелину. Все государственные символы и все главные фигуры «собственной» истории были нацелены на личность императора и его империю. Эта трансформация прослеживается в XVIII в. и в трактовке образа Александра Невского. В текстах о князе перестает быть центральным аспектом синхронное отмежевание от внешнего мира, направленное против Запада. Александр превратился в позитивную фигуру идентификации самодержавия, империи и самоотречения во имя государственных интересов. Одновременно в его имперском прочтении усилилась роль символики диахронного размежевания с «собственным» прошлым Руси. Чудотворства, монашеское платье, шапка Мономаха и бармы принадлежали теперь исключительно прошлому. После символической трансформации 1724 г. в Шлиссельбурге Александр репрезентировал новый тип идеального монарха и правителя, впервые воплотившийся в Петре Великом. Наряду с традиционной церковно-сакральной и новой государственно-имперской интерпретациями Александра Невского, во второй половине века развивался и научный дискурс, лишавший князя святости и стремившийся к критическому рассмотрению его биографии. Носителями этого дискурса были представители формирующегося дворянского общества и интеллигенции, ставшие третьей силой в борьбе государства и церкви за символическое прочтение Невского. Из этого обще-

ственного дискурса в начале XIX в. развилось новое, *национальное* прочтение образа великого князя Александра Невского, инкорпорированное в повествование о русской нации.

---

[1] См.: *Cracraft J.* Empire versus Nation. Russian Political Theory under Peter I // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. P. 536.

[2] Рикардо Николози интерпретирует символическое присвоение Александра Невского Петром I и его придворными панегиристами как знак направленной идейной «привязки» первого российского императора к истории Новгорода (см.: *Nicolosi R.* Die Petersburg-Panegyrik. Russische Stadtliteratur im 18. Jahrhundert, Frankfurt/Main, 2002. S. 96—97, 141—142). Однако можно оспорить это утверждение, учитывая уже произошедшую в московскую эпоху интеграцию истории вечевой республики Новгорода (и Александра Невского) в исторический нарратив Московского царства. Петр и его придворные панегиристы мыслили Невскую битву не как победу Новгорода, но уже как победу *русского* войска под предводительством Александра Невского.

[3] *Прокопович Ф.* Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге в 1718 году. СПб., 1720. Современное изд.: *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 103. См. об этом также: *Nicolosi.* Petersburg-Panegyrik. S. 96—97.

[4] *Прокопович Ф.* Сочинения. С. 100.

[5] Шляпкин ставит вопрос о том, какие еще «кандидатуры» святых мог рассматривать Петр (*Шляпкин.* Иконография. С. 98). Предположение Хитрова о том, что Петр крестил своего сына Алексея (род. 3 окт. 1691 г.) в честь св. Александра Невского, кажется сомнительным. См.: *Хитров.* Александр Невский. Репринт. М., 1991. С. 246—247.

[6] См.: *Becker H.-J.* Stadtpatron // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. 4. Berlin, 1990. Sp. 1861—1863.

[7] Кроме св. Александра оберегать город призваны были Андрей Первозванный и апостол Петр. При закладке Петропавловской крепости был захоронен ларец с мощами св. Андрея, который, по легенде, принес в Россию христианство. Еще до того, как Александр стал небесным покровителем Петербурга, в XVII в. существовала легенда, называвшая его основателем Москвы. В «Повести о начале Москвы» сообщается об «обновлении Москвы в 1252 году после татарского разорения князем Александром» (*Рогов.* Александр Невский. С. 48). Однако эта легенда, не имеющая под собой никаких исторических оснований, видимо, не получила сколь-либо широкого распространения.

[8] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913. С. 6.

[9] См.: Там же. С. 11, Приложение. Предание о том, что Невский разбил шведов именно на том месте, где сегодня стоит монастырь, можно найти, напр., в: *Мальгин Т.* Зерцало русских государей от Рождества Христова с 862 по 1791 год. СПб., 1791. С. 75. См. также главу 5.3.

[10] В устье Ижоры в 1711 г. по указу Петра также была установлена деревянная церковь Св. Александра Невского. Храм много раз горел и в 1798—1799 гг. был заново отстроен в камне, а в 1934 г. закрыт большевиками. В 1987 г. группа добровольцев занялась восстановлением практически разрушенного здания. Со дня нового освящения в 1995 г. в храме, переданном православной церкви, вновь проходят богослужения. См. также главу 12.2.

[11] Название проспекта, так же как и прозвище князя Александра, происходит от названия реки Невы, т.е. улица названа не в честь покровителя города. Отличающуюся точку зрения см., например: *Мелентьев Ю.* «Скажите всем, что Русь жива...». К 775-летию Александра Невского // Правда. 1995. 15 апр.

[12] См.: *Zernack.* Aleksandr Nevskij. S. 78. Юго-восточная часть Невского проспекта сохранила черты первоначального плана. Его северный вектор указывает на Петропавловский собор.

[13] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 380; *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 186ff.; *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 341ff. О церковной политике Петра см. также: *Живов В.М.* Из церковной политики времен Петра Великого. М.: НЛО, 2004.

[14] См.: *Onasch.* Grundzüge. S. 97. В монастыре размещалась не только первая петербургская типография (1719), но и основанная в 1724 г. Духовная академия для обучения священнослужителей.

[15] *Wittram.* Peter I. Bd. 2. S. 188ff.

[16] Цит. по: *Wittram.* Peter I. Bd. 2. S. 190.

[17] Общие сведения о строительстве см.: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 14 и далее; Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград. Энциклопедический справочник. СПб., 1992. С. 55—56.

[18] Указ от 29 мая 1723 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 7. С. 74—75. См.: *Бегунов Ю.К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 74.

[19] Подробнее об этом см.: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 255 и далее; *Хитров.* Александр Невский. М., 1991. С. 233 и далее. Разногласия между Синодом и Сенатом, вероятно, касались вопросов финансирования перемещения мощей. Если Синод настаивал на государственном финансировании, то Сенат распорядился об оплате из средств монастыря. См.: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 256 и далее.

[20] Неизвестно, можно ли вообще говорить о сохранности останков после владимирского пожара 1491 г. При вскрытии раки с мощами в мае 1922 г. обнаружилось, что уцелело лишь несколько костей. См. гл. 7.2.

[21] 20 июля 1724 г. Петр поручил архиепископу Великого Новгорода и Великих Лук и архимандриту Александро-Невского монастыря Феодосию подготовку церемонии. См.: Там же. С. 265.

[22] Указ от 15 апреля 1724 г.: «...отныне того святого в монашеской персоне никому отнюдь не писать — и о том послать куда надлежит крепкие из Синода указы, а в Сенат для известия сообщить ведение немедленно. А писать тот святого образ в одеждах великокняжеских» (Полное собрание

постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (ПСПР). Т. 4. С. 148. № 1318, № 1328. СПб., 1876. Цит. по: *Шляпкин*. Иконография. С. 99). Со времен церковной реформы Феофана Прокоповича любая иконопись подлежала надзору Синода. См.: *Onasch*. Grundzüge. S. 102.

[23] См.: *Хитров*. Александр Невский. С. 233. Ил. в: Князь Александр Невский и его эпоха. Подробное описание: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 266 и далее.

[24] См.: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 266 и далее.

[25] «...многия победы показа над лукавыми и Богоборными Немцы, приходившими с похвалами и со многочисленным войствы на реку Неву и на Великий Новъград и Псков и во иных различных местах». Там же. С. 267.

[26] См.: Там же. С. 268. Фотографию раки с изображением Александра Невского на иконе в монашеском облачении см. в альбоме: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб.: Арт Деко, 2006. С. 15.

[27] См. об этом также: *Шляпкин*. Иконография. С. 101. Можно предположить, что этот иконописный тип восходит к специфической новгородской традиции. Шляпкин сообщает о новгородском иконописном подлиннике XVI в., где присутствует указание изображать Александра Невского верхом («как святого Георгия»). См.: Там же. С. 97 (см. также главу 3.2). Репродукцию иконы, изготовленной в мастерских Московской патриархии (XX в.), соответствующей этому образцу, см. в: Tausend Jahre Kirche in Rußland. Katalog zur Ausstellung der evangelischen Akademie Tutzing und der Arbeitsgemeinschaft für evangelische Erwachsenenbildung in Bayern e.V. Tutzing, 1987. S. 167.

[28] Шведский эксперт по иконам Ульф Абель высказал предположение, что на этой иконе изображен не Александр Невский, а Дмитрий Фессалоникийский (Солунский) (частная беседа 11 сентября 1998 г.).

[29] См.: *Шляпкин*. Иконография. С. 100. До сих пор в собраниях прорисей представлен только тип изображения в виде монаха. См., например: Изображения Божьей матери и святых православной церкви. М., 1996. С. 68, 328.

[30] Особенно заметны иконографические изменения 1724 г. в Святцах, наглядно закреплявших в памяти верующих имена святых и их дни в календаре. На двенадцати больших печатных листах святые распределялись по месяцам, на которые приходились дни их поминовения. На одном из листов календаря за 1714 г. Александр Невский изображен в поле «23 ноября» еще в монашеском облачении (см.: Отдел эстампов РНБ СПб.: Э Ал. Ис 547/3—7 эп. 16141). На другом листе, вероятно более позднем, он изображен уже в княжеской одежде, короне и со скипетром (Там же. Э Ал. Ис 547/3—10 эп. 44254).

[31] См.: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 269 и далее.

[32] Этот мотив Петра с ракой на галере повторяется на многих изображениях. См., например, рельеф И.П. Витали на одной из дверей Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. См. гл. 6.3,

[33] Банкет превратился в одну из любимых императором попоек. Сколько гостей присутствовало на празднике, неизвестно. Однако сохранился

подробный перечень съеденных блюд и выпитых напитков. См: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 298.

[34] См.: *Hughes.* Russia. P. 276.

[35] Распоряжение Синода от 2 сентября 1724 г. (ПСПР. Т. 4. С. 188. № 1347. СПб., 1876): «...по новой службе вместо [!] преждебывшей этому святому ноября 23 числа отныне праздновать 30 августа». Цит. по: *Бегунов.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века. С. 74—75. См. также: *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 71. Этим же распоряжением регламентировался состав литургических текстов для нового праздника.

[36] *Прокопович Ф.* Слово в день святого благоверного князя Александра Невского... С. 102.

[37] «...Синаксарь, сочинить из обретающегося в Прологе жития его, проложив к тому из бывшей с шведами и окончившейся миром войны краткую историю и перенесение его святых мощей, по приличию». Предписание Синода (ПСПР. Т. IV. № 1453). Цит. по: *Бегунов.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века. С. 76.

[38] Месяца августа 30 дня. Служба благодарственная Богу в Троице Святей славимому на воспоминание заключенного мира между Империею Российскою и короною Шведскою. В той же день празднуется и перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. Напечатася при Санкт-Петербурге в Троицком Александро-Невском монастыре 1725 лета, месяца апреля, в 24 день. См.: *Бегунов.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века. С. 76 и далее. Бегунов называет этот текст, основавший «петербургскую версию жития», «шестнадцатой редакцией жития». См. также: *Голубинский.* Канонизация. С. 65—66. К сожалению, текст Бужинского не был нам доступен, поэтому мы основывались на пересказе и выводах Бегунова.

[39] См.: *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 121.

[40] Далее ср.: *Бегунов.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. С. 80.

[41] См.: Там же. С. 77 и далее.

[42] См.: Там же. С. 80—81. О соответствующем месте у Василия Варлаама см. главу 4.2.

[43] Ср. ниже (глава 5.3) у Екатерины II и Щербатова.

[44] «...и много исцеления подавахуся от гроба его с верою приходящим». Цит. по: *Бегунов.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. С. 79.

[45] Там же. С. 82.

[46] О легенде см.: *Шляпкин.* Иконография. С. 99.

[47] Распоряжение Синода от 18 сентября 1727 г. (ПСПР. Т. 6. С. 93. № 2041), в сентябре 1730 г. утратившее силу (ПСЗ. Т. 8. С. 324. №. 5621). См.: *Philipp.* Heiligkeit und Herrschaft. S. 71.

[48] См., например: Православный церковный календарь. 1997. С. 50, 63. Указание на то, что в 1917—1920 гг. практиковалось отправление обоих праздников, см.: *Клепинин Н.* Святой благоверный великий князь Алек-

сандр Невский. Париж, 1961. С. 202. Клепинин подчеркивает, что 30 августа отмечался во всех Александро-Невских церквях как престольный праздник. Часто ошибочно полагают, что в 1724 г. празднование дня Александра Невского было успешно перенесено на 30 августа. См., например: *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 94. Или: The Modern Encyclopedia of Religions in Russia and the Soviet Union. Bd. 1. Gulf Breeze, 1988. P. 143.

[49] Цит. по: *Бегунов*. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. С. 76.

[50] Там же. С. 79, 83.

[51] ПСПР. СПб., 1889. Т. VI. № 2041. См.: *Бегунов*. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. С. 76.

[52] Указ от 31 августа 1730 г. ПСПР. Т. VII. № 2372. Ср.: *Бегунов*. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. С. 76—77.

[53] См.: Там же. С. 77. Интересно было бы исследование образа Александра Невского в старообрядческих общинах, считавших себя после церковного раскола XVII в. хранителями старой, истинной Святой Руси. Работы по этому вопросу, к сожалению, отсутствуют.

[54] См.: *Моисеева Г.Н.* Образ Александра Невского в творчестве М.В. Ломоносова // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 179—180; *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 103.

[55] После возвращения из европейского путешествия Петр I в 1698 г. издал указ, согласно которому ношение бороды разрешалось только духовенству и крестьянам. Дворяне вынуждены были примерить одежду и внешность, принятую при других европейских дворах. Императорская корона, созданная в подражание западным образцам, а также отороченный горностаем пурпурный плащ были введены как новые регалии монарха на церемонии коронации Екатерины I в 1724 г. Корона заменила шапку Мономаха, впервые возложенную на Ивана III. Введение новой короны завершило «европеизацию русских правящих регалий», начатую Алексеем Михайловичем в 70-е гг. XVII в. переносом скипетра и державы. См. об этом: The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 30. Gulf Breeze, 1982. P. 242, s.v. «Regalia». Горностай по западному образцу подчеркивает задуманную европеизацию образа монарха. См. также: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 104—112.

[56] Другой пример адаптации черт лица Петра для изображения Александра Невского — эскиз Карла Брюллова для росписи купола Исаакиевского собора (построен в 1843—1847 гг.). Александр изображен в сонме святых, собравшихся на небесах вокруг Богоматери. Ил. в: *Brjullov K.P.* Paintings, Watercolours, Drawings. Leningrad, 1990. Табл. 163 (эскиз проекта). Однако расписывавший купол Петр Бассин не воспользовался идеей Брюллова (см. гл. 6.3).

[57] *Ломоносов М.В.* Краткий российский летописец. СПб., 1760.

[58] *Эрик П.Д.* Преподавание истории в русской школе в XVIII веке // Преподавание истории в школе. 1960. № 4. С. 71. См. также: *Black J.L.* The

Search for a «Correct» Textbook of National History in 18th Century Russia // The New Review of East European History. 1976. Vol. 16. H. 3. S. 17; *Schäfer M.* Historienmalerei und Nationalbewußtsein in Russland. 1860—1890. Dis. Univ. Köln. Köln, 1985. S. 8; *Rogger.* National Consciousness. P. 217.

[59] Цит. по: *Моисеева.* Образ Александра Невского в творчестве М.В. Ломоносова. С. 178.

[60] Цит. по: Там же. С. 179. Надпись по-русски и на латыни помещена на двух поддерживаемых ангелами щитах, расположенных на раке пирамидальной формы. Рака считается одним из шедевров русского прикладного искусства XVIII в. Для создания раки было переработано около полутора тонн серебра колывановского рудника в Сибири. См.: Geschichte der russischen Kunst. Bd. 5. S. 406ff.; *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 769ff.; *Завадская Л.А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России. С. 84—92. Сегодня она находится в Эрмитаже, об истории этого произведения см. также гл. 7.2.

[61] О значении Александра Невского для Екатерины II см. гл. 5.3.

[62] См. об этом: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 722 и далее; *Хитров.* Александр Невский. С. 239 и далее.

[63] *Мальгин.* Зерцало. С. 76.

[64] Там же.

[65] См.: *Рункевич.* Александро-Невская лавра. С. 813.

[66] См.: Там же. С. 260. К сожалению, неизвестно, использовались ли новые императорские регалии уже при перемещении раки из Шлиссельбурга в Петербург. Рункевич указывает, что вместе с ракой в путь из Владимира были взяты княжеская шапка и крест. На изображениях переноса мощей в Петровскую галерy, выполненных уже в XIX в., постоянно присутствуют знаки власти XVIII в. (см. ил. в: *Пашуто.* Александр Невский; *Хитров.* Александр Невский).

[67] См. также: *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. С. 541. № 1349. В каталоге Ровинского имеется еще семь лубков с изображением Александра Невского. См.: Там же. Т. 3. С. 539 и далее. № 1348, 1350, 1352. С. 720. №. 53; Т. 4. С. 735—736. № 1348А, 1350А, 1353. Экземпляры гравюр, помещенные у Ровинского под номерами 53, 1348, 1349, 1350, 1352 и 1353, имеются в собрании Адама Васильевича Олсуфьева в Отделе эстампов РНБ Санкт-Петербурга.

[68] Меч следует интерпретировать здесь скорее не как военный атрибут, а как признак власти. В качестве имперского символа меч впервые упоминается в описании коронации императрицы Елизаветы. См.: The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 30. P. 242, s.v. «Regalia».

[69] Комбинацию образа Александра Невского с архитектурными рисунками Санкт-Петербурга можно найти и в иконописи XVIII в. Ульф Абель рассматривает в своей статье икону, на которой в правой части изображен святой в доспехах и горностаевом плаще, со скипетром, державой и короной, а в левой части план Александро-Невского монастыря. См.: *Abel U.* En märkelig Alexander Nevskij — ikon // Rysk Kulturrevy. 1977. Bd. 9. H. 1. S. 5—8. Ил. S. 7. Изображение монастыря соответствует гравюре, изго-

товленной Питером Пикертом в 1723 г. по рисунку Теодора Шветрфегера (ил. см.: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. Ил. 9). Икона предположительно датируется серединой XVIII в.

[70] «Яко звезда пресветлая, от Востока днесь возсиявши, святый Александр Невский просия на Западе и победил еси демонов полки...» (*Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 271).

[71] У Ровинского есть описания подобной гравюры, на которой, кроме того, имеется краткое Житие святого (очевидно, иллюстрированное). См.: *Ровинский*. Русские народные картинки. Т. 3. № 1348. С. 539 и далее. Шестнадцать эпизодов из Жития Александра, описанные Ровинским, практически полностью идентичны изображениям на первых одиннадцати клеймах житийной иконы конца XVI в. (см. гл. 4.2). На лубке XVIII в. отсутствует лишь сюжет с посещением папского посольства. Очевидно, оба художника пользовались одной и той же версией Жития.

[72] *Jahn*. Patriotic Culture. S. 12.

[73] См. об этом: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 763 и далее.

[74] Описание ежегодного празднования в указе Синода от 7 сентября 1743 г. см.: Там же. С. 767.

[75] «...а чтоб народ крестного хода не стеснял и чтоб какого бесчиния от кого не произошло, потребны по обе стороны хода, для охранения, унтер-офицеры и солдаты». (Там же. С. 768).

[76] После богослужения процессия вновь возвращалась к Казанскому собору. Окончание празднования в 1770 г., например, было ознаменовано обедом в Летнем дворце в присутствии императрицы (в сопровождении «итальянской инструментальной и вокальной музыки») и вечерним балом кавалеров ордена Александра Невского в зале собраний (вновь в присутствии Екатерины II). В честь празднества дважды раздавались залпы пушек Петропавловской крепости. См. об этом: Церемониальный камер-фурьерский журнал 1770 года. Б.м., б.г. С. 195 и далее.

[77] См., например: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 года. СПб., 1864. С. 490 и далее, особ. с. 495, 499. И в 1774 г. празднования 30 августа закончились балом в Зимнем дворце, на котором присутствовали императрица, «важные российские подданные обоего пола» и «господа министры иностранных государств». Празднования в честь Александра Невского и именины царя проходили не только в Санкт-Петербурге. О праздничном «церковном параде» русской армии 11 сентября (30 августа ст. стиля) 1815 г. в Париже сообщает, например, в своем дневнике прусский король Фридрих Вильгельм III (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Brandenburg-Preußisches Hausarchiv, Rep. 49 Friedrich Wilhelm III. F. 25 (Tagebücher König Friedrich Wilhelm III. Vom 21. März 1813 — 31. März 1840, Blatt 32).

[78] Например, 30 августа 1891 г. См.: Придворный календарь на 1891 год. СПб., б.г. С. 37. Уже 30 августа 1778 г. Иоасаф Заболоцкий посвятил проповедь в Троицком соборе как именинам восьмимесячного великого князя Александра Павловича (Александра I), так и св. Александру Невскому. См. об этом: *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 98—99. Федор Туманский, автор первой светской

биографии Александра на русском языке, посвятил в 1789 г. свое сочинение (Созерцание славной жизни святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. СПб., 1789) великому князю Александру Павловичу. Освящение Александровской колонны на Дворцовой площади, памятника Александру I, прошло 30 августа 1834 г., в день именин императора и день поминовения святого. См.: Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. СПб., 1992. С. 54 («Александровская колонна»).

[79] См.: *Бегунов*. Человек и миф. С. 56.

[80] К «семье» европейских национальных святых причисляются, например, Дени (Франция), Эдуард (Англия), Олаф (Норвегия), Кнут (Дания), Эрих (Швеция), Вацлав (Чехия), Стефан (Венгрия) и т.д. См.: *Becker H.J.* Patrozinium // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1984. Sp. 1565—1566.

[81] См.: Ibid. Sp. 1566.

[82] *Wittram*. Peter I. Bd. 2. S. 177.

[83] 22 октября 1721 г. Петр I принял титул «Император Всероссийский», «Отец Отечества» и «Великий». Эти эпитеты отвечали почетным титулам римских императоров («Imperator», «Pater Patriae» и «Magnus»). См.: *Wittram*. Peter I. Bd. 2. S. 462. Об идее *translatio imperii* из Рима в Россию в XVIII в. см.: *Baehr S.L.* From History to National Myth: Translatio imperii in Eighteenth Century Russia // Russian Review. 1978. Vol. 37. P. 1—13. Тольц указывает, что к началу XVIII в. существовал только один император (Священной Римской империи германской нации) и Петр стал первым европейским правителем, создавшим первый императорский титул, связанный с одной страной. См.: Russia. P. 41.

[84] См.: *Cracraft*. Political Theory.

[85] Для сравнения: изображение Александра на фреске Архангельского собора Кремля (ил. 6).

[86] См.: Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 3. Freiburg u.a., 1971. Sp. 412.

[87] Мотив, который сыграл большую роль, например, и в фильме Эйзенштейна (см. главу 9), имеет как мифологические, так и христианские корни (въезд в Иерусалим). Бернд Уленбрух указывает на связь образа с мифом об «оплодотворении города-женщины солярным божеством». См.: *Uhlenbruch B.* Mythos als Subversion? S. 389.

[88] Картина Угрюмова детально совпадает с описанием этой воображаемой сцены в «Записках касательно российской истории» Екатерины Великой (часть V—VI). См.: *Екатерина II.* Сочинения на основании подлинных рукописей. СПб., 1901. Т. 10. С. 241. Две другие картины, изображающие сцены из жизни Александра, которые Екатерина повелела нарисовать для Троицкого собора, написаны Н.И. Уткиным («Видение Пелгусия») и Г. Скливою («Невская битва»). См.: *Рункевич*. Александро-Невская лавра. С. 726.

[89] После Цезаря «император» стал устойчивой частью титулования правителей. См.: *Georges K.E.* Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1902. Sp. 1222.

[90] См.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 68 и далее.

[91] Там же. С. 71.

[92] *Прокопович Ф.* Слово в день святого благоверного князя Александра Невского. С. 99 и далее.

[93] *Zernack.* Polen und Rußland. S. 239. См. также: *Tolz.* Russia. P. 5.

[94] После ордена святого Андрея Первозванного (1698) и дамского ордена мученицы Екатерины (1714), орден Александра Невского стал третьим российским знаком отличия за заслуги. См.: *Werlich R.* Russian Orders, Decorations and Medals. Washington, 1981. P. 6. Многочисленные изображения различных вариантов орденских знаков и звезд см.: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. Табл. XXXIII.

[95] См.: Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 1. С. 467. В первую годовщину Ништадтского мира (1722) Петр заказал одному из московских ювелиров проект орденского знака. Изначально первое вручение ордена было запланировано на 30 августа 1724 г. См. также: Придворный календарь на 1891 год. С. 427. Ордена Андрея и Александра предполагалось изготовить по образцу французской орденской пары Святого Духа (голубая лента) и Святого Людовика (красная лента). «Ordre militaire des St. Louis» был учрежден в 1693 г. Людовиком XIV и до 1830 г. вручался исключительно за военные заслуги войсковым офицерам. Орденский знак состоял из золотого креста на красной ленте. Вопрос о том, ориентировался ли Петр при переносе мощей Александра в Петербург на французский образец (перенос мощей св. Людовика в Сен-Дени), остается открытым. В любом случае, параллель эта представляет интерес.

[96] Шляпкин и Бегунов полагают, что конное изображение Невского укоренено в русской традиции. Шляпкин указывает, что основой этого мотива стало сообщение о чуде, когда святой в 1491 г. покинул горящий Владимир, унесясь на лошади в небо (см. гл. 4.2), а также подчеркивает влияние иконографии св. Георгия. Бегунов, напротив, видит здесь влияние новгородской иконописной традиции (ср. гл. 3.2). См.: *Шляпкин.* Иконография; *Бегунов.* Иконография. С. 174.

[97] 30 августа 1725 г. орден получили князья Меншиков, Голицын, польский король Август II, датский король Фридрих IV, герцог Брауншвейг-Блакенбургский Людвиг-Рудольф и другие. В ноябре 1725 г. этим знаком был отмечен посол шведского короля барон Цедеркройц. См.: Придворный календарь на 1891 год. С. 428.

[98] Установление императора Павла I для русских орденов (5 апреля 1797 г.) // Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов / Сост. граф И.И. Воронцов-Дашков. СПб., 1891. С. 59—78. Или: Статут Императорского Ордена Святого Александра Невского // Придворный календарь на 1891 год. С. 422—425. Орден Александра Невского стоял в иерархии орденов на третьем месте после орденов Св. Андрея и Екатерины. Орденским праздником также стало 30 августа. Девиз «За Труды и Отечество» украшает и вход в Троицкий собор Александро-Невской лавры в Петербурге, где после освящения в 1790 г. находились мощи святого (и вновь возвращены теперь).

[99] См.: *Begunov.* Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 95; Государственные награды СССР. М., 1987. С. 44—45. Также см. главу 10.3.

[100] См.: Слово в день тезоименитства его императорского высочества благоверного государя великого князя Александра Павловича и в кавалерский праздник святого благоверного великого князя Александра Невского, при котором торжестве воспоследовало заложение соборной Александро-Невского монастыря церкви во имя Святой Троицы, в высочайшем присутствии ея императорского величества и их императорских высочеств, говоренное Троицкой Сергиевой пустыни архимандритом Иоасафом. СПб., 1778. С. 5.

[101] Слово в день тезоименитства его императорского высочества. С. 8.

[102] *Black.* Search. P. 16. См. также: *Rogger.* Consciousness. P. 191ff.

[103] *Müller G.F.* Leben des heiligen Alexandri Newsky. Aus russischen ungedruckten Nachrichten zusammengetragen und mit Zeugnissen auswärtiger Geschichtsschreiber bestätigt. Mit einer geschichtlichen Tafel des hl. Alexander Newsky // Ders. Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1. St. Petersburg, 1732. S. 281—314. Первая русскоязычная светская биография Александра Невского была написана полвека спустя Федором Туманским: Созерцание славной жизни святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. СПб., 1789.

[104] О «Степенной книге» см. гл. 4.3.

[105] *Müller.* Leben. S. 284. Соответствующее место в «Степенной книге»: «Сия же похвальныя словеса, яже о мужестве и разуме блаженнаго Александра, слышав краль части Римския, иже от полунощьныя страны, и исполнися зависти и ненависти...» (Степенная книга. С. 281). Миллер интерпретирует это наименование как описание гроссмейстера. Однако в дальнейшем никто из коллег не стал на его точку зрения.

[106] Версия Миллера не лишена определенной логики. Для него было очевидным, что сообщения рыцаря ордена Андреаса фон Велвена, визит которого к Александру описан в Житии непосредственно перед рассказом о Невской битве, имели решающее значение для наступательных планов ордена.

[107] *Müller.* Leben. S. 288.

[108] Ibid. S. 290.

[109] Ibid. S. 301ff.

[110] Ibid. S. 314.

[111] Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Bd. 23. 1981. S. 171, s.v. «G.F. Müller».

[112] *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. Особ. с. 25—44; *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен // Сочинения. СПб., 1902. Т. 3. Особ. стб. 17—114.

[113] Об историографическом творчестве Татищева см., в частности: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005.

[114] См.: *Татищев*. История Российская. С. 40. Татищев опирается в этом вопросе на Никоновскую летопись. См.: *Fennell*. Crisis. P. 107.

[115] *Татищев*. История Российская. С. 40. Щербатов присоединяется к мнению Татищева и рассуждает о причинах, почему Андрей мог впасть в немилость у монголов. См.: *Щербатов*. История Российская. С. 85 и далее. И в первом официальном учебнике для обучения истории в государственных школах Ф.И. Янковича де Мириево можно найти эту же интерпретацию. См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 71. Янкович де Мириево также представляет Александра инициатором карательной экспедиции Неврюя.

[116] *Татищев*. История Российская. С. 40 (ср.: Никоновская летопись. С. 138). Ср.: *Толочко*. «История Российская». С. 40, примеч. 41.

[117] «Поидоша сами с численики князь великий Александр Ярославич владимирский, и... счести Новгородския земли» (*Татищев*. История Российская. С. 42—43). И Щербатов детально описывает участие Александра в подавлении новгородских восстаний (*Щербатов*. История Российская. С. 100 и далее).

[118] *Mazour A.G.* Modern Russian Historiography. Westport, 1990. P. 30.

[119] Ср.: *Толочко*. «История Российская». С. 389—396.

[120] Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Bd. 38. 1984. S. 192, s.v. «V.N. Tatiščev».

[121] *Щербатов*. История Российская. С. 113.

[122] «Александр, не взирая на всю опасность, которой он подвергается, жертвуя себя пользе своего отечества, вскоре туда пошел...» (Там же. С. 69).

[123] «...умысли ити во Орду избавы ради християньския» (Степенная книга. С. 287).

[124] *Щербатов*. История Российская. С. 39, 43, 99. См. также: *Туманский*. Созерцание славной жизни. С. 11, 15, 19, 21, 27, 39.

[125] *Щербатов*. История Российская. С. 36 и далее.

[126] См., например: Там же. С. 40 (Чудо на Ижоре).

[127] *Екатерина II*. Записки касательно российской истории. Особ. с. 226—284. См. об этом: *Бегунов*. Человек и миф. С. 56; *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 105; *Rogger*. Consciousness. P. 240ff. «Записки» сначала были опубликованы как приложение к журналу «Собеседник любителей российского слова» (1783 г.), часть об Александре Невском увидела свет в 1794 г.

[128] См.: *Wachtel A.B.* An Obsession with History. Russian Writers Confront the Past. Stanford, 1994. P. 23—24.

[129] *Black*. Search. P. 6. О школьном образовании см.: *Эрик*. Преподавание истории в русской школе в XVIII веке.

[130] *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 110. Восторги Екатерины по поводу Невского выразились, например, в том, что она подобрала для крещения своего внука имя покровителя города Александра. На письмо к Мельхиору Гримму, документирующее это желание, указывал Шильдер. См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 4 (за это указание я благодарен Михаилу Долбилову). См. об этом так-

же: *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 99. Екатерина II сделала Александра героем своей пьесы «*Le chateau de Tchesma*». В вымышленном диалоге с Фридрихом II Александр Невский выступает посланником своего отечества. См. об этом: *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 104—105.

[131] См.: *Екатерина II*. Записки... С. 233. Однако она упоминает о предполагаемом участии ордена в битве.

[132] См.: Там же. С. 269.

[133] См. также: *Туманский*. Созерцание славной жизни. С. 22—23.

[134] См. также: Там же. С. 32.

[135] *Екатерина II*. Записки... С. 233 и далее.

[136] Там же. С. 234, 241.

[137] Там же. С. 264.

[138] Там же. С. 271.

[139] *Татищев*. История Российская. С. 33.

[140] *Екатерина II*. Записки... С. 241. Девиз «За спасение *веры* и отечества» (выделено нами. — *Ф.Б.Ш.*) украшает и коронационный медальон Екатерины (1762). См.: *Scharf C*. Tradition — Usurpation — Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharina II // Rußland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus — Aufklärung — Pragmatismus / Hg. E. Hübner, J. Kusber, P. Nitsche. Köln, 1998. S. 62. О значении вступления Екатерины в православие для ее монархического самосознания см.: Там же.

[141] Повесть. С. 193 (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*).

[142] См. также: *Туманский*. Созерцание славной жизни. С. 12.

[143] О становлении российского государственного патриотизма см.: *Tolz*. Russia. P. 5, 24. Автор указывает, что термины «патриот» или «сын отечества» как обозначения человека, любящего свою родину, появляются впервые в источниках XVIII в. Показательно, что отношения между «патриотом» и «императором» в России представлены отношениями «отец—сын», поскольку последний называется «отцом отечества», а первый «сыном». См.: *Schierle I*. «Syn otečestva»: Der «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit / Hg. Peter Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 2006.

[144] Ср., например, редакцию Василия Варлаама (см. гл. 4.2).

[145] Мнение Блека, что Екатерина систематически обходила вопрос об институте веча (*Black*. Search. P. 7), однако, спорно. См.: *Екатерина II*. Записки... С. 238.

[146] *Екатерина II*. Записки. С. 238. См. также: *Туманский*. Созерцание славной жизни. С. 13, где новгородцы названы «неблагодарными».

[147] *Щербатов*. История Российская. С. 41—42.

[148] О карьере и политических взглядах Татищева см.: *Conrad G*. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev, 1686—1750. Berlin, 1963; *Протасов В.А*. Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в собраниях 1730 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. 11. С. 237—265; *Кузьмин А.Г*. Татищев. М., 1981.

[149] См.: Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Bd. 38. P. 193.

[150] О представлениях Щербатова об отношениях между дворянством и государством см. подробнее: *Raeff M.* State and Nobility in the Ideology of M.M. Shcherbatov // Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder, 1994. P. 268—283.

[151] «За полезное я почитаю учинить упоминовение о многих именитых мужьях, от коих пошли знатные роды, которые во время сего великого князя выехали из других стран в подданство России» (*Щербатов*. История Российская. С. 113—114).

[152] См.: *Rogger*. Consciousness. P. 34; *Rogger*. Nationalism and the State: A Russian Dilemma // Comparative Studies in Society and History. 1961/1962. Vol. 4. P. 255.

[153] *Манкиев А.И.* Ядро российской истории. Сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князем Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих. М., 1799 (первое издание: 1784). Эта книга написана секретарем российского посольства в Швеции Манкиевым и была весьма распространена в 1780—1790 гг. См.: *Black*. Search. P. 8; *Rogger*. Consciousness. P. 192—193.

[154] «...который после разорения Руси от Батыя, думал с Руси ослабленной покорыстоваться, войну на него поднял» (*Манкиев*. Ядро... С. 145). У Мальгина Тевтонский орден и шведы в 1240 г. действовали сообща. См.: Зерцало. С. 75. Туманский полагает, что Швеция, Тевтонский орден и датской король действовали согласованно. См.: Созерцание славной жизни. С. 10—11.

[155] «...всех татарских счетчиков, из Орды присланных, велел изо всех городов русских выслать» (*Манкиев*. Ядро. С. 149).

[156] См. также: *Müller*. Leben. S. 314.

[157] *Мальгин*. Зерцало. С. 75—76. Мальгин вводит в свой текст и упоминания о заслугах наследниц Петра в деле памяти о Невском (орден, гробница, Троицкий собор).

[158] *Туманский*. Созерцание славной жизни. С. 5.

[159] Там же. С. 9 (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*).

[160] Там же. С. 39, 27. Туманский сообщает и о карательных мерах Александра против предателей, сдавших «немцам» Псков в 1240 г. (С. 15), и против Новгорода в 1257/1259 гг. (С. 32).

[161] Там же. С. 39, 32.

[162] Там же. С. 10.

[163] Там же. С. 11.

[164] Там же. С. 40.

[165] *Wittram*. Peter I. Bd. 2. S. 194. См. также: *Hughes*. Russia. P. 334.

[166] Даже иконографическая традиция изображения Александра монахом, очевидно, сохранилась вплоть до XIX в. См.: *Бегунов*. Иконография. С. 174. Бегунов описывает икону из Музея религии, датируемую началом XIX в., где Александр изображен монахом. На четырех клеймах нарисованы следующие сюжеты: шведский король выступает в поход против Новгородской земли, видение Пелгусия, Невская битва, Александр побеждает шведского короля. См.: Там же. С. 175.

6. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА (XIX ВЕК)

6.1. Национальный, имперский и церковный дискурсы

Начало научного осмысления отечественной истории совпало в России в XVIII в. с «открытием» русского языка, русской культуры и русского «народа». В это время появились не только первые секулярные общие обзоры «собственного» прошлого, но и основополагающие работы по языкознанию, такие как словари, грамматики, а также первые произведения русской беллетристики[1]. Размежевание с доминирующей «европейской», т.е. прежде всего французской, культурой и влияние параллельных процессов в Западной Европе привели в конце XVIII в. к развитию в русском дворянском обществе начатков модерного национального сознания[2]. Растущий интерес ко всему «своему», сливающийся с проблемой поиска «собственной» истории и русского языка и фольклора, т.е. культуры простого, крестьянского народа, составил основу для возникновения различных форм национального мышления в России в XIX в. Контакты с «Другим» в собственной стране, а также встречи за границей сыграли огромную роль в процессе возникновения в XVIII в. национального русского дискурса. Новое повествование о мы-группе хотя и отторгало (западно)европейские культурные образцы, но одновременно стремилось подчеркнуть включенность «открытой» русской нации в европейскую семью народов. Прекрасным примером такого стремления национально мыслящих русских ученых доказать «равноценность» России европейской истории может служить спор о «норманизме» между Ломоносовым и немецкими членами академии Шлецером и Миллером в середине XVIII в., — дискуссия о том, скандинавские или «свои», славянские корни были у Русского/Российского государства. Европеизация России предопределила рост русского национального самосознания в XVIII — начале XIX в., что вновь

оказывается признаком включенности страны в сферу влияния европейской культуры.

Со времени правления Екатерины II национальный дискурс, носителем которого была интеллигенция или дворянское общество, обрел компонент, критический по отношению к государству. «Новая Россия» Петра Великого, ориентированная на западноевропейский абсолютизм и управлявшаяся чужеродной бюрократией и «иностранными» монархами, казалась идеологам русской нации чуждой, идущей вразрез с русскими традициями. С культивированием «своей» традиции были отчасти связаны конкретные надежды дворян на участие в политике, поскольку они все сильнее ощущали себя представителями русской нации или даже ее воплощением[3].

В XIX столетии национальное мышление вновь оказалось связанным с критикой самодержавного государства. Прекрасными примерами могут служить здесь и национальная идеология декабристов, и философия раннего славянофильства[4]. Однако приверженцы русского национального дискурса — которых следует рассматривать в первую очередь не как представителей национального движения, но скорее как часть «толкующего сообщества»[5] — в большинстве своем не ставили под сомнение российское имперское государство. Тем не менее они «обнаружили в русской нации полюс идентичности, равный самодержавию, отделивший в осознающей себя "публике" (Öffentlichkeit) представление о царском абсолютизме как исторически самой влиятельной интегрирующей силе империи»[6].

Отношение государственной власти к дискурсу, определявшему мы-группу как национальное (народное) сообщество, а не через лояльность императору, оставалось амбивалентным вплоть до краха империи в 1917 г. Это было связано, во-первых, с несовместимостью национальной модели государства с полиэтническим характером империи и, во-вторых, с эмансипационным потенциалом общества, который власти могли видеть в национальных движениях после европейских революций 1830—1848 гг. или Январского восстания в Польше в 1863 г. Эмансипация, национальная или общественная, не входила в интересы правящего режима, принципиально державшегося вплоть до самого падения за предмодерную, династически-имперскую интегрирующую идею государства. Если в странах Западной Европы во второй половине XIX в. национальный дискурс, носителем которого является общество, использовался правительствами для поддержки государства и мог стать

инструментом стабилизации режима, в России латентно присутствовало противоречие между «официальным» имперским патриотизмом и общественным национализмом[7].

Этот дуализм между «национальным» и «имперским» дискурсами коллективной идентичности служит своего рода упорядочивающей рамкой в главе об образе Александра Невского в XIX в. Мы постараемся рассмотреть, каким образом фигура памяти «Александр Невский» встраивается в оба рамочных повествования о «сообществе». Характерными для «национального» дискурса в этом контексте оказываются два момента. Во-первых, мы-группа не определяется больше исключительно как сообщество лояльных правителю подданных или как группа жителей территории государства, как это было в имперском дискурсе. Новым критерием оказывается принадлежность к определенному народу, племени или национальному сообществу, понимаемому как сообщество языковое и культурное. Такой концепт идентичности потенциально допускает возможность интеграции различных классов, слоев и «сословий» в идею одного национального сообщества. Второй важный момент в национальном дискурсе, который при этом остается в тени в исследовании дискурсивного уровня, — это его носители. В отличие от государственно-имперского, национальный дискурс понимается как артикуляция «общества», интеллигенции или русской «публичной сферы» (Öffentlichkeit), возникшей в середине века[8].

Наряду с имперским и национальным дискурсом в качестве третьей формы «воображения» сообщества в XIX в. сохранился церковный дискурс, подчеркивавший религиозный характер мы-группы[9]. Все три концепта коллективной идентичности были тесно переплетены друг с другом и взаимообусловлены. Поэтому различение национального, имперского и церковного дискурсов об Александре Невском следует рассматривать лишь как разграничение идеальных типов.

6.2. Национальный дискурс

«Что Библия для Христиан, то история для народов»[10]. Эти слова принадлежат Николаю Михайловичу Карамзину (1766—1826), провозглашенному Пушкиным «Колумбом» российской истории[11]. В соответствии с этой аналогией Карамзин видел свою миссию в создании «Священного писания» русского народа. В 1803 г., став придворным историографом, он принялся за работу, призванную

заполнить болезненную лакуну, которой стало, по его мнению, в начале XIX в. отсутствие полного изложения русской истории. «История государства Российского», увидевшая свет в 1816—1829 гг., имела огромный успех у публики. Уже первое издание в количестве 3000 экземпляров было распродано в течение месяца. До 1853 г. состоялось пять переизданий. Исторический труд Карамзина относится к самым влиятельным книгам XIX в. Его успех стал частью того феномена, который Ханс Лемберг назвал «временем расцвета русского национализма»[12]. Эта патриотическая волна начала столетия была вызвана победой в Отечественной войне 1812 г. и европейским триумфом над Наполеоном[13]. Труд Карамзина восполнял потребность его читателей в национально-патриотическом созидании. Карамзин был убежден в том, что для настоящей любви к отечеству требуется знание того, что любишь, и, следовательно, его истории[14]. Сущность государства и его история были для Карамзина почти равнозначны. Интерес Карамзина сосредоточен прежде всего на домонгольской эпохе, истории Киевской Руси[15]. Он стремился показать, что и Россия располагает предысторией, равной истории любого европейского государства и даже превосходящей ее[16]. Эта претензия доказать равноценность России в семье цивилизованных европейских государств роднит Карамзина с традицией национального самосознания XVIII в.

Карамзин пишет историю Российского *государства*. Его труд обусловлен политическим убеждением в том, что только неограниченное самодержавие соответствует сущности российской истории. «История государства Российского» оказывается поэтому и манифестом консерватизма, в каковом качестве она и подверглась критике Николаем Тургеневым и Александром Пушкиным. Однако их упреки в том, что придворный историограф Карамзин не интересовался историей русского *народа,* были не совсем справедливы[17]. В его труде присутствуют следы романтической идеи о «народном характере» и «душе» «народа российского». Текст Карамзина напоминает в некоторых местах произведения И.Г. Гердера, с которыми автор был знаком[18]. Гердер полагал, что каждый народ следует рассматривать как органическое единство, подобно индивиду имеющее душу, характер и образ мысли. Каждому народу уготована судьба живого существа. Он растет, цветет, развивает свой характер и погибает. Характер народа выражается в его культуре, языке и истории. Изучение традиции, таким образом, дает ключ к пониманию характера и «духа» народа[19]. Вопрос о том, насколько Карам-

зин в своей «Истории государства Российского» опирался на концепцию Гердера, остается спорным[20]. Заметно, что в произведении Карамзина нет четкого разграничения между «отечеством» («отчизной»), «государством» и «народом». Его труд стоит на переходе между государственной и национальной историографией. «Российский народ» и «русский народ» становятся у него синонимами, российская многонациональная империя мыслится как национальное государство[21]. Он просто игнорирует существование различных языков и культур на территории империи. Так, например, он утверждает, что «народ российский» должен читать не литературу «иностранцев» — т.е. французскую, английскую, немецкую, — а «нашу», «русскую» литературу на русском языке. История Российской империи для него равнозначна истории (велико)русского народа. Даже если Карамзин написал историю прежде всего правителей и системы управления «государства Российского», одновременно он пытался исследовать «сущность» или «душу» русского/российского народа. Хотя влиятельнейший труд Карамзина причисляется к первым работам «государственной школы» русской историографии, в нем есть моменты, «привязывающие» его как к имперскому, так и национальному дискурсу коллективной идентичности. В нашем контексте его следует интерпретировать как источник русского национального дискурса XIX в.[22].

Как видно из процитированного в начале главы карамзинского афоризма, он был намерен дать русскому (российскому) народу своего рода «национальную Библию». В своей работе он имел возможность опираться на труды предшествующей научной историографии XVIII в. Как и в монументальных трудах компилятивного характера Татищева и Щербатова, в карамзинском эпосе не было места для святых. «Божии люди» выступают в его труде в новом обличье национальных *героев*. Эта трансформация коснулась и Александра Невского[23].

Первый важный вывод, который можно сделать из карамзинского жизнеописания Александра Невского, это непрерывность российской истории от Средних веков и до времени его *читателей*. Впечатление непрерывности создается, с одной стороны, использованием современной автору государственной терминологии, с другой — эксплицитной «мы-перспективой», объединяющей автора, читателя и исторические фигуры в одно воображаемое сообщество. В XIII в. монголы захватили не Киевскую Русь, а «Россию», населенную (следовательно) «народом российским»[24]. Шведский

король, по Карамзину, в 1240 г. напал на «россиян», а рыцари Тевтонского ордена заняли «российский городок»[25]. После смерти Александра народ собрался и «всякому хотелось... сказать ему... чего *Россия* в нем лишилась (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*)»[26]. Карамзин описывает биографию Александра, как будто он сам и его читатель непосредственно присутствовали при этом: «Урон с *нашей* стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все *наше* горестное отечество, дала Александру славное прозвание Невского (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*)»[27]. И в битве на льду Чудского озера участвовали «*наши* ряды» и «*наши* всадники», боровшиеся против ордена: «...400 Рыцарей пали от *наших* мечей»[28]. Благодаря заступничеству Александра за отечество во время последней поездки в Золотую Орду, «хан согласился также не требовать от *нас* войска»[29]. Подобная авторская манера создает воображаемое, трансисторическое сообщество, включающее автора, описанных в тексте героев и читателей, которые должны почувствовать, что происшествия Средних веков имеют непосредственное отношение к их собственной жизни. В таком способе прочтения фигуры Александра Невского как элемента непрерывного нарратива русской истории (или истории России) не было в принципе ничего нового. После «собирания русской истории» в московское время казалось уже вполне естественным, что Александр Невский, правитель удельного княжества, рассматривался как звено в цепи «русских» правителей от Рюрика до правящего российского императора. Принципиальным новшеством в «Истории» Карамзина стало включение в рассмотрение истории читателя, который мог и должен был идентифицировать себя через описанные события с сообществом, воображаемым как исторический континуум[30].

Второй отличительной чертой описания Александра Невского у Карамзина является трансформация святого в героя. «То, что для христиан святые, для народа есть его герои» — так можно было бы перефразировать приведенную выше цитату, чтобы описать трансформацию Александра Невского в «Истории государства Российского». При этом Карамзин лишь в самом конце рассказа об Александре упоминает, что «добрые россияне»[31] — а не церковь! — признали его ангелом-защитником и почитали святым. Карамзин называет Александра «князем» или «великим князем», однако очень часто и «героем» или «героем Невским»[32]. Герои вообще и национальные герои в особенности отличаются от святых прежде всего своим мирским характером. Высшая цель героев в национальную

эпоху не христоподобная жизнь, а преданность отечеству. Они не мученики за веру в Бога, а мученики за славу нации[33]. Заслуги героев, как и святых, именуются в русском языке словом «подвиг». Подвиг героя, однако, увеличивает не его святость, но его славу. Из человека делают героя прежде всего военные заслуги перед отечеством, признанные таковыми национальным сообществом. Александр Невский, святой князь, подвиг которого для авторов древнейших документов по истории памяти о нем заключался в его мирских делах, его справедливом правлении и защите своей земли, был как будто предназначен для перевоплощения в национального героя. Карамзин подчеркивает, что «сей юный князь скоро имел случай важным подвигом повеличить свою добрую славу»[34]. «Невский герой» у Карамзина отличается более всего своим мужеством и отвагой. Карамзин впервые заговорил о способностях Александра как «благоразумного полководца» в битве на Чудском озере[35]. Так, он заложил основу стилизации фигуры князя в национальном дискурсе как военного героя, что было воспринято в конце 30-х гг. XX в. советским патриотическим дискурсом и стало центральным топосом памяти о нем (см. гл. 8.2). Наряду с военными заслугами, Александр проявил и «любовь к отечеству», по Карамзину, он «любил отечество более своей княжеской чести»[36]. Он умер, «истощив силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству»[37]. У Карамзина плач митрополита Кирилла у гроба Александра звучит так: «Солнце отечества [! — *Ф.Б.Ш.*] закатилось»[38]. Даже тело покойного Александра лишено у Карамзина святости. Петр у него перемещает в Петербург не «мощи», а просто «останки» князя[39].

В-третьих, интересной особенностью вклада Карамзина в национальный дискурс об Александре Невском оказывается способ описания сущности национальной мы-группы. В той главе «Истории», где рассказывается об Александре Невском, автор не говорит прямо о характере русского/российского народа, о чем он часто пишет в других местах. Однако, описывая Александра Невского, Карамзин утверждает, что Россия должна управляться самодержавным властителем. Критикуя правление брата Александра Андрея и тех новгородских «чиновников», что «дремали или тратили время в лишних ссорах»[40], Карамзин прославляет правление Александра как сильного властителя.

Образ мы-группы и ее отечества, который Карамзин конструирует в отрывке об Александре Невском, может быть выведен *ex negativo* из описания врагов «России» в XIII в. Замечательно, что в

повествовании историка о «Невском герое» роль «чужого» отводится не шведам, Тевтонскому ордену или литовцам, а монголам, от которых прежде всего отграничивается мы-группа «россиян». Особенно показательно в этом отношении описание первой поездки Александра к хану Батыю:

> Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих. ...что ожидало Князей Российских в Татарии? уничижение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для Государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, воспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством[41].

Карамзин очень четко противопоставляет родину сынов Ярослава (и соответственно русских читателей) и родину монголов. С одной стороны, присутствует «жизнь»: умеренный климат, оседлость, тенистые леса, красивый ландшафт и права. С другой стороны — «смерть»: экстремальный климат, кочевники, пустыни, захоронения, рабство и деспотизм. В описании Карамзиным Александра Невского уже заметны черты дискурса «Россия и Азия», в течение всего XIX в. определявшие тексты о князе.

В отличие от больших интеллектуальных споров XIX в. о «России и Европе»[42], дискуссия об отношениях России и Азии была направлена на то, чтобы постулировать не равноценность, а превосходство России и соответственно русской культуры[43]. В русском дискурсе об Азии отражаются европоцентристские представления о контрасте между «цивилизацией» и «варварством». Русский образ Азии можно рассматривать как восточное соответствие (западно)европейского образа «варварской России» XVIII—XIX вв.[44]. России в русском «азиатском дискурсе» приписывалась роль «цивилизованной страны»[45]. Понятия «кочевники», «Азия» или «ислам» здесь имели однозначно негативную окраску[46]. Представление о более низкой стадии развития кочевников-азиатов было ключевым элементом идеологии *mission civilisatrice* (цивилизаторской миссии), которой оправдывалась экспансия Российской империи в

Азию. Дискурсы «Россия и Европа» и «Россия и Азия» были двумя сторонами одной медали. Идея превосходства над Азией имела компенсаторную функцию по отношению к отставанию России от Западной Европы. Эта мысль выражена, например, в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»[47].

Во времена Александра Невского властные отношения между «русскими» и «азиатами» были устроены иначе, чем в начале XIX в. Но взгляд Карамзина и его современников на эту эпоху подвержен влиянию господствующего «духа времени». Монгольская политика Александра была для историка XIX в. центральным фактором его биографии. Карамзину кажется невероятным, что Александр мог заключить союз с врагами-монголами из соображений личной выгоды. Историограф не стал следовать Татищеву в трактовке того, как Александр получил великое княжение во Владимире в 1252 г. По Карамзину, брат Александра Андрей попал у монголов в немилость, поскольку не был готов пойти на их требования[48]. Следствием этого поступка стали «государственный беспорядок» и поход Неврюя. Александр, напротив, сумел «мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении Монголов облегчить судьбу подданных»[49]. Под этим знаком проходили поездки Александра в Орду. И подчинение Новгорода монгольскому данничеству Карамзин оправдывает тем, что Александр стремился отвести от «России» еще более страшные несчастья[50]. Такое прочтение оказало влияние на национальный дискурс всего XIX в.

Новым элементом национального дискурса об Александре Невском стала идея о том, что князя следует рассматривать не только как защитника страны и веры, но и русской культуры, и особенно русского языка. Укорененность такого представления можно заметить на примере лекций литератора и впоследствии декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846) о русском языке и литературе, прочитанных в обществе «Атенеум» в Париже в июне 1821 г.[51]. Кюхельбекер объединил стремление внушить французским слушателям мысль о равноценности русского языка по отношению к другим европейским языкам с критикой самодержавной власти у себя на родине. В русском языке, говорит он, скрывается истинный «характер говорящего на нем народа», который, в отличие от деспотического режима, свободен, богат и силен. Этот свободный характер русских идиом жил в новгородской вечевой

республике и был возвращен Александром Невским в отечество, где в то время говорили на киевском диалекте:

> Русский московский язык, не считая кое-каких изменений, является языком новгородских республиканцев; Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был военным вождем великого Новгорода, а затем удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались дотоле в Великом княжестве... Таким образом древний славянский язык превратился в русский в свободной стране; в городе торговом, демократическом, богатом, любимом, грозном для своих соседей, этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые без подлинного чуда не могли бы никогда развиться в порабощенной стране[52].

В русском языке сохранилась неиспорченной память о свободе и «верховной власти народа» («souverainité du peuple»). «Доныне слово *вольность* действует с особой силой на каждое подлинное русское сердце»[53]. Сама эта «особая сила» свободы в «подлинном русском сердце», а также ее адепты означали для имперской власти опасность революции. Лекции Кюхельбекера были отменены в Париже по настоянию русского посольства. На этом примере можно наблюдать, как тесно национальное мышление в России того времени было связано с требованиями политических прав. Неудачная попытка переворота в декабре 1825 г. маркирует тот момент, когда расходятся друг с другом национальный и имперский дискурсы об идентичности России. Александр Невский как «культуртрегер» остается в национальном дискурсе, однако упоминания о нем единичны и носят в нашем контексте скорее анекдотический характер[54].

Третий текст, который следует привлечь наряду с «Историей государства Российского» и парижской речью Кюхельбекера в качестве источника национального дискурса об Александре Невском в XIX в., принадлежит перу Николая Ивановича Костомарова (1817—1885)[55]. Карамзина и Костомарова не просто разделяют два поколения. Если консервативный придворный историограф причислялся к апологетам самодержавия и сильного Российского государства, то Костомаров считается представителем «федералистской школы» и возникающего украинского национального дискурса. Как историк он занимался, в частности, самостоятельным развитием юго-западных княжеств Руси, историей Новгородской

республики, восстаниями Степана Разина и Емельяна Пугачева. Наряду с Тарасом Шевченко он был одним из видных представителей украинского национального движения[56]. При всех их отличиях оба историка близки друг другу тем, что их произведения были написаны под влиянием национальной идеологии и для широкой публики. Биографическое эссе Костомарова об Александре Невском вышло в 1880 г. в собрании 31 жизнеописания русских князей, церковных иерархов и святых. Особого внимания в нашем контексте в статье об Александре Невском заслуживает национальный аспект, а также костомаровская оценка княжеской власти и «демократических» традиций в городе-республике[57].

Представления Костомарова об истории находились во власти национальных образцов. С его точки зрения, «носителями истории» были не выдающиеся личности, а «народы» и «племена». Столкновения XIII в. были для него результатом конфликтов между различными «племенами» или союзами «племен». Костомаров делал вывод, что Русь[58] в это время на северо-западе столкнулась с «немецким племенем», а на востоке противостояла наступлению «татарских племен»[59]. Хотя «немецкое племя» и боролось под «знаменами западного католицизма», однако «уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен»[60]. Для Костомарова

> вражда немецкого племени с славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен[61].

По Костомарову,

> властолюбивые немцы «порабощали [славян], теснили [их] к востоку и сами двигались за ними, порабощая их снова. Пространный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность[62].

Представление о противоречиях «между миролюбивыми славянами-земледельцами и воинственными захватчиками-германцами»[63] восходит к И.Г. Гердеру. В середине XIX в. благодаря этой теории появились политические термины «извечная германо-славянская вражда» и «немецкий натиск на Восток»[64]. Оба термина

имели очень негативную окраску и наложили тяжелый отпечаток на отношения Германии с ее восточными соседями вплоть до конца XX в. Интерпретация Костомаровым конфликта между Новгородом и Тевтонским орденом в XIII в. находится в русле этой схемы[65].

Показательно у Костомарова и употребление термина «народность», принадлежавшего к основному словарю национального мышления в России XIX в. и, вероятно, бывшего даже его важнейшей вокабулой. В этом слове сконцентрировалось представление о том, что человеческое сообщество возникает не волюнтаристски, посредством признания лояльности политическому лидеру или абсолютному монарху, и не по принадлежности к определенной религии. Племена и народы являются органически выросшими, естественными образованиями с определенными, объективируемыми общими особенностями[66]. Одним из крестных отцов этой идеи являлся И.Г. Гердер[67].

Для Гердера

> самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером. Этот характер сохраняется тысячелетиями, и если природного государя народа заботит это, то характер такой может быть развит наиболее естественным образом... Итак, кажется, что ничто так не противно самим целям правления, как неестественный рост государства, хаотическое смешение разных человеческих племен и пород под одним скипетром[68].

Развитие национального мышления гердеровского толка должно было вступить в противоречие с предмодерной, династически-имперской идеей интеграции Российской империи, объединяющей «под одним скипетром бесчисленные человеческие племена и нации». Прекрасным примером служит украинское национальное движение, имевшее в лице Костомарова весьма влиятельного защитника и идеолога[69]. Для шефа Третьего отделения уже в 1847 г. стихи украинского «национального поэта» Шевченко были опасным взрывчатым веществом, поскольку могли послужить распространению идей о независимости отдельного украинского государства[70].

Вернемся, однако, к Александру Невскому. Даже если Костомаров не был представителем (велико)русского национального движения, его тексты в общем могут интерпретироваться как источник

по национальному мышлению в России XIX в. Александр Невский однозначно был для автора частью истории русского (а не украинского) народа[71]. «Русское» сообщество Костомаров отмежевывает в своей статье об Александре Невском, с одной стороны, от «немецких племен», с другой — от «азиатских народов», также являющихся группой, враждебной по отношению к мы-группе. Подобно Карамзину, историк не сомневается в «варварском состоянии [их] умственного развития» и описывает монголов, используя оппозицию «цивилизация *versus* варварство»:

> Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такою грязною пищею, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной[72].

С востока на Русь «нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения»[73]. Метафорика «грязных» врагов, которые «подобно потоку» нахлынули на «наш» народ и от которых страна должна быть «очищена», симптоматична для национального мышления конца XIX столетия[74]. Для Костомарова «качества» монголов были «совершенно противоположные» тогдашним русским[75]. Монголы были кочевниками, многоженцами и язычниками. Их «безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость»[76] были, с точки зрения Костомарова, не только ключом к успеху для монголов, но и главным их отличием от «русских».

Костомаров был убежден, что во времена Александра Невского невозможно было и подумать об освобождении от «татарского ига». Однако, по его мнению, те политические выводы, которые Александр сделал из такой ситуации, заложили основания для становления самодержавия и разрушения демократических традиций Руси в будущем Московском государстве. Вместо того чтобы защищаться от монголов, русские князья приобрели «рабские свойства»[77]:

> Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде[78].

Выгоды касались возможности увеличить княжескую власть за счет веча, чьи древние права были «в большей части русских земель очень скоро» подавлены[79]. Подчинение Новгорода монгольской даннической системе при помощи Александра Невского Костомаров интерпретирует как предвестие «дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки»[80]. Заключительный вывод Костомарова о личности Александра Невского, следовательно, оказывается негативным. В отличие от Карамзина, считавшего возникновение централизованного и самодержавного Московского государства воплощением «русской идеи», либерал Костомаров в своих трудах оплакивает закат вечевых традиций в русской истории. По его оценке, не русский народ, а прежде всего духовенство почитало память об Александре. По Костомарову, Невский был канонизирован православной церковью не как «защитник земли русской», а как «страстотерпец». Не без критических ноток историк заключает, что готовность Александра вынести иго монгольского господства

> вполне согласовалась с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой[81].

Несмотря на различную оценку Александра Невского в трудах Карамзина и Костомарова, тексты обоих историков имеют много общего. Оба автора находились под влиянием национальных идейных моделей и своими трудами повлияли на возникновение и многостороннее развитие национального дискурса об Александре Невском в XIX в.

История и «публичная сфера»

Насколько сильно это новое прочтение повлияло на культурную память в России, станет ясно при исследовании источников, обращенных не только к узкому кругу интересующихся историей интеллектуалов, но и к (медленно) расширяющейся в Российской империи читающей публике. В России XIX в. наблюдался рост печатной продукции, хотя не столь стремительный, как в Западной Европе. Следствием развития школьного образования стало постепенное формирование прослойки грамотных людей[82]. Лишь в

60-х гг. XIX в. общее число потенциальных читателей в России превысило миллион человек, что соответствовало 0,5—1,5% населения[83]. Но с середины XIX в. можно говорить о размывании, социальном расширении узкого дискурсивного сообщества (Diskursgemeinschaft), состоявшего по преимуществу из дворянской интеллигенции. Численному росту и социальной дифференциации читающей публики способствовало и возникновение новых медиа и типов текстов. Если газеты и журналы более обращались к читателям с образованием выше начальной школы, издатели дешевой народной литературы рассчитывали и на интерес купечества, мещан и крестьян, имевших лишь начальное школьное образование[84].

Как в более требовательной газетной и журнальной литературе, так и в печатной продукции, обращавшейся к широкой публике, в XIX в. культивировалась память об Александре Невском[85]. При этом интерпретация исторического материала и заданного в этих текстах образа мы-группы отвечала не династически-имперскому и не церковно-сакральному дискурсам, но тому национальному прочтению, которое обнаруживается в текстах Карамзина и Костомарова. Особенно заметны три характерных момента: во-первых, мы-группа описана как трансисторическое, национальное, русское сообщество, в которое читатели вовлечены посредством эксплицитной мы-перспективы. Во-вторых, большое значение образов врага, которые служат в историческом повествовании о мы-группе своеобразным «контрастным фоном». В-третьих, растущая значимость военных аспектов в биографии Александра и стилизация его личности как фигуры военного героя.

В большинстве рассмотренных здесь текстов авторы стремятся вызвать у читателя ощущение причастности вневременному, национальному русскому сообществу. Как это делал уже Карамзин в своей «Истории», некоторые авторы используют в качестве нарративного стилистического средства мы-перспективу. Так, например, автор статьи «Святой Александр Невский» в журнале «Нива» говорит о «*наших* князьях» и «*нашем* первом столкновении с татарами». Козлов, автор брошюры под заглавием «Нашествие татар», говорит, что «мы» потеряли шестерых князей на «*нашем* фронте» в борьбе с татарами за Киев[86]. Создаваемая здесь мы-группа объединяет в воображении как исторических героев XIII в., так и читателей XIX в., эта мы-группа оказывается не имперским российским, но национальным русским сообществом. В центре внимания автора — не государство «Россия», но «русский народ». Признаками такого под-

хода можно назвать и интерес авторов к истории русского народа и «русской народности»[87], а также использование прилагательного «русский»[88]. Мы-группа при этом осмысляется прежде всего как *культурное* сообщество. Центральную роль при описании «русской народности» играют такие категории, как язык и религия. В рассматриваемых текстах постоянно подчеркивается принадлежность русских к языковому и культурному сообществу славян[89]. Одновременно многие авторы подчеркивают значение православия как характерного признака национальной мы-группы[90]. Некоторые видят в православной вере «священный залог» русской народности[91] и мечтают о «нашей многострадальной православной матушке — России»[92], или «Святой Руси»[93]. Петрушевский даже интерпретирует акт крещения Руси в X в. как час рождения «русского народа»[94].

Описание мы-группы русского народа как цивилизованного, православно-христианского сообщества в текстах национального дискурса об Александре Невском находит свою противоположность в образах врагов, жестоких и «варварских» татар, а также агрессивных католических сил Запада[95]. Новым ярким элементом описания врага становится рассказ о том, как шведы в 1240 г. действовали по указанию папы Григория IX, издавшего буллу о крестовом походе. Петрушевский, например, полагает, что «Папа Римский... приказывал... русских поворачивать в латинство»[96]. Такая интерпретация Невской битвы еще отсутствует в «Истории государства Российского» Карамзина[97]. Первым историком, выдвинувшим эту теорию, был, очевидно, Сергей Михайлович Соловьев. Он утверждал, что шведский ярл «Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси»[98]. Независимо от того, есть ли в открытии Соловьева доля истины (что может быть вероятным), замечательна готовность авторов национального дискурса подхватить этот антикатолический момент, напоминающий интерпретации биографии Александра в редакциях Жития XVI в., и создать из него центральный аспект национальной памяти об Александре Невском.

Вероятно, «карьеру» тезиса о католическом крестовом походе против православной Руси в XIII в. следует интерпретировать как периферийное явление разгоравшегося «культуркампфа против католицизма»[99], ведшегося в России после Ноябрьского восстания 1830 г. в Польше. Своего апогея антикатолические настроения в империи достигли после Январского восстания 1863 г. Этот процесс способствовал тому, что и русская общественность свернула на

линию официального антикатолицизма или могла относительно открыто его артикулировать[100]. Польша есть «острый клин, вогнанный Латинством в самую сердцевину Славянского мира с целью расколоть его в щепы», провозгласил в 1863 г. славянофильский публицист Юрий Самарин:

> Как две души, заключенные в одном теле, Славянство и Латинство вели и доселе ведут внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть[101].

«Душу» или «характер» семьи славянских народов Самарин противопоставляет не «душе» другой нации или народа, но «душе» другой конфессии. Эта идея, взятая из полемики по «польскому вопросу», обнаруживается и в национальном дискурсе об Александре Невском. Подлинными противниками славян или «русских» в XIII в. были не немцы, шведы или германские племена, а папа, католическая церковь, «латинство». Православная вера в национальном дискурсе служила основанием или «священным залогом» русской народности.

Православие превратилось в нем из атрибута религиозной общины в признак культурного сообщества. Если в религиозном дискурсе православные христиане еще мыслились как часть сакрального сообщества, включающего в себя не только земной мир, но и мир потусторонний, национальный дискурс ориентирован прежде всего на земную жизнь. Это становится очевидным и потому, например, что Александр Невский в национальном дискурсе почитается не как святой, но как земной герой «своей» национальной истории. В концепте сообщества в церковно-религиозном дискурсе святые мыслились как *живая* часть православной сакральной общины. Они были посредниками между земной церковью и Богом и могли в любое время быть призваны верующими для помощи и заступничества. В национальном дискурсе, напротив, живые святые превратились в мертвых героев прошлого. Им больше не молятся, их помнят как исторических персонажей. У них нет больше непосредственной возможности влиять на современную жизнь. Власть, которой они еще обладают, это опосредованная сила, сила исторического примера.

Трансформацию св. Александра в героя Александра Невского в национальном дискурсе можно проследить уже в «Истории» Карамзина. Такое превращение можно наблюдать и в рассматриваемых здесь текстах из журналов и народной литературы. Александр

часто называется «героем», «непобедимым героем», «истинным героем» или просто «героем Невским»[102]. При этом особенно подчеркивается его «героическое мужество» и «храбрость»[103]. Эти определения позволяют ему выступать в текстах национального дискурса как русскому «витязю» и «нашему богатырю»[104]. Автор небольшой брошюры о герое, вышедшей в 1905 г., впервые называет Александра «князем-воином»[105]. Сдержанное высказывание Карамзина о том, что Александр был талантливым полководцем, благодарно подхваченное авторами национального дискурса, оказывается центральным аспектом образа Александра. В журнале «Нива» Александр назван «счастливым полководцем», Холодный прославляет его как «опытного вождя», Козлов отмечает, что «Александр был одарен... военным талантом», а В.Ю. Александр говорит, что Невский «был... искусным и хитрым военачальником»[106]. «Открытие» военных способностей Александра в национальном дискурсе идет рука об руку с ростом значения выигранных им битв. В 1892 г. впервые в долгой истории памяти о нем вышло в свет две работы, которые, по крайней мере согласно названиям, были посвящены битвам 1240 и 1242 гг.[107]. В год, когда отмечалось 650-летие Ледового побоища, победа на льду Чудского озера определенно была оценена выше, чем сражение 1240 г., почти два столетия считавшееся важнейшим военным достижением Александра[108]. Однако это событие в национальном дискурсе — если не считать мнения Костомарова в его эссе о Невском — интерпретировалось еще не как «русско-немецкое» противостояние, но как борьба между католическим рыцарским орденом из Лифляндии и православной Русью[109]. Однозначная «милитаризация» дискурса об Александре Невском произошла только в XX в. Тем не менее подчеркивание полководческих талантов Александра и возрастающее внимание к его победам в текстах национального дискурса указывают на то, что в России XIX в. началось осмысление национальной мы-группы как воюющего сообщества, в отграничении от внешних врагов[110]. Представление о мы-группе как «боевом сообществе» — характерная черта модерного национального мышления[111]. Растущее значение образа врага, памяти о важнейших битвах «своей» истории или о полководцах-победителях, которые отличают национальный дискурс об Александре Невском, имели конститутивный характер для проектов национальной идентичности во многих европейских странах[112]. «Европейские нации в конце XIX столетия по их представлениям или их воле — это “вооруженные нации”»[113].

Иконография

Основные характеристики национального прочтения Александра Невского воплотились в новой иконографии этой исторической фигуры. Если в XVIII в. Александр, как правило, изображался великим князем в мантии и с регалиями российского императора, в конце XIX в. происходит «национализация» или «фольклоризация» его фигуры в изобразительном искусстве. Художники, творчество которых можно отнести к национальному дискурсу, стремились вывести на первый план все «русское» в собственной истории, поэтому лишили Александра пурпурного плаща с горностаевой оторочкой, императорской короны и скипетра и облачили в одежды, очевидно, более соответствовавшие представлениям XIX в. о русском средневековье. Новым в иконографическом спектре оказывается и акцент на функции Александра как воина, связанный с подчеркиванием его полководческих качеств и военного героизма в письменных свидетельствах национального дискурса.

На эскизе портретной иконы для иконостаса Владимирского собора в Киеве, созданном художником Виктором Михайловичем Васнецовым (1848—1926) в 1884—1885 гг., хорошо заметны оба аспекта (ил. 18)[114]. Васнецов, приверженец «русского стиля», постоянно разрабатывавший в своем творчестве темы русского фольклора, изображает на этой картине Невского русским богатырем[115]. Святой одет в доспехи, правой рукой он прижимает к груди рукоять меча, в левой у него древко знамени. Художник рисует князя в момент размышления и молитвы перед битвой. Плащ на плечах Александра и вся его одежда украшены народными орнаментами. Борода, которой Александр был лишен в петровское время, также относится к фольклорным элементам этого изображения. Нимб вокруг склоненной головы князя свидетельствует о его святости. Александр представлен здесь не монахом, как это было в церковно-религиозном дискурсе московского периода, и не князем имперского дискурса XVIII в. В соответствии с национальным прочтением он изображен воином. Одновременно подчеркивается его принадлежность национальному русскому сообществу[116]. Александр — русский, князь-воин и святой. В этой последовательности можно расположить ориентиры в образе Александра Невского в национальном дискурсе[117].

Следует добавить, что живописное изображение Александра как воина в XIX в. остается еще исключением. Преобладают в это время изображения Невского как князя (или монаха)[118]. Обе победы князя (1240, 1242), ставшие в XX в. излюбленными мотивами художни-

ков, в развивавшейся с 1860-х гг. русской батальной и исторической живописи были исключительно редкими предметами изображения[119]. Хотя Ломоносов уже в 1764 г. назвал битву на Чудском озере выдающимся событием российской истории, способным вдохновить художников при украшении царских дворцов, это событие не было отражено в русской живописи до конца XIX в.[120]. Невская битва в 1890-е гг. стала предметом изображения, в частности, у Г. Скливы (для Троицкого собора Александро-Невской лавры) и в середине XIX в. у Петра Бассина (для часовни Александра Невского Исаакиевского собора в Петербурге)[121]. Русская историческая живопись, в отличие от советской, проявила малый интерес к военным подвигам Александра. Причины могли быть весьма разнообразными. Во-первых, в национальном дискурсе XIX в. воинствующее размежевание России с «Европой» не играло столь важной роли, как подчеркивание различия с Азией. Во-вторых, можно предположить, что в дискурсе «Россия и католическая Европа» главная партия «чужого» отводилась не Швеции или Тевтонскому ордену (и соответственно немцам), а Польше. В-третьих, это наблюдение может указывать на специфику национального мышления в России XIX в. Исследуя и сравнивая различные национальные места памяти, было бы интересно проследить, не была ли мифология борьбы и военной силы слабее, чем представление о религиозности и святости сообщества. В-четвертых, следует учесть, что в XIX в. Александр Невский все еще почитался святым, а православная церковь сторонилась светского изобразительного искусства. Все это может объяснить сдержанность русской исторической живописи в изображении светских деяний Александра[122]. Наконец, отсутствие изображений национально-русской окраски, посвященных военным подвигам Александра, можно расценить как возможную общую слабость русского национального дискурса или отсутствие организованного русского национального движения[123]. Однако по-настоящему удовлетворительный ответ может дать только сравнительное исследование русских национальных символов XIX в.

6.3. Имперский дискурс

В XIX столетии Александр Невский продолжал оставаться важным элементом в имперском дискурсе коллективной идентичности, сформировавшемся в XVIII в., важнейшими элементами которого были император, династия, империя и столица на берегах

Невы. Вплоть до середины XIX в. живописные изображения Александра в Петербурге отвечали иконописной традиции Петровской эпохи. Во второй половине века влияние национального мышления на имперский дискурс становится заметным. Об этом можно судить по образу Невского в учебниках по истории для государственных учебных заведений.

Многочисленные художественные изображения, созданные в первой половине века в Петербурге, еще находятся в очевидной зависимости от образцов имперского дискурса. Имперский образ Александра, например, является устойчивой частью иконографической программы новосозданного (третьего) Исаакиевского собора (1818—1858 гг.) в Санкт-Петербурге, служившего до 1917 г. главным храмом столицы. С 1710 г., когда началось строительство первой Исаакиевской церкви, история этого здания была тесно связана с личностью и культом Петра I. 30 мая было и днем рождения царя, и днем памяти Исаака Далматского, в честь которого был освящен собор[124]. Новое монументальное здание можно, таким образом, интерпретировать и как знак преклонения перед св. Исааком, и как памятник основателю Петербурга[125]. Понятны поэтому причины, по которым художник Карл Павлович Брюллов (1799—1852), получивший заказ на роспись купола, предполагал изобразить Александра в сонме святых у трона Богоматери с чертами Петра Великого[126]. Воплощавший проект Брюллова Петр Васильевич Бассин (1793—1897) отказался от этой идеи. Бассин нарисовал Александра человеком средних лет с темными локонами, бородой и правильными чертами лица (ил. 19). Покровитель города оказывается в сонме святых третьей по значимости фигурой росписи купола после Марии и Исаака Далматского. Бассин изобразил Невского рядом с патроном храма. Он одет в доспехи и отороченный горностаем плащ, знак императорской власти. Задумчивый взгляд Александра устремлен вверх, правой рукой он держит щит с изображением Христа, левая рука покоится на груди. Александр преклонил колено на облако и кажется погруженным в молитву[127]. Это изображение еще свободно от фольклорных элементов, присутствующих в эскизе иконы Васнецова. Александр Невский преклонил колено у трона Богоматери как молящийся святой и представитель императора, империи и ее столицы.

Взаимообусловленность образов Александра Невского и империи очевидна и в другом помещении Исаакиевского собора. Бронзовый рельеф над внутренней дверью южного портала изображает

перенос мощей святого в Петербург[128]. Рака с мощами расположена на маленькой барке, у руля которой стоит Петр Великий. На заднем плане изображена группа ожидающего духовенства и силуэт столицы, место, куда направляется корабль. На раке, украшенной великолепным пологом с двуглавыми орлами, на подушке покоится императорская корона. Все важные элементы петербургского прочтения святого объединены в этом изображении: во-первых, Александр Невский как предшественник императора и «основатель» усыпальницы правителей в новой столице; во-вторых, город Санкт-Петербург, символизирующийся тремя церковными башнями и волнами Невы; в-третьих, император Петр I, приказавший переместить мощи Александра; в-четвертых, империя, которую символизируют корона и орлы. Наконец, картина «Александр Невский в битве со шведами», написанная Бассиным для Александро-Невской капеллы Исаакиевского собора, наглядно демонстрирует, какие аспекты его биографии считались релевантными петербургскому городскому тексту: покровитель города победил северных врагов в 1240 г., как и Петр I почти пять веков спустя, и сделал это на том самом месте, где последний повелел построить в его честь храм[129].

Имперский национализм

После восстания декабристов 1825 г. и Ноябрьского польского восстания 1830 г. идеологи Российской империи вынуждены были реагировать на призрак модерного национального мышления в Европе. Если Николай I (1825—1855), став «жандармом Европы» и охранителем самодержавного порядка, подавил революционное движение в России, Польше и Венгрии, то его министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров (1833—1849), в 1833 г. провозгласивший термин «народность» наряду с «православием» и «самодержавием» идеологическими столпами империи, привил тем самым к имперской идеологии один из центральных терминов национального дискурса[130]. Уваров осознавал «быстрое падение религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий». Отечество, как писал министр,

> надлежало укрепить на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежа-

> щие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения[131].

Уваров полагал, что особый характер России отражается в триаде «православие — самодержавие — народность», в духе которой следует воспитывать лояльных подданных[132]. Несмотря на то что понятие «народность» оставалось чрезвычайно нечетким, можно предположить, что Уваров имел в виду не «народность» полиэтнического сообщества граждан, а «сущность» (велико)русского народа[133]. Подобно Карамзину, Уваров понимал Российскую империю как государство национального типа и заложил своей триадой идеологические основания русского «имперского национализма»[134]. «Фольклоризация», или национализация, имперской идеологии была призвана привлечь к государству национально мыслящую общественность России. Однако было очевидным противоречие между национальной идеологией и имперской реальностью. Для Николая I (и для двух его преемников) в сомнительных случаях по-прежнему важнейшим критерием оценки подданных была лояльность государю[135]. «Основной целью правительства было сохранение территориального, политического и социального статус-кво в полиэтнической империи, а для этого была необходима *наднациональная* интегрирующая идеология»[136].

Целью официальной идеологии уваровского толка было

> ...исцелить новейшее поколение от слепого необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных сердцах радушное уважение к отечественному... потом... оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии православия, самодержавия и народности[137].

Неудивительно, что подобную идеологию можно обнаружить в учебниках истории, призванных служить распространению этого «радушного уважения к отечественному» в школах Российской империи. Ниже мы рассмотрим тринадцать учебников по истории для средних и высших учебных заведений, изданных с 1850 по 1913 г., а также официальный учебник русской истории николаев-

ской эпохи Н.Г. Устрялова (1805—1870), вышедший в 1840 г. Нашей целью будет анализ развития «государственно-официальной» интерпретации Александра Невского[138]. В нашем контексте учебники как источники имеют промежуточное положение. Во-первых, они могут рассматриваться как продукты и отражение национального дискурса, с другой стороны, факт их одобрения Министерством народного просвещения делал их выражением официально санкционированного, имперского прочтения истории. Образ Александра Невского в учебниках, по которым велось преподавание в государственных средних школах на уроках истории, наряду с образом, пропагандировавшимся церковью, был наиболее распространенным в массах населения представлением о национальном герое[139].

«Русская история» Устрялова, победившего в организованном Уваровым конкурсе, была признана в 1840 г. официальным учебником по русской истории. Эта книга отмечает в русской историографии поворот от «российской» к «русской» истории[140]. Устрялов интегрировал в исторический нарратив аспект «народности» и подвел «исторический фундамент» под уваровскую триаду «православие — самодержавие — народность». Его «Русская история» должна была связать историю Российского государства с историей русского народа. При этом слово «народность» у Устрялова столь же мало, что у Уварова или Карамзина, обозначает сообщество различных народов империи; понимание «народности» стало, очевидно, инструментом программы культурно-политической русификации[141].

Рассматривая образ Александра Невского в российских учебниках для государственных школ, можно выделить три важных аспекта. Во-первых, Александр Невский не принадлежит к первому рангу героев русской истории. Его личность не получает здесь такого внимания, как другие исторические фигуры. Во-вторых, наиболее достойными памяти, по этим учебникам, оказываются не военные подвиги Александра в борьбе со Швецией или орденом, а его искусная и ловкая монгольская политика. В-третьих, как и в национальном дискурсе, нападения Тевтонского ордена и в еще большей степени диверсия шведов трактуются как агрессия католической церкви против православных русских.

Александр Невский занимает прочное место во всех учебниках XIX в. Однако кажется, что по славе и почету его опережают такие исторические фигуры, как, например, Дмитрий Донской, Иван

Сусанин или Минин и Пожарский[142]. Александр, ставший в XX в. одной из центральных фигур советского патриотического пантеона, в первом томе «Русской истории» Устрялова, где периоду от основания Руси до Петра Великого отведено около 450 страниц, удостаивается всего лишь тридцати строк[143]. Соловьев в своем учебнике по русской истории превозносит исторические заслуги — подвиги — Александра. По Соловьеву, благодаря этим подвигам Александр Невский обеспечил себе выдающееся место в русской истории между правлениями Владимира Мономаха и Дмитрия Донского. Резервируя за Невским такую позицию, Соловьев косвенно дает понять, что Александр занимал столь важное место только лишь в те 125 лет (примерно с 1125 по 1350 г.) между правлениями двух этих князей, но не во всей русской истории[144]. Только в учебниках Мостовского (1905), Ефименко (1912) и Скворцова (1913) Александру уделяется больше внимания, на что указывает и наличие в учебниках иллюстраций к его жизнеописанию[145].

Роль Александра как одной из ключевых фигур истории России в официальном историческом сознании XIX в. подтверждает и памятник Тысячелетию России, открытый в 1862 г. в Новгородском кремле в честь тысячелетия призвания Рюрика. В верхней части монумента расположены шесть исторических фигур: Рюрик, Владимир, Дмитрий Донской, Иван III, Михаил Федорович и Петр I. Александр Невский находится в числе 109 исторических персонажей, изображенных скульптором М. Микешиным по окружности основания памятника[146].

В журнале «Нива» в 1870 г. также можно прочесть сетования на то, что теперь «мало кто знает, какую огромную службу сослужил нашему государству этот князь»[147]. Очевидно, подчиненное значение Александра Невского в национально-патриотическом пантеоне XIX в. сказалось и в том, что его изображения отсутствуют в различных исторических иллюстрированных сериях, предназначенных на рубеже XIX—XX вв. для «наглядного обучения» населения и употребления в школах, конторах и частных домах[148].

Мы можем высказать лишь спекулятивные догадки о причинах, по которым Александр Невский в XIX в. не стал важнейшей исторической фигурой русской культурной памяти вообще и в официальном историческом каноне в частности. Повествование о «Невском герое» было пригодным символом самоидентификации в дискурсах «Россия и Швеция», «Россия и Тевтонский орден (или немцы)», «Россия и Европа», «Россия и католический Запад» и

«Россия и татары». «Шведская» тематика в XIX в. уже не была актуальной, «немецкая» еще не стала таковой. В дискурсе «Россия и Европа» доминировала фигура Петра Великого. Важнейшими героями — победителями католиков были Минин, Пожарский и Иван Сусанин, персонажи Смутного времени, бывшие одновременно и антипольскими символами[149]. Наконец, в дискурсе «Россия и монголы» на недосягаемой высоте стоял Дмитрий Донской. Таким образом, Александр Невский оставался фигурой «второго ряда» в нарративных линиях коллективной памяти о татарском иге и о попытках папы переманить в XIII в. православных русских в католическую веру.

Не считая книги Ефименко, все рассматриваемые учебники сфокусированы на монгольской политике Александра и отводят ей больше места. Большинство авторов не сомневается в жестокости и варварстве монголов:

> Налегла неволя тяжкая тучей черную на всю землю Русскую; смолкли песни веселые, опустились руки храбрых ратников; только один оставался светлый уголок, где еще не скована удаль молодецкая, где еще можно было потешиться русскому мечу: это был великий Новгород, куда не посмели пройти и свирепые татары. Княжил в это время в Новгороде мудрый и мужественный Александр[150].

В отличие, например, от Костомарова, подчеркивавшего религиозную и культурную толерантность монголов, авторы учебников рисуют «татарских варваров» как угрозу русской культуре и православной вере. Так, например, при посещении Золотой Орды Александра принудили поклониться языческим богам, и только стойкость и красноречие спасли его от неминуемого наказания[151]. Татарские баскаки не только собирали дань в русских городах и грабили население, но и захватывали в плен незамужних женщин и неженатых мужчин, чтобы продать их в рабство[152]. «Александр, видя бессилие русских перед татарами, решился терпеливо сносить все их притеснения и обиды»[153]. По Беллярминову, политика удовлетворения татар спасла русские земли от «нового погрома»[154].

Излишне уже говорить о том, что всем авторам кажется невероятным наличие у Александра личных мотивов для сотрудничества с монголами. Ни в одном из учебников не всплывает тезис Татищева о том, что Александр сместил своего брата Андрея в 1252 г. с

помощью хана[155]. «Не слабость духа, не робость, а любовь к отечеству принудила его унижаться пред монголами»[156]. «Такою политикою, — пишет Устрялов, — он спас отечество от конечного порабощения: без сей меры Ханы могли лишить Князей власти и назначить в правители Руси своих баскаков; Монгольский суд, Монгольский образ управления, истребление всего Русского были бы неминуемым следствием»[157].

Подчинение Новгорода силой и подавление восстаний «русского народа» были необходимы, чтобы не навлечь на себя гнев монголов[158]. «Чрез это Александр отстоял неприкосновенность внутренней жизни народа, его коренной русский быт»[159]. Таким образом, в учебниках главным подвигом Александра, его выдающейся исторической заслугой оказываются в первую очередь не победы над западным врагом, а гибкая монгольская политика: «Велик был этот подвиг Александра, далеко славнее и победы над шведами, и поражения литовцев и рыцарей»[160].

Такое повышение значения «восточной политики» Александра требует объяснения хотя бы потому, что еще в XVIII в. некоторые историки не могли даже помыслить, что столь прославленный и храбрый князь лично подчинился монголам[161]. Переоценка монгольской политики Александра предположительно была связана с уже упомянутым дискурсом «Россия и Азия», значение которого в XIX в. усилилось вместе с экспансией Российской империи на юг (Кавказ) и восток (Средняя Азия). По мере того как представление об «азиатском варварстве» постепенно актуализировалось в политическом дискурсе, в центр исторического внимания входили «монгольское иго» и его падение.

Обратившись к истории, можно было объяснить, как русская «цивилизация» смогла противостоять «варварству» и наконец победить его. В этом повествовании, охватывающем период от «татарского ига» до цивилизаторской миссии России в Азии, Александру Невскому отводилась роль защитника «всего русского». Его историческая миссия и задача оправдывала любые средства, такие как подчинение Новгорода и смещение конкурентов с великокняжеского престола. В центр интереса попадала теперь не свобода или самостоятельность государства, но сохранение и спасение «русской самобытности» от «варварского» азиатского засилья.

Почтение, оказанное Александром хану Золотой Орды, в этой трактовке теряло клеймо слабости и поражения. Коленопреклонение Александра в Сарае и спасение «русской самобытности» мог-

ло, напротив, рассматриваться как «звездный час» русской истории. В этом качестве данное событие вошло в «Русскую историю в картинах» Н.А. Дементьева (1863—1871)[162]. Гравюра с названием «Александр Невский умоляет хана пощадить землю русскую» выполнена по эскизу художника Василия Васильевича Верещагина (1842—1904) (ил. 20). Александр Невский изображен в шатре у хана, на коленях перед ханским троном. Рядом с ним кошель с монетами и драгоценный кубок. Монгольский хан и его жена, наряженные в роскошные одежды, в присутствии двух советников принимают Александра, не выражая, кажется, никаких эмоций. Великий князь и двое его сопровождающих изображены в левой части картины. Князь — с бородой, облачен в длиннополую, богато украшенную одежду, без оружия, доспехов или монарших регалий. Он низко склонил голову, правой рукой указывает на подарки, всем своим видом выражая глубочайшее смирение. Разительно противоречие между описанием монголов как мрачных и ужасных варваров в тексте под гравюрой и их художественным воплощением как чуждых, но внешне вполне цивилизованных «экзотов». На картине изображены и вооруженные охранники хана, стоящие у входа в шатер, что подчеркивает принудительный характер церемонии. При всем том, однако, ни один из художественных элементов не указывает на «деспотический», «жестокий» или «нецивилизованный» характер монголов. Следует учесть, что мирный образ татар у Верещагина, знакомого с Азией по многочисленным поездкам в Туркестан, Сирию, Индию и Палестину, в дискурсе об азиатских врагах, вероятно, является исключением.

Как явствует из учебников, вторая большая опасность угрожала «России»[163] или «русскому народу» в XIII в. с Запада. Но большинство авторов школьных учебников XIX в. посвящает описанию побед Александра над шведами, Тевтонским орденом и Литвой намного меньше места, чем его «славной» монгольской политике. Устрялов, например, лапидарно сводит военные успехи новгородского князя в одно предложение[164]. Во всех учебниках победы Александра над Швецией и Тевтонским орденом представлены не как триумф славян над германцами, но как победа православия над католицизмом[165]. В этих текстах еще невозможно выявить последовательно проведенное терминологическое уравнивание понятий «Ливонский орден», «ливонцы», «немцы ливонские» и пр. с понятием «немцы»[166]. Замечательно, что во всех учебниках, изданных во второй половине века, т.е. после публикации «Истории России с

древнейших времен» Соловьева и его «Учебника русской истории», папе отводится роль инициатора нападения на Русь Швеции и Тевтонского ордена. Так, например, Рождественский замечает, что «папы, при каждом удобном случае, пытались подчинить своей власти русскую церковь»[167]. За нападением 1240 г. стояла Римская курия: «...пользуясь слабостью Руси, папа приказал шведам предпринять крестовый поход против русских»[168], «для обращения их в католицизм»[169]. После военного поражения курия сменила политику и пыталась привлечь Александра в римско-католическую веру убеждением:

> Папа Римский, видя невозможность силою обратить русских в католичество, пробовал действовать на Александра убеждением и обещаниями разных выгод, если он согласится на подчинение русской церкви Риму, но получил решительный отказ[170].

Готовность всех авторов учебников присоединиться к теории Соловьева о папском заговоре против Руси в XIII в. говорит о том, что антикатолические настроения в русском обществе после Польского восстания 1863 г. отразились не только в национальном дискурсе, но и в государственных учебниках. При этом созданный историографией враждебный образ католической церкви косвенно помогал оправдать ограничительную политику имперского правительства против мятежной католической Польши. Наконец, постулированный в учебниках антагонизм между католицизмом и славянством дает представление о центральной роли православной конфессии и в имперском российском дискурсе в конце XIX в. Православие было больше чем просто вероисповедание. Оно было, как явствует из уваровской триады, основой коллективного представления Российского государства о себе[171].

Суммируя, можно сказать, что с 1830-х гг. национальный дискурс об Александре Невском влиял на санкционированный государством имперский дискурс о нем. Имперский вариант русского национального дискурса сформировался вокруг уваровской триады «православие — самодержавие — народность». Эту попытку приспособить имперскую концепцию можно относительно четко проследить на материале изменений в трактовке Александра Невского, отразившейся в официальных учебниках по русской истории. По сравнению с подходом XVIII в. вновь приобретает значение аспект национального, внешнего отмежевания «России». Как

в XVIII, так и в XIX в. Александр считался славным защитником отечества. Однако существенно изменилось представление о самом отечестве. Петровская империя, секулярная и построенная на относительной религиозной терпимости, превратилась в Российскую империю, которая объявила уваровскую триаду сущностью русского своеобразия. Имперский дискурс об Александре Невском во второй половине XIX в. дает понять, что «быть русским» означает теперь не только лояльность императору или избрание империи местом проживания. «Истинным русским» считался теперь подданный, бывший одновременно православным христианином и носителем неопределенной русской «народности». Александр, будучи выдающимся представителем этой русской мы-группы в XIII в., защищал язык, народность и православную веру, с одной стороны, от «варварских» врагов на Востоке, с другой — от нападений католической церкви на Западе.

6.4. Церковный дискурс

Тот факт, что Уваров объявил православие одним из трех столпов российской имперской идеологии, уже указывает на усиление роли православной церкви как опоры консервативной государственной политики во времена правления Николая I[172]. Кроме того, во второй половине столетия можно заметить прогрессирующую конвергенцию национального, имперского и религиозного дискурсов коллективной идентичности. Этот процесс сказался и на совмещении образов Александра Невского. Однако церковно-религиозный дискурс о Невском в XIX в. имеет ряд особенностей[173]. В национальном и имперском дискурсах 30 августа считалось центральным днем культа Александра Невского и с 1743 г. ежегодно отмечалось в Санкт-Петербурге большим шествием по Невскому проспекту, а кроме того, за исключением времени правления Николая I и Николая II (1894—1917), совпадало с днем тезоименитства императора (см. гл. 5.2). Православная церковь, однако, наряду с этим днем отмечала как день памяти святого и 23 ноября[174].

Существенное отличие образа Александра Невского в текстах церковного дискурса от его прочтения в национально-имперском дискурсе состояло в самом упоминании о его статусе святого и о его чудотворствах. Если в национальном и имперском дискурсах Александра помнили как исторического деятеля, которого давным-дав-

но нет в живых, то представители церковно-религиозного дискурса почитали его как *живого* святого и чудотворца и молились ему[175]. «Церковь российская причла Александра к лику святых, за его христианские добродетели и чудеса», — подчеркивают церковные источники[176]. Если в рассказах об Александре в государственных учебниках по истории уцелела лишь легенда о появлении святых Бориса и Глеба перед Невской битвой, в соответствующих церковных текстах передавались и сообщения о самовоспламенившейся свече и исцелениях на его могиле, а также о поддержке им Дмитрия Донского в битве с монголами в 1380 г.[177]. В земной жизни Александр был «благоверный», «блаженный», «кроткий» «князь-христианин», «очистивший» «отечество наше» от «папизма» или «слуг папы», он отразил «крестовый поход» Швеции в «священной войне» и так защитил «чистую веру»[178]. Теперь он стал «небесным покровителем своей родины» и «православного русского народа»[179].

В церковном дискурсе образ врага католицизма заслонял собой образ «азиатских варваров»[180]. Благодаря уступчивой монгольской политике Александра

> у русских остались своя вера, свои законы, свой язык, своя народность, свое правительство. Россия впоследствии окрепнет, откажется платить дань Орде и все древнее русское окажется у нее в неприкосновенной целости[181].

В отличие от «папских слуг», «страшный азиатский враг»[182] был религиозно терпимым. Великодушные монголы позволили даже учредить православную епархию в Сарае[183]. Образ католического Запада как врага в церковном дискурсе был результатом взрывоопасной смеси народных представлений с религиозным рессентиментом. Александр Невский в 1240 и 1242 гг. смог предотвратить «движение западного латино-германского мира на православно-русский восток»[184]. Папы, «конечно, очень желали подчинить себе и могучий, выдвигавшийся на историческую сцену многочисленный русский народ»[185]. Оттого папа Григорий IX в специальной булле призвал шведов к крестовому походу против «схизматиков» (Филарет). «В провождении честных бискупов и множества духовенства с крестом вместо знамени и пением свящ. гимнов»[186], шведы напали на «русский народ». С «небесной помощью» Бориса и Глеба Александр, однако, отразил атаку «крестоносного флота». Россия выполнила свое предназначение:

> К тому времени уже вполне определилось мировое положение России как страны, которой предназначено было остаться навсегда могучей хранительницей православия от все усиливавшихся посягательств римских пап подчинить весь христианский мир своей незаконной власти[187].

В церковно-сакральном дискурсе Александр Невский во второй половине XIX в. стал антикатолическим и антизападным символом. Неудивительно поэтому, что многие построенные на западной окраине империи во времена расцвета политики «русификации» Александра III (1881—1894) православные храмы освящались именем этого святого[188]. Именем Александра Невского были освящены православная церковь в центре Лодзи (1879—1884), а также собор на площади Саской (сегодня площадь Пилсудского) в центре Варшавы (1894—1912)[189]. Оба здания можно интерпретировать как воплотившиеся в камне свидетельства политики русификации в последней трети XIX в. Польским населением оба воспринимались как знак российской имперской власти. И освящение православной церкви на площади Домберг в Ревеле (Таллине) (1895—1900)[190] во имя Александра Невского однозначно стало выражением символической церковной политики с антизападническим или даже «антинемецким» направлением.

Однако было бы неверно считать, что «антикатолицизмом» и «антизападничеством» можно объяснить и основания всех прочих церквей, освященных именем Александра Невского в XIX в. (в Риге, Потсдаме, Копенгагене, Софии, Минске или Париже). Покровительство Александра Невского над православной церковью в Риге (1820—1825)[191], Потсдаме (1826—1829)[192], Париже (1859—1861)[193] и Копенгагене (1881—1883)[194], вероятно, следует понимать как знак почитания одного из трех нареченных именем святого князя императоров[195]. Показательным примером тому, что в начале XIX в. Александр Невский еще не был символом антинемецкого или антизападного направления, может служить маленькая церковь в резиденции прусского короля. Более того, храм в Потсдаме, освященный именем победителя Тевтонского ордена, был совместным русско-прусским проектом, в котором вместе с архитектором В.П. Стасовым принимал участие Карл Фридрих Шинкель. Церковь, построенная по инициативе Фридриха-Вильгельма III, была задумана как «вечный памятник... искренней привязанности и дружбы»[196] между российским императором и прусским коро-

лем[197]. Церковь Александра Невского в датской столице Копенгагене также не является памятником антизападного направления, а должна рассматриваться в контексте династической связи между семьями датских королей и русских императоров и как знак почтения по отношению к Александру III[198]. По-другому обстояло дело и в случае Александро-Невского собора в Софии (1882—1912). Монументальное здание, построенное на самом высоком месте в центре города и вмещавшее до 5000 человек, стало выражением прорусских настроений в Болгарии после освобождения страны от «османского ига» в 1878 г.[199]. Но невозможно судить однозначно, отчего этот храм был освящен именем именно Александра Невского. Возможно, в благодарность за вновь обретенную независимость болгары хотели поставить в своей столице памятник Александру II (1855—1881)[200]. По поводу церкви Александра Невского на военном кладбище в Минске, сооруженной в 1898 г. в честь павших в Русско-турецкой войне, также можно предположить, что Александр Невский в этой войне сыграл особую роль как защитник императорских войск[201]. Несомненно, Александр Невский был в России XIX в. весьма популярным небесным покровителем[202]. Во второй половине столетия его именем были освящены по меньшей мере пять новых монастырей[203]. Однако судить об общем росте интереса к святому в эту эпоху или о связи большого числа новых церквей Александра Невского с волной нового строительства можно будет лишь после сравнительного исследования церковного строительства и патроната того времени.

6.5. Национализированный Александр

Несмотря на различную окраску образа Александра Невского в национальном, имперском и церковном дискурсах XIX в., можно говорить о конвергенции этих трех подходов, особенно в последней трети столетия. Этот «общий знаменатель» различных прочтений Александра Невского особенно очевиден при рассмотрении иллюстраций, помещенных в учебниках Ефименко (1912) и Скворцова (1913) (ил. 21)[204]. Князь изображен на них молодым человеком, вместе со своей дружиной молящимся в церкви перед битвой. Он стоит на коленях на каменном полу, задумчивый взгляд его обращен вверх. Левая рука Невского лежит на рукояти меча, правой он осеняет себя крестным знамением. Князь-полководец одет в коль-

чугу и доспехи, на плечах у него плащ с темным меховым воротником. Головной убор князя, стоящий перед ним на полу церкви, отличается от шлемов его воинов и представляет собой смесь защитного шлема и короны, как ее, должно быть, воображал художник. В этом новом образе Александра Невского сплавлены в одно целое три идеально-типических прочтения его фигуры — святой, князь и русский воин.

Во-первых, здесь заметна «русификация» или «фольклоризация» Невского. Он изображается теперь не в (западной) мантии российского императора, а — на историзирующий манер — в одеянии средневекового князя. Можно заметить особо интенсивное влияние национального дискурса и усиливающегося интереса к русским народным традициям. Во-вторых, Александр Невский получает большее значение как князь и как полководец. Правитель уступает место в этом образе воину. Это смещение также можно объяснить влиянием национального дискурса. В-третьих, усиливается религиозный аспект его фигуры. В качестве событий, достойных изображения, выбираются не обращение Александра к войску, не победный момент в одной из битв, но жест благоговения, момент молитвы. Это касается многочисленных живописных изображений князя в XIX в. Мотив «Александр Невский молящийся» стал составной частью того большого повествования о «Святой Руси», о «сакральном сообществе», в котором православное вероисповедание и единство с небесной Церковью использовались как основные элементы коллективной русской-российской идентичности. Эти религиозные коннотации, кажется, возобладали над военными аспектами образа Александра Невского в конце XIX столетия. Трудно сказать, может ли этот вывод *pars pro toto* дать заключение о специфике национального мышления кануна Первой мировой войны. Полное и систематическое сравнительное исследование национальных коллективных символов этого времени, к сожалению, пока отсутствует[205].

Тем не менее на примере Александра Невского и изменившегося взгляда на его фигуру в XIX столетии можно отметить возрастающее значение в это время идейного размежевания России и русских с католицизмом и усиление ориенталистского дискурса. Конъюнктура образов врага — католиков, с одной, и монголов, с другой стороны, — в историографических текстах об Александре Невском, вероятно, прежде всего объясняется силой вненаучного, политического дискурса. Этот образ «варварских татар» как врагов

постоянно соотносится с идеологическим оправданием имперской экспансии в Азии как *mission civilisatrice*. Образ другого врага — агрессивного «папизма» — нашел отзвук в дебатах о предательстве «славянского дела» католической Польшей. Изменения в образе Александра Невского при этом, вероятно, не стоит интерпретировать как результат целенаправленных попыток инструментализации. Вероятнее, что авторы при создании текстов попадали в зависимость от определенных когнитивных шаблонов и распространенных стереотипов. Таким образом, политический рамочный дискурс, в который был включен автор, отражался и на его тексте. Вероятно, в сознании реципиентов эти образы врагов отражались, как в кривом зеркале, и становились еще более рельефными.

6.6. Александр Невский и крушение империи

Различные проявления образа Александра Невского в конце XIX в. могут быть интерпретированы как источники различных концептов коллективной идентичности того времени. Исследованные нами иллюстрации к школьным учебникам показывают, что после 1905 г. имперский, церковно-религиозный и национальный дискурсы стали сближаться друг с другом. В рамках настоящего исследования невозможно сделать вывод о слиянии соответствующих дискурсов коллективной идентичности. Если это так, то возникает вопрос: насколько этот воображаемый консенсусный концепт коллективной идентичности был распространен среди населения? В дальнейшем мы рассмотрим вопрос о возможном распространении проанализированных нами образов Александра Невского, учитывая те испытания, через которые «национальному воображаемому сообществу» пришлось пройти в годы Первой мировой войны. Затем мы проанализируем два дискурса, идущие вразрез с описанной консенсусной моделью: дискурс «народа», т.е. русского фольклора, и «критический дискурс» науки.

«Общество и народ»

Один из сложнейших вопросов, встающий при рассмотрении истории памяти об Александре Невском, — вопрос о распространении различных образов этой личности. В конце XIX в. более трех четвертей населения Российской империи не умели ни читать, ни писать[206]. Поэтому едва ли можно обнаружить прямые письменные

свидетельства, позволяющие судить об идейном мире этих людей. Низкий уровень грамотности означает, что в вопросе о рецепции различных прочтений Александра Невского большее значение должно придаваться визуальным изображениям, а не письменным источникам. Чтобы попытаться обрисовать «образные миры» («image worlds») большей части населения, следует исследовать прежде всего иконографию и ее потенциальное распространение.

В рассматриваемое нами время на коллективную память об Александре Невском, вероятно, влияла более всего православная церковь, располагавшая плотной коммуникативной сетью. С момента канонизации князя в XVI в. иконой этого святого располагало большинство церквей страны. 23 ноября, традиционный день памяти Александра в церковном календаре, отмечался практически во всех православных приходах, и на богослужении зачитывалось краткое изложение его Жития. Нельзя сказать, насколько символическая трансформация Петровской эпохи сказалась на всех религиозных общинах страны, тем более учитывая противоречивость сигналов из Петербурга. Рыночные каналы, по которым с XVIII в. распространялись лубки с имперским образом князя, вероятно, не доводили эту продукцию из столицы далее Москвы, других городских центров и окрестностей Петербурга. Сеть государственных и церковных школ до 1917 г. не была надежной коммуникативной системой. Лишь 1,51% населения всей империи, или 2,3% всех русских, в 1897 г. посещали среднюю школу, где на уроках использовались описанные выше учебники[207].

Поэтому и имперская, и национальная интерпретации личности Александра доходили лишь до публики в городских центрах и очень узкой прослойки населения, состоящей прежде всего из дворянства, а к концу XIX столетия и купечества, мещанства и служащих, т.е. «среднего класса».

Александр Невский, однако, присутствовал в коллективном сознании русского *крестьянства*. Об этом можно судить по некоторым народным сказаниям и песням, записанным фольклористами в XVIII—XIX вв. Даже если источниковая база слишком мала для основательных заключений, тем не менее примечательно, что образ Александра Невского в русском фольклоре не имеет практически ничего общего с рассмотренными нами выше прочтениями его фигуры. По различным образам Александра Невского в отдельных линиях культурной памяти можно проследить не только разрыв

между государством и нацией, но и между «обществом» и «народом»[208]. В «Плаче холопов», записанном одним из русских фольклористов в 1770-х гг., имя Александра Невского обозначает хорошего правителя, который когда-нибудь явится угнетенным в роли спасителя и освободит их из рабства:

> О горе нам, за господами жить! И не знаем, как их свирепству служить! ... Пройди всю поселенную, нет такого житья мерзкого! Разве нам просить на помощь Александра Невского[209].

Народное сказание, распространенное в Орловской губернии в середине XIX в., является выражением надежды простого народа на заступничество Александра Невского перед Богом и защиту от врагов[210]. Обращению к князю предшествует в этом тексте краткая биографическая легенда:

> После крещения Руси... люди жили в благочестивом согласии с Богом. Однако, когда появились первые признаки, что русский народ пренебрегает верой, Бог наслал на Святую Русь в наказание орду крымских татар. Они опустошали разграбляли русские земли, не тронув лишь один святой славный город Новгород, где народ еще не отпал от правой веры. Там правил князь Александр Невский, который победил и изгнал (! — *Ф.Б.Ш.*) татарских недругов. Вернувшись из похода, он решил стать монахом и «угодником Бога стал».

Эти легенды об Александре Невском, дошедшие до нас в фольклорном устном изложении, имеют мало общего с воспоминанием о нем, зафиксированным письменно, с культурной памятью. В коллективном сознании русского народа князь присутствовал как символ, полностью освобожденный от исторической фигуры Александра Ярославича и его образа, распространенного в культурной памяти элиты и «общества». Победитель «западных» врагов, заключивший союз с монголами, в фольклорном мире присутствовал как покоритель татар. Александр был примером и носителем надежд мы-группы, понимавшей себя в первую очередь как сообщество православных христиан-крестьян (вполне в соответствии с этимологией), видевших в «государстве» и землевладельцах потенциальных врагов[211]. Он был воплощением хорошего «царя-спасителя», который в светлом будущем выведет крепостных из рабства, и заступником христианской общины перед Богом.

Память и критика

Революция 1905 г. и вызванная ею отмена общей цензуры открыли возможность критического осмысления истории Александра Невского. С невиданной дотоле остротой, например, осуждает Александра Невского автор биографической энциклопедической статьи 1911 г.[212]. Александр смог получить великое княжение во Владимире только с военной помощью монголов, активно участвовал в подавлении Новгорода и взимании с него дани. Более того, он руководствовался в своей политике не благом народа, а своей собственной карьерной выгодой и интересами великого княжества. После подавления Новгородского восстания (1257—1259) князь мог спастись от справедливого народного гнева лишь бегством[213]. В этой биографии не упомянуты ни заслуги Александра в отражении папской агрессии или защита русской народности от «нецивилизованных монголов», ни его героизм или святость. Вместо этого автор выдвигает на первый план раскол между князем и народом.

Разумеется, невозможно связать напрямую такие оценки исторической фигуры Александра Невского с событиями Кровавого воскресенья 1905 г. Однако заметна параллель между актуальными политическими событиями и критическим историческим дискурсом. Миф о «добром царе», о гармоническом единстве царя и подданных, окончательно устарел после расстрела мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге[214]. Это открывало новые возможности интерпретации и для исторических исследований. Констатация противопоставления князя и народа, дисгармонии их интересов и целей казалась по крайней мере допустимой.

Наряду с критической оценкой политики Александра в энциклопедической статье 1911 г. примечательна и новая авторская перспектива. Впервые в тексте о князе отрефлектирован опосредованный характер знания о нем; источники, дающие информацию о его биографии, изучаются с дистанцированной позиции. Житие и летописные свидетельства рассматриваются не столько как фактографические сообщения, а более как литературные произведения. Эта новая точка зрения объясняет и возрастающий интерес к истории памяти об Александре в преддверии Первой мировой войны. Возможности для реализации этого интереса были заложены в 1913 г. Мансиккой, издавшим многочисленные редакции Жития[215].

Александр Невский в Первой мировой войне

Россия не была готова к Первой мировой войне в отношении символической интеграции населения. Отсутствовала система национальных фигур идентификации, принятая всеми слоями населения. И Александр Невский, мобилизованный «военной пропагандой» для повышения патриотического сознания, вероятно, не слишком мог способствовать усилению идентификации населения с империей.

В статье о политическом мировоззрении Александра Невского Вальтер Ляйтч выдвигает тезис о том, что «Невский... извлекался из хранилища исторических запасов всегда, когда на повестке дня стояла пропагандистская драма "храбрые русские не боятся злых немцев"»[216]. Это высказывание не совсем верно, поскольку отчетливые *антинемецкие* коннотации места памяти «Александр Невский» можно наблюдать только с началом Первой мировой войны. Даже официально санкционированный школьный учебник по истории Ефименко, изданный в 1912 г., хотя и подхватывает лозунг «славяно-германской войны», введенный в дискурс об Александре Невском Костомаровым, однако объединяет его с общей темой «натиска на Восток» как рыцарей Тевтонского ордена, так и шведов[217]. В этом учебнике более важными все еще считаются заслуги Александра, связанные с монголами, а его подвиг в Невской битве оказывается равным победе на льду Чудского озера. Кроме того, противники в последней битве не вполне последовательно называются то «немцами», то «меченосцами» или «рыцарями»[218]. Только военное противостояние между Российской империей и Германским рейхом в 1914 г. превратило Александра Невского в антинемецкий символ. Россия не была подготовлена к войне ни в военном, ни в экономическом отношении[219]. Неподготовленность сказалась и в недостатке или слабости национальных символов идентификации. После поражений 1914 г. рассеялось первое патриотическое воодушевление населения и стало очевидно, что солдаты императора, имевшие представление о том, *против кого* ведется война, не знали, *за кого* они воюют[220]. Вряд ли лубок с портретом Александра Невского, использовавшийся в 1914 г. для пропагандистских целей, мог внести позитивный вклад в укрепление боевого духа российских солдат[221]. Лубок, созданный на основе портрета князя в «Титулярнике» XVII в. (см. гл. 4.3), изображает старика с усталым, почти разочарованным выражением лица, с обрамленной нимбом склоненной головой (ил. 22). Подпись гласит «Св. Александр Невский

в 1242 году победил немцев на льду Чудского озера». На этом примере можно видеть, как Александр Невский стал инструментом российской антинемецкой пропаганды в период Первой мировой войны и однозначно кодировался как антинемецкий символ. Одновременно этот лубок демонстрирует, что в почти 600-летней истории памяти о Невском невозможно было найти ни одного мотива, который изображал бы Александра «русским воином», боровшимся с немцами, чтобы использовать его как действенный пропагандистский образ. Дискурс об Александре Невском еще только предстояло приспособить к новым идеологическим вызовам.

Трудно сказать, насколько Александр Невский был внедрен в пропаганду времен Первой мировой войны в качестве символа, создающего идентичность. Конное изображение Александра украшало почтовые открытки[222]. В 1916 г. именем «Святой Александр Невский» был назван ледокол[223], а в патриотической книжной серии «Библиотека войны» в 1914 г. вышел четвертый том, впервые посвященный исключительно сражению на Чудском озере 1242 г., прямо названному «битвой с немцами»[224]. В брошюре Новинского, призванной дать «ответ на наиболее жгучие вопросы настоящего времени»[225], намечена историческая преемственность между событиями XIII в. и 1914 г. «Еще с незапамятных времен» немцы и славяне (!) находились в состоянии «жестокой вражды»[226]. Новинский описывает немцев как «властолюбивых» захватчиков, в XIII в. скрывавших свои властные интересы за религиозными целями. Теперь, продолжает автор,

> немцы снова объявили нам войну. Но они уже не прикрываются знаменем религии. Они двинули против нас свои тевтонские полки и вступили в борьбу за свою немецкую «культуру», которой на своей земле стало слишком тесно. Немцы всегда считали нас исконными врагами. И теперь эта вековая ненависть проснулась снова. В этой войне современные немцы так же жестоки, хвастливы и хитры, как их отдаленные предки-рыцари Тевтонского ордена, которых на льду Чудского озера поразил Александр Невский. В дни тяжелых испытаний, посланных судьбой России, хочется снова повторить слова Александра Невского: «Рассуди, Боже, спор наш с этим высокомерным народом!»[227]

Эти примеры антинемецкой пропаганды в дискурсе об Александре Невском демонстрируют, что инструментализация Алексан-

дра в 1914—1917 гг. была намного слабее, чем во время Великой Отечественной войны (см. гл. 10.3)[228].

Очевидно, это относится и в целом к символическому миру, который мог бы способствовать позитивной идентификации царских войск со своим государством. В своем обширном анализе «патриотической культуры» и «патриотического воображения» в России во время Первой мировой войны Хубертус Ян приходит к выводу: «Если нация — это сообщество, воображаемое его членами... то Россия не была нацией во время Первой мировой войны»[229].

Конец старого режима

Несмотря на «национальную окраску» имперской идеологии, власти Российской империи продолжали до конца держаться за предмодерную династическую интегрирующую идею государства[230]. В тот момент, когда россияне должны были защитить себя как «боевое сообщество», свой вклад в разрушение старого порядка внесли слабость вертикальной общественной интегрирующей идеи и соответственно разлом между общественно-национальным и государственно-имперским дискурсами коллективной идентичности.

Конечно, причины заката империи лежали более в экономической, социальной и политической сферах, однако «революция едва ли бы произошла без распыления основ лояльности в русском обществе»[231].

В тот момент, когда империя оказалась в экстремальной ситуации, интегративные символы вроде Александра Невского оказались слишком слабыми, чтобы противодействовать распаду старых структур. Причинами этой слабости можно назвать, в частности, доминирование и относительную замкнутость церковно-сакрального и имперского дискурсов коллективной идентичности в XIX в. Ответы, которые православная церковь и самодержавное государство были в состоянии предложить после масштабных общественно-политических и социальных изменений 1860-х гг., оказались недостаточной реакцией на модернизацию Российской империи. Робкие попытки государства внести вклад в вертикальную интеграцию общества, национализировав имперскую идеологию (что демонстрируют учебники второй половины века), не удались из-за низкого развития сети открытых школ и ограниченных путей коммуникации и распространения. «Простой народ», широкие массы крестьянского населения не были существенно затронуты этой «национализацией».

[1] Юрий Слезкин вводит «изобретение русского народа» в контекст исследований этнического многообразия Российской империи в XVIII в. См.: *Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. 1994. Vol. 47. P. 170—195. [См. перевод: *Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии: Антология / Ред. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 120—154. — *Примеч. ред.*]

[2] См. об этом: *Rogger.* Consciousness; *Greenfeld.* Nationalism. P. 189—274; *Tolz.* Russia. P. 45ff.

[3] См.: *Serman.* Russian National Consciousness.

[4] См., в частности: *Lemberg H.* Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln, Graz, 1963; *Riasanovsky N.V.* Rußland und der Westen. Die Lehre der Slavophilen. München, 1954; Russischer Nationalismus / Hg. Golczewski, Pickhan. S. 19ff.

[5] *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 15. В другом месте Реннер называет русский национализм второй половины XIX в. «не организованным, а идейным движением» (С. 23), носителем которого было «интеллектуальное дискурсивное сообщество» (С. 43, 60).

[6] *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 66, 375. См. также: *Renner.* Nationalismus und Diskurs: Zur Konstruktion nationaler Identität im Russischen Zarenreich nach 1855 // Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich / Hg. von Hirschhausen U., Leonhard J. Göttingen, 2001. S. 433—449, особ. S. 441ff.

[7] См., в частности: *Rogger.* Nationalism and the State; *Geyer D.* Funktionen des russischen Nationalismus. 1860—1885 // Nationalismus / Hg. H.A. Winkler. Königstein, 1985. S. 182; *Hosking G.* Russischer Nationalismus vor 1914 und heute: Die Spannung zwischen imperialem und nationalem Bewußtsein // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 169—183, особ. S. 170; *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 15; *Tolz.* Russia. P. 6, 8, 13, 100, 169, 175.

[8] О возникновении национальной «публичной сферы» в России в середине XIX в. см. особ.: *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 57ff. К сожалению, источники об образе Александра Невского не дают возможности дифференцировать различные типы национального мышления в XIX в. (славянофилы, панслависты, неослависты, династические или конституционные националисты). Поэтому в дальнейшем мы будем идеально-типически говорить об *одном* русском национальном дискурсе. Краткий обзор возникновения и спектра национального мышления в XIX в. см.: Russischer Nationalismus / Hg. Golczewski, Pickhan. S. 15—65.

[9] О трех различных способах концептуализации русской идентичности с XVI по XIX в. см.: *Kappeler.* Remarks.

[10] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М, 1982. С. 159. Цит. по: *Dudek G.* Die Französische Revolution im Urteil N.M. Karamzins // Zeitschrift für Slawistik. 1989. Bd. 34. S. 345—351. См. также: *Saunders D.B.* Historians

and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. № 1. P. 44—62.

[11] «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» (*Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М., 1962. С. 15).

[12] *Lemberg.* Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. S. 10.

[13] См.: *Seton-Watson H.* Russian Nationalism in Historical Perspective // Conquest R. The Last Empire. Nationality and Soviet Future. Stanford, 1986, P. 18; *Raeff M.* At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars // History Teacher. 1991. Bd. 25. H. 1. P. 12ff.; *Lemberg.* Gedankenwelt. S. 61.

[14] «Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими, — надо знать, что любишь. А чтобы знать настоящее, необходимо иметь сведения о прошлом» (*Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Карамзин Н.М. Избранное. М., 1990. С. 11. Впервые опубликовано в 1802 г. в издававшемся Карамзиным журнале «Вестник Европы»).

[15] См., например: *Карамзин.* О случаях... В этой статье он говорит исключительно об исторических событиях домонгольского времени.

[16] См.: *Thaden E.C.* The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. P. 514.

[17] Проектом, полемичным по отношению к карамзинскому, стала «История русского народа» Н.А. Полевого (1829—1833). См. об этом, в частности: *Dietsch V.* Interdependenzen von historischem Diskurs und Geschichtskonzeption. N.A. Polevojs «Istorija russkogo naroda» und «Kljatva pri grobe Gospodnem» im Kontext der zeitgenössischen Geschichtsschreibung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1981. Bd. 28. S. 17—381.

[18] Цитаты из статьи Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» (Избранное. М., 1990. С. 389—394). О влиянии Гердера на Карамзина см.: *Bittner K.* Herdersche Gedanken in Karamzins Geschichtsschau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1959. NF 7. S. 237—269.

[19] См.: *Zaremba M.* Johann Gottfried Herders humanitäres Nations- und Volksverständnis. Berlin, 1985. S. 176—188.

[20] С мнением Битнера не согласен Р.Ю. Данилевский, оспаривающий влияние социальных и исторических идей Гердера на Карамзина. См.: *Danilewski R.Yu.* Die erste Aufnahme der «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» in Rußland // Johann Gottfried Herder. Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa / Hg. G. Ziegengeist. Berlin, 1978. S. 107—116, особ. S. 110.

[21] См. также: *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München, 1993. S. 199; *Kappeler A.* Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart. S. 24; *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 47; *Tolz.* Russia. P. 155.

[22] Значение Карамзина для возникновения русского национального самосознания подчеркивается, в частности, в: *Tolz*. Russia. P. 65; Russischer Nationalismus / Hg. Golczewski, Pickhan. S. 19.

[23] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 16—56.

[24] Там же. С. 22, 41, 42.

[25] Там же. С. 18, 19, 20. Рыцари Тевтонского ордена называются или «ливонские рыцари», или «немцы».

[26] Там же. С 55. Использование современной автору государственной терминологии для описания истории времен удельной Руси есть уже у Щербатова. См. гл. 5.3.

[27] Там же. С. 19.

[28] Там же. С. 21. Ср. также: С. 20: «...наши купцы... воины наши» и т.д.

[29] Там же. С. 54.

[30] Усилия по преодолению временно́й дистанции между прошлым и настоящим и по передаче читателям ощущения, что они живут непосредственно при изображенных исторических событиях, кажутся общей характерной чертой текстов и образов национального дискурса. См.: *François, Schulze*. Das emotionale Fundament der Nationen. S. 19.

[31] *Карамзин*. История государства Российского С. 55.

[32] Там же. С. 20, 21 (2x), 42, 44, 47. Постепенную трансформацию св. Александра в национального русского героя можно наблюдать и в другом тексте, написанном примерно за десять лет до карамзинского. В августе 1808 г. в «Русском вестнике» С.Н. Глинки появилась статья «Князь Александр Невский» (С. 157—183). Александр постоянно именуется здесь «героем», «русским героем» и «венценосным героем». Его «слава» состоит в том, что он защитил от врагов отечество, т.е. «веру, нравы и любовь русских к России» (С. 166). Статья, в которой Александр назван и «Сыном Отечества» и «Отцом Отечества», маркирует переход от имперского к национальному дискурсу в начале XIX в. Не исключено, что текст Глинки мог повлиять на Карамзина. О Глинке см.: *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности: Труды по русской и славянской филологии. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 513. С. 52—72.

[33] Об истории культа героев см. в общем: *Frevert U.* Herren und Helden. Vom Aufstieg des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert // Die Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder / Hg. von Dülmen R. Köln, 1998. S. 323—344.

[34] *Карамзин*. История государства Российского. С. 18.

[35] Там же. С. 21.

[36] Там же. С. 40.

[37] Там же. С. 54.

[38] Там же. В «Повести» Кирилл оплакивает заход «солнца земли Суздальской», а в редакциях московского периода — «Русской».

[39] Там же. С. 55.

[40] Там же. С. 20.

[41] Там же. С. 41.

[42] О полемике на тему «Россия и Европа» см., в частности: *Schelting A. von.* Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken. Bern, 1948; Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hg. D. Čiževskij, D. Groh. Darmstadt, 1959; *Riasanovsky.* Rußland und der Westen; *Neumann I.B.* Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, 1996.

[43] Об азиатском дискурсе русской культуры см., в частности: *Riasanovsky V.* Russia and Asia: Two 19th Century Views // California Slavic Studies. 1960. Vol. 1. P. 170—181; *Idem.* Asia through Russian Eyes // Russia and Asia / Ed. W.S. Vucinich. Stanford, 1972. P. 3—29; *Hauner M.* What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. London; New York, 1992; Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples 1700—1917 / Ed. D. Brower, E. Lazzerini. Bloomington, 1997; *Tolz.* Russia. P. 133ff.

[44] Марк Бассин справедливо замечает, что возникновение азиатского дискурса в XVIII в. следует рассматривать как часть вестернизации страны. В той мере, в какой Россия «европеизировалась», русские интеллектуалы создавали для себя визави в образе Азии. См.: *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. P. 1—17. [См. рус. перевод: *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии: Антология / Ред. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 277—310. — *Примеч. ред.*]

[45] См. также: *Jobst K.* Orientalism, E.W. Said und die Osteuropäische Geschichte // Saeculum. 2000. Bd. 51. S. 263.

[46] См. об этом: *Kappeler.* Vielvölkerreich. S. 139ff. В русском азиатском дискурсе, особенно в романтической литературе о кавказских народах, однако, обнаруживается и образ «благородного дикаря». См. об этом, например: *Layton S.* Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery // Russia's Orient / Ed. Brower, Lazzerini. P. 80—100.

[47] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений. Л., 1984. Т. 27. С. 36—37.

[48] См.: *Карамзин.* История государства Российского. С. 43.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 47.

[51] Лекция Кюхельбекера о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июне 1821 года // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59.С. 366—374. В русском переводе: *Кюхельбекер В.К.* Лекция о русском языке // Декабристы. Антология. Т. 2: Проза. Литературная критика. Л., 1975. С. 347—357.

[52] *Кюхельбекер В.К.* Лекция о русском языке С. 348. Влияние гердеровских идей на Кюхельбекера подчеркивает Данилевский (*Danilewski.* Aufnahme. S. 112—113.). См. также: *Lemberg.* Gedankenwelt. S. 78, 125. О новгородском мифе у декабристов: Там же. С. 94.

[53] *Кюхельбекер В.К.* Лекция о русском языке. С. 348.

[54] В этой связи интересно, что Пушкин полагал («Моя родословная»), что его далекий предок сражался на стороне Невского. «Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил» (*Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. М, 1959. Т. 2. С. 330).

[55] *Костомаров Н.И.* Александр Невский // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 1. Вып. 1. СПб., 1880. С. 155—172.

[56] См.: *Mazour.* Modern Russian Historiography. P. 152; *Kappeler A.* Kleine Geschichte der Ukraine. München, 1994. S. 106ff.; БСЭ. М., 1973. Т. 13. С. 275; *Tolz.* Russia. P. 197ff.

[57] Костомаров посвятил несколько страниц истории Александра Невского уже в работе «История Новгорода, Пскова и Вятки» (Т. 1. СПб., 1868).

[58] В отличие от Карамзина, Костомаров довольно последовательно использует древнерусскую терминологию при описании событий XIII в.

[59] *Костомаров.* Александр Невский. С. 155.

[60] Там же. С. 156.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] *Lemberg H.* Der «Drang nach Osten» — Mythos und Realität // Deutsche und Polen. 100 Schlüsselbegriffe / Hg. E. Kobylicska u.a. München, 1992. S. 22—28.

[64] Впервые понятие «Drang nach Osten» по отношению к Германии употребил польский журналист Юлиан Клячко (Julian Klaczko) в 1849 г., реагируя на немецкую теорию «культуртрегерства», со ссылкой на которую в 1848 г. Франкфуртский парламент обосновал раздел провинции Познань. Немецкие поборники раздела Познани полагали, что цивилизаторские достижения Тевтонского ордена дают немцам вечное право на спорные территории. Польская сторона отвечала на эту теорию упреками в агрессивном немецком «Drang nach Osten», который не связан ни с какой определенной эпохой. См.: *Lemberg*, «Drang nach Osten»; *Wippermann W.* Der «deutsche Drang nach Osten». Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981; *Meyer H.* Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-concept in German Slavic Relations, 1849—1990. Bern u.a., 1996. Об употреблении этого понятия в русских дискуссиях по «балтийскому вопросу» в 1860-е гг. см.: *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 363, 366.

[65] Представление о «естественной» противоположности между Германией и Россией и соответственно романо-германской («западной») и славянской культурами обнаруживается и в учении о культурных типах Н.Я. Данилевского (1822—1885), идеи которого в 1890-е гг. были весьма популярны в России. Высшей точкой западной воинственности Данилевский считал время крестовых походов и католической миссии крестоносцев. См.: Russischer Nationalismus / Hg. Golczewski, Pickhan. S. 41.

[66] Термин «народность» впервые был употреблен в 1819 г. князем П.А. Вяземским в письме к А. Тургеневу. Вяземский ориентировался на французское понятие «nationalité» и польское «narodowość». Термин поначалу использовался как обозначение определенного, нового в русской ли-

тературе стиля, ориентированного на выразительные формы «простого народа», т.е. на фольклор. В течение XIX в. дискуссия о «народности» развивалась, будучи сначала литературной полемикой, в которой участвовали такие писатели, как Пушкин, и композиторы, как Бородин, Глинка и Римский-Корсаков, затем стала, по словам Н. Найта, «виртуальной навязчивой идеей для целого поколения русских интеллектуалов». Конъюнктура понятия «народность» была, в частности, выражением «открытия», переоценки и идеализации «простого народа» в дискурсе русской интеллигенции в конце XVIII — XIX в. и может считаться признаком влияния европейской романтической идеологии. Значение понятия «народ» два раза изменялось в это время. 1) Поначалу термин обозначал в русском этнографическом дискурсе «другого» или «чужого». В последней трети столетия обосновалось употребление понятия как обозначения мы-группы. 2) В начале XIX в. в центре дискуссии о «народности» оказалась социальная категория «российский народ», т.е. весь крестьянский «нижний слой» многонациональной империи. С 1820—1830-х гг. значение сузилось до этнической группы «русского народа». «"Народность" создала... из крестьянских народных масс национальный конструкт русского "народа"» (*Renner.* Russischer Nationalismus. S. 54). См. об этом: *Knight N.* Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Ed. D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. New York, 2000. P. 41—65; *Perrie M.* Narodnost': Notions of National Identity // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 28—36; *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 44ff.

[67] Найт указывает на влияние философии Шеллинга на полемику о «народности» в России XIX в. (*Knight.* Ethnicity, Nationality and the Masses. P. 52).

[68] *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 250.

[69] Об «украинском вопросе» в политике и публичных дебатах в России второй половины XIX в. см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.

[70] Ср.: *Kappeler, Kleine.* Geschichte der Ukraine. S. 120.

[71] Дополнительной по отношению к Александру украинской фигурой у Костомарова был Даниил Романович Галицкий, которому он тоже посвящает главу в своем собрании жизнеописаний. Даниил (Данило) Галицкий, в отличие от Александра Невского, принял в 1245 г. королевскую корону от папы Иннокентия IV («rex Russiae») и основал тем самым традицию западной ориентации западнорусских княжеств. См. также гл. 2.2.

[72] *Костомаров.* Александр Невский С. 163.

[73] Там же. С. 155.

[74] Образ «монгольского потока» находит свое западное соответствие, например, в идеях Трейчке о «диком море восточных (славянских) наро-

дов», от которого немецкий народ может защититься только посредством «прочного портового мола» (*Treitschke H. v.* Das deutsche Ordensland Preußen (1862). Göttingen, 1955. S. 19).

[75] *Костомаров*. Александр Невский С. 164.

[76] Там же.

[77] Там же. С. 161.

[78] Там же. С. 164.

[79] Там же.

[80] Там же. С. 168.

[81] Там же. С. 172.

[82] См.: *Renner*. Russischer Nationalismus. S. 118ff.

[83] См.: Ibid. S. 131; *Renner*. Nationalismus und Diskurs. S. 440.

[84] О значении новых медиа для популяризации национального образа истории см. также: *Schmiegelt*. Rußland. S. 403.

[85] Статьи об Александре Невском в газетах и журналах: *Соловьев С.М.* Святой Александр Невский // Московские ведомости. 30.08.1851. С. 965; Святой великий князь Александр Невский в Санкт-Петербурге // Воскресный досуг. Народная иллюстрация. 1863. Т. 2. № 33. С. 118—122; Святой Александр Невский // Нива. 1870. Т. 1. № 9. С. 142—144; *Петров П.* Бой Александра Невского на Неве со шведами Биргера // Нива. 1874. №. 8. С. 119—122. Особенный интерес в этом контексте представляют статьи в «Ниве», «иллюстрированном журнале для семейного чтения», «журнале нового типа», основанном в 1870 г. по образцу немецкого «*Gartenlaube*» с начальным тиражом 15 000 экземпляров. Журнал выходил еженедельно и был очень успешным. В 1876 г. тираж увеличился почти в два раза. См.: *Renner*. Russischer Nationalismus. S. 124, 181.

Александр Невский в «народной литературе»: *Ремезов И.* Сказание о подвигах святого благоверного великого Александра Невского. СПб., 1862; *Холодный Г.М.* Жизнь и деятельность великого князя Александра Ярославича Невского в связи с событиями на Руси в XIII столетии. Тамбов, 1883; *Петрушевский А.* Сказание о св. благоверном, великом князе Александре Невском. СПб., 1885; *Кротков С.* Невская битва и Ледовое побоище. Исторический очерк. М., 1892; *Епифанов И.* Александр Невский (Ледовое побоище). Рассказ с рисунками Н. Карамзина. СПб., 1892; *Козлов И.* Нашествие татар. Александр Невский. СПб., 1899; *Александр В.Ю.* Благоверный князь-воин Александр Ярославич Невский. Сергиев Посад, 1905.

[86] Святой Александр Невский // Нива. С. 143; *Козлов*. Нашествие... С. 11, 29 (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*). См. также: *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 70; *Александр*. Благоверный князь-воин... С. 1, 3 и далее.

[87] См., например: *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 62, 70, 85; Святой Александр Невский // Нива. С. 144.

[88] Оба аспекта можно наблюдать в «Сказании» Петрушевского. В этом тексте возникает многогранный исторический образ насквозь национализированного, или «русифицированного», мира. «Русские люди» с «русской силой» и «русским сердцем» в «русском полку» или «русской рати»

сражаются за «русский поселок», «русскую славу» и «русскую честь» (С. 15, 34, 45, 19, 45, 38, 40, 41, 45). Не государства или правители выступают в произведении Петрушевского субъектами истории, а народы и племена, например «славяне», «русский народ», «татары», «шведы», «немцы» и «литовцы» (С. 3, 4, 6, 19 и далее, 27 и далее, 34 и далее, 42 и далее, 57, 70).

[89] См.: *Петрушевский*. Сказание... С. 3—4; *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 58, 62, 70, 82, 86.

[90] См., например: *Кротков*. Невская битва... С. 14; *Козлов*. Нашествие... С. 29.

[91] *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 64. Вторым «залогом» «русской народности» была для Холодного «свобода».

[92] *Кротков*. Невская битва... С. 3. См. также: *Александр*. Благоверный князь-воин... С. 4.

[93] *Петрушевский*. Сказание... С. 69.

[94] «Православная вера связала, сплотила Русское государство; стала одна Русская земля, один Русский народ» (*Петрушевский*. Сказание... С. 6). В журнале «Нива» Александр Невский стилизован как предтеча панславистской и панправославной доктрины российской внешней политики. Александр стремился «к освобождению и объединению дорогих нам по вере и по языку народностей». И эта «великая система» «до сих пор продолжается» (Святой Александр Невский // Нива. С. 144).

[95] Как и в трудах Карамзина и Костомарова, мы-группа русского народа во всех текстах описывается прежде всего в отграничении от «варварских татар» (*Кротков*. Невская битва... С. 4; *Петрушевский*. Сказание... С. 19 и далее; *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 30, 55; Святой Александр Невский // Нива. С. 143; Святой великий князь Александр Невский // Воскресный досуг. С. 118—119; *Александр*. Благоверный князь-воин. С. 6; *Козлов*. Нашествие... С. 23). В статье, опубликованной в 1863 г. в журнале «Воскресный досуг», Александр называется «спасителем России от татар». Искусная тактика Александра привела к тому, что Русь оказалась защищенной от дальнейших разрушительных набегов монголов. Это дало «удрученному народу» возможность собрать силы и выступить в назначенное время против татар. См.: Там же. С. 119. В журнале «Нива» в 1870 г. Александр был даже провозглашен первым «собирателем» русских земель и основателем той политической системы, «которая не только избавила Россию от татарского ига, но подчинила ей Казань, Астрахань, Крым и Сибирь» (Святой Александр Невский // Нива. С. 143—144).

[96] *Петрушевский*. Сказание... С. 28. См. также: *Кротков*. Невская битва. С. 13; *Холодный*. Жизнь и деятельность... С. 61; *Козлов*. Нашествие... С. 25; *Александр*. Благоверный князь-воин... С. 4; *Петров*. Бой Александра Невского.. // Нива. С. 120. Отличающуюся интерпретацию см.: Святой великий князь Александр Невский // Воскресный досуг. С. 119. Здесь Невская битва представлена как выражение борьбы Швеции и Новгорода за Финляндию.

[97] См.: *Карамзин*. История государства Российского. С. 18.

[98] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1998. Т. 2. С. 148. (Впервые опубликовано в 1851—1879 гг.) Ссылка на упомянутую папскую буллу отсутствует. См.: *Он же.* Учебник русской истории. М., 1860. С. 50; Святой Александр Невский // Московские ведомости. 30 августа 1851 г. Соловьев, вероятно, опирался на буллу, посланную папой Григорием IX 5 декабря 1237 г. архиепископу Упсалы, в которой шведы призывались в крестовый поход против финнов. См.: *Петров.* Бой Александра Невского // Нива. С. 120.

[99] *Zernack.* Polen und Rußland. S. 331. См. также: *Zimbajew N.I.* Zur Entwicklung des russischen Nationalbewußtseins vom Aufstand der Dekabristen bis zur Bauernbefreiung // Die Russen / Hg. Kappeler. S. 37—54; *Kappeler.* Vielvölkerreich. S. 209.

[100] Об этом см., в частности: *Renner.* Russischer Nationalismus. S. 186ff.; *Schulze Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreichs und der Sowjetunion 1697—1947. Stuttgart, 1995. Особ. S. 189ff.

[101] *Самарин Ю.* Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 333, 342.

[102] *Петров.* Бой Александра Невского // Нива. С. 120; Святой Александр Невский // Нива. С. 143; Александр. Благоверный князь-воин... С. 6; *Холодный.* Жизнь и деятельность... С. 57, 71, 75, 78, 80, 82, 86; *Кротков.* Невская битва... С. 37.

[103] *Холодный.* Жизнь и деятельность... С. 67; *Александр.* Благоверный князь-воин. С. 1, 7. См. также: *Петрушевский.* Сказание... С. 32, 46; *Епифанов.* Александр Невский... С. 58; *Кротков.* Невская битва... С. 26.

[104] *Александр.* Благоверный князь-воин... С. 1, 5; *Холодный.* Жизнь и деятельность... С. 62.

[105] *Александр.* Благоверный князь-воин... С. 1.

[106] Святой Александр Невский // Нива. С. 142; *Холодный.* Жизнь и деятельность... С. 71; *Козлов.* Нашествие... С. 26; *Александр.* Благоверный князь-воин... С. 5. См. также: *Петрушевский.* Сказание... С. 38 и далее; *Соловьев.* Святой Александр Невский.

[107] *Кротков.* Невская битва и Ледовое побоище; *Епифанов.* Александр Невский. (Ледовое побоище). Произведение Кроткова было новым и в другом отношении. Автор украсил свой рассказ об Александре Невском воображаемыми диалогами между протагонистами и речью князя к населению Новгорода. Одновременно он попытался привлечь читателя напряженным стилем повествования. В его тексте обнаруживаются черты исторического романа, жанра, который стал носителем дискурса об Александре Невском только в XX в. Произведение Кроткова вышло в серии патриотических книжечек «Общества распространения полезных книг» в Москве по цене от пяти до двадцати копеек. В серии «Рассказы из русской истории» вышли также произведения на следующие темы: 1) битва на Куликовом поле, 2) Полтавская битва, 3) Бородинское сражение, 4) Ермак Тимофеевич, 5) взятие Казани, 6) Минин и Пожарский, 7) Иван Сусанин, 8) императрица Екатерина II, 9) Князь Потемкин, 10) князь Серебряный, 11) Соловецкий монастырь, 12) Киево-Печерская лавра, 13) Отечествен-

ная война, 14) Петр Великий, 15) царь Иван Грозный, 16) Московский Китай-город.

[108] Уже в 1851 г. Соловьев назвал битву на льду Чудского озера «одной из самых кровопролитных битв, какие только знают летописи Северо-Западной Руси» (*Соловьев*. Святой Александр Невский).

[109] Так, например, Соловьев в статье для «Московских ведомостей» подчеркивает: «...мы видели *религиозное* значение борьбы Северо-Западной Руси со Шведами и Орденом» (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*).

[110] Другим признаком «милитаризации» дискурса об Александре Невском в XIX в. можно считать тот факт, что 5 августа 1855 г. изменился статус учрежденного в XVIII в. и названного именем князя наградного ордена. Если до сих пор орденом отмечались только гражданские заслуги перед отечеством (см. гл. 5.2), теперь его можно было получить и за определенные военные подвиги. В этой связи была создана и новая орденская звезда, которая отличалась от звезды 1725 г. добавлением двух золотых перекрещивающихся мечей. См.: *Серков С.Р.* Первые ордена России // Военно-исторический журнал. 1990. Вып. 1. С. 93—94.

[111] См.: *Langewiesche*. Nation. S. 195; *Haupt, Tacke*. Kultur des Nationalen. S. 273—274; *Vogel J.* Nationen im Gleichschritt. Der Kult der «Nation in Waffen» in Deutschland und Frankreich 1871—1914. Göttingen, 1997; Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hg. R. Kosellek, M. Jeismann. München, 1994.

[112] См.: *Schulze*. Staat und Nation. S. 125—126; Интересная панорама национальных мифов о битвах представлена в каталоге выставки «Mythen der Nationen», изданном М. Флаке.

[113] *François, Schulze*. Das emotionale Fundament der Nationen. S. 29.

[114] См. об этом: *Климов*. Святой Александр Невский. С. 97—98. О Владимирском соборе в Киеве см. также: Киевский Владимирский собор. Альбом фотографий. Г. Лазовского. Киев, б.г.

[115] См.: *Климов*. Святой Александр Невский. С. 98. К известнейшим картинам Васнецова причисляются «Богатыри» (1878—1881) и «Битва русских со скифами» (1881). См. об этом: *Schäfer*. Historienmalerei. S. 120ff.

[116] С картиной Васнецова можно сравнить эскиз иконы Александра Невского художника М.В. Нестерова для иконостаса храма Вознесения Христова в Санкт-Петербурге (1892/1893). См. об этом: *Климов*. Святой Александр Невский. С. 99. Ил. 4. Эскиз Нестерова впоследствии был реализован в мозаике.

[117] К национальному дискурсу можно причислить и изображение Александра Невского в числе 109 фигур на цоколе новгородского памятника Тысячелетию России. М. Микешин поместил Александра не в группу «государственных деятелей», а среди «полководцев и героев». Художник изобразил Александра воином в доспехах, с мечом, с бородой. См.: *Смирнов В.Г.* Россия в бронзе. Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.

[118] См., например, эскизы Г.И. Семирадского для росписи храма Христа Спасителя в Москве (1876). Специальная комиссия заказала художнику

изображение следующих сцен из биографии Александра: 1) Александр в Золотой Орде; 2) Александр принимает папских легатов; 3) кончина Александра; 4) погребение Александра и чудо с духовной грамотой. См. об этом: *Климов*. Святой Александр Невский. С. 95 и далее. Эскизы Семирадского можно причислить как к национальному, так и церковно-религиозному дискурсу. То же можно сказать и о гравюре В.В. Верещагина «Великий князь Александр Ярославич Невский», появившейся в качестве иллюстрации к книге «История государства Российского в изображениях державных его правителей» (СПб., 1891). Верещагин выбрал в качестве сюжета момент пострижения Александра в монахи незадолго до смерти (ил. в: *Литвинов Б.* Властелины Кремля. М., 1996. С. 37).

[119] См.: *Schäfer*. Historienmalerei; *Верещагина А.* Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX века. Л., 1973.

[120] *Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из Российской истории // Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 367—373, особ. с. 369. См. также: *Моисеева*. Ломоносов. С. 180. Подобный перечень исторических событий у Карамзина содержит лишь эпизоды и персонажи истории Киевской Руси. См.: *Карамзин*. О случаях и характерах российской истории. См. об этом: *Schäfer*. Historienmalerei. S. 8; *Schmiegelt*. Rußland. S. 402. Первое известное нам современное живописное изображение битвы на Чудском озере относится к 1902 г. Это небольшая гравюра М.Т. Соловьева, вышедшая в сборнике в серии «Картины из русской истории». См.: Альбом картин по русской истории от Рюрика до Николая I (Отдел эстампов РНБ СПб.).

[121] Невская битва предлагалась художникам в собрании сюжетов А. Писарева. (Предметы для художников. Избранные из русской истории и славянского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. СПб., 1807. С. 57—61.) Автор предлагает художникам изобразить тот момент, когда Александр мечом сносит шлем с головы шведского «короля Велгера» (sic!). Описанный Писаревым момент увековечил символист Николай Константинович Рерих в 1905 г. в эскизе для мозаики под названием «бой Александра Невского с ярлом Биргером» (ил. в: *Schmiegelt*. Rußland. S. 408). Гравюры с изображением Невской битвы имеются и в некоторых альбомах по истории XIX в. См.: Живописный Карамзин или русская история в картинках, издаваемая Андреем Прево. СПб., 1837. Ч. 2. № 62; История России в портретах по столетиям. Издание, состоящее под августейшим попечительством Его высочества принца Петра Александровича Ольденбургского, Покровской общины сестер милосердия. СПб., 1903. С. 47; Альбом произведений русских художников, посв. истории и быту. Б.м., б.г., где помещен офорт В. Васнецова «Битва князя Александра Невского со шведами на Неве» (Отдел эстампов РНБ СПб.).

[122] Вероятно, этим объясняется и тот факт, что в Советском Союзе светские памятники Александру Невскому появились только после Отечественной войны. Скульптурное изображение Александра могло появить-

ся только после окончательной десакрализации его личности в 1930-х гг. См. об этом гл. 11.3.

[123] Низкую степень собственной организованности признавали и сторонники русского национализма в XIX в. См.: *Renner*. Russischer Nationalismus. S. 373—374.

[124] В конце XVIII в. Татищев стал первым историком, полагавшим, что и Александр Невский появился на свет 30 мая 1219 г. См.: *Татищев*. История Российская. Т. 5. С. 25.

[125] См.: *Hughes*. Russia. P. 349.

[126] См.: *Ацаркина*. Брюллов. С. 193. Ил. в: K.P. Brjullov. Paintings, Watercolours, Drawings, Leningrad, 1990. Табл. 163.

[127] См.: St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974. Табл. 43, 44. Фигура Александра Невского, изображенная Бассиным, предположительно написана под влиянием картины «Святой Александр Невский» (1819) Василия Шебуева (1777—1855), руководившего с 1844 г. росписью Исаакиевского собора, и под влиянием статуи Александра Степана Пименова (1784—1833) перед Казанским собором (1807—1811). Шебуев и Пименов изображают Александра в молитвенной позе с обращенным к небу взором и рукой на груди. См. ил. в: St. Petersburg um 1800. Табл. 43 (Шебуев), С. 82 (Пименов).

[128] Рельеф «Перемещение мощей Александра Невского в С.-Петербург» создан скульптором И.П. Витали в середине XIX в. Ил. в: St. Isaac's Cathedral. Илл. 90; *Пашуто*. Александр Невский. С. 128—129.

[129] Ил. в: St. Isaac's Cathedral. Ил. 83.

[130] См. об этом: *Riasanovsky N.V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia 1825—1855. Berkeley; Los Angeles, 1959; *Knight*. Ethnicity, Nationality and the Masses. P. 54ff.; *Perrie*. Narodnost': Notions of National Identity. P. 30—31; Russischer Nationalismus / Hg. Golczewski, Pickhan. S. 21—22; *Зорин А.* Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71—104; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла; *Ingold F.Ph.* Russischer Konservatismus. Die Triade // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11.07.2001. S. N5; *Мильчина*. О национальной идее. С 454. Зорин полагает, что Уваров впервые сформулировал формулу «православие — самодержавие — народность» в письме Николаю I в марте 1832 г. (*Зорин*. Идеология... С. 73).

[131] Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 году). СПб., 1864. С. 2.

[132] См.: *Riasanovsky*. Nicholas I and Official Nationality. S. 73.

[133] См.: *Saunders*. Concepts of Nationality. P. 61; *Tolz*. Russia. P. 78. Найт, напротив, предполагает, что под «народом» Уваров понимал не этническую группу всех русских / великороссов, а «civic nation», т.е. совокупность всех подданных царя, невзирая на этничность. *Knight*. Ethnicity, Nationality and the Masses. P. 54. Зорин доказывает, что на мышление Уварова повлияла философия французского Просвещения и немецкого романтизма,

прежде всего Руссо, Шлегель и Гердер. Однако Уваров понимал, что концепция нации Шлегеля может быть только условно перенесена на реальность Российской империи с ее этническим и религиозным многообразием, ее самодержавным порядком и ее глубоким общественным расколом. Поскольку для консерватора Уварова речь не шла о трансформации имперских структур и институций в национальное государство, интеграция понятия «народность» в официальную государственную идеологию была возможна только после «глубокого переосмысления самой категории народности». Уваров определил понятие «народность» через две другие категории триады. В его понимании «русский человек — это тот, кто верит в свою церковь и своего государя» (*Зорин*. Идеология. С. 89). Так, при помощи церкви и абсолютного государя Уваров объявил сущностным элементом русской народности именно те институции, преодоление которых было целью модерного национального мышления (Там же. С. 88 и далее).

[134] *Zernack*. Polen und Rußland. S. 327, 534. «Имперский национализм» именуется в научной литературе также «официальным национализмом» (Гольчевский, Пикхан) или «монархическим национализмом» (Уортман).

[135] См.: *Seton-Watson*. Russian Nationalism. P. 20.

[136] *Kappeler*. Vielvölkerreich. S. 199 (курсив наш. — *Ф.Б.Ш.*).

[137] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 106.

[138] *Устрялов Н.Г.* Русская история. 3-е изд. СПб., 1845. Т. 1; *Соловьев*. Учебник русской истории; История России в картинах / Ред. Н.А. Дементьев. СПб., 1863—1871; *Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории. М., 1875 (Репринт в: Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В. Естеферова. М., 1993); *Рождественский С.* Отечественная история. Курс средних учебных заведений. СПб., 1878; *Малинин Н.* История России для народа. М., 1879; *Беллярминов И.* Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1896. (Репринт в: Учебники дореволюционной России по истории); *Мостовский А.* Краткие очерки истории России с портретами и картинами. Рига, 1904; *Елпатьевский К.В.* Учебник русской истории. СПб., 1909; *Острогорский М.* Учебник русской истории. Элементарный курс. СПб., 1911; *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. СПб., 1911; *Ефименко А.Я.* Элементарный учебник русской истории. Курс эпизодический. СПб., 1912; *Скворцов И.В.* Учебник русской истории. Систематический курс. Б. м. Ч. 1. 1913.

[139] Школьные учебники по истории в дальнейшем ходе работы рассматриваются как ценные источники по истории памяти об Александре Невском. Современные опросы показали, что образ истории формируется у человека существенной частью в школьные годы. См.: *Зубкова Е., Куприянов А.* Возвращение к русской идее: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М., 1999. С. 316. В XIX в., однако, возможностью получить школьное образование обладал ничтожно малый процент населения. Статистику см. ниже в гл. 6.6.

[140] См. об этом: *Saunders*. Concepts of Nationality. P. 60ff.

[141] *Saunders*. Concepts of Nationality. P. 61.

[142] К сожалению, в рамках настоящей работы мы не могли провести сравнительный анализ различных исторических фигур во всех тринадцати учебниках. Настоящее высказывание, к сожалению, базируется на поверхностном впечатлении.

[143] *Устрялов*. Русская история. Т. 1. С. 123—124.

[144] *Соловьев*. Учебник русской истории. С. 52.

[145] *Мостовский*. Краткие очерки. С. 26—29; *Ефименко*. Учебник русской истории. С. 57—63; *Скворцов*. Учебник русской истории. С. 97—100. Книга Мостовского предназначалась для использования в школах остзейских провинций (Эстонии, Лифляндии и Курляндии).

[146] См.: *Смирнов*. Россия в бронзе; *Майорова О.* Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137—165.

[147] Святой Александр Невский // Нива. С. 144.

[148] См.: 1) Картины по русской истории И.Н. Кнебеля / Под общ. ред. и с объясн. текстом С.А. Князькова. Б.м., 1908—1913 (Репринт-приложение к журналу «Юный художник» за 1993—1996); 2) Сорок картин из русской истории. Художественно-исторический альбом с кратким объяснением картин. Бесплатное приложение к газете «Сын Отечества» за 1889 год. Б.м. Тип. С. Добродеева (Отдел эстампов РНБ СПб.); 3) 40 картин из истории русской культуры и русской истории / Ред. Н.Г. Тарасов, А.О. Гартвиг и С.И. Гречушкин. Издание книжного склада В.В. Думнова. Б.м., б.г. (ОЭ РНБ СПб.). Равнодушие писателей и оперных композиторов к Александру Невскому как историческому материалу требует, как кажется, объяснения. Нам не известно ни одной оперы, посвященной средневековому князю. В области литературы шестидесятистраничная поэма «Александр Невский» В.П. Петрова (Новгород, 1860) оказалась единственным, притом провинциальным изданием.

[149] Едва ли не единственным, но центральным памятником героям в XIX в. стал монумент Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве скульптора И. Мартоса, установленный в 1818 г. О сусанинском мифе XIX в. см: *Киселева*. Становление русской национальной мифологии; *Tolz*. Russia P. 88; *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.

[150] *Дементьев*. История России в картинах. Вып. VIII. № 26.

[151] См.: *Беллярминов*. Курс всеобщей и русской истории. С. 92. Этот мотив впервые появляется в редакции Жития Василия Варлаама. См. выше гл. 4.2.

[152] См.: *Беллярминов*. Курс всеобщей и русской истории. С. 92.

[153] *Дементьев*. История России в картинах. См. также: *Соловьев*. Учебник русской истории. С. 51.

[154] См.: *Беллярминов*. Курс всеобщей и русской истории. С. 91.

[155] Даже С.М. Соловьев, присоединившийся в научной «Истории России с древнейших времен» (1851—1879) к мнению Татищева (См.: Сочинения. Т. II. С. 152), в своем школьном учебнике оставляет этот аспект без внимания. См.: *Соловьев*. Учебник русской истории. С. 51.

[156] *Устрялов*. Русская история. С. 123. См. также: *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для учебных заведений. СПб., 1839. С. 51.

[157] *Устрялов*. Русская история. С. 124. См. также: *Устрялов*. Начертание... С. 52.

[158] См., например: *Иловайский*. Краткие очерки русской истории. С. 211.

[159] *Рождественский*. Отечественная история. С. 57. Подобный образ татар, не столь четко очерченный в остальных текстах, не использует только Ефименко, очевидно опиравшийся в качестве источника на текст Костомарова. По его мнению, татары уважали веру и культуру подвластного им народа, покуда он своевременно уплачивал дань. См.: *Ефименко*. Учебник русской истории. С. 62.

[160] *Дементьев*. История России в картинах. См. также: *Рождественский*. Отечественная история. С. 57: «Успех в этом важном деле едва ли не должно считать выше всех других подвигов Александра».

[161] См.: *Туманский*. Созерцание славной жизни святого благоверного великого князя. С. 20 («...личное его подданство для татар не было нужно... Сам князь... никогда до сей степени себя унизить не решился бы»).

[162] *Верещагин В.П.* Александр Невский умоляет хана пощадить земли русские // Дементьев. История России в картинах. Вып. VIII. № 26.

[163] См., например: *Беллярминов*. Курс всеобщей и русской истории. С. 91 и далее; *Соловьев*. Учебник русской истории. С. 50.

[164] *Устрялов*. Русская история. С. 123.

[165] См.: *Платонов*. Учебник русской истории. С. 92.

[166] Один лишь Ефименко, очевидно используя Костомарова, интерпретирует в своем учебнике 1912 г. Невскую битву и сражение на льду Чудского озера как славяно-германский конфликт, причем упоминает и одобрение шведского нападения папой (*Ефименко*. Учебник русской истории. С. 59).

[167] *Рождественский*. Учебник русской истории. С. 55—56.

[168] *Рождественский*. Отечественная история. С. 56. См. также: *Беллярминов*. Элементарный курс всеобщей и русской истории. С. 91; *Иловайский Д.* Краткие очерки русской истории. С. 211; *Елпатьевский*. Учебник русской истории. С. 67; *Скворцов*. Учебник русской истории. С. 97; *Малинин Н.* История России для народа. С. 92.

[169] *Соловьев*. Учебник русской истории. С. 50. См. также: *Острогорский*. Учебник русской истории. С. 34.

[170] *Елпатьевский*. Учебник русской истории. С. 67.

[171] См. также: *Weeks Th.* Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863—1914. DeKalb, 1996. P. 8; *Tolz*. Russia. P. 193.

[172] См.: *Kappeler*. Vielvölkerreich. S. 206.

[173] См., например: Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского, в иночестве Алексия. СПб., 1853; Словарь исторический о святых православных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1862 (Репринт: М., 1990); *Филарет*,

архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1865; Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. Вязники, 1888; Жизнь и подвиги святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1881; Святой благоверный великий князь Александр Невский. Издано отделом распространения духовно-нравственных книг. М., 1885; *Хитров.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский; *Поселянин Е.* Сказание о святых вождях земли Русской. М., 1900. С. 106—130; Столп-воитель земли и церкви русской: Святой великий князь Александр Невский. Житие, подвиги и чудеса благоверного князя и его багрянородных сподвижников. М., 1901; *Пономарев А.* Александр Невский // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1904. Т. 1. Стб. 437—448; Святой благоверный великий князь Александр Невский и Свято-Троицкая Александро-Невская лавра на память двухсотлетия обители (1713—1913). СПб., 1913.

[174] См.: Словарь исторический о святых. С. 12.

[175] Молитва святому присутствует, например, в: Святой благоверный великий князь Александр Невский. М., 1885. С. 44; Святой благоверный великий князь Александр Невский и Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. С. 16.

[176] Словарь исторический о святых. С. 11.

[177] Наиболее подробно в: *Хитров.* Александр Невский. С. 187—193. См. также: Столп-воитель земли и церкви русской. С. 32—41; Святой благоверный великий князь Александр Невский. М., 1885. С. 41.

[178] *Филарет.* Русские святые. С. 384 и далее.

[179] Святой благоверный великий князь Александр Невский и Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. С. 8—9.

[180] См., например: Столп-воитель земли и церкви русской. С. 11. Здесь католические рыцари Тевтонского ордена названы «врагом более опасным, нежели орды татарские».

[181] *Филарет.* Русские святые. С. 400—401.

[182] *Пономарев.* Александр Невский. С. 440.

[183] Словарь исторический о святых. С. 10.

[184] *Пономарев.* Александр Невский. С. 439.

[185] Там же. С. 438.

[186] Там же.

[187] Там же. С. 437. См. также: *Хитров.* Александр Невский. С. 231.

[188] См. об этом, в частности: *Салей.* Александро-Невский собор. О политике русификации Александра III в западных провинциях империи и о национализации или фольклоризации имперского самоописания при его власти см.: *Weeks.* Nation and State in Late Imperial Russia; *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 2. С. 225—416; *Bartlett R., Edmondson L.* Collapse and Creation: Issues of Identity and the Russian *Fin de Siècle* // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 165—193.

[189] О Лодзи см.: Lódź, Dzieje miasta. T. 1 (do 1918). Warzsawa, Lódź, 1980; о Варшаве см.: Encyklopedia Warszawy. Warszawa, 1994. C. 638, s.v. «Piłsudskiego Jósefa, plac» и C. 742ff., s.v. «Rusyfikacija oblicza Warszawy w okresie zaborów»; *Paszkiewicz P.* Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815—1915. Warszawa, 1991 (многочисл. ил.); *Paszkiewicz P.* The Russian Orthodox Cathedral of Saint Alexander Nevsky in Warsaw // Polish Art Studies. 1992. Vol. 14. P. 64—67; *Papierszyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywistością. Państwo i kościół prawosławny w Polsce w latach 1918—1939. Warszawa, 1986. C. 353ff.; *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 2. С. 344—349. Собор архитектора Л.Н. Бенуа был снесен в 1921—1926 гг.

[190] См.: *Baedeker K.* Rußland. Leipzig, 1904. S. 67; Kluge u. Ströms illustrierter Führer durch Reval und seine Umgebung. Reval, 1926. Салей полагает, что церковь была возведена специально, как шаг в политике русификации, в старой части города рядом с католическим собором (*Салей.* Александро-Невский собор. С. 4). О церкви Александра Невского в Ревеле см. также: *Уортман.* Сценарии власти. Т. 2. С. 344—347. Уортман полагает, что высшие чины петербургского правительства, включая министров внутренних и иностранных дел, а также лично Александр III выступили за строительство расположенного на горе храма, который должен был доминировать в городе и быть выше всех лютеранских церквей.

[191] Классицистический собор Александра Невского в Риге был построен на частные средства как памятник победе над Наполеоном. (Доска информации в самой церкви, по состоянию на лето 1998 г.) К сожалению, нам не удалось выяснить, когда была построена освященная именем святого церковь в Лиепае.

[192] О церкви Александра Невского в Потсдаме см.: *Thon N.* Deutschlands älteste orthodoxe Gemeindekirche neu geweiht // Hermeneia. 1993. Bd. 9. H. 3. S. 171—175; *Dietrich H.Ch.* Die russisch-orthodoxe Aleksandr-Nevskij-Kirche in Potsdam. «Denkmal Russisch-Preußischer Freundschaft» oder Mahnerin zur Versöhnung // Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus' / Hg. K.C. Felmy, G. Kretschmar. Göttingen, 1988. S. 940—951; *Otto K.-H.*; *Koljada A.* Alexandrowka. Alexander-Newski-Gedächtniskirche. Potsdam, 1997. Особ. S. 51ff. Освящение церкви последовало 30 августа (12 сент.) 1993 г.; *Altendorf B.* Die russischen Sänger des Königs und die Kolonie Alexandrowka in Potsdam. Berlin, 2004.

[193] Церковь Александра Невского в Париже была построена для российского посольства и русских эмигрантов во Франции. В финансировании принимал участие российский император Александр II, пожертвовавший 200 000 франков. Такую же сумму выделил Святейший синод. Церковь была освящена 30 августа 1861 г. в «имперский» день памяти св. Александра. См.: Description de l'église russe de Paris. Paris, 1861.

[194] См.: *Zeitler R.* Dänemark. Kunstdenkmäler und Museen. Stuttgart, 1978. S. 208; *Pagensteiner U., Schröder D.* Kopenhagen. Köln, 1995. S. 136.

[195] См.: *Климов.* Святой Александр Невский. С. 94. Эти церкви, посвященные императору, были в прямом смысле слова «базиликами», т.е. по-

священы правителю (василевсу). Я благодарю за это указание Этьена Франсуа.

[196] *Thon.* Gemeindekirche. S. 172.

[197] Дитрих, напротив, усматривает в выборе Александра в качестве небесного покровителя потсдамской церкви сознательный политический знак. Патронат напоминал Пруссии, ставшей «историческим наследником Ордена», о том, что «заветы святого Александра и в Российской империи XIX века имели политическую силу и были актуальны» (*Dietrich.* Aleksandr-Nevskij-Kirche. S. 944). Эта интерпретация вызывает возражения по двум причинам. Во-первых, прусское государство в начале века еще не помещало себя в традицию Тевтонского ордена, история которого в это время еще воспринималась критически. Во-вторых, Александр Невский в первой четверти XIX в. в России еще не был антинемецким символом. Его патронат над церквями в Потсдаме и Копенгагене, задумывавшийся как выражение дружбы и родства династий, как раз подчеркивает это. Построенная в 1830—1834 гг. по проекту К.Ф. Шинкеля готическая часовня в петергофской Александрии, освященная именем Александра Невского, также может считаться признаком того, что святой в это время (еще) не считался антизападным или антинемецким героем.

[198] Александр III, принявший основное участие в финансировании церкви, в 1866 г. женился на дочери датского короля Христиана IX Дагмар (в православном крещении Марии Федоровне).

[199] См.: *Stökl.* Russische Geschichte. S. 524; *Салей.* Александро-Невский собор. С. 5.

[200] Построенная в Белграде в 1909—1929 гг. церковь Александра Невского также стоит на месте более ранней постройки XIX в.; шатровая церковь была построена на добровольные пожертвования в 1876—1877 гг. после восстания в Герцеговине.

[201] См.: Минск. Энциклопедический справочник. Минск, 1983. С. 77.

[202] Хитров пишет в 1893 г., что в каждом российском городе есть часовня или церковь, освященная его именем. Кроме того, в каждой церкви страны есть икона этого святого. См.: *Хитров.* Александр Невский. СПб., 1992. С. 247. О церкви Александра Невского во Пскове, основанной в 1907/1908 гг., см.: *Василенко А., Василенко Н.* Не в силе Бог, а в правде. История храма во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Псков, 1991. О церкви в Ярославле 1892 г. см.: http://cnit2.uniyar.ac.ru/yaros/wwe01299.htm; Салей указывает, кроме того, на церкви Александра Невского в Ижевске (1823), Саратове (1824), Вятке (1839), Нижнем Новгороде (1881) и Кургане (1902). См.: *Салей.* Александро-Невский собор.

В конце XIX в. Александр Невский был не только популярным церковным покровителем. Его именем было названо и церковное братство, основанное в Петербурге в конце века и в 1905—1906 гг. насчитывавшее уже почти 76 000 членов. См.: *Dixon S.* The Church's Social Role in St. Petersburg 1880—1914 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / Ed. G.A Hosking. London, 1991. P. 167—192. Реннер называет братства, которых в 1893 г.

в России насчитывалось 159, «формами церковно организованного милосердия» (*Renner*. Russischer Nationalismus. S. 277ff.). Братство «Александр Невский» стремилось, в частности, к повышению уровня общественной морали как собственным воздержанием, так и организуя паломнические поездки на Валаам. Кроме того, братство поддерживало издание журнала «Отдых христианина».

[203] См.: Православные монастыри российской империи / Сост. Л.И. Денисов. М., 1908. С. 201, 245, 651, 729, 800.

[204] См.: *Ефименко*. Учебник русской истории. С. 61; *Скворцов*. Учебник русской истории. С. 99. К сожалению, нам остались неизвестными имена художников. Шмигельт подчеркивает, что иллюстрированные школьные учебники появились на российском рынке только после выхода «Картин по русской истории» И.Н. Кнебеля (1908—1913). См.: *Schmiegelt*. Rußland. S. 403.

[205] Ульрике Шмигельт в статье для каталога выставки «Мифы наций» анализирует пять исторических мифов, важных в XIX в. в России («Крещение Руси святым князем Владимиром», «Александр Невский», «Иван III и освобождение от татарского ига», «Иван Грозный», «Петр Великий»). См.: *Schmiegelt U.* Rußland.

[206] См.: *Renner*. Russischer Nationalismus. S. 127.

[207] См.: *Kappeler*. Vielvölkerreich. S. 331. Статистика касается соответствующей группы населения старше 10 лет. В абсолютных цифрах в 1897 г. среднюю школу посещали из около 55,7 миллиона русских около 1,6 миллиона человек. См.: Ibid. S. 323. [См. перевод: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 299. — *Примеч. ред.*]

[208] Образ Невского в устной традиции русского фольклора не стоит считать выражением описанной Ассманом «коммуникативной памяти». Скорее, его следует отнести к не передававшейся письменно ветви культурной памяти. См. для сравнения: *Assmann*. Kulturelles Gedächtnis. S. 48ff.

[209] Плач холопов / Описание холопской несчастной жизни. Цит. по: *Begunov*. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands. S. 119. Этот плач напоминает о мифе о «добром царе-освободителе», как его описывает Дэниел Филд. *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 1—29 («The Myth of the Tsar»).

[210] См.: *Коринфский*. Народная Русь. С. 348—350. См. также: *Хитров*. Александр Невский. С. 213—214; *Малинин*. История России для народа. М., 1879. С. 96—97. Коринфский говорит, что эта легенда была одной из многих распространенных легенд о Невском.

[211] См.: *Tolz*. Russia. S. 79, 105; *Renner*. Russischer Nationalismus. P. 116.

[212] Русская энциклопедия / Ред. С.А. Адрианов. СПб, 1911. Т. 1. С. 216—217.

[213] «Военной помощью татар А. был посажен на вел. княжении во Владимире». «Попытки татар (1257, 1259) произвести перепись и обложить данью Новгород увенчались успехом при содействии А., и лишь бегством спасся он от народн. возмущения» (Русская энциклопедия. С. 216).

[214] *Cherniavsky*. Tsar and People. P. 192.

[215] *Мансикка*. Житие Александра Невского. Через два года Шляпкин опубликовал первое исследование по истории иконографии Александра. См.: *Шляпкин*. Иконография.

[216] *Leitsch*.Weltbild. S. 202.

[217] «Это были народы германского племени — шведы и немцы. Уже несколько веков германское племя теснило славян, все стремясь расшириться к востоку» (*Ефименко*. Учебник русской истории. С. 57).

[218] *Ефименко*. Учебник русской истории. С. 59—60.

[219] См.: *Stökl*. Russische Geschichte. S. 627.

[220] См.: *Jahn*. Patriotic Culture. P. 173ff.

[221] См.: *Картинке*. Война русских с немцами. Пг., 1916. См. об этом также: *Шляпкин*. Иконография. С. 97.

[222] «Ледовое побоище 5 апреля 1242 года». Патриотическая открытка «общества 1914 года». Ил. в: *Stricker G.* Rußland. Berlin, 1997. S. 113.

[223] См.: *Замятин Е.* Мы. М., 1990. С. 13. После Октябрьской революции ледокол был переименован в «Ленин». Именем Александра Невского с XVIII в. назывались корабли русского флота. См. об этом: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 295 («Александр Невский — историческое имя судов русского флота»).

[224] *Новинский Н.* Ледовое побоище. Сражение с немцами в 1242 году. Ярославль, 1914. Изменение фокусировки официального прочтения на антинемецком моменте очевидно и в произведении П. Алексеева «Нашествие татар. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Невская битва и Ледовое побоище» 1913 г., переизданном в 1915 г. Алексеев создает жизнеописание Александра по образцам национального дискурса, все еще в контексте истории «монгольского нашествия», а не как часть «извечной» немецко-русской «борьбы».

[225] *Новинский*. Ледовое побоище. Текст на обложке.

[226] Там же. С. 3.

[227] Там же. С. 15—16. Упомянутое «слово» Александра берет начало в изображении битвы в «Повести» (С. 193), где в уста князя вложены слова из 43-го псалма, 1 (в слегка измененной форме). См.: *Lilienfeld*. Erzählung. S. 144.

[228] О сравнении антинемецкой визуальной пропаганды в Первой мировой и Великой Отечественной войнах см.: *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30—50-х годов // Образ врага / Ред. Л. Гудков. М.: О.Г.И., 2005. С. 191—229.

[229] *Jahn*. Patriotic Culture. P. 173. См. также: *Knight*. Ethnicity, Nationality and the Masses. P. 41.

[230] См., в частности: *Rogger*. Nationalism and the State; *Ferenczi C.* Nationalismus und Neoslawismus in Russland vor dem Ersten Weltkrieg // Forschungen zur osteuropdischen Geschichte. 1984. Bd. 34. S. 7—128; *Kappeler*. Remarks; *Löwe H.-D.* Russian Nationalism and Tsarist Nationalities Policies in Semi-Constitutional Russia 1905—1914 // New Perspectives in Modern Russian History / Ed. R.B. Mc Kean. Houndmills, 1992. P. 250—277.

[231] *Jahn*. Patriotic Culture. P. 177.

7. СВЕРЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА (1917—1937)

С крушением старого порядка в 1917 г. наступила новая эпоха и для Александра Невского. На протяжении всей долгой истории его памяти князь, почитавшийся святым, не вызывал такого количества нападок и недоброжелательства, как в первые два десятилетия большевистской власти. Коммунисты запустили механизм культурной революции, в ходе которой была объявлена война практически всем символам и ценностям старого порядка. Александр Невский представлялся новой власти символом прежнего режима по трем причинам. При жизни он был князем и феодалом, т.е. угнетателем и эксплуататором. После смерти он был канонизирован и, таким образом, стал для православной церкви объектом культа святых и их мощей, глубоко осуждаемого большевиками. Наконец, Александр попадал под подозрение, поскольку, будучи русским национальным героем, служил символом имперского великорусского шовинизма. Поэтому большевики вели борьбу против Александра Невского сразу по трем направлениям: на «историческом фронте» классовой борьбы, в связи с антицерковной и антирелигиозной пропагандой, а также по линии подавления великорусского национализма.

В 1917—1937 гг. большевики использовали в борьбе с Александром Невским двойную стратегию — сочетание клеветы и вытеснения. В картине мира молодого Советского Союза князь считался «пособником новгородского торгового капитала» и эксплуататором «простого народа». Антирелигиозная пропаганда язвительно высмеивала культ святого и его мощей. Вместе с другими русскими князьями, царями и императорами его изгнали из учебников истории. Александр Невский оставался пригоден лишь в качестве негативного символа размежевания со старым режимом. Очевидно, новые власти с большим удовольствием полностью стерли бы его из русской культурной памяти. Он не вписывался в новый исторический нарратив и не укладывался в большевистскую концепцию

коллективной идентичности. Его имя воплощало все три основания ненавистного имперского порядка — православие, самодержавие и (русскую) народность, которым теперь была противопоставлена новая триада — атеизм, диктатура пролетариата и интернационализм.

Как и в начале XVIII в., после 1917 г. Александр Невский превратился из символа синхронного размежевания мы-группы с внешним миром в символ диахронного разграничения внутри страны. Однако в отличие от Петра, включившего Невского как измененный позитивный образ в новую имперскую знаковую систему и создавшего из него символ размежевания со старым Московским царством, большевики (поначалу) не стремились подверстать Невского к своим нуждам и интегрировать его в новую знаковую систему.

Борьба большевиков за власть над русской культурной памятью оказалась еще более трудной и длительной, чем за власть политическую. Александр Невский в 1917—1937 гг. не ушел в забвение. С одной стороны, память о нем сохранялась в православных общинах. Церковный дискурс о святом сохранился и пережил даже эпоху репрессий и преследований православной церкви. С другой стороны, Александр Невский нашел прибежище в литературе русской эмиграции. Особое уважение он вызывал у евразийцев. Мудрая монгольская политика Александра стала причиной, по которой евразийцы превратили Невского в положительный персонаж русской истории и обеспечили изгнаннику политическое убежище в собственном мировоззрении.

7.1. Изменившийся исторический нарратив

Большевики преследовали Александра Невского как символ старого порядка. Отношение к его фигуре после Октябрьской революции едва ли отличалось от отношения к другим князьям, святым или царям из русской истории. Именно поэтому можно интерпретировать историю образа Александра Невского в 1917—1937 гг. как типичный пример исторического самосознания новой власти и как отражение ее революционного концепта коллективной идентичности. При всем том анализ революционно-большевистского дискурса об Александре Невском оказывается более сложным, чем исследование истории памяти об этой фигуре в другие эпохи. Это

связано в первую очередь с тем, что в начальные десятилетия большевистской власти в Советской России не вышло ни одной самостоятельной публикации об Александре Невском, его имя чаще всего отсутствует в официальных учебниках по истории, и в качестве источников нового образа Александра Невского можно привлечь лишь несколько текстов и изображений. Требует объяснения не только новая интерпретация исторической фигуры (которая может быть описана из-за скудости источниковой базы лишь схематично), но и сама лакуна в новом историческом нарративе.

Историческое самосознание большевиков было отмечено двумя на первый взгляд противоречащими друг другу чертами. С одной стороны, творцы культурной революции сильнее интересовались будущим, чем прошлым. В текстах заметно, «сколь мало переворот был обоснован отношениями с "историей", сколь редко революция 1917 года вписывалась в исторический процесс... Прошлое было хотя и не забыто, но в своем роде нерелевантно. Казалось, что с революцией история закончилась»[1]. После Октябрьской революции история столь сильно потеряла в значимости, что даже одноименный учебный предмет не преподавался в школах нового Советского государства. Строители нового порядка, сфокусированные на будущем, отрекались от прошлого и описывали Октябрьскую революцию как космогонический миф, как событие без предыстории, происходившее в историческом вакууме.

С другой стороны, большевики, и прежде всего Ленин, указывали на собственную историческую миссию, осознавали себя последним звеном в цепи великих исторических фигур. Взамен свергнутым памятникам старого порядка, статуям царей и их подвижников в 1918 г., в первую годовщину революции, новые правители воздвигли в Петрограде и Москве новые монументы своим прародителям и героям[2]. Список выбранных для памятников имен позволяет сделать выводы об историческом сознании большевиков, преодолевшем национальные границы. Своим происхождением оно было обязано исторической концепции марксизма, и в центре его находилась идея социально мотивированного противостояния господствующим классам. В список вошли как Робеспьер, Дантон, Гейне, Маркс и Энгельс, так и Болотников, Радищев, Герцен, Бакунин, Шевченко[3]. Однако историческая монументальная пропаганда большевиков исчезла столь же быстро, как и возникла.

Скорый отказ от увековечения памяти замечательных личностей может объясняться и тем, что марксистская школа историче-

ской науки считала, что значение индивидуума в ходе истории — величина исчезающе малая. Историческая личность играла в их теории подчиненную роль. Эту мысль подтверждают труды Михаила Николаевича Покровского (1868—1932), без сомнения важнейшего представителя ранней марксистской исторической школы в Советской России[4]. Покровский занимал пост заместителя комиссара народного просвещения РСФСР (Наркомпроса) и многочисленные должности в руководстве наукой[5]. Таким образом, он имел возможность оказывать влияние на советскую историческую науку. На пике карьеры Покровский контролировал обучение истории, педагогическое образование, научные исследования и издательскую деятельность[6]. Обзор русской истории Покровского под названием «Русская история в самом сжатом очерке» (1920) удостоился личной похвалы Ленина и рекомендации в качестве учебника[7]. К середине тридцатых годов книга, ставшая официальной картиной истории, была введена в советских школах и послужила образцом для многих других учебников.

В содержательной части «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровского имя Александра Невского не встречается ни разу[8]. Князь упомянут лишь в сводных таблицах, помещенных в конце учебника, очевидно, по указанию Ленина[9]. В части таблицы, посвященной XIII в., в разделе «Главные события внешней истории» автор замечает: «Новгород... отбивается на Западе (разгром шведских “крестоносцев” на Неве 1240 и немецких на Чудском озере 1242)»[10].

В графе «XIII век. Главные события внутренней истории» сделано примечание:

> Попытка Александра Невского, пользуясь затруднительным положением Новгорода в борьбе с западными «крестоносцами» и опираясь на татарскую помощь, провести и здесь суздальские порядки успеха не имела. Новгород становится фактически вечевой республикой[11].

Упоминая в своей работе Александра Невского, Покровский действует в духе характерной для эпохи двойной стратегии замалчивания и критики. В содержательной части книги автор наказывает князя невниманием. В синхронистических таблицах он разрывает связь имени Александра Невского с победоносными сражениями 1240 и 1242 гг., обвиняет князя в стремлении использо-

вать уязвимое положение Новгорода для уничтожения демократических структур вечевой республики и ввести с помощью монголов княжескую власть в городе. Александр превращается из спасителя Новгорода в его врага.

Можно назвать четыре существенные причины такого безжалостного обращения Покровского с Невским[12]. Будучи марксистом и убежденным представителем исторического материализма, Покровский создает русскую историю, в которой все исторические феномены представлены как следствия материальных отношений в обществе. Опираясь на установки исторического материализма, ведущий советский историк своего времени писал русскую историю не как последовательность событий и действий исторических личностей, но направлял внимание на экономическую и социальную историю страны, в свою очередь включенную в европейскую и всемирную экономическую историю. Покровский понимал исторический процесс прежде всего как результат классовой борьбы. Не отрицая существования правителей и личностей в истории, он рассматривал их поступки и идеи как зависимую производную от социально-экономических отношений определенной эпохи. Дипломатическая и военная история интересует его намного меньше, чем история «внутренних конфликтов», т.е. классовой борьбы в России. В этом историческом нарративе одержанные русской армией победы либо вовсе игнорируются, либо их значение оценивается весьма невысоко. Отказ от истории государства, низкая оценка роли индивидуума в историческом процессе и сведение военных успехов к незначительным фактам можно рассматривать как первый комплекс причин, по которым в базовом учебнике по русской истории Покровского не уделяется внимания Александру Невскому.

Вторую причину такого невнимания к Александру Невскому можно усмотреть и в том, что Покровский почти не интересуется древнерусской историей. В «Русской истории в самом сжатом очерке» он отводит эпохе Киевской Руси и раздробленности всего несколько страниц[13]. Главное внимание историка направлено на социально-экономическое развитие России в XVIII—XIX вв. Выбор этого периода как наиболее существенного также приводит к тому, что не слишком лестные отзывы о Невском появляются лишь в таблицах, а не в самом тексте работы.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Покровский и обратился в своем историческом очерке к биографии князя, он, вероятно, не оставил бы от положительного образа Александра

Невского камня на камне. «Патриарх» марксистских историков не скрывал своего убеждения в том, что история является политической наукой. Он отрицал возможность объективного рассмотрения и изображения прошлого и защищал тезис о том, что каждый класс способен описывать исторический процесс только со своей собственной точки зрения и для своей собственной выгоды. «История», гласит часто цитируемая формула Покровского, «это политика, опрокинутая в прошлое»[14]. Поэтому книга по истории для Покровского является не собранием фактов, но частью определенного мировоззрения, идеологии. Рассматривая историю в духе марксистской доктрины единства теории и практики, т.е. не только как отражение идеологии какого-либо класса, но и одновременно как оружие в классовой борьбе, Покровский видел свою задачу в том, чтобы дать русскому пролетариату после победы в Октябрьской революции новый исторический нарратив[15]. Очевидным следствием этого подхода стал тот факт, что в очерке русской истории Покровский объявил войну представителям того класса, над которым пролетариат только что одержал победу и с которым он еще продолжал бороться.

У Покровского не могло быть сомнений в классовой принадлежности Александра Невского. Жизнь новгородского князя пришлась на ту эпоху русской истории, которую историк называет переходным периодом от рабовладельческого общества к эпохе классического феодализма[16]. «Величайшие из феодалов», князья, полагает Покровский, «не только грабили, а увлекались военной славой»[17]. С точки зрения историка-марксиста, Александр Невский без сомнения принадлежал к классу правителей-феодалов. У новгородского князя было и отягчающее вину обстоятельство: он выигрывал не только от феодального порядка, но и от мирной монгольской политики и внес существенный вклад в ее укрепление. Покровский полагает, что именно монголы (или, как он их называет, «татары») «не только разорили города и увели население в плен, но, упрочивая свою власть, они с корнем вырвали всюду... городскую свободу»[18]. Покровский не скрывает своей симпатии к новгородской вечевой демократии, которая «в действительности» была «республикой»[19]. Новгород, по его мнению, был последним бастионом «городской Руси», павшей после «татарского нашествия». Упрек, который историк-марксист мог бы обратить Александру Невскому, состоял в том, что князь участвовал в разгроме «городской» и становлении «феодальной» Руси, хотя ему и не уда-

лось разрушить новгородскую вечевую демократию. Такого рода оценки можно назвать третьей причиной, по которой Покровский в своем труде отвернулся от Александра Невского.

Будучи марксистом, Покровский враждебно относился к христианству. Критическая оценка православной церкви кажется четвертой причиной его сдержанного отношения к Невскому. Тот факт, что первая «биография» Невского была написана монахом и что православное духовенство стало вскоре после его смерти почитать князя святым, должен был вызвать недоверие Покровского. Историк обвинил православную церковь не только в объединении с русскими феодалами, но и в сотрудничестве с монголами. «Татарское иго» было выгодно церкви, поскольку сохраняло ее независимость от князей. Митрополит Владимирский вступил в прямые отношения с ханом, выхлопотал у него освобождение от уплаты дани и независимость от княжеского суда и расплатился включением имени монгольского правителя в свои молитвы. Лишь один шаг разделял эту позицию и тезис о том, что православная церковь канонизировала Александра прежде всего из-за его дружественной политики по отношению к монголам.

Все же мысль о том, что церковь причислила Александра к лику святых потому, что его промонгольская политика служила интересам клира, отсутствует в «Русской истории» Покровского. Однако она присутствует в статье о князе, опубликованной в 1926 г. в «Большой советской энциклопедии». Эту статью можно считать своего рода резюме образа Александра Невского в марксистской историографии двадцатых годов[20]:

> Оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, с успехом ограждая его интересы в войнах со шведами, ливонцами и литовцами... В 1252 А. достает себе в Орде ярлык на великое княжение, т.е. становится старшим русским феодалом, при верховном сюзерене-хане. Скоро между обеими сторонами — ханом и татарами, с одной, вел. кн. А. и «лучшими» людьми, боярством и купечеством (интересы к-рых он выражал) — с другой, создается тесный союз на почве взимания с населения дани. Татары, завоевав Русь, обложили данью все население, причем брали одинаковую сумму как с бедного, так и с богатого. Естественно, это было невыгодно «меньшим людям», «черни», к-рая поэтому и волновалась. В задачу князя входило усмирять ее, склонять к повиновению. В этом отношении особенно много хлопот причинял Великий Новгород...

> Но и в других городах — Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле — также происходили на этой почве беспорядки, доходившие до того, что в 1262 по приговорам «веч.» из них были выгнаны татарские сборщики дани... Русская церковь, хорошо ладившая с ханом, оценила «мирную» политику А. по отношению к татарам и объявила его святым[21].

Статья из первого издания «Большой советской энциклопедии» является одним из ключевых источников официального дискурса об Александре Невском 1917—1937 гг. Ее можно рассматривать как выражение нового прочтения фигуры в идеологическом каноне большевиков. Сравнение с более поздней статьей в БСЭ (1950 г.) особенно наглядно демонстрирует, сколь малое значение придавалось этой фигуре в 1920-е гг. Статья 1926 г. умещается всего на сорока двух строках (около четверти страницы), статья, вышедшая спустя 24 года, занимает уже более трех страниц энциклопедии[22].

Александр Невский в первом издании БСЭ представлен как классовый враг. Автор подчеркивает, что, будучи князем и великим князем, Александр представлял интересы бояр, купцов и монгольских оккупантов, т.е. врагов крестьян и ремесленников. Из-за классовой принадлежности Александра теряют значимость его исторические заслуги, прежде всего военные победы. Они либо вытесняются из картины мира — как битва на льду Чудского озера — или даже перекодируются и оказываются событиями отрицательной символической ценности[23]. Его победы над Швецией, литовцами и «ливонцами» оказываются теперь не славными страницами истории Новгорода, Руси или России, а лишь вехами в истории деятельности классового врага.

Автор статьи в энциклопедии концентрирует свое внимание на том периоде, когда Александр занимал великокняжеский престол во Владимире, т.е. на той части его биографии, которая представляет интерес с «внутриполитической» точки зрения. Ему кажется важным, что князь помогал монголам установить данничество на Руси и сломить сопротивление населения. Восстания в Ростове, Суздале, Владимире и Ярославле он трактует не как патриотическое движение против чужой власти, а как выступление низших слоев против коалиции князя, бояр, купцов и татар, т.е. как выражение классовой борьбы. Такая интерпретация соответствовала доктрине исторического материализма, согласно которой исторический процесс должен быть понят и описан только как последо-

вательность социально-экономических формаций и как история классовой борьбы. Жизнеописание Александра Невского было встроено в этот новый исторический нарратив. Единственная позиция, которую князь мог занять в этом повествовании, находилась в стане врагов, а именно («внутренних») классовых врагов, занявших место врагов «внешних».

Уничтожающую биографию Александра Невского венчает в первом издании БСЭ упоминание о его канонизации. Не остается никакого сомнения в том, что православная церковь объявила его святым из-за «мирной политики» по отношению к татарам. Представители церкви не выступали в XIII в. на стороне «простого народа», но оказались в одном лагере с его классовым врагом. Причислить князя после смерти к лику святых православную церковь побудили не его заслуги перед страной и не упорство в вере перед внешним врагом, а его эксплуататорская политика.

Краткая статья об Александре Невском в БСЭ демонстрирует, насколько сильно Покровский с его требованием приспособления истории к актуальным политическим задачам повлиял на формулирование нового исторического канона в годы после Октябрьской революции. Без знания политической программы большевиков едва ли возможно объяснить новую интерпретацию биографии Александра Невского в энциклопедии 1926 г. Образы князя, новгородских купцов и православной церкви стали отражением современной большевистской пропаганды, отражением образов врагов: царя, попа, кулака, капиталиста-буржуя.

В долгой истории памяти об Александре его образ претерпел многочисленные изменения. Множество раз его биография подгонялась под изменившийся исторический нарратив, его имя использовалось как аргумент в политических спорах. Однако провокационный тезис о том, что каждое высказывание какого-либо историка определяется его классовой точкой зрения, и логически вытекающее отсюда политическое требование инструментализации истории пролетариатом маркируют качественно новый поворот в истории памяти о Невском. Если в дореволюционное время история князя Александра часто использовалась как аргумент, то советскому государству она должна была служить оружием. Даже после «свержения» в тридцатые годы Покровского с пьедестала главного представителя исторической науки в СССР подчинение прошлого политическим потребностям настоящего осталось важнейшей чертой советской историографии. Бывшего ведущего

марксистского историка критиковали за открытое выступление в пользу инструментализации прошлого, однако от этого не изменился сам способ обращения с прошлым. История и впредь приспосабливалась к актуальной политической генеральной линии. Однако результат этого приспособления объявлялся теперь не субъективной интерпретацией пролетарской классовой точки зрения, но «объективной истиной».

7.2. Десакрализация святого

Начав в октябре 1917 г. разрушение прежнего режима, большевики объявили войну как религии, так и институтам, считавшимся защитниками религиозной жизни в стране[24]. Стремившаяся к прогрессу новая власть считала религиозные чувства и убеждения симптомами отсталости. Она стремилась заменить веру людей научно-материалистическим и атеистическим мировоззрением. Религиозность и коммунистические убеждения вступали для большевиков в непреодолимое противоречие[25]. Научное просвещение и антирелигиозная пропаганда призваны были помочь преодолеть веру людей в сверхъестественное. Православная церковь была ненавистна коммунистам не только из-за ее ведущей роли в имперской России. Повседневная жизнь большинства русского населения до начала XX в. была проникнута религиозными чертами, поэтому церковь, имевшая влияние на веру по крайней мере двух третей населения, была важнейшим конкурентом большевиков в борьбе за убеждения людей[26]. Картина мира, пропагандировавшаяся православной церковью, была несовместима с воинствующим атеизмом новой идеологии.

Вера в святых также противоречила пропагандировавшемуся большевиками атеистическому мировоззрению. С их точки зрения, культ святых был для правящих классов средством удерживать в зависимости бессловесный и необразованный народ. Культурная революция была непримирима по отношению ко всем формам выражения святопочитания. Борьба с культом мучеников, страстотерпцев, аскетов и юродивых, чудотворцев и святых князей была направлена на перестройку старой символической системы координат и прямо вторгалась в жизненный мир людей.

Первой мерой большевиков, которую невозможно не упомянуть в этой связи, стала календарная реформа. Советы не только заме-

нили использовавшийся до сих пор юлианский календарь григорианским, но и объявили недействительным старый годовой праздничный цикл: последовательность тезоименитств и коронаций, а также религиозных праздников. Его место занял секуляризованный «Красный календарь», включавший новые праздники, санкционированные государством[27]. В этом новом календаре не было места дням памяти святых. Праздники в честь важнейших русских национальных святых потеряли ранг государственно-религиозных мероприятий и превратились в церемонии частного церковного характера. Крестные ходы в дни праздников могли теперь проходить лишь по разрешению коммунистических властей, и после Гражданской войны получить такое разрешение было, как правило, невозможно. Таким образом, введение нового летосчисления сопровождалось вытеснением религиозной жизни из публичной сферы.

Вторая мера, предпринятая большевиками в борьбе с православным святопочитанием, касалась традиции выбора имени для новорожденных в Советской России. *Dies natalis* какого-либо святого был и остается в православном мире одновременно не только днем его памяти, но и именинами людей, крещенных именем святого. В ходе секуляризации летосчисления большевики объявили именины, способствовавшие сохранению памяти о небесном покровителе, контрреволюционным праздником[28]. Коммунистические идеологи полагали, что в будущем новорожденные советские граждане на «красных крестинах» должны получать не христианские имена, но лишь те, которые напоминают о жизни и идейном мире революционной России[29].

В-третьих, большевистская пропаганда, направленная против православного культа святых, обрушилась на поклонение смертным останкам «божьих людей». Вера в нетленность останков человека, исполненного Божьей благодатью, входила в противоречие с материалистической картиной мира большевиков. Для них вера в чудо была реликтом старого времени. Они стремились доказать, что большинство «ковчегов с мощами» были либо пусты, либо — как и другие могилы — содержали лишь несколько косточек. Каждый случай, в котором невозможно было отрицать мумификации останков, идеологи пытались демифологизировать путем естественнонаучных объяснений[30].

Поскольку Александр Невский занимал видную позицию в сонме святых Русской православной церкви, он не мог не оказаться

прямо на линии огня антирелигиозной кампании большевиков. Место его захоронения, Александро-Невская лавра в Петрограде, после Октябрьской революции стало одним из мест символической борьбы между революционными и инерционными силами в стране. В январе 1918 г. Александро-Невская лавра была ареной первого силового противостояния между СНК и православной церковью[31]. 14 января настоятель монастыря получил распоряжение Наркомата государственного призрения очистить помещения лавры, включая покои митрополита, и предоставить площади для размещения бездомных. Когда 19 января комиссар Иловайский в сопровождении 17 вооруженных красноармейцев и матросов появился в лавре для насильственной реализации этих требований, дело дошло до рукоприкладства и стрельбы, во время которой был смертельно ранен один из представителей церкви. События 19 января и последующих дней дали большевикам понять, что их власть в Петрограде еще не укрепилась окончательно. В воскресенье 21 января 500 тысяч верующих (по церковным данным) выразили свою солидарность и поддержку православной церкви участием в процессии[32]. Перед лицом этого противодействия большевистское руководство города на время отказалось от планов занятия монастыря[33]. Руководство Петроградской епархии еще располагало «значительными и действенными силами, с которыми могло противостоять государственным органам»[34].

В споре за здания лавры речь шла не только о жилой площади. Действия большевиков были направлены против церкви как институции и, в частности, против монастырей. К тому же Александро-Невская лавра, благодаря наличию мощей небесного покровителя города, наряду с Петропавловским собором была одним из двух старейших символических и сакральных центров Санкт-Петербурга / Петрограда. Кроме того, лавра в северной столице являлась одним из четырех главных монастырей православной Руси. Потому попытку захвата новыми властями этого места можно оценить и как символический акт, нацеленный на овладение пространством и символической топографией бывшей столицы и всей страны.

Советы в Петрограде претендовали не только на здания Александро-Невской лавры. Вскоре их интересы коснулись и ее центра, места важного символического значения, гробницы святого. Поклонение останкам Александра Невского было для коммунистов невыносимым уже потому, что они вообще отвергали православный культ святых и мощей. Гробница князя волновала умы петро-

градских большевиков, поскольку именно она ежегодно оказывалась конечной целью крестного хода через весь город. В ходе революционного переустройства топографии и культуры праздников Петрограда они стремились разрушить старые символические полюсы в городе и заменить их новыми[35]. И в случае с гробницей Александра Невского Советы придерживались стратегии демистификации. Они стремились открыть могилу святого и продемонстрировать публике, что не существует «мощей» и что церковь столетиями обманывала народ пустой ракой.

Борьба с православным культом мощей по всей стране поддерживалась советским правительством в Москве. 14 марта 1919 г. Народный комиссариат юстиции опубликовал официальный отзыв, в котором говорилось, что следует приветствовать открытие могил святых. До тех пор, согласно этому документу, все проверки такого рода показывали, что ни в одной из могил «мощей» не оказывалось:

> Вскрытие мощей, производимое на местах... необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на поверку оказывается, что никаких «мощей» не существует, и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культа, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы[36].

Очевидно, из страха повторения вооруженных столкновений с православным духовенством и верующими представители наркомата советовали при открытии захоронений «гарантировать соблюдение известного такта по отношению к религиозным чувствам сторонников православной религии»[37]. Акция не должна была проходить во время богослужения, а также приходиться на дни, особенно значимые для монастырской жизни. Следует обратить внимание, что при исследовании «мощей» присутствовали представители духовенства — в идеальном случае местный епископ. Наркомюст предлагал переложить сам процесс вскрытия гроба на представителей церкви — очевидно, наибольший эффект ожидался от разоблачения собственного «обмана» служителями культа. Наряду с духовенством при открытии гробниц должны были непременно присутствовать представители ВКП(б), рабочих организаций, местных властей, врачи (как представители «науки»), а также фотографы и операторы. Наркомюст советовал тщательно документи-

ровать все происходящее и составлять детальный протокол исследования, требуя его подписания от представителей церкви[38].

Местные власти северной столицы благосклонно принимали к сведению директивы из Москвы. В письме Комиссариата юстиции «Союза коммун Северной области» (СКСО) [39] в президиум Петросовета от 24 марта 1919 г. содержался призыв — с указанием на только что процитированное решение наркомата — в ближайшее время произвести вскрытие раки Невского[40]. Представители регионального Комиссариата юстиции сочли, что пришло время подвергнуть «мощи» Александра научному анализу. Они указывали, что по сей день остается неизвестным содержимое раки в лавре. По городу ходили многочисленные противоречивые слухи по этому поводу, «волнующие ум темного, непросвещенного и суеверного народа»[41]. Комиссариат даже выразил опасение, что различные мнения и вызванные таким образом ссоры могут «вызвать народное волнение»[42]. Публичное исследование гроба Александра Невского оказывается в письме регионального Комиссариата юстиции «необходимым» средством сохранения внутреннего порядка в городе.

Следует исходить из того, что предложение Комиссариата юстиции СКСО встретило согласие со стороны Президиума Петросовета[43]. Однако в начале 1919 г. длинные руки большевистской власти в Петрограде еще не проникли за стены Александро-Невской лавры. Настойчивое желание атеистических властей города допустить политическую и научную комиссию проинспектировать содержимое раки с мощами наталкивалось на упорное сопротивление духовенства. Как и год назад, весной 1919 г. православному клиру удалось защитить монастырь и его священный центр от большевиков[44].

До конца Гражданской войны мало что изменилось в отношениях Петросовета и городского духовенства. Как только в Петроград проникли слухи о том, что правительство вновь планирует вскрытие гробницы небесного покровителя города, митрополит Вениамин обратился «от лица многих тысяч верующих, в числе которых немало рабочих и крестьян» к председателю Петроградского совета Г.Е. Зиновьеву с настоятельным призывом воздержаться от вскрытия и конфискации раки с мощами Александра Невского[45].

До зимы 1921/1922 г. петроградскому духовенству удавалось сохранять свои позиции. Епархиальные власти обязались сохранять нейтралитет во время Гражданской войны. Поэтому отношения между городскими властями и митрополитом казались «внешне даже лояльными. Многочисленные антицерковные акции того

времени в Петрограде или вообще не проводились, или были частично смягчены»[46]. Весной и осенью 1921 г. губисполком даже разрешил церкви проведение крестного хода из всех храмов к Александро-Невской лавре. Последняя праздничная религиозная процессия такого рода прошла в Петрограде 19 сентября 1921 г.[47].

Зимой 1921/1922 г. дело приняло иной оборот. После окончания Гражданской войны власть большевиков в РСФСР укрепилась. Одновременно во всей стране разразился голод, пробудивший у коммунистических властей стремление добраться до имущества православной церкви. Идея конфисковать церковные ценности, продать их за рубеж, а на вырученные деньги оказать помощь голодающим в стране была выдвинута Троцким и поддержана Лениным[48]. Однако, как только в рядах духовенства и прихожан сформировалось стремление противостоять такому изъятию, борьба за конкретные культовые предметы переросла в кровавую войну с самой православной церковью как институтом[49]. Духовенство было бессильно против аргумента, связывающего конфискацию сакральных ценностей и помощь голодающим. Любая форма противостояния клеймилась большевистской пропагандой как выражение антинародного, контрреволюционного и немилосердного поведения церкви. Ленин даже назвал сопротивление церкви «фашистским»[50].

В ходе силового противостояния за церковные сокровищницы по всей стране было сломлено и сопротивление петроградского клира против вскрытия раки с мощами Александра Невского. Рака, шедевр прикладного искусства елизаветинской эпохи, была сделана из чистого серебра и весила около полутора тонн[51]. Неудивительно, что внушительная серебряная пирамида привлекла внимание большевиков. Иконоборцы учитывали лишь материальную ценность, а она, несомненно, была значительной. Они планировали переплавить барочную раку и направить полученные от продажи драгоценного металла средства на борьбу с голодом[52]. Демонтаж и конфискация серебряной раки одновременно должны были использоваться для того, чтобы провести давно планировавшееся исследование и еще сильнее подорвать авторитет православной церкви в городе.

Вскрытие раки с мощами 12 мая 1922 г. прошло в полном соответствии со сценарием, предписанным Наркомюстом 14 марта 1919 г.[53]. В мероприятии приняло участие около 300 человек. Среди них были представители партии и губисполкома, рабочих и сол-

дат, высшего духовенства (включая митрополита Вениамина, делегата от Совета верующих), судебный медик, юрист, представитель музея и фотограф. Три слесаря разобрали серебряную пирамиду, затем представителей церкви попросили открыть запечатанную раку. В маленьком деревянном ларце находились семь темных старых костей человеческого скелета, черная монашеская ряса, осколки костей в бумажном конверте и грамота с подписью митрополита, свидетельствующая о том, что в последний раз раку открывали 24 июня 1917 г. в ходе подготовки эвакуации Петрограда в связи с угрозой немецкого наступления[54]. После того как ученые и эксперты засвидетельствовали содержимое ларца, он был вынесен на середину церкви, чтобы ожидавшая толпа могла рассмотреть результаты вскрытия. Вся процедура была задокументирована присутствовавшими фотографами и операторами[55]. По окончании священники вновь запечатали ларец и закрыли его в алтаре Троицкого собора[56]. Серебряная рака была погружена на грузовик и увезена[57].

В течение нескольких дней отрезвляющие, как полагали большевики, для верующих результаты исследования были объявлены коммунистической петроградской прессой разоблачением «нового обмана спекулянтов в позолоченных ризах»[58]. Теперь была раскрыта «комедия, которой целыми веками дурманили отсталые и безграмотные рабочие массы»[59]. Газеты торжествовали: «Шарлатанство раскрыто, сфотографировано, снято даже кинематографом, и теперь лента пойдет гулять по свету — к великому стыду “отцов”, торговавших чудесами»[60]. «Чудес нет!» — сообщал один из авторов с говорящим псевдонимом Марк Сист. «Все, что происходило перед глазами зрителей, — пишет он, — далеко было от чудесного и нового»[61]. Содержание саркофага Александра Невского, эта «куча рухляди», нисколько не отличалось от других гробниц святых — «те же полусгнившие косточки и полуистлевшие тряпочки»[62].

Особого внимания заслуживает в этой связи одна статья из петроградской прессы, рассказ одного из участвовавших в демонтаже серебряной пирамиды слесарей, опубликованный под заглавием «Как мы вскрывали» 13 мая в «Красной газете». Рабочий по фамилии Романов описывает предполагаемое впечатление от открытия могилы «простого верующего народа». Не столь важно, является ли этот текст аутентичным описанием, важнее, что он проливает свет на планировавшееся большевиками просветительское воздействие всего процесса. Слесарь сообщает, что коллектив занятых на мероприятии рабочих состоял из одного члена коммунистической

партии и двух глубоко верующих людей. Один из «очень религиозных слесарей» рассказал по окончании работ, что квартирная хозяйка поутру отговаривала его идти на работу в лавру. Она сказала, что, пойдя туда, он будет впоследствии наказан Богом. Он может потерять зрение, руку или ногу. То, что он увидел, говорит «верующий слесарь», имело мало общего с нетленными останками Александра Невского, о которых не раз рассказывал ему его дед[63]. Кости в гробу не произвели на него никакого впечатления. Он так и сказал своему напарнику: «Мои кости пролежат тоже 500—700 лет и более и сохранятся лучше, чем здесь»[64]. Заключение его было таково: «Так что мощи — это есть обман нас, рабочих, тружеников»[65].

Рассказ религиозного рабочего, превратившегося после вскрытия раки с мощами Александра Невского в атеиста, соответствует ядру идеальной коммунистической биографии: рабочий православный христианин призывается большевиками к исполнению миссии, он игнорирует протесты настойчивых отсталых сил в своем ближайшем окружении и с помощью партии узнает, что раньше его обманывали его деды и церковь. Он отворачивается от старого мира и узнает, что все люди равны перед смертью и что он принадлежит к группе трудящихся, которых веками держали в неведении правящие классы. Разоблачение церковного «обмана» пробуждает в нем классовое сознание.

Можно усомниться в том, действительно ли в сознании этого рабочего произошел описанный Романовым переворот. Неясно также, были ли «наивные попытки антирелигиозной пропаганды» (Плаггенборг) настоящей причиной отказа от религии широких масс населения, как это описывается в рассказе рабочего. В сообщении о вскрытии раки с мощами Сергия Радонежского 2 марта 1919 г. говорится, что отсутствие в раке мощей побудило отказаться от веры в святых лишь малую часть православных христиан. Другие видели в покинутом гробе знак нового чуда. Они были убеждены, что святой скрылся на небесах от вмешательства неверующих[66]. Даже если считать антиклерикализм в России двадцатых годов широко распространенным явлением, то же самое можно сказать и об атеизме[67]. Несмотря на отчетливые тенденции к секуляризации, прежде всего среди молодых людей и городского населения, религиозные ритуалы продолжали иметь огромное значение на крестинах, свадьбе и похоронах[68]. В сельской местности до начала коллективизации важную роль играло и иконопочитание[69]. В

середине 1920-х гг. западные путешественники даже видели признаки религиозного ренессанса в Советской России[70].

Несмотря на антиклерикальную политику и антирелигиозную пропаганду большевиков, в 1930 г. Московская патриархия еще насчитывала 30 тыс. приходских общин[71]. Можно предположить, что в этих общинах память о святом князе Александре Невском по-прежнему культивировалась в рамках церковного дискурса. Во многих церквях, здания которых продолжали использоваться для богослужений, могли находиться иконы Александра Невского, в дни памяти святого здесь проходили службы, и, вероятно, верующие обращались к нему как заступнику перед Богом и в других случаях. В 1920-е гг. именем Александр по-прежнему крестили детей, вверяя их тем самым защите этого святого.

Религиозная практика и антирелигиозная пропаганда сосуществовали в Советской России по меньшей мере до конца 1920-х гг.[72]. Как и все остальные православные святые, Александр Невский в это время для одних — православных верующих — был фигурой надежды, для других — антирелигиозных пропагандистов — объектом насмешек. В журнале «Безбожник», выходившем в 1925—1941 гг., можно обнаружить одно из немногих изображений святого в этот период истории памяти о нем. Оно еще раз дает возможность наглядно продемонстрировать негативную репрезентацию этой фигуры (ил. 23). Изображение, датируемое предположительно 1925 г., является типичной антирелигиозной карикатурой той эпохи. Александр Невский изображен среди большой группы святых в одном из задних рядов. Разглядеть можно лишь его головной убор, равно похожий и на монашеский клобук, и на средневековый шлем. Карикатура пародирует стиль икон, изображающих группы святых заступников какой-либо земли или региона. На антирелигиозном групповом портрете на нимбах гротескных фигур святых, там, где обычно надписывались их имена, помещены издевательские прозвища, по которым можно узнать того или иного святого. Сообщество, изображенное на «иконе», не состоит исключительно из святых одной поместной церкви или всех православных церквей. Рядом с образами известных православных святых — например, Бориса и Глеба, Владимира, Ольги и Александра Невского — автор нарисовал двух пап (!). Очевидно, для него важно было разоблачение святости в христианской церкви вообще. Карикатура одновременно является групповым портретом врагов трудового народа: все изображенные фигуры названы эксплуататорами или их пособни-

ками: «св. князь, св. княгиня», «св. царь, св. царица», «боярин», «папа римский», «патриарх», «архиепископ» или «военачальник». Александр Невский назван «св. князем». Как и в новом историческом нарративе школы Покровского, здесь средневековый князь однозначно занимает место в группе негативных фигур идентификации нового большевистского коллектива.

Можно посчитать лишь иронией истории тот факт, что большевики, на одном фланге жестоко боровшиеся с культом святых православной церкви, на другом после 1924 г. создавали личный культ Ленина, структурно едва ли отличавшийся от православного культа «Божьих людей». В то самое время, когда в Советской России были осквернены шестьдесят захоронений святых[73], а культ мощей был осмеян «безбожниками» как шарлатанство, на Красной площади в Москве был сооружен Мавзолей Ленина, центр нового, секулярного культа умерших[74]. Отменив дни памяти святых, большевики объявили день рождения Ленина новым советским праздником. Даже детей «крестили» именем красного универсального «святого» (например, Владлен). Красный угол в русских крестьянских домах стал «ленинским уголком» с изображениями почитаемого демиургом вождя. Поправ образ небесного покровителя Петербурга Александра Невского, большевики переименовали город в Ленинград и вручили его защите «нового мессии»[75].

7.3. Борьба с великорусским шовинизмом

Большевики преследовали Александра Невского не только потому, что князь представлял интересы «эксплуататорского класса» и почитался святым православной церковью. Национального героя подозревали в том, что в XIX в. он сослужил полезную символическую службу великорусскому шовинизму. Как свидетельствует уже упоминавшийся выше список лиц, которым планировалось в 1919 г. установить памятники, большевики распрощались с концепцией коллективной идентичности старого порядка. Место имперского национализма заняли концепции интернационализма и советского федерализма.

Изначально в своих теоретических трудах большевики планировали «заменить донационально легитимированный порядок царской империи постнациональным пролетарско-интернациональным и перескочить фазу развития национального государства»[76].

После 1918 г., однако, произошел отказ от этих идеологических установок. Стало понятно, что власть большевиков может стабилизироваться и устоятся только в случае, если ставить при строительстве Советского государства на национальную карту. Сила национального движения на периферии распавшейся империи требовала прагматической позиции, нашедшей выражение в идее «советского федерализма». Согласно этой доктрине, Советское государство следовало строить как федерацию национальных республик. Народы, еще не развившиеся в самостоятельные и полноценные нации, должны преодолеть этот этап с помощью большевиков, чтобы затем вместе с развитыми нациями достичь ступени развития коммунистического мирового общества[77].

Коммунистические идеологи различали «хороший национализм» ранее угнетенных и эксплуатировавшихся народов и «плохой национализм» народов, ранее игравших роль «эксплуататоров». В бывших колонизованных народах они видели эквивалент угнетенных классов в развитом обществе. Титульная нация, к которой принадлежали представители колониальной власти, соответственно оказывалась эквивалентом эксплуатирующего класса. На русском народе, с точки зрения большевиков, лежало пятно нации-угнетателя в «тюрьме народов» Российской империи. По этой причине новой власти было ненавистно все то, что ранее свидетельствовало о величии русской культуры и истории. Не в меньшей мере это касалось и персонажей, ранее почитавшихся русскими национальными героями, таких как Александр Невский, Петр Первый или Пушкин, а также идеи «самостоятельной» русской истории или кириллического алфавита, который в долгосрочной перспективе должен был быть заменен латинским алфавитом «коммунистического мирового сообщества»[78].

Поскольку русская нация считалась развитой и доминирующей, как политическая категория она оказывалась нерелевантной[79]. В новом дискурсе коллективной идентичности она годилась разве что на роль негативного фона для размежевания. На XII партийном съезде в апреле 1923 г. делегаты от ВКП(б) объявили борьбу против остатков великорусского шовинизма «первейшей современной задачей партии в национальном вопросе»[80]. Эту линию Сталин представлял на XVI партсъезде еще в июне—июле 1930 г. Борьба против великорусского шовинизма дошла до того, что Михаил Николаевич Покровский объявил в 1929 г. «контрреволюционным» даже понятие «русская история»[81]. Если за всеми другими народа-

ми в СССР признавалось наличие собственной национальной истории, «русская история» должна была раствориться в «истории СССР».

Тексты революционно-большевистского дискурса об Александре Невском могут показать лишь внешнюю сторону денационализации дискурса коллективной идентичности. Однако сам факт шельмования всего национального и особенно русского может быть назван еще одной причиной, почему эта фигура в 1917—1937 гг. все сильнее уходила в забвение и соответственно постепенно вытеснялась из культурной памяти. Одна лишь краткая статья об Александре Невском в БСЭ 1926 г. может дать представление о девальвации национальных категорий. Понятие «русский / русская» упоминается в статье всего лишь дважды, и оба раза в сочетании с негативно окрашенным существительным («русский феодал» и «русская церковь»)[82]. Враги, которых поборол Александр Невский, не описываются в первую очередь как национальное сообщество. Это особенно заметно при описании Тевтонского ордена, еще так недавно, в период Первой мировой войны, проклинавшегося русской военной пропагандой в качестве «немецкого» противника (см. гл. 6.6). В советском каноне 1926 г. рыцари считались всего лишь «ливонцами»[83].

7.4. Александр Невский в эмиграции

Удаленный в Советской России из традиционного пантеона, оклеветанный и вытесненный в небытие из русской культурной памяти, святой князь Александр нашел прибежище в историческом дискурсе русской эмиграции. В качестве фигуры исторической идентификации средневековый князь был открыт представителями политического движения евразийцев, созданного в 1921 г. вокруг географа П.Н. Савицкого и филолога князя Н.С. Трубецкого. Евразийское движение, проводившее в двадцатые годы лекции и семинары в Праге и развернувшее активную публикаторскую деятельность в Берлине, Париже и Брюсселе, нашло поддержку у относительно небольшого круга русских интеллектуалов[84]. Евразийцы призывали своих соотечественников в эмиграции, во-первых, к новой интерпретации русский истории, во-вторых, к созданию политической концепции будущего развития их родной страны. В конце 1920-х гг. евразийцы, которым удалось привлечь к своему

учению лишь малую часть эмигрировавшей русской интеллигенции[85], разделились по вопросу об оценке большевистской власти и в тридцатые годы окончательно утратили влияние[86].

Учение евразийцев в широком смысле можно причислить к семье геополитических идеологий. Оно берет начало в описании географического большого пространства «Евразии», внешние границы которого приблизительно соответствуют границам Российской империи в 1914 г. Это географическое пространство, по евразийцам, столетиями оказывало влияние на историческое развитие живших там людей, так что Евразия может быть описана не только как физико-географическое, но и как «геоисторическое, геополитическое, геокультурное, геоэтнографическое и геоэкономическое единство»[87] или как «культурная личность». «Евразия» по причине совпадения границ оказывается неологизмом для обозначения «России» и не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, но репрезентирует свое собственное географическое, историческое, культурное и политическое пространство *между* двумя континентами. Евразийцы полагали, что геополитическое предназначение описанного ими пространства, как это было во времена Чингисхана, состоит в том, чтобы быть империей. После крушения монгольской власти миссией русского народа стало освоение этой территории в процессе исторического развития[88].

В соответствии с прагматическим названием их первого сборника «Исход к востоку»[89], евразийцы пропагандировали отход России от латинского «Запада» и жестко критиковали тенденции «европеизации/западничества» в русской истории. Размежевание с Западом не было новым топосом в истории русской общественной мысли. Критика евразийцев, однако, «в своем радикализме превосходила все то, что в России до сих пор было сказано на эту тему»[90]. «Запад», т.е. латинская, «романо-германская»[91], католическая (а также и протестантская) Западная и Центральная Европа, подвергся атаке евразийцев, оперировавших такими понятиями, как «секуляризация», «арелигиозность», «материализм», «декаданс», «высокомерие» и «агрессивность». Наряду с другими критиками западной цивилизации, например Освальдом Шпенглером, евразийцы были уверены в «закате» западного мира и видели в России-Евразии зачаток новой великой религиозной цивилизации[92].

По мнению евразийцев, теоретиков геополитики, Россия-Евразия черпает свою силу в православной вере, в которой они видели основу или «душу» русской народности. В будущем евразийском

государстве православная церковь должна была занять важное место, многие чаяли даже создания теократического государства[93]. Представление евразийцев о православии и идеальном православном государстве покоилось на позитивном образе истории допетровской Руси. «Антинациональная монархия» Петра I повела Россию по неверному историческому пути. Евразийцы надеялись, что Октябрьская революция, которую они интерпретировали как восстание русского народа против Петровских реформ, создала предпосылки для формирования нового, евразийского типа культуры[94].

Евразийцы требовали, чтобы Россия осознала свои восточные культурные корни. В этой связи они особенно настойчиво выступали за переоценку роли монгольского владычества в русской истории. Они решительно отвергали многолетние представления о восточных захватчиках как варварах, уничтожающих все вокруг без всякого плана, и как бескультурных кочевниках. Не отрицая того, что покорение Руси в XIII в. было трагедией, они подчеркивали позитивные элементы этих событий, важные для дальнейшего хода русской истории. Евразийцы пошли настолько далеко, что заявляли, будто без татарского владычества не было бы создано русской государственности[95]. Монголы не разрушали русское государство, а, скорее, внесли вклад в объединение некоторых его частей под главенством Москвы, а также и в основание Российского государства[96]. Евразийцы почитали Чингисхана как первого носителя идеи политического единства евразийского пространства, которую в XVI в. усвоили московские великие князья[97]. Религиозная толерантность монгольских властей позволила русским сохранить православную веру и черпать в ней силы для освобождения от иноземных захватчиков в XIV— XV вв. Перед лицом западной опасности русские и монголы составили плодотворный симбиоз: «...монголы защищали Россию от католицизма, и Россия защищала монголов от Запада — это был выгодный для обеих сторон союз»[98]. Этим высказыванием евразийцы переворачивали с ног на голову широко распространенный в России XIX в. тезис о том, что русские в XIII в. спасли от монголов Западную и Центральную Европу.

Переоценка монгольского владычества имела место прежде всего в трудах историка Георгия Владимировича Вернадского (1887—1973), подведшего своими работами «Начертание русской истории» (Прага, 1927), «Опыт истории Евразии» (Берлин, 1934) и «Звенья русской культуры» (Берлин, 1938) «исторический фундамент под евразийскую доктрину»[99]. Мы рассмотрим его «знаменитую статью»

об Александре Невском» (Гальперин) как один из источников евразийского дискурса о князе. Вернадский эмигрировал в 1920 г. в Константинополь. После краткого пребывания в Афинах, в 1922 г. он перебрался в Прагу, где прожил пять лет, прежде чем в 1927 г. получил место в Йельском университете в США[100]. В период пребывания в Праге Вернадский был близок движению евразийцев, несмотря на очевидное стремление дистанцироваться от некоторых их политических требований[101]. Еще до эмиграции он рассматривал монгольское владычество как важнейшее событие в истории России. «Теория Вернадского в нескольких существенных пунктах была евразийской *avant le mot*»[102]. Программный текст об Александре Невском, опубликованный в 1925 г. в сборнике «Евразийский временник», стал одной из первых его отчетливо «евразийских» работ[103].

Второй источник, на основе которого можно описать и проанализировать евразийский дискурс об Александре Невском, — это подробная двухсотстраничная биография святого, впервые опубликованная в 1927 г. в Париже[104]. Ее автор, историк Николай Андреевич Клепинин (1899—1939), эмигрировал в 1920 г. в Белград[105]. В 1926 г. он отправился в Париж, где читал доклады по вопросам православия и учения евразийцев в Русском студенческом христианском движении (РСХД) и Религиозно-философской академии[106]. В 1937 г. Клепинин вернулся в СССР. Спустя два года он умер в тюрьме, став жертвой сталинских «чисток»[107].

Александр Невский прекрасно подходил евразийцам в качестве фигуры идентификации. В его биографии отражаются центральные, программные элементы их учения. Александр с его милитаристской западной и дипломатичной восточной политикой, кажется, уже предвосхитил в XIII в. евразийскую политическую программу. Память евразийцев об Александре Невском определялась, в частности, тремя элементами: во-первых, его святостью и описанием мы-группы как православной сакральной общины; во-вторых, внятной антизападной позицией и четким образом врага в лице латинской/католической Европы и, в-третьих, реинтерпретацией монгольского ига и положительной оценкой политики Александра по отношению к восточным завоевателям.

Согласно евразийской доктрине, Клепинин и Вернадский видят в православии «исторический смысл своеобразной русской культуры» или ее «живую энергию»[108]. Характеризуя русских как сообщество православных христиан, они отсылают к религиозно-

сакральному дискурсу об Александре Невском. В качестве нового и одновременно евразийского элемента Вернадский добавляет, что уже православная Русь была «особым культурным миром между Европой и Азией»[109]. Он говорит, что «русская культура», закрепленная в XII в., это

> своеобразное сочетание и пышное возрастание на славянской почве богатых ростков Православной Византии, Востока степных кочевников, Севера варягов-викингов[110].

Эта триада точно соответствует евразийской теории происхождения русской культуры[111]. По Вернадскому, в XIII в. на карту было поставлено не государственное единство, а православие, «своеобразие и самобытность»[112] Руси.

Упоминание о святости Александра свидетельствует о том, что евразийцев следует рассматривать в первую очередь как наследников религиозно-сакрального дискурса об Александре Невском. Клепинин постоянно называет Александра «святым», Вернадский также описывает его как «русского святого князя»[113]. Для Клепинина «св. Александр — это образ Князя-христианина: благочестивого, милостивого, защитника убогих, правосудного судьи»[114]. В его подробной биографии можно найти все атрибуты, традиционные для описания и объяснения святости Александра. Клепинин подчеркивает религиозность молодого князя, который был «не только политик и воин», но «прежде всего глубоковерующий человек и знающий богослов»[115]. Александр проявил себя «заступником сирот и вдовиц, помощником страдающих»[116], его характер определяется «чисто русской чертой» — «милосердием и жалостливостью»[117]. Ни в статье Вернадского, ни в биографии Клепинина нет упоминаний о многочисленных чудесах, о которых сообщают различные редакции Жития[118].

В центре статьи Вернадского стоит вопрос о том, какое христианское деяние, какой подвиг выделяет Александра Невского как святого. Как показывает уже заголовок статьи, автор видит в биографии Александра два подвига: «подвиг брани» и «подвиг смирения»[119]. Целью, которой Александр руководствовался во всех делах и решениях, было «сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа»[120]. Этой цели в XIII в., когда русские княжества подверглись нападению как с Востока, так и с Запада, можно было достичь, лишь следуя двум различным страте-

гиям. Опасность с Запада Александр Невский встретил военными средствами. Но это, по Вернадскому, «был подвиг не сложный, а простой»[121]. Более серьезным был вызов с Востока[122]. «Восточная политика»[123] Александра стала результатом политической мудрости и дальновидности. Князь признал, что он бессилен перед военной мощью монголов. Он не стремился ни к земному счастью, ни к славе или почестям[124], но противостоял «искушениям»[125] создания коалиции с Западом против монголов. Он смиренно покорился монголам. Вернадский видит в этом шаге «внутреннее» мученичество, «"брань невидимую", борьбу с соблазнами душевными, подвиг самодисциплины и смирения»[126].

Евразийцы не сомневались в том, что православной Руси и церкви в XIII в. угрожали прежде всего «латинский Запад» и «мир западного католического средневековья»[127]. Вернадский и Клепинин описывают «Запад» или «Европу» как «монолитное» «католическое единство», которым руководит «формальный глава Запада — папа»[128]. Антинемецкие элементы, определявшие дискурс об Александре Невском времен Первой мировой войны, а затем ставшие ведущими в образе героя эпохи советского патриотизма, отсутствуют в евразийской историографии, так же как и другие национально окрашенные образы врага. Хотя Вернадский и Клепинин различают «шведов», «Ливонский орден», «Тевтонский орден», «меченосцев» и т.д., для них очевидно, что отдельные группы возглавлялись папой и представляли не свои собственные интересы, а интересы римской курии[129]. Евразийцы совершенно последовательно противопоставляют мы-группу православных христиан религиозной группе врага — «латинянам»: «Латинство было воинствующей религиозною системою, стремившеюся подчинить себе и по своему образцу переделать Православную веру русского народа»[130]. После взятия Константинополя и создания западноевропейскими крестоносцами в 1204 г. Латинской империи они вели нападение на Русь «по всему фронту» с целью обратить русских в «латинство»[131].

Александр Невский, по Вернадскому, признал, что «православию и самобытной русской культуре» грозит опасность не с Востока, а с Запада: «Несмотря на все ужасы татарских нашествий, западная война была более ожесточенной. Здесь шла борьба на смерть или на жизнь»[132]. «Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу»[133]. Евразийские историки сожалели, что это опасное положение не было понято всеми

современниками Александра Невского. При этом они имели в виду прежде всего князя Даниила Галицкого, заключившего пакт с папой Иннокентием IV в надежде на военную помощь с Запада и принявшего от него королевскую корону[134]. Евразийцы видели в Даниле и Александре репрезентантов «двух исконных культурных типов истории русской и даже шире того — мировой: тип "западника" и тип "восточника"»[135]. Если политика Даниила привела к «долгим векам латинского рабства юго-западной Руси»[136], то Александр сохранил «душу» русской народности и создал тем самым основания для восстановления православного государства под началом Москвы[137]. Даниил послужил евразийцам негативным фоном для описания святой личности Александра. Если Александр самоотверженно и безропотно пожертвовал собой ради своей страны и православия, Даниилом, «честолюбивым князем», двигало стремление к власти и «политический оппортунизм»[138]. Даниил отличался «неумением постигнуть значение исторического момента»[139]. С помощью монголов «он мог прочно утвердить Русь и Православие в Восточной и Средней Европе»[140]. Но он смотрел на монголов свысока, видел в них лишь «диких» и поэтому воспринял милосердную позицию Батыя как «оскорбление» собственного «самолюбия»[141]. Выиграв несколько незначительных битв, Даниил «проиграл самое главное — Православную Россию»[142].

Критика высокомерной позиции Даниила Галицкого по отношению к монголам показывает, что Вернадский и Клепинин выступали за пересмотр традиционного взгляда на татар и их правление: «Поскольку этот момент соприкосновения Руси и татарского всемирного царства недооценивался в русской истории, недооценивалась и вся глубина исторической заслуги св. Александра Невского»[143]. По мнению Клепинина, «обычное представление о татарах как бессмысленных разрушителях только ради разрушения глубоко неправильно»[144]. При этом он не скрывает, что монголы, захватывая русские княжества, жестоко обходились с населением, городами и церквями. Однако Клепинин пытается релятивизировать степень насилия, совершенного восточными завоевателями, сравнивая его с пытками и инквизицией в «Европе»[145].

Еще важнее для евразийских авторов выделить позитивные стороны монгольского господства. Большие последствия имела для православной Руси религиозная толерантность монголов: «Основным принципом Великой Монгольской Державы была именно

широкая веротерпимость»[146]. В отличие от «латинства», «монгольство» было не религиозной, а «культурно-политической» системой. Оно «не проникало в быт покоренной страны»[147]. Православная церковь при монголах не только имела полную свободу, но и пользовалась их защитой и многочисленными привилегиями, например освобождением от уплаты дани[148]. Монголы в текстах Клепинина и Вернадского, таким образом, не становятся классической группой врагов мы-сообщества православной церкви. Александр даже «видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада»[149].

По мнению Вернадского и Клепинина, двухсотлетнее монгольское владычество над Русью не следует интерпретировать как национальную катастрофу. Согласно Вернадскому, уже Александр Невский стремился к «объединению всей Руси под одним великим князем»[150]. Этой политической цели он мог достичь лишь с помощью монголов. После смерти отца Александр выдвинул претензии на великое княжение против своих братьев и добился своего силой при помощи монголов[151]. Подчинение Новгорода монгольскому данничеству также послужило этой цели. Таким образом, Александр Невский «заложил первый камень; сам стал живым основоположным камнем новой возродившейся из развалин России»[152]. Двести лет спустя московские великие князья, основателем династии которых стал младший сын Александра Даниил, продолжили политику святого князя[153]. По мнению евразийцев, «возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром»[154]. Московское царство было для них «плодом мудрой Александровой политики»[155]. Клепинин проводит линию традиционной русской государственности, без которой невозможно понять русскую историю, от Суздаля через Москву к будущей евразийской империи и называет ее «наследием Чингис Хана»[156].

Евразийцы мечтали, что однажды они примут «наследие» Чингисхана, уничтожат власть большевиков и вновь смогут построить у себя на родине евразийскую империю. Они чаяли сильного, авторитарного, идеократического и централистского государства. Они решительно отвергали «западные» политические институты, например демократию и парламентаризм[157]. Эти недемократические или додемократические политические воззрения отражаются и в текстах Клепинина и Вернадского об Александре Невском. Де-

мократические традиции в русской истории, например новгородское вече, не находили у них понимания[158]. «Народная масса» не была ни в состоянии сформулировать свою собственную волю, ни понять решения «великих людей», полагает Клепинин[159]. Руководители государства «исполняют ее скрытую и для нее самой не осознанную волю»[160].

Говоря о Невском, Клепинин утверждает, что князь был любим народом, боярами и дружиной, но они не всегда понимали его политику. «В своей действенной любви к народу, даже принуждениями и карами, он вел его к тому, в чем видел и благо и Божью волю, несмотря на ропот и сопротивление»[161]. Трагичность отношения между «народом в его ослеплении» и его мудрым правителем становится очевидной в конфликте Александра с Новгородом из-за выплат дани монголам[162]. Князь, стремившийся лишь к благу православия и знавший верный исторический путь всей Руси, должен был проводить свое решение силой, против воли «русского народа», считавшего себя оскорбленным в «национальном чувстве» и поднявшегося против завоевателей[163]. В отличие, например, от Михаила Щербатова и Николая Костомарова, в свое время критически высказывавшихся о подчинении Новгорода князем Александром (см. гл. 5.3 и 6.2), евразийцы не сомневались в правильности его политики по отношению к городу-республике. По Клепинину, у Александра не было иного выбора, как сломить сопротивление в Новгороде, его трагическая позиция между татарами и народом скорее выдает в нем «мученика»[164].

В текстах Клепинина и Вернадского нет упоминаний о дискредитации большевиками памяти об Александре Невском или вскрытии раки с его мощами в лавре. Раздвоение культурной памяти на две полностью отделенные друг от друга дискурсивные линии — большевиков и евразийцев — отражает состояние глубокого раскола в российском политическом дискурсивном сообществе после Октябрьской революции. Клепинин верит и призывает верить своих читателей: «В эти последние годы многочисленней, чем когда-либо, несмотря на гонения, толпы богомольцев, приходящие крестным ходом в Александро-Невскую лавру к дню его памяти». Хотя Клепинин в конце своей биографии Невского упоминает о «преследованиях» (религиозных) в России и называет современность «годами новых бедствий», он полон надежды: «И теперь, в годы новых бедствий, он не оставляет России, как не прекращаются и моления к нему о предстательстве и защите. Св. Александру

возносятся те же моления, которые ему возносились многими поколениями. Но в страшный час России эти моления горячей и прошения их значительней, чем в годы мира и благополучия»[165].

---

[1] *Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 33—34. См. об этом также: *Oberländer E.* Sowjetpatriotismus und Geschichte. Dokumentation. Köln, 1967. S. 38; *Brandenberger D. L., Dubrovsky A.M.* «The People Need a Tsar»: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931—1941 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. P. 873—892. О культурной революции в 1917 г. см. также: *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999.

[2] О декрете председателя Совнаркома Ленина о «памятниках республики» от 12 апреля 1918 г. см.: *Plaggenborg*. Revolutionskultur. S. 247—248. Об иконоборчестве большевиков в целом см.: *Stites R.* Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989. P. 65ff.; *Kelly C.* Introduction: Iconoclasm and Commemorating the Past // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 227—237.

[3] См.: *Plaggenborg*. Revolutionskultur. S. 248. См. об этом также: *Fülöp-Miller R.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich; Leipzig; Wien, 1926. S. 490; *Stites*. Revolutionary Dreams. P. 89.

[4] О Покровском см., в частности: *Aron P.H.* M.N. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan on Soviet Historiography // Essays in Russian and Soviet History / Ed. J.S. Curtiss. Leiden, 1963. P. 283—302; *Enteen G.M.* Pokrovskii, M.N. // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 28. 1982. P. 167—171; *Чернобаев А.А.* Михаил Николаевич Покровский (1868—1932) // Историки России XVIII—XX веков / Ред. А.А. Чернобаев. М., 1995. Вып. 2. С. 51—61; *Артизов*. А.Н. Покровский: Финал карьеры — успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77—96; *Mazour A.G.* An Outline of Modern Russian Historiography. Berkeley, 1939. P. 83—84.; *Vernadsky G.* Russian Historiography. Belmont, 1978. P. 373.

[5] Подробное перечисление должностей Покровского см. в: *Артизов*. Покровский: Финал карьеры — успех или поражение. С. 77.

[6] См.: *Aron*. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan. P. 286.

[7] *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923—1926. См. об этом также: *Vernadsky*. Russian Historiography. P. 373; *Aron*. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan. P. 284.

[8] Это касается и следующих учебников по русской истории, написанных, очевидно, под влиянием образцового сочинения Покровского: *Мартынов А.* Очерки русской истории. Пг., 1921; *Замысловская Е.* Учебник

истории. В школах первой ступени. М.; Пг., 1923; *Трахтенберг О.В., Гуковский А.И., Вернадский В.Н.* Рабочая книга по истории. Для V класса ФЦШ и I года ШКМ. М.; Л., 1931; *Гуковский А.И., Трахтенберг О.В.* История эпохи феодализма. Учебник для средней школы. Харьков; Полтава, 1934. В учебнике Н. Рожкова (Учебник истории всеобщей и русской. Курс систематический для второй ступени единой трудовой школы и для самообразования. Курск, 1922) Александр Невский лишь упомянут вскользь. См.: С. 135, 140.

[9] Письмо Ленина Покровскому от 5 декабря 1920 г. опубликовано в: *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1967. Т. 3. С. 3 и далее. Об описании Александра Невского у Покровского см. также: *Wippermann*. Der «deutsche Drang nach Osten». S. 61—62.

[10] *Покровский*. Русская история. С. 334.

[11] Там же.

[12] Об исторической концепции Покровского см. особенно: *Aron*. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan.

[13] Покровский не пользуется терминами «Киевская Русь» и «раздробленность». Обе эпохи рассматриваются в одной главе его книги «Первые столетия русской истории» (С. 37—51).

[14] Цит. по: *Aron*. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan. S. 294. Из-за этого высказывания Покровского критиковали в 1930-е гг. «Коллеги» упрекали его в недооценке объективности исторической науки. Когда в 1962 г. Покровский был реабилитирован, официальная историография оправдывалась тем, что высказывание Покровского относилось к буржуазной историографии. См.: *Соколов О.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 69—79. Цит. по: *Oberländer*. Sowjetpatriotismus. S. 176.

[15] См.: *Enteen*. Pokrovskii. S. 169.

[16] Покровский отвергал теорию о том, что русская история развивалась иначе, чем история других европейских стран. С его точки зрения, русскую историю, как и историю европейских государств, можно, вооружившись учением исторического материализма, представить как последовательную смену исторических формаций. Переход от первобытного коммунизма к рабовладельческому обществу в России он относит к концу IX — началу X в. Время классического феодализма началось в XIII в. и продолжалось до середины XVI в. На смену ему пришла эпоха торгового капитализма, закончившаяся с Октябрьской революцией и сменившаяся эпохой социализма и коммунизма. См. об этом: *Aron*. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan. P. 289—290.

[17] *Покровский*. Русская история. С. 35.

[18] Там же. С. 34.

[19] Там же. С. 33.

[20] Александр Ярославич Невский // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 2. С. 167—168.

[21] Там же.

[22] Александр Невский // БСЭ. М., 1950. Т. 2. С. 76—78.

[23] Невская битва упоминается лишь для объяснения происхождения прозвища Александра.

[24] См. об этом, в частности: *Curtiss J.S.* Die Kirche in der Sowjetunion (1917—1956). München, 1957; *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime 1917—1924. London, 1997. P. 337ff.; *Nolte H.-H.* Die Glaubensgemeinschaften und die Religionspolitik des Staates // Handbuch der Geschichte Rußlands. Band 3/II. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat / Hg. v. G. Schramm. Stuttgart, 1992. S. 1709—1741; *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion 1917—1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. S. 328ff.; *Stites.* Revolutionary Dreams. P. 105ff.; *Plaggenborg.* Revolutionskultur. S. 289ff.; *Škarovskij M.V.* Die russische Kirche unter Stalin in den 20er und 30er Jahren des 20. Jahrhunderts // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 233—254.

[25] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 328.

[26] См.: *Pipes.* Russia under the Bolshevik Regime. S. 339.

[27] Новыми праздниками были объявлены Новый год, 22 января (Кровавое воскресенье), 12 марта (День Февральской революции), 10 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День труда) и 7 ноября (День Октябрьской революции). О переустройстве культуры праздников и памяти в 1920-е гг. см, в частности: *Rolf M.* Constructing a Soviet Time: Bolshevik Festivals and their Rivals during the First Five-Year Plan. A Study of the Central Black Earth Region // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. № 3. P. 447—474; *Rolf M.* Feste des «Roten Kalenders»: Der Große Umbruch und die sowjetische Ordnung der Zeit // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2001. Bd. 49. S. 101—118.

[28] *Fülöp-Miller.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. S. 262.

[29] Ibid. S. 258. Дети должны были носить такие имена, как Октябрина, Революция, Владлен (составлено из *Влад*имир *Лен*ин) и т.д.

[30] В Москве и Киеве мощи святых выставлялись в «музеях народной гигиены». Вместе с ними выставлялись высушенные тушки животных или мумифицированные трупы. На табличках можно было прочесть, что следовало бы объявить этого преступника святым православной церкви, поскольку его тело не истлело. Выставки сопровождались докладами врачей о различных научных объяснениях мумификации мертвых тел. См.: *Fülöp-Miller.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. S. 249ff.

[31] Об этом процессе см.: *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917—1945. СПб., 1995. С. 23—24; *Черепнина Н.Ю., Шкаровский М.В.* Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга. 1917—1945. СПб., 1996. С. 4.

[32] См.: *Шкаровский.* Петербургская епархия... С. 24. Лояльные правительству источники говорят о 50 тысячах участников.

[33] Как реакция на события 19 января, 21 января было создано «Александро-Невское братство», объединение верующих для защиты монастыря от новых властей. В 1920-е гг. члены братства посвятили себя благотво-

рительным целям, изданию церковных календарей, религиозному воспитанию детей и т.п. См.: Там же. С. 29—30.

[34] Там же. С. 34. Закрытие монастыря началось через год после казни митрополита Вениамина (в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.). 7 июля 1923 г. монахи были принуждены передать часть жилых помещений монастыря советским учреждениям. В 1926—1936 гг. одна за одной закрывались церкви на территории монастыря. Здания после этого использовались, в частности, под два общежития и фабрику. См.: *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия. СПб., 1994. Т. 1. С. 48.

[35] Одним из новых символических центров городской топографии стал открытый 7 ноября 1918 г. памятник борцам революции на Марсовом поле. См.: *Kelly*. Introduction. P. 230.

[36] Этот документ от 14 марта цитируется в: Письмо Комиссариата юстиции Союза коммун Северной области — Президиуму Петросовета о необходимости исследования мощей Александра Невского (24.03.1919) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996. С. 57.

[37] Письмо Комиссариата юстиции... С. 57.

[38] Руководство НКВД также думало о том, как должно происходить открытие гробниц святых и исследование их содержимого. См. циркуляр отдела управления НКВД — Всем губисполкомам от 23 апреля 1919 г. (№ 2456) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 59. Секретные службы требовали детальных протоколов, фото- и киноматериалов об исполнении, а также сообщений о перемещении «мощей», например в музеи.

[39] Совет комиссаров Союза коммун Северной области, своего рода региональное правительство, был создан 26 февраля 1918 г. В эту область входили Петроградская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Череповецкая и Северодвинская губернии. Комиссариаты Союза коммун сначала существовали параллельно с органами комиссариатов центрального Совета Народных Комиссаров и Петросовета. В декабре 1918 г. исполком Петросовета принял верховный контроль над всеми комиссариатами Союза коммун, который был распущен НКВД в марте 1919 г. См. об этом: *Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна. Л., 1980. С. 8—11. За это указание я благодарю Юлию Обертрайс.

[40] См.: Письмо Комиссариата юстиции Союза коммун Северной области — Президиуму Петросовета о необходимости исследования мощей Александра Невского (24.03.1919) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 57.

[41] Письмо Комиссариата юстиции. С. 58. В письме упомянуты три различных слуха, ходивших вокруг мощей святого. Первая история гласила, что Петр I привез уже пустой саркофаг и бросил ключ от него в Неву. Монахи монастыря много лет использовали суеверие народных масс и обманывали их при помощи пустого ковчега. Эта версия вступала в противоречие с мнением тех, кто верил, что в лавре хранятся нетленные остан-

ки святого князя. Сторонники этой точки зрения называли все остальные сведения слухами «безбожников», нацеленными на унижение православной церкви. Третья версия этой истории состояла в том, что останки Невского находятся в другом месте. Сторонники этой точки зрения полагали, что монахи извлекли мощи из ковчега и спрятали в тайном месте, чтобы спасти их от осквернения.

[42] Письмо Комиссариата юстиции... С. 58.

[43] Отдел юстиции Петросовета также поддержал предложение исследовать ковчег с мощами Александра Невского. В письме от 24 апреля 1919 г. (тем временем была открыта гробница св. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре) в Президиум Петросовета сотрудники подразделения юстиции сообщали, что отдел юстиции находит со своей стороны своевременным вскрытие мощей и в Александро-Невской лавре, что сможет положить конец «разнообразным, противоречивым, смущающим и волнующим ум темного, непросвещенного и суеверного народа слухам об этих мощах» (Отдел юстиции Петросовета — Президиуму Петросовета // Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 58).

[44] См.: *Шкаровский*. Петербургская епархия... С. 44.

[45] См.: Там же. С. 45, где цитируется письмо митрополита от 15 сентября 1919 г.

[46] Там же. С. 48. Так, например, в Петрограде остался невоплощенным план Наркомюста о «ликвидации мощей во всероссийском масштабе», утвержденный 29 июня 1920 г. Совнаркомом (Постановление СНК РСФСР от 29 июля 1920 года // Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 60). Очевидно, проведение в жизнь приказа Наркомюста положить конец «культу мертвых тел и кукол» потерпело поражение в Петрограде из-за противостояния церкви, еще имевшей значительный авторитет (*Шкаровский*. Петербургская епархия. С. 47). О плане Наркомюста см.: Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе (29.07.1920) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 60.

[47] См.: *Шкаровский*. Петербургская епархия. С. 48.

[48] См.: Декрет ВЦИК местным советам об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. Опубликовано в: Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 68; Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. / Ред. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск; М., 1998. Т. 2. С. 15—18.

[49] См.: *Pipes*. Russia under the Bolshevik Regime. P. 347. Ленин 19 марта 1922 г. издал распоряжение жестоко подавить выступление церкви против изъятия: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии в связи с этим удастся нам расстрелять, тем лучше». Пайпс пишет об отказе клира отдавать освященные культовые предметы как знаке противостояния всему режиму. См.: Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 91. На «показательных процессах» в Москве и Петрограде против «восставшего» духовенства

в 1922 г. были приговорены к смерти новые его представители, в том числе митрополит Петроградский Вениамин.

[50] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 330.

[51] Для создания раки в 1746—1753 гг. было использовано 89 пудов, 22 фунта и 1 1/3 золотника серебра (соответствует 1466,89 кг). См.: *Завадская.* Рака Александра Невского. С. 88. См. также главу 5.1.

[52] См.: *Завадская.* Рака Александра Невского. С. 91.

[53] О нижеследующем см., в частности: *Шкаровский.* Петербургская епархия. С. 61; *Гусев. И.* Вскрытие мощей Александра Невского // Красная газета. № 105 (1257). 13.05.1922. С. 3. См. фотографии: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб.: Арт Деко, 2006. С. 66—67.

[54] Между 1724 и 1917 гг. раку открывали один раз — в 1830 г. См.: *Романов А.* Как мы вскрывали // Красная газета. № 105 (1257). 1922. 13 мая. С. 3. Присутствовавшие представители церкви должны были признать при исследовании, что в 1723—1724 гг. Петр привез из Владимира в Санкт-Петербург лишь несколько костей. Остатки тела святого, по словам священнослужителей, погибли при пожаре на могиле Александра в 1491 г. См.: *Гусев.* Вскрытие мощей Александра Невского.

[55] Сделанные в этот день фотоснимки хранятся в Санкт-Петербургском государственном архиве кино-, фото- и фонодокументов. Опубликованы в: *Merridale C.* Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland. München, 2001. S. 160ff.

[56] В октябре 1922 г. мощи князя были конфискованы и в ноябре отправлены в Москву в Наркомат юстиции, откуда в конце 1930-х гг. переданы в Казанский собор, превращенный в 1932 г. в «Музей религии». См.: *Шкаровский.* Петербургская епархия. С. 87. В Санкт-Петербурге 3 июня 1989 г. прошло торжественное возвращение мощей святого с крестным ходом из Казанского собора в Троицкий собор (см. гл. 12.1). Троицкий собор по решению Леноблисполкома был закрыт 16 августа 1933 г., возвращен православной церкви только в 1957 г. См.: *Антонов, Кобак.* Святыни Санкт-Петербурга. Т. 1. С. 37; http://www.lavra.spb.ru/.

[57] Серебряное надгробие сначала было отвезено в Эрмитаж, где экспонировалось на выставке «В помощь голодающим» наряду с другими конфискованными церковными ценностями. Произведение искусства XVIII в. избежало плавильного котла только благодаря решительным действиям директора Эрмитажа Тройницкого и директора Русского музея Сычкова. Уже 10 мая 1922 г. они обратились с телеграммой к председателю ВЦИК Калинину, в которой решительно протестовали против планировавшегося уничтожения «шедевра мирового искусства». В отличие от иконостаса Казанского собора, им удалось спасти раку Александра Невского, которая затем была передана на хранение в Эрмитаж, где находится по сей день. См.: *Завадская.* Рака Александра Невского. С. 91; *Бегунов, Сапунов.* История мощей. С. 88.

[58] *Марк Сист.* Чудеса в решете // Петроградская правда. №. 106. 1922. 14 мая. С. 2.

[59] *Романов.* Как мы вскрывали.

[60] *Марк Сист.* Чудеса в решете.

[61] Там же.

[62] *Гусев.* Вскрытие мощей Александра Невского.

[63] «И не удалось мне увидеть трупа нетленных мощей Александра Невского, обутого в красные сафьяновые сапоги, про которые рассказывал мне дедушка» (*Романов.* Как мы вскрывали).

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] См.: *Pipes.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 346.

[67] Различия между антиклерикализмом и атеизмом подчеркивает Плаггенборг (*Plaggenborg.* Revolutionskultur. S. 295).

[68] См.: *Fülöp-Miller.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. S. 257.

[69] См.: *Plaggenborg.* Revolutionskultur. S. 301ff.

[70] См.: *Fülöp-Miller.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. S. 369ff.

[71] См.: *Simon G.* Orthodoxe Kirche // Historisches Lexikon der Sowjetunion. 1917/22 bis 1991 / Hg. v. H.-J. Torke. München, 1993. S. 231; *Curtiss.* Kirche in der Sowjetunion. S. 181, 255. Источник: интервью митрополита иностранным журналистам.

[72] После 1929 г. большевики усилили антиклерикальную и антирелигиозную пропаганду. Если в 1920 г. выходило всего четыре антирелигиозных журнала, то в 1930 г. их число возросло до двадцати. В 1939 г. во всей стране было открыто лишь несколько сот церквей и было лишь семь епископов. Коллективизация и индустриализация привели к новой организации рабочей недели и к радикальным изменениям жизненного мира большинства населения в городе и деревне. Тем самым были затронуты и религиозные практики, такие как поддержание религиозной культуры праздников и культуры памяти — например, отмечание дней памяти святых. Все это могло привести к тому, что после 1929 г. все более ослаблялась память о церковно-сакральном образе Александра Невского. О повороте в сталинской религиозной политике в общем см.: *Curtiss.* Kirche in der Sowjetunion. S. 217ff.; *Plaggenborg.* Revolutionskultur. S. 327ff. О культуре праздников и памяти см., в частности: *Rolf.* Feste des «Roten Kalenders».

[73] См.: *Шкаровский.* Петербургская епархия. С. 47.

[74] На эту параллель обращает внимание Стайтс (*Stites.* Revolutionary Dreams. P. 108). См. также: *Tumarkin N.* Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1997. Критика этой позиции: *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln u.a., 1997.

[75] Не только город на Неве, но и названный именем «Святой Александр Невский» ледокол был в 1924 г. переименован в «Ленин» (см. гл. 6.6) и таким образом отдан под «покровительство» вождя Октябрьской революции.

[76] *Kappeler.* Rußland als Vielvölkerreich. S. 301.

[77] См. об этом особ. *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. P. 414—452. [См. рус. перевод: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло

этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период. Самара, 2001. С. 329—374. — *Примеч. ред.*]

[78] *Simon*. Nationalismus und Nationalitätenpolitik. S. 60. Вплоть до 1937 г. идея о том, что неславянские народы должны принять кириллическую письменность, считалась идеей «русского колониализма и национализма». См.: Ibid. S. 61.

[79] См.: *Slezkine*. The USSR as a Communal Apartment. P. 424.

[80] См.: *Simon*. Nationalismus und Nationalitätenpolitik. S. 85.

[81] *Hösler J.* Die Russische Revolution in der sowjetischen Historiographie // Geschichte Rußlands und der Sowjetunion. Studienbrief der Fernuniversität Hagen, 1999. KE 6. S. 21.

[82] См.: Александр Ярославич Невский // БСЭ. Т. 2. С. 167—168.

[83] Там же.

[84] Об учении евразийцев см., в частности: *Böss O.* Die Lehre der Eurasier. Wiesbaden, 1961; *Luks L.* Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. H. 3. S. 374—395; *Ignatow A.* Der Eurasismus und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des «Evrazijstvo»-Mythos, Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien 15/1992, insbes. S. 3—28; *Hielscher K.* Geschichtsmythen der russischen «Neuen Rechten»: Der Eurasismus // Osteuropa im Umbruch: alte und neue Mythen / Hg. C. Friedrich, B. Menzel. Frankfurt/Main u.a, 1994. S. 91—105; *Halperin Ch.J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 36. S. 55—194, особ. S. 92—98; *Bassin*. Russia between Europe and Asia. Особ. S. 13—17; *Fülöp-Miller*. Geist und Gesicht des Bolschewismus. S. 380ff.

[85] См.: *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. S. 483; *Luks*. Ideologie der Eurasier. S. 374.

[86] После распада СССР наследие евразийцев пережило ренессанс в России. См. об этом, в частности: *Ignatow*. Eurasismus; *Hielscher*. Geschichtsmythen.

[87] *Bassin*. Russia between Europe and Asia. P. 15—16.

[88] Ср.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 34.

[89] Издан в 1921 г. Петром Савицким.

[90] *Luks*. Ideologie der Eurasier. S. 378.

[91] Представление о единой культуре «романо-германских народов» восходит к Леопольду фон Ранке и его «Geschichte der romanischen und germanischen Völker» (1824). На это указывает: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 76. Оно же обнаруживается в учении о культурных типах Данилевского. См.: Russischer Nationalismus. S. 41.

[92] См.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 21, 67.

[93] Ibid. В будущем евразийском государстве, по планам евразийцев, все народы примут православие. «Православный» означало для них «правоверный», а не «русский православный». Даже создание «иудейской православной церкви» казалось многим возможным. См.: Ibid. S. 98. Представления

евразийцев о многонациональной России-Евразии не были свободны от противоречий. С одной стороны, они отрицали (западное) понимание цивилизации и прогресса и противопоставляли этой идее тезис о том, что каждый народ имеет право на *собственную*, индивидуальную историю. При этом они идеализировали гармоническую совместную жизнь различных этносов в Российской империи. Ростки сепаратизма и национализма, включая «великорусский шовинизм», они решительно осуждали. Евразийцы проповедовали «национализм», охватывающий одновременно отдельные национальности и всю Россию-Евразию. Целью была не русификация, а «гармонизация». С другой стороны, их учение подразумевало, очевидно, претензию великороссов на руководство и гегемонию внутри Евразии. Это противоречие между принципом равноправия народов и конфессий в Евразии и стремлением русских и православия к ведущей роли «евразийцам никогда не удалось убедительно разрешить». *Luks*. Ideologie der Eurasier. S. 394. См. об этом также: *Halperin*. Russia and the Steppe. P. 93ff. Иная точка зрения: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 87, согласно которой доктрина евразийцев не предполагала претензий великороссов на господство внутри евразийской федерации.

[94] См.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 15ff. См. также: *Luks*. Ideologie der Eurasier. S. 383. Евразийцы надеялись, что они смогут сменить большевиков в качестве новой политической элиты, «идеократов» и привести Россию-Евразию к ее новому предназначению. Однако они отклоняли идею вооруженной борьбы с большевиками. В целом позиция евразийцев по отношению к большевикам насквозь амбивалентна. С одной стороны, они решительно отрицали атеизм и европейские корни коммунистической идеологии. С другой — евразийцы приветствовали тот факт, что большевики, основав СССР, внесли вклад в сохранение и консолидацию евразийского пространства. Потери европейских западных провинций (Польши, Финляндии и Прибалтики) евразийцы не считали серьезными, поскольку в состав нового Советского государства вошли Кавказ и Средняя Азия. Кроме того, их привлекала недемократическая, централистская система власти большевиков, идея плановой экономики и враждебное отношение к западному империализму. См.: *Ignatow*. Eurasismus. S. 18ff.; *Halperin*. Russia and the Steppe. S. 93; *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 24.

[95] См.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 43.

[96] См.: *Halperin Ch.J.* George Vernadsky Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41. P. 487.

[97] См.: *Luks*. Ideologie der Eurasier. S. 377; *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 36.

[98] *Halperin*. Russia and the Steppe. S. 94.

[99] *Соничева Н.* Вернадский Г.В. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 143. См. также: *Halperin*. Russia and the Steppe. S. 99; *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 8, 34ff.

[100] О биографии Вернадского см., в частности: *Соничева*. Вернадский; *Halperin*. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols; *Idem*. Russia and the Steppe; *Andreyev N.* Biographisches Nachwort über G.V. Vernadsky // Vernadsky.

Russian Historiography; *Mazour*. Outline of Modern Russian Historiography. P. 102ff.

[101] *Соничева*. Вернадский. С. 143. Гальперин отмечает, что позиция Вернадского по отношению к учению евразийцев отличалась «настойчивым аполитизмом». См.: Vernadsky and Eurasianism. P. 483; Russia and the Steppe. P. 73.

[102] *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 480.

[103] *Вернадский Г.В.* Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Утверждение евразийцев, книга четвертая. Берлин, 1925. С. 318—337. (Репринт: Наш современник. 1992. № 3. С. 151—164.) Далее цитируется по первому изданию 1925 г. О статье Вернадского об Александре Невском см. также: *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 484—485; *Idem*. Russia and the Steppe. P. 74, 94; *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 46—47; *Лурье*. Ордынское иго и Александр Невский. С. 122—123.

[104] *Клепинин Н.А.* Святой благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1927. Труд Клепинина переиздавался множество раз: Paris (YMCA), 1961(?); М.: Стрижев, 1993; М.: Товарищество «Соратник», 1994; М.: Христианский и Православный и благотворительный фонд «Преображение», 1999 (Серия «Русские святые и подвижники»). Далее цитируется второе издание: Paris, 1961(?).

[105] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992. С. 140.

[106] Например, доклад 30 января 1927 г. на собрании РСХД на тему «Задачи православного строительства России (Сущность евразийства)». См.: *Beyssac M.* La vie culturelle de l'émigration Russe en France (1920—1930). Paris, 1971. P. 131.

[107] Несмотря на то что в обоих биографических текстах об Александре Невском не упоминается слово «Евразия», нет сомнений в принадлежности работ Вернадского и Клепинина к историческому дискурсу евразийцев. (Слово «Евразия» лишь однажды возникает в тексте Вернадского, и как обозначение «старого мира» (*Вернадский*. Два подвига... С. 336). Однако такое определение в контексте учения евразийцев не имеет смысла.) Вернадский опубликовал свою статью в программном сборнике евразийского движения, Клепинин в своей биографии прямо ссылается на интерпретацию Вернадского и излагает в своей работе существенные пункты евразийской концепции истории (*Клепинин*. С. 200). Отто Бёс причисляет работы Клепинина к евразийской школе. См.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 46.

[108] *Вернадский*. Два подвига... С. 326, 325. См. также: *Клепинин*. С. 9.

[109] *Вернадский*. Два подвига... С. 320.

[110] Там же. С. 319.

[111] См.: *Böss*. Lehre der Eurasier. S. 58.

[112] *Вернадский*. Два подвига... С. 319.

[113] Например: *Вернадский*. Два подвига... С. 318.

[114] *Клепинин*. С. 83.

[115] *Вернадский*. Два подвига... С. 332. Обе черты характера Александра подчеркиваются и в: *Клепинин*. С. 37.

[116] Там же. С. 63.

[117] Там же. С. 83.

[118] В текстах упоминаются видения Пелгусия/Филиппа перед Невской битвой (*Вернадский*. Два подвига... С. 329; *Клепинин*. С. 94.), помощь божественной рати в битве на Чудском озере (*Вернадский*. Два подвига... С. 330; *Клепинин*. С. 103), чудо с духовной грамотой (*Клепинин*. С. 176), поддержка Александром Дмитрия Донского в 1380 г. (*Вернадский*. Два подвига... С. 335 и далее) и чудо, явленное после его смерти на могиле во Владимире (*Клепинин*. С. 179ff.).

[119] *Вернадский*. Два подвига... С. 319, 334.

[120] Там же. С. 335.

[121] Там же. В сравнении как с национальным дискурсом об Александре Невском XIX в., так и с образом Невского в советском патриотическом дискурсе 1930-х гг. заметно отсутствие в трудах евразийцев какого бы то ни было указания на военные атрибуты или военное искусство. См., например, описание битвы на льду Чудского озера: *Клепинин*. С. 101—102.

[122] См. также: *Клепинин*. С. 152.

[123] *Вернадский*. Два подвига. С. 333; *Клепинин*. С. 157.

[124] См.: *Вернадский*. Два подвига... С. 333 и далее; *Клепинин*. С. 80—81.

[125] *Вернадский*. Два подвига... С. 334.

[126] Там же. С. 334. Клепинин также считает Александра «мучеником» (С. 117).

[127] *Клепинин*. С. 88. Замечательно, что Вернадский в одном из пассажей своей статьи отграничивает свой собственный образ Александра Невского от «латинского» дискурса, направленного против России, русской церкви и русского народа. Он жестко критикует изображение Александра Невского в книге маркиза де Кюстина «La Russie en 1839» 1846 г., которую он называет документом «европейского русофобства» и идеологической подготовки Крымской войны (*Вернадский*. Два подвига... С. 318).

[128] *Вернадский*. Два подвига... С. 323. См. также: *Клепинин*. С. 88—89.

[129] Вернадский подчеркивает, что ярл Биргер, выйдя в 1240 г. в поход против Новгорода, следовал папской булле о крестовых походах (*Вернадский*. Два подвига... С. 328). Клепинин называет, в частности, шведов «светским мечом» папы (*Клепинин*. С. 147).

[130] *Вернадский*. Два подвига... С. 326.

[131] Там же. С. 320. См. также: *Клепинин*. С.147.

[132] Там же. С. 90.

[133] *Вернадский*. Два подвига... С. 326. См. также: *Клепинин*. С. 91, где приравниваются «душа русского народа» и «православная церковь».

[134] См.: *Вернадский*. Два подвига... С. 321 и далее; *Клепинин*. С. 148 и далее. Сравнение с биографией Даниила Галицкого не было новым элементом истории памяти о Невском. Уже Костомаров сравнивал двух князей. В отличие от Вернадского, осуждавшего «все, что отделяло Украину от России» (*Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 485), и способного лишь критиковать политику Даниила, Костомаров прославлял южнорусского

князя как исторического предшественника независимости Украины. См. об этом также гл. 6.2.

[135] *Вернадский*. Два подвига... С. 336. Вернадский полагает, что «славянофилы» и «западники» в XIX в. соотносились с этой парой. Но, учитывая политические дискуссии своего времени, он призывает: «Осознание культурных противоречий Запада и Востока должно, однако, выйти за пределы литературы, должно стать действенным» (*Вернадский*. Два подвига... С. 336).

[136] *Вернадский*. Два подвига... С. 324.

[137] «Возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром» (*Вернадский*. Два подвига... С. 335).

[138] *Вернадский*. Два подвига... С. 322—323. Клепинин возводит честолюбивое поведение Даниила, направленное на собственные выгоды и укрепление его светской власти, к влиянию средневекового, мирского рыцарского идеала (С. 148—149). В книге Вернадского «The Mongols and Russia», опубликованной в 1953 г. в США, Даниил уже охарактеризован мягче. Вернадский больше не обвиняет здесь галицкого князя в слабостях характера и предательстве, но объясняет различие внешнеполитических концепций Александра и Даниила различиями политических и геополитических факторов в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. См. об этом: *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 490.

[139] *Вернадский*. Два подвига... С. 322.

[140] Там же. С. 325.

[141] Там же. С. 323.

[142] Там же. С. 324. См. также: *Клепинин*. С. 150.

[143] *Клепинин*. С. 7.

[144] Там же. С. 156.

[145] Там же.

[146] *Вернадский*. Два подвига... С. 326. См. также: *Клепинин*. С. 91. Представление о религиозной терпимости монголов не было новым для двадцатых годов. Уже Костомаров упоминал о ней в краткой биографии Александра Невского 1880 г. В последующие годы, однако, этот топос не мог стать прочной составной частью дискурса об Александре Невском, что показало исследование школьных учебников второй половины XIX в. (см. гл. 6.2, 6.3).

[147] *Вернадский*. Два подвига. С. 326; *Клепинин*. С. 90.

[148] Ср.: *Клепинин*. С. 146. Автор упоминает в этой связи христианскую церковь в Каракоруме (С. 123) и учреждение православной епархии в Сарае (С. 146). Изображение «религиозной свободы» монголов у Клепинина несвободно от противоречий. Автор в своем тексте, в частности, без оговорок помещает описание мученической смерти Михаила Черниговского, убитого монголами за то, что по религиозным причинам отказался поклониться «идолам». Александр также был готов умереть мученической смертью, впервые приехав в Золотую Орду (С. 117 и далее). Однако, уважая смелость Александра, Батый не стал его казнить.

[149] *Вернадский*. Два подвига... С. 327.

[150] Там же. С. 331.

[151] См.: Там же. С. 331. Тем самым Вернадский присоединяется к мнению Татищева, что Александр несет ответственность за карательную экспедицию монголов против его брата Андрея (см. гл. 5.3). В отличие от Татищева, евразийский историк, однако, не критикует поведение Александра. Клепинин в своей биографии Невского также полемизирует с Татищевым, однако приходит к выводу об отсутствии прямой связи между занятием Александром великокняжеского престола и походом Неврюя (*Клепинин*. С. 128 и далее).

[152] Там же. С. 8. См. также: С. 186.

[153] Ср.: *Вернадский*. Два подвига... С. 335; *Клепинин*. С. 171. При работе над статьей Вернадский использовал в основном «Степенную книгу», одно из главных произведений династического дискурса Даниловичей XVI в.

[154] *Вернадский*. Два подвига... С. 335.

[155] Там же. С. 336.

[156] *Клепинин*. С. 16.

[157] См.: *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 482.

[158] См., например: *Клепинин*. С. 44—45. Об отношении к вечевой демократии в евразийских трудах Вернадского см.: *Halperin*. Vernadsky and Eurasianism. P. 492; *Idem*. Russia and the Steppe. P. 101.

[159] *Клепинин*. С. 158—159.

[160] Там же. С. 159. Такая характеристика отношений народа и власти особенно интересна в сравнении с описанием взаимоотношений в дискурсе советского патриотизма. Здесь воля правителя постоянно изображается как выражение воли всего народа. См. особ. гл. 9.8.

[161] *Клепинин*. С. 80.

[162] Там же. С. 160, 80. Подобно авторам статьи в БСЭ (1926), Клепинин полагает, что Александр опирался на «больших людей» Новгорода, купцов и бояр. Высший слой предпочел кооперацию города с Суздалем и тем самым противопоставил себя интересам «маленьких людей», которые хотели бороться за независимость Новгорода. Предположительно симпатизировавший «верхнему слою», Клепинин, в отличие от большевиков, не находил в этой коалиции ничего предосудительного (С. 162 и далее).

[163] Там же. С. 159.

[164] Там же. С. 160.

[165] Там же. С. 186.

8. СОВЕТИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА: 1937 ГОД

Можно лишь гадать о том, удалось бы наконец большевистской пропаганде, с ее двойной стратегией клеветы и замалчивания, вытеснить Александра Невского из русской культурной памяти. Однако путь этого святого вел не в долину забвения, а на вершину советского пантеона. Такой метаморфозой князь был обязан фундаментальному идеологическому повороту. В ходе обширной трансформации культурной системы координат, происходившей в СССР с начала тридцатых годов, до тех пор действовавшая историческая доктрина была подвергнута ревизии и по-новому была определена функция истории как легитимирующей науки. Отказавшись от историографии Покровского, прямо ориентированной на экономико-исторические категории, ВКП(б) после 1934 г. реабилитировала государство, индивидуума и (русский) народ как объекты исторического нарратива. Теперь требовалось создание новой патриотической истории, полной фактов, событий и личностей, которая должна была занять прочное место в идеологии «советского патриотизма» и повысить любовь населения к родине и политическому руководству. Одной из выдающихся исторических личностей отечественной истории, вновь открытых в этом контексте, стал Александр Невский, путь которого к статусу важнейшего национального героя в русской культурной памяти начался в 1937 г.

В советском патриотическом образе Александра Невского, распространенном среди населения шире всех ранее существовавших его образов, элементы национального дискурса XIX в. были сплавлены со специфической марксистско-ленинско-сталинской трактовкой истории. Основываясь на образе Александра как русского воина и героя, советский патриотический дискурс создал из него военного и политического вождя. Он становился фигурой отца, не только тесно связанного с народом, но и возвышающегося над под-

данными. Очевидно сходство такой фигуры с пропагандировавшимся образом Сталина. Как никогда в истории памяти об Александре Невском, советский патриотический дискурс размывал границы между историей и современностью. Авторы, обращаясь к читателям, на слуху у которых каждый день были предупреждения о все возрастающих угрозах «изнутри» и «извне», рассказывали на историческом материале о ситуации, поразительно похожей на положение 1930-х гг. И в XIII в., согласно новой доктрине, в сообщество «изнутри» проникали предатели и «враги народа», а в затылок дышала все возрастающая внешняя угроза, исходившая от врагов-немцев. Единственным выходом из этой ситуации была ожесточенная борьба и коллективное подчинение вождю народа. Ссылка на исторический образец и суггестия повторяющихся исторических процессов придавали современному общественному устройству ауру вневременности и трансцендентности.

8.1. Советский патриотизм и история

Едва ли можно выяснить точную дату принятия решения, приведшего к реабилитации большевиками Александра Невского. Первый текст, после двадцатилетнего перерыва посвященный князю и его деяниям, появился в партийном «Историческом журнале» за март—апрель 1937 г.[1]. Можно предположить, что решение вновь выдвинуть Александра Невского как позитивную фигуру интеграции было принято не позднее второй половины 1936 г. Оно стало частью масштабной переоценки дореволюционной отечественной истории в рамках идеологии советского патриотизма, получившей распространение с середины тридцатых годов[2].

Еще в 1927 г. «патриотизм» в СССР считался «наиболее реакционной идеологией, которая призвана обосновывать империалистическое хищничество и заглушать классовое сознание пролетариата»[3]. Несколько лет спустя всеобщее осуждение патриотических чувств уже считалось устаревшим. Советский патриотизм — «пламенное чувство безграничной любви, беззаветной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбы и оборону» — был в 1935 г. представлен патриотизмом нового типа, который «бьет могучим ключом из глубин нашего народа»[4]. Хотя в середине тридцатых годов такая трактовка скорее отвечала желанию партийных

функционеров, чем советской реальности, цитата эта весьма показательна для той роли, которую большевики отводили новой любви к отечеству: советский патриотизм призван был высвободить в населении силы, которые не в состоянии (теперь) были мобилизовать идеология марксизма-ленинизма, старые революционные силы и идеалы интернационализма. В период мощных социально-экономических переломов (коллективизации и индустриализации) и установления единоличной власти Сталина советский патриотизм призван был усилить легитимирующую основу режима и повысить готовность страны к обороне. В содержательном отношении советский патриотизм оказался амальгамой революционной риторики, культа личности Сталина и переосмысленных элементов «имперского патриотизма» дореволюционного времени[5].

Отказ от цели мировой революции в среднесрочной перспективе и объявление новой доктрины «построения социализма в отдельно взятой стране» требовали корректировки официального исторического нарратива, вновь ориентированного на образцы российского имперского патриотизма[6]. В отличие от молодого Советского государства, считавшего Октябрьскую революцию и Гражданскую войну «часом ноль» и элементами своего космогонического мифа и стремившегося встраиваться разве что в русскую или европейскую традицию народных восстаний, СССР тридцатых годов признал себя историческим продолжением Российского государства «поверх» исторического перелома 1917 г. В 1934 г. Сталин отказался от трудов Покровского и его учеников. Вождя не устраивало, что в работах этой школы история описывалась как абстрактный процесс, без учета национально-государственных особенностей, роли исторических личностей и хронологической последовательности событий[7]. Такая история оказалась непригодной для усиления любви к отечеству и его политическому руководству. Вновь была необходима конкретная история с великими именами, фактами и событиями. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Сталин объявил стремление к эгалитаризму «буржуазным» и «инфантильным» и создал тем самым основания для нового культа самого себя и своих великих исторических предшественников[8].

Особое внимание партия уделяла пересмотру школьных учебников по истории. Изучение истории в 1931 г. было отделено от обществоведения, и с тех пор история вновь стала отдельным учебным предметом в советской школе. Однако поиски нового

официального советского патриотического образа истории были долгими и сложными. Поначалу вопрос о том, какие события и личности должны быть удостоены упоминания в школьных учебниках, был открытым. Лишь в результате прошедшего в 1937 г. конкурса на создание учебника для третьего и четвертого классов начальной школы была избрана и одобрена первая с момента изменения курса в 1934 г. официальная версия исторического нарратива[9].

В этот новый официальный исторический нарратив об СССР попали прежде всего персонажи *русской / российской* истории. Поэтому Оберлендер называет «советский патриотизм в его воздействии на... историческую науку» «едва прикрытым великорусским национализмом»[10]. Новая «история СССР», начинавшаяся не с Октябрьской революции, а с истории расселения славян в древности, покоилась, если говорить упрощенно, на трех столпах. Во-первых, на истории (русского/российского/советского) централизованного государства и его территориальной экспансии, во-вторых, на истории великих личностей, прежде всего правителей и полководцев, ускорявших историческое развитие, и, в-третьих, на истории «народных масс», выдвигавших своих вождей, которые вели массы в историческом развитии по пути прогресса. «Осью истории России были уже не классовая борьба и народные восстания, но прогрессивное строительство централистского государства сильными личностями»[11].

8.2. Реабилитация Александра

Новое историческое повествование, однако, не полностью порвало с риторикой исторического материализма. Скорее, «в своеобразном диалектическом процессе... произошел своего рода синтез материалистического и националистического взгляда на историю»[12]. Важнейшим критерием для включения той или иной исторической личности в советский патриотический пантеон был ее «прогрессивный» характер. Должно было быть понятно, какими выдающимися деяниями или решениями тот или иной правитель внес вклад в историческое развитие от феодализма к коммунизму. При этом централизация государства и модернизация страны считались частью этого великого прогрессивного процесса. На этом

фоне были реабилитированы в качестве «великих модернизаторов» Иван IV и Петр I, ставшие ведущими фигурами советского патриотического образа истории[13]. Александр Невский в середине тридцатых годов также превратился в прогрессивную историческую фигуру идентификации. Но при всем том он не годился для интеграции в новый нарратив в роли «модернизатора». Скорее он был реабилитирован как политик и полководец, чьи заслуги заключались в «борьбе за свободу и независимость Родины». Реабилитацию Александра Невского в 1936—1937 гг. следует рассматривать в первую очередь в связи с захватом власти национал-социалистами в Германии и развитием антифашистской пропаганды в Советском Союзе[14].

Усилия по ренационализации советского образа истории ставили авторов советского патриотического исторического канона перед почти невыполнимой задачей. Они должны были закрепить в новом нарративе статус «прогрессивных» личностей за князьями и полководцами, еще незадолго до этого заклейменными в качестве феодалов и «эксплуататоров народных масс». В случае Александра Невского был использован весьма искусный аргумент. Ключ к проблеме был найден в трудах Карла Маркса, считавшихся в советской историографии непогрешимыми и исполнявших роль канона. Карл Маркс в конце семидесятых годов XIX в. интенсивно занимался историей, в связи с чем делал среди прочего выписки из многотомной «Всемирной истории для немецкого народа» (*Weltgeschichte für das deutsche Volk*) Фридриха Христофа Шлоссера[15]. В четырех школьных тетрадях, позднее получивших от Фридриха Энгельса название «Хронологические выписки», Маркс делал записи о политической истории Европы от первых веков до н.э. вплоть до XIV в. На плотно исписанных страницах этих тетрадей имеется и несколько кратких замечаний об Александре Невском. Стоит подробно остановиться на их содержании, поскольку именно они цитируются почти во всех текстах советского патриотического дискурса.

Сравнив соответствующие пассажи из «Всемирной истории» Шлоссера с выписками Карла Маркса, можно обнаружить почти полное совпадение обоих текстов. Они различаются лишь в том, что Маркс сократил рассуждение Шлоссера и дополнил его собственным замечанием, где обругал прусскую аристократию, т.е. рыцарей ордена.

«Всемирная история» Фридриха Шлоссера	**Русский перевод**	**Выписки Карла Маркса**	**Русский перевод**
Alexander, der Beherrscher von Nowgorod, zog 1242, nachdem er sich zwei Jahre früher durch einen an der Newa erfochtenen Sieg über die Schweden den Beinamen Newski erworben hatte, den Deutschrittern entgegen und brachte ihnen auf dem Eise des Peipussees eine Niederlage bei, durch welche sie von der russischen Grenze ganz zurückgetrieben wurden.	Александр, правитель Новгорода, в 1242 году, после того как двумя годами ранее одержав на Неве победу над Шведами получил прозвание Невский, выступил против тевтонских рыцарей и нанес им поражение на льду Чудского озера, которое окончательно оттеснило их от русской границы.	1240 schlägt der Alexander (Fürst von Novgorod) d. Schweden an der Newa; [unleserlich] Beiname Newski. 1242 zieht Alexander Newski den Dtschrittern entgegen, er schlägt sie auf d. Eise des Peipussees, dass die Lumpacii gz v. d. russ. Grenze zurückgetrieben.	1240 Александр (князь Новгородский) разбил шведов на Неве, откуда его прозвище Невский. 1242 Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы.
Mindove oder Mendog, ein Fürst der Litauer, der vom Christentum wieder abgefallen war, schlug 1260, in Verbindung mit den Russen und Kuren, das Heer der Ritter und der ihnen unterworfenen christlichen Liven und Preußen bei Durben so, daß ein großer Teil desselben vernichtet ward[16].	Миндов, или Мендог, князь литовцев, вновь отпавших от христианства, в 1260 году под Дурбеном, объединившись с русскими и курами, нанес такой удар войску рыцарей и подвластных им христианских ливов и пруссов, что была уничтожена большая часть его.	1250 [sic!] Der von der Christenseuche abgefallene lithauische Fürst Mindove od. Mendog, schlägt in Verbg. mit Russen u. Kuren d. Heer deutscher Reitershund u. d. ihm unterworfenen, christl. Lieven und Preussen bei Durben, so dass grosser Teil d. Canaillen vernichtet...[17]	1250 Снова отрекшийся от христианской язвы литовский князь Миндове, или Мендог, в союзе с русскими и курами разбивает при Дурбене войско немецких псов-рыцарей, подчиненных им и обращенных в христианство ливов и пруссов, так что большая часть этой сволочи была истреблена[18].

Как само «суждение» Карла Маркса об историческом значении Александра Невского, так и тот факт, что он называет рыцарей ордена «псами», «сволочами» и «прохвостами», прочно вошли в состав советского патриотического дискурса о средневековом князе. «Высказывания» Маркса об Александре Невском, уместившиеся всего в несколько предложений в конспекте, тем не менее принадлежали считающейся непогрешимой инстанции, а потому лучше всего годились для оправдания нового интереса к Невскому.

Несколько причин делают примечательной карьеру этой цитаты из Маркса в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском. Во-первых, в основе ее лежит труд немецкого историка эпохи Просвещения, преломившийся в выписках Карла Маркса, которые были извлечены в 1937 г. для реабилитации Новгородского князя эпохи раздробленности. (Не стоит, вероятно, и упоминать, что ни в одном из советских текстов об Александре Невском не названо имя Шлоссера, чью книгу конспектировал Маркс[19].) Во-вторых, систематическое исследование трудов Фридриха Энгельса и Карла Маркса показывает, что оба они никак не могут быть названы ни критиками «немецкого распространения на восток» в Средние века, т.е. силового захвата земель, заселенных славянами и балтами, ни сторонниками героизации Александра Невского[20]. Напротив, Вольфганг Випперманн полагает, что оба даже «могут рассматриваться как сторонники так называемой теории культуртрегерства и прагерманцев», а их тексты 1850—1860-х гг. полны высказываний антирусского и антиславянского содержания[21]. В отличие, например, от Бакунина, Маркс и Энгельс позитивно оценивали «немецкое расселение на востоке». Они видели «в средневековом немецком расселении на востоке, или, как они говорили, “германизации”, “колонизации”, “цивилизирование” областей, заселенных тогда славянами, социальное и культурное развитие... которое можно назвать прогрессивным»[22]. На этом фоне негативная характеристика Тевтонского ордена в выписках Маркса из Шлоссера оказывается единичным феноменом, значение которого можно понять, лишь учитывая его позицию по отношению к Прусскому государству в 1870-е гг. Как убедительно доказывает Ханс-Хайнрих Нольте, высказывания Маркса о рыцарских орденах говорят прежде всего о его политической антипатии к Пруссии в конце 1870-х гг. после основания Германского рейха, конца Парижской коммуны и принятия законов против социалистов[23].

Несмотря на все это, важнейший идеологический программный журнал ВКП(б) «Большевик» в декабре 1936 г. опубликовал перевод первой части «Хронологических выписок» Маркса, включая и пассаж об Александре Невском[24]. Благодаря одному лишь авторитету Маркса эти несколько предложений уже считались безошибочными, а место публикации делало их как бы сакральными формулами. В качестве цитаты они встречаются уже в тексте, появление которого несколько месяцев спустя маркирует начало нового советского патриотического дискурса о князе.

В честь 695-й годовщины Ледового побоища А. Козаченко опубликовал в марте—апреле 1937 г. в научно-популярном партийном «Историческом журнале» статью под заглавием «Замечательный исторический урок» о Невской битве и сражении на льду Чудского озера[25]. В этом ключевом тексте, где упоминается и историческое «суждение» Карла Маркса[26], уже можно выделить все элементы, повлиявшие на советский патриотический дискурс об Александре Невском в последующие годы. Во-первых, автор категорически отмежевывается от понимания прошлого Покровским и его школой. Во-вторых, текст Козаченко можно интерпретировать как часть советской реакции на идеологию национал-социалистов. В-третьих, он описывает мы-группу как национальное боевое сообщество и разграничивает его с внешними агрессорами — немцами — и внутренними врагами — «врагами народа».

Несмотря на авторитет Карла Маркса, требовался серьезный «трюк» в аргументации, чтобы одним махом проклясть всех князей и бояр XIII в. как «нещадных эксплуататоров народных масс»[27] и одновременно объявить героем одного князя из этой группы. Для Козаченко «Александр был выдающимся по тому времени полководцем и политическим деятелем»[28]. Данное противоречие невозможно было решить и риторической атакой, которую новые апологеты Александра вели против Покровского и его школы. По Козаченко, поборники «механистического материализма» не оценили «прогрессивного значения» деятельности Александра Невского. Они обвиняли князя в том, что он использовал тяжелую ситуацию в Новгороде, чтобы ввести в нем «суздальские порядки»[29]. Покровский, сомневавшийся в самом существовании русского народа, не считал необходимым заниматься его «исторической борьбой» с «немецкими захватчиками» в XIII в. Он даже «не замечает того единодушия, с которым русский народ выступает во главе с Александром Невским на защиту земли русской от германских

захватчиков, не понимает, что развернулась борьба за самостоятельное существование русского народа»[30]. Хуже того, Покровский и его ученики, по мнению Козаченко, предательски были готовы увидеть в любом захвате и порабощении русского народа феномен «прогрессивного характера»:

> ...ныне разоблаченные враги народа Ванаг и Пионтковский, расценивая чужеземные вторжения как «положительный» фактор, не только извращали действительный исторический процесс, но тем самым подводили «историческую» базу под предательскую, контрреволюционную шпионскую деятельность троцкистской банды, замышлявшей интервенцию против СССР и подготавливавшей расчленение нашей родины немецким и японским империализмом[31].

Объявление «врагами народа» и «агентами империализма» ведущих историков школы Покровского стало однозначным сигналом всем советским историкам. Они знали, какая судьба ожидала «врагов народа» в 1937 г. Процессы против коллег Ванага и Пионтковского однозначно указывали, насколько может быть опасной публичная защита ранее считавшихся верными убеждений. Уже один этот короткий отрывок из текста демонстрирует, насколько безжалостными и жестокими методами руководство пыталось насадить в советском историческом дискурсе новую историческую доктрину и новое прочтение Александра Невского[32].

В статье Козаченко, первом тексте советского патриотического дискурса об Александре Невском, видно, что в СССР вполне верно отслеживались ориентированные на восток империалистические планы национал-социалистов. Они осмыслялись, по крайней мере в пропагандистских текстах после 1937 г., как серьезная опасность. Признание Гитлера в «Mein Kampf», которое цитирует Козаченко, а также другие авторы советского патриотического дискурса[33], кажется прямым сигналом к тому, чтобы реабилитировать в качестве советского героя Александра Невского, однажды уже победившего рыцарей ордена на льду Чудского озера:

> Если хотелось земли и почвы в Европе, то достичь этого в общем и целом можно было только за счет России, поэтому новый Рейх должен был отправиться в поход тем же путем, которым про-

шли некогда рыцари давних орденов, чтобы немецким мечом и немецким плугом добыть для нации хлеб насущный[34].

Козаченко в своей статье спорит с так называемой «теорией культуртрегерства», которую он называет исторической идеологией национал-социалистских захватнических планов, и противопоставляет ей свое видение «действительной истории»[35]:

Взоры захватчиков прежде всего обращены на Прибалтику и Советскую Украину. Фашистские «историки» Германии сочиняют нелепые «теории» об «исторических правах» Германии на Прибалтику вплоть до Новгорода! Гитлер клеветнически утверждает, что «не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам». Эта клевета понадобилась Гитлеру для маскировки и обоснования своих захватнических планов в отношении СССР[36].

На самом же деле, утверждает Козаченко, эти «германские элементы», «германские рыцари» (С. 156, 159), или «германские крестоносцы» (С. 157), «германские дворяне» (С. 160) или «германские захватчики» (С. 163) не принесли в XIII в. на северо-восток Европы ни культуры, ни цивилизации. Их «созидательная деятельность» состояла прежде всего в «грабеже, разорении и крепостном гнете» (С. 156). Чтобы доказать это, Козаченко описывает не только нападения Тевтонского ордена на Псков и Новгород, но и захват и колонизацию Пруссии и Прибалтики начиная с начала XIII в. меченосцами и Тевтонским орденом:

Покоряя, грабя земли Прибалтики, рыцари истребляли значительную часть местных жителей... Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство... Такова была «цивилизация», которую несли с собой германские «рыцари»... прибалтийским племенам[37].

Козаченко высвобождает историю Александра Невского из рамочного повествования о «монгольском иге», в которое она была помещена еще в XIX в., и возвращает в нарратив о многовековом немецком *Drang nach Osten*. При этом он воспроизводит, пусть с противоположным знаком, «теорию преемственности» национал-социалистов. Последние утверждали, что Третий рейх представляет собой высшую точку и окончательное завершение немецкой

истории[38]. Он упрекает национал-социалистов в том, что они стремятся продолжить традицию немецкого «натиска на Восток», и предупреждает:

> Средневековые германские «варвары-болваны», как их называет Маркс, в наше время являющиеся излюбленным идеалом Гитлера, 695 лет назад получили хороший урок от русского народа! Германские фашисты должны были бы помнить этот урок, как и совсем недавние уроки, полученные ими в 1918 г. на Украине и юге России. Но еще более страшный разгром ждет теперь любого захватчика, который посмеет посягнуть на советскую землю, на отечество трудящихся всего мира[39].

«Теория преемственности», представление об исторической связи между Тевтонским орденом и Германским рейхом, стала важнейшим элементом советского патриотического дискурса об Александре Невском до 1945 г.[40]. Новым «рамочным повествованием» о биографии князя стал теперь рассказ о «многовековой борьбе за свободу славянских и балтийских народов против немецкого "натиска на Восток"». Победа 1242 г. должна была стать для советского народа «звездным часом», а национал-социалистам послужить «уроком».

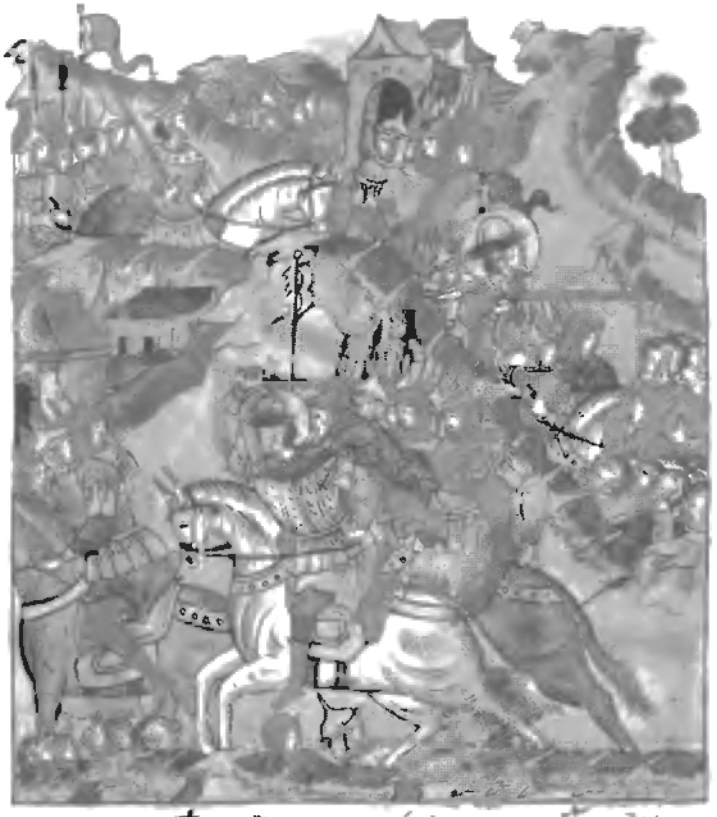
Ни как святой, ни как князь Александр Невский не мог быть интегрирован в новый советский образ прошлого без существенных трений. Хотя с середины тридцатых годов статус Александра как избранного новгородского князя не был полностью забыт, в последующие годы все сильнее выступала на передний план политическая функция Александра. В дискурсе советского патриотизма Александр Невский стал прежде всего военным героем и стратегом. Авторы тридцатых годов могли опереться на военный образ Невского, уже наметившийся в национальном дискурсе XIX в. Но в советском патриотическом дискурсе Невский лишился своего статуса святого. Десакрализация или секуляризация его фигуры, берущая начало в трудах секулярной историографии XVIII в. и достигшая апогея в антирелигиозной пропаганде большевиков в 1920-е гг., окончательно завершилась в текстах советского патриотизма.

Стилизация Александра как воина становится особенно заметной при рассмотрении его образа в пропаганде времен Великой Отечественной войны (гл. 10.3). Основания для такого прочтения были заложены в 1937 г. Очевидно, что большевики уже в это вре-

1. Чудо от иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Битва новгородцев с суздальцами. Икона. Новгородская школа. XV в.

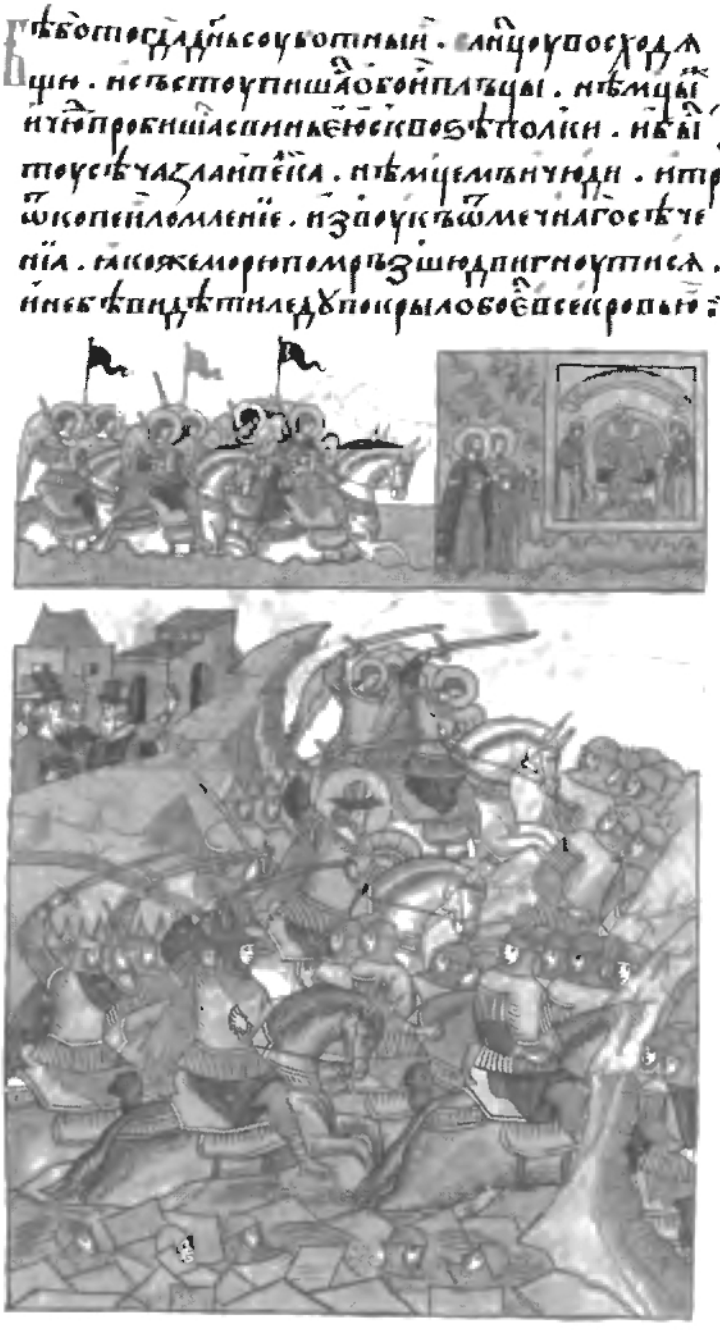
2. Прорись портретной иконы Александра Невского. Строгановский иконописный подлинник. XVI в.

3. Александр Невский в великой схиме. Портретная икона. XVI в.



храбростьего такоримскагоцра сына
сіяна неропопасна. и плъниласеюземлю
гоуденскоую. и исполчиласаполсиепом.
и пошелъ кречьтвпятницоградъантипа
тъ. граженепыщеше. побѣдилъ ополки
его. онъжеединыщѣ. возвратисяльви
копратиоградны. идрѣжинѣшеорипо
смѣпемърече. почтошестлинистема
единаго. такоейпедиксинесъмѣлеса
идратаросламичь. побѣжаменездѣ. ани
побѣдинисолиже.

4. Сражение на льду Чудского озера. Миниатюра из Лицевого свода. Вторая половина XVI в.



5. Префигурация и воплощение — император Веспасиан и Александр Невский. Лицевой свод. Вторая половина XVI в.

6. Великий князь Александр Ярославич. Фрески в Архангельском соборе Московского Кремля. 60-е годы XVI в. Сегодняшний вид — с XVII в.

8. Великий князь Александр Ярославич.
Изображение в «Титулярнике» 1672 г.

9. Портретная икона Александра Невского. XVIII в.

10. Портретная икона Александра Невского. XVIII в.

11. Христос Вседержитель

12. Портретная икона Александра Невского:
Петропавловский собор в Санкт-Петербурге. Начало XVIII в.

13. Александр Невский.
Мозаика работы
М.В. Ломоносова
1757/1758 г.

14. Петр Первый.
Портрет Г. Кнеллера
1697 г.

15. Святой Александр Невский. Лубок. XVIII в.

16. Крестный ход в Петербурге 30 августа.
Фотография 1908 или 1909 г.

17. Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями.
Картина Г.И. Угрюмова
для Троицкого собора Александро-Невской лавры, 1794 г.

18. Святой Александр Невский.
Эскиз портретной иконы для иконостаса Владимирского собора в Киеве В.М. Васнецова. 1884/1885 г.

19. Александр Невский и Исаак Далматский.
Фрагмент росписи купола Исаакиевского собора в Петербурге
(художник — П.В. Бассин). Первая половина XIX в.

20. Александр Невский умоляет хана пощадить землю русскую.
Иллюстрация В.В. Верещагина
для книги «Русская история в картинах» Н.А. Дементьева.
1863—1871 гг.

21. Александр Невский с новгородцами молится перед битвой. Иллюстрация из учебника по истории. Конец XIX в.

23. Антирелигиозная карикатура из журнала «Безбожник». 1925 или 1926 г.

24. Кнехты Тевтонского ордена.
Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

25. Рыцарь Тевтонского ордена.
Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

26. Александр Невский прощается с Домашем Твердиславичем. Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

27. И.В. Сталин и Л.М. Каганович у гроба С.М. Кирова.

28. Въезд Александра Невского во Псков.
Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

29. Сталин в образе «отца народов» (с Гелией Маркизовой на руках)

30. Богатырь Гаврило Олексич защищает князя в сражении. Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

31. «Черная месса» рыцарей Тевтонского ордена во Пскове. Кадр из фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. 1938 г.

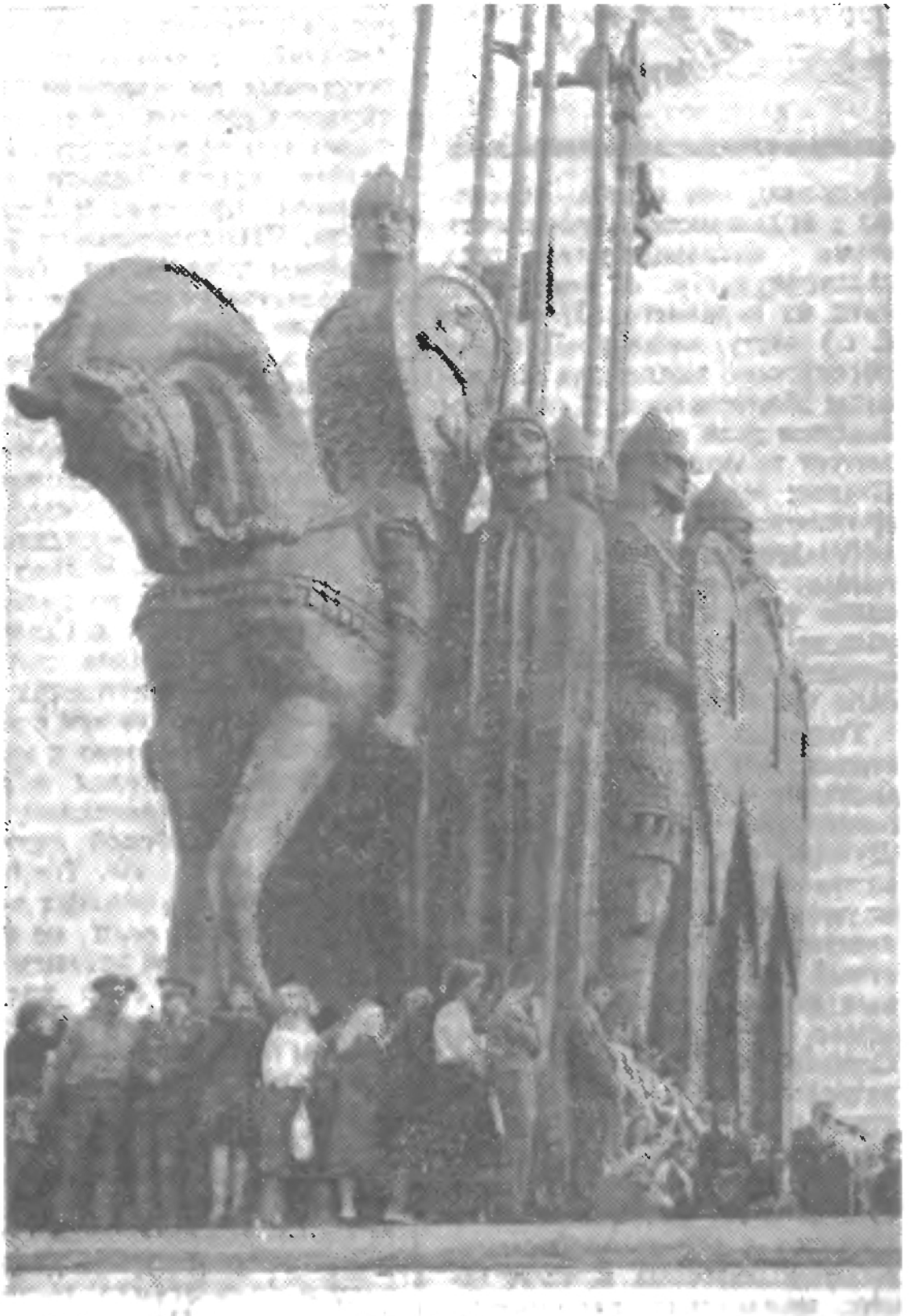
32. Александр Невский. Плакат 1938 г.

33. Александр Невский. Плакат 1938 г.

34. Александр Невский. Плакат 1941 г.

35. Окна ТАСС. 1944 г.

36. Александр Невский.
Живописное полотно П.Д. Корина (1942—1943 гг.).
Средняя часть триптиха



30 мая исполняется 775 лет со дня рождения Великого князя Александра Невского.

37. Памятник в честь Ледового побоища на Соколичьей горе (окрестности Пскова, недалеко от Чудского озера). 1988—1992 гг. Фотография 1995 г.

38. Президент Б.Н. Ельцин передает символический «меч Александра Невского» музею Великой Отечественной войны. 3 мая 1995 г.

39—42. Современные портретные иконы Александра Невского

43. Рекламный плакат.
Петербургский маргариновый комбинат. 1999 г.

мя стремились представить Александра Невского гениальным полководцем. Поскольку качество военной стратегии полководца демонстрирует прежде всего разработанная им военная тактика, внимание историков с 1937 г. было направлено на «военное искусство» Александра. Выдающееся значение при этом придавалось тактике полководца в «судьбоносной битве» 1242 г. Тот факт, что ни в дореволюционной историографии, ни в исторических источниках о сражении не было никаких данных о стратегии Невского, не стал помехой[41]. Житие (ранняя редакция) дает лишь сведения о месте битвы[42]. Новгородская первая летопись также ничего не говорит о стратегических планах Александра. Однако в ней засвидетельствована наступательная тактика Тевтонского ордена: его войско было построено в форме клина, названного «свиньей»[43]. «Ливонская рифмованная хроника», единственный немецкоязычный источник, подробно описывающий ход сражения, сообщает о численном превосходстве русских войск и окружении рыцарей ордена в ходе битвы[44]. Но она не содержит сведений ни о расстановке войска, которым командовал Александр, ни об особенных тактических маневрах князя[45]. С таким состоянием источников столкнулись советские историки, когда в 1937 г. получили задание сделать из Александра Невского «гениального полководца».

Превращение князя в военного стратега происходило постепенно. Рассуждения Козаченко по сравнению с более поздними, фантастическими утверждениями были еще относительно сдержанными. Он исходит из положения, что Александр Невский был знаком с наступательной тактикой Тевтонского ордена, отраженной в Новгородской летописи. Используя весьма осторожные формулировки, Козаченко описывает, как мог бы выглядеть ответ Александра на выдвижение «свиньи»:

> Следует думать [! — *Ф.Б.Ш.*], что, зная об этом приеме германской тактики, Александр Невский подготовил концентрацию своих сил на флангах, что вскоре и дало неожиданные для «рыцарей» результаты. Их «свинья» врезалась в русскую рать и пробила ее строй насквозь. Но русское войско не обратилось в бегство и приняло бой[46].

Благодаря тактике усиления флангов клин врезался в пустоту, рыцари были окружены, теряли пространство для маневра и таким образом были разбиты. Своими предположениями Козаченко за-

ложил основы для всех дальнейших спекуляций о военном искусстве Александра Невского.

Нащупывание автором формулировки стратегического успеха Александра указывает на то, что Козаченко еще не видел в тактическом плане полководца решающей причины победы 1242 г. Скорее, причиной триумфа стал боевой дух «русских народных масс, для которых эта битва должна была обеспечить возможность дальнейшего национального существования и развития»[47]. Козаченко в статье задает мы-группу как национальное русское народное сообщество. «Русский народ» (С. 163) он описывает, с одной стороны, как простое «беззащитное русское население» (С. 162), которое мучают рыцари Тевтонского ордена:

> «Рыцари» вели себя как обычно: грабили купцов, нападали на безоружных русских крестьян, убивали, насильничали, отбирали у них детей, скот, коней и др... [Такой была] «созидательная» деятельность, которую несли Руси христианствующие германские «рыцари», грабители, охотники на детей![48]

С другой стороны, он описывает мы-группу как сообщество борцов, полное решимости защитить собственную страну, «русскую землю»:

> Весь народ, вся русская земля напрягли последние силы и выступили единодушно на борьбу с захватчиками. В русских народных массах, несмотря на политическую раздробленность Руси, была сильна идея защиты своей земли от иноземцев. ...это была решительная борьба за национальную свободу, за защиту своей земли от наглых захватчиков[49].

В качестве внешнего врага в тексте Козаченко в первую очередь названы враждебные «германцы» (С. 163), которых он называет «грабителями» (С. 162), заносчивыми «прохвостами» (С. 163) и «закованными в железные доспехи, организованными германскими рыцарями» (С. 157). Они стремились захватить страну и ограбить порабощенное население. Нападая, они сжигали церкви и брали в плен детей. «Немецкие захватчики» (С. 160) хотели использовать слабость Руси после монгольского завоевания. Они хотели не только захватить Псков, но и поработить весь «русский народ»: «Это было объявление войны русскому народу»[50]. Рыцари «прикрывали

религиозными мотивами» свои грабительские цели. За ними стояли папы, которые «продолжали призывать и германских и шведских рыцарей к крестовым походам на "язычников"»[51]. Уже во время нападения на Прибалтику папа Иннокентий III «благословил как богоугодное дело их ограбление, порабощение и истребление»[52].

По сравнению с «германцами» Козаченко придает малое значение остальным врагам Новгорода и Руси — шведам и монголам. Невской битве он отводит четверть страницы и примерно столько же — описанию захвата Руси монголами. Фокусируясь на антинемецком моменте в истории Александра Невского, Козаченко придерживается той линии традиции, что берет начало в биографии Александра, написанной в 1880 г. Костомаровым, всплывает в школьном учебнике Ефименко и достигает кульминации в военной пропаганде после 1914 г.[53]. Однако в создании образа немцев-врагов авторы более поздних текстов многократно превзошли Козаченко по остроте и агрессивности. Известный антикатолический или антипапский момент в тексте Козаченко также ориентирован на старый образец. Впервые тезис о том, что за кулисами нападений Ордена и Швеции стоял папа Григорий IX, высказал Соловьев в своей «Русской истории» (ср. гл. 6.2) (с которой сверялся Козаченко). Как в текстах национального дискурса, школьных учебниках второй половины XIX в., которые мы интерпретировали как отражение образа истории «имперского национализма», и в текстах церковно-сакрального дискурса того времени, так же и у Козаченко вновь возникает эта антикатолическая нота (см. гл. 6.3, 6.4). Если образ врага-папы, призвавшего к крестовому походу на восток против «язычников», служил в XIX в. отграничению мы-группы — сообщества православных христиан — от сообщества католиков, в дискурсе советского патриотизма он призван был описать нехристианскую или арелигиозную мы-группу русского народа. В советском патриотическом дискурсе об Александре Невском замалчивались как православное вероисповедание этого сообщества, так и святость князя. «Христианин» и «католик» у Козаченко становятся почти синонимами и употребляются негативно. В этом автор опирается на антирелигиозную пропаганду 1920-х гг.

Наряду с описанием внешнего врага Козаченко дает в своей статье и второй негативный фон, для размежевания мы-группы «изнутри». Разграничивая простые «русские народные массы» и «князей и бояр», автор демонстрирует степень своей зависимости от риторики марксистского понимания истории. Следуя четкой

черно-белой схеме, он пишет, что не только русские удельные князья, но и боярская олигархия в Новгороде стремились эксплуатировать «народные массы» и сохранить феодальную раздробленность: «...феодальная обособленность, поддерживаемая аристократической верхушкой Новгорода, затрудняла защиту западных русских земель»[54]. Простой народ страдал от такого положения и стремился к объединению и централизации русских земель[55]. Но больше всего «русский народ» страдал от группы «предателей», поддерживавших нападения «германских рыцарей». С помощью этих «изменников-аристократов» (С. 161) «немецкие разбойники» смогли занять приграничную крепость Изборск. Осада Пскова закончилась лишь после того, как жители Пскова признали наместником «ставленника Ордена» (С. 161), предателя боярина Твердилу. После Невской битвы высшая аристократия Новгорода сместила Александра Невского, подозревая его в желании урезать власть боярской олигархии. Только призыв простых новгородцев вернул князя в город, чтобы он повел «русское войско» против врага[56].

Если параллели между угрозами Новгороду в XIII в. и захватническими планами Гитлера против СССР эксплицированы в тексте Козаченко, то аналогии между внутриполитическим положением на Руси и положением в СССР оказываются скорее имплицитным подтекстом, впрочем, вполне понятным читателю. Средневековые аристократы и бояре были предшественниками кулаков и других современных автору «классовых врагов»; «аристократические предатели» — предками сегодняшних «врагов народа»; связь простого народа с его военным и политическим главой предвосхищала провозглашаемую близость вождя и советского народа.

8.3. Карьера Александра

Статья Козаченко «Замечательный исторический урок» маркирует начало новой «карьеры» Александра Невского в ландшафте советской прессы и в русской/советской культурной памяти. В статье уже заданы те границы, внутри которых развивался советский патриотический дискурс об Александре Невском в последующие годы.

Напрашивается предположение, что существует прямая связь между текстом Козаченко и устным указанием секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова историку А.В. Шестакову от 19 апреля

1937 г. о том, чтобы он внес в свой конкурсный проект школьного учебника немного больше сведений о Тевтонском ордене и Александре Невском. Ему было рекомендовано обратиться к хронологии Маркса о Ледовом сражении[57]. Автор послушно выполнил это требование. Шестаков, чей «Краткий курс истории СССР» выиграл конкурс 1934—1937 гг., описывает в главе «Борьба новгородцев со шведами и немцами» битвы 1240 и 1242 гг., придавая борьбе с «немцами» большее значение[58]. Битва на Чудском озере включена им в широкий контекст завоевания Прибалтики немцами начиная с XII в.:

> ...немцы рыцари... беспощадно грабили и истребляли жившие здесь славянские, литовские и другие племена. ...еще больше усилили свои зверства. Они навязывали жителям свою веру, уничтожали их свободу, обращали в крепостных[59].

Когда немецкие «псы-рыцари» (!) напали на Новгородскую землю, «великий русский полководец князь Александр Невский» собрал свое войско и уничтожил «немцев».

По мнению правительственной комиссии, отвечавшей за конкурс, в отличие от Шестакова,

> большинство авторов, как правило, не дают правильной исторической оценки битвы на Чудском озере с немецкими рыцарями, когда было приостановлено движение на восток германских оккупантов (разбойничий Тевтонский орден — «псы-рыцари» — как называл их Карл Маркс), осуществлявших колонизацию путем полного истребления и грабежа покоряемых народов. Отсутствие марксистской оценки именно этого события в истории СССР тем более недопустимо, что в отношении его имеется определенная оценка Маркса: «1242 год. Александр Невский выступает против немецких рыцарей и разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы»[60].

Включение рассказа об Александре Невском в новый официально одобренный учебник по истории СССР демонстрирует, что князь в конце 1937 г. был полностью реабилитирован. Уже на следующий год вышло три самостоятельных публикации о битве на Чудском озере, четыре статьи в научных журналах, а также двадцатистраничная поэма известного советского поэта Константина Ми-

хайловича Симонова[61]. В этих текстах развиты различные элементы повествования об Александре Невском из статьи Козаченко.

Рамочное повествование всех текстов 1938 г. о битве на Чудском озере составляет история немецкой экспансии на северо-востоке Европы и некоей 700-летней русско-немецкой вражды. Рассказ о немецкой колонизации Прибалтики с XII в. дополнен описанием «немецко-русских» битв начиная с XIII в.[62]. Основное содержание рассказа однозначно: даже если немецким захватчикам удавалось атаковать «Россию», они всегда уничтожались. Это сообщение было адресовано как советской читающей публике 1938 г., укрепляя ее готовность к обороне, так и национал-социалистской Германии, которая, как подразумевалось, собирается напасть на СССР. Параллели между «прежде» и «теперь» отчетливо выходят на передний план в каждом тексте:

> [Современные фашистские агрессоры] мечтают напасть на русский народ и народы, населяющие Великий Советский Союз. Но пусть учтут современные фашисты — потомки псов-рыцарей, — что советский народ даст им такой сокрушительный отпор, какого история еще не знала. Всю свою силу, все могущество своей военной техники советский народ обрушит на тех, кто осмелится перешагнуть священные рубежи нашего социалистического отечества[63].

Особое внимание авторы текстов 1938 г. уделяют стратегическим «военным дарованиям»[64] «национального русского героя», «князя-патриота» и «военного гения» Александра[65]. Если рассуждения о военной тактике князя в статье Козаченко 1937 г. еще относительно осторожны, в тексте о битве на Чудском озере они превращаются в завершенную картину[66]. В своем втором тексте Козаченко, с одной стороны, тщательно описывает задуманный полководцем «план» Невской битвы[67], с другой — создает детальное описание битвы 1242 г. В основе оказывается «фланговая тактика»: Александр сконцентрировал основные силы своего войска на флангах и ослабил «центр», чтобы нейтрализовать действие рыцарского «клина» и сделать возможным окружение[68]. Александр Невский оказывается военачальником, чье «полководческое искусство» может послужить примером и командирам, и простым солдатам Красной армии[69]. Александр воплотил в себе такие военные добродетели, как смелость, мужество и решительность. Он выдвинулся как фигура идентификации мы-группы, все сильнее определявшейся

как (национальное) боевое сообщество[70]. Особенно подчеркивается этот момент в поэме Симонова «Ледовое побоище». В сцене, где рыцарский клин приближается к новгородскому войску, автор меняет перспективу и вместе с читателем оказывается среди солдат этого войска:

Под нами лед, над нами небо,
За нами наши города,
Ни леса, ни земли, ни хлеба
Не взять вам больше никогда[71].

Заданное в этих текстах сообщество отграничивается вовне прежде всего от «бесчеловечных эксплуататоров»[72], «варварских» немецких рыцарей, «заклятых врагов» Новгорода[73], на совести которых оказывается «судьба русского народа»[74], его «материальный и духовный разгром»[75] и прежде всего его «национальная независимость»[76]. Борьба с захватчиками единодушно описывается как «народная война»: «Поход против немецких рыцарей... вылился во всенародное патриотическое движение (! — *Ф.Б.Ш.*)»[77]. «По приказу Александра Невского из Новгорода разъехались дружинники по всей Руси, призывая население к защите родины», после чего «народ поднялся как один против иноземного врага»[78]. Александр стоял на вершине народной борьбы, обладая «доверием и поддержкой со стороны народных масс»[79].

Стремясь разграничить сообщество «внутри», авторы противопоставляют трудящихся, «крестьян и ремесленников»[80], с одной стороны, боярам и князьям[81], с другой — «изменникам». «Богатые новгородские бояре не хотели ладить с князем-патриотом, для которого интересы всей Руси были выше интересов отдельных бояр»[82]. Предатель, князь Ярослав Владимирович, не только помогал рыцарям при штурме крепости Изборск, он также «разработал план захвата русских городов»[83]. Захват Пскова также удался врагам только при помощи «подлого предателя» Твердилы Иванковича[84].

> Правда, рыцари вторглись в русские земли не потому, что в сражениях им удалось победить русских, а потому, что им на помощь пришли князья изменники и предатели[85].

В качестве антипода сообществу эгоистичных бояр, князей-предателей и сепаратистов-заговорщиков авторы создают модель,

в которой выдающийся военный и политический руководитель, «суровый воин», «опытный политик» Александр Невский, призванный и поддерживаемый простым народом, ведет борьбу с внешним и внутренним врагом[86].

---

[1] *Козаченко А.* Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3/4 (март—апрель). С. 156—164.

[2] О советском патриотизме см., в частности: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus; *Bordjugov G.* Umorientierung der Staatsideologie und Kulturpolitik in den 30er und 40er Jahren // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 29—38; *Brandenberger, Dubrovsky.* The People Need a Tsar; Russischer Nationalismus / Ed. Golczewski, Pickhan. P. 68ff.; *Brandenberger D.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity. 1931—1956. Cambridge (Mass.), 2002.

[3] Патриотизм // Энциклопедия государства и права. М., 1927. Т. 3. Стб. 252 и далее.

[4] Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта. № 77 (6223). С. 1.

[5] См.: *Bonwetsch B.* Der «Große Vaterländische Krieg». Vom deutschen Einfall bis zum sowjetischen Sieg (1941—1945) // Handbuch der Geschichte Rußlands. Band 3/II. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat / Hg. v. G. Schramm. Stuttgart, 1992. S. 934—935. О необходимости различать русский национализм и советский патриотизм см.: *Brandenberger D.* Soviet Social Mentalité and Russocentrism on the Eve of War, 1936—1941 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Bd. 48. H. 3. S. 388—406. Морен Перри также подчеркивает: «Russian nationalism was subordinated to a broader Soviet Patriotism. ...patriotism had Soviet as well as Russian characteristics». См.: *Perrie M.* Nationalism and History: The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia // Russian Nationalism Past and Present / Ed. G. Hosking, R. Service. London, 1998. P. 117, 123. О понятии «имперский национализм» см. гл. 6.3.

[6] См. об этом: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 38ff.; *Brandenberger, Dubrovsky.* The People Need a Tsar; *Brandenberger D.L.* The Short Course to Modernity. Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934—1956. Ph.D. Dissertation. Harvard University, 1999. Н.С. Тимашев назвал идеологический поворот в начале тридцатых годов в СССР «великим возвратом» («great retreat»). См.: *Timasheff N.S.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946; *Timasheff N.S.* The Family, the School, the Church: The Pillars of Society Shacked and Re-enforced // The Stalinist Dictatorship / Ed. Chris Ward. London, 1998. P. 303—318.

[7] См.: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 40. Кампания против Покровского достигла кульминации в 1937 г., а смертельный удар его школе был нанесен в 1939—1940 гг. После XX съезда КПСС, в 1962 г. Покровский был реабилитирован (см. гл. 11.1).

[8] См., в частности: *Stites*. Revolutionary Dreams. P. 231ff.

[9] Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории // Правда. 1936. 4 марта. № 63. О конкурсе см. также: *Артизов. А.Н.* В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 года на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. С. 125—135. Вторую премию за учебник «Краткий курс истории СССР» получил А.В. Шестаков (М., 1937). Первая премия присуждена не была. См.: Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для III и IV классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937.22 авг. № 231. Об образе Александра Невского в этом учебнике см. ниже (гл. 8.3).

[10] *Oberländer*. Sowjetpatriotismus. S. 45. Уже Лео Яреш обратил внимание на различия между советским патриотическим образом истории и российским имперским патриотизмом. В тридцатые годы были реабилитированы лишь те исторические персонажи российской истории, которые внесли вклад в создание или экспансию сильного централизованного русского государства или выступили против внешних врагов. В отличие от этих государственных мужей и полководцев, другие деятели русской истории, например выдающиеся религиозные деятели (Нил Сорский, Аввакум и др.), пребывали в безвестности. См.: *Yaresh L.* The Role of the Individual in History // Rewriting Russian History. Soviet Interpretations of Russia's Past / Ed. C.E. Black. New York, 1956. P. 104—106.

[11] *Stölting E.* Charismatische Aspekte des politischen Führerkultes am Beispiel Stalins // Politische Religion — religiöse Politik / Hg. R. Faber. Würzburg, 1997. S. 65.

[12] *Rauch G. v.* Grundlinien der sowjetischen Geschichtsforschung im Zeichen des Stalinismus // Europa-Archiv. 1950. Bd. 5. S. 3383.

[13] О культе Ивана Грозного при Сталине см.: *Platt*; *Brandenberger*. Terribly Romantic, Terribly Progressive; *Perrie*. Nationalism and History; *Idem*. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia; *Uhlenbruch B.* The Annexation of History: Eisenstein and the Ivan Grozny Cult of the 1940s // The Culture of the Stalin Era / Ed. H. Günther. London, 1990. P. 266—287. Об истории памяти о Петре Первом при Сталине см., в частности: *Riasanovsky*. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. P. 255—282.

[14] См.: *Wippermann*. Drang nach Osten. S. 63; *Nolte*. Drang nach Osten. S. 230.

[15] См.: *Адоратский В.* Предисловие к «Хронологическим выпискам» // Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5. С. IV. Ф.Х. Шлоссер (1776—1861), немецкий историк, опубликовал свою девятнадцатитомную «Всемирную историю» в 1843—1857 гг.

[16] *Schlosser Fr. Chr.* Geschichte des Mittelalters. Bd. 3 (= Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 6). Stuttgart; Leipzig, 1901. S. 326—327.

[17] *Marx K.* Chronologische Auszüge. Цит. по: *Nolte*. Drang nach Osten. S. 42—43.

[18] *Маркс К.* Хронологические выписки // Большевик. 1936. № 24. С. 54.

[19] При этом и сам Шлоссер критически относился к «немецкой колонизации на востоке» и в целом считал ее негативным фактором, тормозя-

щим прогресс. См.: *Wippermann W.* Das Bild der mittelalterlichen deutschen Ostssiedlung bei Marx und Engels // Germania Slavica / Hg. H. Fritze. Bd. 1. Berlin, 1986. S. 95. Высказывания Шлоссера об Александре Невском также одобрительны. Он называет его «русским князем... которого славят исторические сочинения русских, как немцы славят Арминия [Германа]». Его победа 1242 г. «создала серьезную опасность для немецкой власти». См.: *Schlosser.* Geschichte des Mittelalters. Bd. 3. S. 326.

[20] См. об этом: *Wippermann.* Das Bild. S. 71—97.

[21] Ibid. S. 87. По Випперману, у Маркса и Энгельса встречаются многочисленные высказывания о русском народе как «полуварварской нации» и о Российском государстве как «русско-монгольском варварстве» или «азиатской деспотии». См.: Ibid. S. 88.

[22] *Wippermann.* Das Bild. S. 87.

[23] См.: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 43.

[24] *Маркс К.* Хронологические выписки // Большевик. 1936. № 24. С. 51—67. Цитировавшийся выше пассаж см.: С. 54. Два года спустя «Хронологические выписки» были полностью опубликованы по-русски: Архив Маркса и Энгельса / Ред. В. Адоратский. М., 1938. Т. 5.

[25] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. См. об этом тексте: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 201. «Исторический журнал» выходил ежемесячно в издательстве ЦК КПСС «Правда» и был предназначен для учителей истории, пропагандистов, партийных активистов, студентов и обучающихся самостоятельно. Козаченко, очевидно, не был историком большого масштаба. Его имя не встречается в «Советской исторической энциклопедии».

[26] Козаченко цитирует слова Маркса о рыцарях как «псах» и «прохвостах», а также его оценку битвы 1242 г.: «1242 Александр Невский выступает... от русской границы» (*Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 159, 163, 164).

[27] Там же. С. 156.

[28] Там же. С. 161.

[29] Там же. С. 162.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 163. После того как в «Правде» 16 мая 1934 г. были осуждены учебные пособия по истории (см.: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 125—126), профессора Н.Н. Ванаг и С.А. Пионтковский (1891—1937), разработали новые учебники по истории СССР, которые, однако, были объявлены партией «фальсификацией» истории. Донос на Пионтковского последовал уже в 1936 г. в журнале «Историк-марксист». Он умер 8 мая 1937 г. в тюрьме (См.: MERSH, Bd. 28. Gulf Breeze, 1982. S. 81—84.) Почти одновременно со статьей Козаченко в «Правде» (28 марта 1937 г.) вышла статья П. Дроздова «Историческая школа Покровского», в которой историки этой школы, включая Ванага и Пионтковского, были объявлены «врагами народа». В этом тексте Дроздов вменяет в вину Покровскому и его ученикам тот факт, что ни в одном из их трудов не рассматривается борьба новгородцев и псковичей против крестоносцев и немецкого «натиска на Восток».

[32] Осуждение школы Покровского проходило одновременно с обращением к историографии XVIII—XIX вв. В 1936—1940 гг. были реабилитированы ведущие русские историки, такие как В.Н. Татищев, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. См. об этом: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 44. Козаченко в своей статье наряду с Марксом опирается прежде всего на Первую Софийскую летопись и «Историю России» Соловьева.

[33] См.: *Козаченко А.И.* Ледовое побоище. М., 1938. С. 55.

[34] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1937. Bd. 1. S. 145.

[35] О значении «теории культуртрегерства» для возникновения политического лозунга немецкого «Drang nach Osten» в Польше и России в XIX в. см. гл. 6.2.

[36] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 156. Здесь Козаченко цитирует «*Mein Kampf*» Гитлера: «Организация русской государственности была не результатом государственно-политических способностей славянства в России, а скорее чудесным примером государствообразующего воздействия германского элемента в неполноценной расе» (*Hitler A.* Mein Kampf. München, 1937. Bd. 2. S. 297).

[37] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 158.

[38] Между тем Гитлер был далек от того, чтобы серьезно опираться на историю Тевтонского ордена. Несмотря на то что в «Mein Kampf» он называет «путь старинных рыцарей Ордена» направлением главного удара германской борьбы за жизненное пространство, он не удержался от того, чтобы распустить Тевтонский орден в Австрии и Чехословакии (в самой Германии распущен уже в 1809 г.). См. об этом: *Schenk Fr.* B. Tannenberg/ Grunwald // Deutsche Erinnerungsorte / Hg. Schulze, François. Bd. 1. S. 450.

[39] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 164. В этом отрывке интересна как характеристика немцев как «варваров» (что ранее было топосом дискурса о «татарском иге»), так и определение «советская земля», отмечающее историческую преемственность от Киевской Руси («русская земля») до СССР («советская земля»).

[40] «Теория преемственности» была «сингуляризирующей» интерпретацией национал-социализма, подчеркивавшей специфический *немецкий* момент. При этом она входила в определенные противоречия с официальной советской интерпретацией фашизма, представлявшей его продолжением империалистического и шовинистического финансового капитала. См об этом: *Wippermann.* Drang nach Osten. S. 64.

[41] См. об этом также гл. 2.2.

[42] См.: Повесть. С. 193. Первая Софийская летопись, содержащая версию «второй редакции» Жития Александра (соответствует версии Новгородской первой летописи младшего извода), которую Козаченко использует как источник, ничего не сообщает о тактике Александра.

[43] «...князь Олександр и новгородци, поставиша полк на Чюдьском озере, на Узмени, у Воронея камени; и наехаша на полк Немци и Чюдь и пришибошася свиньею сквозе полк, и бысть сеча ту велика Немцемь и Чюди» (Новгородская первая летопись. С. 208).

[44] «Русские имели такую рать / что каждого немца атаковало, / пожалуй, шестьдесят человек» (стихи 2252—2254). «Те, которые находились в

войске братьев-рыцарей, были окружены» (стихи 2250—2251). Цит. по: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники. С. 213. Хроника была создана в конце XIII в., ее автор неизвестен. «Ливонская рифмованная хроника» только в 1966 г. полностью и адекватно была переведена на русский и опубликована. Содержание хроники (включая рассказ о Ледовом сражении), однако, включено и в «Ливонскую хронику» Германа Вартберга (XIV в.), и в «Ливонскую хронику» Балтасара Руссова (XVI в.), обе переведены в 1879 г. на русский язык Е.В. Чешихиным. См.: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники. С. 193 и далее.

[45] О формировании подразделений Руси хроника замечает лишь, что стрелки заняли позицию перед «дружиной князя» («kuniges Schar») (стихи 2241—2243). Кроме «первой редакции» Жития («Повесть»), «Ливонской рифмованной хроники» и Новгородской первой летописи старшего извода, о Ледовом сражении сообщают и Первая и Вторая Псковские летописи, а также Лаврентьевская летопись. Однако ни один из источников не дает сведений о тактике Александра.

[46] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 164.

[47] Там же. С. 163.

[48] Там же. С. 162.

[49] Там же. С. 162—163.

[50] Там же. С. 162.

[51] Там же. С. 160.

[52] Там же. С. 157.

[53] См. гл. 6.2, 6.3, 6.6.

[54] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 162.

[55] «Во всех русских землях господствовали уже феодальные отношения. Князья и бояре нещадно эксплуатировали народные массы. В Новгороде и Пскове, где власть князя была ограничена, правила боярская олигархия, жестоко угнетавшая и грабившая народ. Эта верхушка была заинтересована в том, чтобы сохранилась политическая раздробленность русских земель, чтобы продолжались в русских княжествах усобицы и не усилилась центральная власть. Русские же народные массы страдали от этой раздробленности, стремились к объединению земель» (Там же. С. 158—159).

[56] Там же. С. 162.

[57] См. протокол совещания работников по переработке учебника для нач. школы по истории СССР от 19 апреля 1937 г. Цитируется в: *Brandenberger*; *Dubrovsky.* The People Need a Tsar. S. 879. Невозможно выяснить, указал ли нарком образования РСФСР А.С. Бубнов на значение Александра Невского в своем распоряжении от 25 января 1937 г., где он называет «ошибки» в различных проектах учебника. См. об этом: Ibid. P. 878, 889.

[58] История СССР. Краткий курс / Гл. ред. А.В. Шестаков. М., 1946. Особ. с. 26—27.

[59] Там же. С. 26.

[60] Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для III и IV классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937.22 авг. № 231 (7197). С. 2.

[61] *Глязер С.* Битва на Чудском озере. М., 1938; *Подорожный Н.Е.* Ледовое побоище. (Библиотека красноармейца). М., 1938; *Козаченко А.* Ледовое побоище. М., 1938 (расширенная версия статьи 1937 г.). По данным Маурен Перри, это издание вышло тиражом в 250 тыс. экз. См.: *Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible. P. 56; *Богусевич В.А.* Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье // Новгородский исторический сборник. 1938. Вып. 3/4. С. 24—38; *Строков А.А.* Разгром немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера в 1242 году // Там же. С. 3—23; *Глесер С.* Разгром крестоносцев в русских землях // Антирелигиозник. 1938. № 6. С. 27—36; *Грацианский Н.П.* Немецкая агрессия в Прибалтике в XII—XV вв. // Историк-марксист. 1938. № 6; *Симонов К.М.* Ледовое побоище. Поэма // Знамя. 1938. № 1. С. 182—206. Статьи Богусевича, Строкова, Грацианского и Глесера, к сожалению, не рассматриваются в нашей работе. О текстах Богусевича и Строкова см.: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 202—203.

[62] См.: *Козаченко.* Ледовое побоище. С. 49 и далее; *Подорожный.* Ледовое побоище. С. 24—25; *Симонов.* Ледовое побоище. С. 182 и далее, 203 и далее. В этом контексте упоминаются новые нападения ордена на Псков (1253, 1269, 1299, 1473, 1480), битва при Грюневальде (1410), поход Ивана III в Ливонию (1481), битва под Псковом (1501/1502), Семилетняя война (1756—1763), поход Наполеона в Россию (с «пруссаками») и борьба с интервенцией после 1918 г.

[63] *Глязер.* Битва. С. 36. См. также: *Подорожный.* Ледовое побоище. С. 26; *Симонов.* Ледовое побоище. С. 205.

[64] *Подорожный.* Ледовое побоище. С. 9.

[65] *Глязер.* Битва... С. 6, 26, 32. Козаченко также описывает Александра как политика, стремившегося к централизации государства: «Александр стремился объединить западные окраинные русские земли» (*Козаченко.* Ледовое побоище. С. 25).

[66] Книга Козаченко о Ледовом побоище в 1966 г. подверглась острой критике в научной литературе. По мнению критиков, этот первый большой текст о сражении был полон ошибок, повторенных многими авторами в последующие годы. Автор не посчитал нужным серьезно исследовать источники и литературу. Он весьма вольно обращался с имеющимся в его распоряжении материалом и упоминает лишь его часть. См.: *Бегунов, Кнейненберг, Шаскольский.* Письменные источники. С. 170 (ср. гл. 11.4).

[67] См.: *Козаченко.* Ледовое побоище. С. 25 и далее; *Подорожный.* Ледовое побоище. С. 12.

[68] «Александр построил свои полки таким образом, что главная сила их оказалась на флангах при сравнительно слабом заслоне на середине фронта». Новый элемент, введенный Козаченко, — засада, которую часть дружины устроила на высоком берегу: «Кроме того, часть дружины была поставлена в засаду за возвышенностями берега» (*Козаченко.* Ледовое побоище. С. 45). Бегунов, Клейненберг и Шаскольский называют эту идею, повторенную в многочисленных советских произведениях о Ледовом побоище (например: *Симонов.* Ледовое побоище. С. 200), «выдуманной» Ко-

заченко. См.: Письменные источники. С. 170. О тактике см. также: *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 17 и далее; *Глязер*. Битва... С. 32 и далее.

[69] «Полководческая деятельность Александра... представляет немалый интерес и для командира, и для красноармейца РККА» (*Подорожный*. Ледовое побоище. С. 25). Подорожный, книга которого была выпущена в серии «Библиотека красноармейца», называет четыре причины, по которым Александр Невский мог стать примером для современного военачальника: 1. Александр быстро и правильно оценивал положение дел и принимал мужественные решения. 2. Он не был легкомысленным и проявил в ходе битвы тактическую гибкость. 3. Александр выбрал правильное расположение войск, направив ударные силы на слабые места противника. 4. Он проводил свой план быстро и решительно и использовал момент замешательства противника. См.: Там же. С. 22.

[70] Замечательно, что авторы не едины во мнении о том, было ли военное снаряжение новгородцев в 1242 г. столь же серьезным, как у рыцарей Тевтонского ордена. Подорожный подчеркивает, что новгородцы были экипированы самым современным образом (*Подорожный*. Ледовое побоище. С. 13). Козаченко, напротив, полагает, что снаряжение «русских» войск не шло ни в какое сравнение с «хорошо вооруженными европейскими [!] войсками» рыцарей. Решающим для исхода битвы было не снаряжение, а стремление «русского народного войска» защищать собственную страну (*Козаченко*. Ледовое побоище. С. 43—44).

[71] *Симонов*. Ледовое побоище. С. 199.

[72] *Глязер*. Битва... С. 15. См. также: *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 12.

[73] *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 21.

[74] *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 43.

[75] *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 25.

[76] *Глязер*. Битва... С. 35. Созвучным элементом в тексте оказывается связь папской курии и Швеции или рыцарского ордена. Папа Григорий IX, издав в 1237 г. буллу о крестовых походах, подал сигнал к захвату Новгородской земли (*Подорожный*. Ледовое побоище. С. 10; *Глязер*. Битва... С. 22, 26; *Симонов*. Ледовое побоище. С. 189).

[77] *Глязер*. Битва... С. 28.

[78] Там же. См. также: *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 43; *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 25.

[79] *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 25.

[80] Там же. С. 43.

[81] См., например: *Глязер*. Битва... С. 4.

[82] Там же. С. 26. См. также: *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 25.

[83] *Глязер*. Битва... С. 21. См. также: *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 32.

[84] *Глязер*. Битва... С. 25.

[85] Там же. С. 25. Козаченко утверждает, что можно предположить, что группа бояр-предателей стремилась к отделению Пскова от Новгорода и всей Руси (*Козаченко*. Ледовое побоище. С. 33).

[86] *Подорожный*. Ледовое побоище. С. 9. См. также: *Глязер*. Битва... С. 6.

9. ЭКРАНИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА (1938)

Без преувеличения важнейшим документом по истории памяти об Александре Невском эпохи советского патриотизма стал снятый в 1938 г. Сергеем Михайловичем Эйзенштейном фильм «Александр Невский». Ни один другой «текст» не оказал столь серьезного влияния на представление об этом персонаже в советском/русском историческом сознании, как фильм знаменитого режиссера. Однако это произведение заслуживает тщательного исследования не только по этой причине. В настоящей работе столь важное место анализу этого фильма уделяется еще и потому, что ни один другой источник не дает такой возможности детально изучить не только историю создания, но и рецепции нового образа Александра Невского. В нашем распоряжении нет другого текста, который позволял бы исследователю столь подробно проанализировать борьбу за присвоение и стилизацию образа, а также противоборствующие течения в рецепции.

9.1. Советский патриотизм и кино

Большевики очень рано осознали огромное значение кино как медиа. Считается, что Ленин назвал кино «важнейшим из искусств»[1]. В стране, население которой в большинстве своем не умело ни читать, ни писать, кино рассматривалось как идеальный инструмент пропаганды и воспитания. С помощью киноискусства большевики стремились формировать «зрительские представления о действительности» и воспитывать народ «в духе коммунизма и интернационализма»[2]. По мысли Троцкого, кино стало идеальным помощником большевиков в борьбе с религиозностью и пьянством[3]. В партийном докладе 1927 г. «Итоги и перспективы кинематографии СССР» было сказано, что главная задача кинематографистов — вести народные массы к коммунизму. В докладе

говорилось о том, что кино является главным конкурентом церкви в Советском государстве и главным проводником коммунистических идей[4]. Для того чтобы повысить контроль над кинематографическим творчеством, в 1928 г. вся советская киноиндустрия перешла в собственность государства, а с 1930 г. была подчинена централизованному государственному контролю[5]. Высшим контрольным органом в феврале 1933 г. стало Государственное управление кино- и фотопромышленности (ГУКФ) (с 1937 г. ГУК)[6]. Государство стремилось, чтобы все производимые фильмы соответствовали идеологическим ожиданиям партии, особенно посредством строгого контроля над сценариями. Всесоюзная конференция кинематографистов СССР в январе 1935 г. стала итогом процесса, приведшего к окончательному формированию советской киноиндустрии, основанной на советском патриотизме и доктрине социалистического реализма[7].

Задача переформулирования советского образа прошлого в духе доктрины советского патриотизма распространялась не только на историографию, но в той же мере на литературу, музыку и кино. В духе новой исторической доктрины, усиливавшей роль личности в истории, советское историческое кино, которое представляло в 1920-е гг. главным действующим лицом «массы», с 1934 г. все чаще обращалось к биографиям выдающихся «прогрессивных» исторических личностей, прежде всего правителей и полководцев[8]. До 1936 г. персонажей находили исключительно в послереволюционной истории (например, герой Гражданской войны Чапаев[9]). Начиная с 1937 г., однако, на экране стали появляться и государственные деятели и генералы царской эпохи. Поворотным пунктом стал двухсерийный фильм-биография «Петр Первый» В. Петрова, снятый в 1937—1939 гг.[10]. За картиной Петрова последовали «Минин и Пожарский», «Суворов», «Кутузов», «Иван Грозный» и «Александр Невский»[11].

Назвав кино «не только самым важным, но и самым массовым из искусств»[12], Сталин почти дословно процитировал оценку Ленина. Сталин серьезно интересовался вопросами кино и с середины тридцатых годов даже стал главным цензором советской киноиндустрии. Он лично редактировал литературные и режиссерские сценарии. Ни один фильм не мог выйти в прокат без благословения генерального секретаря[13]. Кроме того, Сталин придавал кино важное значение в распространении культа своей собственной личности[14]. Однако в отличие, например, от Гитлера, он редко разре-

шал себя снимать. Изображать и репрезентировать Сталина в кино поручалось актерам[15] или историческим персонажам. С середины тридцатых годов Сталин присутствовал на экране в образе своих «предков». Важнейшей фигурой такой «метонимической уловки» (metonymic device — термин Боннелл) был Ленин, почитание которого с 1924—1929 гг. служило одним из важнейших оснований культа вождя (его биография также была экранизирована в 1937 г.)[16]. Мифологизация Ленина и других исторических личностей способствовала и возвышению нового вождя. Сталин не только позволял считать себя легитимным наследником Ленина и других прогрессивных вождей русской истории. С другой стороны, цитаты из Сталина вкладывались и в уста героев, репрезентировавших Сталина на экране[17]. Этот прием имел для Сталина тройной эффект: во-первых, он возвышался сам, во-вторых, власть легитимировалась ссылкой на собственную «генеалогию» и, в-третьих, актуальный политический порядок становился трансцендентным, а вождизм вечным принципом.

9.2. «Александр Невский» в контексте биографии Эйзенштейна

«Александр Невский», как и другие снятые в СССР фильмы Сергея Эйзенштейна, был заказной кинокартиной[18]. С.М. Эйзенштейн (1898—1948) принадлежал к пионерам советской кинематографии. Его фильм 1925 г. «Броненосец “Потемкин”» принес мировую известность режиссеру и советскому кинематографу. К 1937 г., однако, слава режиссера в СССР уже поблекла. После возвращения в мае 1932 г. из Мехико в Москву Эйзенштейн столкнулся с растущей враждебностью и подозрительностью. Личного противника он встретил в Борисе Шумяцком, директоре ГУКФ, цель которого — создание «кино для миллионов» — противоречила формально-эстетическим претензиям Эйзенштейна[19]. Интриги Шумяцкого против режиссера впервые реализовались на Всесоюзной конференции кинематографистов в январе 1935 г., когда Эйзенштейна обвинили в теоретичности и отрыве от жизни. После конференции под давлением этих подозрений режиссер выразил готовность — спустя шесть лет после последнего снятого в СССР фильма — подтвердить свою лояльность новой картиной, о пионере Павлике Морозове[20]. Однако еще до завершения работы над фильмом «Бежин луг»

был запрещен, а в марте 1937 г. почти весь отснятый материал был уничтожен[21]. Эйзенштейна обвинили в формализме, мистицизме и слишком явной ориентации на библейские мотивы. Шумяцкий, стоявший за кулисами этого дела, 19 апреля 1937 г. обратился с письмом к Сталину, в котором выступил за запрет дальнейшей работы режиссера и публичную кампанию, направленную на разрушение его репутации[22]. 9 мая, однако, Политбюро выступило за Эйзенштейна и против Шумяцкого[23]. Сталин удовлетворил просьбу режиссера о разрешении вновь снять фильм[24]. Очевидно, он согласился с мнением членов Политбюро Молотова, Ворошилова и Жданова, выступавших за дальнейшее «использование» Эйзенштейна[25].

Уже 18 мая директор «Мосфильма» Софья Соколовская сделала режиссеру предложение снять историческую картину[26]. На выбор ему были предложены Минин и Пожарский[27], Иван Сусанин[28] и Александр Невский[29]. 12 августа 1937 г. Эйзенштейн остановился на Александре Невском. Он знал, что сохранившиеся источники о жизни князя очень немногочисленны. Это предоставляло шанс работать относительно свободно, не давая историкам больших поводов для критики[30].

Новый фильм должен был решить определенные задачи в биографии режиссера. Он был призван доказать партии, Политбюро и Сталину, что они не ошиблись в Эйзенштейне, что он способен создать в заданные краткие сроки фильм, отвечающий ожиданиям партии. В 1937 г., когда сталинский террор достиг своего апогея, существовала реальная опасность, что новый конфликт с партией может поставить под удар не только карьеру, но и жизнь режиссера[31].

Эйзенштейн осознавал поставленную перед ним задачу. Партия ожидала от него произведения о патриотизме с прозрачной отсылкой к современности:

> Патриотизм — моя тема — так значится на первом клочке бумаги, на котором записывались первые мысли о предстоящем фильме, когда мне было поручено воссоздать на экране XIII век... Мы хотим, чтобы наш фильм не только еще больше мобилизировал тех, кто находится в самой гуще борьбы против фашизма в мировом масштабе, но чтобы он вселил бодрость, мужество и уверенность и в те части народов мира, которым кажется, что фашизм... несокрушим...[32]

Режиссер усматривал прямую связь между актуальными политическими темами 1937 г. и своим историческим материалом. Преследование евреев в Германии, гражданская война в Испании и война СССР на Дальнем Востоке против Японии были теми важными темами, мимо которых не могло пройти советское искусство[33]. Эйзенштейн был поражен сходством летописных свидетельств XIII в. и сообщений в современных газетах. Для него «тот кровавый ужас, который в XIII веке сеяли рыцарские ордена завоевателей» почти неотличим «от того, что делается сейчас в Европе»[34]. Опираясь на данные Козаченко, Эйзенштейн так описывает Тевтонский орден:

> «предки нынешних фашистов»... Ливонские и тевтонские рыцари «повели систематическую борьбу за завоевание и наступление на Восток с тем, чтобы покорять славянские и прочие народности совершенно в том же духе, как под такими же исступленными лозунгами и с таким же фанатизмом этого добивается сегодняшняя Германия... Совершенно подобно фашистам сегодняшнего дня, немцы [рыцари. — *Ф.Б.Ш.*] ...уничтожали черты народной самобытности, национальной самостоятельности и национального характера, отличавших покоренные ими страны»[35].

Люди XIII в. «родственны и близки советским людям» благодаря «любви к своей отчизне и ненависти к врагу»[36].

> Ибо если мощь народного духа сумела так расправиться с врагом, когда страна изнемогала в оковах татарского ига, то не найдется такой силы, чтобы сокрушить эту же страну, скинувшую все цепи угнетения, страну, ставшую социалистической родиной, страну, которую ведет к небывалым победам величайший стратег мировой истории — Сталин[37].

В духе уже установившегося советского патриотического образа Александра Невского от Эйзенштейна требовалось изобразить князя полководцем, «сильным не только своей гениальностью, но и глубокой внутренней связью с народными ополчениями»[38]. Большое значение придавалось при этом практическому воплощению военного искусства Александра в битве на льду Чудского озера. Рассуждая о фильме, Эйзенштейн указывал, что гениальный полководец сумел с помощью фланговой тактики «повторить маневр

Ганнибала при Каннах»[39]. Притом он не переходил «на восточный — русский — берег Чудского озера», побил врага на его собственной территории и, выбрав Чудское озеро, обеспечил идеальное место для битвы[40].

В отличие от Козаченко и других авторов советского патриотического дискурса, Эйзенштейн в публикации от ноября 1938 г. рассуждает и о святости Александра Невского. По Эйзенштейну, «чин» святых «дезориентирует, и при первом набеге на тему может не хватить пристальности, чтобы сразу же в нем разглядеть народность трезвого, реального, крепкого земного политика»[41]. Эйзенштейн рассуждает о том, почему князь был канонизирован, и приходит к выводу, что

> звание «святого»... в тех условиях не более как самая высокая оценка достоинств, достоинств, выходящих за пределы общепринятых тогда норм высоких оценок, — выше «удалого», «храброго», «мудрого». «Святой»! Здесь дело вовсе не в каноническом смысле этой формулы, которой в течение столетий спекулировали церковники. Здесь дело в том комплексе подлинной народной любви и уважения, который до сих пор сохранился вокруг фигуры Александра... Так историческое осмысление в разрезе нашей актуальной темы снимало и двусмысленный ореол с понятия святости, оставляя в характере героя лишь ту одержимость единой идеей о мощи и независимости родины, которой горел Невский-победитель[42].

Риторическая попытка Эйзенштейна десакрализовать Александра Невского отвечала большевистскому неприятию сакральных символов, что заметно уже в документах раннего советского патриотического дискурса. Фильм Эйзенштейна — прекрасный пример того, как большевики, отвергая религиозные символы, одновременно были готовы в трансформированной форме инструментализовать их для своих собственных потребностей. За антирелигиозной советской пропагандой двадцатых годов последовало широкомасштабное присвоение сакральных символов, иконографии и риторики культурой сталинизма тридцатых годов. Хотя и освобожденный от религиозности, потенциал старой знаковой системы все еще оставался значительным. Как говорилось в цитировавшемся выше партийном отчете 1927 г., кино выступало главным конкурентом церкви в формировании массового сознания. Самый доступный выход состоял в том, чтобы победить религиозные институты их же соб-

ственным оружием, присвоить их символы, придать им новые функции и новый смысл и использовать для собственных целей[43].

9.3. Сценарий фильма

Первый литературный сценарий фильма «Александр Невский» был создан Петром Андреевичем Павленко (1899—1951). Когда Эйзенштейну предложили стать режиссером фильма, этот текст Павленко под заглавием «Русь» уже был куплен «Мосфильмом»[44]. Лояльность писателя системе не вызывала никаких сомнений[45]. Он был членом ВКП(б) с 1920 г. и имел репутацию человека, сотрудничавшего с ГПУ[46]. Павленко был автором верных партийной линии и, по мнению немецкого слависта Казака, «мало читаемых» произведений[47]. Его первое большое произведение, роман «На Востоке» (1936—1937), стал данью как социалистическому реализму, так и доктрине «партийности» в литературе[48]. После 1945 г. Павленко написал сценарии для двух «классических» кинопроизведений эпохи культа личности Сталина: «Клятва» и «Падение Берлина», оба сняты М.Э. Чиаурели.

Тесное сотрудничество писателей и режиссеров было важной целью советской культурной политики. Восприятие искусства сталинским режимом было однозначно ориентировано на слово. В случае кино Сталин отводил намного большее значение сценарию, чем уровню визуального изображения. То же самое можно сказать и о цензуре, контролировавшей прежде всего литературные и режиссерские сценарии или произносимые в фильме слова[49]. В работе с Эйзенштейном, репутация которого была испорчена историей с «Бежиным лугом», Павленко предназначалась роль «комиссара-сценариста» (Максименков)[50]. С его личностью ГУК, очевидно, связывал надежду на усиление контроля за созданием и направленностью фильма.

В июле 1937 г. Павленко закончил работу над первым вариантом литературного сценария «Руси»[51]. К сожалению, очень трудно реконструировать тексты-источники, с которыми работал писатель[52]. Как покажет дальнейший анализ фильма, Павленко основывался не только на текстах истории памяти об Александре Невском, но и на новгородских легендах, религиозной литературе и на современных ему политических текстах. Кроме того, источниками для сценария стали и литературные и музыкальные произведения, на-

пример опера «Садко» Римского-Корсакова. С достаточной убежденностью можно сказать, что Павленко был знаком с первым советским патриотическим текстом об Александре Невском — статьей Козаченко[53].

В первой версии литературного сценария Павленко уже создана основная структура киноповествования об Александре Невском и Ледовом побоище, которую можно увидеть в фильме Эйзенштейна. В девяти сценах автор развивает две сюжетные линии: во-первых, борьба новгородцев во главе с Александром Невским против Тевтонского ордена, во-вторых, соревнование двух новгородских богатырей, Василия Буслая и Гаврилы Олексича, за любовь красавицы Ольги.

Первые два раздела сценария описывают захват Пскова Тевтонским орденом, жестокость рыцарей, а также мирную жизнь торгового города Новгорода. Во Пскове рыцари издеваются над населением, принуждают крестить детей в католическую веру и оскверняют церкви. В этом захватчиков поддерживает предатель Твердило. В Новгороде, напротив, царит мир. Здесь живут герои Василий Буслай и Гаврило Олексич. Весть, принесенная беженцами из Пскова, нарушает мирную атмосферу. В Новгороде разгорается бурный спор о том, как ответить на тевтонскую угрозу. Посадник напоминает о мирном договоре с орденом, а купцы хотят откупиться от немцев, однако монах Пелгусий — персонаж из Жития — призывает позвать на помощь Александра Невского. Князь появляется в третьей сцене. В сценарии Александр чинит рыболовную сеть в Переяславле, принимает монгольских послов и делегацию из Новгорода. В четвертом разделе Павленко описывает кулачный бой новгородцев на мосту через Волхов и прибытие Александра в город. Сцены пятая и шестая показывают противоположные лагеря в момент перед сражением. Во Пскове магистр ордена и епископ планируют захват Руси, в лагере Александра новгородцы готовятся к бою, описанному в сцене седьмой: на льду герои Василий и Гаврило сражаются не только за Новгород, но одновременно за сердце прекрасной Ольги, обещавшей выйти за того, кто станет храбрейшим в битве. Во время битвы сражающиеся женщины из Пскова берут в плен предателя Твердилу. В последующей восьмой сцене Ольга ищет обоих героев после сражения. В девятой картине — финал: триумфальный въезд Александра в Новгород и развязка любовной интриги. Ольга просит князя Александра решить ее судьбу. В конце концов она обещает руку Гавриле, а Васи-

лий женится на защитнице Пскова. Краткая речь Александра маркирует конец сценария и планируемого фильма.

Павленко закончил первый вариант сценария в конце июля 1937 г. В начале августа Эйзенштейн решил снимать фильм об Александре Невском на основе проекта сценария Павленко. С середины августа они вместе работали над вторым вариантом сценария[54]. Хотя сегодня очень трудно установить, кто из соавторов был инициатором тех или иных изменений, можно предположить, что большинство из них исходило от Эйзенштейна. Режиссер, очень благосклонно высказывавшийся о сотрудничестве с Павленко, старался внести в сценарий некоторые новые аспекты. Эйзенштейн не только был знаком с летописными свидетельствами о битве на Чудском озере, но испытал влияние и художественных текстов, произведений музыкального искусства, например опер «Борис Годунов» Мусоргского и «Руслан и Людмила» Глинки[55]. Второй вариант сценария был существенно объемнее и детальнее первого, в него были введены многочисленные новые сцены[56] и персонажи[57]. Однако в целом можно назвать два серьезных изменения: во-первых, новая «рамка» биографии Александра и, во-вторых, существенно иной образ князя.

Если в первом варианте Павленко Александр Невский был представлен лишь победителем Тевтонского ордена, вторая редакция сценария обращается и к его дипломатическим успехам в отношениях с монголами. В предисловии к тексту в связи с именем князя упомянуты и Петр Первый, и Дмитрий Донской[58]. Первый завершил дело Александра на Западе, второй — на Востоке. Новая рамка повествования особенно сказалась в финале фильма[59]. У Павленко проект фильма заканчивался празднованием победы над немцами в Новгороде, во второй редакции сценария князь после праздника отправляется в Золотую Орду. Там Александр приносит присягу хану, кланяется перед святилищем и проходит сквозь очистительный огонь. Вместе с Александром в Орде присутствуют не получившие престола русские удельные князья, которые из зависти и злобы отравляют невского героя. Они смазывают ядом край шлема, из которого пьет герой[60]. Под воздействием яда Александр умирает на обратном пути в Новгород, на Куликовом поле. В последнем слове он предсказывает победу над монголами именно на этом месте. Фильм заканчивается битвой 1380 г., в которой Дмитрий Донской побеждает восточного врага[61].

Дополнение биографии Александра ордынской темой напоминает о национальном дискурсе об Александре Невском XIX в., в котором дипломатические успехи князя в отношениях с монголами оценивались выше его военных побед над шведами и Тевтонским орденом[62]. Одновременно оно маркирует разрыв с советской патриотической трактовкой биографии Александра, где его поступки рассматривались лишь в контексте «многовековой» борьбы против «немецкого натиска на Восток». Эйзенштейн сам настаивал, что «Русь, вырастающая в боях *против Азии* и Запада, — вот тема картины»[63]. С драматургической точки зрения смерть Александра на Куликовом поле одновременно означала перелом в судьбе героя по образцу классической трагедии. Если первый вариант сценария заканчивался триумфом положительного героя, вторая редакция изображает его трагический финал.

Кроме биографической рамки и финала во второй редакции сценария «Руси» изменился и сам образ Александра Невского. Если в первом тексте Павленко князь изображается по преимуществу военным стратегом и политическим вождем, то в версии, созданной вместе с Эйзенштейном, персонаж становится намного сложнее. Александр Невский показан и дипломатом у монголов, и мужем и отцом семейства[64]. Открестившись как от интерпретации историографической школы Покровского, так и от советского патриотизма, Павленко и Эйзенштейн представляют образ Александра Невского, напоминающий о предшественниках XVIII—XIX вв.:

> Он не стяжатель, не купец, не банкир, каким в большинстве своем считались новгородские князья того времени, но воин и политик... После смерти он получил в народе прозвище «страдальца за русскую землю», не победителя, не удалого, не славного, а — страдальца. Это характерно. Жизнь Невского не была серией военных подвигов. Она была служением Руси...[65]

Очевидно, что Александр Невский в роли «страдальца» вряд ли отвечал ожиданиям большевиков увидеть в нем фигуру сильного вождя в смысле советского патриотизма. Поэтому реакция ГУК на представленный на отзыв 13 ноября 1937 г. третий вариант литературного сценария, почти не отличавшийся от второго, оказалась достаточно критической. Кроме партийцев с отзывами о проекте выступили многочисленные историки, считавшие необходимым

высказать свою позицию после публикации сценария в журнале «Знамя» в декабре 1937 г. Между деятелями искусства, представителями партии и историками в первые месяцы 1938 г. развернулись отчасти публичные дебаты о «подлинном» и «истинном» образе Александра Невского. Эта дискуссия представляет большой интерес для нашей работы не только потому, что маркирует на тот момент последний всплеск борьбы за присвоение фигуры средневекового князя в советской истории[66]. Эта полемика также позволяет по-новому посмотреть на механизмы принятия решений в культурной индустрии сталинизма.

9.4. Борьба за «истинный» образ Александра Невского

Позиция партии

Документы, в которых излагается позиция ГУК по отношению к третьей редакции литературного сценария и первому варианту режиссерского сценария (от 31 декабря 1937 г. и 19 февраля 1938 г. соответственно), имеют огромное значение для истории памяти об Александре Невском. Ни один другой текст не документирует столь детально идеологические задачи большевиков при создании образа Александра Невского[67]. ГУК в своем заключении подчеркивает: «...основная наша задача заключается в правильном, художественно разработанном и эмоционально сильном показе патриотизма русского народа, его героизма, бесстрашия и активности в борьбе с завоевателями...»[68] Замечательно, что для партии показать в фильме героизм «русского народа» было столь же, если не более, важно, чем показать величие вождя Александра Невского. По мнению ГУК, «фильм должен быть простым [подчеркнуто в оригинале. — *Ф.Б.Ш.*], но не серым и упрощенным, лишенным формалистической изощренности, гиперболизации и академической стилизаторской сухости»[69]. Несомненно, рецензенты ожидали воспитательного эффекта от картины, это должно было быть

> художественное произведение, где яркими образами будет показано, как разоренная, плохо вооруженная Русь в самые тяжелые годы сумела разбить и выгнать покусившихся на нашу землю немецких рыцарей. Несомненно, происходящее в картине глубоко современно, перекликаясь в определенной степени с сегодняшним днем. Показывая героические эпизоды истории русского народа, эта

> картина призвана воспитывать любовь к родине и мобилизировать на борьбу за охрану ее территории[70].

В общем и целом, по мнению ГУК, литературный сценарий учитывал эти важные содержательные и художественные директивы. Однако ГУК выступил с решительной критикой изображения народа и Александра, жестокости отдельных сцен, а также предполагаемого финала фильма. Павленко и Эйзенштейну указывалось, что изображать следует не только героизм князя и полководца, но и бесстрашие народа[71]. В отличие от немцев, охваченных страхом при виде провала своей тактики, русские проявили смелость и решительность в борьбе, что требует отражения в фильме[72]. Самого Александра следует изображать

> ...путем правильной трактовки его исторической и прогрессивной роли, его личных качеств, в первую очередь, как полководца, ставшего во главе народа и победившего немцев... Памятуя, что народность Александра Невского сказалась не столько в его демократическом обхождении с окружающими, сколько в его ведущей роли полководца... в его роли вождя...[73]

Это был явный отказ от образа Александра-«страстотерпца», созданного Эйзенштейном и Павленко во второй версии сценария. ГУК подчеркивает, что в сценарии «недостаточно ясно показан стратегический план Александра», и отмечает необходимость «максимально показать использование места боя, тактику Александра»[74]. Управление резко критикует показ насилия в литературном и режиссерском сценариях: «В сценарии беспрерывно рубят, вешают, распинают на крестах, сжигают на кострах и даже разрубают на части»[75]. Более того: «Необходимо сократить зверства немцев»[76].

Наиболее серьезное возражение ГУК, однако, вызвал предполагаемый финал картины. Из всех заключений управления очевидно, что оно не одобряло включения в фильм темы монгольской политики Александра. Говоря о литературном сценарии, ГУК высказывается о «перегрузке сценария материалом» и сомневается в том, стоит ли полностью сохранять сцены, изображающие отношения Александра с татарами. Сначала в умеренном тоне ГУК «предлагает студии, автору и режиссуре... обсудить целесообразность окончания фильма показом торжества народа, победившего запад-

ных (немецких) завоевателей»[77]. Когда эти требования не были выполнены и неудобный финал вновь всплыл в окончательном режиссерском сценарии, Павленко и Эйзенштейн получили более прозрачное предупреждение от ГУК: «Предлагается закончить картину на празднике в Пскове»[78]. Примечательно, что и это указание было проигнорировано создателями фильма. Они продолжили свою работу на основе не измененного в этом отношении сценария. Лишь властное слово Сталина в апреле 1938 г. побудило режиссера и автора отказаться от планировавшегося финала и наконец вернуться к первой версии сценария (см. ниже).

ГУК указал четыре причины, по которым изображение монгольской политики Александра было нежелательно. Во-первых, «основная цель» сюжета уже была достигнута с изгнанием немцев[79]. Во-вторых, мужество князя и так представлено достаточно, а его жертвенная поездка в Орду излишня. В-третьих, нежелательно негативное изображение в Орде удельных князей, отравляющих Александра[80], что противоречило доктрине «бесконфликтности»[81]. В-четвертых, видение Александра на Куликовом поле, где «Александр выглядит как прорицатель, провидец, что противоречит его образу» и «создает лишь противопоставление его обыкновенным людям и народу Руси»[82]. Все же решающим аргументом для запрета ГУК была излишняя сложность и многозначность образа Александра Невского. Это противоречило цели создания «простого» фильма. Партии не нужен был Александр, воплощавший в себе одновременно полководца, дипломата, политика как на восточном, так и на западном направлении, а также отца семейства. Необходим был в первую очередь вождь, полководец и антинемецкий символ[83].

Позиция историков

Дискуссия между представителями партийной бюрократии и кинематографистами разворачивалась в основном вокруг концепции фигуры Александра Невского и идеологического направления фильма. Однако весной 1938 г. новые споры возникли между режиссером и автором, с одной стороны, и историками — с другой. Полемика велась более всего по вопросам «исторической истины» и «достоверности». Большевики не считали произведение искусства чистой фикцией. Об этом говорит и тот факт, что к созданию фильма были привлечены отдельные представители исторической на-

уки. Фильм должен был, насколько возможно, отразить «историческую правду», высвеченную марксистской исторической наукой.

9 февраля 1938 г. историко-методический отдел «Мосфильма» пригласил Павленко и Эйзенштейна на беседу о сценарии, в которой наряду с режиссером и представителем ВКП(б) Ятковым участвовали историки А.В. Арциховский, Н.П. Грацианский, В.Е. Сыроечковский и Ю.В. Готье[84]. Кроме этой дискуссии за закрытыми дверями в первые месяцы 1938 г. развернулась и публичная полемика о литературном сценарии «Руси», третья редакция которого была в декабре 1937 г. опубликована в популярном «толстом» журнале «Знамя»[85]. Автором самой острой реплики стал историк М.Н. Тихомиров, автор статьи «Издевка над историей» в мартовском номере журнала «Историк-марксист»[86].

В научной литературе о кино, посвященной Эйзенштейну и его фильму, спор историков о сценарии «Руси» рассматривается прежде всего как «ритуал». Лейда просто называет дискуссию «старой историей о критических нападках»[87]. Булгакова полагает, что «кампании» такого рода в тридцатые годы были всегда «хорошо срежиссированы, их ритуал был детально проработан... шумиха нужна была лишь для прикрытия механизмов цензуры»[88]. Однако такой вывод по отношению к дискуссии о сценарии Павленко и Эйзенштейна представляется нам не совсем адекватным. Эти тексты, и прежде всего статью Тихомирова, можно назвать истоком самостоятельного научного дискурса об Александре Невском в СССР, вписывающего себя в традиции научного дискурса XVIII — XIX вв. (см. гл. 5.3 и 6.6). Зарождение этого дискурса выразилось в сдержанном тоне и более критическом подходе к источникам. С 1937 г. он имел возможность развиваться, хотя и очень слабо, рядом с советским патриотическим дискурсом[89].

В основном все историки, высказывавшиеся о проекте Павленко и Эйзенштейна, приветствовали идею снять фильм об Александре Невском и Ледовом побоище[90]. Их критика была направлена на многочисленные исторические неточности и ошибки в сценарии. Многие критические замечания относились к деталям или языку диалогов[91]. Павленко и Эйзенштейна упрекали в том, что они не изучили ни язык XIII в., ни исторические источники и подверглись влиянию художественных текстов, таких, например, как новгородские былины или оперы[92]. Тихомиров раздраженно констатирует:

> Если бы авторы сценария серьезно поработали над историческими источниками, они сумели бы понять красоту и величие на-

шего прошлого и могли бы создать сценарий, достойный имени «Русь» и великого исторического прошлого русского народа[93].

Подобно ГУК, Тихомиров опасается, что русский народ при переносе сценария в киноверсию окажется жалким и убогим[94]. То же относится и к «предкам латышей и эстонцев», изображенных «полулюдьми»[95]. Археолог, эксперт по новгородской истории Арциховский с ошеломляющей резкостью критиковал многочисленные ошибки в изображении Новгорода[96]. По его мнению, в сценарии, где новгородцы представлены беспомощными «анархистскими массами», вынужденными надеяться на одну лишь помощь Александра, «получилось неожиданное сближение с гитлеровской концепцией русской истории». Гитлер считал, что у русского народа нет государствообразующих сил и что Киевская Русь сформировалась лишь благодаря включению элементов «северной расы»[97]. Сценарий соответствует этой теории, показывая Новгород как дикую, разобщенную толпу, которая пугается борьбы с немцами, «пока среди них не появляется провиденциальный человек, потомок варягов Александр»[98]. По Тихомирову, неверно было бы полагать, что Александра в Новгороде поддерживали лишь нищие слои. Авторы абсолютно несправедливо приписывают Александру «демократические черты». На самом деле «поддерживали не меньшие, а большие».[99] Александр Невский не был ни «человеком народа», ни «князем-лапотником». Невозможно поверить, чтобы русский феодал XIII в. ловил сетью рыбу, его жена варила щи и сама ходила по воду[100].

Кроме репрезентации Новгорода и Александра Невского историки критиковали в сценарии изображение немцев и католической церкви. По мнению Грацианского, полагать, будто рыцари Тевтонского ордена распинали или бросали людей в огонь, — «это абсурд»[101]. Эти формы казни следует исключить, поскольку они не соответствуют действительности. «Немцы» не были «монстрами», а католическая церковь не была заинтересована в убийствах людей. Для описанных в сценарии захватнических планов, простирающихся до Волги, у ордена не было сил, подчеркивает Тихомиров[102]. Мнения историков о планировавшемся финале картины разделились. Если Готье и Грацианский склонялись к идее представить дипломатическую миссию Александра в Золотой Орде[103], Сыроечковский и Арциховский не принимали такого финала. Идею об отравлении Александра Грацианский называет «абсурдной», а Сыроечковский говорит о смерти на Куликовом поле: «Это уже слишком»[104].

Трагедия vs роман. Аллегория vs эволюция

Дискуссия о сценарии фильма «Александр Невский» в первые месяцы 1938 г. позволяет исследовать последние следы советской «дискуссионной культуры» и механизмы принятия решений внутри культурной индустрии конца тридцатых годов[105]. Кевин Платт и Давид Бранденбергер в статье о реабилитации Ивана Грозного при Сталине разработали модель дискуссионного поля, в котором разворачивались дебаты о новом — советском — патриотическом образе прошлого в начале сороковых годов. Эту модель можно использовать и для описания дискуссии вокруг сценария «Руси» в начале 1938 г. Платт и Бранденбергер указывают на существенные различия «в выборе нарративной формы» (*choice of narrative form*) и «временной интерпретативной рамки» (*temporal interpretive frame*) различных образов Ивана Грозного у партийного руководства, деятелей искусства и историков. Опираясь на четырехчленную модель исторических нарративных форм Хейдена Уайта[106], авторы устанавливают, что наррация об Иване Грозном не только представителей партии, но и историков восходила к повествовательной форме романа, а деятелей искусства — к трагедии. Они также установили сходство проектов партийных деятелей и деятелей искусства по отношению к временной интерпретативной рамке. Для обеих групп образы истории служили аллегорией современности, тогда как историки описывали отношения прошлого и настоящего как временную последовательность. На основе этих двух критериев они создали матрицу дебатов об образах истории сталинизма[107]:

	Нарративная форма	***Временная интерпретативная рамка***
Партийные деятели	Роман	Аллегория
Историки	Роман	Эволюция
Деятели искусства	Трагедия	Аллегория

Эта матрица представляется нам подходящей для того, чтобы упорядочить позиции Павленко и Эйзенштейна, ГУК и историков в дискуссии о сценарии «Руси» в начале 1938 г. Автор и режиссер описывают в своем сценарии биографию Александра Невского как трагедию. После триумфа князя в его судьбе происходит поворот, он умирает, отравленный на обратном пути из Золотой Орды. «Падение протагониста и потрясение мира, в каковом он обитает, ко-

торые произойдут в конце трагической пьесы, не рассматриваются как абсолютно угрожающие тем, кто выживет в ходе агонистического испытания. У наблюдателей битвы произойдет приращение сознания. И считается, что этот прирост состоит в проявлении управляющего человеческим существованием закона, которое произошло благодаря усилиям протагониста и в его противостоянии миру»[108]. Нарративную форму трагедии отклонили не только представители цензурного органа, но и большинство историков. Члены ГУК стремились видеть историю о герое прежде всего романом, «драмой триумфа добра над злом, добродетели над пороком, света над тьмой»[109].

Именно поэтому картина должна была завершаться празднованием победы в Новгороде. Пересечения с матрицей Платта и Брандербергера обнаруживаются и в том, как три различные группы, обсуждавшие сценарий, описывают отношение прошлого к настоящему. В отличие от авторов и представителей партии, стремившихся подчеркнуть схожесть «вчера» и «сегодня» и увидеть в образах прошлого аллегории для описания современных проблем, историки старались указать на особенности изображаемого прошлого и разницу эпох. В сценарии Павленко и Эйзенштейна Александр Невский изображен харизматическим лидером и прогрессивным представителем своего времени, воля которого имеет решающее значение для успешной защиты родины. Этому образу отвечали представления ГУК и распространенный образ Сталина. Не только роман об Иване Грозном, но и роман об Александре Невском «был полностью совместим с ведущейся пропагандистской кампанией по мифологизации настоящего как театра триумфа над внутренними и внешними врагами, стихиями и самим временем под руководством великого вождя»[110]. Невский стал здесь двойником Сталина — каждый из них служил «мифологическим по сути образцом харизматического лидерства и мессианского прогресса»[111].

Остается сказать, что критическая позиция историков внутри их «цеха» и внутри описанного дискурсивного поля была чрезвычайно слабой. Несмотря на то что их понимание кинобиографии Александра Невского как романа совпало с партийной линией, критика историками того обстоятельства, что весь текст сводился к одной аллегории, не была услышана. Это касается не только истории создания фильма «Александр Невский», но и советского патриотического дискурса о князе в целом. Только после Великой

Отечественной войны и смерти Сталина самостоятельный научный дискурс о Невском смог утвердиться параллельно продолжавшему доминировать советскому патриотическому дискурсу и вступить с последним в полемику (ср. гл. 11.5).

В целом критические выступления ГУК и историков вызвали лишь относительно небольшие изменения в сценарии Павленко и Эйзенштейна. Хотя Эйзенштейн учитывал в дальнейшей работе многочисленные указания на исторические «ошибки» в сценарии, а изображение Невского мужем и отцом семейства исчезло из текста, большинство критических замечаний он проигнорировал[112]. То, что режиссер не стал учитывать мнение историков о том, что Невского следует изображать лишь князем, но не рыбаком или «человеком из народа», не так уж удивительно. Эйзенштейн признавал, что он иногда вынужден отступать «от исторических фактов в пользу художественных и идейных соображений»[113]. Но «историческую правду не следует смешивать с историческим натурализмом», подчеркивал режиссер в докладе о советском историческом кино в феврале 1940 г.[114]. Более удивительно, что режиссер не желал отказываться ни от раскритикованного ГУК и историками изображения немецких рыцарей как жестоких детоубийц, ни от описания поездки Александра в Орду и его смерти на Куликовом поле в конце фильма.

Как уже говорилось, потребовалось однозначное личное указание Сталина, чтобы режиссер в апреле 1938 г. отказался от своих планов закончить фильм в духе трагедии. Эйзенштейн описывает в своих мемуарах, как это произошло:

> Не моей рукой была проведена карандашом красная черта вслед за сценой разгрома немецких полчищ. «Сценарий кончается здесь, — были мне переданы слова. — Не может умирать такой хороший князь!»[115]

Такая формулировка приказа Сталина указывает нам еще одну причину, по которой, вероятно, финал был отклонен ГУК. Смерть князя противоречила топосу бессмертного вождя, одному из центральных элементов культа Сталина[116]. Как и все тираны, Сталин был одержим «манией бессмертия» (Н. Клейман)[117]. Поскольку исторические фигуры вождей, например Александр Невский, репрезентировали не только себя, но одновременно вождя, их смерть

на экране могла поставить под вопрос ореол бессмертия их великого советского преемника. Как пишет Ларс Бломквист, «худшие враги тоталитарного государства — это Время и Смерть»[118].

В печати возврат к первой версии окончания фильма, разумеется, объяснялся другими причинами. Отвечая на критическое письмо П. Евстафьева, Павленко и Эйзенштейн пишут в «Литературной газете» от 24 апреля 1938 г., что они согласились с критикой историков и в соответствии с нею изменили сценарий[119]. «Композиционные и драматические соображения заставили нас вовсе отказаться от ордынских сцен»[120]. Авторы выражают надежду, что журнальная дискуссия о сценарии «Руси» окончена. О прекращении дискуссии сигнализировало и новое название проектируемого фильма — «Александр Невский»[121].

9.5. К истории создания фильма

Съемки фильма «Александр Невский» начались 5 июня 1938 г. «Мосфильм» прикрепил к Эйзенштейну второго режиссера Дмитрия Васильева, оператором стал Эдуард Тиссе, с которым режиссер работал со времени первого фильма «Стачка» (1924). В качестве автора музыки для своего первого звукового фильма Эйзенштейну удалось привлечь Сергея Прокофьева[122]. Сотрудничество со знаменитым и одновременно подвергавшимся критике композитором и работу над изобразительно-звуковым Gesamtkunstwerk Эйзенштейн позднее называл самыми интересными аспектами создания фильма[123].

Основой работы Эйзенштейну и его группе служил литературный сценарий фильма «Александр Невский» — переработка сценария «Руси»[124]. ГУК предписал режиссеру рабочий план, включающий 198 съемочных дней и предусматривающий окончательную готовность фильма к концу февраля 1939 г. Однако сам Эйзенштейн, вполне в духе времени, поставил цель выполнить этот план быстрее и закончить работу к концу декабря 1938 г. Производство фильма стало состязанием со временем. В конце концов Эйзенштейну удалось даже перевыполнить свой собственный план и закончить картину к 21-й годовщине Октябрьской революции[125]. Вечером 7 ноября фильм был показан ЦК и членам правительства и был одобрен Сталиным, а 1 декабря 1938 г. состоялась его премьера в советских кинотеатрах[126].

Фильм «Александр Невский» был типичным произведением искусства эпохи сталинизма не только содержательно, но и в «производственном» отношении. Пресса, с самого начала с большим интересом следившая за созданием фильма[127], отмечала работу группы как настоящий «стахановский проект»[128]:

> Группа картины «Александр Невский» («Мосфильм») показывает образцы социалистического труда, большевистской организованности. 3 сентября группа выполнила план на 206 процентов...[129]

Работа киногруппы описывалась не только как «борьба со временем», но и «борьба за качество», борьба «с врагом» и «с природой». «Борьба» была «ключевым понятием сталинистского словаря»[130]. В первой биографии Эйзенштейна, опубликованной в 1939 г. В.С. Вишневским, автор называет «вредителей» и «врагов» ответственными за то, что режиссер так долго не мог снимать кино. Только после нейтрализации противника — имеется в виду Борис Шумяцкий — лично Сталиным был открыт путь «Александру Невскому»:

> Были планы создать фильм об Испании, были планы создать фильм о 1917 годе, о зарождении Красной Армии. Вредители расстроили и эти планы. Партия и правительство, лично товарищ Сталин пришли на помощь мастеру кинематографии... Я рассказываю здесь это так подробно для того, чтобы десятки и сотни тысяч советских читателей и зрителей на конкретном примере видели бы, какие мерзости, какие преступления вытворяли враги и на фронте искусства[131].

Особенное впечатление на авторов статей в прессе 1938 г. произвел тот факт, что съемочной группе удалось пойти наперекор законам природы. Из соображений времени Эйзенштейн принял предложение своего оператора Тиссе снимать сцену битвы на Чудском озере не зимой на подлинном месте событий, а летом в Москве. Для этого был вырублен сад, расположенный за зданием «Мосфильма», территория распланирована, заасфальтирована и покрыта слоем мела и стекла. Советская пресса была в восторге, писалось даже о «чудесах», позволивших закончить фильм к 7 ноября[132].

Большое для 1938 г. число в 800 копий подтверждает, что «Александра Невского» можно было в СССР посмотреть повсеместно[133].

В прокатной версии, однако, отсутствовала сцена, предусмотренная сценарием и созданная во время съемок. Сцена кулачного боя на мосту в Новгороде изображала противостояние городских партий — низших слоев и купцов — по поводу того, звать ли на помощь Александра Невского[134]. Нельзя назвать точную причину отсутствия этого эпизода в фильме. В. Шкловский утверждал, что однажды ночью, как раз когда Эйзенштейн работал над монтажом этой сцены, Сталин приказал провести в Кремле просмотр фильма. Добавить недостающую сцену стало невозможно после того, как пленку без отсутствующей катушки одобрил «главный цензор»[135]. Вопрос о том, почему этой сцены не оказалось в фильме — из-за упомянутого просмотра в Кремле или возражений по существу, — остается открытым. В любом случае, письмо Эйзенштейна от 4 ноября, направленное руководителю ГУК С.С. Дукельскому, с просьбой предоставить ему три-четыре дня для окончательного монтажа фильма, не имело успеха[136]. Наличие политического подтекста подтверждает и речь Александра Довженко на конференции о советском историческом кино в феврале 1940 г., где он коснулся вопроса об отсутствии сцены кулачного боя[137]. Можно предположить, что причины, по которым эпизод кулачного боя вызвал возражения, были теми же, по которым отклонили идею об отравлении Невского по пути из Орды завистливыми удельными князьями. Обе сцены могли интерпретироваться как намеки на «чистки» партийной верхушки тридцатых годов и противоречили доктрине социалистического реализма, подразумевающей бесконфликтность общественных отношений[138]. С другой стороны, отсутствие сцены кулачного боя не повлекло за собой какого-либо заметного содержательного изъяна в фильме. Поэтому уместным остается и вопрос о верности утверждений Шкловского насчет обстоятельств сокращения фильма[139].

9.6. Действие

После отклонения финала, предложенного во втором варианте сценария «Руси», сценарий «Александра Невского», по сути, совпал с первоначальной редакцией Петра Павленко. Фильм включает двенадцать эпизодов, объединенных двумя взаимосвязанными сюжетными линиями: конфликт двух богатырей, Василия Буслая и Гаврилы Олексича, из-за руки и сердца новгородки Ольги

Даниловны и борьба новгородцев («русского народа») во главе с их вождем Александром Невским с Тевтонским орденом[140].

В двух начальных эпизодах представлена предыстория действия фильма. Титры повествуют о нападении монголов на русскую землю, кадры рисуют поле после боя: черепа мертвых, брошенные шлемы и оружие. О Невской битве против шведов поется в песне, сопровождающей кадры второго эпизода[141]. На Плещеевом озере кипит работа кораблестроителей и рыбаков. Идиллию нарушает прибытие монгольского посланника. Дело доходит до рукопашной, после того как крестьянский мальчик Савка не оказывает послу полагающихся тому почестей. Александр, один из рыбаков, приказывает окончить драку. Князь отклоняет предложение посла стать воеводой в Орде и наставляет своих людей, что прежде монголов следует сначала побить «немцев».

После этого введения место действия меняется. Зрители видят Новгород и его жителей: Василия Буслая, жизнерадостного богатыря, Гаврилу Олексича, его спокойного и задумчивого визави, кузнеца Игната, воплощение народной мудрости и юмора, и Ольгу Даниловну, скромную девушку (эпизоды 3.1—3.3). Василий и Гаврило устали от борьбы. Ольга никак не может принять решение в пользу одного из них. Разговор их прерывается звуками вечевого колокола. На площадь перед Софийским собором стекается народ. Беженцы из Пскова рассказывают о разорении их города немцами и угрозе для Новгорода. Их рассказ приводит к жарким спорам на вече о том, как следует реагировать на угрозу. С одной стороны, выступают бояре, купцы и монах Ананий. Они напоминают о мирном договоре Новгорода с немцами и предлагают в крайнем случае сдаться врагам. Собирать силы для борьбы они призывают боярина Домаша Твердиславича. Последний, однако, отказывается от поручения и присоединяется к требованиям новгородской бедноты и патриотов, которых представляют Игнат, Ольга и Гаврило Олексич. Домаш требует позвать на помощь Александра Невского:

> Беда идет на нас большая, больших людей от нас потребует. Не я, другой нужен! И рука крепче, и голова посветлей...[142]

В четвертой картине представлены ужасы правления Тевтонского ордена во Пскове. Предатель Твердило сдает город магистру ордена, мужское население Пскова связано и поставлено на колени. «Один Рим должен быть властителем земли... Все, что непокор-

но Риму, должно быть умерщвлено!» — провозглашает католический епископ[143]. Выступившего против него воеводу Павшу Твердилу приговаривает к смерти. Он умирает повешенным на фасаде церкви. Вместе с Павшей в огне умирают псковские дети, ужасную смерть которых благословляет католический монах (ил. 31).

Последние слова воеводы обращены к дочери Василисе и населению Пскова: «Мсти! Мсти!.. Идите к Александру в Переяславль! Мертвый Псков зовет тебя, Ярославич»[144].

Камера следует призыву Павши и показывает Александра Ярославича в рыбацкой хижине. Он подавлен, и лицо его просветляется лишь по прибытии делегации из Новгорода. Послы, среди них Домаш Твердиславич и Гаврило Олексич, просят князя забыть старую вражду с городом, выступить в защиту Новгорода и вывести дружину против немцев. Ответ Александра однозначен: он будет сражаться не за Новгород, а за честь земли русской. Он не умеет защищать, но лишь «бить». Для этого недостаточно его дружины, потребуется помощь народа, «мужиков»[145]. Под звуки песни «Вставайте, люди русские!» в шестом эпизоде собирается народное войско. Во главе этой массы становится Александр Невский, в седьмом эпизоде торжественно въезжающий в Новгород. Не все горожане рады его приезду, но сопротивление сходит на нет после первой большой речи Александра (эп. 7.3), произнесенной в атмосфере ликования, эйфории, готовности к борьбе. Ремесленники, и впереди всех Игнат, раздают оружие жителям. Женщины тоже вооружаются для битвы. Среди них Василиса, дочь убитого псковского воеводы.

Пока новгородцы снаряжаются к бою, войско рыцарей собирается на мессу (эп. 8). Богослужение прерывает православный монах Ананий. Он сообщает Твердиле о новгородском авангарде, притаившемся в ближайшем лесу. Благословленные епископом и ведомые Ананием рыцари вступают в бой. Они неожиданно нападают на авангард, возглавляемый Василием Буслаем и Домашем Твердиславичем (эп. 9.1). В это время Александр Невский в новгородском лагере обдумывает стратегию предстоящей битвы (эп. 9.2). Сказка о лисе и зайце, рассказанная воинам у костра кузнецом Игнатом[146], подает Александру идею взять врага в тиски, усилив фланги. Местом битвы он выбирает замерзшее Чудское озеро. Александр рассчитывает на то, что лошади немецких рыцарей будут скользить и тонкий лед расколется под их весом (эп. 9.4). Врага не пустят на свою землю, но побьют на его территории, объяс-

няет князь Василию Буслаю, который хочет после атаки на авангард отвести своих солдат на западный берег Чудского озера: «Не в силах драться на чужой земле, неча делать тебе и на отчей. На чужой будем биться. Поняли?»[147] Нападение ордена на авангард Александра приводит к первым жертвам с русской стороны. Домаш Твердиславич, отказавшийся возглавлять новгородские войска и выступивший за призвание Александра Невского, погибает первым из главных героев фильма. Перед тем как призвать войско к битве и еще раз объяснить ему тактику, Александр торжественно прощается с павшим (эп. 9.6, см. ил. 26).

Десятый эпизод посвящен битве на льду Чудского озера. Он длится около тридцати минут — почти треть всего фильма — и считается одной из самых длинных батальных сцен в истории кино. Эйзенштейн показывает ожидающее новгородское войско — среди воинов Василиса и крестьянский мальчик Савка. С вершины Вороньего камня Александр, Гаврило, Василий и Игнат осматривают поле битвы и видят приближающееся войско Тевтонского ордена. Пока Василий со своим отрядом принимает первый удар тевтонского клина, Гаврило и Александр нападают со своими отрядами на врага с флангов. Новгородцы сражаются храбро, особенно Василий, после потери меча схвативший оглоблю и бросившийся на рыцарей. Однако сражение требует еще одной жертвы: Савка падает под ударами немецкой секиры. Переломным моментом битвы становится бой между Александром и магистром ордена, в котором побеждает новгородский князь. Предводитель рыцарского войска взят в плен, а его солдаты пускаются в бегство. Штурмуя католическую походную церковь, Василиса захватывает и убивает предателя Анания. Взяв в плен Твердилу, кузнец Игнат, отвлекшись на мгновение, погибает от удара предателя. Он — третья значимая жертва с русской стороны. Под ногами бегущих рыцарей ломается лед Чудского озера, в котором и тонут враги. Битва выиграна.

Два заключительных эпизода составляют эпилог фильма. Утром после битвы Ольга выходит на поиски своих героев (эп. 11). Она находит Василия и Гаврилу ранеными, но живыми. Во Пскове горожане празднуют победу (эп. 12). Впереди возвращающегося домой войска едут сани с убитыми Домашем, Савкой и Игнатом. За ними идут победители во главе с полководцем Александром Невским. В конце шествия в город вступают пленные, впряженные в сани вместо лошадей, впереди всех «коренник» Твердило. После краткой речи к жителям Пскова Александр Невский вершит суд над врагами. Он отпускает кнехтов ордена, поскольку их принудили к

битве силой. Пощадив и рыцарей, Александр решает поменять их в ордене на мыло (sic!)[148]. Самый строгий приговор выносится Твердиле. Александр передает предателя народу, и его убивают на месте. В заключительной сцене разрешается и вторая сюжетная линия фильма, любовная. Ольга просит князя Александра решить ее судьбу, тогда Василий уступает ее руку своему другу Гавриле. Сам он решает жениться на Василисе, проявившей беспримерную храбрость в битве. Соединением обеих пар и пламенной речью Александра к кнехтам Тевтонского ордена заканчивается фильм:

> Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля![149]

9.7. Фильм как интертекст

Как уже было продемонстрировано в анализе истории создания литературного сценария фильма, Павленко и Эйзенштейн опирались в своей работе не только на тексты истории памяти об Александре Невском. В источниках можно обнаружить влияние на сценарий «Руси» определенных художественных произведений, опер, былин и сказок. Также можно документально подтвердить и переклички сценария с современностью. Из письменных свидетельств Эйзенштейна об «Александре Невском» можно понять, что изображение рыцарей ордена в фильме было задумано как аллегория национал-социализма. Кроме этих цитат и намеков в фильме можно обнаружить ссылки на два других «текстуальных поля»: советское настоящее тридцатых годов и религиозные тексты, прежде всего библейские. Стремясь снять современный исторический фильм, Эйзенштейн создал произведение, полное интертекстуальных перекличек, в котором воедино сливаются мотивы прошлого, современности, мифологии и религии.

Дискурс об Александре Невском

Несмотря на то что, как заметил один советский критик в 1970 г., «картина, по существу, имела лишь самое общее отношение к тому историческому событию, которому была посвящена»[150], нельзя сказать, что в фильме полностью отсутствуют цитаты из исторических источников. Павленко и Эйзенштейн были знакомы со

многими текстами истории памяти об Александре Невском, от его Жития до книги Козаченко. Но они скорее вдохновлялись этими текстами, чем следовали им. Например, фигуры Гаврилы Олексича и Савки взяты из Жития Александра[151]. Там они упомянуты в связи с Невской битвой как члены княжеской дружины. О предателе Твердиле Иванковиче, сдавшем Псков Тевтонскому ордену, чтобы самому править в нем, и о Домаше Твердиславиче, возглавлявшем авангард Александра и погибшем в первых боях с орденом, сообщает Новгородская первая летопись старшего извода[152]. Сцены, в которых рыцари отнимают у псковских матерей их детей, чтобы бросить в огонь (эп. 4.4), вероятно, инспирированы летописью, где описывается, как немцы «дети поимаша у добрых муж в тали, и отъидоша проче»[153]. На показ боя князя с магистром ордена (эп. 10.9), очевидно, повлияло описание поединка ярла Биргера и Александра в битве 1240 г., о чем сообщается в Житии[154]. Кадр, где кузнец Игнат топором обрушивает походную церковь ордена (эп. 10.10), отражает описанный там же подвиг Саввы во время Невской битвы[155]. Торжественный въезд Александра во Псков (эп. 12.1) восходит к мотиву картины Угрюмова 1794 г., которую Эйзенштейн, вероятно, видел в Троицком соборе в Ленинграде (см. гл. 5.2, ил. 17). Список этот можно продолжить. Таким образом, несмотря на то что Павленко и Эйзенштейн весьма вольно обращались с текстами истории памяти об Александре Невском, они практически во всем были обязаны им.

Былины, сказки и мифы

Вторая группа текстов, повлиявших на сценарий и фильм, охватывает новгородские былины, русские легенды, сказки и мифы[156]. Фигуры Василия Буслая и его матери Мамелфы Тимофеевны Павленко позаимствовал из собрания былин «Василий Буслаев и новгородцы»[157]. История про зайца и лису, которую кузнец Игнат рассказывает солдатам у костра и благодаря которой у Александра возникла идея «фланговой тактики», — старинная русская народная сказка[158]. Несмотря на резкую критику проекта картины «Бежин луг», Эйзенштейн в композиции «Александра Невского» вновь обращается к мифологическим и религиозным мотивам. «После возвращения из Мексики в 1931 г. повсеместное присутствие мифа в искусстве, неизбежность мифа в художественной продукции и синтез мифем с помощью полифонического ки-

номонтажа становятся доминирующим стремлением Эйзенштейна», — пишет Б. Уленбрух[159]. В фильме «Александр Невский» это выразилось, например, в изображении магистра ордена в виде «быка», которому в битве с Александром отрубаются рога и которого везут пленным с веревкой на шее (эп. 10.9). Этот мотив у Эйзенштейна восходит к мифологическому образу битвы с демоническим зверем, отразившемуся, например, в традиции испанской корриды. Этот образ репрезентирует борьбу добра со злом, жизни со смертью, света с тьмой[160]. Более чем спорной представляется нам интерпретация Б. Уленбрухом использования мифологических форм и образов как знака «субверсивной наррации», критического комментирования или даже «демонтажа» мифа о Сталине[161]. Скорее следует предположить, что монтаж мифем требовался для того, чтобы сделать историческое кино современным, т.е. вневременным и всеобщим. Эйзенштейн сам подчеркивал, что «нужно суметь показать исторический факт не как единичный факт, а как большое обобщенное событие»[162]. В центре внимания картины «Александр Невский» было не историческое событие 5 апреля 1242 г., а борьба добра со злом, света с тьмой — типичный мотив в советском искусстве сталинизма, позволявший делать выводы о современности[163].

Библейские мотивы

Как было отмечено (гл. 9.2), Эйзенштейн лишь на словах дистанцировался от темы святости Александра Невского. В письменных высказываниях о своем фильме режиссер подчеркивал, что не намерен ни создавать религиозный портрет Александра, ни опираться на дореволюционный церковный дискурс. Однако «Александр Невский» — это «сакраментальный фильм» и его главный герой — «святой князь» (Майя Туровская)[164]. Это подтверждают, в частности, многочисленные религиозные образы и библейские цитаты в фильме. Например, монах Ананий, выдавший Твердиле и рыцарям место засады новгородского авангарда и убитый Василисой на Чудском озере (эп. 8.2, 10.10), очевидно, является аллюзией на Анания из Деяний святых апостолов, предавшего свою общину и наказанного Богом смертью вместе с женой Сапфирой[165]. Кадры, в которых рыцари бросают в огонь псковских детей (эп. 4.4), допускают ассоциации с избиением младенцев при царе Ироде. Опора на библейские мотивы особенно очевидна в изобра-

жении Александра Невского. Павленко и Эйзенштейн подают князя как фигуру Спасителя, Христа. Уже в первом эпизоде знакомства с главным героем он оказывается рыбаком, окруженным двенадцатью помощниками (эп. 2.1), — отзвук рассказа о рыбной ловле св. Петра (Лк 5: 1—11; Мф 4: 18—22; Мк 1:16—20), где Иисус зовет братьев стать «ловцами человеков»[166].

До сих пор исследователи «Александра Невского» не обращали внимание на то, что текст двух из трех речей князя в фильме основан на «цитатах», вложенных евангелистами в уста Христу. В первом обращении Александра к жителям «Господина Великого Новгорода» говорится, что он пришел в город не «любовником», а «воеводой» (эп. 7.3)[167]. Этот текст отсылает нас к обращению Иисуса к апостолам (Мф 10,34):

> Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Заключительная речь князя к кнехтам ордена (эп. 12.5) также имеет библейские корни. Указание Александра «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива» отсылает к наставлению Христа его ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф 28: 19). Следующее предложение в заключительной речи Александра («Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет»), которое повторяется в конце фильма еще в виде текстуальной вставки, основано на цитате из рассказа о пленении Иисуса в Гефсиманском саду (Мф 26: 51—52):

> И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут[168].

Христианское предупреждение о ненасилии превращается в фильме в угрозу применить военную силу.

Христианские символы и иконография не были редкостью для искусства сталинизма[169], как кино, так и живописи[170]. И в дальнейшем Павленко, создавая сценарии сталинских фильмов «Клятва» и «Падение Берлина», обращался к мотивам, притчам и символам из Библии[171]. На одном из монументальных живописных полотен,

созданных в 1950 г., в центре картины изображен вождь в окружении двенадцати ведущих партийных деятелей[172]. Увлечение Эйзенштейна религиозными образами можно заметить уже в его неудавшемся фильме «Бежин луг»[173]. Наум Клейман указывает, что и «центрированная композиция» в «Александре Невском» соответствует иконописным образцам в православии[174].

Поэтому очевидно, что взаимоотношения сталинизма и православия во второй половине тридцатых годов невозможно свести к простому антагонизму. Кирилл Разлогов подчеркивает, что конфликт между «православием как картиной мира, типом мышления, в том числе и художественного, и той системой — политической, идеологической и художественной, которую построил Сталин... [лишь] относителен»[175]. Подчеркивая «диалектическое взаимодействие» двух мировоззрений, он описывает взаимоотношения православия и сталинизма как «причудливую смесь притяжения и отталкивания»: «Сталинизм значительно в большей степени продолжает православие, нежели отрицает его. И поэтому обращение к образу святого, использование всего богатства иконографической традиции является дополнительным свидетельством позднесредневекового характера искусства и мышления... отечественной тоталитарной эпохи...»[176]

Отношения с настоящим

Кроме истории, мифологии и христианской традиции резервуаром ключевых слов и строительным материалом для фильма «Александр Невский» Павленко и Эйзенштейну служило само настоящее. Режиссер предсказывал: «У меня история и мифология влазили в современность. Теперь современность (и какая!) пойдет сквозь историю»[177]. Изначально Эйзенштейн планировал начать свой фильм с титров — цитаты из книги Гитлера «Mein Kampf»[178]. Хотя эта идея не была реализована, режиссер не отказался от стремления сделать Тевтонский орден аллегорией национал-социализма. Ничем иным невозможно объяснить, почему головные уборы кнехтов ордена похожи на стальные шлемы вермахта (напр., эп. 4.1, ил. 24). В эпизоде 4.2 крупным планом показан рыцарь, держащий в руках турнирный шлем, украшенный направленной вверх ладонью. Ракурс камеры создает впечатление, что это его рука, вытянутая в типичном «приветствии Гитлеру» национал-социалистов (ил. 25)[179].

На национал-социалистские аллюзии указывали уже современники фильма, однако о намеках на советское настоящее говорили относительно мало. Только в семидесятые годы критик мог написать, что картина, «несомненно, отражала некоторые стороны современных ей общественных умонастроений. Отражала с лозунговой, плакатной прямолинейностью»[180]. Указания на современность имеются как в костюмах, так и в сценографии и диалогах. Обнаружив, например, что русский шлем XIII в. напоминает буденовку времен Гражданской войны, Эйзенштейн записывает, что в фильме непременно стоит обыграть эту ассоциацию[181]. Намного большее значение, чем эта деталь экипировки, имеют, однако, конкретные идеологические моменты или современные политические события, оказавшие влияние на фильм. Например, наличие у Александра стратегии победы над врагом на его собственной территории любой ценой (эп. 9.5) не подтверждается ни одним из источников. В большей степени здесь отразился топос внешнеполитической пропаганды 1937—1938 гг. Доктрина «ни пяди своей земли врагу» и победы над врагом на его территории была, «как известно, политическим лозунгом дня... Современный автор перенес политический лозунг почти в дословной формулировке в иную, отдаленную эпоху»[182].

То же самое можно сказать и о заключительной речи Александра, базирующейся, в частности, на цитате из Евангелия от Матфея (Мф 28: 19 и Мф 26: 52). До сих пор в литературе об «Александре Невском» не обращалось внимания на второй «источник» этого высказывания — внешнеполитическую часть отчетного доклада Сталина на XVII съезде партии в 1934 г. Генеральный секретарь говорит о Германии и Японии:

> Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород. Такова наша внешняя политика[183].

Программная речь Александра, содержащая в себе главный посыл картины, что подчеркивается повтором фразы в конце фильма в виде текста, речь, ставшая политическим лозунгом, оказывается коллажем из библейской цитаты и сталинской речи. Еще раз наглядно продемонстрируем это, сравнив три высказывания:

Речь Александра	Мф 28: 19, 26: 52	Речь Сталина (1934)
Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля![184]	Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут[185].	Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород. Такова наша внешняя политика[186].

Наряду с растущей внешней угрозой в фильме нашла отражение и другая главная тема современности — борьба с «внутренним врагом». Картина создавалась в эпоху, воспринимавшуюся советским населением как пиковая точка сталинского террора. Репрессии 1937—1938 гг. были «квинтэссенцией сталинского террора, историческим моментом, кристаллизовавшим и в то же время преобразовавшим опыт террора, накопленный за два предыдущих десятилетия»[187]. После показательных процессов над Львом Каменевым и Григорием Зиновьевым в августе 1936 г. поиски «шпионов» и «предателей» приобрели черты истерической охоты на ведьм.

«Внутренний враг», «предатель» представлен в фильме Твердилой Иванковичем и монахом Ананием. Твердило «в сущности является членом троцкистско-бухаринско-зиновьевской фашистской банды»[188]. От него исходит наибольшая опасность для сообщества, и именно его ждет в конце картины самое страшное наказание.

Начало Большого террора в Советском Союзе маркирует убийство 1 декабря 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова[189]. До сих пор нет окончательного ответа на вопрос о том, кто стоял за Леонидом Николаевым, выпустившим смертельную пулю в Кирова[190]. Многое, однако, говорит в пользу версии, что Сталин сам заказал НКВД это убийство. Для много-

численных косвенных улик «до сих пор не найдено другого правдоподобного объяснения»[191]. Сталин возложил вину за убийство на банду заговорщиков под руководством Зиновьева и Каменева. Убийство стало предлогом для форсирования кампании против внутрипартийных конкурентов еще более жесткими средствами. Противники Сталина были объявлены «врагами народа», сосланы в трудовые лагеря, посажены в тюрьмы или казнены[192]. Киров же был преподнесен в советской пропаганде как мученик[193]. Его смерть стала литературным мотивом, например, в романе Антона Макаренко «Флаги на башнях» 1938 г.[194].

До сих пор не замеченным оставался тот факт, что и один из эпизодов фильма «Александр Невский» можно интерпретировать как вклад в создание мифа о Кирове. Некоторые детали указывают, что повествование о судьбе Домаша Твердиславича является парафразой официальной версии смерти секретаря Ленинградского обкома. Домаш, брат новгородского посадника, был избран боярами и купцами города для того, чтобы организовать сопротивление немцам (эп. 3.4)[195]. Он отказался принять эту должность и предложил доверить выполнение задачи Александру Невскому. Эта история находит соответствие в событиях на уже упомянутом XVII съезде партии 26 января 1934 г. За кулисами так называемого «съезда победителей» сформировалась небольшая группа лиц, недовольных линией Сталина и стремившихся сместить генерального секретаря. Надежды их были устремлены на Кирова, который должен был сменить Сталина после «дворцового переворота». Ленинградский партсекретарь, однако, отказался играть отведенную ему роль и проинформировал Сталина о планировавшемся «заговоре»[196]. В фильме Домаш так же лоялен Александру, как Киров Сталину в 1934 г.

В «Александре Невском» Домаш Твердиславич умирает первым из главных героев. Его смерть маркирует начало оборонительной борьбы Александра Невского и русского народного войска против «внутренних» и «внешних» врагов. Авангард, возглавленный Домашем, был разбит (эп. 9.1), поскольку предатели Ананий и Твердило выдали ордену позиции новгородцев (эп. 8.2). Домаш умирает от предательства. У его гроба Александр Невский прощается (эп. 9.6) с верным соратником (ил. 26) и выезжает в поход, чтобы отомстить за его жертвенную смерть. Борьба заканчивается в фильме уничтожением внешнего врага, убийством Анания и смертным приговором народа внутреннему врагу, предателю Твердиле.

Убийство Кирова в пропаганде второй половины тридцатых годов играло важную роль как доказательство действий «врагов народа». «Выдающийся деятель нашей партии, пламенный, бесстрашный революционер Сергей Миронович Киров» погиб «от предательской руки врага рабочего класса», гласила официальная версия убийства[197]. Объявленная в тридцатые годы война против предателей и «внутренних врагов» обосновывалась ссылкой на убийство популярного партийного руководителя. Фотография, где Сталин изображен у гроба Кирова (ил. 27), была опубликована во многих документах официального культа Кирова. Образ Сталина как стража убитого Кирова можно рассматривать как прообраз эпизода фильма, где Александр Невский изображен у гроба убитого Домаша. Таким образом «Александр Невский», а именно сюжетная линия фильма о Домаше Твердиславиче, внес свой вклад в оправдание государственной борьбы против «врагов народа». Случайно ли, что фильм вышел в советский прокат 1 декабря 1938 г. — в четвертую годовщину убийства Кирова, когда во всех ведущих советских газетах были опубликованы некрологи и славословия в честь любимого партийного деятеля?[198]

9.8. Сообщество: боевая семья

Ни в одном другом документе истории памяти об Александре Невском современность не прошла так сильно «сквозь историю», как в фильме Эйзенштейна. Ни один другой текст не дает возможности столь детально исследовать вопрос о взаимоотношениях образов истории и концептов коллективной идентичности, как «Александр Невский». Первоначальное название сценария Павленко — «Русь» — показывает, что изображение битвы на льду Чудского озера было лишь одной из целей планировавшегося фильма. На примере исторического события авторы стремились также описать устройство сообщества и представить его советскому зрителю 1938 г. не только как отражение прошлого, но и одновременно как идеальную картину настоящего и предсказание будущего. Уже Марк Ферро указывал, что «Александр Невский» показал СССР 1938 г. «таким, каким хотели видеть страну ее руководители»[199]. Фильм становился «доказательством» того, что сталинское вождистское государство опиралось на исторический общественный порядок, прообраз которого имелся уже в Средневековье[200]. На основании

традиционных (история, мифология, религия) и современных мотивов в «Александре Невском» создается образ мы-группы, претендующей на вневременное, вечное существование.

Растущий корпус текстов канонических романов, фильмов и живописи соцреализма служил во времена сталинизма «официальным хранилищем государственных мифов»[201]. Здесь находился мастер-нарратив сообщества, были названы герои прошлого и настоящего, здесь отразилась идеальная модель общественного порядка. «Master plot» («основополагающая фабула»)[202] романов и кино социалистического реализма был литературным выражением категорий, «господствующих в определенном виде культуры»[203]. Литературная продукция при этом была настолько же подвержена влиянию идеологических задач, политических событий и отдельных личностей, как и влиянию литературной традиции или древних мифологических и героических образов[204].

Подобно авторам романов социалистического реализма, Эйзенштейн рассказывает свою историю о мы-группе в «Александре Невском» как семейную сагу. «Большая семья» была «master trope» (базовым тропом) социалистического реализма[205]. В середине тридцатых происходит отказ от идеала горизонтально структурированного общества равных, определявшего советский мастер-нарратив еще в двадцатые годы, и устанавливается четко иерархическая модель сообщества. «Большая семья» символизирует Советское государство. Во главе его стоит отец (вождь), которому подчинены образцовые сыновья (герои), выросшие из массы обычных людей. При этом на фоне фиктивного прошлого постоянно просматривается образ идеализированного настоящего.

Отец

В соответствии с доктриной советского патриотизма Александр Невский выступает в фильме Эйзенштейна прежде всего как полководец и военный стратег. По его собственному признанию, он пришел в Новгород воеводой (эп. 7.3). Он в одиночку принимает решения и проводит свою тактику даже вопреки несогласию своих верных соратников (эп. 9.2—9.7). Домаш Твердиславич прославляет князя в эпизоде 3.4 как «большого человека»: «Беда идет на нас большая, больших людей от нас потребует. Не я, другой нужен! И рука крепче, и голова посветлей»[206]. Александр Невский видит все, он вездесущ. Будто чудом он возникает в эпизоде 9.5 на берегу Чудского озера, чтобы уберечь Василия от возвращения к воинам пос-

ле нападения на авангард. Дальновидность Александра, его мудрость и мужество оказываются решающими для победоносного хода битвы. Однако Александр не является исключительно военной фигурой. Невский — князь из народных рядов. Во втором эпизоде он появляется перед зрителями как простой рыбак. Он живет в Переяславле, в простом деревянном доме. Александр Невский пользуется поддержкой новгородского низшего слоя. Если бояре и купцы города выступают за то, чтобы призвать полководцем Домаша Твердиславича, ремесленники и простые люди выступают за своего князя (эп. 3.4). В час нужды с кличем «Веди нас, Александр!» народ на новгородском вече передает Александру право княжить в городе (эп. 7.4). Призвание народом легитимирует его неограниченную власть. Князь и спаситель, Невский просто не может не стать правителем.

На приеме новгородских послов (эп. 5.2) становится, однако, очевидным, что Александр лишь кажется «равным среди равных». Прежде чем делегация входит в избу, Александр откладывает свою рыбацкую одежду и велит принести княжескую мантию. Этим переодеванием он подчеркивает дистанцию между собой и просителями из Новгорода. Дистанция по отношению к нижестоящим подчеркивается и в двух других сценах. Когда кузнец Игнат рассказывает у лагерного костра сказку о лисе и зайце, Александр оказывается единственным, кого оставил равнодушным ее скабрезный пуант (эп. 9.2). Прежде чем выступить в эпизоде 10.3 во главе войска, Василий обнимает на прощание своего друга Гаврилу, но не князя Александра. Князь не только стоит выше того, что движет обыкновенным человеком, особенная аура делает его одновременно недоступной фигурой.

Отношение Александра к народу изображено как отношение отца к семье. Если во второй редакции сценария «Руси» еще предполагалось наличие у князя жены и детей, в фильме Александр свободен от связей «малой» семьи. Его заботы касаются одной лишь «большой семьи», народа и отечества. В заключительном эпизоде он не только везет на лошади псковских детей (эп. 12.1, ил. 28), но колеблющаяся Ольга просит отца отечества вынести решение о ее личном счастье (эп. 12.4). Перед заключительной речью Александр Невский наконец дает свое отеческое благословение обеим парам. Сам он остается одиноким и связанным лишь с судьбой «большой семьи». Сохраняется и дистанция с Мамелфой Тимофеевной, материнской фигурой в этой сцене.

Тот факт, что Павленко и Эйзенштейн воспринимали своего главного героя как символического репрезентанта вождя, подчеркивается не только использованием цитат из Сталина при создании речей Александра. Все компоненты образа Александра Невского в фильме соотносятся с элементами распространенного в конце тридцатых годов образа Сталина[207]. Генеральный секретарь прославлялся не только как «вождь», но и как «величайший стратег и теоретик большевизма», «боец», «исполин мудрец», «великий гений», обладающий «силой предвидения», и «крепкий хозяин»[208]. Всеприсутствие Александра соответствует провербиальной вездесущности Сталина, выраженной в лозунге «Сталин с нами!»[209]. Связь генерального секретаря с народом также была постоянным топосом культа Сталина. Выразительно описано оно, например, Алексеем Стахановым, первым и величайшим из советских рабочих-героев:

> Когда Серго сказал про товарища Сталина, у меня сильнее забилось сердце... В зале произошло что-то невероятное. Мы вскочили с мест и со всей силой стали аплодировать... Товарищ Сталин повернулся в мою сторону. Увидев его отцовский взгляд, я почувствовал себя свободно, точно у себя на шахте, и рассказал, как было дело... Да, только в нашей стране возможны такие встречи, такие задушевные беседы между вождями и рядовыми рабочими[210].

Сталин легитимировал свою вездесущность указанием либо на мнимое завещание Ленина[211], либо на прямое призвание народа. На фоне возрастающей внешнеполитической угрозы и нагнетания опасности изнутри в 1937—1938 гг. Сталин представлял себя спасителем народа, оказавшегося в беде. Призвание Александра новгородским вече (эп. 7.4) оказывается простым повтором одной из сцен романа Павленко «На востоке» 1937 г., где описано, как напуганное угрозой войны население Москвы ищет убежища у Сталина:

> Толпа кричала и звала: «Сталин! Сталин! Сталин!», и это был клич силы и чести, он звучал как «Вперед!». В минуту народного подъема толпа звала своего вождя, и в два часа ночи он пришел из Кремля в Большой театр, чтобы быть вместе с Москвой... Лицо Сталина было строго. Он шел, торопясь и часто оборачиваясь к окружающим его членам Политбюро и Правительства, что-то им говорил и показывал рукой на людские толпы[212].

Тексты, живопись и фильмы прославляли Сталина как «отца народов». Как и другие диктаторы, он с удовольствием фотографировался с чужими детьми на руках. Одна из фотографий, где Сталин изображен с шестилетней Гелией Маркизовой на руках, принадлежит к «иконам» культа Сталина (ил. 29). Фото было сделано 27 января 1936 г. на приеме в Кремле. Уже на следующий день оно появилось в советской прессе. Репродукции вывешивались в школах, детских садах и клиниках, дворцах пионеров и детских домах; на станции метро «Сталинская» Георгий Лавров создал монумент в память об этой сцене[213]. Определение «наш отец» стало распространенным эпитетом советского «вождя»[214]. Но ни в одном из фильмов Сталин не изображен вместе с женой[215]. Для внешней репрезентации Сталин, как и Александр Невский, не был отцом семейства. «Чтобы работала магия харизмы, вожди должны были изображаться на портретах экстраординарными, они были выше повседневного мира еды, питья и семейной жизни»[216]. Сталин желал, чтобы его отношения с народом были представлены как «семейные»[217], а сам он — как отец отечества. Заключительная сцена, где Александр Невский благословляет две влюбленные пары (эп. 12.4), перекликается, например, с одной из последних сцен фильма «Падение Берлина», где Сталин в берлинском аэропорту Темпельхов дарует счастье влюбленным Наташе и Алексею[218].

Несмотря на всю показную близость к народу, Сталин, как и Александр, был неприкасаемой фигурой. Возвышение Сталина до сакральной, богоравной фигуры было важным элементом культа его личности. «В тоталитарном искусстве Сталин присутствовал как религиозное явление, как Бог или, по меньшей мере, Сын Божий» (Акос Щилагий)[219]. Однако в пропагандистских текстах Сталин никогда не назывался «богом». Авторы ограничивались тем, что приписывали ему божественные признаки: Сталин все знал, все видел и одновременно мог присутствовать в нескольких местах[220]. Именование генерального секретаря «солнцем», прославление его матери и дома в Грузии, где он родился, однозначно было направлено на сакрализацию его личности[221]. При этом «ассоциации (вербальные и визуальные) между Сталиным и Христом едва ли были новшеством в конце 1930-х; к тому времени "иконы" Сталина стали привычной частью публичной жизни. И в изображениях, и в словах Сталин стал более чем просто великим лидером. Он приобрел статус живого божества»[222]. Предки Сталина также стали в искусстве тридцатых годов богоподобными фигурами[223]. Александр Нев-

ский в фильме Эйзенштейна изображается мессией. Поэтому библейские мотивы и цитаты из Священного Писания указывают в фильме не только на мифически-религиозное прошлое, но и одновременно на советское настоящее. Наконец, в заключительной речи Александра библейские мотивы слиты воедино со смысловыми заимствованиями из докладов Сталина. Князь становится двойной метафорой, воплощением вечного, божественного или богоравного вождя.

Сыновья и культ героев в СССР

Советский культ вождя «базировался на чувстве неизменного пространственно-временного порядка»[224]. Вождь-«отец» стоял на вершине общественной пирамиды, напоминавшей феодальную. На втором уровне под ним располагались — как промежуточные фигуры между ним, божественным существом, и обычным народом — сыновья или «герои». В фильме «Александр Невский» эта группа представлена прежде всего богатырями Василием Буслаем и Гаврилой Олексичем. Если история Александра соответствует образцу «отцовской биографии», рассказ о Василии и Гавриле структурирован как типичное жизнеописание «сыновей» «большой семьи»[225]. Василий — веселый, несколько бесшабашный парень, одаренный сверхчеловеческой силой. В битве на Чудском озере он не смущается потерей меча и продолжает драться огромной деревянной дубиной. Он остается невредимым даже с не защищенной шлемом головой. Гаврило также демонстрирует свою воинскую храбрость. Он бросается напролом и останавливает направленные в Александра вражеские копья собственной закованной в доспехи грудью (ил. 30). В отличие от Василия, Гаврило обладает более рассудительным и взвешенным характером. Он сам говорит Ольге о себе как будущем заботливом супруге (эп. 3.3)[226].

Если Александр Невский кажется в фильме неприступным, оба новгородских жениха оказываются классическими фигурами идентификации[227]. Оба они происходят из простого народа, имеют человеческие слабости и доброе сердце. Как типичные «сыновья» соцреалистического повествования, они являются не потенциальными наследниками «отца», а «маленькими людьми» («little men»)[228] и репрезентантами формирующегося социалистического героизма.

Герой — «центральное действующее лицо тоталитарного мифа»[229]. Особенно это касается времени сталинизма, которое Кларк называет эпохой «поистине фантастических супергероев»[230]. В со-

ветском культе героев тридцатых—сороковых годов окончательно стирались границы между прошлым и настоящим, вымыслом и реальностью. С одной стороны, этот культ был результатом стратегий идеализации, с другой — стратегий аутентизации. Если биографии живых героев стилизовались под легенды, то легенды о вымышленных героях с течением времени приобретали все более реальные черты. Живые и мертвые, придуманные и подлинные герои дружно занимали соседние места в пантеоне сталинизма[231]. Василий Буслай и Гаврило Олексич оказываются здесь в компании других «суперменов» — виртуальных и реальных личностей.

«Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой», — поют «веселые ребята» из фильма Александрова (1934 г.) и не оставляют сомнения в том, в каком государстве они так веселы[232]. В том же году героизм в СССР получил статус государственного института. С 16 апреля 1934 г. звание «Герой Советского Союза» стало высшим отличием, которым награждал Президиум Верховного Совета за особые государственные заслуги — «подвиги»[233]. Еще в 1927 г. было учреждено звание «Герой Труда». Самым выдающимся его носителем стал шахтер Алексей Стаханов. Большинство советских героев можно отнести к категории героев-рабочих, боевых героев или героических жертв[234]. Отмеченные званием «героя», выдающиеся мужчины и женщины были, как правило, простыми, в основном молодыми людьми, доказавшими в «борьбе» (с врагом, природой, временем или другими препятствиями) свое мужество, решимость, выносливость, силу воли, готовность к самопожертвованию и патриотизму. Советский культ героев был нацелен на то, чтобы представить населению доступные фигуры идентификации и побудить людей подражать им[235]. Одновременно почитание героев должно рассматриваться в контексте развязанного в тридцатые годы массового террора в Советском Союзе[236]. Герой в советской саморепрезентации был антагонистом «внутреннего врага», паразита, вредителя, саботажника, предателя или шпиона, против которого активно боролось государство[237]. Этим представителям сил зла были противопоставлены положительные образы ударников и летчиков, пограничников и трактористов. Эта картина похожа на изображение «сказочного мира» (Сарторти), борьба с внутренним врагом оказывалась повторением вечной, космической борьбы добра со злом, света против тьмы, божественного с демоническим[238]. В «Александре Невском» эту борьбу против зла ведут два героя-«сына» — Василий Буслай и Гаврило Олексич.

«Большая семья»

Остальные позитивно маркированные главные персонажи (Павша, Игнат, Савка, Ольга, Василиса, Домаш и др.) репрезентируют в «Александре Невском» «большую семью», собственно мы-группу. Из фильма явствует, что они понимают себя в первую очередь не как «новгородцев», а прежде всего как жителей Руси или «русских». Они рассматривают «славный Новгород», или «Господин Великий Новгород», как составную часть единой «Русской земли», «Родины-матери» Руси[239]. Их региональное самосознание растворяется в патриотизме, направленном на русскую «Отчизну». Вместе с Александром Невским поднимается население «Господина Великого Новгорода» «за Отчизну, за Родину-мать! Встань за русские города, Господин Великий Новгород, за Киев, за Владимир, за Рязань, за поля родные, за леса, за реки, за великий народ наш!»[240].

«Александр Невский» задает широкий образ сообщества «русского народа» или «русских людей», как постоянно именуется в фильме мы-группа. Ее члены населяют «Русскую землю» или просто «Русь»[241]. Гимн фильма «Вставайте, люди русские» прославляет «честную» Русь и ее «вольных» жителей[242]. Они показаны людьми, тесно связанными с природными стихиями[243]. Они зарабатывают пропитание ремеслом (Игнат), крестьянским трудом и рыбной ловлей (Савка) или военной службой (Василий, Гаврило). В отличие от второй редакции литературного сценария, где Новгород охарактеризован как мультикультурная торговая республика, в фильме мы-группа кажется этнически гомогенной. Замечательно, что при этом почти полностью отсутствуют указания на православную веру Александра и его современников. Здания храмов во Пскове и Новгороде, точные копии которых были изготовлены специально для съемок, оказываются всего лишь декорацией, как и два православных священника, возглавляющие триумфальный вход во Псков в эпизоде 12.1. «На экране показано секулярное государство, религия становится лишь народной памятью... изображение отражает официальный взгляд на современную советскую реальность»[244].

Враги

Несмотря на упомянутые выше — имплицитные — религиозные коннотации и аллюзии, христианство в фильме используется прежде всего для характеристики двух групп врагов. Как и в образце советского патриотического дискурса об Александре Невском,

мы-группе угрожают «изнутри» и «извне». Хотя в двух начальных эпизодах в качестве противников Руси упомянуты шведы и монголы, сам Александр называет главным врагом «немца»: «Опасней татарина враг есть... ближе, злей, от него данью не откупишься — немец»[245]. «Немец — он зверь!» — кричат возмущенные новгородцы, услышав от раненых псковских воинов о произволе и жестокости рыцарей (эп. 3.4)[246].

Рыцари ордена оказываются в фильме властолюбивыми злодеями, убийцами беззащитных женщин и детей (ил. 31). Одновременно Павленко и Эйзенштейн представляют, как это уже было у Козаченко (и авторов национального дискурса), Тевтонский орден детищем папы и католической церкви. Последних репрезентируют в фильме черный монах, играющий на органе, и фанатичный епископ. Еще опаснее, чем оружие рыцарей, их идеология и властные фантазии. Епископ хочет подчинить власти папы весь мир (эп. 4.2)[247]. Крест, символ христианства, в фильме оказывается однозначным атрибутом врага. Изображение католического духовенства наделено и карикатурными чертами. Образы епископа или черного монаха почти гротескные. Стилистические средства сатиры и иронии — сами по себе чуждые социалистическому реализму — были дозволены для изображения «другого», врага[248].

Характеристика «внутреннего врага» в фильме напоминает антирелигиозные стереотипы ранней советской пропаганды. К предателям родины причисляются, с одной стороны, новгородские бояре и купцы, желающие откупиться от Тевтонского ордена (эп. 3.4), которых кузнец Игнат обзывает безродными: «Им, богачам, все едино: кто мать, кто мачеха. Где барыш, там и их родная земля»[249]. С другой стороны, новгородским патриотам противопоставлен монах Ананий. Он играет роль шпиона, сообщает магистру ордена о призвании Александра (эп. 4.2), получает от Твердилы задание подстрекать население Новгорода против князя. Он выдает врагу позиции русского авангарда и распространяет в лагере Александра слух о том, что сдался Василий Буслай (эп. 9.3). Не белая кулиса новгородской Софии символизирует в «Александре Невском» Русскую православную церковь, а карикатурный черный монах.

Павленко и Эйзенштейн описывают борьбу мы-группы против «внутреннего врага» как классовую борьбу и как оборону от «агентов» и предателей. Если бояр, купцов и клир можно причислить к традиционным классовым врагам, то Твердило — это типичный представитель новой группы «врагов народа». В эпизоде 12.3 его

изображение смонтировано в конце цепочки кадров, демонстрирующих жертв битвы: Игната, Домаша, Савку. Монтаж внушает, что Твердило несет главную ответственность за смерть этих героев. В финале фильма предателей ждет самое суровое наказание. Типичная черта советского искусства тридцатых годов: «Александр Невский» переводит внимание с «классовых врагов» на «врагов народа»[250].

Несколько карикатурное изображение внутренних и внешних врагов служит в фильме трем целям. Во-первых, оно создает контрастный фон, на котором выигрышно смотрится мы-группа. Рыцари ордена изображены закованными в латы безликими военными машинами, а их русские противники — мужественным, смелым и органичным народным войском[251]. Слепящие белые одеяния рыцарей противопоставлены земляного цвета костюмам новгородцев. Латинский хорал и звуки полевого органа католического монаха контрастируют в музыке Прокофьева с лейтмотивом, напоминающим русскую народную мелодию. Тевтонский военный рог противопоставлен русской флейте. Если убивающие детей рыцари — посланцы смерти, то новгородцы сражаются под сенью Александра за жизнь, любовь и свободу...

Во-вторых, изображение врага следует рассматривать как аллегорию современных «агрессоров». Фигуры Твердилы и Анания могли, как уже было сказано, прочитываться как намеки на «вездесущих врагов народа» конца тридцатых годов, а Тевтонский орден — как аллегория национал-социалистов[252]. Мечты католического епископа о всемогуществе скорее можно толковать как указание на экспансионистские планы Гитлера, чем на претензии папы на единоличное правление[253]. Источник такого мотива, как приказ церковника убивать детей во Пскове, обнаруживается, кажется, в расовой идеологии НСДАП. Исполнение приказов рыцарями и солдатами ордена напоминает кровавое нападение легиона Кондора на мирных жителей в Гернике. Авторы фильма, конечно, не могли представить, что через несколько лет эти ужасные кадры окажутся пророческими и для СССР и действительность многократно превзойдет их в жестокости.

Наконец, заданные в фильме образы врагов являются элементами того образа сообщества, вневременная действенность которого постулируется в фильме. Как уже было указано выше, пара персонажей «герой и враг» не только является обязательным элементом *master plot* в романе или кино социалистического реализма. Под воздействием этой бинарной схемы находился весь мастер-нарра-

тив сталинизма. В советском пангероизме «пропорционально с измерением героического [росли] и масштабы общественного зла»[254]. Государственный массовый террор после 1934 г. разыгрывался как борьба добра со злом, света с тьмой[255]. Советские зрители 1938 г. становились свидетелями «вечной борьбы героя с демонами». Они принимали участие в «ритуале победы над силами тьмы»[256]. На экране повторялись процессы, которые должны были казаться зрителям совершенно знакомыми. В газетах они читали о событиях в стране, описание которых соответствовало образцам в романах и кино.

Единственной легитимной формой взаимодействия с врагом, допущенной советским патриотическим дискурсом, была борьба. Это было ключевое понятие словаря сталинизма (см. также выше, гл. 9.5). Не случайно советское патриотическое повествование об Александре Невском обращается к образам национального дискурса XIX в., где князь предстает прежде всего воином и полководцем. Военный профиль Александра Невского служил в дискурсе советского патриотизма не только деталью символического изображения «стратега большевизма» Сталина. «Воевода» Александр одновременно оказывается воплощением всей мы-группы, которая с середины тридцатых годов постепенно приобретает облик сообщества защиты и борьбы[257]. Подготовка советского населения к защите нации сопровождалась, посредством литературы и кино о прошлом, презентацией такого воинственного состояния как нормы. Со времен становления современного национализма война или военная угроза были известным способом интеграции воображаемого сообщества, к которому решительно прибегали и стратеги советского патриотизма. «Многолетние призывы к бдительности по отношению к империалистическому окружению и шпионажу; тактика, посредством которой противоречия внутри общества проецировались на внешнего врага, поддерживали среди населения в конце тридцатых годов рост “военного менталитета”»[258].

Напряжение фильма достигает высшей точки в эпизодах 10.1—10.3. На льду Чудского озера новгородское народное войско и его фигуры идентификации Василий, Игнат, Савка и Василиса отражают нападение рыцарской «свиньи»[259]. Взгляд камеры обращен к горизонту через плечи бойцов русского войска, стоящих в первом ряду, сквозь лес их копий. На горизонте медленно вырисовывается приближающееся войско противника. Благодаря такому расположению камеры, напоминающему не только «включение» читателей в карамзинской «Истории» (см. гл. 6.2), но и описание Ледового

побоища в поэме Симонова (см. гл. 8.3), зритель вовлекается в сообщество борьбы, становится частью мы-группы, которая, глядя на экран, смотрит в лицо собственной судьбе. Музыка к фильму подчеркивает этот эффект. Биение сердец русских солдат и удары копыт скачущих всадников растворяются в едином такте. Соединение действующих лиц и зрителей в одну мы-группу описывал в 1939 г. биограф Эйзенштейна Вишневский:

> Русские недвижно ждут удара. Сложные ассоциации возникают, когда идут эти кадры: то вспоминаешь армию, застывшую на Красной площади, то вспоминаешь полки в боях Гражданской войны, то видишь весь облик России, спокойный, кряжистый, — России, которая сейчас, в 1939 году, стоит и зорко всматривается в приближение врагов, ждет момента для контрудара[260].

Сама битва производит примечательный двойной эффект. С одной стороны, она оказывается радостной и безобидной игрой, в которой Василий без больших усилий, как храбрый портняжка, одним махом отправляет на тот свет множество рыцарей. Несмотря на крепкие удары и уколы копий, в фильме не льется кровь. Очевидно, Эйзенштейн сознательно отказался от образа окрашенного кровью льда, который есть в Житии[261]. Преследование врага в эпизоде 10.10 часто напоминает грубые фарсовые сцены немого кино двадцатых годов[262]. Однако битва требует жертв и с русской стороны. Три человека погибают в решающем сражении: мужчина (Домаш Твердиславич), мальчик (Савка) и старик (Игнат). Как представители трех возрастов они репрезентируют всех погибших на этой войне и одновременно всю мы-группу[263]. Трое саней, на которые положены для прощания тела героев, возглавляют триумфальный въезд победивших новгородцев во Псков (эп. 12.1). Перед ними собирается весь народ. Этот ритуал характерен для финалов советского романа тридцатых—сороковых годов: на празднике или торжественных поминках мы-группа чтит память своих жертв, наказывает врагов и приносит присягу идеалам сообщества — вождь или герой произносит публичную речь[264].

Представление смерти воина как жертвы ради сообщества — существенная черта национальной идеологии. Если христианские церкви пытаются лишить верующих страха перед смертью перспективой вечной жизни, нации обещают своим солдатам вечную жизнь в коллективной памяти. И в советском патриотизме почитание павших героев революции и Гражданской войны занимало прочное

место. К ним относились и мученики, лишившиеся жизни в борьбе с «внутренними врагами» или на строительстве социализма. В конце тридцатых годов секулярный культ жертв выполнял функцию усиления в населении «военного менталитета»[265].

Разыскивая на поле битвы Василия и Гаврилу (эп. 11), Ольга поет песню, в которой жертвенная смерть молодого человека преображается в доказательство любви к Родине-матери:

> Я пойду по полю белому, полечу по полю смертному, поищу я славных соколов, женихов моих, добрых молодцев. Кто лежит мечами порубленый, кто лежит стрелою пораненый, напоили они кровью алою землю честную, землю русскую. Кто погиб за Русь смертью доброю, поцелую того в очи мертвые...[266]

Устройство сообщества, заданное в фильме «Александр Невский», следует строгому патриархальному образцу. Во главе их стоит Александр, отец, олицетворение «чистой мужественности» («pure masculinity», Бордвелл). Он репрезентирует мужество, силу, решительность и готовность к борьбе. Все мужчины в фильме стремятся к этому «мужскому идеалу» («manly ideal», Балтер). Женщины, напротив, как и в других текстах и кино сталинской эпохи, «изображаются либо как военные, либо как материнские фигуры, т.е. сами борются за свою страну или репрезентируют “Родину”, которую призваны защищать другие»[267]. Василиса, дочь псковского воеводы, репрезентирует в этой типологии первую группу. Она женщина-воин, персонаж типа Жанны д'Арк, которая не хочет перекладывать военные тяготы на мужчин. После смерти отца она исполняет его завещание отомстить за зверства рыцарей во Пскове. Сиротам предлагается обрести свое место в «большой семье», боевом сообществе. Василиса получает у Игната доспехи и меч (эп. 7.5) и идет на бой вслед за мужчинами. Там она находит своего будущего мужа Василия Буслая. Ольга Даниловна и Мамелфа Тимофеевна, напротив, воплощают второй женский типаж, мать. Хотя Ольга и говорит на новгородском вече о том, что купцы хотят продать русскую землю немцам (эп. 3.4)[268], в остальном она является пассивной фигурой. Ее имя напоминает о «матери русской земли» — св. Ольге. За ее любовь спорят два сына-героя, они готовы умереть за нее. Фигура Мамелфы Тимофеевны, матери Василия Буслая, напротив, остается в фильме относительно бледной. Однако она занимает важную позицию в заключительной сцене, групповом портрете, где как Родина-мать благословляет счастье обеих пар.

Секуляризованное сакральное сообщество

Немецкий кинокритик Хельмут Фербер написал в 1967 г., что Эйзенштейн в «Александре Невском» «экранизировал не только средневековый сюжет, но и средневековый образ мысли»[269]. Фильм и в самом деле вызывает ассоциации со средневековой иконописью и фресковой живописью[270]. Он создает статическую картину, где каждой фигуре отведено вполне определенное место. Сообщество, воображенное в «Александре Невском», устроено иерархически, в нем обнаруживается три отделенных друг от друга уровня. На вершине стоит Александр Невский, вождь и отец. На следующей ступени — два героя-«сына», Василий и Гаврило. От них перекинут мостик к нижней ступени, народу, «большой семье», представленной ремесленником Игнатом, рыбаком и крестьянином Савкой, а также женскими персонажами Василисой и Ольгой. Сообщество отграничено «внешним врагом» — Тевтонским орденом и «внутренним врагом» в лице предателей Твердилы и Анания:

Схема 1: Структура воображаемого сообщества в «Александре Невском»

Эта модель мы-группы напоминает образ сакрального сообщества, знакомый нам по церковно-религиозному дискурсу об Александре Невском с конца XIII в. Средневековый концепт описывает «Русскую землю» как «святую», населенную избранным народом. Выражением исполненности Божьей благодатью являются святые, которых породила Русь. Посредники между общиной и Богом, они стоят между дольним и горним. Они выступают защитниками народа пред Господним престолом и одновременно присутствуют на

земле в виде мощей. Этот концепт сообщества также отличается трехчастной структурой. На вершине пирамиды стоит триединый Бог. Далеко ниже его следуют святые, в жизни которых открывается верующим присутствие Бога на земле. Базисом пирамиды являются верующие, земные члены религиозного сообщества, обращающиеся в молитве к «своему» заступнику и покровителю перед Богом:

Схема 2: Структура сакрального сообщества

Будучи святым Русской православной церкви, в этой модели Александр Невский оказывается на среднем уровне. Именно здесь кроется различие между концептом сакрального сообщества и моделью сообщества в фильме Эйзенштейна и соответственно в дискурсе советского патриотизма. И в «Александре Невском» мы-группа представлена как избранный народ, вышедший на бой с сатаной и готовый умереть за это. Однако главный герой Александр больше не стоит между земной общиной и Богом. Отрицающий в групповом портрете сообщества существование христианского Бога, князь сам становился богоравной фигурой. Он воплощает идеалы сообщества, он приходит как его спаситель, выступает как отец, он присутствует в жизни героев, сыновей как недостижимый образец. Герои же занимают (прежние) позиции святых[271]. Они становятся новыми посредниками между «большой семьей», из которой они происходят, и «отцом», за которого они сражаются.

Если верно понимание портрета мы-группы в «Александре Невском» как отражения современной концепции сообщества

1938 г., то указанные параллели между концептом в фильме и христианским концептом коллективной идентичности Средних веков допускают еще несколько далекоидущих выводов о взаимоотношениях православия и сталинизма. В этом случае исследования о культе вождя и героев сталинской эпохи должны еще более серьезно осмыслить проблему непрерывности и параллелей, «диалектического взаимодействия» (Разлогов) православия как картины мира и образа мысли и сталинизма как политической, идеологической и художественной системы. На примере фильма «Александр Невский» можно показать, что структура утопически-фиктивного общественного порядка Советского Союза эпохи сталинизма базируется на христианско-религиозном концепте коллективной идентичности. Порядок советского общества в тридцатые годы, постулировавшийся и пропагандировавшийся в качестве идеала, отразившийся в образе «большой семьи» в романе и кино социалистического реализма, оказывается переработанным и секуляризованным переизданием христианско-религиозной картины мира. На вершине пирамиды стоит богоравный вождь Сталин, великий и неприступный. Промежуточный уровень между ним и советским народом занимают герои. Они взращены в «большой семье», служат простым гражданам примером, но никогда не смогут попасть на вершину иерархии, навсегда закрепленной за «отцом». В основании пирамидальной модели общества стоят простые люди, рабочие, крестьяне и патриоты. Сообщество советского народа, «большая семья» в целом отграничивается от представителей зла, внутренних и внешних врагов:

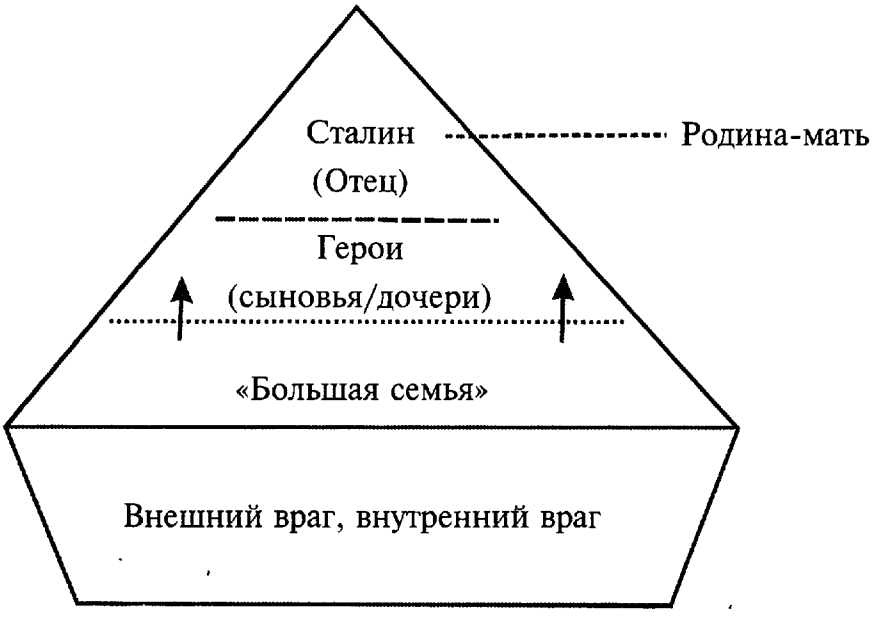


Схема 3: Концепт сообщества «большой советской семьи»

«Большая семья», утопическое видение советской мы-группы в конце тридцатых, отвечала модели секуляризованного сакрального сообщества. Сообщество представляется последовательно безрелигиозным, христианская вера или принадлежность к одной из христианских церквей оказываются атрибутами «другого». Однако антагонизм православного христианства и сталинизма является лишь одной стороной медали. «Александр Невский» — прекрасный пример настоящего переплетения и слияния христианско-православной традиции и новой секулярной идеологии. Кинокартина, отмеченная Сталинской премией, не только делает центральной фигурой православного святого, ее авторы постоянно обращаются к христианской традиции при создании сюжета, текста и образов. Одновременно очевидны отсылки к политической и культурной системе тридцатых годов, как, например, к культу личности Сталина, в свою очередь испытавшему сильное влияние квазирелигиозных элементов. Наконец, фильм представляет модель сообщества, без сомнения традиционную для христианского мировоззрения. Устройство мы-группы при этом не только оказывается копией прошлого, но и предвидением вечного настоящего[272].

9.9. Возможные интерпретации «Александра Невского»

Именно многочисленные цитаты из религиозных текстов и мифологии привели немецкого ученого-слависта Бернда Уленбруха к предположению, что «Александра Невского» следует интерпретировать как критический, субверсивный комментарий к культу личности Сталина[273]. Опираясь только на исследование личности и биографии режиссера, Уленбрух трактует визуальный ряд фильма как критический комментарий к официально одобренному вербальному тексту сценария. Со времен пребывания в Мексике Эйзенштейн интенсивно занимался вопросами мифологии. Соприкосновение с феноменами пралогического мышления сильно повлияло на его картины «*Que viva Mexico!*» и «Бежин луг». Однако в тридцатые годы в Советском Союзе было неуместным как научное, так и художественное осмысление мифа. Большевики опасались, что использование мифологических форм мышления «непроизвольно приведет к развенчанию сталинского мифа», в существен-

ной части базировавшегося на «копии мифов языческого и христианского содержания»[274]. Поэтому был подвергнут критике и в конце концов уничтожен фильм Эйзенштейна о Павлике Морозове «Бежин луг». Тот факт, что режиссер и при создании «Александра Невского» опирался на символы и образы мифологии и религии, Уленбрух интерпретирует как признак несогласия Эйзенштейна с режимом:

> ...в процессе создания сценария главный герой из главы семейства... превращается в вождя клана. Именно это становится для Эйзенштейна поводом, чтобы прокомментировать эту трансформацию и получившегося в ее результате героя посредством мифологемы архаического культа вождя. Он изобретает визуальный субтекст, то есть не предусмотренную в сценарии структуру визуальных лейтмотивов, комментирующую и подрывающую семантику, разработанную коллективом цензоров[275].

Уленбрух полагает, что фильм не следует понимать как «подчинение нормам времени, что лежат на его поверхности». «Мифологизация была [скорее] цитатой из запрещенной культуры... Указание на архаику и тем самым на тривиальность образа было нарушением табу. Эйзенштейн демонтирует миф о Сталине, восстанавливая контексты»[276].

Интерпретация Уленбруха вызывает множество вопросов. С одной стороны, он утверждает, что «новая мифология» тридцатых годов и особенно культ Сталина опирались на «содержание языческих и христианских мифов» и интегрировали их. С другой стороны, именно таким интертекстуальным отношениям в «Александре Невском» он приписывает субверсивную интенцию. Мысль Уленбруха о том, что Эйзенштейн изображает Александра Невского «в мифических контекстах, объясняющих его в его условности»[277], не может снять вопрос о том, почему «Александр Невский» должен интерпретироваться не как активный вклад в создание советского культа вождя тридцатых годов, а как антитеза ему. Сталинские цитаты в сценарии и фильме — также на уровне визуального ряда — не упомянуты Уленбрухом. Автор, кажется, попал в плен убеждения, что в своем позднем труде Эйзенштейн хотел четко продемонстрировать оппозиционность по отношению к режиму[278].

Вполне возможно, что Эйзенштейн, потерявший в волне террора тридцатых годов многих друзей и коллег[279], критически относился к сталинскому режиму и хотел бы отразить это в «Александре Невском»[280]. Однако и сама картина и ее рецепция указывают иное направление интерпретации. Нам не известно ни одного документа, который мог бы доказать «подрывное» намерение Эйзенштейна. Немногие критические отзывы на фильм, появившиеся после окончания работы над ним, осуждали не подрывную, а скорее конформистскую и подчиненную позицию по отношению к культу вождя[281].

Рассуждая об авторской позиции, следует учитывать два аспекта. Во-первых, не стоит забывать, что «Александр Невский» призван был выполнить вполне определенную задачу в биографии Эйзенштейна. После неудачи «Бежина луга» и перед лицом государственного террора в 1937—1938 гг. на кону для Эйзенштейна стояла не только художественная карьера, но, вероятно, и сама жизнь. Созданием «Александра Невского» он гарантировал себе не только свободу дальнейшего творчества. Фильм одновременно понимался как свидетельство лояльности режиму и предположительно задумывался как таковой. Во-вторых, Эйзенштейн не считал себя в первую очередь человеком политики. Оксана Булгакова полагает, что режиссер научился «жить при Сталине» и при этом «всю жизнь» оставался вне политики[282]. Эйзенштейн интересовался скорее эстетическими, чем политическими вопросами. Его высшей целью была работа на съемочной площадке. В одной дневниковой записи времен создания «Бежина луга» он утверждает:

> ...я как уличная девка не могу противостоять попыткам заигрывать с собственными творческими возможностями... Я беспринципен. Ничто, даже январь 1935 года не мог бы принудить меня снимать этот фильм[283].

Дискуссия о том, был ли Эйзенштейн сталинистом или критиком Сталина, едва ли даст плоды при рассмотрении истории создания и восприятия фильма «Александр Невский»[284]. К тому же, фиксируясь на личности Эйзенштейна, исследователи упускают из поля зрения тот факт, что кроме режиссера в создании фильма принимало участие множество других лиц[285]. Особенно недооценено в научной литературе влияние на сюжет фильма и структуру его действия Петра Павленко.

9.10. История восприятия фильма

«Александр Невский» вышел в советский прокат 1 декабря 1938 г., в четвертую годовщину убийства Кирова. Фильм сразу ожидал огромный успех. Сталин, назвавший 23 ноября на премьере в московском Доме кино Эйзенштейна «хорошим большевиком», был доволен[286]. Режиссер был осыпан милостями и награжден высшим государственным орденом[287]. Советская публика также с восторгом встретила «Александра Невского». В первый же день в одной только Москве его посмотрели 45 тыс. человек[288]. Ни один другой фильм Эйзенштейна не имел столь большого отклика у зрителей, как «Александр Невский», этой картиной он реабилитировал себя в качестве режиссера советского патриотического кино[289]. Со времен «Чапаева» кинотеатры Москвы и других больших городов не видели такого «наплыва зрителей»[290]. Различные источники сообщают, что многие из посетителей смотрели картину по нескольку раз[291]. Успех пришел не только благодаря тому обстоятельству, что в тридцатые годы в кинотеатрах одновременно демонстрировалось весьма небольшое количество фильмов и в репертуаре они стояли относительно долгое время[292]. «Александр Невский» был обязан своей популярностью и снимавшимся в нем звездам. Николай Черкасов (Александр), Николай Охлопков (Гаврило) и Дмитрий Орлов (Игнат) принадлежали к числу популярнейших русских актеров театра и кино тридцатых годов. Однако главная причина была в том, что фильм задевал самый нерв времени. Различные источники сообщают о спонтанных аплодисментах разным сценам фильма во время показов[293].

Советская пресса подробно сообщала о том, как «Александр Невский» был воспринят посетителями кинотеатров[294]. Рецензии и опубликованные мнения отдельных зрителей, однако, могут считаться надежными источниками лишь с известными оговорками. Статьи в советских газетах 1938 г. не были ни свободными, ни критичными или объективными. Скорее почти все сообщения о новом фильме отвечали ясной схеме. Но, кроме рецензий в советской прессе, мы не располагаем другими документами, сообщающими о восприятии «Александра Невского» современниками[295]. Даже если рецензии и газетные сообщения лишь условно отражали действительное восприятие зрителей, можно исходить из того, что именно они существенно влияли на это восприятие. Потому сообщения о реакции зрителей в советских газетах заслуживают особенного внимания как источники «управляемого восприятия».

Еще до начала проката различные газетные материалы готовили советскую публику к фильму. В центральном органе ГУК, журнале «Кино», З. Григорьев подчеркивал актуальность работы:

> Фильм «Александр Невский» — политически направленное, страстное произведение советского киноискусства, которое мобилизует зрителей Страны Советов на защиту своей матери-родины. Каждый советский патриот, просмотрев эту картину, еще раз с особенной силой ощутит всю огромную ответственность и одновременно большое счастье быть современником сталинской эпохи. Если в глубокую старину наши предки с таким мужеством отстояли родную землю от псов рыцарей, то теперь, завоевав под руководством партии Ленина — Сталина счастливую, свободную, зажиточную жизнь, советский народ с неизмеримо большей самоотверженностью будет защищать свою родину от посягательств любого врага[296].

Александр Невский не «наживался на торговле рабами», как большинство новгородских князей, он был «военным стратегом» — так «Правда» от 7 ноября 1938 г. объясняет своим читателям, почему персонаж, еще недавно поносимый, теперь стал героем советского экрана[297]. Главный смысл всех заявлений о картине: «Александр Невский» — «замечательный фильм о патриотизме русского народа»[298]. Показывая героическую борьбу *русского* народа, он вносил вклад в укрепление готовности к обороне народа *советского*.

В каждом из сообщений о рецепции «Александра Невского» присутствует указание на то, что фильм следует понимать как параболу современной политической реальности. В боевом сообществе русского народа зрители увидели «собственных предков», а в рыцарях Тевтонского ордена —предшественников немецких «фашистов»:

> Глядя на древних рыцарей, одетых в белые хитоны и рогатые шеломы, советский зритель узнает в них современных рыцарей топора и свастики, фашистов. Каждый сидящий в зрительском зале чувствует, знает, что немецкие захватчики снова готовят кровавый поход против социалистической родины[299].

«Ведь и сейчас в фашистской Германии происходит то, что было в Пскове, когда его заняли псы-рыцари», — замечает комментатор газеты «Сталинская молодежь». «Кажется, что и не прошли столетия. Германские фашисты так же, как и их предки-крестоно-

сцы, уничтожают мирное еврейское население, жгут на кострах произведения величайших гениев человечества. Сегодняшние фашистские каннибалы во сто крат страшней своих предков»[300]. Другой критик задает риторический вопрос: «И разве участь Испании, Китая, Австрии, Чехословакии, разве дикие еврейские погромы среди белого дня в Германии не заставляют вспоминать *предков* этих современных германских людоедов, когда те бросали беззащитных крошек, детей псковитян в огонь»[301]. Параллели между указанной в фильме угрозой сообществу «изнутри» и современностью также приходят в голову многим авторам: «Ведь и сейчас среди нас еще живут такие же презренные враги народа, как монах и предатель — купец новгородский, показанные в фильме»[302].

«Так было и так будет» — это послание исходило почти от всех кинокритиков. У Адольфа Гитлера, мечтающего о том, чтобы вновь вступить на путь, по которому когда-то отправились на восток рыцари ордена, очевидно, «плохая память», замечает комментатор[303]. «Александр Невский» — это «грозное предупреждение фашистским агрессорам», — пишет один из зрителей в книге для посетителей после просмотра. «Советский народ будет защищать свою родину с такой силой, с какой никто и никогда еще не защищал», — отмечает другой[304]. Сегодняшним «врагам народа», тем «гнусным изменникам родины, правотроцкистским шпионам, которые продаются любой фашистской охранке и готовы распродать в целом и по частям нашу навеки свободную социалистическую родину»[305], критики «Александра Невского» прочат ту же судьбу, что постигла Твердилу и Анания: «...нужно беспощадно расправляться с предателями... нужно выметать такого сорта гнусь сейчас с советской земли, как это делает наша славная разведка»[306].

Критик Новицкий прогнозирует: «Замечательный фильм поможет миллионам советских патриотов еще лучше знать, еще сильнее любить героическую историю своей родины, своего великого народа»[307]. Многие зрители 1938 г. не только идентифицировали себя с героями на экране, но и одновременно воспринимали себя как часть борющейся в фильме мы-группы. Те эпизоды, где победоносное русское войско преследует немцев (эп. 10.10), сопровождались облегченными аплодисментами публики: «Именно в эти моменты советский зритель разражается бурными аплодисментами. Зритель наблюдал, сам как бы участвовал в длительной битве»[308]. Несомненно, фильм внес вклад в укрепление среди советского населения военного менталитета. «Великие патриотические чувства», которые

пробудил и усилил в них фильм «Александр Невский», выражают после просмотра десятиклассники 25-й московской школы в книге для посетителей:

> Мы, юные граждане СССР, отдадим, если потребуется, все свои силы, всю жизнь для защиты своей земли. Мы отдадим все пламя нашей молодости делу Ленина — Сталина[309].

При анализе источников по рецепции фильма «Александр Невский» заметно, что картина в первую очередь прочитывалась как документ героизма русского *народа*. Достижения военного стратега и политического вождя Александра, напротив, уходят на второй план[310]. Ни в одной из статей средневековый князь не назван эксплицитно «предшественником» Сталина. Однако косвенно о сегодняшнем «вожде» говорилось: один из комментаторов с похвалой отмечает, что «авторы... правильно разрешили и вопрос *о роли личности в истории*... Огромно значение князя Александра Невского в исторической победе на Чудском озере. Но зритель видит, что князь был силен тем, что выполнял волю народа»[311]. Восприятие Александра как «орудия русского народа» или как олицетворенного «стремления русского народа к национальному объединению»[312] отвечало саморепрезентации Сталина в советской пропаганде. Но интерпретация фильма как параболы современности не допускала другой возможности, как ассоциировать средневекового князя с генеральным секретарем.

Не отмечая того, что заключительная речь Александра Невского базируется на внешнеполитической части отчетного доклада Сталина на XVII съезде ВКП(б), авторы многих статей об «Александре Невском» помещают рядом соответствующие пассажи из обеих речей[313]. Очевидно, что в 1938 г. было неуместно говорить о том, как сильно «современность прошла сквозь историю», используя формулировку самого Эйзенштейна. Скорее требовалось вызвать обратное впечатление — будто Сталин в своей речи цитирует Александра, что генеральный секретарь в 1934 г. лишь повторил старую русскую мудрость, воспроизведя модель «префигурация — воплощение». Ни разу не упоминается, что изречение «Но если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля!»[314], ставшее политическим посылом фильма в первые декабрьские дни 1938 г.[315], не имеет никакого исторического подтверждения. Напротив, со временем заключительные слова ки-

ногероя Александра Невского так тесно сплелись с его личностью, что почти никто не сомневался уже в их исторической достоверности. Уже в конце декабря критик Новицкий объявлял: «Эти вдохновенные пророческие слова великого полководца являются заповедью каждого советского патриота»[316]. В качестве «аутентичной цитаты» XIII в. это высказывание князя было увековечено на памятниках и напечатано в советских школьных учебниках[317].

Преимущественно позитивное эхо нового фильма Эйзенштейна в прессе широко подтверждается другими документами, дающими сведения о рецепции «Александра Невского». Давид Бранденбергер проанализировал множество читательских писем, полученных режиссером с декабря 1938 г., и установил, что «восприятие населением "Александра Невского" было позитивным»[318]. Тот факт, что фильм получил широкое признание советской публики в 1938 г., подтверждает и замечание Льва Копелева в 1990 г.:

> К сожалению, я принадлежал к тем людям, кто без всяких оговорок был вдохновлен действительно гениальным фильмом Эйзенштейна «Александр Невский», не осознавая, что этот фильм... отравлял сознание... В тридцатые годы мы еще были энтузиастами, мы хотели бороться с фашизмом, не подозревая, что вместе с направленной против «псов», против рыцарей крестоносцев пропагандой принимаем яд шовинизма и ненависти ко всему чужеродному, иноплеменному и иноязычному[319].

Новое произведение Эйзенштейна вызвало широкий резонанс не только в Советском Союзе, но и за границей. «Александр Невский» стал вторым после «Броненосца "Потемкин"» фильмом режиссера, имевшим международный успех. 22 марта 1939 г. фильм вышел в прокат в США[320]. В апреле картина демонстрировалась в Лондоне и получила позитивные рецензии как в *Times*, так и в *Manchester Guardian*[321]. Не без удовлетворения газета «Кино» от 29 июня сообщила о показе фильма в Белом доме в Вашингтоне. Президент США Рузвельт, сообщает издание, был очень тронут фильмом[322]. За несколько дней до начала Второй мировой войны «Правда» сообщила даже, что «Александр Невский» будет одним из четырех советских фильмов на международном Каннском фестивале[323].

В Третьем рейхе национал-социалистское правительство также заметило фильм, антинемецкая направленность которого была

очевидной не только в СССР. В своем «политическом сообщении» от 18 ноября 1938 г. посол Германии в Москве граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург указал Министерству иностранных дел на «стремления» советского правительства,

> направленные на то, чтобы сообщить населению Советского Союза знания об известных славных происшествиях исторического прошлого, воспитать гордость за достижения русского народа и тем самым разбудить патриотические настроения. При этом предпочтение отдается тем событиям, в которых русский народ успешно выступал против германства [Deutschtum] (битва на льду Чудского озера и Украина в 1918 году)[324].

Весьма вероятно, что фон дер Шуленбург в своем обращении имел в виду фильм Эйзенштейна, об окончании работы над которым ко дню Октябрьской революции подробно сообщала советская пресса. Уже 3 декабря 1938 г. три представителя немецкого посольства посетили сеанс в кинотеатре «Художественный»[325]. Очевидно, что «Александр Невский» достиг, кроме советского населения, и своего второго адресата, правительства Германского рейха[326].

Критика «Александра Невского»

Несмотря на позитивный резонанс внутри страны и за рубежом, сам Эйзенштейн считал «Александра Невского» худшим из всех фильмов, снятых им к тому времени[327]. Он сожалел, что «эстетические приверженности стиля наших прежних работ уступили политической актуальности темы»[328]. Режиссер сам не мог понять успеха своего фильма:

> «Загадка Невского». «Невский» действует нагло наперекор себе. Все видят дефекты: бутафорию avant tout, длинноты, ритмические срывы и разрывы. Все видят — не только специалисты. Упорство, с которым идут по два-три раза даже те, кто с первого раза недоволен... И действует quand-même. В чем дело? Дело, думаю, в «шаманстве»: в том, что, подобно бубну шамана, бьет одна и одна только мысль, все вертится вокруг одной мысли. Ни слова, ни реплики, ни эпизода, ни сцены — где не было бы только речи и дела о враге и необходимости его бить: в планах, проектах, воспоминаниях, самих действиях. Такого единомыслия через все разнообразие (и даже пестроту) всего происходящего — в таком обнаженном виде — не сыщешь, конечно, нигде. Это гипнотически приковывает[329].

Эйзенштейн сожалел, что не смог настоять на второй редакции литературного сценария. В феврале 1940 г. он даже публично заявил, что из-за вмешательства партийного руководства и сокращения исходного финала «отпал... шекспировский поворот в характере... Александра Невского»[330]. Режиссер чувствовал, что его постоянно преследует «травма» «Александра Невского» (traumatisme d'Alexandre). В апреле 1939 г. он доверяет своему дневнику такие строки:

> It is the first film where I gave up the Eisenstein touch. Conflict had also a hand in it for sure! This is not the only case! The Novgorod bridge as reel — You ought to be ashamed of Your self, dear Master of Art![331]

Хотя всеобщая реакция на картину в Советском Союзе была главным образом позитивной, Эйзенштейн был не единственным, кто критически высказался о фильме. Особенно шокированы фильмом были старые партийцы, которым не мог понравиться идеологический поворот середины тридцатых годов. Новая доктрина советского патриотизма воспринималась многими как отход от идеалов интернационализма и классовой борьбы и поворот к русскоцентричному национализму старого образца. «Александр Невский» не был исключительным случаем. «Национализацию» можно было наблюдать во всех областях искусства, живописи, театре или опере. Например, убежденный интернационалист Владимир Иванович Блюм, учитель, театральный критик и публицист, 31 января 1939 г. обратился с озабоченным письмом прямо к Сталину[332]. Намекая на постановку оперы Глинки «Жизнь за царя» (под названием «Иван Сусанин»), возобновленную С.М. Городецким, и на фильм «Александр Невский», Блюм сетовал на антипольские и антинемецкие тенденции в советском искусстве последних месяцев. «В связи с этим, — пишет публицист, — искажался характер социалистического патриотизма — который иногда и кое-где начинает у нас получать все черты расового национализма... Мы не можем питать вражды к расе, к народам»[333]. Блюм видит в обращении советского патриотизма к мотивам и личностям из русской истории аналогии с расовой идеологией фашистов и буржуазным русским национализмом образца 1914 г.[334].

Критика «Александра Невского» достигла весной 1939 г. трибун интеллектуальной и художественной жизни страны. 20 апреля 1939 г. в «Литературной газете» появилась статья о «патриотичес-

кой теме в искусстве», в которой автор сожалел, что «Александр Невский», «крупнейшее событие в жизни советской кинематографии», «не вызвал споров и дискуссии ни на страницах печати, ни в наших художественных общественных организациях». «Но все значение этого фильма — и положительное и отрицательное — еще далеко не оценено... Очень жаль. Воздействие этого фильма огромно, но это не дает нам права пройти мимо тех серьезных недостатков, которые есть в этой блестящей работе Сергея Эйзенштейна»[335]. Автор возмущается прежде всего фресковым характером и статикой фильма. Ему не хватает «глубокого понимания и внутреннего состояния, и мотивов внешнего поведения героев»[336]. По мнению критика, ни один пейзаж, ни один умно созданный кадр не может заменить *человека*.

Дискуссия об «Александре Невском», о которой говорил критик, не заставила себя долго ждать. Уже через три дня Борис Ласкин в журнале «Кино» присоединился к требованию о проведении дискуссии о «недостатках» фильма[337]. Несколько позже дебаты развернулись на заседании президиума Союза советских писателей, о котором «Литературная газета» сообщила 26 апреля. В своем докладе критик А. Гурвич коснулся прежде всего двух аспектов фильма Эйзенштейна[338]. Во-первых, он высказал недовольство тем, что и Эйзенштейн не смог противостоять тенденции изобразить гуманизм исторического персонажа-вождя с помощью лирических картин. Сцена, в которой Александр поднимает на лошадь псковских детей (эп. 12.1, ил. 28), использует «уже выработавшийся штамп». Во-вторых, он критикует пафос фильма. «Нельзя доводить пафос до анекдота», — предупреждает критик Гурвич. Рассматривая сцену, в которой Василий Буслай бросается на рыцаря с оглоблей, он задается вопросом, сколько раз герой в этой сцене должен был бы умереть. В этом эпизоде враги «мрут как мухи», говорит Гурвич. «Что же было бы, если бы в железных латах были настоящие враги?»[339] Гурвич также видит в новых произведениях советского патриотического искусства четкие аналогии с дореволюционным российским имперским патриотизмом, который он пренебрежительно называет «кузьма-крючковщиной»[340].

Гурвич, речь которого несколько раз прерывалась аплодисментами и смехом его сторонников, очевидно, высказал то, что думали многие интеллектуалы и деятели искусства. Л. Трауберг с удовлетворением констатировал 5 мая 1939 г. в «Известиях», что теперь в отдельных рецензиях и читательских письмах критикуется «лубоч-

ность батальных сцен» в «Александре Невском»[341]. Виктор Шкловский также соглашался с А. Гурвичем и его критикой батальных сцен: «Совершенно правильно он указывал, что так не бывает... [и] что вообще так сражаться не надо»[342]. Героическая борьба Василия, очевидно, побудила и А. Раскина и М. Слободского к созданию пародийного сценария «Созвучный феодал» 1939 г., где за основу взят «псевдобылинный стиль» «Александра Невского»:

> После битвы. Вдали видна группа супостатов, отступающих под натиском девушек с оглоблями. На переднем плане умная девушка того времени одной рукой выворачивает обе оглобли. — Шесть оглоблей извела, а Мити все нет, — говорит девушка. С левого фланга басурманов показывается Митя, с правого — князь. Могуч и славен князь. Но и прост. Хоть сейчас пахать. — Степанида, — кричит он, — ударь по флангу! Степанида ударяет по флангу. Фланг падает...[343]

Своего апогея критическая дискуссия об «Александре Невском» достигла в феврале 1940 г. на конференции в Москве, посвященной советскому историческому и революционному кино. Режиссер А. Довженко в резких тонах критиковал в своем докладе фильм Эйзенштейна[344]. Во-первых, его не устраивало серьезное влияние живописи на картину, что особенно очевидно в пейзажных сценах. У Эйзенштейна русская земля оказывается скудной пустошью, где и защищать-то нечего. Любимую Родину следует изображать не пустыней, а садом:

> Нужно землю богатую, дорогую, плодоносную матерь-кормилицу подавать такой, чтобы ее любили[345].

Второй упрек Довженко, однако, был еще весомее. В «Александре Невском», по мнению режиссера, Эйзенштейн исказил «правду историческую». Ясно намекая на интертекстуальные отношения с настоящим, он подчеркивает, что для исторического кино недопустимы проекции современного положения дел на прошлое:

> Есть как бы угодливое желание притянуть историю поближе к нам и даже́ реплики героев перемешать чуть ли не с речами вождей. Получается так, что Александра Невского можно, право, назначать секретарем Псковского обкома[346].

Как и Гурвич, Довженко предостерегает от излишнего пафоса, легко переходящего в комизм. Режиссеры — «педагоги миллионов», напоминает он своим коллегам. Уже по этой причине следует чрезвычайно вдумчиво обращаться с историческим материалом, чтобы не спровоцировать анекдотов такого рода:

> «Папочка, скажи, какой царь, кроме Петра, был еще за Советскую власть?!» — А папа отвечает: «Александр Невский»[347].

Высказывания Довженко, встреченные аплодисментами и смехом, указывают на то, что притчевый характер «Александра Невского» в советских художественных и интеллектуальных кругах был также воспринят абсолютно критически. Однако немногочисленные голоса несогласных тонули в море эйфории, вызванной фильмом.

К тому же критика новой доктрины советского патриотизма привела к энергичной реакции ВКП(б). Критика Блюмом нового, патриотического, направления в театре и кино была встречена жесткими ответными репликами. 26 января 1939 г. один из авторов «Литературной газеты» писал, что Блюм на заседании Всесоюзного театрального общества (ВТО) «не постыдился глумливо отозваться о С. Эйзенштейне»[348]. Блюму вменялось в вину отсутствие патриотического чувства, его упрекали в том, что ему не хватает необходимой дальновидности по отношению к новой исторической линии. Его личное обращение к Сталину привело в феврале 1939 г. к вызову в Отдел по агитации и пропаганде ЦК[349].

Весной 1939 г. ЦК ВКП(б) решительно выступил против всех критиков советского патриотизма, не способных отличить новую идеологию от «кузьма-крючковщины» или «квасного патриотизма»[350]. Намекая на упомянутое уже заседание президиума Союза советских писателей, автор статьи в октябрьском номере партийного журнала «Большевик» заявил, что многие советские авторы еще недостаточно осознали директивы Сталина на XVIII съезде партии, где он назвал советский патриотизм одной из «движущих сил советского общества»[351]. В последнее время, отмечалось в статье, и в литературной критике проявились «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений»:

> Под флагом борьбы с «кузьма-крючковщиной» кое-кто стал бить по произведениям хорошим, воспитывающим наш народ в духе советского патриотизма и заслужившим высокую оценку советского народа. Так, например, критик тов. Гурвич на заседании

> президиума Союза советских писателей с активом подверг глумлению фильм «Александр Невский» только потому, что ему, критику, не понравилась сцена, где Охлопков в роли Василия Буслаева с оглоблей в руках бьет врагов в железных латах... Эти неправильные высказывания не получили отпора на совещании президиума Союза советских писателей с активом[352].

Не названный по имени критик, специализировавшийся на «травле» патриотических произведений, вскоре был «разоблачен» как «враг народа». Непонятно, пишет «Большевик», почему все это раньше не пришло в голову никому из редакторов, печатавших его «злопыхательские статейки». «Несомненно, что в некоторые наши журналы проникают явно чуждые и враждебные влияния, что кое-кто хотел бы увести советского писателя подальше от темы советского патриотизма...»[353]

Дискуссия о фильме «Александр Невский» показывает, что еще в 1939 и 1940 гг. наряду с официальным дискурсом имелись и рудименты иного мышления в области культуры. Немногочисленные критики считали «Александра Невского» историческим апофеозом советской современности и националистической фальшивкой. Примечателен не только сам факт, что отдельные деятели искусства и представители интеллигенции в конце тридцатых годов противостояли доминирующему дискурсу и публично высказывали свою позицию. Столь же интересно, что критические высказывания могли встретить сочувствие на собраниях художественных и общественных организаций. Даже редакции журналов были готовы публиковать тексты, оппозиционные официальной доктрине. Решительная реакция партии на выступления «уклонистов» от доктрины советского патриотизма также позволяет полагать, что в 1939 г. последние еще имели существенный вес.

Временное завершение карьеры фильма

«Александр Невский» стоял в плане проката кинотеатров СССР более года. В мае 1939 г. советские газеты сообщили об успехе фильма в Узбекистане, Киргизии, Осетии и на Алтае, в июне было объявлено о показах в Туркменистане, Казахстане и Сибири[354]. После заключения пакта Молотова—Риббентропа 23 августа 1939 г. и навязанного Эстонии договора о взаимной помощи 28 сентября 1939 г., «Правда» в мае 1940 г. отметила успех «Александра Невского» в кинотеатрах Таллина, Тарту и Нарвы[355]. «В течение последних восьми месяцев после заключения пакта взаимопомощи

между СССР и Эстонией вырос интерес эстонской общественности к искусству Советского Союза и, в частности, к кинематографии. Показ советских кинофильмов стал обычным явлением», — констатировала газета[356].

Несмотря на то что в Эстонии «Александр Невский» призван был возбудить антинемецкие настроения среди населения и «подготовить» страну к принудительной интеграции в СССР, вскоре он был изъят из проката. После соглашения рейха и Советского Союза о разграничении сферы интересов в Центральной и Восточной Европе антинемецкая и антифашистская пропаганда в СССР умолкла. Не может быть сомнения в том, что «Александр Невский» и другие кинофильмы ясной антинемецкой направленности были изъяты из кинотеатров из-за пакта Сталина и Гитлера[357]. Хотя в отдельных регионах СССР фильм можно было посмотреть и в конце 1939 г., с января 1940 г. копии фильма уже были сданы в архивы[358]. Эйзенштейн, научившийся «жить при Сталине», адаптировался к новым идеологическим и культурно-политическим обстоятельствам. В декабре 1939 г. он принял предложение поставить «Валькирий» Рихарда Вагнера в Большом театре[359]. Несколько месяцев спустя, 18 февраля 1940 г., он уже приветствовал в немецкоязычной радиопередаче Московского радио пакт Молотова—Риббентропа как вклад в «существенное улучшение политических отношений между Советским Союзом и Германией» и как «базис» для укрепления и дальнейшего развития «дружественных отношений» между двумя странами[360].

---

[1] См.: БСЭ. М., 1973. Т. 12. С. 129. Стб. 373 (статья «Киноискусство»); *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization 1917—1929. Cambridge (Mass.), 1985. P. 106. Эберхард Нембах сомневается в принадлежности этих слов Ленину. См.: *Nembach E.* Stalins Filmpolitik: Der Umbau der sowjetischen Filmindustrie 1929 bis 1938. St. Augustin, 2001. S. 11.

[2] БСЭ. Т. 12. С. 129.

[3] См.: *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // Правда. 1924. 12 июня.

[4] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1. С. 118.

[5] Об истории советской кинополитики при Сталине см.: *Nembach.* Stalins Filmpolitik.

[6] ГУКФ подчинялся непосредственно Совнаркому, что подчеркивало его политическое значение. См.: The Film Factory. Russian and Soviet Cinema in Documents 1896—1939 / Ed. R. Taylor, I. Christie. London; New York, 1994.

P. 315, 405. 5 января 1937 г. ГУКФ был преобразован в Главное управление кинематографии (ГУК).

[7] Доктрина «социалистического реализма» возникла в 1932 г. и поначалу была направлена прежде всего на литературу. См., в частности: *Кларк К.* Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 12 и далее. Позднее она была перенесена на живопись и киноискусство.

[8] См.: *Nembach.* Stalins Filmpolitik. S. 145 и далее, особ. S. 151—152.

[9] Фильм «Чапаев» Сергея и Георгия Васильевых (1934 г.).

[10] В фильме Петрова первый российский император явлен представителем прогрессивных общественных сил, выступавших против тормозящих течений. См. об этом, в частности: *Yurenev R.* Art and Ideology: The Soviet Historical Film // Cultures. 1975. Vol. 2. P. 57—77.

[11] «Щорс» (1939) Александра Довженко, «Минин и Пожарский» (1939) Всеволода Пудовкина, «Суворов» (1941) Пудовкина и Михаила Доллера, «Богдан Хмельницкий» (1941) Игоря Савченко, «Кутузов» (1944) Владимира Петрова, «Иван Грозный» (1943—1946) Сергея Эйзенштейна. Фильм «Александр Невский» можно причислить не только к группе кинокартин о выдающихся исторических личностях, одновременно он принадлежит к разряду «антифашистских фильмов» 1928—1939 гг., таких как «Болотные солдаты» (1938) А. Мачерета, «Профессор Мамлок» (1938) А. Минкина и Г. Раппопорта, «Борцы» (1938) Г. Вангенхейма, «Борьба продолжается» (1939) В. Журавлева, «Семья Оппенгейм» (1939) Г. Рошаля. См.: *Short K.R.M., Taylor R.* Soviet Cinema and the International Menace 1928—1939 // Historical Journal of Film, Radio and Television. 1986. Vol. 6. №. 2. P. 131—159.

[12] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1. С. 119.

[13] См.: *Kenez P.* Soviet Cinema in the Age of Stalin // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. R. Taylor, D. Spring. London; New York, 1993. P. 63; *Bulgakowa O.* Sergej Eisenstein. Eine Biographie. Berlin, 1997. S. 180.

[14] См.: *Taylor R.* Red stars, positive heroes and personality cults // Stalinism and Soviet Cinema. P. 88.

[15] Об «участии» Сталина в советском художественном кино см.: *Hülbusch N.* Im Spiegelkabinett des Diktators. Stalin als Filmheld im sowjetischen Spielfilm (1937—1953). Alfeld, 2001.

[16] «Ленин в Октябре» (1937) Михаила Ромма; «Ленин в 1918 году» (1939) его же.

[17] Во второй половине тридцатых годов в общественных местах все чаще встречались изображения Ленина с цитатами из Сталина. См.: *Bonnell V.E.* The Leader's Two Bodies: A Study in the Iconography of the Vozhd' // Russian History/Histoire Russe. 1996. Vol. 23. № 1—4. P. 126. О слиянии фигур Невского и Сталина см. ниже (гл. 9.7).

[18] См.: *Bulgakowa.* Sergej Eisenstein. S. 192.

[19] См. об этом также: *Bulgakowa.* Sergej Eisenstein. S. 179ff.

[20] Пионер Павлик Морозов был мучеником в сталинском героическом пантеоне. Мальчик донес в ГПУ на своего отца и крестьян из своей деревни, которые дали ложные показания и прятали зерно, и, вероятно, после

этого был убит родственниками. Максим Горький на Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. предложил поставить мальчику памятник. 19 июня 1936 г. Политбюро постановило воздвигнуть статую на Красной площади. Проект не был реализован. См.: *Максименков Л.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936—1938 гг. М., 1997. С. 241; *Sauerland K.* 30 Silberlinge. Denunziation — Gegenwart und Geschichte. Berlin, 2000. S. 91ff.

[21] См. об этом: *Максименков.* Дело Сергея Эйзенштейна (1937 год) // *Он же.* Сумбур вместо музыки. С. 241—253; *Nembach.* Stalins Filmpolitik. S. 105ff.; Die Gnade des obersten Filmkritikers — die sowjetische Führung und Sergej Eisenstein. Vorgelegt von Larisa Rogovaja, eingeleitet von Donal O'Sullivan // Forum fьr osteuropäische Ideen— und Zeitgeschichte. 2000. Bd. 4. H. 1. S. 271—282.

[22] См.: *Максименков.* Сумбур вместо музыки. С. 248; *Rogovaja*; *O'Sullivan.* Die Gnade des obersten Filmkritikers. Dokument 2. S. 279—280. Максименков полагает, что в «случае Эйзенштейна» сплелись несколько различных линий, которые могли бы дать достаточно материала для большого политического процесса. См.: Ibid. С. 250ff.

[23] Шумяцкий был снят с поста в январе 1938 г., затем арестован и казнен. См.: *Bulgakowa.* Sergej Eisenstein. S. 235; *Nembach.* Stalins Filmpolitik. S. 120.

[24] 16 апреля 1937 г. Эйзенштейн написал Шумяцкому, передавшему затем письмо Сталину. Режиссер просил разрешения на дальнейшую работу и предлагал снять фильм по сценарию Вишневского о становлении Красной армии («Мы, русский народ»). Письмо опубликовано в: *Максименков.* Сумбур вместо музыки. С. 246 и далее.

[25] См.: *Максименков.* Сумбур вместо музыки. С. 248—249. Резолюция Политбюро гласила: «Думаю, что можно попробовать использовать Эйзенштейна, дав ему задание (тему) предварительно утвердить его сценарий, текст и пр. — надо с ним повозиться. В. Молотов». Цит. по: Там же. С. 249. В отличие от Молотова, Ворошилова и Жданова, Каганович высказался за то, чтобы последовать предложениям Шумяцкого и отказать Эйзенштейну.

[26] См.: *Bulgakowa.* Sergej Eisenstein. S. 228; *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения. М., 1971. Т. 6. С. 545.

[27] *Merritt R.* Recharging Alexander Nevsky. Tracking the Eisenstein-Prokofiev War Horse // Film Quarterly. 1995. Bd. 48. H. 2. P. 34—47. Мерритт основывается на мнении специалиста по Эйзенштейну Наума Клеймана, директора московского Музея кино. То же самое Клейман сообщил и автору настоящей книги в беседе 16 декабря 1999 г. По сценарию Виктора Шкловского позже фильм снял В. Пудовкин.

[28] *Goodwin J.* Eisenstein, Cinema, and History. Urbana; Chicago, 1993. P. 156. По версии Джея Лейды, ГУК предложил режиссеру выбрать между Иваном Сусаниным и Александром Невским. См.: *Leyda J., Voynov Z.* Eisenstein at Work. London, 1985. P. 97.

[29] Эйзенштейн, еще не отказавшийся от планов экранизации сценария Вишневского «Мы, русский народ», пытался предложить в качестве тем

для обсуждения Гражданскую войну в Испании или «Слово о полку Игореве». В ответном письме С. Соколовской от 5 июня он высказал интерес к кинопроекту о борьбе со шпионажем и подрывной деятельностью или о «расовой проблеме». См.: *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 228.

[30] См.: *Goodwin*. Eisenstein, Cinema, and History. P. 156. Вероятно, режиссер выбрал Александра Невского и по «биографическим» причинам. Святой был «знаком» ему с самого детства, маленьким мальчиком он проводил много времени в Санкт-Петербурге у бабушки Ириады. Очень религиозная, она жила неподалеку от Александро-Невской лавры и скончалась от сердечного приступа на ступенях Троицкого собора. Конецкие, родственники по материнской линии, были родом с Новгородчины. Александр Невский был их «семейным небесным покровителем». Биографический аспект подчеркивает Наум Клейман в своем фильме о жизни Эйзенштейна «Das Haus des Meisters» (Германия, 1997) и в разговоре с автором 16 декабря 1999 г. См. также: *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 12ff.

[31] Виктор Шкловский в своей биографии Эйзенштейна в начале главы о фильме «Александр Невский» приводит аллегорическую легенду. Персидский царь повелевает отрубить голову предсказателю, который сулит ему одиночество и скорую смерть, и награждает того, который, уже зная о судьбе коллеги, предвещает ему счастье и долгую жизнь. См.: *Шкловский В.* Эйзенштейн. М., 1976. С. 243. Ричард Тейлор предполагает даже, что Эйзенштейн покончил бы жизнь самоубийством, не получи он после «Бежина луга» разрешения на съемки нового фильма. См.: *Taylor R.* Eisenstein. A Soviet Artist // The Eisenstein Reader. London, 1998. P. 24. Наум Клейман подчеркивает, что дело не дошло до ареста «только чудом». См. документальный фильм «Das Haus des Meisters».

[32] *Эйзенштейн С.М.* Патриотизм — моя тема // Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 161—164.

[33] Там же. С. 162.

[34] Там же. С. 163. Эйзенштейн установил почти дословные совпадения в сообщениях о разрушении Герсика рыцарями и Герники нацистами. См.: *Эйзенштейн*. Александр Невский // Избранные произведения. Т. 1. С. 165—174. Впервые текст опубликован в: Кино. 1938. 11 ноября. Версия несколько отличается от редакции «Избранных произведений». См. также: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Ед. хр. 905.

[35] *Эйзенштейн*. Патриотизм... С. 163.

[36] *Эйзенштейн*. Александр Невский. С. 172.

[37] *Эйзенштейн С.М.* Александр Невский и разгром немцев // Известия. 1938. 12 июля.

[38] *Эйзенштейн*. Александр Невский. С. 167.

[39] *Эйзенштейн*. Патриотизм... С. 164.

[40] *Эйзенштейн*. Александр Невский. С. 167.

[41] Там же. С. 169.

[42] Там же. С. 172 и далее.

[43] См. об этом подробнее в гл. 9.7.

[44] Сценарий Павленко сначала назывался «Господин Великий Новгород». См. интервью писателя: Новые произведения П. Павленко. Из беседы с писателем // Литературная газета. 1937.10 окт. № 55.

[45] О П.А. Павленко см., в частности: *Печко Л.П.* Павленко П.А. // БСЭ. М., 1975. Т. 19. С. 60; *Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur nach 1917. Stuttgart, 1976. S. 288f. [См. перевод: *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. — *Примеч. ред.*]

[46] См.: *Goodwin*. Eisenstein, Cinema, and History. P. 159; *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 187.

[47] *Kasack*. Lexikon der russischen Literatur. S. 289.

[48] Двухтомный роман «На Востоке», впоследствии экранизированный, был типичным советским патриотическим романом. Действие происходит на Дальнем Востоке, где советские пограничники ведут борьбу с японскими захватчиками и белогвардейцами. Главная героиня романа Ольга — сирота, ее отец погиб в бою. Значение этого романа для истории фильма «Александр Невский» до сих пор не принималось во внимание. Тем не менее сюжет романа имеет отчетливые параллели со сценарием фильма. (Например, обе главные героини — Ольга и Василиса — сироты.) Вполне вероятно, что Павленко старался не повторить в сценарии «Русь» ошибок, найденных официальной критикой в романе «На Востоке». Писателя упрекали в том, что герои романа не имеют антагонистов, т.е. в романе слабо отражена диалектика «стихийности» и «сознательности» (*Кларк*. Советский роман. С. 118). Систему персонажей сценария «Русь» (Василий Буслай *vs* Гаврило Олексич; Василиса *vs* Ольга), очевидно, следует интерпретировать как ответ на эту критику.

[49] См.: *Вишневский В.С.* Эйзенштейн. М., 1939. С. 21; *Bulgakowa O.* Herr der Bilder — Stalin und der Film, Stalin im Film // Agitation zum Glück / Hg. Gaßner H.. Bremen, 1993. S. 65; *Kenez P.* Black and White. The War on Film // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 157; *Idem*. Soviet Cinema in the Age of Stalin. P. 61; *Uhlenbruch*. Mythos als Subversion? S. 373.

[50] *Максименков*. Сумбур вместо музыки. С. 253. Действительно, после 1920 г. Павленко был комиссаром Красной армии.

[51] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 1—23. Проект сценария Павленко с пометами Эйзенштейна. См. об этом также: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58.

[52] Юренев предполагает, что Павленко использовал в работе летописи, труды Карамзина, Костомарова, Трусмана, Бунина, Клепинина, Беляева и Чешихина. См.: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58. Следует, однако, с осторожностью отнестись к этим рассуждениям в силу отсутствия доказательств. Кроме того, Юренев ошибочно полагает, что весной 1937 г. еще не было опубликовано ни одного «советского» текста об Александре Невском (С. 59).

[53] В заметке о литературном сценарии от 12 февраля 1938 г. Виктор Шкловский указывает на влияние романа «Крестоносцы» Генриха Сенке-

вича на схему битвы у Павленко. См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 15.

[54] «Литературный сценарий П.А. Павленко и С.М. Эйзенштейна "Русь", II вариант»: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 1—62. См. об этом также: *Юренев*. Чувство Родины. С. 60 и далее. Этот вариант отличается лишь слегка от третьей версии сценария «Русь», опубликованной в декабре 1937 г. в журнале «Знамя» (№ 12. С. 102—136), на которую мы ссылаемся в дальнейшем.

[55] Эйзенштейн сам признавал влияние обеих опер. См.: *Эйзенштейн*. Проблемы советского исторического фильма // *Он же*. Избранные произведения. М., 1968. Т. 5. С. 110—128. Во многих местах очевидно также влияние «Слова о полку Игореве», экранизировать которое режиссер предлагал «Мосфильму».

[56] Например, Александр Невский ловит рыбу, нападение рыцарей на авангард, поединок Александра с мастером ордена, преследование рыцаря, взлом льда и тонущие рыцари.

[57] Например, хан Берке (sic!), удельные князья Иванко и Василько, жена Александра Брячиславна, кузнец Игнат, псковский воевода, Павша, крестьянский мальчик Савка.

[58] См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 2.

[59] См. также: *Павленко П.А. (совм. с С.М. Эйзенштейном)*. Русь. Литературный сценарий // Знамя. 1937. №. 12. С. 133 и далее; *Эйзенштейн С.М. (совм. с П. Павленко)*. Александр Невский. Литературный сценарий // Эйзенштейн. Избранные произведения. М., 1971. Т. 6. С. 155—196, 453—455.

[60] В третьей версии сценария Александр отравлен женой хана. См.: *Павленко*. Эйзенштейн. Русь. Литературный сценарий // Знамя. С. 135.

[61] Наум Клейман предполагает влияние стихотворения «Скифы» Александра Блока на концепцию финала фильма. См.: *Kleiman*. Arguments and ancestors // Eisenstein rediscoverd / Ed. I. Christie, R. Taylor. London; New York, 1993. P. 36. В более поздней версии Эйзенштейн набрасывает другой, эпический финал: «Закатилось Солнце земли Русской. Гроб идет с плеча на плечо под звон колоколов по всей Руси Великой. Петр перевозит в Питер. Маркс пишет о нем. Мы его чтим» (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 25. Цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 62—63). Юренев предполагает, что воплощение такого финала кинематографическими средствами было невозможно. Лишь текстуальная вставка могла передать этот контекст.

[62] См. об этом в гл. 6.2, 6.3.

[63] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 2 (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*).

[64] См.: *Павленко, Эйзенштейн*. Русь. Литературный сценарий // Знамя. С. 112, 122—123, 133.

[65] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 3. Характеристика Александра как «страдальца» встречается, в частности, в биографии Костомарова. См.: *Костомаров*. Александр Невский. С. 172.

[66] Историческая дискуссия в «треугольнике» партийной бюрократии, деятелей искусства и историков не была единственным случаем в СССР

1930—1940-х гг., что впечатляюще доказывает исследование К. Платта и Бранденбергера об образе Ивана Грозного эпохи сталинизма. См.: *Platt, Brandenberger.* Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic. См. об этом гл. 9.4.

[67] Заключение Главного управления кинематографии по литературному сценарию П.А. Павленко, С.М. Эйзенштейна «Русь» (31.12.1937), подписано Шорбатых, Витензон, Зельдович: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 1—2. См. также: *Эйзенштейн.* Избранные произведения. Т. 2. С. 545; *Юренев.* Чувство Родины. С. 66. Заключение Главного управления кинематографии на режиссерский сценарий С.М. Эйзенштейна, Д.И. Васильева «Русь» (19.02.1938), утверждено руководителем ГУК Семеном Дукельским: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 3—16.

[68] Там же. Ед. хр. 461. Л. 1.

[69] Там же. Л. 2. Это указание содержит очевидный намек на последний (неудавшийся) проект режиссера — «Бежин луг».

[70] Там же. Л. 7. В своем заключении ГУК одновременно сомневается, возможно ли изображать русских столь слабо вооруженными. Управление предлагало использовать фигуру Игната, чтобы представить и русскую вооруженную технику. См.: Там же. Л. 13.

[71] Эйзенштейн воспринял критику. В более поздней версии сценария указал, как и в каких сценах должно изображаться участие крестьянских масс и городских низов в освободительной борьбе Новгорода. См.: *Эйзенштейн.* Избранные произведения. Т. 2. С. 545—546.

[72] См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 9, 12 и далее. ГУК посчитал своим долгом предупредить, что при этом русские крестьяне ни в коем случае не должны изображаться «дикими людьми». См.: Там же. Л. 10.

[73] Там же. Л. 1 — 1об. ГУК критикует также въезд Александра в Новгород. В сценарии князь после прибытия в город самовластно объявляет себя «хозяином». Самоназначение во время кулачного боя хозяином Новгорода, по мнению ГУКа, «вызвало бы ненужную реакцию в народе. Нельзя забывать, что Новгород был вольным городом и его традиции были живы в народе» (Там же. Л. 10—11).

[74] Там же. Л. 12.

[75] Там же. Л. 1об. Л. 16.

[76] Там же. Л. 9. Эксплицитно ГУК порицает демонстрацию того, как рыцари бросают в огонь детей («...страшно показать, как бросают детей в огонь» — Там же.). Н. Клейман предполагает, что учреждение, вероятно, опасалось сильных аналогий с библейскими мотивами — избиение младенцев при Ироде (в беседе с автором 16.12.1999).

[77] Там же. Л. 1об.

[78] Там же. Л. 15.

[79] «Все эти планы были... исторически... не слишком точны и основной политической задаче фильма не вполне соответствовали», — подчеркивает Юренев (Чувство Родины. С. 63).

[80] См., в частности: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 11.

[81] См.: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 112.

[82] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 461. Л. 15.

[83] Тейлор предполагает, что ситуация войны на два фронта в фильме была нежелательна, поскольку она могла вызвать панику среди зрителей (*Taylor*. Film Propaganda. P. 88).

[84] Стенограмма обсуждения от 9 февраля 1938 г.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 462. Л. 1—13. Письменные высказывания участников обсуждения 12 февраля 1938 г.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 1—18. См. об этом также: *Эйзенштейн*. Избранные произведения. Т. 2. С. 546; *Юренев*. Чувство Родины. С. 66 и далее. А.В. Арциховский, археолог, профессор Московского университета, эксперт по средневековой истории Новгорода и руководитель раскопок в городе, стал консультантом фильма по историческим вопросам.

[85] Текст сдан журналом в печать 17 ноября 1937 г. (*Юренев*. Чувство Родины. С. 66).

[86] *Тихомиров М.Н.* Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. Вып. 3. С. 92—96. Далее цитируется по изданию: *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 375—380. Кроме Тихомирова публично выступили Херсонский (Историческая тема в кино // Искусство кино. 1938. № 3.) и П. Евстафьев (О сценарии «Русь» // Литературная газета. 1938. 24 апр. № 23. С. 6).

[87] *Leyda J.* Kino. A History of the Russian and Soviet Film. London, 1960. P. 349. См. также: *Вишневский*. Эйзенштейн. С. 21.

[88] *Bulgakowa*. Herr der Bilder. S. 65.

[89] См. об этом: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский*. Письменные источники. С. 171—172. Тихомиров в последующие годы вновь и вновь возвращался к истории Александра Невского. Я.С. Лурье и Л.М. Рошаль, критически выступавшие после 1953 г., стали продолжателями традиции критики историками-профессионалами фильма «Александр Невский»: *Лурье*. К проблеме «исторического жанра» в кино. 1962; *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма, 1970. Лурье критикует в советском историческом кинематографе, с одной стороны, тенденции оперной стилистики, с другой — попытку спроецировать на историю современные проблемы. О тексте Рошаля см. гл. 11.4.

[90] Тем не менее на встрече 9 февраля 1938 г. поднимался вопрос о том, была ли битва 1242 г. на самом деле событием столь большого значения. См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 3.

[91] Сыроечковский и Тихомиров критикуют язык сценария как слишком современный (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 462. Л. 7). Кроме того, Тихомиров счел диалоги монголов и немцев гротескными и полными «шовинистических анекдотов». См.: *Тихомиров*. Издевка. С. 379.

[92] Готье, Сыроечковский, Арциховский и Тихомиров в один голос критикуют влияние на сценарий оперы «Садко». В Новгороде не было индийских, персидских и венецианских купцов, и сам Садко является абсолютно вымышленным персонажем. Тихомиров критикует и фигуру Василия

Буслая и его матери. Оба пришли из былинного мира. «Зачем былинный герой попал в исторический фильм, непонятно» (Там же. С. 376).

[93] Там же. С. 380.

[94] «Все народы сильнее ее, все культурней, и только "чудо" спасает ее от немецкого порабощения. Как все это далеко от исторической действительности. Железные полки новгородцев и псковичей побеждали немцев и шведов не "чудом", как это хотят показать авторы сценария, а своим мужеством и любовью к родине» (Там же).

[95] Там же. С. 378—379.

[96] Например, неверно представлены отношения посадника и купцов. К тому же посадник в 1241 г. отказался заключать мирный договор с Тевтонским орденом и, следовательно, не мог призывать к его заключению.

[97] См. гл. 8.2.

[98] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 3. Арциховский намекает на «Mein Kampf» Гитлера (см. выше, гл. 8.2). Одновременно он упрекает авторов в том, что они придерживаются «вредных теорий Покровского» (Там же. Л. 2). С Арциховским вступил в полемику Савич, подчеркивавший, что Новгород ждал своего героя (Там же. Ед. хр. 462. Л. 5).

[99] «В действительности... князя же Александра поддерживали не меньшие, а большие. Вообще авторы сценария совершенно напрасно придают Александру несвойственные ему демократические черты» (*Тихомиров*. Издевка. С. 378).

[100] *Тихомиров*. Издевка. С. 377; *Сыроечковский*; РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 462. Л. 6.

[101] Там же. Л. 10. Таковы же мнения Готье и Арциховского.

[102] См.: *Тихомиров*. Издевка. С. 375.

[103] См., в частности: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 8 и далее. Готье выступает даже за то, чтобы показать, как Александр принудил Новгород платить дань монголам. См.: Там же. Ед. хр. 462. Л. 10.

[104] Там же. Л. 7. См. также: Там же. Ед. хр. 460. Л. 5. Евстафьев подчеркивает, что Александр не мог быть отравлен, поскольку был высоко чтим монголами.

[105] Катерина Кларк, например, полагает, что доктрина социалистического реализма была результатом не «коммуникации сверху вниз» («top-down communication»), а «перекрестного опыления» («cross-fertilization») литературы и «риторики» (прессы, политического дискурса, философии и официальной историографии). См.: *Кларк*. Советский роман. С. 15.

[106] См.: *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. Особ. с. 17—65. Уайт, анализируя историографические труды XIX в., констатирует наличие четырех архетипических сюжетных схем: романа, трагедии, комедии и сатиры.

[107] См.: *Platt, Brandenberger*. Terribly Romantic, Terribly Progressive. P. 643.

[108] Определение трагедии: *Уайт*. Метаистория. С. 28.

[109] Определение романа: Там же. С. 28.

[110] *Platt, Brandenberger*. Terribly Romantic, Terribly Progressive. P. 653.

[111] Ibid. P. 648.

[112] Вычеркнуты были, например, персонажи Садко, Пелгусий, Брячиславна (жена Александра) и ее дети, как и изображения Новгорода космополитической торговой республикой. Также были переработаны диалоги.

[113] Цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 66. Эйзенштейн в своих воспоминаниях сам не слишком уважительно высказывался об историках, принимавших участие в дискуссии. См.: *Эйзенштейн*. Мемуары. М., 1997. Т. 2. С. 193.

[114] См.: *Эйзенштейн*. Проблемы советского исторического фильма // Избранные произведения. М., 1968. Т. 5. С. 113.

[115] *Эйзенштейн*. Мемуары. Т. 2. С. 289. Рошаль указывает, что сценарий в РГАЛИ хранился с «красной чертой» на с. 85 (РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 92). См.: *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. С. 453. В научной литературе установилось общее мнение, что Эйзенштейн намекает этой формулировкой на Сталина, считавшегося главным цензором советской киноиндустрии. Он также указал, где должен заканчиваться следующий фильм Эйзенштейна «Иван Грозный». См.: *Christie I.* The director in Soviet cinema // Stalinism and Soviet Cinema. London; New York, 1993. P. 164. На премьере фильма 23 ноября 1938 г. в московском Доме кино Эйзенштейн поблагодарил «товарища Сталина» за поддержку в реализации фильма и за время, потраченное на личное редактирование сценария. См.: *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 239; *Leyda*. Kino. P. 348; *Вишневский*. Эйзенштейн. С. 20.

[116] См.: *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934—1941. Cambridge (UK), 1997. P. 176—177.

[117] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 112.

[118] *Blomqvist L.E.* Some Utopian Elements in Stalinist Art // Russian History / Histoire Russe. 1984. Vol. 11. № 2/3. P. 299.

[119] *Павленко П., Эйзенштейн С.* Ответ тов. Евстафьеву // Литературная газета. 1938. 24 апр. № 23. С. 6.

[120] Литературная газета. 1938. 24 апр. Цит. по: *Эйзенштейн*. Избранные произведения. Т. 2. С. 546 (здесь неверное указание даты).

[121] Название фильма множество раз менялось и до этого. Предшественником названия «Русь» был «Господин Великий Новгород» (см. выше). Название «Русь» было зачеркнуто Эйзенштейном на первом проекте сценария Павленко (июль 1937 г.) и заменено «Ледовым побоищем» (См.: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58). Окончательное «Александр Невский» написано Эйзенштейном на проекте сценария от 26 марта 1938 г.

[122] Хотя совместная работа Эйзенштейна и Прокофьева была особенно тесной и смогла сделать «Александра Невского» одним из значительных произведений в истории кино, в настоящей работе мы не имеем возможности более подробно рассматривать изобразительно-звуковой монтаж и разработанную для этого Эйзенштейном теоретическую концепцию «вертикального монтажа». О музыке, сотрудничестве Эйзенштейна и Прокофьева и вертикальном монтаже см., в частности: *Рогожина Н.И.* Кантата С. Прокофьева «Александр Невский». М., 1958; *Нестьев И.В.* «Алек-

сандр Невский» Прокофьева. М., 1968; *Eisenstein S.M.* Towards a Theory of Montage // *Idem.* Selected Works. Vol. 2 / Ed. M. Glenny, R. Taylor. London, 1991. P. 378—399; *Taylor.* Film Propaganda. P. 93ff.; *Прокофьев С.* Музыка к фильму «Александр Невский» // Советский исторический фильм. М., 1940; *Stegemann M.* Klang. Geste. Raum. Prokofjews Filmmusik zu Sergej Eisensteins Alexander Newski // Bericht über das internationale Symposion «Sergej Prokofjew — Aspekte seines Werkes und seiner Biographie» / Hg. W. Niemöller. Köln, 1991; *Regensburg.* 1992. S. 349—361; *Egorova T.K.* Elaboration of the Idea of Sound-visual Counterpoint in the Film Alexander Nevsky // Idem. Soviet Film Music. An Historical Survey. Amsterdam, 1997. P. 59—68; *Roberts Ph.D.* Prokofiev's Score and Cantata for Eisenstein's Alexander Nevsky // Semiotica. 1977. Vol. 21. № 1/2. P. 151—166.

[123] См.: *Leyda.* Kino. P. 350; *Merritt.* Recharging Alexander Nevsky. P. 42. Уленбрух подчеркивает, что на теорию вертикального монтажа Эйзенштейна сильное воздействие оказала идея «Gesmtkunstwerk» Рихарда Вагнера. См.: *Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 375.

[124] Литературный сценарий опубликован как в собрании сочинений Павленко, так и в шеститомном издании избранных трудов Эйзенштейна: *Эйзенштейн.* Избранные произведения. Т. 6. С. 155—196. Этот текст не совсем точно отражает действие фильма «Александр Невский», поскольку некоторые изменения были предприняты уже в ходе съемочных работ и при монтаже.

[125] См.: *Юренев.* Чувство Родины. С. 78. Вместо предусмотренных 198 съемочных дней режиссеру потребовалось лишь 115. Мари Сетон подчеркивает, что съемки фильма потребовали больших расходов и Эйзенштейн получал от «Мосфильма» все, что было необходимо. См.: *Seton M.* Sergei M. Eisenstein. A Biography. London, 1952. P. 383.

[126] См.: *Юренев.* Чувство Родины. С. 78. Первый официальный просмотр состоялся 9 ноября 1938 г. в комитете по вопросам кино Совнаркома, публичная премьера 28 ноября в Доме кино в Москве.

[127] Первые статьи о фильме появились уже в конце июля 1938 г. в различных региональных газетах. См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1189.

[128] См., например: *Аннинский А.* Александр Невский стахановскими темпами // Кино. 1938. № 31. 5 июля; *Эйзенштейн, Васильев, Тиссе и др.* Мы готовы к любому заданию // За большевистский фильм. 1938. 11 нояб. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Ед. хр. 903. Л. 10): «Наш коллектив заверяет партийную организацию, дирекцию и всю общественность студии, что и впредь он так же по-стахановски выполнит любое задание, которое ему будет поручено». См.: *Эйзенштейн С.М.* Фильм о великом патриотизме русского народа // Красная газета. 1938. 29 нояб. («Благодаря стахановским методам»).

[129] Предоктябрьские соревнования в кинематографии // Кино. 1938. № 45 (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 481. Л. 46).

[130] *Clark.* The Soviet Novel. P. 98.

[131] *Вишневский.* Эйзенштейн. С. 20.

[132] Михаил Розенфельд // Литературная газета. 1938. 30 окт. .№ 60. Здесь цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 78.

[133] О числе копий см.: Кино. 1939. 29 нояб. С. 3 (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 61). О распространении фильма: рецензии в статьях во всех регионах СССР (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483).

[134] Сцена была намечена Павленко уже в первом проекте литературного сценария «Русь» и имеется во всех позднейших версиях. См.: *Павленко, Эйзенштейн*. Русь. Литературный сценарий // Знамя. С. 113—114; *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 170—171.

[135] См.: *Шкловский*. Эйзенштейн. С. 245—250; *Leyda, Voynow*. Eisenstein at Work. P. 97; *Leyda J.* The Missing Reel // Sight and Sound. 1965. 34. P. 63.

[136] См.: *Эйзенштейн*. Избранные произведения. Т. 2. С. 547. Письмо цитируется в: *Юренев*. Чувство Родины. С. 78. Эйзенштейн хотел сократить примерно на 200 метров пленки и батальные сцены. См.: *Он же*. Проблемы советского исторического фильма. С. 127. По мнению Шкловского, фильм был сокращен позже случайно и «не по воле автора». См.: *Шкловский*. Эйзенштейн. С. 249.

[137] См.: *Довженко А.П.* Глядя в глаза // Искусство кино. 1965. № 3. С. 8.

[138] См.: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 112; *Uhlenbruch*. Mythos als Subversion? S. 398 и в общем: *Gaßner H., Gillen E.* Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie im ästhetischen Schein. Beispiele sowjetischer Kunst zwischen dem 1. Fünfjahrplan und der Verfassungskampagne 1936/37 // Agitation zum Glück. Bremen, 1993. S. 39.

[139] Кристи полагает, что рассказанная Шкловским история убедительна с «поэтической» точки зрения, но не столь убедительна в «технических деталях». См.: *Christie I.* Introduction. Rediscovering Eisenstein // Eisenstein rediscoverd. London; New York, 1993. P. 12. Юренев отмечает, что режиссер отказался от сцены на мосту по собственным мотивам, «поскольку она перегружала начало, а по своей динамике не могла быть поставлена в один ряд со сценами во Пскове». См.: *Jurenew R.* Die Historischen Filme Eisensteins // Sergej Eisenstein. Künstler der Revolution. Materialien der Eisenstein Konferenz 10.—18.4.1959 / Hg. mit Unterstützung von Prof. H. Rodenberg. Berlin, 1960. S. 211.

[140] Фильм разделен на двенадцать «глав». Начало восьми эпизодов маркировано также текстуальными вставками. Нумерация глав и сцен в тексте данной главы соответствует протоколу эпизодов в приложении к работе (гл. 14.6).

[141] Тексты песен Владимира Луговского.

[142] (Эп. 3.4). См.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 163.

[143] (Эп. 4.2). См.: Там же. С. 166.

[144] (Эп. 4.5). См.: Там же. С. 165—166.

[145] «...за обиду Русской земли встану... Защищать не умею... Сами бить должны и без меры бить будем... Мало одной дружины. Мужиков подымем...» (эп. 5.2). См.: Там же. С. 168—169.

[146] «Заяц, значит, в овраг, лиса следом. Заяц в лесок, лиса за ним. Тогда, заяц, между двух березок сигани. Лиса следом, да и застрянь. Заклинись меж березок-то, трык-брык, трык-брык, ни с места. То-то и беда, а заяц стоит рядом и сурьезно говорит ей: — Хочешь, — говорит, — я твою девичью честь сейчас нарушу... — Ах что ты, что ты, сусед, разве можно, срам-то какой мне. Пожалей, — говорит. — Тут жалеть некогда, — заяц ей, — и нарушил» (См.: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 176).

[147] См.: Там же. С. 177.

[148] «А господа рыцари... в обмен пойдут. На мыло менять будем». См.: Там же. С. 193.

[149] См.: Там же. С. 196.

[150] *Рошаль.* Некоторые проблемы историзма. С. 454.

[151] См.: Повесть. С. 192.

[152] См.: Новгородская первая летопись старшего извода. С. 78 (Л. 129). Домаш Твердиславич, согласно летописи, был братом новгородского посадника и «честным человеком».

[153] Новгородская первая летопись. С. 77 и далее. Летопись не сообщает об убийстве детей.

[154] См.: Повесть. С. 192.

[155] Там же.

[156] Давид Бордвелл предполагает, что Горький инспирировал Эйзенштейна обратиться к «наивной устной традиции». См.: *Bordwell D.* The Cinema of Eisenstein. Cambridge (Mass.), 1996. P. 205.

[157] См. об этом: *Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 392ff. Кулачный бой на мосту через Волхов, не вошедший в окончательный вариант фильма по указанным выше причинам, является былинным мотивом. Там он описывается как зимний или весенний ритуал празднования в честь бога-солнца.

[158] Этот эпизод попал в сценарий относительно поздно. См. об этом: *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 176—184; *Он же.* Мемуары. Т. 2. С. 262—276. До сих пор в исследованиях «Александра Невского» не отмечалось, что в более позднем эпизоде фильма Эйзенштейн вновь обратился к «лисьему» мотиву. В эп. 10.10 он изображает католического епископа, с ужасом понимающего, что лед ломается, и пускающегося в бегство — вместе с лисой.

Бернд Уленбрух интерпретирует фигуру кузнеца как персонификацию социально-утопической легенды о городе Игнате — «царстве справедливости, о котором в России мечтали с конца XVIII века... лежащая по ту сторону русской границы Утопия, моделировавшаяся как альтернатива тогдашней феодальной системе правления» (*Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 401). Этот утопический проект восходит к казацкому гетману Игнату Некрасову, «Игнату избавителю», и «заветам Игната». Этот персонаж воплощает «архаическую идентичность трагического и комического». Если Александру Невскому предназначалась трагическая смерть на Куликовом поле, кузнец в фильме умирает от кинжала предателя Твердилы (эп. 10.10).

Уленбрух считает, что фигура Игната служит для переноса «критического смысла фильма» (Ibid. S. 399). Его трагедия замещает нереализованную утопию о справедливом государстве.

[159] См.: Ibid. S. 375.

[160] См.: Ibid. S. 390.

[161] См.: Ibid. S. 388ff. Об интерпретации Уленбруха см. ниже гл. 9.9.

[162] См.: *Эйзенштейн.* Проблемы советского исторического фильма. С. 114.

[163] См., например: *Günther H.* Der Feind in der totalitären Kultur // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 92—93.

[164] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 3. С. 111.

[165] Деян. 5, 1—11; *Goodwin.* Eisenstein, Cinema, and History. P. 167.

[166] См.: *Goodwin.* Eisenstein, Cinema, and History. P. 163; *Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 388. Другой пример — визуальная цитата Евангелия от Луки (Лука 5,2), где упоминается о двух лодках — у Эйзенштейна в эпизодах 9.1 и 9.5.

[167] «Люб, не люб! Не любовником я пришел к тебе, господин Великий Новгород, а воеводою». См.: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 171.

[168] Эта библейская цитата стала политическим лозунгом уже во время Гражданской войны. Однако ее использовали и представители Русской православной церкви, чтобы предупредить большевиков о последствиях их репрессивной и насильственной политики по отношению к церкви, монастырям и духовенству. Об обращении патриарха Тихона 26 октября 1918 г. с цитатой из Мф. 26,52 см.: *Pipes.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 345.

[169] Тольц обращает внимание на использование религиозных символов в ранней большевистской идеологии. Лозунг «Кто не работает, тот не ест», включенный в текст первой советской конституции и украшавший многочисленные пропагандистские плакаты, например, взят из второго послания Павла к коринфянам: «Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Кор. 3,10). См.: *Tolz.* Russia. P. 109.

[170] О параллелях между советским искусством и православной иконописью см., например: *Abel U.* Icons and Soviet Art // Iconography of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / Ed. C. Arvidsson, L.E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 141—162. Абель трактует параллели между иконописью и советским изобразительным искусством и как сознательное заимствование, и как бессознательное влияние. См. особ. p. 158.

[171] В сценарии фильма «Падение Берлина» Павленко, в частности, изображает Сталина садовником (См.: Иоанн 20,15). Клаудии Шпиллер удалось показать, что Сталин показан в этом фильме как триединый Бог (Отец, Сын и Святой Дух). Структура киноповествования соответствует легенде о падении Вавилона в Ветхом Завете. См.: *Spiller C.* «Im Namen des Vaters, des Führers und Stalins» oder «Padenie Vavilona». Zur Ikonographie des

Films «Padenie Berlina» (Regisseur: Čiaureli, UdSSR 1950). Berlin, 1996 (неопубликованная рукопись).

Н. Клейман отмечает, что близость изображения вождя в фильмах Эйзенштейна и Чиаурели лишь кажущаяся. Например, Чиаурели цитирует Эйзенштейна, центрируя кадр или изображая вождя среди толпы подданных. В отличие от Чиаурели, настаивавшего на правдивости своих образов, Эйзенштейн, абсолютно в духе иконописной традиции, говорил об изображении не реального, а легендарного персонажа. См.: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 113.

[172] Картина «Слава Великому Сталину» Ю. Кугача, В. Нечитайло и В. Цыплакова 1950 г. Ил.: *Blomqvist*. Some Utopian Elements in Stalinist Art. P. 305.

[173] См., в частности: *Färber H.* Eisensteins spekulative Abstraktionen. Zur deutschen Erstaufführung von «Alexander Newski» in München // Süddeutsche Zeitung 10.02.1967.

[174] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 113. Влияние христианской иконографии на советское кино подчеркивает также Булгакова. См.: Film der totalitaren Epoche (1933—1945). Stenogramm eines Kolloquiums / Hg. O. Bulgakowa // Kunst und Literatur. 1990. H. 5. S. 517; *Bulgakowa*. Herr der Bilder. S. 67ff.

[175] Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 117.

[176] Там же.

[177] РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 428. Л. 1. Цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58.

[178] См. запись Эйзенштейна: «Гитлер говорит: "... приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли бы получить их... за счет России"» (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 3. Цит по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58. Очевидно, основываясь на цитате из *«Mein Kampf»*: «Если хотелось земли и почвы в Европе, то достичь этого в общем и целом можно было только за счет России...» — *Hitler*. Mein Kampf. München, 1937. Bd. 1. S. 145). См. об этом гл. 8.2 и *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. С. 442.

[179] На эту деталь обращает внимание в биографии Эйзенштейна Шкловский. С. 245.

[180] *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. С. 454.

[181] См. запись Эйзенштейна от 18 августа 1937 г. рядом с двумя изображениями русского шлема XIII в. и буденовки: «Крепко сыграть на этой ассоциации!» (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 433. Л. 17. Цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 58. См. также: *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. С. 442). Буденовка стала символом Красной армии еще на пропагандистских плакатах времен Гражданской войны. См. об этом: *Plaggenborg*. Revolutionskultur. S. 171.

[182] *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. С. 445. Этот топос обнаруживается и в других документах советского патриотического дискурса об Александре Невском. Так, например, у Глязера: «И пусть современные фашистские завоеватели не рассчитывают на великодушие, которое допу-

стил в отношении их предков Александр Невский, когда он только изгнал псов-рыцарей из пределов Руси. Пусть агрессоры зарубят себе на носу, что, если только граница нашей страны будет перейдена врагом, он будет не только отброшен от границы, но будет уничтожен на той территории, откуда пришел» (*Глязер*. Битва... С. 36). Булгакова подчеркивает, что идея разворачивания театра военных действий на территории врага появляется и в советских фильмах science-fiction этого времени, таких как «Если завтра война» (1938) Абрама Рома и «Танкисты» (1939) Ц. Драпкина, Р. Маймана. См.: *Bulgakowa*. Herr der Bilder. S. 66.

[183] *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 438.

[184] См.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 196.

[185] Цит. по: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1995. С. 1053, 1049.

[186] *Сталин*. Отчетный доклад... С. 438. Речь Сталина уже в 1938 г. стала устойчивой составной частью дискурса об Александре Невском. Она цитируется и Симоновым, и Козаченко (*Симонов*. Ледовое побоище. С. 182; *Козаченко*. Ледовое побоище. С. 56).

[187] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001. С. 229.

[188] *Taylor*. Film Propaganda. P. 90.

[189] См. об этом: *Wehner M.* Stalinismus und Terror // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 378.

[190] Это объясняется и тем, что соответствующие акты НКВД все еще недоступны. См. об этом, в частности: *Жуков Ю.Н.* Судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. №. 2. С. 33—51.

[191] *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 447. Выборы Кирова на XVII партсъезде одним из секретарей ЦК подтверждают его чрезвычайную популярность внутри ВКП(б). Высказывались мнения, что в этом Сталин видел угрозу своей единоличной власти, а поэтому заказал убийство своего врага. После съезда по обвинению в «контрреволюции» были арестованы 1108 депутатов, многие не пережили сроков заключения. См.: Ibid. S. 445; *Conquest R.* Stalin and the Kirov Murder. Edmonton, 1988. P. 29. Об истории убийства Кирова см. также: *Lenoe M.* Did Stalin Kill Kirov and Does It Matter? // Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. № 2. P. 352—380.

[192] Уже в декабре 1934 г. в ответ на убийство Кирова в Ленинграде был казнен 6501 человек. См.: *Wehner*. Stalinismus und Terror. S. 379.

[193] В качестве примеров культа Кирова см., в частности: С.М. Киров. 1886—1934. Материалы к биографии. М., 1934; Товарищ Киров. Рассказы рабочих, инженеров, хозяйственников и детей о встречах с Сергеем Мироновичем Кировым. М., 1935; Сергей Миронович Киров (1886—1934) / Ред. В.П. Поцерн. Л., 1936; Сергей Миронович Киров в художественной литературе. Л., 1937; Сергей Миронович Киров. 1886—1934. Краткий биографический очерк. М., 1938; Киров с нами / Ред. В.Б. Азаров. Л., 1950; Сергей Миронович Киров (1886—1934). Жизнь и деятельность / Ред.

С.В. Красников. М., 1964; *Мельников А.И.* Сергей Миронович Киров. М., 1973.

[194] См. об этом: *Günther.* Der Feind in der totalitären Kultur. S. 97—98.

[195] «Нечего Александра ждать. Собраться живо самим и ударить на немца. Домаша Твердиславича возьмем, он поведет... Веди, Домаш!» (*Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 163).

[196] См.: *Conquest.* Stalin and the Kirov Murder. P. 28, 130; *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 446; *Schramm G.* Radikalisierter Terror: Stalins zweiter Durchbruch? // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 3/II. Stuttgart, 1992. S. 837ff.

[197] Киров С.М. 1886—1934. Материалы к биографии. М., 1934.

[198] См., например: Памяти Сергея Мироновича Кирова // Литературная газета. 1938. 1 дек. № 66. С. 2. Киров назван здесь «любимым сыном партии Ленина—Сталина, пламенным трибуном социалистической революции».

[199] *Ferro M.* The Fiction Film and Historical Analysis // The Historian and Film / Ed. P. Smith. Cambridge, 1976. P. 82.

[200] Фильм «Александр Невский», подобный по своей иконописности произведениям Средневековья, объединяет исторически фактическое и внеисторическое типическое, возвращаясь тем самым к образцу, намеченному уже в житии святого.

[201] *Кларк.* Советский роман. С. 9.

[202] Катерина Кларк в своем исследовании о советском романе социалистического реализма показала, что большинство текстов этой группы следует определенной основополагающей фабуле (*master plot).* Этот факт исследовательница объясняет тем, что только роман, структура которого соответствует этой схеме, благословлялся партией как верный доктрине «социалистического реализма». Сама доктрина была производной от уже канонизированных «patristic texts» («патрологических текстов»). Труд советского писателя тем самым оказывался похожим на работу иконописца. Он постоянно должен был создавать тождественные копии уже существующего вечного прообраза. *Master plot,* описанный Кларк для советского романа того времени, обнаруживается и во многих советских фильмах тридцатых годов. Это касается и «Александра Невского», литературную основу которого создал Павленко, признанный романист социалистического реализма. См.: Там же. С. 139—153, 218—222.

[203] Там же. С. 22.

[204] Там же. С. 15—17.

[205] См.: *Bordwell.* Cinema of Eisenstein. P. 211. О «базовом тропе» (*master trope)* «большой семьи» см.: *Кларк.* Советский роман. С. 102—122.

[206] (Эп. 3.4). См.: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 163.

[207] См. также: *Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 386. Уленбрух трактует изображение Александра не только как метафору Сталина, но и как одновременный критический комментарий советского культа личности. См. об этом гл. 9.9.

[208] См. об этом: *Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 127ff. Во время Великой Отечественной войны Сталин репрезентировал себя как генералиссимуса и высшего командующего сражениями. См.: *Stölting.* Charismatische Aspekte des politischen Führerkults. P. 71; *Koenen G.* Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao, Castro... Sozialistischer Personenkult und seine Sänger von Gorki bis Brecht — von Aragon bis Neruda. Frankfurt/M., 1987. S. 84.

[209] См. об этом: *Gaßner, Gillen.* Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie. S. 51. Сталин действительно «присутствовал» в качестве портрета почти во всех советских жилищах.

[210] *Стаханов А.Г.* Рассказ о моей жизни. М., 1937. С. 48—49. «Связь Сталина с народом» демонстрирует и полотно «Незабываемая встреча» (1937) В.П. Ефанова и «Вождь, учитель, друг» (1937) Г.М. Щегаля. См.: *Gaßner, Gillen.* Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie. S. 52—53 (с ил.). О постановочных встречах Сталина с «народом» см. также: *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 149.

[211] Эта легенда, например, рассказывается в фильме «Клятва» Чиаурели.

[212] *Павленко П.А.* На востоке. М., 1927. С. 446.

[213] Отец Гелии в декабре 1937 г. был обвинен в шпионаже в пользу Японии, арестован и казнен. Ее мать была арестована, после чего Гелия написала письмо Сталину. Позднее ее нашли мертвой на рабочем месте. См. об этом: *Alexeyewa L., Goldberg P.* The Thaw Generation. Coming of Age in the Post-Stalin Era. Little Brown, 1990. P. 80ff.; *King D.* Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulation in der Sowjetunion. Hamburg, 1997. S. 152—153. Там же репродукции фотографий.

[214] См.: *Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 127ff. Сталин, например, приказывал советским героям-летчикам называть себя «отцом» и получал прошения от населения на имя «батюшки Сталина» — определенно пережиток царского времени. См.: *Fitzpatrick.* Everyday Stalinism. P. 72; *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 150, 158.

[215] См.: *Bulgakowa.* Herr der Bilder. S. 67.

[216] *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 153.

[217] *Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 132.

[218] См. об этом: *Spiller.* Im Namen des Vaters, des Führers und Stalins. S. 9ff.

[219] Film der totalitären Epoche / Hg. Bulgakowa // Kunst und Literatur. 1990. H. 5. S. 528.

[220] См.: *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 151.

[221] См.: *Uhlenbruch.* Mythos als Subversion? S. 376. Дом в Гори, где родился Сталин, в 1939 г. был окружен мраморным павильоном, а вокруг него был разбит сад. Ил.: *King.* Stalins Retuschen. S. 167. Свой вклад в сакрализацию Сталина внесло и почитание вождя как «творца» новой конституции. См.: *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 151.

[222] *Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 135.

[223] Замечательны параллели между культом личности Ленина и почитанием православных святых. Они выражаются, например, в том, что его портреты несли во время демонстраций, в устройстве «красного уголка» в советских жилых комнатах, или, наконец, в декларировании его бессмертности — например, в словах Маяковского «Ленин и теперь живее всех

живых». См. об этом гл. 7.2; *Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 122; *Abel.* Icons and Soviet Art. P. 144ff.

[224] *Davies.* Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 153.

[225] Кларк полагает, что героические биографии во времена социалистического реализма могли быть лишь жизнеописанием «отцов» или «сыновей». См.: *Кларк.* Советский роман. С. 104.

[226] Василий Буслай и Гаврило Олексич воплощают противопоставленные силы, типичные, по мнению Кларк, для *master plot* в романе социалистического реализма: «стихийность» и «сознательность» («spontaneity» и «consciousness»). См.: *Кларк.* Советский роман. С. 23—30. Сюжетное противопоставление этих фигур (и соответствующей женской пары Василисы и Ольги) выполняет у Павленко и Эйзенштейна более чем просто драматургическую функцию. Кларк возводит соревнование «стихийности» и «сознательности» в советском романе к высказыванию Ленина о диалектике исторического процесса. На историческое развитие влияет, в частности, противоположность этих двух принципов. Только при коммунизме, по Ленину, произойдет синтез этих конкурирующих сил. В этой связи оказывается интересным вопрос о возможной трактовке стремления Эйзенштейна представить своего главного героя синтезом Василия и Гаврилы (самым главным в характере Александра был для него «огонь, сдерживаемый мудростью». *Эйзенштейн.* Александр Невский. С. 170).

[227] История двух богатырей стала в СССР любимой детской игрой прежде всего в годы Великой Отечественной войны. См. гл. 10.3.

[228] См.: *Кларк.* Советский роман. С. 105.

[229] *Günther.* Der Held in der totalitären Kultur. S. 70. О культе героев в СССР см. также: *Sartorti R.* On the Making of Heroes, Heroines, and Saints // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. Stites. P. 176—193; *Sartorti R.* Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden // Osteuropa im Umbruch. Alte und neue Mythen / Hg. C. Friedrich, B. Menzel. Frankfurt/M. u.a., 1994. S. 133—144; *Fitzpatrick.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. NY; Oxford, 1999. P. 71ff. [Рус. перевод: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: Город. М., 2001. — *Прим. ред.*]О типе социалистического героя см.: Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR / Hg. S. Satjukow, R. Gries. Berlin, 2002. О культе героев см.: *Frevert.* Herren und Helden.

[230] См.: *Clark.* Soviet Novel. P. 92.

[231] Самый известный пример — фигура вымышленного героя Гражданской войны Чапаева, персонажа романа Дмитрия Фурманова (1923) и фильма Сергея и Георгия Васильевых (1934). Его история после чрезвычайно популярного фильма стала не только любимой детской игрой, до сих пор в России она существует в форме многочисленных анекдотов. Сходную «карьеру» сделал в семидесятые годы главный герой телесериала «Семнадцать мгновений весны», легендарный советский шпион в форме офицера СС Штирлиц.

[232] См.: *Sartorti.* On the Making. P. 178; *Idem.* Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden. S. 135.

[233] См. об этом: *Koshkin M.R.* «Hero of the Soviet Union» // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 14. Gulf Breeze, 1979. P. 20—35. Впервые звания были удостоены 20 апреля 1934 г. пилоты, участвовавшие в спасении «Челюскина». В 1938 г. знаки отличия получили военные за бои на озере Хасан. До 1963 г. Звезду Героя Советского Союза получили 12 384 человека. Дважды Героям ставился памятник на месте рождения, трижды — бронзовый бюст в Москве. Сарторти указывает, что в 1987 г. Героев Советского Союза стало так много, что потребовалось два тома в 2000 страниц для биографического словаря. См.: *Sartorti.* Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden. S. 136.

[234] Типология Ханса Гюнтера (*Günther H.* Der Held in der totalitären Kultur // Agitation zum Glück / Hg. Gaßner H. Bremen. 1993. S. 72—73). Гюнтер, Сарторти и Боннел, которая называет Сталина «величайшим из всех героев» (*Bonnell.* The Leader's Two Bodies. P. 134), отводят фигуре вождя место в типологии героев. Как символические персонажи, репрезентирующие Сталина, они оказываются качественно отличными и рассматриваются нами как отдельная группа.

[235] См.: *Sartorti.* On the Making. P. 177; *Günther.* Der Held in der totalitären Kultur. S. 74. Однако с ростом числа героев, вероятно, падала их сила как образца: «Герои были ограниченным ресурсом, который может умножиться лишь с потерей ценности» (*Frevert.* Herren und Helden. S. 342). См. также: *Sartorti.* Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden. S. 136.

[236] См.: *Кларк.* Советский роман. С. 109.

[237] См., в частности: *Sartorti.* Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden. S. 135.

[238] Гюнтер также подчеркивает сходство дихотомии герой—враг в культуре сталинской эпохи со структурой волшебной сказки, описанной Владимиром Проппом в монографии «Морфология волшебной сказки» (*Günther.* Der Feind in der totalitären Kultur. S. 95).

[239] Особенно в текстах песен Родина-Русь постоянно называется «матерью». Текст кантаты см., в частности: *Рогожина.* Кантата. С. 13. Об образе «Матери России» см.: *Hubbs.* Mother Russia; *Рябов О.* Матушка Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. М., 2001.

[240] (Эп. 7.3). См.: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 172. Имплицитный здесь тезис о том, что свободный Новгород был ячейкой освободительной борьбы против монголов, критиковался как исторически неверный уже Тихомировым в дискуссии о литературном сценарии «Русь» (*Тихомиров.* Издевка. С. 375).

[241] См., например: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 155—156, 159, 162 и далее, 168—169, 172—173, 177, 181, 193, 196.

[242] «Вставайте, люди русские, / На славный бой, на смертный бой! / Вставайте, люди вольные, / За нашу землю честную!» См.: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 169, 173.

[243] Связь с водой показывает себя, в частности, в сцене ловли рыбы в эп. 2. Близость к земле и воздуху в эп. 6, в котором можно увидеть, как члены народного отряда появляются из-под земли, чтобы затем в одном из последующих кадров сформировать на линии горизонта на фоне неба могучий поток. Огонь играет большую роль в эп. 7.4, где показывается, как Новгород вооружается на битву. Наконец, лед Чудского озера (или зима вообще) оказывается союзником русских в битве. О значении природы как мифологической системы координат см.: *Clark*. Soviet Novel. P. 93ff.

[244] *Taylor*. Film Propaganda. P. 90.

[245] (Эп. 2.5). См.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 159.

[246] См.: Там же. С. 162.

[247] Длинные деревянные кресты католических монахов — символы их христианской веры — в ходе битвы превращаются в мечи (эп. 10.10).

[248] См.: *Кларк*. Советский роман. С. 161—163. Видимо, в этом контексте следует понимать шутку в конце фильма об обмене рыцарей на мыло.

[249] (Эп. 3.4). См. также: *Эйзенштейн; Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 163.

[250] См.: *Gaßner, Gillen*. Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie. S. 51; *Fitzpatrick*. Everyday Stalinism. P. 191; *Günther*. Der Feind in der totalitären Kultur. S. 92.

[251] Кларк подчеркивает, что враг в романе социалистического реализма или «безличен», или карикатурен (Советский роман. С. 186). В фильме «Александр Невский» шлемы рыцарей с узкими прорезями для глаз подчеркивают их «безликость». Под врага мимикрирует и Твердило. В эп. 9.1 он показан с лицом, покрытым кольчугой.

[252] О рецепции фильма см. ниже (гл. 9.10).

[253] Леон Балтер отмечает, что при описании Тевтонского ордена требовалось избегать существенной черты национал-социализма, а именно культа вождя, что могло быть прочитано как намек на культ личности Сталина. *Balter L.* Alexander Nevsky // Film Culture. 1983. Vol. 70/71. P. 44.

[254] *Günther*. Der Feind in der totalitären Kultur. S. 92. Значение образов врага и теории заговора в сталинизме отмечает и Дитрих Байрау. См.: *Beyrau D.* Nationalsozialistisches Regime und Stalin-System. Ein riskanter Vergleich // Osteuropa. 2000. Bd. 50. H. 6. S. 714ff.

[255] См.: *Stölting*. Charismatische Aspekte des politischen Führerkults. S. 67.

[256] *Günther*. Der Feind in der totalitären Kultur. S. 100. Гюнтер подчеркивает близость образов врага в «тоталитарной культуре» и представление о демонах в Средние века: «Приспешники Сатаны являются антагонистами небесной иерархии и врагами человека» (Ibid. S. 93).

[257] Д. и В. Шлапентохи рассматривают Александра не только как «символ» армии: «Он и есть армия, в том смысле, что рядовые воины действуют как продолжение его тела» (*Shlapentokh D., Shlapentokh V.* Soviet Cinematography 1918—1991. Ideological Conflict and Social Reality. New York, 1993. P. 102). Это заключение соотносится с наблюдением Дэвис, которая под-

черкивает роль Сталина как «символа нации» в советской пропаганде (*Davies*. Popular Opinion in Stalin's Russia. P. 152). Создание «видения мифологического единства советского народа с его вождем» было одной из центральных задач советского кино тридцатых годов, подчеркивает и Николас Хюльбуш (*Hülbusch N.* Volk und Führer. Filmische Einheitskonstruktionen im Stalin-Film // Kulturrevolution. 1998. Bd. 37. H. 12. S. 47).

[258] *Gaßner, Gillen*. Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie. S. 52.

[259] См.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 179.

[260] *Вишневский*. Эйзенштейн. С. 28.

[261] См.: Повесть. С. 193.

[262] См.: *Goodwin*. Eisenstein, Cinema, and History. P. 169.

[263] Мотив трех мужчин различного возраста, репрезентирующих сообщество, известен, например, по изображениям святых волхвов или клятвы на Рютли.

[264] О роли жертвы в романе социалистического реализма см.: *Кларк*. Советский роман. С. 155—158. О топосе жертвенной смерти в советском кино сталинской эпохи см.: *Nembach*. Stalins Filmpolitik. S.148ff.

[265] Самые известные случаи советского культа мертвых и мучеников периода между двумя мировыми войнами: почитание павших в Февральскую революцию на Марсовом поле в Петрограде/Ленинграде или павших в Октябрьскую революцию у Кремлевской стены в Москве; культы Ленина и Кирова. Ссылки на почитание павших в Февральскую и Октябрьскую революции см., в частности: *Stites*. Revolutionary Dreams. P. 81—82, 113—114; *Kämpfer F.* Vom Massengrab zum Heroenhügel. Akkulturationsfunktionen sowjetischer Kriegsdenkmäler // Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hg. R. Koselleck, M. Jeismann. München, 1994. S. 327—349, особ. S. 330; *Tumarkin N.* The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994. P. 126. (Кемпфер и Тумаркин прежде всего занимаются советской культурой памяти о Великой Отечественной войне.) О культе Ленина см., в частности: *Тумаркин Н.* Ленин жив! СПб., 1999; *Ennker*. Die Anfänge.

[266] Текст кантаты см., в частности: *Рогожина*. Кантата. С. 18.

[267] *Sartorti*. On the Making. P. 184.

[268] «Русскую землю на товар меняешь?» См.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 163.

[269] *Färber*. Eisensteins spekulative Abstraktionen.

[270] При описании системы персонажей «Александра Невского» автору очень помог ценный и вдохновляющий разговор с Наумом Клейманом 16 декабря 1999 г. См. также: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 112 и далее. Близость к иконописи подчеркивает и Бордвелл (*Bordwell*. Cinema of Eisenstein. P. 214). Значение иконостаса как прообраза изображения сообщества и его устройства в тоталитарном советском искусстве в общем рассматривает Бломквист (*Blomqvist*. Some Utopian Elements in Stalinist Art. P. 299).

[271] Сарторти указывает на то, что нарративный образец советского повествования о герое во многих пунктах соответствует композиции жития. Например, воспитание будущего героя в партийном духе, фокусирование рассказа на одном поступке, сознательной смерти за идею, смешение биографических деталей с типическими элементами и т.д. Героям в СССР также гарантировалось бессмертие в памяти потомков (*Sartorti*. On the Making. P. 179ff.).

[272] На образы «остановки истории» или «вечного настоящего» как топосы самоописания тоталитарного режима обратил внимание еще Джордж Оруэлл. См.: *Ассман*. Культурная память. С. 80.

[273] См.: *Uhlenbruch*. Mythos als Subversion?

[274] Ibid. S. 376.

[275] Ibid. S. 388.

[276] Ibid. S. 390—391.

[277] Ibid.

[278] Особенно заметно это в его анализе фильма «Иван Грозный». Уленбрух интерпретирует последний фильм Эйзенштейна как «документ отказа и бунта». Эйзенштейн побеждает «пропаганду ее собственными средствами». Целью режиссера, по мнению исследователя, было «вскрыть культ Грозного... и... разоблачить искажение исторических ценностных концептов в сталинскую эпоху» (*Uhlenbruch*. The Annexation of History. P. 281, 274).

[279] В частности, особыми судами были приговорены к смерти друзья Эйзенштейна Всеволод Мейерхольд и Исаак Бабель. См.: *Bulgakowa*. Kunst als emotionale Versklavungsmaschine oder befreiende Realität? Zum 100. Geburtstag Sergei Eisensteins // Neue Züricher Zeitung. Nr. 18. 23.1.1998. S. 35; *Idem*. Sergej Eisenstein. S. 231.

[280] Наум Клейман, директор московского Музея кино и один из самых сведущих знатоков Эйзенштейна и его произведений, убежден, что режиссер не желал внести своим фильмом вклад в культ личности Сталина. По мнению исследователя, Эйзенштейн рассуждал в фильме об общих проблемах, например «предательстве», противоречии между словом и делом, борьбе добра со злом и пр. Кроме того, он критически изобразил «гражданскую войну» тридцатых годов и перед лицом угрозы со стороны национал-социалиской Германии стремился создать патриотическое полотно: «Эйзенштейн противопоставляет страху уверенность в том, что добро может победить. И в этом он был тоже глубоко антитоталитарным художником, на мой взгляд» (Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 2. С. 112).

[281] О рецепции см. ниже (гл. 9.10).

[282] *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 9. Эйзенштейн никогда не был членом коммунистической партии. См.: Ibid. S. 95. См. также: *Nembach*. Stalins Filmpolitik. S. 110.

[283] Цит. по немецкому переводу оригинала: *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 220. «Январь 1935 года» — намек на Всесоюзную конференцию деятелей кино, где Эйзенштейн резко критиковался коллегами и представителями партии (см. гл. 9.2).

[284] Об этой дискуссии, возобновившейся в России в 1990-е гг., см.: *Bulgakowa O.* Zwischen Gleichgültigkeit und Inbesitznahme. Eisenstein und seine «Brecht-Erben» // Neue Züricher Zeitung. Nr. 18. 23.01.1998. S. 36; Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. Позицию, противоположную Уленбруху и Клейману, занимают Межуев, Юренев и Гудвин. Межуев рассматривает «Александра Невского» лишь как «прославление деспотической власти» (цит. по: *Shlapentokh.* Soviet Cinematography. P. 79), Юренев — как «пропагандистский фильм» (*Yurenev.* Art and Ideology. P. 68), Гудвин называет его «недвижимым и монументальным в конформистском отношении к советской власти» (*Eisenstein.* Cinema and History. P. 177).

[285] Ученик и друг Эйзенштейна Джей Лейда (Jay Leyda) называл «Александра Невского» «наименее личным его (Эйзенштейна) произведением» (*Leyda.* Kino. S. 349).

[286] См.: *Goodwin.* Eisenstein, Cinema and History. P. 156; *Seton.* Eisenstein. P. 386.

[287] 1 февраля 1939 г. Эйзенштейн и исполнитель главной роли Николай Черкасов получили за «Александра Невского» высшую государственную награду СССР — орден Ленина. 15 марта 1941 г. режиссер и актеры Н. Черкасов и А. Абрикосов получили Сталинскую премию первой степени. См.: *Кассиль Л.* Кадры и роли // Правда. 1941. 16 марта (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 31, 33).

[288] Успех фильма «Александр Невский» // Вечерняя Москва. 1938. 2 дек. № 275. С. 5; 45 000 зрителей фильма «Александр Невский» // Киногазета. 1938. 2 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 3, 9). В провинции фильм также был магнитом для публики. В Коломне, например, в период с 9 по 18 декабря 1938 г. фильм посетили 24 300 зрителей (Успех фильма «Александр Невский» // Коломенский рабочий. 1938. 20 дек.). В Красноярске за первые три для было продано 6000 билетов (Фильм о народе-богатыре // Красноярский рабочий. 1938. 24 дек.), в Пятигорске — 15 000 (Большой успех фильма «Александр Невский» // Орджоникидзевская правда. 1938. 24 дек.) (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 91, 116, 117).

[289] См.: *Turovskaya M.* The 1930s and 1940s: Cinema in Context // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. R. Taylor, D. Spring. London; New York, 1993. P. 50; *Idem.* The Tastes of Soviet Moviegoers during the 1930s // Late Soviet Culture. From Perestroika to Novostroika / Ed. Th. Lahusen, G. Kuperman. Durham; London, 1993. P. 103. В истории советского кино 1937 и 1938 годы были уникальными, когда верные идеологической линии и эстетически наиболее состоятельные фильмы находили наибольший отклик среди населения, полагает Майя Туровская (*Turovskaya.* Cinema in Context. P. 49).

[290] Зритель о фильме «Александр Невский» // Вечерняя Москва. 1938. 4 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 16).

[291] См., в частности: *Brandenberger D.L.* «He who comes to us with the sword shall perish by the sword»: Historicizing the Production and Reception of S.M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii (неопубликованная рукопись, март 2000. С. 7).

[292] См.: Film der totalitären Epoche // Kunst und Literatur. 1990. H. 5. S. 525.

[293] См., в частности: 45 000 зрителей фильма «Александр Невский» // Кино-газета. 1938. 2 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 3, 9); Зрители о фильме «Александр Невский» // Социалистическая Осетия. 1939. 9 янв. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 24).

[294] В РГАЛИ (Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483) только за декабрь находится около 130 статей из различных советских газет об «Александре Невском».

[295] Это подчеркивает и Бранденбергер. *Brandenberger.* He who comes. P. 2.

[296] *Григорьев З.* // Кино. 1938. 11 нояб. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 482).

[297] Цит. по: *Brandenberger.* He who comes. P. 7.

[298] См.: Замечательный фильм о великом патриотизме русского народа // Звезда. 1938. 14 нояб. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 482).

[299] *Валерин В.* Александр Невский // Челябинский рабочий. 1938. 24 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 119).

[300] *Дмитриев Д.* Волнующая картина // Сталинская молодежь. 1938. 10 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 43).

[301] *С.К.* О фильме «Александр Невский» // За большевистский фильм. 1938. 5 дек. С. 2 (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 20) (курсив в оригинале). Документы по рецепции приводят к предположению, что ни один эпизод фильма не произвел на зрителей столь глубокого впечатления, как эп. 4 — «черная месса» ордена во Пскове (ил. 31).

[302] *Балашов М.* Так было и так будет // Сталинская молодежь. 1938. 10 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 43).

[303] *Новицкий Вл.* Кто мечом к нам пойдет — от меча и погибнет // Красная Карелия. 1938. 22 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 101).

[304] Зритель о фильме «Александр Невский» // Вечерняя Москва. 1938. 4 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 16).

[305] *С.К.* О фильме «Александр Невский» // За большевистский фильм. 1938. 5 дек. С. 2 (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 20).

[306] Патриотический фильм // Смена. 1938. 3 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 12).

[307] *Новицкий Вл.* Кто мечом к нам пойдет — от меча и погибнет // Красная Карелия. 1938. 22 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 101).

[308] *Вишневский.* Эйзенштейн. С. 29.

[309] Зритель о фильме «Александр Невский» // Вечерняя Москва. 1938. 4 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 16).

[310] Бранденбергер предполагает здесь — «непонимание» между авторами и зрителями. Эйзенштейн создал произведение, прославляющее *государство*. Публика, однако, прочла фильм как доказательство героизма русского *народа*. См.: *Brandenberger.* He who comes. P. 17; *Idem.* Soviet Social Mentalité. P. 397ff.

[311] Зритель о фильме «Александр Невский» // Вечерняя Москва. 1938. 4 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 16). (Курсив в оригинале).

[312] *Алексеев В.* Александр Невский // Большевистская смена. 1938. 24 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 121).

[313] Впервые в: Александр Невский // Ударник. №. 283 (2168). 1938. 21 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 98). Автор подчеркивает, что «замечательная речь Александра Невского к народу, в которой сохранен авторами фильма дух древнего сказания об Александре Невском, получает в наши дни глубокий смысл». Слова Сталина на XVII партийном съезде «глубоко народны! Они живут в сознании нашего многонационального советского народа, готового в любой момент встать грудью на защиту своей великой родины». Уже Михаил Розенфельд в статье о фильме 30 октября 1938 г. в «Литературной газете» замечает, что речь Александра в конце фильма «звучит вполне современно» (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 481). До того времени речь Сталина уже цитировалась в связи с поэмой Симонова и текстом Козаченко. См.: *Симонов.* Ледовое побоище. С. 182 и в: Пролетарская правда. 1938. 8 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 28); *Козаченко.* Ледовое побоище. С. 56.

[314] *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 196.

[315] См.: Александр Невский // Пионерская правда. 1938. 5 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 19). В заключительной речи Александра автор видит «великий смысл и значение... кинофильма». Уже 10 декабря 1938 г. была опубликована длинная статья о реакции зрителей в газете «Сталинская молодежь» с заголовком «Но если кто мечом...» (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 43).

[316] *Новицкий Вл.* Кто мечом к нам пойдет — от меча и погибнет // Красная Карелия. 1938. 22 дек. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 101).

[317] Судьба этих слов подобна некоторым знаменитым сценам из фильма Эйзенштейна «Октябрь», которые в революционных музеях и школьных учебниках стали «исторически подлинными» съемками штурма Зимнего дворца. См. об этом, в частности: *King.* Stalins Retuschen. S. 32. О судьбе речи см. гл. 10.3 и 11.2.

[318] *Brandenberger.* He who comes. P. 11—12.

[319] Film der totalitären Epoche // Kunst und Literatur. 1990. H. 5. S. 531.

[320] Телеграмма Амкино Эйзенштейну об успехе фильма в Америке от 22 марта 1939 г. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 474). «Александр Невский» нашел среди американских критиков восторженных сторонников. Дороти Мастерс в «*New York Daily News*» назвала его «одной из лучших картин, когда-либо являвшихся к нам из страны Советов», Ирена Триер в «*New York Evening Post*» — «чудесным фильмом», заключительную речь Александра — «своевременным заголовком». Журнал «*Life*» объявил Эйзенштейна «Гриффитом Советской России». Рецензенты газеты «*The New Yorker*» и журнала «*Time*» хвалили прежде всего батальные сцены фильма. См. подборку рецензий из газет США на плакате (без определенной даты издания) (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 476. Л. 12).

[321] См.: Сообщения советских газет о премьере в Лондоне 23 апреля 1939 г. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 16). Булгакова отмечает, что

уже в январе 1939 г. фильм шел в кинотеатрах Бельгии, Швейцарии и Великобритании. См.: Sergej Eisenstein. S. 240.

[322] Советские фильмы за рубежом // Кино. 1939. 29 июня (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 326).

[323] Об участии советской кинематографии в международном кинофестивале в Каннах (Франция) // Правда. 1939. 21 авг. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 113). Два других фильма, участие которых предусматривалось — «Ленин в 1918 году» и «На границе». 1 сентября 1939 г. должен был состояться первый кинофестиваль в Каннах. Из-за внешнеполитических событий он был временно перенесен на короткий срок. Возобновился он только после войны, в 1946 г. См.: *Altwegg J.* Provence an der Spree. Blick in französische Zeitschriften: Der Film im Faschismus // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 24.8.2002. Nr. 196. S. 34.

[324] Цит. по: Akten zur deutschen und auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Serie D (1937—1945). Bd. IV: Die Nachwirkungen von München, Oktober 1938—März 1939. Baden Baden, 1951. S. 537.

[325] Письмо немецкого посольства в кинотеатр «Художественный» от 3 дек. 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 471).

[326] Вероятно, не требуется пояснять, что фильм 1939 г. не вышел в немецких кинотеатрах. До 1966 г. «Александр Невский» был запрещен в ФРГ и не мог публично демонстрироваться, поскольку был сочтен «антинемецким» специальной межминистерской комиссией (См.: *Sudendorf W.* Sergej M. Eisenstein. Materialien zu Leben und Werk. München; Wien, 1975. S. 175ff.). В 1963 г. прошел полупубличный показ, где демонстрировалась сокращенная, 78-минутная версия. Целые сцены, изображающие жестокость рыцарей ордена, были вырезаны, так что в конце фильма их смерть казалась мученической. Только в 1966 г. запрет был снят и фильм мог демонстрироваться без сокращений. См. рецензии: *Ripken P.* Ein Kunstwerk ohnegleichen // Spandauer Volksblatt. 15.9.1966; «Aus dem Giftschrank» // Morgenpost. 15.9.1966; «Alexander Newski» // Die andere Zeitung. 20.10.1966; *Färber.* Eisensteins spekulative Abstraktionen. Показ фильма 11 сентября 1973 г. вызвал резкую реакцию в немецкой консервативной прессе: «Один из ужаснейших примеров морально-художественного упадка предлагает житие русского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Лента, созданная им под эгидой свежекоронованного “социалистического реализма”, есть новая фальшивка, почти кипящая сервильностью и шовинизмом во славу великого диктатора Сталина, одетый в исторические одеяния апофеоз советско-имперской грозной власти... Благородные русские побивают низших немцев» (*A.W.* Alexander Newski // Die Welt. 13.9.1973).

[327] См.: *Taylor.* Film Propaganda. P. 97—98.

[328] *Эйзенштейн.* Александр Невский. С. 174.

[329] Заметка режиссера от 24 декабря 1938 г., цит. по: *Эйзенштейн.* Избранные произведения. Т. 2. С. 547. На близость искусства и шаманизма режиссер указывал еще в своей вызвавшей споры речи на Всесоюзной конференции деятелей кино в январе 1935 г.: «Искусство есть не что иное,

как искусственное регрессирование в области психики к формам более раннего мышления, т.е. к любым формам дурмана, алкоголя, шаманства, религии и пр.». Цит. по: *Uhlenbruch*. Mythos als Subversion? S. 378).

[330] Из доклада Эйзенштейна о советском историческом кино в феврале 1940 г. Цит. по: *Юренев*. Чувство Родины. С. 78.

[331] Цит. по: *Bulgakowa*. Sergej Eisenstein. S. 292 (англ. в оригинале).

[332] См.: *Бранденбергер Д.Л., Петроне К.* «Все черты расового национализма»: интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 128—133. Этому предшествовали выступления Блюма на заседании драматургической секции Союза советских писателей и секции театроведения и критики Всесоюзного театрального общества в январе 1939 г., где он резко критиковал различные произведения нового советского патриотического искусства. См. также: Снова Блюм // Литературная газета. 1939. 26 янв. № 5.

[333] *Бранденбергер, Петроне*. «Все черты расового национализма». С. 130—131.

[334] «Они не могут понять, что бить врага-фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизм), а оружием гораздо лучшим — интернациональным социализмом. ...я должен сказать, что ее оборонческая агитация [речь о новых работах советской драматургии. — *Ф.Б.Ш.*] носит все черты не нашего социалистического оборончества, а старого — буржуазного и расистского — оборончества кадетской литературы 1914 года» (*Бранденбергер, Петроне*. «Все черты расового национализма». С. 131).

[335] «Александр Невский» // Литературная газета. 1939. 20 апр. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 9).

[336] «Без [...]» // Литературная газета. 1939. 20 апр.

[337] Ласкин говорит, например, что никто не критиковал тот факт, что народ, выползающий из землянок, одет в оперные белые хитоны (*Ласкин Б.* Реплика вслух // Кино. 1939. 23 апр. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 10). Ласкин имеет в виду эп. 6).

[338] Из речи тов. А. Гурвича // Литературная газета. № 23. 1939. 26 апр.

[339] Там же.

[340] Намек на культ героя Первой мировой войны казака К.Ф. Крючкова (1890—1919), одной рукой положившего одиннадцать немецких солдат. Его портрет и картины с военными сценами, в которых он участвовал, во времена Первой мировой войны печатались в русских журналах, на плакатах и лубках. Его имя красовалось на пачках сигарет, и в честь него был назван пароход. В СССР выражения «кузьма-крючковщина» и «квасной патриотизм» были синонимами, пренебрежительным обозначением дореволюционного, буржуазного русского или российского патриотизма. См.: *Бранденбергер, Петроне*. «Все черты расового национализма». С. 130.

[341] *Трауберг*. Печать и кино // Известия. 1939. 5 мая (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 55).

[342] *Шкловский В.* «Щорс» А. Довженко // Кино. 1939. Апрель/май (?) (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 53).

[343] *Раскин А., Слободский М.* Пародии и фельетоны. М., 1939. С. 50—51. Цит. по: *Лурье.* К проблеме «исторического жанра» в кино. С. 58.

[344] Краткое изложение речи опубликовано в: Кино. 1965. №. 3. С. 4—9 («Глядя в глаза»).

[345] *Довженко.* Глядя в глаза. С. 7.

[346] Там же. С. 8. Эйзенштейн в этом вопросе явно придерживался другого мнения. Он был убежден, что «нашей основной, главной задачей является показ современности и современного человека, поднятых до широкого исторического обобщения. Исторический фильм этому приносит великую пользу, и я убежден, что мы сумеем нашу великую эпоху так показать» (*Эйзенштейн.* Проблемы советского исторического фильма. С. 128).

[347] *Довженко.* Глядя в глаза. С. 8.

[348] Снова Блюм // Литературная газета. № 5. 1939. 26 янв. О дальнейшей официальной реакции на выступление Блюма см.: *Бранденбергер, Петроне.* «Все черты расового национализма». С. 130.

[349] См.: *Бранденбергер, Петроне.* «Все черты расового национализма». С. 129. Бранденбергер и Петроне не видят признаков того, что Блюм был подвергнут политическим репрессиям из-за своей критики.

[350] Эйзенштейн также защищал свое произведение от сравнений с так называемым «квасным патриотизмом» «наемных писцов историографии казенных учреждений». Эйзенштейн оправдывал свой патриотический фильм указанием на Пушкина и его «искреннюю и глубокую любовь к своему народу» . См.: *Эйзенштейн.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 160.

[351] См.: Большевик. 1939. Окт. № 17. С. 51—57. Здесь цитируется по: «Большевик. № 17» // Литературная газета. 1939. 10 окт. XVIII съезд ВКП(б) прошел 10—21 марта 1939 г. в Москве. См. об этом: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 21.

[352] Цит. по: «Большевик. № 17». Выступление Гурвича в апреле 1939 г. имело для него серьезные последствия. 27 сентября 1940 (!) г. газета «Вечерняя Москва» сообщила, что критик выступил на собрании писателей и признал себя виновным в «многочисленных ошибках» в прошлом. Особенно раскаивался Гурвич в том, что принял участие в «шельмовании патриотических произведений», таких, например, как фильм Павленко и Эйзенштейна «Александр Невский», и навесил им ярлык «кузьма-крючковщина». См.: *Шин А.* За большевистскую идейность в литературе. На собрании писателей // Вечерняя Москва. 1940. 27 сент. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 28).

[353] Цит. по: «Большевик № 17». Примерами назывались журналы «Октябрь», «Красная новь» и «Литературный критик». Чтобы исправить положение, должно быть «решительно улучшено» руководство литературно-критическими, «толстыми журналами», «чтобы они лучше выполняли свои задачи коммунистического воспитания масс».

[354] См. собрание газетных статей в: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 485.

[355] Успех советских кинофильмов в Эстонии // Правда. 1940. 24 мая (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 25). Вместе с «Александром Не-

вским» в Эстонии демонстрировался фильм «Петр Первый». См. статью с тем же заголовком в «Известиях» за то же число.

[356] Успех советских кинофильмов в Эстонии.

[357] К сожалению, в советских архивах до сих пор не обнаружено ни одного документа, доказывающего запрет фильма. Связь между пактом Молотова—Риббентропа и исчезновением фильма из советских кинотеатров, однако, никем не оспаривается. Наум Клейман предполагает даже, что «Александр Невский» мог быть изъят из проката по инициативе делегации Германского рейха (Интервью от 16 декабря 1999 г.). Ричард Тейлор указывает, что и в Германии в 1940 г. антисоветские фильмы не демонстрировались. См.: *Idem.* Film Propaganda P. 97.

[358] Еще в октябре, ноябре и декабре 1940 г. «Александр Невский» демонстрировался в Ростове-на-Дону, Новгороде, Саратове, Сталинграде, Свердловске и Коломне. См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 487. Кроме «Невского» изъяты были фильмы «Болотные солдаты», «Профессор Мамлок», «Борцы», «Борьба продолжается», «Семья Оппенгейм». См.: *Short, Taylor.* Soviet Cinema and the International Menace. P. 145.

[359] О постановке Эйзенштейном «Валькирий» см., в частности: *Schafgans B.* «If ever the whole ‚Ring' should be produced». Eisensteins Walküre: eine deutsch-sowjetische Beziehung // Eisenstein und Deutschland. Texte, Dokumente, Briefe, zusammengestellt von Oksana Bulgakowa / Hg. Akademie der Künste. Berlin, 1998. S. 171—196; *Idem.* Kunst und Außenpolitik: Eisensteins Walküre-Inszenierung in Moskau 1940 // Leviathan. 1998. Bd. 26. H. 3. S. 341—369. Когда Эйзенштейн ставил в Москве «Валькирий» Вагнера, в феврале 1940 г. в Берлинской опере вышла новая постановка «Жизнь за царя. Иван Сусанин» Глинки.

[360] *Éjzenštejn S.M.* Freundschaftliche Beziehungen zwischen der Sowjetunion und Deutschland. Radio Moskau, 18.2.1940 // Ejzenštejn und Deutschland. S. 105.

10. АЛЕКСАНДР ПРИЗВАН (1939—1945)

10.1. Временное увольнение Александра

После заключения пакта Молотова—Риббентропа 23 августа 1939 г. не только исчез из программ советских кинотеатров прославленный фильм «Александр Невский». К большому удивлению народа, из книжных магазинов и библиотек была изъята и антифашистская литература. На само слово «фашизм» было наложено табу[1]. Оно исчезло, «как по мановению жезла... из всех речей, из всех газет. Можно было подумать, что исчез и фашизм»[2]. В прессе стала пропагандироваться новая, дружественная Германии линия. С первых дней Второй мировой войны «Правда» регулярно публиковала военные отчеты командования вермахта, в 1940 г. была даже напечатана речь Гитлера — рядом со статьей о «Манифесте коммунистической партии»[3]. Изменившаяся внешнеполитическая доктрина подчеркивалась рядом дружественных культурно-политических жестов в адрес новых союзников и бывших противников. К ним следует причислить как инсценировку Эйзенштейном «Валькирий» в Большом театре, так и постановку другими театрами Москвы шиллеровской «Марии Стюарт» и «Перед заходом солнца» Герхарта Гауптмана и публикацию «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка поздней осенью 1940 г.[4].

В период между подписанием пакта о ненападении и нападением Германского рейха на Советский Союз 22 июня 1941 г. в СССР вышла всего лишь одна самостоятельная публикация об Александре Невском. По случаю 700-летнего юбилея битвы на Неве его захотел почтить обширной биографией город Ярославль[5]. Выход этого провинциального издания не может заслонить собой того обстоятельства, что государственный интерес к средневековому полководцу после соглашения с национал-социалистской Германией ослабевал день ото дня. Это наблюдение проясняет факт реабилитации Александра Невского большевиками двумя с полови-

ной годами ранее: его образ должен был служить в первую очередь антигерманским символом. После сделки с национал-социалистским режимом победитель Тевтонского ордена уже не годился для политического использования.

Однако этот князь и полководец, незадолго до того представленный (не без идеологического вывиха) как фигура идентификации и в 1938 г. даже ступивший на путь карьеры киногероя, не мог исчезнуть окончательно из официального исторического дискурса. Александр Невский не был удален из учебников истории для школ, однако его жизнеописания были очищены от антинемецких элементов. Одновременно повысилась значимость других глав его биографии — например, о победе над шведами или о его монгольской политике.

Эту тенденцию можно проследить на примере школьных учебников истории, выходивших до 1939 г. и после. В то время как А.В. Шестаков, лауреат конкурса школьных учебников 1934—1937 гг., в своем «Кратком курсе истории СССР» описывает рыцарей ордена как «псов-рыцарей» и «насильников», творивших самые гнусные «зверства» в Прибалтике и Новгородской земле[6], предыстория и ход Ледового побоища в учебнике 1940 г., вышедшем под редакцией А.М. Панкратовой, описаны очень экономным стилем и с умеренными интонациями[7]. Коллектив авторов не только отказался от восходящего к Марксу обозначения рыцарей ордена как «псов», но также и от описания немцев как заклятых врагов славянских и балтийских народов. В то время как Шестаков в своем учебнике посвящает победе Александра над шведами только короткую заметку, в учебнике 1940 г. битва на Неве занимает столько же места, сколько и битва на льду Чудского озера[8]. В то время как еще в середине тридцатых годов советским детям рассказывали об Александре Невском прежде всего как победителе немцев и «великом русском полководце», школьный учебник 1940 г. мягко и уравновешенно припоминает и политику князя в отношении монголов. Дипломатическая ловкость Александра в обхождении с превосходящими восточными врагами подчеркивается в учебнике истории даже по отношению к его военному искусству:

> Он был одним из выдающихся князей своего времени, вел осторожную и умную политику с татарскими ханами и заставил себя уважать в Золотой Орде. Он был храбрым и искусным полководцем[9].

Не потому ли дипломатический компромисс Александра с его врагами в XIII в. описывался в учебниках как его самая большая историческая заслуга, что Сталин в августе 1939 г. пришел к соглашению с Гитлером?

Насколько быстро советский патриотический образ Александра Невского в 1940 г. был приспособлен к новым идеологическим задачам, показывает также сравнение двух биографий князя, появившихся незадолго до или непосредственно после подписания пакта Молотова—Риббентропа. А.Я. Лурье в своем жизнеописании князя, сданном в печать 26 марта 1939 г., представил Александра Невского все еще как «горячего патриота своей родины, успешно боровшегося с ее врагами и наголову разгромившего "псов-рыцарей" на льду Чудского озера»[10]. Немцев автор описывает как «заклятых врагов русского народа», которые, «как хищные звери», напали на «Русскую землю»[11]. Подгоняемые «натиском на Восток», рыцари Тевтонского ордена преследовали цель «покорить и обратить в рабство свободный русский народ»[12]. «Гениальность» Александра, проявившаяся в его тактике в битве на льду Чудского озера, остановила продвижение немцев и закрепила за ним самим место в ряду «величайших полководцев мира»[13]. «Фашистская военщина», которая сегодня «осмеливается мечтать о победе над нашим свободным, счастливым советским народом, над нашей могучей Красной Армией», согласно Лурье, плохо «усвоила уроки истории»[14]. Так же, как и в то время, «весь могучий и свободный русский народ» выступает против своих врагов:

> Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому! Эти слова вождя народов СССР — товарища Сталина — повторяет вся наша страна[15].

Однако предупреждения «фашистской военщине» напрасно было бы искать в биографии Александра Невского, появившейся всего несколькими (но много вместившими в себя) месяцами позже[16]. В жизнеописании работы Н.И. Сутта — подробной советской публикации о князе в 125 страниц — описание битвы на льду Чудского озера больше не занимает центрального места, как это было раньше. Автор удостоил событие, которое Лурье сравнивал с битвой Ганнибала при Каннах (216 г. до н.э.), четырьмя страницами текста[17]. Сутт не однажды упоминает «фланговую тактику» Александра, занимавшую с момента ее изобретения Козаченко прочное

место в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском. Как и в учебнике под редакцией Панкратовой 1940 г., описание рыцарей ордена у Сутта оказывается относительно разумным и предметным. В то же время автор не отказывается от изображения жестоких преступлений рыцарей при покорении Прибалтики, Пскова и Новгородской земли, о которых сообщают источники. Он также повторно цитирует «Хронологические выписки» Карла Маркса и перенимает также отчасти его энергичную терминологию для описания ордена. Тем не менее он отказывается от преимущественно националистического, антинемецкого понятийного аппарата, отличающего биографию Александра Невского, написанную А.Я. Лурье[18]. Одновременно автор сумел освободиться от уже устоявшегося советского патриотического рамочного дискурса об истории Александра Невского. Он представляет ее не только как вклад в великое повествование о якобы многовековой борьбе прибалтийских и славянских народов против «немецкого натиска на Восток», но и ориентируется на рамки национального дискурса об Александре Невском XIX в. Так, Сутт помещает в начало своего труда не рассказ о покорении эльбских славян и прибалтийских народов в XII — начале XIII в., но — как в большинстве текстов дореволюционного национального дискурса — историю покорения Руси монголами. Эта связь становится очевидной, если взглянуть на самый важный из текстов, на которые опирается Сутт, — биографию «Святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского» М. Хитрова 1893 г., один из ключевых текстов церковно-сакрального дискурса об Александре Невском последних десятилетий существования империи (см. гл. 6.4)[19].

10.2. «Зимняя война» Александра

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа и заключенный затем мирный договор от 28 сентября 1939 г. имели своими последствиями не только прекращение антифашистской пропаганды в СССР. После разграничения сфер интересов обоих государств, последовавшего за нападением на Польшу, Сталин получил свободу действий в Прибалтике, Финляндии и Бессарабии. В то время как восточные провинции Польши были заняты Красной армией 17 сентября 1939 г., а Балтийские государства под давлением СССР должны были согласиться на размещение войск на

своих территориях, а летом 1940 г. смириться с насильственной интеграцией в Советскую империю, Финляндия отклонила требования Сталина о передаче СССР Карельского перешейка и о помещении советских войск на полуострове Ханко[20]. После провала финско-советских переговоров о заключении «пакта о взаимной помощи» Красная армия 30 ноября 1939 г. вступила на территорию Финляндии. Вначале финская армия небезуспешно оказывала ожесточенное сопротивление превосходящему в численности противнику. Уже через несколько дней военная кампания Красной армии застопорилась. В Советском Союзе «зимняя война» была крайне непопулярна, чему способствовало, в частности, долгое отсутствие сообщений о победах[21]. У правительства страны возникла проблема — объяснить, почему «могучей Красной Армии» не удается быстро победить такого слабого противника и почему территориальные приобретения СССР по мирному договору, подписанному в Москве 12 марта 1940 г., оказались гораздо меньшими, чем ожидалось[22].

Гротеском кажется мобилизация советской пропагандой даже фигуры Александра Невского в 1940 г. с целью объяснить гражданам СССР смысл «зимней войны». На фоне происходивших событий биограф Невского Н.И. Сутт воскрешал в памяти своих читателей тот факт, что и герой битвы на Неве предпринял поход на Финляндию зимой 1256 г.[23]. Сутт даже называет этот поход князя третьим по значению событием XIII столетия, связанным с именем Александра[24]. Он напоминает о том, что зимой 1256/1257 г. Александр отправился с новгородским войском в Копорье, в результате чего ему удалось уничтожить шведские укрепления вдоль реки Нарвы[25]. В Копорье он открыл своим солдатам, что планирует в качестве наказания поход в Финляндию против шведов. Это известие обеспокоило новгородцев и привело к серьезным волнениям:

> Зачем идти в эту страну озер и колдунов, — говорили они, — где высятся гранитные скалы, горные цепи, поросшие лесами, где завывают ветры, где в бесчисленном множестве затрудняют путь болота зыбкие и бесчисленные озера, где реки шумят водопадами, где царствуют туманы непроглядные? Что делать в этой стране мрака в зимнее время, когда не отличить дня от ночи во время короткого тусклого просвета? Чем воспользоваться в этой стране с ее скудной, однообразной растительностью, с жалкими деревушками, ютящимися в прогалинах лесов по берегам рек, состоящими из изб-землянок, похожих на шалаши?[26]

Александр, однако, твердо стоял на своем, пишет Сутт. Роптавшим на него он разрешил вернуться в Новгород, а сам «повел свои войска, готовые следовать за прославленным вождем в эту страшную страну»[27]. Военный поход «был необычайно трудным», подчеркивает автор. Опасности «поджидали на каждом шагу; но могучая воля, преодолевая препятствия, толкала этих вооруженных людей вперед»[28].

> В условиях суровой зимы, страдая от морозов и недоедания, в сумерках, почти ощупью, по ущельями гор, среди озер и болот, по глубокому снегу Невский вел свои войска, вместе с ними перенося все лишения[29].

Вскоре новгородцы наткнулись на укрепления шведов, пустившихся в бегство при виде приближающегося врага. Своим походом на Финляндию Александр наглядно показал «враждебным соседям», «на что способны русские воины, руководимые сильной и опытной рукой»[30]. Воздействие этой войны было «ошеломляющим» для самих шведов, согласно Сутту. В результате победы Александра Швеция «в течение тридцати семи лет после этого не осмеливалась начинать враждебных действий против русских»[31].

Подобно тому как военный поход зимой 1256 г. обеспечил в дальнейшем Новгородской земле защиту от новых нападений шведов, целью «зимней войны» 1939/1940 г. было не допустить осуществления «долго вынашивавшихся антисоветских планов» «финских военных кругов» — такова интерпретация обоих событий в одном из текстов И. Шаскольского, опубликованном вскоре после заключения Московского мирного договора[32]. Развязанная, согласно Шаскольскому, Англией и Францией (!) война в Западной Европе, «окрылила реакционных правителей Финляндии и финскую военщину надеждами на скорую реализацию их давнишних антисоветских планов». «Подзадориваемые враждебными СССР иностранными империалистами, финские правящие круги заняли непримиримую позицию в переговорах, начатых по инициативе правительства СССР и имевших целью обеспечить безопасность СССР и Финляндии и мир между ними». (Имеются в виду переговоры между двумя государствами осенью 1939 г. о т.н. «пакте о взаимной помощи»[33].) Данное Шаскольским описание «зимней войны» ошеломляющим извращением фактов напоминает изображение финского похода Александра Невского у Сутта:

> Уповая на поддержку извне, финская военщина спровоцировала войну с Советским Союзом. Эта война еще раз продемонстрировала крепость Советского Союза, несокрушимую мощь его доблестной Красной Армии и морально-политическое единство советского народа, руководимого мудрым советским правительством и объединенного вокруг нашей славной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и родного товарища Сталина. Карта империалистов англо-французского блока в этой войне была бита; великий советский народ в ней достиг своих целей — защиты Ленинграда и всего северо-запада нашей страны от вражеского нападения[34].

Сомнительно, что указание на тяготы финской военной авантюры Александра Невского помогло правдиво передать советскому населению смысл «зимней войны» 1939—1940 гг. Также спорным представляется, что напоминание о географических и климатических трудностях, с которыми Александр столкнулся в 1256 г., помогло оправдать тот факт, что Красная армия в 1939 г. не смогла быстро одолеть слабого противника. Выделение финского похода в текстах об Александре Невском, появившихся между августом 1939-го и июнем 1941 г., — прямо-таки сейсмографическая реакция дискурса об Александре Невском на события современности — наглядно показывает, какой тесный сплав представляли собой дискурс о фигуре, принадлежащей XIII столетию, и актуальная политическая повестка дня в СССР.

10.3. Великая Отечественная война

Так же неожиданно, как летом 1939 г. Александр Невский исчез из исторического дискурса советского патриотизма, он вернулся в поле зрения советской общественности после нападения немцев на Советский Союз 22 июня 1941 г. Уже 23 июня ежедневная газета «Вечерняя Москва» сообщала, что в кинотеатрах страны можно увидеть целый ряд «патриотических и антифашистских фильмов», и среди них — «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна[35]. В течение короткого времени Александр Невский выдвинулся как одна из важнейших фигур советской пропаганды в Великой Отечественной войне. Это было связано прежде всего с тем, что уже готовый, сформировавшийся советский патриотический образ Александра

Невского 1937—1939 гг. как нельзя лучше подходил для русскоцентричной и антифашистской военной пропаганды 1941—1945 гг. Александр Невский уже закрепился в советской культурной памяти как антинемецкий символ.

7 ноября 1941 г. князь был официально «призван к оружию» высшим должностным лицом государства. Сталин лично поставил Александра Невского на первое место среди тех исторических личностей, чей пример должен был вдохновлять советское население в борьбе против немецких агрессоров. В своем известном обращении по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции, произнесенном на Красной площади в Москве, Сталин призвал солдат Красной армии:

> Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина![36]

Ни одна другая фаза долгой истории памяти об Александре Невском не была так богата работами о нем, как период между 1941 и 1945 гг. Во время Великой Отечественной войны на советском книжном рынке появилось по меньшей мере двадцать две самостоятельных публикации о битве на льду Чудского озера и ее прославленном военачальнике. Это были почти исключительно брошюры небольшого формата (их объем редко превышал 30 страниц), которые, несомненно, предназначались специально для фронтовых солдат[37]. По подсчетам Ханса-Хайнриха Нольте, количество экземпляров этой «окопной литературы» составило приблизительно полтора миллиона[38]. Волна публикаций об Александре Невском поддерживалась статьями в газетах и журналах, а также главами в книгах о традициях русского военного искусства или о длившейся якобы веками борьбе между немцами и русскими[39]. Приняв во внимание также и многочисленные пропагандистские плакаты, листовки и почтовые открытки времен Великой Отечественной войны[40], а также театральную постановку под названием «Александр Невский»[41] и ставшие знаменитыми произведения исторической живописи[42], где изображен исторический полководец и вождь, период между 1941 и 1945 гг. можно обозначить как одну из вершин культа Александра Невского в русской и советской истории.

Сформировавшийся в 1937—1939 гг. в рамках антифашистской пропаганды советский патриотический образ Александра Невского должен был поощрять военный менталитет советского народа и его готовность к обороне. После 1941 г. он мог быть интегрирован в советскую военную пропаганду в практически неизмененном виде[43]. Память о князе и полководце времен Великой Отечественной войны отличается тем не менее от довоенного периода четырьмя моментами. Во-первых, в дискурсе об этом князе и военачальнике оставили свои следы изменившееся политическое положение СССР и актуальные события на фронте. Во-вторых, после 1941 г. инструментализация образа Александра Невского способствовала тому, что лозунги и заявления всеобъемлющей советской военной пропаганды отложились в текстах и образах, принадлежащих этому дискурсу. В-третьих, на дискурс об Александре Невском военного времени со всей очевидностью наложил отпечаток фильм Эйзенштейна. В-четвертых, официальное прочтение деяний героя после 1941 г. отличается прогрессирующими националистическими и милитаристскими чертами, а также новой формой сакрализации.

Александр Невский на войне

Как и в 1937—1939 гг., дискурс об Александре Невском во время Великой Отечественной войны находился в русле рамочного повествования о немецком «натиске на Восток» или о длившейся якобы столетия борьбе славянских и балтийских народов против германской агрессии. В обеих фазах (1937—1939 и 1941—1945) победа 1242 г. отмечалась как звездный час русской истории, и уроки этого исторического события давали повод упомянуть самозваных потомков рыцарей ордена. Война с Германией, о которой тексты тридцатых годов говорили только гипотетически, в 1941 г. стала жестокой реальностью. Прозвучавшее в фильме Эйзенштейна предостережение в адрес современных врагов СССР о том, что каждый, кто отважится напасть на «Русскую землю» с мечом, сам мечом будет поражен, оказалось бессильным. Из лозунгов, принадлежавших дискурсу об Александре Невском, исчезло теперь условное наклонение. Сейчас девиз звучал так: «Били, бьем и будем бить!»[44]

В то время как Козаченко, Павленко, Эйзенштейн и другие авторы довоенного дискурса об Александре Невском находились под впечатлением высказанной в «Mein Kampf» угрозы по адресу Советского Союза, немецкой аннексии Судет, жестокости национал-социалистского режима в Германии и неистовств легиона «Кондор» в Гернике, после 1941 г. именно военный опыт собствен-

ной страны создал память о событиях XIII столетия. Едва ли в каком-либо произведении «окопной литературы» об Александре Невском, изданном между 1941 и 1945 гг., отсутствуют указания на военные события настоящего времени. Так, свой текст о битве на льду Чудского озера, который должен был появиться уже летом — осенью 1941 г., В. Мавродин открывает словами негодования о нарушении фашистской Германией пакта о ненападении[45]. Годом позже, когда западная часть СССР была занята вермахтом, А. Новиков в заключительной главе своей книги о 1242 г. дал выход своей боли в связи с оккупацией Новгорода в то время:

> Еще сидят фашисты в древнем Пскове, еще цепляются они за Новгород Великий. Они еще тешатся тем, что зовут Новгород на немецкий лад: «Нейгарден»... Палачи культуры, они разрушили сокровища мирового искусства, созданные в Новгороде древними русскими мастерами... Час возмездия близок. Гитлер вспомнил о том, «что кончилось шесть веков назад». Гитлеровцы кончат тем же. Они пройдут тот же путь, который прошли псы-рыцари, до бесславной могилы, ожидающей на советской земле каждого захватчика[46].

Наряду с эксплицитными ссылками на современные военные события, в текстах об Александре Невском и битве на льду Чудского озера находится значительное число имплицитных намеков на план «Барбаросса». Повествование об Александре Невском развивалось в годы Великой Отечественной войны в аллегорический нарратив о войне на уничтожение, которую вел вермахт в СССР. Прошлое служило не только резервуаром исторических примеров, но было одновременно и важным фоном для восприятия и описания современности. В апреле 1942 г., например, во многих газетах и журналах наряду с отчетами о кровавой оккупационной политике фашистов были опубликованы статьи, посвященные 700-летней годовщине Ледового побоища[47]. Рыцари Тевтонского ордена, вытеснившие на задний план все другие группы врагов в пропагандистских сочинениях об Александре Невском — также и «внутреннего врага»[48], — все больше походили на солдат нацистской Германии. Несомненно имея перед глазами мировоззренчески мотивированный военный поход вермахта против «еврейского большевизма» и «славянских недочеловеков [Untermenschentum]», авторы дискурса об Александре Невском характеризовали военные цели рыцарей ордена XIII в. помимо прочего как расистские. Рыцари, на которых Новиков возлагает ответственность еще и за нападение шведов в

1240 г.[49], были полны ненавистью «к русской земле, ко всему русскому»[50]. «Унизим словенский язык! Все люди словенские обратим себе в работу!»[51] — призывали «мастера убийства и грабежа»[52] в сочинениях об Александре Невском начала сороковых годов. Согласно Пичете, немецкие рыцари «не скрывали своих планов порабощения и уничтожения русского народа как отдельного национально-культурного целого»[53]. Также описание ведения войны Тевтонским орденом однозначно отмечено восприятием оккупационной политики вермахта. В.В. Данилевский, чья работа об Александре Невском получила, пожалуй, наибольшее распространение в годы Великой Отечественной войны, характеризует рыцарей ордена как варварских грабителей, убийц и насильников[54]:

> Стон стоял по всей истерзанной немецкими хищниками Псковской земле. Огни пожаров озаряли руины сел и деревень. Немцы грабили и истребляли население, не щадя детей и стариков. В лесных дебрях прятались псковские женщины от немецких насильников. Немцы захватывали и вывозили все, что попадало им под руку: утварь, одежду, продукты. Враги шарили по закромам... обыскивали погреба, грабили церкви и монастыри. Опьянев от крови, все более и более наглел немецкий зверь. Протянулась разбойничья рука к землям новгородским, сея смерть и разрушение[55].

Это описание немецкой оккупационной политики полностью находится под влиянием советской ежедневной прессы. Полгода спустя после немецкого нападения газета «Правда» в подобном же духе осуждала «фашистских варваров» за их изуверские преступления по отношению к людям и культурным ценностям СССР:

> Так всюду, где проходят немцы по нашей стране, за ними стелется зловонный дым пожарищ, в которых гибнут культурные сокровища... Гитлер и его банда поставили своей задачей прекратить культурное развитие русского народа, как и других советских народов, как и всех славянских народов... Фашистские погромы культуры входят составной частью в общую разбойничью программу Гитлера и его банды... Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием советских женщин, потому что понятия женской чести и человеческого достоинства так же чужды и враждебны Гитлеру и его банде, как чужды и враждебны понятия культуры[56].

Александр Невский и советская военная пропаганда

В соответствии с требованием Сталина, чья речь 7 ноября 1941 г. цитировалась в многочисленных «окопных» изданиях[57], солдаты Красной армии должны были «воодушевляться» образами великих предков. Тексты, предназначенные для того, чтобы сообщить красноармейцам соответствующую картину истории, были насквозь проникнуты лозунгами и словами злободневной пропаганды. Авторы брошюр об Александре Невском приспосабливали историю к актуальным идеологическим потребностям и представляли прошедшее как прототип настоящего и будущего. Так, они внушали своим читателям, что провозглашаемый военной пропагандой путь еще в 1242 г. привел к победе. Как сегодня «великий советский народ... единодушно и сплоченно поднялся за социалистическую родину»[58] (согласно общей мысли текстов об Александре Невском), так в XIII в. «русский народ», чьи «доблесть, мужество и величайший патриотизм... спасли нашу страну от порабощения и национальной гибели», преградил путь своему врагу[59]. «Советский народ» сегодня «борется с коварным и сильным в военно-техническом отношении врагом», заявлял Пичета[60]. Уже в победоносной битве на льду Чудского озера «слабо и примитивно вооруженный русский народ»[61] противостоял сильному противнику[62]. Частью вооруженные еще луками, наконечники стрел которых были из камня, русские сражались «с закованным в броню... и хорошо обученным врагом» с «клинками из рейнской стали»[63]. Эта стилизация повествования о битве на Чудском озере целила, без всякого сомнения, в страшный образ непобедимого, вооруженного крупповской сталью вермахта, деморализовавшего в первые два года войны солдат Красной армии. Точно так же будут побиты и фашисты, уверяет Данилевский в своем тексте 1942 г. и преподносит непобедимость вермахта уже развеянным мифом[64]. Решающим фактором в победе русских воинов в 1242 г. была «несокрушимая вера в победу, непоколебимое презрение к смерти и великая ненависть к врагу»[65]. Цитируя один из советских пропагандистских плакатов, Данилевский вкладывает в уста своего героя Александра Невского призыв: «Кровь за кровь, смерть за смерть!»[66] Отвечая ему, солдаты XIII в. следуют требованию Сталина «бороться до последней капли крови», прозвучавшему 28 июля 1942 г.: «Победить или умереть!»[67]

Культ личности Сталина пережил в годы Великой Отечественной войны новый взлет[68]. Солдаты Красной армии шли в бой в

1941 г. с призывом: «За родину! За Сталина!»[69] Вождь прославлялся в годы войны как великий полководец, а в июне 1945 г. стал «генералиссимусом»[70]. «Сталин ведет нас к победе!» — это был один из важнейших лозунгов советской пропаганды[71]. Этот тезис можно обнаружить и в текстах, принадлежащих дискурсу об Александре Невском:

> Залогом нашей победы являются мужество и самоотверженность советского народа, могучий советский патриотизм, единство армии и народа, фронта и тыла... Залогом нашей победы является то, что к ней ведет нас наш великий Сталин[72].

Сила убеждения этого лозунга увеличивалась еще более указанием на успех 1242 г., который приписывался не в последнюю очередь тесной связи Александра со своим войском. Александр Невский описывался в «окопной литературе» не только как «прославленный/гениальный полководец», «герой» и «великий патриот», но также как «народный вождь»[73]. Александр — «верный сын своего народа, спаянный с русскими людьми глубокой внутренней связью»[74]. Ради избранной общей цели все подчинялись его воле: «Он пресекал всякое противодействие и раздор. Страна получила своего кормчего, обладавшего опытной рукой и ясным взглядом»[75]. Это описание Александра Невского в советских текстах военных лет поразительно похоже на образ вождя в панегириках, адресовавшихся Сталину. Александр предстает зеркальным образом «гениального стратега» Великой Отечественной войны.

Повествование об Александре Невском и его победе на Чудском озере было неотъемлемой составной частью советской военной пропаганды. Листовки, плакаты и брошюры напоминали командирам Красной армии о тактических талантах великого военачальника, а простым солдатам — о мужестве, боевом духе и решимости воинов новгородского войска. Когда тяжелое положение советских войск после начала немецкого наступления на юг «черным летом» (по выражению Тумаркин) 1942 г. усугубилось, а Сталин призвал 28 июля к борьбе «до последней капли крови» (приказ № 227), Президиум Верховного Совета СССР попытался поднять боевой дух красноармейцев учреждением ордена Мужества, носившего имя великого русского военачальника. Наряду с полководцами Суворовым и Кутузовым, 29 июля 1942 г. также и Александр Невский стал крестным отцом ордена за военные заслуги[76]. Советский орден

Александра Невского кроме названия имел мало общего с одноименным орденом, учрежденным в начале XVIII в. (см. гл. 5.2). В то время как первым орденом Александра Невского награждались прежде всего государственные сановники за свою лояльность российским императорам и за заслуги перед Отечеством, в 1942 г. речь шла о награде, учрежденной исключительно как военный знак отличия. Орденом награждались командиры Красной армии за «личную отвагу, мужество и храбрость, умелое командование подразделением, частью и соединением, обеспечившие успешные действия в боях»[77]. В годы Великой Отечественной войны орденом Александра Невского было награждено около 42 тысяч командиров[78]. Следует учитывать, что это послужило прочному укоренению образа Александра Невского в его советском патриотическом изводе в историческом сознании руководящего состава Красной армии.

Фильм «Александр Невский»

В годы войны Александр Невский выдвинулся как одна из важнейших исторических фигур советской / русской самоидентификации не в последнюю очередь потому, что исторический фильм Эйзенштейна 1938 г. был пущен в ход для мобилизации населения непосредственно после начала войны. При этом рецепция самой работы в 1941—1945 гг. оставила заметные следы в дискурсе об Александре Невском. Уже радиосообщение о нападении немецких войск на СССР 22 июня заканчивалось важнейшим музыкальным лейтмотивом из фильма — «Вставайте, люди русские!»[79]. На следующий день этот фильм, уже полтора года как сданный в архив, можно было снова увидеть в московских кинотеатрах. Немного позже он снова демонстрировался по всей стране[80].

Какие политические намерения были связаны с этим решением, показывает новая версия плаката, рекламировавшая в 1941 г. фильм «Александр Невский». В отличие от двух плакатов, привлекавших в 1938—1939 гг. внимание потенциальных зрителей, где на переднем плане был изображен приподнявшийся в седле воин (одетый в броню актер Николай Черкасов в роли Александра Невского), а на заднем плане — стилизованная русская армия, бросающаяся в наступление на невидимого противника (ил. 32 и 33), на плакате 1941 г. представлены как враг, так и — в качестве главного посыла — связь с настоящим моментом. На заднем фоне плаката одетый в шлем русский богатырь пронзает своим копьем грудь бегущего на двух ногах собакоподобного монстра в рыцарском обла-

чении, держащего в левой лапе секиру (ил. 34). На переднем плане красноармеец протыкает своим штыком низкорослого солдата вермахта, вооруженного топором и револьвером. Картину можно интерпретировать как центральное послание дискурса об Александре Невском военных лет: как Александр Невский со своим войском в 1242 г. нанес поражение «псам-рыцарям» Тевтонского ордена, так и Красная армия во главе со своим вождем Сталиным побеждает фашистские орды в Великой Отечественной войне. «Так было в 1242 году. Так будет и сейчас!»[81] Показательно, что стилизованные враги XIII столетия выступают на плакате к фильму на заднем плане. Фильм Эйзенштейна теперь открыто пропагандировался как аллегорическое художественное произведение. Плакат манифестировал то, что формировалось в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском начиная с 1937 г.: историческое действие должно пониматься только как тень, прототип или прообраз событий настоящего и будущего.

Несмотря на все технические трудности, кино как средство массовой коммуникации принадлежало к важнейшим инструментам советской пропаганды в Великой Отечественной войне[82]. «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна пережил в эти годы второй пик своей популярности. Нужно учитывать, что фильм показывали в кинотеатрах в свободной от оккупантов части страны, в импровизированных кинозалах и под открытым небом на фронте[83].

Экранизация битвы на Чудском озере сформировала дискурс об Александре Невском и всю патриотическую культуру военных лет и привела к утверждению фигуры новгородского князя в сороковые годы в историческом сознании советского народа. Так, цитаты из фильма можно обнаружить в многочисленных текстах об Александре Невском, появившихся во время войны. Данилевский цитирует, например, слова первой песни из фильма «Александр Невский» о битве на Неве с указанием, что в Средние века люди исполняли этот напев, чтобы сохранить память о славных делах своих предков[84]. В брошюре Наумова напечатан текст песни из фильма — «Вставайте, люди русские!»[85]. Изображение князя на утвержденном в июле 1942 г. воинском ордене поразительно схоже с внешностью актера, исполнявшего в фильме роль Александра, — Николая Черкасова[86]. На улицах советских городов в годы войны дети играли в «Александра Невского, Василия Буслая и Гаврилу Олексича в борьбе с Тевтонским орденом»[87]. Самое широкое распространение получили в годы войны слова из заключительного монолога в филь-

ме: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!» Эта цитата из фильма в литературе о князе представлялась начиная с 1941 г. как аутентичный исторический текст[88], ею украшали пропагандистские плакаты[89], ее писали солдаты Красной армии в 1944 г. на стенах домов в Германии[90]. Эти слова были, по-видимому, как лозунг, глубоко укоренены в сознании красноармейцев и советского народа. Н.С. Хрущев рассказывает в своих мемуарах, как слова героя из фильма во время войны поддерживали надежду людей на победу Красной армии: «Фраза из Священного Писания, когда-то повторенная Александром Невским: "Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет", — в то время была у всех на устах и наконец-то воплотилась в жизнь в результате нашей победы»[91].

Воздействие фильма «Александр Невский» в 1941—1945 гг. было, конечно же, еще значительнее, чем в 1938—1939 гг. Изображение войны между «русским народом» и Тевтонским орденом, обозначение мы-группы как сражающегося сообщества, стилизация русских павших как героев и мучеников, демонизация предателей в собственных рядах — все эти аспекты приобрели теперь новую актуальность. Благодаря, в частности, этому фильму советский народ даже в казавшийся безнадежным первый год войны не потерял полностью надежды на победу. На историческом примере он показал, что можно одолеть даже технически превосходящего противника, если сообщество мужественно сохраняет единство, наказывает предательство в своих рядах и беспрекословно следует приказам своего вождя.

Национализация, милитаризация и (ре)сакрализация

Культ Александра Невского в годы Великой Отечественной войны был элементом прогрессирующей национализации советской идеологии. Советский патриотизм в первой половине сороковых годов все больше приобретал черты имперского национализма великорусского образца[92]. Официально он прославлялся как «естественное продолжение русского патриотизма» (по словам Эренбурга)[93].

Лозунги социализма временно пришли в негодность: призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» исчез в декабре 1941 г., уступив на советских плакатах и листовках место новому девизу «Смерть фашистским захватчикам!»[94]. Символом новой патриотической линии являлся новый Государственный гимн СССР, взы-

вавший к «единому, могучему Советскому Союзу» как единственному наследнику «Великой Руси». Он заменил собой «Интернационал» решением правительства в декабре 1943 г.[95]. Наряду с Александром Невским в советской военной пропаганде в качестве фигур самоидентификации были использованы почти исключительно *русские* личности. Только в великорусской истории можно было найти фигуры и события, которые одновременно не могли служить символами движений за национальную независимость внутри СССР[96]. Официальная история СССР репрезентировалась как продолжение национальной истории России времен империи. Этот подход использовался даже для того, чтобы сообщить другим живущим в СССР этносам их «собственную» историю. Даже те советские граждане, для которых русский язык не был родным, должны были в годы войны познакомиться с героями русской истории как фигурами самоидентификации. Так, в 1941—1945 гг. появились многочисленные брошюры об Александре Невском также на других языках народов СССР[97].

Использование Александра Невского в пропаганде по всему СССР указывает на национализацию советской идеологии в годы войны. Процесс национализации оказал одновременно воздействие и на саму память об этом герое. Во всех брошюрах, пропагандировавших память о князе между 1941 и 1945 гг., мы-группа XIII в. описывалась как национальная общность «русского народа», а битва 1242 г. — как «общерусское национальное дело»[98]. Никто из авторов не допускал сомнения в том, что «русский народ» тогда сражался не только за свою землю, но одновременно «за свою национальную культуру, обычаи, религию, за национальную свободу»[99]. В XII—XIII вв. русский народ вместе с другими составлял «единый фронт славянских народов... против немецких феодальных хищников»[100]. Национализированный советский патриотический дискурс об Александре Невском опирался на традицию дореволюционного русского национального дискурса. Описание «славянских народов» как «миролюбивых» и «свободолюбивых»[101] напоминает тексты национального дискурса XIX в., навеянные сочинениями Гердера. В текстах дискурса об Александре Невском военных лет мы-группа настоящего, «советский народ», конструируется как наследник мы-группы прошлого, «русского народа». Как в XIII в. «русский народ» сражался за свою «национальную и политическую независимость», так и теперь «советский народ» боролся за свою «свободу и независимость»[102].

Тезис о «вечном немецком натиске на Восток» создавал в советских патриотических текстах об Александре Невском обосновывающий соединительный элемент между событиями XIII в. и современностью[103]. Этот прием воспроизводил «тезис непрерывности» в пропаганде национал-социализма — хотя и с обратным знаком (см. гл. 8.2)[104]. Однако эти идеологические формулы различались между собой в одном решающем пункте. В то время как национал-социалистская пропаганда призывала своих солдат к борьбе против «неполноценной расы славян», в призывах советской стороны отсутствовало объявление войны всему «германскому народу». Авторы советского патриотического дискурса об Александре Невском, правда, описывали противников «русского народа» XIII в. в национальных категориях — как «немецких разбойников», «немецких хищников», «немецких зверей» и «немецких насильников»[105], но *нынешний* враг, напротив, не определялся в первую очередь как этническая группа[106].

Советский народ борется, согласно пропагандистским текстам, против «фашизма», «фашистских стервятников», «гитлеровской армии», «фашистской Германии», «фашистской гадины» и т.п.[107] Мавродин подчеркивал: «Наша Отечественная война идет не против немецкого народа, а против гитлеровской клики»[108]. Здесь он следовал предписанию, данному Сталиным 23 февраля 1942 г.: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство остается»[109].

То, что советский патриотический дискурс об Александре Невском опирался на объяснительные модели русского национального дискурса XIX в., позволяет остановиться на еще двух дополнительных проблемах. Во-первых, Александр в начале сороковых годов — как и в национальном дискурсе — описывается как военный герой, а мы-группа — как сражающееся сообщество. Во-вторых, в военные годы имела место тенденция ресакрализации дискурса Александра Невского, напоминающая о традициях XIX в.

Стилизация Александра Невского под фигуру военного героя, берущая свое начало в трудах Карамзина и подхваченная в советских патриотических текстах о князе второй половины тридцатых годов, во время Великой Отечественной войны получила свое временно́е завершение. В «окопной литературе» Александр прославлялся как «гениальный полководец» (по словам В.В. Данилевского), его биография выходила в книжных сериях «Библиотека красноармейца», «Великие борцы за русскую землю» и «Великие

русские полководцы»[110]. Военный орден, которым награждались командиры Красной армии, носил его имя, им же назывались воинские части[111], а плакаты военной пропаганды представляли его как воинственного, грозного богатыря с огромным мечом в руке (ил. 35). Подобным же образом, как сражающееся сообщество, представлялся в военные годы во всех текстах дискурса о Невском предводительствуемый им русский народ. Русские были тогда, согласно авторам, не только «народом-тружеником», но и «народом-воином», который, как никакой другой народ, умел защищать свою отчизну, «родину-мать»[112]. Милитаризация Александра Невского и представление мы-группы русского народа как национального сражающегося сообщества являются двумя важнейшими характеристиками советского патриотического дискурса. В то время как милитаризацию исторического нарратива в годы до нападения Германии следует рассматривать как следствие национализации советской идеологии, нацеленной на упрочение легитимационного базиса режима, новый способ прочтения образа Александра Невского в годы войны был призван укрепить волю солдат и населения в тылу для борьбы с немецкими захватчиками.

В отличие от довоенного времени, в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском в 1941—1945 гг. можно обнаружить тенденцию к его ресакрализации. Хотя во время Великой Отечественной войны память о статусе Александра Невского как святого и о его почитании православной церковью была подавлена государственной пропагандой, описание мы-группы и страны ее обитания выделяется в текстах советского патриотического дискурса новой, торжественной терминологией[113]. В то время как в историческом фильме Эйзенштейна все указания на христианскую веру служат исключительно характеристике внутреннего и внешнего врага, а мы-группа русского народа репрезентируется как нерелигиозное сообщество (см. гл. 9.8), в текстах начала сороковых годов русские снова появляются как православные христиане. Авторы дискурса об Александре Невском вновь стали придавать значение утверждению о том, что рыцари Тевтонского ордена в XIII в. посягали также и на «русскую веру»[114]. «Русский народ» в 1242 г. защищал не только свою свободу, культуру и традицию, но также и «свою религию»[115]. Разграбление и уничтожение православных церквей — то насилие, к которому еще за десять лет до того подстрекали большевики и которое они сами совершали и оправдывали[116], — теперь клеймилось как варварство «немецких» средневеко-

вых оккупантов. Так, например, Наумов сетует, что рыцари Тевтонского ордена во время оккупации Псковской земли разрушали церкви, разграбляли иконы и церковную утварь[117]. Мавродин и Данилевский осуждают в своих работах нападение Гитлера на Советский Союз как покушение на «нашу священную землю»[118]. О ресакрализации дискурса об Александре Невском во время Великой Отечественной войны свидетельствует также тот факт, что в начале 1943 г. вновь был открыт Троицкий собор Александро-Невской лавры в Ленинграде. На месте этой церкви, где до 1922 г. находилась могила святого, было устроено украшенное красными знаменами помещение для богослужений в память Александра Невского. Место памяти, которое председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР 21 июня 1944 г. назвал «мавзолеем Александра Невского», со всей определенностью должно было внести свой вклад в повышение патриотического сознания у жителей города, а также солдат Ленинградского фронта[119].

Возвращение религиозных черт в дискурс об Александре Невском следует, по-видимому, отнести на счет сближения государства и Русской православной церкви (РПЦ) после немецкого нападения[120]. За десять дней до 3 июля 1941 г., когда Сталин обратился по радио с речью к советскому народу, местоблюститель патриаршего престола Сергий, митрополит Московский и Коломенский, 22 июня 1941 г. призвал в своем послании «пастырей и пасомых Христовой Православной церкви» к борьбе против «фашиствующих разбойников»[121]. Перед лицом угрозы оккупации церковные иерархи умерили свою неприязнь к коммунистическому руководству страны и поддержали его усилия к защите отечества. Тем, что православная церковь вновь могла открыто выступать как один из представителей в дискурсе об Александре Невском, она была обязана новым внутриполитическим «свободам», обусловленным войной с Германией[122]. В осажденном Ленинграде митрополит Алексий в своих проповедях ободрял горожан, упоминая в молитвах св. Александра Невского — небесного покровителя города. 10 августа 1941 г. в его молитве прозвучала мысль о том, что Дмитрий Донской и Александр Невский одержали свои победы не только благодаря своему патриотизму: решающей была все же вера русского народа в Божью помощь в борьбе за справедливое дело[123].

Активные призывы церкви к защите «священных границ нашего отечества» (слова митрополита Сергия), достигшие своего апогея в ноябре 1942 г., когда глава православной церкви приветство-

вал Сталина как «Богом помазанного вождя»[124], не только поощрялись коммунистическим руководством страны, но рассматривались им как предложение коалиции и поддерживались. С лета 1941 г. православная церковь в СССР могла действовать относительно беспрепятственно. С началом войны государство приостановило антицерковную пропаганду. В действовавших православных церквях можно было служить литургию, зачитывать послания Сергия и собирать деньги на защиту отечества. 4 сентября 1943 г. главные представители церкви даже добились у Сталина разрешения на восстановление сана патриарха.

К этому радикальному повороту в церковной политике Сталина и ВКП(б) должны были привести прежде всего чисто прагматические причины. В первую очередь речь шла о том, чтобы противопоставить «религиозно дружественной» пропаганде немецких оккупационных властей на захваченных западных территориях СССР знак религиозной толерантности на собственной земле. Во-вторых, посредничество РПЦ и англиканской церкви должно было подвигнуть союзников на открытие второго фронта против национал-социалистской Германии[125]. В конце концов коммунистическое руководство страны само выиграло от коалиции с церковью. Призыв духовенства к религиозным чувствам населения обещал укрепить боевой дух солдат и упрочить лояльность населения существующей политической системе. При этом советская пропаганда не уступила церкви ни пяди на поле религиозной риторики. В той мере, в какой словоупотребление в официальных сообщениях церкви приблизилось к советской пропаганде[126], религиозные терминология и символика вошли в официальное государственное словоупотребление. Затронут этой тенденцией оказался и советский патриотический дискурс об Александре Невском.

Национализацию, милитаризацию и ресакрализацию дискурса об Александре Невском в годы Великой Отечественной войны лучше всего можно проследить по тому произведению живописи, которое должно было в значительной мере создать в последующие десятилетия у населения СССР образное представление об облике героя — на центральной картине триптиха «Александр Невский» работы Павла Дмитриевича Корина (1892—1967)[127]. Написанная маслом картина (ил. 36) была выполнена в 1942—1943 гг. для художественной выставки под названием «Великая Отечественная война»[128]. Павлу Корину, художнику, происходившему из семьи иконописца и с 1925 по 1937 г. писавшему преимущественно на темы,

связанные с русским православием, было поручено создать эту картину летом 1942 г., вскоре после учреждения ордена Александра Невского. То, что художник, более десяти лет работавший над монументальным групповым портретом православного духовенства («Реквием», или «Русь уходящая»), получил это государственное задание, может быть расценено как еще один знак сближения церкви и государства в годы Великой Отечественной войны. На полотне размером более человеческого роста Корин не просто создал первый советский портрет Александра Невского после его реабилитации в 1937 г. Он одновременно стал творцом произведения, которое, наряду с фильмом Эйзенштейна, можно причислить к самым известным и влиятельным артефактам советского патриотизма, относящимся к дискурсу об Александре Невском. Картина Корина находится в Третьяковской галерее в Москве. Вплоть до девяностых годов она перепечатывалась в советских (а затем соответственно российских) школьных учебниках; в 1967 г., к 25-й годовщине своего создания, она даже украсила специальный выпуск советских почтовых марок[129].

На полотне изображен Александр Невский — стоящий прямо, закованный в броню воин, охвативший обеими руками рукоять мощного, направленного в землю меча. Художник изобразил князя бородатым мужчиной средних лет, строгий взгляд которого устремлен вдаль. На Александре — позолоченный шлем, с его плеч ниспадает красный плащ властителя. На заднем плане картины слева — купола Софийского собора в Новгороде, справа — стилизованное пехотное войско, прорисованное способом, который напоминает изображение воинов на русских иконах. Солдаты занимают позицию на берегах Волхова и, кажется, находятся в ожидании приказа от своего полководца. За его спиной — знамя русского войска. Его украшает характерный для икон мотив Христа-Спасителя.

Подобно текстам дискурса об Александре Невском военных лет, Корин показывает князя как фигуру военную, полководца. Доспехи и меч, шлем и красный плащ указывают на его роль военачальника. Образ излучает стойкость, решимость и готовность к бою. Александр, кажется, загораживает своим телом страну позади него. Указание на святость Александра на этой картине отсутствует. Тем не менее на полотне проявляются многочисленные религиозные черты. Страна, простирающаяся за фигурой Александра, посредством куполов Святой Софии обозначается как сакральное

пространство, а войско, которым он предводительствует под характерного вида знаменем, — как христианское боевое сообщество. Также и в выборе триптиха можно усмотреть обращение к традициям религиозного искусства. В образе, созданном Кориным, бросается в глаза своенравный синкретизм советского патриотического дискурса об Александре Невском военных лет. Он воспроизводит светский образ русского военного героя и князя, который бесстрашно защищает от врагов маркированную как сакральное сообщество мы-группу и характеризуемую как сакральное пространство страну.

Несмотря на диктатуру, бесправие и террор в стране, в годы Великой Отечественной войны возникла «со времен революции неизвестная и никогда более не возвращавшаяся близость между правительством и народом, партией и обществом, правителями и подвластными им людьми, послужившая основной предпосылкой конечной победы»[130]. Совместно испытанная во время войны несправедливость сплотила советский народ как страдающее и сражающееся сообщество, которое начиная с 1945 г. смогло прославлять и демонстрировать себя как коллектив победителей[131]. Наряду с непосредственным, общим военным опытом, свой вклад в новое формирование коллективной советской идентичности в первой половине сороковых годов внесла советская военная пропаганда[132]. Советскому населению в текстах и картинах, фильмах и музыке сообщался совершенно определенный образ врага и образ мы-группы, опиравшийся на национальные концепты коллективной идентичности. Лозунги о классовой борьбе были вытеснены в годы Великой Отечественной войны национальными символами и тезисами, представлявшими «советский народ» наследником «русского народа». Пропаганда культа Александра Невского в 1941—1945 гг. должна рассматриваться как часть этого процесса. Реабилитация Александра Невского в качестве фигуры русской истории в 1937 г. и развитие этого культа после 1941 г. можно считать свидетельством прогрессирующей национализации советского исторического дискурса и советского концепта коллективной идентичности. Одновременно советский патриотический дискурс об Александре Невском все сильнее уподоблялся национальному дискурсу XIX в. Национализация и ресакрализация советского патриотического образа Александра Невского после 1941 г. маркируют поэтапное продвижение к дореволюционным образцам интерпретации истории. Развитие *национального* концепта коллективной идентичности, внезапно прерванное в результате Октябрьской ре-

волюции, смогло продолжиться под новым, советско-русским, знаком с середины тридцатых годов и достигнуть в годы Великой Отечественной войны своего временно́го завершения.

---

[1] См. об этом: *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34. Особ. с. 21.

[2] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2, кн. 4, 5. С. 203.

[3] См.: *Schafgans.* «If ever the whole ring should be produced». S. 172; *Leonhard W.* Die Revolution entläßt ihre Kinder. Köln; Berlin, 1960. S. 77—78.

[4] См.: *Schafgans.* «If ever the whole ring should be produced». S. 171ff.

[5] *Сутт Н.И.* Александр Невский. Ярославль, 1940. Автору известны только две журнальные статьи, посвященные 700-летнему юбилею битвы на Неве: *Бычков Л.* Невская битва 1240 года // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 34—39; *Тихомиров М.Н.* Сражение на Неве // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 96—102.

[6] *Шестаков.* История СССР. С. 26—27.

[7] История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Ред. А.М. Панкратова. М., 1940. С. 89—90. (далее: История СССР (1940)).

[8] См.: *Шестаков.* История СССР. С. 26; История СССР (1940). С. 89—90.

[9] История СССР (1940). С. 89—90.

[10] *Лурье А.Я.* Александр Невский. М., 1939. С. 2.

[11] Там же. С. 5, 25.

[12] Там же. С. 27.

[13] Там же. С. 37.

[14] Там же. С. 53.

[15] Там же. С. 39. «Вершок» — древняя русская мера длины, равная примерно 4,4 см.

[16] См.: *Сутт.* Александр Невский.

[17] См.: *Лурье.* Александр Невский. С. 35—36. *Сутт.* Александр Невский. С. 59—65 (с двумя ил.).

[18] Рыцарей ордена Сутт называет попеременно «нахальными захватчиками» и «завоевателями», «немецким рыцарством» и «рыцарями», «крестоносцами», «рыцарями богородицы и меча», «ненавистными врагами» или «гордыми надменными тевтонами». См.: *Сутт.* Александр Невский. С. 55 и далее. Из списка литературы в приложении к книге ясно, что Сутт был знаком с работами Козаченко (1937), Глязера (1938) и Лурье (1939). См.: Там же. С. 123.

[19] *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1893. (Репринт: М., 1991). В списке литературы к биографии, написанной Суттом, есть указание на работу Хитрова, однако только с сокращенным названием (*Сутт.* Александр Невский. С. 123).

Прилагательные «святой» и «благоверный», всплывающие в полном названии, автор утаивает. Ссылка на явно церковную литературу в 1940 г. была, разумеется, проблематичной.

Н.И. Сутт не только проиллюстрировал свою книгу «безобидными» рисунками из труда Хитрова, т.е. свободными от элементов сакральной иконографии. Сам его текст в некоторых своих частях опирается на историко-религиозный образец 1893 г. Сутт переработал биографию святого из церковного дискурса в биографию полководца советско-патриотического дискурса, переняв при этом также и структурные элементы его жития. (О параллелях между советскими рассказами о героях и житиями святых см.: *Sartorti*. On the Making. P. 179ff.) Это заметно, например, в рассказе о детстве Александра Невского в обоих произведениях. В то время как Хитров подчеркивает духовное и религиозное воспитание молодого князя, Сутт акцентирует внимание на военном образовании молодого Александра (См.: *Хитров*. Святой благоверный великий князь... С. 12—16; *Сутт*. Александр Невский. С. 28—29). Задачей биографов, находившихся в рамках церковного дискурса, было упомянуть, что Александр, еще будучи ребенком, познакомился с Евангелием и Псалтырем: «Любимым его занятием, кроме чтения священных книг, было пение церковных песнопений». См.: *Хитров*. Святой благоверный великий князь... С. 14. Александр, «душа которого с детства согрета была любовью к Богу», всегда придерживался строго поста, вчитывался в святоотеческие легенды и «в тишине ночной имел обыкновение повергаться пред иконами Христа и Его Пречистой Матери и изливать свою душу в горячей молитве». См.: Там же. С. 14. В жанре советской патриотической биографии героев и вождей место религиозного воспитания мальчика заступают наставления в использовании оружия и передача военной тактики. В военных играх с сыновьями дружинников своего отца Александр научился «владеть оружием и усваивал тактику боя», согласно советскому биографу. В этих упражнениях «закалялся характер бойца». Отец Александра рано начал брать сына в военные походы, «где тот наблюдает сражения, приучается не бояться крови и самой опасности смерти». См.: *Сутт*. Александр Невский. С. 29.

[20] См.: Osteuropa-Handbuch, Sowjetunion. Außenpolitik 1917—1955. Bd. 1 / Hg. v. Dietrich Geyer. Köln; Wien, 1972. S. 289—290.

[21] См.: *Leonhard*. Die Revolution entläßt ihre Kinder. S. 74.

[22] Советский Союз получил Карельский перешеек с городом Выборгом, отдельные острова и часть Восточной Карелии.

[23] Военный поход Александра Невского в Финляндию зимой 1256 г. не является выдумкой советской историографии. Уже Первая Новгородская летопись сообщает об этом предприятии (см. гл. 2.2). Заглянув в работы Щербатова и Карамзина, можно убедиться, что и историография XVIII и XIX вв. также помнила об этом событии (См.: *Щербатов*. История... С. 98—99; *Карамзин*. История. С. 45—46). До сих пор «зимнему походу» Александра, однако, не приписывали особо выдающегося значения.

[24] На первое место он ставит битву на Неве, на второе — битву на льду Чудского озера: «С его именем связаны крупнейшие события XIII века. Разгром русскими шведов на Неве (1240), разгром ливонских рыцарей на

Чудском озере (1242), финляндский поход 1256 года, отсрочивший на многие годы шведскую агрессию в Прибалтике...» (См.: *Сутт.* Александр Невский. С. 3).

[25] См.: *Сутт.* Александр Невский. С. 99—100.

[26] Там же. С. 100.

[27] Там же. С. 101.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] См.: *Шаскольский И.* Борьба русского народа за невские берега. М., 1940. С. 45. Шаскольский интерпретирует военный поход Александра 1256 г. как ответ русских на шведские провокации и набеги на Новгородскую землю в предшествовавшие годы: «Предав огню и мечу шведские поселки, Александр со славой вернулся на родину» (Там же. С. 16).

[33] *Шаскольский.* Борьба русского народа за невские берега. С. 45.

[34] Там же. С. 46.

[35] Патриотические и антифашистские фильмы на экранах кинотеатров // Вечерняя Москва. 1941. 23 июня (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 38). Наряду с «Александром Невским» в план показа были снова включены следующие фильмы: «Щорс», «Если завтра война», «Танкисты», «Борьба продолжается», «Шел солдат с фронта». См.: Кино на войне. Документы и свидетельства / Сост. В.И. Фомин. М., 2005. С. 88 (воспоминания председателя Комитета по делам кинематографии И.Г. Большакова).

[36] *Сталин И.* Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве // Он же. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943. С. 37. Значение речи Сталина 7 ноября 1941 г. для «патриотического воспитания» в годы войны подчеркивает Я.С. Лурье (См.: Введение // Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 15). 6 ноября Сталин выступил с речью перед партийными функционерами, в которой он вместо Александра Невского, Минина и Пожарского упомянул выдающихся личностей русской культуры, как, например, Толстого, Глинку, Чайковского и Чехова. См.: Правда. 1941. 7 нояб.; *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 659; *Brandenberger, Dubrovsky.* The People Need a Tsar. P. 891, сноска 79.

[37] В алфавитном порядке: Alexander Nevsky. M.: Foreign language publ. house, 1943 (Popular lecture series — на английском языке); *Агиашвили Н.* Александр Невский. Tbilissi, 1941 (на грузинском языке); *Андреев М.* Александр Невский. М., 1941; *Аннинский С.Л.* Александр Невский. Л., 1942 («Наши великие предки»); *Берхин И.* Александр Невский. Молотов, 1942; *Буздянский Х.* Александр Невский. Саратов, 1941; *Введенский Д.* Поучительный урок прошлого. К 700-летию Ледового побоища. Улан-Удэ, 1942; *Вернер С.* Александр Невский. Саранск, 1942; *Данилевский В.В.* Александр Невский. М., 1942, 1943, 1944 («Великие борцы за Русскую землю»); *Григорьев С.Г.* Александр Невский. Чебоксары, 1942 (на чувашском языке); *Луков-*

ский И. Александр Невский. Л., 1942 («Наши великие предки»); *Мавродин В.В.* Ледовое побоище. Л., 1941; *Мухина Т.В.* Александр Невский. Чкалов, 1942; *Наумов Н.* Александр Невский. 1219—1263. М., 1943 («Искусство воевать»); *Новиков А.* В 1242 году. М., 1942; *Орлов Д.* Разгром немецких захватчиков на льду Чудского озера. Элиста, 1942; *Павленко П.* Александр Невский. Пенза, 1942 («Наши великие предки»); *Пичета В.И.* Александр Невский. Исторический очерк. Ташкент, 1942 («Великие русские полководцы»); *Подорожный Н.Е.* Александр Невский. М.: Воениздат, 1941 (Библиотека красноармейца); *Сифрин Э.* Борьба русского народа против немецких псов-рыцарей. Махачкала, 1941 (на нескольких кавказских языках); *Яковлев А.И.* Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке. Александр Невский. М., 1944; *Ярошевский Э.Н.* Александр Невский. Новосибирск, 1942.

В качестве примеров такого рода источников для настоящей работы были проанализированы следующие тексты: *Данилевский.* Александр Невский (1944); *Яковлев.* Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке; *Мавродин.* Ледовое побоище; *Наумов.* Александр Невский; *Новиков.* В 1242 году; *Пичета.* Александр Невский; *Подорожный.* Александр Невский.

[38] Нольте исчисляет общий тираж советских брошюр об Александре Невском в период между 1941 и 1945 гг. в 1 210 100 экз., из которых 212 000 составили работы о битве на льду Чудского озера. См.: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 206.

[39] Приведу такие источники, общее число которых с трудом поддается обозрению, только в качестве примера: *Новиков А.* Александр Невский // Правда. 1941. 24 дек.; К 700-летию «Ледового побоища» // Правда. 1942. 5 апр.; *Тарле Е.* Тевтонские псы-рыцари и их гитлеровские последники // Правда. 1942. 5 июня; *Павленко Н.* Александр Невский // Правда. 1942. 30 июля; *Бахрушин С.В.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII веке // Вестник Академии наук СССР. М., 1942. Вып. 4. С. 58—71; *Орлов А.С.* Александр Невский в средневековой литературе // Там же. С. 72—79; *Косминский Е.А.* Ледовое побоище // Там же. С. 89—95; *Бочкарев.* Александр Невский // Исторический журнал. 1942. № 3—4. С. 113—121; *Грацианский И.П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в Средние века. Пособие для преподавателей. М., 1943; *Тихомиров М.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941; Свердловск, 1942; *Лапин Н.* Ледовое побоище // Как и когда русские били немецких захватчиков. Челябинск, 1941. С. 17—22.

[40] Автору известно не менее шести различных советских пропагандистских плакатов, листовок и почтовых открыток с изображением Александра Невского времен Великой Отечественной войны: 1) «1242 г. — 1942 г. — Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет» (плакат). Илл. в: *Пашуто.* Александр Невский. С. 128 и далее; 2) «Били, бьем и будем бить!» (листовка, 1941), ил. в: *Zernack.* Polen und Rußland. Ил. 54с.; 3) «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева» (плакат, 1941, рис. Кукрыниксов [Кукрыниксы — группа художников: Куприянов Михаил Васильевич (1903—1991), Крылов Порфирий Никитич (1902—1990), Со-

колов Николай Александрович (р. 1903)], текст Самуила Маршака). Ил. в: Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. Stites. С. 101; 4) «Освободим земли Новгородские от врага! Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля! Александр Невский» (Окна ТАСС. 8 февраля 1944 г., работа П. Соколова-Скали). Ил. в: Agitprop im Krieg gegen das Großdeutsche Reich. Sowjetische Plakate 1941—1946 aus dem Staatlichen Museum Moskau, Deutsches Historisches Museum Berlin Magazin. 1991. Bd. 1. H. 4. S. 39; 5) «Стой! Прочти рассказ о том, как боролась Русь с врагом и как ныне дело спорится — наш народ с фашистом борется!» (цветная литография Т. Мавриной (илл.), А. Эфроса (текст) // Там же. S. 12; 6) Александр Невский. Почтовые открытки 1943 г. Ил см.: Ленинградская панорама. 1990. № 7. С. 6.

[41] *Литовский О.С.* Александр Невский. Пьеса в пяти действиях, девяти картинах. М., 1942.

[42] В 1941—1942 гг. появилась картина «Ледовое побоище» В. Серова, в 1944—1945 гг. — его же «Въезд во Псков Александра Невского» (ил. второй работы см.: *Пашуто.* Александр Невский. С. 96 и далее). Самое известное полотно «Александр Невский» времен Великой Отечественной войны принадлежит П.Д. Корину (1942—1943 гг.) (см. об этом ниже).

[43] Частично книги 1938—1939 гг. были переизданы после нападения Германии без больших изменений. Работа Н.Е. Подорожного «Александр Невский» (1941) является, например, новым изданием его книги «Ледовое побоище» (1938), правда, без иллюстраций и с измененным эпилогом. То же относится и к тексту «Битва на Чудском озере» С. Глязера (1938, 2-е изд. — 1942).

[44] Листовка. 1941. Ил. см.: *Zernack.* Polen und Rußland. Ил. 54c.

[45] См.: *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 3. Текст Мавродина, должно быть, появился до выступления Сталина на Красной площади 7 ноября, поскольку он цитирует не «вождя», а Молотова (см.: Там же).

[46] *Новиков.* В 1242 году. С. 48.

[47] См., напр., статью в апрельском номере «Вестника Академии наук СССР», где на с. 1—25 напечатан отчет наркома иностранных дел В.М. Молотова «о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». Во второй части журнала опубликованы статьи Бахрушина «Александр Невский и борьба русского народа», Орлова «Александр Невский в средневековой литературе» и Косминского «Ледовое побоище».

[48] Ханс Гюнтер указывает на то, что после нападения Германии в СССР наблюдается ослабление тоталитарной идеологии и мифологии. «Враги народа» в пропаганде ушли на задний план, «действуя здесь только еще как историческая память о тридцатых годах. Опасность реально и открыто существующего военного противника отправляет в тень разоблаченных во время шабаша ведьм врагов народа» (*Günther.* Der Feind in der totalitären Kultur. S. 99).

[49] Новиков настаивает, что нападения шведов в 1240 г. и Тевтонского

ордена в 1242 г. являлись частями военного плана антирусской коалиции, к которой принадлежали Швеция, Дания и Тевтонский орден и которая предводительствовалась последними: «Наступил 1240 год. Псы-рыцари разработали общий план наступления на Русь, по которому двинут они и весь тот рыцарский сброд, что удалось набрать в Европе» (*Новиков*. В 1242 году. С. 34. См. также: *Наумов*. Александр Невский. С. 7; *Пичета*. Александр Невский. С. 23 («сильная противо-русская коалиция»)).

[50] *Новиков*. В 1242 году. С. 25.

[51] Там же. С. 27. Первая часть этой цитаты является сфальсифицированной передачей слов «Укорим словеньский язык ниже себе» из Жития Александра Невского (См.: Повесть. С. 193). У Пичеты даже можно встретить утверждение, что целью западных агрессоров было «уничтожить русский язык»: *Пичета*. Александр Невский. С. 23.

[52] *Новиков*. В 1242 году. С. 26.

[53] *Пичета*. Александр Невский. С. 31. См. также: *Наумов*. Александр Невский. С. 7.

[54] Работа Данилевского «Александр Невский» пережила как минимум три издания (в 1942 г. — 20 000 экз., в 1943 г. — 100 000 экз., в 1944 г. тираж неизвестен). Нольте подсчитал полный тираж этого сочинения в 923 000 (см.: *Nolte*. Drang nach Osten. S. 206). Даже если это число представляется слишком значительным, можно тем не менее говорить об очень большой распространенности этого текста. Все следующие цитаты даны по третьему изданию (М., 1944).

[55] *Данилевский*. Александр Невский. С. 9. См. также: *Мавродин*. Ледовое побоище. С. 3.

[56] Проклятие и месть фашистским врагам! // Правда. 1941. 21 дек. № 353 (8761). С. 1. Бесчеловечное обращение вермахта с советскими военнопленными, несомненно, оказало влияние на текст Новикова, в котором он описывает казнь безоружных ливонских солдат рыцарями Тевтонского ордена: «Вон стоят изнуренные голодом и жаждой воины-ливы — пленники, захваченные в бою. Недолго совещаются рыцари: эти неисправимы, от них не будет дохода. Выхоленной рукой магистр Ордена делает быстрый, едва уловимый знак. И тотчас отделяются рыцари, давно готовые к исполнению приказа. Взлетают острые мечи — падают обезглавленные тела тех, кто в честном бою защищал от убийц и грабителей собственную родную землю». (*Новиков*. В 1242 году. С. 9).

[57] См. в т.ч.: *Пичета*. Александр Невский. С. 1; *Данилевский*. Александр Невский. С. 3; *Яковлев*. Разгром немецких псов-рыцарей. С. 2.

[58] *Мавродин*. Ледовое побоище. С. 3.

[59] *Пичета*. Александр Невский. С. 7.

[60] Там же. С. 6.

[61] *Мавродин*. Ледовое побоище. С. 15.

[62] См. в т.ч.: *Мавродин*. Ледовое побоище. С. 11; *Данилевский*. Александр Невский. С. 10—11, 18.

[63] *Данилевский*. Александр Невский. С. 10—11; *Новиков*. В 1242 году.

С. 45.

[64] «...развенчан миф... о "непобедимости" гитлеровской армии» (*Данилевский*. Александр Невский. С. 18.)

[65] Там же. С. 11.

[66] Там же. С. 10. О соответствующем плакате 1941—1945 гг. см.: *Pisiotis A.K.* Images of Hate in the Art of War // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. P. 149.

[67] *Данилевский*. Александр Невский. С. 10. См. также: *Новиков*. В 1242 году. С. 43: «...каждый сказал себе: лучше смерть, чем рабство у немцев». О приказе Сталина № 227 Красной армии («Ни шагу назад!») см.: *Barber*. The Image of Stalin in Soviet Propaganda. P. 43ff.; *Tumarkin*. The Living and the Dead. P. 71; *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 607.

[68] О культе Сталина во время Второй мировой войны см. особ.: *Barber*. The Image of Stalin in Soviet Propaganda.

[69] См.: Ibid. P. 41.

[70] См.: Ibid. P. 44; *Stölting*. Charismatische Aspekte des politischen Führerkults. S. 71; *Koenen*. Die großen Gesänge. S. 84; *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 628.

[71] См., например, плакат: «Сталин ведет нас к победе» работы Ираклия Тоидзе 1943 г. Ил. см.: *Bonnell*. Iconography, 6.8.

[72] *Мавродин*. Ледовое побоище. С. 16.

[73] *Данилевский*. Александр Невский. С. 3, 17, 18.

[74] Там же. С. 6.

[75] *Наумов*. Александр Невский. С. 9.

[76] См. об этом: *Исаев С.И.* Имени великих русских полководцев (К 45-летию учреждения орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского) // Военно-исторический журнал. 1987. № 7. С. 84—86; Государственные награды СССР. С. 44 и далее; *Пашуто*. Александр Невский. С. 154 и далее; *Perrie*. Nationalism and History. P. 111. По дипломатическим причинам Сталин отказался от учреждения ордена имени Дмитрия Донского, чтобы не спровоцировать недовольства союзной Монгольской Народной Республики. См.: История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 334. (За это указание я благодарю Елену Салей.)

[77] *Исаев*. Имени великих русских полководцев. С. 85. Орден Александра Невского занимал в иерархии место за орденом Богдана Хмельницкого третьего класса и перед орденом Отечественной войны. В качестве орденского знака служила пятиконечная красная звезда с серебряным ореолом, перекрещенными секирами и маленькой эмблемой серпа и молота по нижнему краю. В центре звезды — украшенная золотым лавровым венком серая круглая виньетка с изображением воина в шлеме и броне и надписью «Александр Невский» по обе стороны головы. Проект ордена из серебра, сусального золота и эмали выполнен И. Телятниковым. Ил. в: Государственные награды СССР; *Пашуто*. Александр Невский.

[78] Орден Александра Невского был впервые вручен 5 ноября 1942 г. старшему лейтенанту И.Н. Рубану и капитану С.П. Цыбулину. Наряду с отдельными лицами во время войны орденом Александра Невского были

награждены 1473 военных части Красной армии (дивизии, бригады, батальоны и т.д.). См.: *Исаев*. Имени великих русских полководцев. С. 86.

[79] См.: *Sudendorf*. Eisenstein. S. 182. Вишневский сообщает в своем дневнике, что эта песня исполнялась также на флотских парадах. См.: *Brandenberger*. He who comes to us with the sword. P. 14.

[80] См. также: *Северов С.* Александр Невский // Красное знамя. Владивосток. 26 июня 1941 г. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 39).

[81] *Витрищак В.* Александр Невский // Амурская правда. Благовещенск. 29 июня 1941 г. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 41).

[82] См. об этом: *Kenez*. Black and White.

[83] В рекламном объявлении в газете «Вечерняя Москва» от 30 июня 1941 г. (С. 4) Управление кинофикации при исполкоме города Москвы обращало внимание на то, что оно «организует выездные звуковые киносеансы в клубах, общежитиях, школах, учреждениях, больницах и везде, где имеется электроэнергия». В репертуар входили «лучшие произведения советской кинематографии, рисующие борьбу нашего народа с его врагами, борьбу с фашистскими мракобесами, показывающие самоотверженность, героизм и безграничную преданность советских патриотов Родине». В анонсе упоминался и «Александр Невский» в числе фильмов, составлявших предложение. См.: РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 488. Л. 43.

[84] См.: *Данилевский*. Александр Невский. С. 6. Для сравнения см.: *Эйзенштейн, Павленко*. Александр Невский. Литературный сценарий. С. 155.

[85] См.: *Наумов*. Александр Невский (Приложение. С. 2). Кажется, что этот «шлягер» даже вдохновил А.В. Александрова (композитор) и В.И. Лебедева-Кумача (автор текста) на создание марша «Священная война», возникшего в первые недели войны и превратившегося во время Великой Отечественной войны в своего рода военный гимн. (О песне «Священная война» см. в особенности: *Rothstein R.A.* Homeland, Home Town, and Battlefield. The Popular Song // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. Stites. P. 79.) Уже при сравнении первых строф схожесть обеих песен бросается в глаза:

Вставайте, люди русские! (1938)
Вставайте, люди русские;
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте, люди вольные;
За нашу землю честную!
Цит. по: *Эйзенштейн, Павленко.* Александр Невский. Литературный сценарий. С. 173.

Священная война (1941)
Вставай, страна огромная;
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною;
С проклятою ордой!
Цит. по: Песни, опаленные войной / Сост. Ю.Е. Бирюков. М., 1984. С. 6.

За это указание я благодарю Наума Клеймана. На схожесть обеих песен обращает внимание также Нина Тумаркин. См.: *Tumarkin*. The Living and the Dead. P. 62.

[86] В работе И.Н. Данилевского речь идет о «портрете» популярного актера Николая Черкасова, воплотившего Александра Невского в фильме Эйзенштейна. См.: *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 183.

[87] См. соответствующие данные, в т.ч. в: *Turovskaya*. Cinema in context.

P. 50; *Schklowski.* Eisenstein. S. 356; *Seton.* Eisenstein. P. 388; *Мелентьев.* «Скажите всем, что Русь жива...»; Наум Клейман — беседа с автором книги 16 декабря 1999 г. В одной из статей 1992 г., появившейся по случаю 750-й годовщины битвы на льду Чудского озера, Владислав Кардашов вспоминает о посвященной событиям 1242 г. радиопрограмме военных лет, сыгравшей совершенно определенную роль в усилении его патриотического настроения и надежды на победу (*Кардашов.* Ледовое побоище // Ленинградская панорама. 1992. №. 4. С. 6—7).

[88] См.: *Новиков.* В 1242 году. С. 46; *Наумов.* Александр Невский. С. 2. Также и в западной литературе частично и сегодня исходят из того, что слова Александра из фильма Эйзенштейна имеют в своей основе надежную историческую цитату, принадлежащую XIII столетию. См., напр.: *Glants M.* Images of the War in Painting // World War II and the Soviet People / Eds. J. Garrard, C. Garrard. Houndmills; London, 1993. P. 106.

[89] См.: «1242 г. — 1942 г. — Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет» и «Окна ТАСС»: «Освободим земли Новгородские от врага! "Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля!" Александр Невский».

[90] Указание см. в: *Garrard, J., Garrard C.* Bitter Victory // World War 2 and the Soviet People. P. 17. В этом издании в соотв. с: Великая Отечественная война 1941—1945 в фотографиях и документах. М., 1988. С. 242.

[91] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания: В 4 кн.). М., 1999. Ч. I. С. 593—594.

[92] См., в частности: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 29ff.

[93] *Эренбург И.* О патриотизме // Правда. 1942. 14 июня. №_165 (8936). С. 2.

[94] См.: *Brandenberger, Dubrovsky.*The People Need a Tsar. P. 890, примеч. 67.

[95] См. в т.ч.: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 76ff.

[96] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 661. Советский культ Богдана Хмельницкого противоречит этому тезису только внешне. (Советский военный орден его имени в иерархии находился еще выше ордена Александра Невского 1942 г.) Казацкий гетман в советской патриотической историографии прославлялся не как украинский сепаратист, но как руководитель исторического объединения Великой и Малой Руси. См. об этом: *Yaresh.* The Role of the Individual in History. P. 105; *Bonwetsch.* Der «Große Vaterländische Krieg». S. 935.

[97] См.: *Агиашвили Н.* Александр Невский. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.); *Григорьев С.Г.* Александр Невский. Чебоксары, 1942 (на чувашском языке); *Шифрин Э.Л.* Борьба русского народа против немецких псов-рыцарей. Махачкала, 1941 (на нескольких кавказских языках). Данные согласно: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 211, примеч. 38.

Повествование об Александре Невском в отдельных республиках СССР дополнялось рассказами о личностях, которые, смотря по обстоятельствам, должны были действовать там как национальные фигуры самоидентификации. Райнер Линдер указывает на пример из историографии

Белоруссии, где в исторической литературе военных лет рядом с Александром Невским выступал Якуб Полочанин. См.: *Lindner R.* Geschichte und Geschichtsbetrieb im Weißrußland der Stalinzeit // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung. 2001. Bd. 50. H. 2. S. 211.

[98] *Пичета.* Александр Невский. С. 31.

[99] *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 11. См. также: *Данилевский.* Александр Невский. С. 3.

[100] *Пичета.* Александр Невский. С. 7.

[101] *Наумов.* Александр Невский. С. 7; *Пичета.* Александр Невский. С. 8.

[102] Там же. С. 5, 6, 7, 26, 31. См. также: *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 15.

[103] «Начало вековой борьбы русского народа с немецкими захватчиками» (*Пичета.* Александр Невский. С. 7).

[104] См.: *Wippermann.* Der Deutsche Drang nach Osten. S. 63—64.

[105] *Данилевский.* Александр Невский. С. 18, 9.

[106] Это наблюдение справедливо только для советского патриотического дискурса об Александре Невском периода 1941—1945 гг. Несколько авторов указывают на то, что этнические категории в образе врага советской военной пропаганды постоянно играли центральную роль и что сражения современности в первую очередь представлялись как конфронтация немецкого народа (немецкой культуры) с русским народом (русской культурой). См.: *Pisiotis.* Images of Hate in the Art of War. Особ. p. 142, 148; *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 661. Правда, сам Константин Симонов в своем известном исполненном ненависти стихотворении «Если дорог тебе твой дом...» (1942) называет врага не «немцем», а «фашистом» («Так убей же хоть одного! Так убей же его скорей!»). См.: *Tumarkin.* The Living and the Dead. P. 74. Бонвеч делает различие между «официальной» линией поведения Сталина, в которой нельзя было найти проклятий в адрес немецкого народа в целом, и направленной «вовнутрь» недифференцированной ненавистью к Германии в пропаганде. См.: *Bonwetsch.* Der «Große Vaterländische Krieg». S. 937.

[107] *Данилевский.* Александр Невский. С. 18; *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 3.

[108] Там же. С. 16.

[109] Цит. по: *Bonwetsch.* Der «Große Vaterländische Krieg». S. 936.

[110] В «Библиотеке красноармейца» (Москва: Воениздат) в 1941 г. был опубликован «Александр Невский» Н. Подорожного, в серии «Великие борцы за русскую землю» — одноименная работа Данилевского, в собрании «Великие русские полководцы» — так же озаглавленная биография работы Пичеты.

[111] В 1943 г. именем Александра Невского была названа эскадрилья самолетов, оснащенная на особые средства, собранные православной церковью. См. об этом: *Алексеева О.* Духовным лицам — мирские награды // Коммерсант. 2000. 15 авг. № 149 (2034). С. 7; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные

отношения в СССР в 1939—1964 годах. М., 1999. С. 133.

[112] *Данилевский.* Александр Невский. С. 5—6.

[113] Тексты, в которых сохранялась память об Александре Невском как о святом и как «защитнике церкви», могли и во время войны появляться только на Западе. См. об этом: *Демидов В.М.* Святой Александр Невский — защитник церкви и борец за родину. Нью-Йорк, 1942.

[114] Напр., «искоренить русскую веру» (*Наумов.* Александр Невский. С. 7).

[115] См., в т.ч.: *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 11.

[116] Имеется в виду в т.ч. волна закрытия церквей и церемониальных сожжений икон после 1929 г. См. об этом: *Curtiss.* Kirche in der Sowjetunion. S. 227ff.

[117] *Наумов.* Александр Невский. Приложение. С. 2.

[118] *Мавродин.* Ледовое побоище. С. 3; См. также: *Данилевский.* Александр Невский. С. 3.

[119] См. об этом: *Шкаровский М.* Церковь зовет к защите Родины: Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005. Гл. 6. Ресакрализацией в начале сороковых годов была затронута вся советская военная пропаганда. «Военные гимны» Великой Отечественной войны призывали в 1941 г. население СССР к «священной войне».

[120] О следующем см.: *Шкаровский.* Русская православная церковь. Особ. с. 119—137; *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 665ff.

[121] Цит. по: [Послание митрополита Сергия в первый день войны (22.06.1941)] // Русская православная церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. I. С. 329. Сергий в своем послании не упоминает открыто Александра Невского. Однако, разумеется, его высказывание о том, что сегодня повторяются «времена ... немецких рыцарей...» (Там же), является однозначным намеком на 1242 г.

[122] Военные годы воспринимались многими гражданами Советского Союза как «внутриполитическая передышка» (Бонвеч) и время относительной свободы: См., в частности: *Davies R.W.* Perestrojka und Geschichte. Die Wende in der sowjetischen Historiographie. München, 1991. S. 138.

[123] См.: *Pospielovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 1. Crestwood; N.Y., 1984. P. 199—200. Также и в своей пасхальной молитве 18 апреля 1942 г. (5 апреля ст. ст.) митрополит обратил внимание на 700-летнюю годовщину битвы на льду Чудского озера и значение этого события для настоящего. См.: *Шкаровский.* Русская православная церковь. С. 129.

[124] Цит. по: *Curtiss.* Kirche in der Sowjetunion. S. 275.

[125] См. об этом: *Шкаровский.* Петербургская епархия 1917—1945. С. 179.

[126] На это указывает Хильдермайер: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 666.

[127] О Павле Корине и его работе см.: *Корин П.Д.* Александр Невский.

Сопроводительный текст Г. Кушнеровской. М., 1965 («Выдающиеся произведения советского изобразительного искусства»); *Михайлов А.* Павел Корин. М., 1965. Особ. с. 158—166; *Виноградова Е.Б.* П. Корин. Избранные произведения. М., 1985; Русские художники. Энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 284—286; *Антонова В.И.* Александр Невский. (Серия: Образы великих русских полководцев в искусстве. Вып. 1). М., 1946; *Терешкин В.И.* «Это не уходящая Русь», а Русь существующая... уничтожить ее нельзя: П.Д. Корин в донесениях управлений НКВД—НКГБ 1941—1945 гг. // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 71—97.

[128] О значении художественных выставок в рамках советской военной пропаганды см.: *Glants.* Images of War in Painting. P. 100.

[129] Пример иллюстрации в советском школьном учебнике истории см.: *Рыбаков Б.А. (и др.).* История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. М., 1991. С. 89. Об истории рецепции картины Корина после 1945 г. см. зд. гл. 11.2.

[130] *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 623.

[131] О советской культуре памяти о Великой Отечественной войне см., в частности: *Tumarkin.* The Living and the Dead. См. также зд. гл. 11.1 и 11.2.

[132] См.: *Stites R.* Introduction // Culture and Entertainment in Wartime Russia. P. 5.

11. КОНСОЛИДАЦИЯ И КРИТИКА: ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945—1985)

Коллективный опыт пережитой войны и добытой с большими потерями победы способствовал после 1945 г. тому, что Великая Отечественная война стала важной исходной точкой в официальном советском дискурсе о коллективной идентичности. Война оставила глубокий след в индивидуальной памяти практически всех, переживших нападение Германии. Облегчение, связанное с окончанием борьбы, и радость, которую испытывали от достигнутой совместными усилиями победы, оставили свой отпечаток на коллективном опыте. За четыре военных года советское общество испытало не только неописуемые страдания, но и небывало сильное чувство внутренней сплоченности. Идеологи Советского государства быстро распознали это мощное чувство единения людей, возникшее в 1941—1945 гг., и потенциал коллективной идентификации военного опыта. В послевоенное время началось производство текстов и образов в рамках советского дискурса памяти, который не столько повествовал о травматических и полных страдания опытах военных лет, сколько создавал героизированный нарратив триумфа советского народа. Великая Отечественная война, в особенности после 1964 г., была представлена, вслед за Октябрьской революцией, в качестве второго большого «мифа о происхождении» СССР. Несмотря на то что государственная память имела очень мало общего с индивидуальным опытом каждого человека, пережившего войну, официальное повествование о Великой Отечественной войне вплоть до распада СССР оставалось — и при определенных ограничениях до сих пор остается — одной из центральных исходных точек государственного дискурса советской и российской коллективной идентичности. Нарратив о Великой Отечественной войне составлялся при этом не только из рассказов о победах Красной армии и достижениях советского народа в борьбе с врагом. Он интегрировал в себе также тексты, образы и символы, которые в военные годы были значительной частью представ-

лений советских граждан о собственной мы-группе. Они переносились в относительно неизменном виде в исторический нарратив послевоенного времени. К этим символам относился также и Александр Невский.

Советский патриотический образ Александра Невского конца 1930-х гг., взятый на вооружение советской военной пропагандой после нападения вермахта в 1941 г. и не претерпевший больших модификаций в своем текстовом составе, лишь частично подвергся изменениям в течение долгого периода времени с 1945 до 1985 г. Тем не менее новые внешнеполитические обстоятельства послевоенного времени — вновь осуществленное завоевание Прибалтики, начало «холодной войны» — и дискуссии вокруг культа личности Сталина отразились и на официальном дискурсе о Невском. Более того, после 1945 г. память об Александре Невском приняла новые формы. В различных городах России ему впервые были воздвигнуты светские памятники. Наконец, рассматривая дискурс об Александре Невском послевоенного времени, можно отметить также и элементы дифференциации. Свой вклад в нее внесли некоторые историки и их исследовательские проекты, результаты которых послужили стимулом к сомнениям в официально пропагандировавшейся версии истории. С 1960-х гг. дискурс об Александре Невском в СССР вновь оказался расколотым: по одну сторону — преобладавшее повествование от имени государства, воспроизводившее в основных чертах историческую картину 1930—1940-х гг., по другую — выступления отдельных ученых за более нюансированное, ориентированное на источники видение «собственной» истории.

11.1. Советский патриотизм и память о войне

24 мая 1945 г. на приеме в честь командующих Красной армией Иосиф Сталин поднял бокал за здоровье русского народа, «потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»[1]. Это означало, что доктрина советского патриотизма, принятая в 1930-е гг., осталась в силе и после окончания Великой Отечественной войны. Идеология «социалистического отечества», «многонационального советского народа», «советской семьи народов», в которой русскому народу отводилась роль «старшего брата»[2], в военные годы полностью доказала свою надежность. Также и в эпоху «холодной войны» она должна

была послужить руководящим принципом для «коллективного, управляемого сверху энтузиазма»[3]. Опыт военных лет еще раз показал, что максимальная внутренняя сплоченность достигается в том случае, когда мы-группу можно четко отделить от внешнего врага и, таким образом, мобилизовать. После 1945 г. вражеский образ немцев-«фашистов», разумеется, не мог быть уже востребован. Строительство социалистического (восточно-)немецкого «братского государства» и установление дипломатических, экономических и политических отношений с ФРГ в середине 1950-х гг. сделали необходимым «расчленение» дотоле негативного образа Германии[4]. Он был замещен в процессе разделения европейского континента «железным занавесом» враждебным образом «Запада» или «империалистического лагеря». В 1947 г. главный идеолог СССР, секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Жданов озвучил в партийной газете «Большевик» теорию «двух лагерей». По одну сторону новой всемирной линии фронта, согласно Жданову, находился империалистический, антидемократический лагерь во главе с США, по другую сторону — антиимпериалистический, демократический лагерь, руководимый СССР[5]. «Западу», который без лишних раздумий был объявлен наследником оголтелого гитлеровского расизма[6], советские идеологи приписывали стремление к установлению мирового господства с помощью экономических и военных средств[7].

Теория «двух лагерей», актуальная в СССР вплоть до конца «холодной войны», способствовала консервации «военного менталитета» населения Советского Союза и внутренней консолидации «боевого содружества» посредством создания нового образа внешнего врага[8]. Программа советского патриотического воспитания была направлена на то, чтобы, с одной стороны, привить людям в СССР чувство превосходства по отношению к «Западу», с другой — поддержать живое воспоминание о героической борьбе народов Советского Союза за свою независимость. «Превосходство» и «независимость» были ключевыми словами в риторической борьбе с «низкопоклонством перед Западом». Жданов вменил в обязанность ученым-обществоведам, в особенности историкам, доказывать полную независимость от западных образцов и заоблачное превосходство всего советского, а в особенности русского, в прошлом, настоящем и будущем. В этом контексте тезис о том, что «первое русское государство», Киевская Русь, было основано призванными с «Запада» «норманнами», или «варягами», а не восточнославянскими князьями, становился, разумеется, крамольным[9].

Идеологи советского патриотизма были убеждены, что готовность советского народа защищать социалистическую родину от враждебного империалистического лагеря можно усилить, донеся до молодого поколения историю героической борьбы предков за независимость отечества:

> А ведь для воспитания высоких патриотических качеств у нашей молодежи, воспитания народа в духе постоянной готовности стать с оружием в руках на защиту Родины и всего социалистического лагеря военная история представляет самые широкие возможности... Советский народ не забыл тех, кто на льду Чудского озера, на Куликовом поле, у стен Полтавы, на Бородинском поле, на бастионах Севастополя и в других исторических битвах отстаивал независимость и самостоятельность России[10].

К тому же после 1945 г. приоритет отдавался не памяти об обороне русских против столетиями длившегося немецкого «натиска на Восток», а длительной истории борьбы России с врагами, приходившими в равной степени как с Востока, так и с Запада. Сражения Александра Невского оказались, таким образом, в контексте обновленного повествования об истории отечества.

Внутри большого повествования о борьбе русского и советского народов за свою независимость особое место занял, в особенности после 1964 г., нарратив о Великой Отечественной войне. Официальный дискурс о победе над Германией и освобождении Европы от фашизма можно было связать с индивидуальным опытом большинства советских граждан, и поэтому он был подходящим предметом всеобъемлющего культа истории, направленного на укрепление советской коллективной идентичности[11]:

> Война показала могучую силу патриотического духа советских людей, и надо, чтобы в сердце каждого из нас всегда искрилась частица этого духа[12].

В результате замалчивания или вытеснения темных страниц советской военной истории, таких, например, как пакт Молотова—Риббентропа, массовое убийство в Катыни и неподготовленность страны к обороне в 1941 г., возник мифический текст, в котором шла речь о советском героизме, готовности к жертвам и сплоченности в борьбе[13]. Военные монументы и памятные доски во всех

городах и общественных учреждениях, а также ежегодные праздники Победы 9 мая формировали тот каркас официальной культуры памяти, который массированно поддерживался властями и в значительной мере принимался населением[14].

> Организованный культ Великой Отечественной войны был эффективной системой политических символов и ритуалов. Он прославлял великий легитимационный миф партии и правительства, способствовал внушению уважения к вооруженным силам... [и] поддерживал чувство гордости за СССР и его социалистическую экономику... В то же самое время он был неподдельно популярен[15].

Официальное повествование о Великой Отечественной войне содержало не только истории о героической борьбе советского народа против немецких захватчиков. К этому же дискурсу причислялись также те тексты и образы, которые в 1941—1945 гг. внесли свой вклад в усиление патриотического сознания и мобилизовали население к обороне. Повествование о Великой Отечественной войне внутри большой истории о столетиях борьбы народов СССР за свою независимость составляло в определенном отношении «точку схождения». Отдельные части этого большого нарратива, такие как история об Александре Невском и его битвах со шведами и Тевтонским орденом, были интересны не только с исторической точки зрения, но и потому, что во время Великой Отечественной войны они показали свою способность формировать идентичность. Образ Александра Невского в 1941—1945 гг. настолько прочно был связан с повествованием о войне, что официальная память о его личности даже в послевоенное время не может рассматриваться отдельно от дискурса о Великой Отечественной.

11.2. Критика культа личности

Взгляд на советский патриотический дискурс об Александре Невском послевоенной эпохи оправдывает рассмотрение относительно длительного отрезка времени с 1945 по 1985 г. как единой фазы в его истории памяти. Некоторые из эпохальных событий внутренней политики, например смерть Сталина в 1953 г. и конец культа личности после секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г., хотя и отразились на советском патриотическом

дискурсе о герое Невской битвы, не могут служить достаточным основанием для разделения истории воспоминания о нем в «послевоенное время», длившееся четыре десятилетия, на более мелкие периоды. Это связано в том числе и с тем, что генеральные секретари ЦК КПСС и преемники Сталина — и Хрущев, и Брежнев — хотя и преуспели в критике «эпохи культа личности», но «структурный культ личности» (выражение Хильдермайера) продолжал жить во времена их правления[16]. Эту непрерывность можно наблюдать в отечественной историографии в СССР до и после 1953—1956 гг.

На XX съезде КПСС главный редактор «Вопросов истории» А.М. Панкратова выступила с программной речью, в которой напомнила о «новаторском духе» прежних лет и потребовала усиленного обращения к истории революционных движений в России[17]. Несколькими месяцами позже в редактировавшемся ею журнале открыто были подвергнуты критике «принижение роли народных масс и преувеличение роли личности» в «некоторых научных работах и особенно в популярной исторической литературе»:

> При освещении национально-освободительных войн русского народа нередко остается в тени главное действующее лицо истории — народ. Упускается из виду, что исход войн в конечном счете решают не способности и воля полководцев, даже самых выдающихся, а совокупность экономических и социальных условий и участие в войне народных масс[18].

Такая фундаментальная критика, однозначно направленная против исторической доктрины советского патриотизма тридцатых годов, привела к реабилитации в 1962 г. крупнейшего советского историка двадцатых годов М.Н. Покровского[19]. Его работы вновь были призваны занять «важное место» в развитии советской исторической науки. Теперь открыто требовалось возвратиться к постановке проблем экономической и социальной истории и отказаться от рассмотрения деятельности крупных исторических личностей[20]. В 1962 г. догматический маятник, однако, не качнулся назад до конца, к своей исходной позиции — в частности, потому, что вскоре за выступлением сторонников Покровского слово взяли и его критики[21]. Они повторяли старый упрек в том, что его книги проникнуты «духом национального нигилизма». В работах Покровского «бесполезно» искать «описания борьбы русского народа за свою независимость; они [книги Покровского] замалчива-

ют имена таких выдающихся организаторов и предводителей этой борьбы, как Александр Невский, Дмитрий Донской и др.»[22]. Сторонники советского патриотизма защищали обращение в 1930-е гг. к «отечественной истории», поскольку «поворот этот ...сыграл огромнейшую роль в морально-политической подготовке нашего народа к смертельной схватке с фашизмом»[23]. Без советского патриотического исторического сознания, считали противники Покровского, были бы немыслимы героические подвиги советского народа в Великой Отечественной войне. Имплицитно они защищали тезис о том, что советское население также и после 1945 г. нуждалось в историческом сознании такого рода, чтобы быть подготовленным к будущим войнам с империалистическим лагерем.

XX съезд «оставил сталинский образ истории по существу неприкосновенным»[24]. «Отечественная историография» отныне еще сильнее стремилась к «шпагату» между «национальным» и «марксистским» направлениями. На практике это приводило к усилению значимости «народных масс» в историческом нарративе и определенному отбору биографий «великих исторических личностей»[25]. О новой ссылке русских вождей и полководцев в историческую резервацию помыслить было все-таки нельзя.

11.3. Александр Невский в эпоху «холодной войны»

После фазы интенсивного производства текстов и образов в 1941—1945 гг. число новых книг, журнальных статей и картин, предметом которых был Александр Невский, в послевоенное время стало заметно снижаться. Но и после 1945 г. Александр Невский сохранил заметное место героя в советском пантеоне. Официальный образ, преимущественно запечатлевшийся в советской культурной памяти[26], особенно хорошо реконструируется на примере школьных учебников истории[27], словарных статей[28], научно-популярной литературы[29] и разнообразных монументальных проектов[30].

Всего через тринадцать лет после реабилитации Александра Невского в 1937 г. Большая советская энциклопедия (БСЭ) прославляла его как «одного из любимейших национальных героев русского народа». В 1950 г. она почтила статьей в три столбца этого «новгородского князя, великого русского полководца, крупнейшего политического деятеля и дипломата XIII в., национального героя»[31]. В статье в первую очередь отдавалось должное его дости-

жениям как военного героя и стратега. В этом тексте нашли свое выражение все известные элементы советского патриотического дискурса, начиная с демонизации внутренних и внешних врагов Руси и похвалы тактической ловкости Александра и вплоть до указания на речь Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 г.[32]

Имеющие однозначную связь с культом вождя 1930—1940-х гг. элементы, например прямые отсылки к личности Сталина, исчезают после 1956 г. из официальных текстов об Александре Невском. Это становится очевидным при взгляде на соответствующую словарную статью в новом издании БСЭ 1970 г.[33]. Десталинизация и разрыв с культом личности привели к сокращению и конкретизации текстов о Невском. Напрасно было бы теперь искать не только указаний на Сталина в этой статье, но и даже эпитета «национальный герой» и шаблонно избыточного перечисления внутренних врагов и «предателей»[34]. Также и определение «псы-рыцари», данное Марксом Тевтонскому ордену, явно больше не вписывалось в желанную для властей историческую картину «немецко-русских» отношений. Изменения задели только «поверхность» советского патриотического образа Александра Невского. Но его ядро осталось нетронутым. Сама речь Сталина, в которой он заклинал героические образы Александра Невского, Дмитрия Донского и других вдохновить Красную армию на борьбу с вермахтом, вновь обнаруживается в текстах 1960-х гг. — правда, в форме парафраза и без упоминания «автора»[35].

Рассказ об Александре Невском был неизменной составной частью нарратива о вековой борьбе народов СССР за свою независимость и одновременно — элементом канонического дискурса памяти о Великой Отечественной войне. Воспоминание о герое XIII в. было вплетено в него двояким образом. Во-первых, Александр Невский возникает в официальном нарративе о войне в связи с рассказом о речи Сталина на Красной площади (1941), учреждением военного ордена его имени (1942), наименованием в его честь эскадрильи самолетов (1943) и в связи с патриотической культурой в целом[36]. Изображение Александра Невского на орденской звезде использовалось, например, как декоративный элемент на советских памятниках жертвам Великой Отечественной войны[37]. Во-вторых, тексты и артефакты культа Александра Невского 1941—1945 гг. играли центральную роль внутри дискурса о Невском послевоенного времени. Многие из текстов этой эпохи об Александре заканчиваются историей учреждения ордена Александра Невского в

1942 г.[38]. Некоторые работы напрямую посвящены сорока тысячам награжденных этим орденом или же подробно останавливаются на биографиях и заслугах отдельных кавалеров ордена[39]. В Музее Александра Невского в Переславле-Залесском (см. гл. 11.4) отдельный зал был посвящен горожанам, награжденным орденом Александра Невского[40]. Орденская звезда была излюбленным предметом для иллюстраций текстов и книг о героях Невской битвы[41]. То же относится и к известному «портрету» Александра Невского работы Павла Корина (1942—1943) (см. гл. 10.3). Репродукции этой картины помещались в учебниках истории и биографиях Невского, а к 725-й годовщине битвы на льду Чудского озера (1967) репродукция украсила почтовые марки[42]. Также и тексты, возникшие непосредственно перед нападением Германии и в значительной степени повлиявшие на образ Александра Невского в военные годы, например поэма Константина Симонова «Ледовое побоище» или фильм Эйзенштейна «Александр Невский» (оба произведения относятся к 1938 г.), и после 1945 г. формировали память об этой фигуре. Например, в учебнике «Рассказы по истории СССР для 4-го класса» описание битвы 1242 г. не только снабжено симоновскими строчками, но весь текст полон цитат из фильма[43]. Некоторые фрагменты кинокартины, в особенности заключительная речь героя («Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!»), относящаяся к каноническим лозунгам советской военной пропаганды, пользовались в то время статусом исторически аутентичной цитаты[44]. Программные слова киногероя не только цитировались в многочисленных текстах как высказывание, действительно прозвучавшее из уст Александра Невского[45], но и украсили цоколь памятника, воздвигнутого Невскому в Новгороде в 1959 г.[46].

И после 1945 г. Александр Невский оставался «местом памяти», обладавшим в основном военными характеристиками. В словарной статье в БСЭ издания 1950 г. он помещен в ряд «великих русских полководцев»[47], но и двадцатью годами позже он выступал в качестве одного из «крупнейших военачальников своего времени»[48]. Наряду с портретами Кутузова, Суворова и др., «портрет» Невского, обвитый венком из листьев лавра и дуба, украшал общественные учреждения, школы, конторы, казармы[49]. Книги по «истории русского военного искусства» посвящали ему и его тактическому мастерству специальные главы[50].

В военной истории России особенный интерес представляли стратегические решения Александра. Тактические планы XIII в.

должны были служить для будущих защитников Отечества примерами мастерства в военном деле[51]. Советские учебники истории в послевоенное время выполняли функцию компендиумов по преподаванию военного искусства. Почти все они содержали подробные рисунки и схемы, на материале которых изучались (предполагаемые) расположение и движение «своих» и вражеских войск в исторических битвах 1240 и 1242 гг.[52].

Едва ли существовало хотя бы одно повествование о битве на льду Чудского озера, где отсутствовал бы развитый в 1937 г. Козаченко тезис о том, что при построении своего войска перед битвой Александр усилил фланги, создав таким образом предпосылку для окружения и разгрома войск ордена[53]. По мнению многочисленных авторов, течение и исход битвы 1242 г. указывали на то, что уже в XIII в. русское военное искусство далеко превосходило «западное». Как утверждалось в статье БСЭ в 1950 г., победы Александра «определили передовой характер русского военного искусства, которое показало свое превосходство [! — *Ф.Б.Ш.*] над военным искусством других стран»[54]. Особо новаторским было использование пеших войск в битве 1242 г., подчеркивает С.О. Шмидт:

> В истории военного искусства Средних веков победа Александра Невского на Чудском озере имела большое значение: русское пешее войско окружило и разгромило рыцарскую конницу и отряды пеших кнехтов задолго до того, как в Западной Европе пехота научилась одерживать верх над рыцарями[55].

Наряду с этим ввод в битву резерва представлялся как совершенно новый элемент ведения боя в те времена[56]. Отвечая на контрольный вопрос учителя: «В чем проявились полководческие дарования Александра Невского?»[57] — советские школьники должны были непременно указать на очевидное уже в XIII в. превосходство русского военного искусства над «западным».

Александра Невского и после войны ценили прежде всего за его победы 1240 и 1242 гг.[58], поскольку «победы русского народа под предводительством Александра Невского имели огромное значение и спасли Северо-Западную Русь в тяжелое время от порабощения немецкими и шведскими феодалами»[59]. Победа в битве на Чудском озере, как и прежде, оставалась самым большим историческим достижением Александра. События 5 апреля 1242 г. преподносились советским детям как один из двадцати важнейших эпизодов исто-

рии СССР[60]. Небольшое изображение битвы с Тевтонским орденом находится на внутренней стороне обложки вышедшего десятым изданием в 1980 г. учебника истории — наряду с картинами Полтавской битвы (1709), Отечественной войны (1812), Октябрьской революции (1917), Великой Отечественной войны (1941—1945), первого полета человека в космос (1961), XV съезда КПСС (1976) и т.п.[61]. В этом перечислении «звездных мгновений» отечественной истории Ледовое побоище представляется первым действительно историческим «событием» после «расцвета Киевского государства» (XI в.) и «первого упоминания Москвы» (1147)[62]. Наряду с победой над Тевтонским орденом в дискурсе об Александре Невском снова стало уделяться больше внимания битве на Неве. Это событие в БСЭ издания 1950 г. оценивалось как «знаменитая Невская битва»[63]. «Разгром шведов на Неве имел большое значение», — говорится в учебнике Епифанова и Федосова[64]. У В.Т. Пашуто эти события представлены как битвы гигантского масштаба — в 1240 г. около сотни шведских кораблей с пятьюдесятью тысячами человек предприняли попытку завладеть Новгородом[65].

Оценка победы 1240 г. следовала за изменением образа врага в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском. Перед лицом изменившейся после 1945 г. внешнеполитической ситуации заклинания о «немецком натиске на Восток» потеряли свое значение[66]. Место старого образа врага заступил теперь «агрессивный Запад». Немногие тексты из дискурса об Александре Невском столь прямолинейно связаны с новыми идеологическими установками, как работы С.В. Липицкого. В своей книге о битве на льду Чудского озера он напоминает своим читателям, что

> реакционные круги империалистов США, Англии, Франции и других капиталистических стран противопоставляют миролюбивой политике Советского Союза политику «с позиции силы», политику гонки вооружений, создания агрессивных военных блоков и подготовки третьей мировой войны[67].

По Липицкому, пока будет существовать империализм, сохранится и опасность агрессивных войн, поэтому «Коммунистическая партия Советского Союза воспитывает весь советский народ в духе высокой революционной бдительности и постоянной готовности к защите социалистической Отчизны»[68].

В этом контексте советские историки послевоенного времени заново открыли два элемента истории об Александре Невском: сотрудничество в борьбе против Руси в XIII в. «западных» врагов между собой и роль папской курии как инициатора и координатора этого заговора[69]. Тезис о том, что римский папа подстрекал к нападению на народы Прибалтики и Русь шведов, датчан и Тевтонский орден в первой половине XIII в., не был абсолютно новым. Его можно обнаружить в работах Соловьева, в текстах, относящихся к национальному и церковно-сакральному дискурсам XIX в., в текстах евразийцев и в советском «реабилитационном сочинении» Козаченко 1937 г.[70]. Однако в СССР после 1945 г. — на фоне создания политических блоков и разделения Европы на «Восток» и «Запад» — интерес к истории враждебной России политике «Запада» вырос. Уже в 1949 г. «политически сведущий» (как его именует Нольте) историк Владимир Терентьевич Пашуто написал статью о политике папской курии по отношению к Руси в XIII в.[71]. Утверждение Пашуто, что папская курия систематически устраивала крестовые походы против русских княжеств, было в последующие годы подхвачено историками И.П. Шаскольским и Б.Я. Раммом и получило дальнейшее развитие[72]. Наряду с вновь ожившим вражеским образом папской курии этот тезис после 1945 г. стал составной частью советского патриотического дискурса об Александре Невском[73]. Согласно точке зрения Шаскольского и Пашуто, Тевтонский орден, Дания и Швеция последовали призывам папы Григория IX к крестовому походу против языческих и «схизматических» народов Северной Европы и согласовали свои агрессивные планы, используя слабость Руси после «нападения монголов»[74].

Скоординированные нападения западных врагов на Русь представлялись в советских школьных учебниках как выражение предательства и неблагодарности. С начала XIII в. Русь, согласно официальному историческому дискурсу, была государством, чья культура была равноценна культуре стран Западной Европы. «Накануне монгольского нашествия перед русской культурой в XIII в. открывалась такая же широкая дорога дальнейшего прогресса, как и перед культурой североитальянских городов этой эпохи»[75]. Вторжение и господство монголов, однако, «на многие века затормозило экономическое и культурное развитие народов нашей страны»[76]. Русь при этом, согласно основной мысли, пострадала также и за Европу: «Героическая борьба народов Руси [против монголов] спасла Европу от страшного нашествия»[77]. При ответе на вопрос о том,

какое «значение имела героическая борьба народов нашей страны против монголо-татарских завоевателей для народов Западной Европы?»[78], советским школьникам настоятельно рекомендовалось сопоставить «освобождение Европы от фашизма» с историей «спасения континента» от монголов. Здесь Русь еще раз представала как «спасительница Европы». И западный, империалистический мир, который в XX в. — как казалось — погряз в заговоре против СССР, не изъявлял благодарность за жертвы советского народа во Второй мировой войне, подобно католическим государствам средневековой Европы, враждебным к ослабленной монголами Руси.

При исследовании образа врага в советском патриотическом дискурсе об Александре Невском бросается в глаза и подчеркивание классовой принадлежности западных агрессоров. Если в военные годы исторический враг Невского описывался в первую очередь как национальная группа («немцы»), то теперь авторы выбирали признаки, которые характеризовали бы захватчиков XIII в. как «классовых врагов»: «немецкие феодалы»[79], «шведские феодалы»[80], в целом «феодалы Западной Европы»[81]. Это заключение корреспондирует с соответствующим изменением картины мы-группы в изучаемых текстах. Наряду с Александром Невским признания заслуживали сражавшиеся с ним бок о бок простые люди[82]. Мы-группа, «народ», описывается как национальная, русская общность[83], которая героически защищала свою родину[84]. При этом особенно стал подчеркиваться вклад нижних слоев общества. Ремесленники и крестьяне, «трудовые люди»[85], «воодушевленные горячей любовью к Родине»[86], победили западных феодалов и рыцарей[87]. Этот обновленный интерес к нижним слоям и подчеркивание относительности роли личности в историческом процессе можно, кажется, интерпретировать как следствие реабилитации Покровского и его школы после 1962 г. В этом проекте образа мы-группы особенно ясным представляется стремление к компромиссу между «национальным» и «марксистским» основаниями историографии. Но вопреки тому, что, казалось бы, диктовалось логикой образа врага — (католического) «Запада» — в текстах, посвященных Александру Невскому, мы-группа русского народа не описывается как общность православных христиан. В изученных нами источниках послевоенного времени отсутствуют тенденции ресакрализации дискурса коллективной идентичности, которые можно установить для периода Великой Отечественной войны (см. гл. 10.3). Возможно, это связано с тем,

что в отношениях между государством и церковью вновь отмечалась напряженность, в особенности после 1959 г.[88].

Внутри идеологии советского патриотизма история русского народа занимала особое место. Но неверно характеризовать официальный исторический нарратив, составлявший содержание советских школьных учебников истории в послевоенное время, как воспроизводство в чистом виде образа истории в духе русского национализма[89]. В официальном изложении истории СССР отводилось также место истории других «советских народов». В основе «Истории народов СССР» лежала, разумеется, москвоцентричная концепция, в соответствии с которой «история народов и народностей с неизбежностью впадала в историю всей Российской империи и находила свое логичное завершение в победе Октябрьской революции»[90]. Этот образ истории соответствовал официальной концепции коллективной идентичности, которая объясняла, что все граждане СССР должны рассматривать себя и как часть многонационального советского народа, и как представителей той этнической группы или национальности, которая указана в их паспорте[91].

В официальном историческом нарративе особое значение получали те эпизоды, которые можно было причислить к общей сокровищнице памяти «объединенных» в Советском Союзе народов и на материале которых советское многонациональное государство получало свою историческую легитимацию. События «героического сопротивления народов нашей страны»[92] казались отвечавшими нуждам нарратива, формирующего коллективную идентичность для многонациональной мы-группы. Важнейшей составной частью в этом нарративе был рассказ об освобождении Европы от фашизма[93]. Но уже в XIII в. можно было обнаружить два крупных события такого же рода: «татаро-монгольское нашествие» и агрессия рыцарских орденов или объединенных католических сил с Запада. В то время как натиск с Востока затронул наряду с русскими также и народы Кавказа[94], на Западе, согласно официальной версии истории, русские и народы Прибалтики вместе противостояли общей беде.

После вынужденной «реинтеграции» Прибалтийских государств в СССР в 1939—1945 гг., перед советской исторической наукой встала задача объяснения детям школьного возраста «исторической связи» литовцев, латышей и эстонцев с русским народом. Во всех исследованных нами школьных учебниках история об Алек-

сандре Невском рассказывалась под заголовком «Борьба русского народа и народов Прибалтики со шведскими и немецкими феодалами»[95]. Прежде чем напасть на землю новгородцев, тевтонские рыцари «уже завоевали Прибалтику, жестоко подавили сопротивление прибалтийских народов — предков эстонцев, латышей и литовцев»[96], согласно версии Голубевой—Геллерштейна[97]. В борьбе с тевтонскими рыцарями прибалтийские народы часто поддерживали русские войска (дружины)[98], поскольку «ливы, эсты, латгалы и др. — издавна были тесно связаны с русскими землями»[99]. Эта «дружба» прибалтийских народов с русским только укрепилась в «совместной борьбе против общих врагов»[100]. То, что «вечная дружба» прибалтийских народов с русским была чистой химерой, позднее проявилось в событиях 1990—1991 гг., когда Прибалтийские республики — наряду с Грузией — первыми объявили о своем суверенитете и выходе из состава СССР.

11.4. Новые формы памяти

И сегодня в России Александр Невский причисляется к самым известным фигурам отечественной истории. Тем более удивительным может показаться на первый взгляд, что этому святому и князю вплоть до середины XX в. во всей стране не было воздвигнуто ни одного светского памятника[101]. Отсутствие памятников Александру Невскому в XIX в. можно объяснить запретом православной церкви на объемные изображения святых, а также тем вспомогательным значением, которое имел Александр Невский в национальном дискурсе дореволюционной эпохи (см. гл. 6.2). Только после полной десакрализации этой фигуры и при покровительстве культу Александра Невского со стороны государства с середины тридцатых годов XX в. были созданы основы для возведения «классических» памятников герою в СССР вообще и в РСФСР в частности. По окончании войны нашлись и материальные средства для реализации таких проектов.

Первый светский монумент Александру Невскому был открыт в 1959 г. в Новгороде. По случаю 1100-летнего юбилея местный горсовет решил установить мраморный бюст «великому русскому военачальнику» вблизи Ярославского дворца[102]. Памятник был открыт 23 августа 1959 г. Он представлял Александра Невского в виде полководца, в шлеме и доспехах. На цоколе памятника были выби-

ты слова героя фильма Эйзенштейна: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». Эта знаменитая реплика отныне звучала как напоминание о «победителе псов-рыцарей» (sic!)[103]. За памятником в Новгороде последовали аналогичные монументы во Владимире-на-Клязьме (1963)[104], Юрьеве-Польском[105] и Переславле-Залесском[106]. Здесь, как и в Новгороде, Александр предстает как воин, в кольчуге и шлеме. Тем самым памятники отвечали «канонизированному» образу воина-героя в дискурсе советского патриотизма. Это относится к самому большому до настоящего времени монументу Александра Невского, находящемуся близ Пскова[107]. История памятника начинается в 1968 г., когда был назначен «закрытый конкурс» на создание монумента в память о битве 1242 г. Художественный совет Министерства культуры СССР выбрал проект группы художников во главе с И.И. Козловским[108]. Планировалось возведение скульптуры из белого мрамора высотой около сорока метров на Вороньем острове Чудского озера. Из соображений статики, но, конечно, и по финансовым причинам было решено все же найти другое место, а сам памятник уменьшить и изваять в бронзе. Недалеко от озера, на холме Соколица, сегодня возвышается 20-метровая скульптурная группа, в центре которой можно видеть Александра Невского — закованную в броню фигуру всадника. Князь находится в центре отряда одетых в латы пеших воинов, ограждающих себя и своего вождя щитами[109] (ил. 37). Бронзовая доска на цоколе монумента сообщает, что памятник представляет «русских воинов и великого князя Александра Невского» и воздвиг-нут «благодарными потомками». Несмотря на то что монумент был завершен и открыт уже после развала СССР, в 1993 г., его размеры и язык форм однозначно говорят о его принадлежности к советской монументальной пластике[110].

С другой стороны, сразу заметны черты, свидетельствующие о его принадлежности к типу «национального памятника», описанного Томасом Ниппердейем на примере немецкого национального монумента XIX в.[111]. Возведенные на горе, в отдалении от города, на историческом или овеянном мифами месте, национальные памятники служат местами секулярного паломничества мы-группы, где она имеет возможность и должна подтверждать для самой себя общие исторические корни. Особенно призваны формировать идентичность монументы, напоминающие о состоявшемся когда-то испытании войной[112]. Памятник Невскому около Пскова, географически маркирующий место памяти о битве на льду Чудского озе-

ра, как представляется, полностью выполняет эту функцию. Он напоминает и о победе 1242 г., и (косвенно) о времени Великой Отечественной войны. Сегодня он считается не только одним из излюбленных мест для прогулок близ Пскова, но и популярным местом для фотографирования молодоженов[113].

Возведение монументов было только одной из форм утверждения памяти об Александре Невском. В его родном городе, Переславле-Залесском, был открыт в 1945 г. музей[114]. Выставочные залы разместили внутри Спасо-Преображенского собора городского кремля. В отделе местной истории под названием «Родина Александра Невского» были представлены археологические находки с территории города. В отделах, посвященных непосредственно личности Александра, располагались экспонаты, которые должны были вызвать воспоминание об «известном русском полководце»[115]. В музее Переславля память о XIII столетии тесно переплеталась с воспоминанием о Великой Отечественной войне. В качестве обоснования для создания этого музея указывалось на речь Сталина на Красной площади и учреждение ордена Александра Невского в 1942 г.[116]. На выставке специальная секция была выделена для биографий орденоносцев из Переславля, именовавшихся «славными потомками Александра Невского»[117]. Если верить исследователю Иванову, реакция первых посетителей музея была положительной. В книге отзывов за 1946 г. один из посетителей якобы записал:

> Посетив родину нашего прославленного патриота земли Русской, я восхищен заботами Советского Правительства о сохранении памятников старины и увековечении памяти Александра Невского. Материалы музея учат нас, потомков Александра Невского, любить и защищать от врагов до последней капли крови нашу славную Родину — Советский Союз — оплот мира и демократии во всем мире[118].

Если бы этот советский патриот и в последующие годы продолжал свое путешествие по следам Александра Невского, то ему пришлось бы констатировать, что советское правительство предприняло еще и многие другие усилия, чтобы сохранять память о великом предке. Именем Александра Невского был назван колхоз на Псковской земле[119], военный корабль, сошедший со стапелей в Ленинграде в 1951 г.[120], пассажирский пароход, курсировавший на Чудском озере в 1980-е гг.[121].

Одновременно Александр Невский снова занял прочное место в календаре памятных дат страны. Позиции традиционных религиозных дней святого (23 ноября и 30 августа) заняли теперь дни его побед (15 июля и 5 апреля). Обе даты упоминались в советских школьных учебниках как значительные даты отечественной истории[122], причем по случаю важных юбилейных дат в советских газетах и журналах появлялись статьи, напоминающие о герое и его заслугах[123]. Благодаря этому советский патриотический образ Александра Невского должен был оставаться живым в русской/советской культурной памяти. Возможно, эта цель даже была достигнута. С тридцатых годов в СССР, особенно в РСФСР, Александра Невского без всякого сомнения причисляли к самым известным фигурам «собственной» истории. Поскольку Советское государство и его средства массовой информации до 1985 г. практически беспрепятственно могли осуществлять власть в деле толкования исторического дискурса, нужно учитывать также и то, что образ Александра Невского в русской, а возможно, также и в советской культурной памяти полностью покрывался официальным патриотическим дискурсом.

11.5. Расколдовывание с помощью государства

Ирония истории видится в том факте, что некоторые усилия Советского государства, приложенные к тому, чтобы поддержать почитание Александра Невского и укрепить память о нем на новых основаниях, внесли свой вклад и в подрыв советского патриотического образа героя. В 1958 г. Президиум Академии наук СССР одобрил исследовательский проект, целью которого было выяснить, где именно состоялось Ледовое побоище 1242 г.[124]. Нетерпимым было признано такое положение вещей, при котором не имелось ни одной археологической находки, относящейся к этой «судьбоносной битве»[125]. Кроме того, необходимо было привести к некоему удовлетворительному заключению дискуссии о месте битвы, начавшиеся еще в XIX в. и разгоревшиеся вновь в 1950-е гг.[126]. Академия наук предоставила в помощь историку Г.Н. Караеву группу исследователей, состоявшую из историков-медиевистов, археологов и филологов, и снабдила его дорогостоящими средствами (исследовательские суда, вертолет, специально обученный водолаз и пр.). В 1958—1960 гг. и в последующие годы Караев и его коллеги прове-

ли археологические раскопки и подводные исследования на Чудском озере и создали научные труды по истории водных путей древнего Новгорода, об изменении линии берега Чудского озера и климате этого региона в XIII столетии. Результаты экспедиции были опубликованы в специальном сборнике статей в 1966 г.[127]. Сравнительно с затратами результаты предприятия оказались достаточно скромными. Раскопки в береговой части и на дне Чудского озера не дали никаких археологических находок, которые можно было бы соотнести с битвой 1242 г. Только с помощью анализа письменных источников и сравнения с историческими географическими картами, изображавшими береговую линию Чудского озера, Караев смог прийти к выводу, что весьма вероятным местом битвы является участок восточного берега Чудского озера вблизи мыса Сиговец[128]. Но однозначного материального доказательства этого тезиса он представить не смог.

Отчет Караева о проведенном исследовании не стал вкладом в создание фундамента советского патриотического образа Александра Невского, на что, по-видимому, рассчитывала Академия наук. Сборник статей 1966 г. следует рассматривать скорее как веху в критическом по отношению к мифу научном дискурсе о средневековом герое. Ханс-Хайнрих Нольте справедливо называет «сенсационной» опубликованную в этом издании статью трех авторов — Бегунова, Клейненберга и Шаскольского — о письменных источниках битвы на льду Чудского озера[129]. Впервые за всю долгую историю памяти об Александре Невском три историка представили в своей работе все собранные (немецко- и русскоязычные) тексты, которые сообщают о сражении 1242 г. Одновременно они подвергают критическому разбору обширную вторичную литературу. Жестко критикуют авторы публикации своих советских коллег. Они сожалеют, что «за прошедшую четверть века лишь очень немногие авторы, писавшие о Ледовом побоище, занимались не ...пересказом одних и тех же фактов, а научным исследованием данного события»[130]. В особенности беспощадно они критикуют А.И. Козаченко. Основатель советского патриотического дискурса об Александре Невском оказался ответственным за то, что «много ошибок и неточностей, повторявшихся многократно самыми различными авторами» прочно утвердилось в литературе[131]. Ошибки Козаченко «показывают, как важно для исследования исторической битвы на Чудском озере провести основательный источниковедческий ана-

лиз и какой вред и для исследователей, и для популяристов приносит легкомысленное отношение к источникам». Особенно четко это видно на ошибочных интерпретациях Жития Александра[132]. Многие советские авторы (включая Козаченко и Пашуто) интерпретировали литературные домыслы как реальные факты[133].

Написанная Бегуновым, Клейненбергом и Шаскольским статья не была единичным явлением. Эта работа, скорее, знаменовала собой ренессанс критического пересмотра истории памяти об Александре Невском, начало которого в 1913 г. связывается с именем В.И. Мансикки, а продолжение в 1930-е гг. — с именем М.Н. Тихомирова[134]. В этой области особенную активность развил ленинградский историк Юрий Константинович Бегунов, регулярно публиковавший начиная с 1959 г. научные статьи об отдельных эпохах и документах, связанных с историей памяти об Александре Невском. В 1970 г. он даже назвал истории, относящиеся к герою, «мифом»[135]. При этом Бегунов в своих работах имел дело только с дореволюционной историей памяти об Александре Невском; советской эпохи он касался лишь в небольшой степени. Другие важные работы в 1960—1970-е гг. были написаны А.И. Роговым и Л.М. Рошалем[136]. В 1970 г. Рошаль отважился на критику центрального произведения советского культа Александра Невского — исторического фильма авторского дуэта Павленко — Эйзенштейна 1938 г. Рошаль упрекает авторов сценария в том, что, создавая концепцию исторического повествования, они позволили злободневным политическим идеям вторгнуться в историю. В качестве примера он называет план Александра дать бой Тевтонскому ордену на его собственной территории, не поступившись «ни пядью своей земли» (эп. 9.5). Эта тактика, пишет Рошаль, соответствовала скорее стратегическим соображениям руководства Красной армии в 1938 г., чем исторической реальности XIII в. Критика Рошаля была весьма значимой. Его нападки прямо относились к одной из принципиальных проблем советского патриотического исторического дискурса — проникновению актуальной политической идеологии в исторический нарратив.

Умеренный тон критических высказываний Бегунова, Клейненберга, Шаскольского, Рогова, Рошаля и др. не оказал заметного воздействия на официальную советскую культуру памяти[137]. Это сопротивление патриотического дискурса научной критике можно объяснить тем, что героическая отечественная история использо-

валась и привлекалась для внутреннего укрепления и легитимации советской системы[138]. Обобщая, можно сказать, что в этой сфере в Советском Союзе шестидесятых годов наблюдается параллельное существование «функциональной памяти» и «памяти-хранилища» (по А. Ассман)[139]. Взору того, кто изучает советский дискурс послевоенного времени об Александре Невском, предстает расколотая картина. С одной стороны находится доминирующий патриотический дискурс об этом герое, в котором об Александре вспоминают как о гениальном полководце и победителе врагов с Запада. Этот нарратив как составная часть был включен в более обширное повествование о мы-группе советского народа. Он, напоминая о героических делах собственных предков, был выражением готовности решительно защищать СССР от любой агрессии со стороны «империалистического лагеря». На другой стороне располагается научный дискурс, который был воспринят в ограниченном объеме, хотя и бытовал в узком кругу профессиональных историков.

Трудно сказать, соответствовал ли этот опирающийся на историческую критику источника способ повествования собственно концепту коллективной идентичности. Если и соответствовал, то он являлся частью дискурса о коллективной идентичности, ориентированного на идеалы просвещения, человеческий разум, свободу индивидуума и отказ от государственного попечительства[140]. В исследованных здесь текстах об Александре Невском и его истории памяти все же не удалось найти указаний, позволяющих сделать вывод о включенности научного дискурса в общее повествование демократического (советского или российского) гражданского общества. Несмотря на это, кажется сомнительным, что Александр Невский вообще годится на роль фигуры, с которой мог бы идентифицироваться демократический дискурс сопротивления. Его образ был и остался символом власти. В самиздате он вызывал нападки как пример государственного «великодержавного шовинизма»[141].

Найти позитивные, формирующие идентичность элементы в биографии Александра Невского могла лишь русская эмиграция, которая почитала его как православного святого. Так, основанный в ФРГ в 1945 г., а с 1951 г. нелегально распространявшийся в СССР политический журнал «Посев», соотносивший себя с традицией Белого движения, выбрал в качестве девиза цитату из Жития Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде»[142].

[1] Выступление товарища И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии, 24 мая 1945 г. // Большевик. 1945. № 10. С. 1—2.

[2] См. также: Советский патриотизм // БСЭ. Т. 39. С. 486—487. М., 1956.

[3] *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 951. Об устойчивости национальных категорий в идеологии советского патриотизма послевоенного времени см. также: *Slezkine.* The USSR as a Communal Apartment. P. 449. [См. перевод: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 329—374. — *Примеч. ред.*]

[4] См.: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 214.

[5] См., например: *Жданов А.* О международном положении // Большевик. 1947. № 20. С. 10—26.

[6] См.: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 32. Также см.: *Günther.* Der Feind in der totalitären Kultur. S. 99—100.

[7] См., например: *Павлов Ю.* Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции // Правда. 1949. № 97. 7 апр.

[8] О советской интерпретации «холодной войны» см.: Lades H. u.a. Kalter Krieg // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Bd. III. Freiburg, 1969. Sp. 465—506, особ. sp. 467—470.

[9] О «новом издании» «норманнского вопроса» со времен XVIII в. (см. гл. 5.4) в СССР см. также: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 186—187; *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 723; *Rauch.* Grundlinien. S. 3491.

[10] Военная история — могучее средство воспитания патриотизма // Военно-исторический журнал. 1963. № 5. С. 4; «Исторической основой», на которой «создавался советский патриотизм», БСЭ (издания 1956 г.) называет «великие патриотические традиции русского народа и всех других народов Советской страны, традиции борьбы за свободу и независимость своей отчизны» (Советский патриотизм // БСЭ. М., 1956. Т. 39. С 486—487.

[11] Об официальной памяти о Великой Отечественной войне в СССР см. также: *Tumarkin.* The Living & the Dead; *Idem.* The War of Remembrance // Culture and Entertainment in Wartime Russia. P. 194—207; *Arnold S.R.* Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, 1998; *Amir W.* Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001; *Lars K.* Der «Tag des Sieges» in der Sowjetunion. Inszenierung eines politischen Mythos. Tübingen, 1999 (неопубл. магистер. дис.); *Idem.* Von Helden und Menschen. Der Zweite Weltkrieg im sowjetischen Spielfilm (1941—1965) // Osteuropa. 2002. Bd. 52. H. 1. S. 67—82; *Bonwetsch K.* «Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen». Die Erinnerung an den «Großen Vaterländischen Krieg» in der Sowjetunion // Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert / Hg. H. Berding. Göttingen, 2000. S. 145—168.

[12] Советский патриотизм // Коммунист. 1965. № 8. С. 3. [Из письма токаря московского завода «Знамя труда» А.А. Столярова].

[13] О «белых пятнах» в официальном советском дискурсе памяти см. также: *Bonwetsch.* Der «Große Vaterländische Krieg». S. 167—187.

[14] Праздник 9 мая был установлен как государственный сразу после 1945 г. Но уже в 1948 г. этот день перестал быть выходным. Только в 1965 г., при Л.И. Брежневе, день 9 мая снова стал выходным.

[15] *Tumarkin.* The War of Remembrance. P. 197.

[16] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 952 и 954.

[17] Там же. S. 815.

[18] О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 7.

[19] См. об этом: *Соколов О.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 69—79.

[20] *Соколов О.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского. Цит. по: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 175.

[21] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 817.

[22] *Найденов М.Е.* М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 63.

[23] *Сахаров А.* О сохах, ремеслах и душе // Комсомольская правда. 1965. 20 июня. № 143 (12302). С. 4.

[24] *Iggers G.G., Schulz W.* Geschichtswissenschaft // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg, 1968. Bd. II. Sp. 937.

[25] См. также: *Rauch.* Grundlinien. S. 3390.

[26] История жизни Александра Невского в рассматриваемое здесь время неоднократно становилась предметом беллетристики. См., например: *Югов А.К.* Александр Невский. М., 1983, 1986, 1990, 1993. (Первая часть исторического романа «Ратоборцы»: М., 1949 (многочисленные издания вплоть до 1993 г.)); *Субботин А.А.* За землю русскую: Роман об Александре Невском. М., 1957, 1963, 1988, 1994, 1999; *Мосияш С.П.* Александр Невский: Трилогия. Л., 1982, 1988, 1989, 1994, 1998. Эти источники, которые невозможно охватить в настоящей работе, заслуживают отдельного специального изучения. О советском патриотическом образе Александра Невского в послевоенное время см. также: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 214ff; *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орда; *Лурье Я.С.* Ордынское иго и Александр Невский (особ. со с. 121).

[27] Предмет истории преподавался в школах СССР на базе единообразного учебного плана, утвержденного для всех пятнадцати республик, и на основе одних и тех же учебников. См.: *Davies.* Perestrojka und Geschichte. S. 217. В дальнейшем будут исследованы следующие учебники для преподавания истории в советских школах: *Бущик Л.П.* История СССР: Пособие для учителя VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1954; *Епифанов П.П., Федосов И.А.* История СССР. Учебное пособие для IX-X классов средней школы. М., 1964. (Награжден поощрительной премией на открытом конкурсе учебников истории. Тираж: 1,9 млн. экз.); *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса; *Нечки-*

на М.В., Фадеев А.В. История СССР. Учебное пособие для VII класса. М., 1962. (Награждено поощрительной премией на открытом конкурсе учебников истории. Тираж: 2,45 млн. экз.); *Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С.* История СССР. Учебное пособие для VII класса. М., 1967; *Рыбаков, Сахаров, Преображенский, Краснобаев.* История СССР. О значении школьных учебников как исторических источников см. также гл. 6.3.

[28] Александр Невский // БСЭ. М., 1950. Т. II. С. 76—78; *Шмидт С.О.* Александр Невский // Советская историческая энциклопедия (далее: СИЭ). М., 1961. Т. I. С. 371—372; *Он же.* Александр Невский // БСЭ. М., 1970. Т. I. С. 408—409. (Обе статьи Шмидта практически идентичны); Александр Невский // Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. I. С. 143.

[29] *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1975 (первое изд.: 1974). (Серия: «Жизнь замечательных людей», тираж: 100 000 экз.); *Беляев Н.И.* Александр Невский. М.: Воениздат, 1951; *Липицкий С.В.* Ледовое побоище. М., 1964. (Серия: «Героическое прошлое нашей родины»); *Строков А.* Историческая победа на Чудском озере в 1242 году. К 740-летию Ледового побоища // Военно-исторический журнал. 1982. № 3. С. 53—58. Историк Владимир Терентьевич Пашуто (1918—1983) в значительной степени создал советский патриотический образ Александра Невского послевоенного времени. Опубликовавший первую работу об Александре Невском в 1939 г., Пашуто стал признанным экспертом по Невскому благодаря своей книге «Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке» (М., 1951). Им написан соответствующий параграф в «Очерках истории СССР» (Период феодализма IX—XV вв.: В 2 ч. / Под ред. Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто. М., 1953. Т. I. С. 760—907). Критический обзор см.: *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орда; *Он же.* Александр Невский: Русь и Орден. А также см. уже упомянутую научно-популярную биографию Александра Невского 1974 г. В 1960-е гг. работы Пашуто подверглись нападкам со стороны его коллег из-за многочисленных источниковедческих ошибок. (См. об этом: *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище. С. 174 и далее.) О Пашуто см. также: *Чернобаев А.А.* Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории: Библиографический словарь. Саратов, 2000. С. 390.

[30] Проекты памятников в Новгороде, Владимире-на-Клязьме, Переславле-Залесском и Пскове.

[31] Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 76.

[32] Речь Сталина упоминают также: *Потемкин А.Н.* Великий русский полководец Александр Невский. М., 1952. С. 37; *Бущик.* История СССР. С. 248.

[33] *Шмидт.* Александр Невский // БСЭ. 1970. Т. I. С. 408—409.

[34] Это соответствует точке зрения Шульца, который устанавливает отход от героического культа и мифической образности в советской картине истории послесталинского времени. См.: *Iggers, Schulz.* Geschichtswissenschaft. Sp. 946.

[35] *Липицкий*. Ледовое побоище. С. 62.

[36] См., напр.: Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985. Репродукция картины П. Корина «Александр Невский»: С. 256—257. Об учреждении ордена Александра Невского: С. 513 (Ил.: С. 512—513). О летной эскадрилье: С. 624 (статья «Русская православная церковь»). О роли Сталина в войне: С. 681.

[37] На памятнике павшим в Великой Отечественной войне в Новосибирске размещена увеличенная репродукция ордена Александра Невского, учрежденного в 1942 г.

[38] Историю ордена описывают: *Бущик*. История СССР. С. 247—248; *Пашуто*. Александр Невский. С. 154 и далее; *Липицкий*. Ледовое побоище. С. 64. Указание на награду можно найти в: Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 78; *Шмидт*. Александр Невский // БСЭ. 1970. Т. I. С. 409; *Рыбаков и др*. История СССР. С. 91; *Строков*. Историческая победа... С. 58.

[39] Книга Липицкого «Ледовое побоище» прямо предназначена орденоносцам. Биография Александра Невского, написанная Пашуто, заканчивается коротким изложением историй награжденных командиров Красной армии (со с. 154).

[40] 12-й зал музея назывался «Переславцы — кавалеры ордена Александра Невского». См.: *Иванов К.И.* Музей Александра Невского в городе Переславле-Залесском. Ярославль, 1951. С. 28.

[41] См., напр.: *Шмидт*. Александр Невский // СИЭ. Ст. 371. Также обложка книги: *Пашуто*. Александр Невский.

[42] Картину Корина в качестве иллюстрации см.: *Рыбаков и др*. История СССР. С. 89; *Пашуто*. Александр Невский. С. 3. Пашуто останавливается на истории этой картины: С. 78—79. О музее в Переславле-Залесском см.: *Иванов*. Музей Александра Невского... С. 27.

[43] *Голубева, Геллерштейн*. Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 23—24. Отдельные элементы диалогов из этого фильма приводятся здесь почти дословно — как «исторические цитаты», например призыв новгородского веча к Александру («Надо звать князя Александра Ярославича»); излагается тактика нападения Александра как превентивная защита («Нельзя допустить врага к Новгороду. Надо идти ему навстречу и бить самим») и приводится его боевой клич перед битвой на льду Чудского озера («За Русь родную!»).

[44] Это утверждение относится и к некоторым другим сценам из фильма, вошедшим в качестве «исторически-аутентичного» образного материала в научно-популярные тексты. См., например: *Пашуто*. Александр Невский. С. 64—65 (сцены из фильма — вече в Новгороде).

[45] *Иванов*. Музей Александра Невского. С. 19; *Строков*. Историческая победа... С. 58: «Народное предание донесло до нас из глубины веков замечательные слова Александра Невского, сказанные им после Ледового побоища: “Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля”». Строков называет эту речь также «нерушимой клятвой» советских солдат, которые защищают социалистическое отечество.

[46] См.: *Евгеньев М.* Установление бюста Александра Невского // Новгородская правда. 1959. 23 авг. № 167 (3785). С. 4.

[47] Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 77.

[48] *Шмидт.* Александр Невский // БСЭ. 1970. Т. I. С. 409. См. также: Александр Невский // Советская военная энциклопедия. Заслуги Александра как военачальника подчеркивают также: *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 59—60; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 89, 91.

[49] См., напр.: Александр Невский: Литография работы Новиковского // Полководцы и флотоводцы: Серия литографий (состоит из 21 листа с отдельными портретами (44 х 60 см). 1985 (РНБ. Отдел эстампов).

[50] См., напр.: *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 139—260; *Строков А.А.* Военное искусство Александра Невского // О начальных этапах развития русского военного искусства. М., 1951. С. 92—100. В Советской военной энциклопедии подчеркивается: «Полководческое искусство А. Н. вошло в золотой фонд истории русского и мирового военного искусства».

[51] См. также детскую книжку: *Митяев А.* Книга будущих командиров. М., 1970. Особ. с. 86—90 (гл. о Ледовом побоище).

[52] О Невской битве: *Нечкина, Фадеев.* История СССР. С. 49; *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 81; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 89; *Пашуто.* Александр Невский. С. 96—97. О Ледовом побоище: *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 24; *Бущик.* История СССР. С. 247; *Нечкина, Фадеев.* История СССР. С. 50; *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 82; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 89; *Пашуто.* Александр Невский. С. 96—97.

[53] *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 24; *Бущик.* История СССР. С. 246; *Нечкина, Фадеев.* История СССР. С. 50; *Рыбаков и др.* История СССР. С 90—91; *Пашуто.* Александр Невский. С. 75; Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 77.

[54] Там же. С. 77.

[55] Александр Невский // БСЭ. 1970. Т. I. С. 408—409.

[56] Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 77. См. также: *Потемкин.* Великий русский полководец. С. 17.

[57] *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 61. См. также: *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 84; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 91.

[58] Вторая половина жизни Александра, когда он, будучи великим князем Владимирским, сотрудничал с монголами, отступила в советском патриотическом дискурсе на задний план. Это положение подтверждают: *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орда. С. 207; *Лурье.* Ордынское иго и Александр Невский. С. 121.

[59] *Нечкина, Фадеев.* История СССР. С. 50.

[60] Пашуто настаивает, что на стороне «русских» в этой «решительной битве» сражались под знаменем Александра Невского всего 20 000 воинов. См.: *Пашуто.* Александр Невский. С. 73—74.

[61] *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. Внутренняя сторона обложки.

[62] В этом же учебнике рядом с параграфом, посвященным битве 5 апреля 1242 г., есть указание: «Запомни эту дату!» (*Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 24).

[63] Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 77.

[64] *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 60.

[65] *Пашуто.* Александр Невский. С. 63.

[66] В середине 1970-х гг. снова стало возможно вспоминать об оживленных торговых связях и фазах военного сотрудничества в XIII в. между Ганзой или Тевтонским орденом, с одной стороны, и городами Псковом и Новгородом, с другой (см.: *Пашуто.* Александр Невский. С. 55—56; С. 147 и далее; С. 153). Девиз «торговля сильнее войны» (С. 124), который, как пишет Пашуто, реализовывал Александр Невский, стремясь заключить мир с Тевтонским орденом в пятидесятые годы XIII в., сильно напоминает о «духе» советско-немецких переговоров и «Московском договоре» 1970 г. Пашуто в этой связи представляет также тезис о том, что Александр оберегал Русь от новых нападений с Севера и Востока не только своей военной, но и «торговой политикой» (Там же. С. 153).

[67] *Липицкий.* Ледовое побоище. С. 64.

[68] Там же. С. 65.

[69] См. также: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 214.

[70] *Козаченко.* Замечательный исторический урок. С. 160. Василиос Макридес указывает на то, что «антизападная ориентация Советского Союза... до какой-то степени [обслуживала] антизападную направленность Русской православной церкви... хотя, конечно, не существовало никакого полного обеспечения и неразрывной континуальности от православного антизападничества до его советского преемника» (*Makrides V.* Antiokzidentalismus und Antieuropäismus. S. 18).

[71] *Пашуто В.Т.* О политике папской курии на Руси (XIII век) // Вопросы истории. 1949. № 5. С. 52—76. См. об этом: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 214.

[72] *Шаскольский И.П.* Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 169—188; *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. См. об этом: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 214. Нольте полагает, что Пашуто и Шаскольский в основном опираются на работы Г.А. Доннерта (*Donnert G.A.* Kardinal Wilhelm von Sabina, Bischof von Modena. Helsingfors, 1929) и Амманна (*Ammann.* Kirchenpolitische Wandlungen).

[73] *Пашуто.* Александр Невский. С. 58, 68; Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 76—77. См.: *Oberländer.* Sowjetpatriotismus. S. 198; *Епифанов; Федосов.* История СССР. С. 59; *Бущик.* История СССР. С. 241, 243, 245. Во многих школьных учебниках участие римского папы в «западной» агрессии вообще не упоминалось. См., напр.: *Нечкина, Фадеев.* История СССР.

[74] В качестве источника о договоренности Тевтонского ордена и Дании о нападении на Русь Шаскольский называет Стенбийский договор (1238), заключению которого содействовали папские дипломаты. Историк предполагает, что в эти договоренности была вовлечена также и Швеция (см.:

Nolte. Drang nach Osten. S. 214). С этой аргументацией согласен Пашуто, см.: *Пашуто*. Александр Невский. С. 57—58.

[75] *Бущик*. История СССР. С. 238.

[76] *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 58. См. также: *Бущик*. История СССР. С 238, 240; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 86.

[77] *Голубева, Геллерштейн*. Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 21. См. также: *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 58; *Бущик*. История СССР. С. 237; *Нечкина, Фадеев*. История СССР. С. 52; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 86; *Пашуто*. Александр Невский. С. 70, 72. Особенно это подчеркивается в тексте: *Нечкина, Лейбенгруб*. История СССР. С. 78.

[78] *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 61. См. также: *Нечкина, Фадеев*. История СССР. С. 55; *Нечкина, Лейбенгруб*. История СССР. С. 79; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 86.

[79] *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 58, 61.

[80] Там же. С. 60. См. также: *Нечкина, Фадеев*. История СССР. С. 47; *Нечкина, Лейбенгруб*. История СССР. С. 80 и далее; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 88—89.

[81] *Бущик*. История СССР. С. 240.

[82] Там же. С. 248. Подчеркивание относительности роли Александра Невского в битвах 1240 и 1242 гг. соответствует ослаблению заслуг Сталина и возрастанию значения рядового солдата в официальном историческом дискурсе о Великой Отечественной войне в период правления Хрущева. См. об этом: *Lars K.* Tag des Sieges. С. 22.

[83] Напр.: *Голубева, Геллерштейн*. Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 24—25: «русские полки», «русского войска», «русских воинов», «русская рать». Другие авторы пишут о борьбе «русского народа против немецко-шведских захватчиков»: *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 59. См. также, напр.: *Бущик*. История СССР. С. 247.

[84] Напр.: «...героической защиты Родины русскими людьми» (*Бущик*. История СССР. С. 237). См. также: *Нечкина, Лейбенгруб*. История СССР. С. 79, 82. «...Мужество русского народа расстроило планы западных агрессоров» (*Бущик*. История СССР. С. 246). В битве на Неве новгородцы показали себя «настоящими героями» (*Рыбаков и др.* История СССР. С. 89).

[85] *Нечкина, Фадеев*. История СССР. С. 49.

[86] Александр Невский // БСЭ. 1950. Т. II. С. 77.

[87] См. также: *Голубева, Геллерштейн*. Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 23. Контрольный вопрос: «Какую роль в разгроме шведов и немцев сыграло народное ополчение?» — см. в: *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 61.

[88] См. об этом: *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 982ff. До 1959 г. «общество взаимопомощи», которое представляли собой церковь и государство, еще продолжало существовать. См.: Ibid. S. 725; также: *Pospielovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Crestwood; N.Y., 1984. Vol. 2. P. 302. На этот период приходится открытие Троицкого собора Александро-Невской лавры в Ленинграде (12 сентября 1957 г.), закрытого в 1933 г. См. об этом: *Döpmann H.-D.* Die russische

orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin (DDR). 1981. S. 273; *Антонов, Кобак.* Святыни Санкт-Петербурга. Т. I. С. 37. Церковная память о святом все же сохранялась в 1960-е гг., хотя и в ограниченных рамках. Намек на это содержится в машинописной рукописи из библиотеки Духовной академии Александро-Невской лавры: *Некрасов В.А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский (К 700-летию со дня кончины). Л., 1965.

[89] См.: *Davies.* Perestrojka und Geschichte. S. 336.

[90] *Iggers, Schulz.* Geschichtswissenschaft. Sp. 944—945. См. также: *Tolz.* Russia. P. 184.

[91] В особенности в 1960-е гг. предпринимались попытки противодействовать центробежным националистическим тенденциям в части республик СССР с помощью государственной пропаганды идеологемы «советского народа». См.: *Simon.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. S. 356ff.

[92] *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 57—58.

[93] См. об этом также: *Karl L.* Tag des Sieges. S. 32—33.

[94] «...В борьбе с ненавистными угнетателями интересы всех народов нашей страны были общими» (*Бущик.* История СССР. С. 238). См. также: *Нечкина, Фадеев.* История СССР. С. 42 и далее; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 81 и далее.

[95] См., напр.: *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 80; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 87; Александр Невский // БСЭ. 1970. С. 408; *Бущик.* История СССР. С. 240 и далее; Александр Невский // БСЭ. 1950. См. также: *Zutis J.* Krievu un Baltijas tautu cinas pret vacu agresiju. Ar rokraksta tiesibam [Борьба прибалтийских народов и русского народа против немецкой агрессии. На правах рукописи]. Riga, 1948. По этой же теме: *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орден. С. 198.

[96] *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 23. См. также: *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 80.

[97] «Ложью» «немецких и шведских националистов» называет Бущик утверждение, что «прибалтийские славяне» отставали в своем экономическом и культурном развитии, в то время как немцы и шведы несли им «высшую культуру»: «Немецкие и шведские феодалы несли в их земли не высшую культуру, а опустошения и разорение, грабежи и убийства» (*Бущик.* История СССР. С. 241). См. также: *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. С. 80—81.

[98] «Не раз русские дружины приходили на помощь народам Прибалтики и вместе с ними отражали нападения тевтонских рыцарей» (*Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 23). См. также: *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 59; *Бущик.* История СССР. С. 242; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 88.

[99] *Епифанов, Федосов.* История СССР. С. 58—59. В качестве доказательства своих тезисов авторы приводят следы русского культурного влияния в латышском и эстонском языках.

[100] *Бущик.* История СССР. С. 242—243.

[101] Автору известны лишь три трехмерных изображения Александра Невского, относящиеся к XIX столетию: статуя святого работы Степана Пименова перед Казанским собором в Санкт-Петербурге (1807—1811), статуя на внешнем фасаде Исаакиевского собора (первая половина XIX в.) и фигура Александра в качестве полководца на памятнике Тысячелетия России в Новгородском кремле работы М. Микешина (1862).

[102] См.: Памятник Александру Невскому в Старой Руссе // Новгородский комсомолец. 1959. 13 июня. № 70 (303). С. 3; *Евгеньев*. Установление бюста Александра Невского. Бюст был подарен автором работы скульптором Николаем Васильевичем Томским.

[103] *Евгеньев*. Установление бюста Александра Невского. Также в статье из газеты «Новгородский комсомолец» речь Александра из фильма Эйзенштейна цитировалась как «грозные слова полководца».

[104] Указание см.: *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Русь и Орда. С. 227. Изображение памятника (автор С. Орлов) можно найти в Интернете: http://www.cityadm.vladimir.su/photo/gorod/1000years/V40_2.jpg

[105] См.: *Лаврук П.* Солнце отечества // Советский патриот. 1990. 28 мая — 3 июня. № 22. С. 8—9.

[106] См.: *Gorys E.* Moskau und Leningrad. Kunst, Kultur und Geschichte der beiden Metropolen, des «Goldenen Rings» und Nowgorods. Köln, 1988. S. 188. Изображения памятника, выполненные художником Орловым, см.: *Пашуто*. Александр Невский. С. 128 и далее.

[107] К истории этого памятника см.: *Одобряев В.* Монумент в честь Ледового побоища на Чудском озере // Декоративное искусство. 1988. № 4. С. 18; *Казеннов Д.* История с памятником // Молодой ленинец (Псков). 1989. 22 июля. № 88 (4984). С. 1; *Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...»: Ил. // Правда. 1995. 15 апр. С. 1.

[108] О проекте Козловского и решении комитета конкурса см.: *Шульгина Т.* «На том стоит земля русская» // Советская культура. 1969. 6 февр. № 16 (3986). С. 1; *Виноградов И.* Русским воинам // Правда. 1969. 15 марта. № 74 (18487). С. 3; *Миронов С.* На месте Ледового побоища // Труд. 1971. 15 янв. С. 4. Критические отзывы о решении художественного совета см. в т.ч.: *Лихачев Д.* Богатырям Александра Невского // Литературная газета. 1969. 2 апр. № 14. С. 2; *Троханов А.* Память Чудского озера. О традициях и поисках современных монументалистов // Комсомольская правда. 1969. 4 марта. С. 4. Лихачев и Троханов в целом приветствуют идею возведения памятника на месте Ледового побоища, однако отдают предпочтение проекту другой группы художников — во главе с В. Смирновым и Л. Катаевым. Достоин внимания вопрос Лихачева о том, куда же будет направлен взор планируемой группы рыцарей («богатырей» Козловского). На Западе, на другой стороне Чудского озера, уже давно нет враждебных рыцарей, предлагает поразмыслить признанный ученый. Там жили в основном дружески настроенные по отношению к Руси эсты. По поводу мнения Лихачева см.: *Югов А.* Куда же смотреть коню // Советская Россия. 4 апр. 1969.

[109] В обосновании жюри 1969 г. это подано следующим образом: «Проект монумента... привлекает пластической цельностью и поэтическим замыслом. ...все вместе создает торжественно-приподнятое настроение. Идея единства, сплоченности, торжества победы над силами зла выражена взволнованно, с покоряющей силой и теплотой» (*Шульгина*. «На том стоит земля русская»).

[110] Между 1968 и 1988 гг. то и дело обещали скорое строительство, которое, однако, началось лишь в начале 1990-х. См., напр.: *Аршакунин О.* В честь подвига // Псковская правда. 1976. 15 февр. С. 4; И встанет памятник за озером Чудским // Псковская правда. 1977. 26 февр. 1977.

[111] См.: *Nipperdey Th.* Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. S. 529—585. В прошедшие годы появились многочисленные работы на тему «национального монумента». См. представительную работу: *Tacke Ch.* Denkmal im sozialen Raum. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1995; *Alings R.* Monument und Nation. Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal. Berlin; New York, 1996.

[112] См.: Der politische Totenkult. Kriegerdenkmaler in der Moderne / Hg. Koselleck, Jeismann.

[113] В 2001 г. монумент стал конечным пунктом патриотического марафонского забега в годовщину битвы на льду Чудского озера. Забег, в котором приняли участие около 700 человек, состоялся 17 апреля 2001 г.

[114] См.: *Иванов*. Музей Александра Невского.

[115] Там же. С. 19. К экспонатам, касающимся Александра Невского, причисляются среди прочего копия «портрета» работы Павла Корина, историческое полотно художника Гришина под названием «Выезд Александра Невского из Переславля с дружиною в Новгород Великий в 1241 году» и работа «Въезд Александра Невского во Псков после Чудской битвы».

[116] Там же. С. 3.

[117] Там же. С. 28.

[118] Запись от 26 августа 1946 г.; цит. по: *Иванов*. Музей Александра Невского. С. 38.

[119] Указание см.: *Потресов В.* На месте Ледового побоища // Огонек. 1985. № 49. С. 32; Введение // Ледовое побоище. 1242. С. 5.

[120] Крейсер «Александр Невский» был построен в Ленинграде в 1950—1951 гг. из расчета команды в 1270 человек. В 1989 г. корабль был пущен на слом. См. об этом: Боевые корабли России. Художественный альбом. М., 1996. С. 90. Ил.: *Пашуто*. Александр Невский. С. 128 и далее.

[121] Указание см.: *Потресов*. На месте Ледового побоища.

[122] См., напр.: *Епифанов, Федосов*. История СССР. С. 60—61; *Рыбаков и др.* История СССР. С. 89—90; указание «Запомни эту дату!» рядом с описанием битвы на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. находится в: *Голубева, Геллерштейн*. Рассказы по истории СССР для IV класса. С. 24.

[123] См., напр.: *Строков*. Историческая победа на Чудском озере (1982). В год 725-летия битвы на Чудском озере (1967) советское почтовое ведом-

ство выпустило в серии «Третьяковская галерея» марку с репродукцией «портрета» Невского кисти Павла Корина.

[124] Предложение восходило к идее, высказанной членами военно-исторического отделения ленинградского Дома ученых Академии наук в 1955—1956 гг. См. об этом: *Караев Г.Н.* К вопросу о месте Ледового побоища 1242 г. // Ледовое побоище 1242 г. С. 17. Впервые предложение об экспедиции такого рода было подано в 1939 г. сотрудниками ленинградского Военно-исторического музея. См.: Экспедиция ЭПРОНА на месте Ледового побоища // Правда. 1939. 29 янв. (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 49).

[125] *Караев.* К вопросу о месте Ледового побоища 1242 г. С. 27.

[126] К дискуссии о месте битвы см., напр.: *Трусман Б.Ю.* О месте Ледового побоища в 1242 г. // Журнал Министерства народного просвещения за 1884 г. Январь. С. 44—46; *Бунин А.* О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера // Труды X археологического съезда в Риге. М., 1899. Т. 1. С. 214—219; *Тихомиров М.Н.* О месте Ледового побоища // Известия Академии наук СССР. Серия философия. 1950. Т. 7. № 1. С. 88—91 (перепечатка: *Он же.* Древняя Русь. М., 1975. С. 368—374); *Паклар Е.К.* Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 304—316.

[127] Ледовое побоище 1242 г., особ.: *Караев.* Ледовое побоище и его трактовка // Там же. С. 145—166. Еще раньше появились первые результаты исследований, опубликованные отдельными статьями: *Караев.* Новые данные, разъясняющие указания о месте Ледового побоища // Труды отдела древнерусской литературы. 1958. Т. 14. С. 154—158; *Он же.* Новые данные о месте Ледового побоища 1242 года // Военно-исторический журнал. 1959. № 3; *Он же.* Новые данные о месте Ледового побоища // История СССР. 1963. № 6. С. 57 и далее; *Ангарский М.С.* К вопросу о поисках места Ледового побоища // Военно-исторический журнал. 1960. № 6. С. 110—118. После 1966 г. Караев опубликовал ряд научно-популярных книг о своей экспедиции, напр.: К Вороньему камню. Л., 1967; Путем Александра Невского. М., 1970; Загадка Чудского озера. М., 1976 (совместно с А.С. Потресовым).

[128] *Караев.* Ледовое побоище и его трактовка. С. 150—151.

[129] *Бегунов, Клейненберг, Шаскольский.* Письменные источники о Ледовом побоище.

[130] Там же. С 171.

[131] Там же. С. 170.

[132] Там же. С. 171, сноска 5.

[133] «Многие авторы принимали за реальные факты литературные домыслы и украшательство, имеющиеся в тексте Жития Александра Невского» (Там же. С. 173). Слепая вера многих исследователей в дословный текст источников могла бы привести даже к тому, что описываемые в житии чудеса принимались за чистую монету: «Очень часто исследователи обращались к литературному произведению — Житию Александра Невского,

считая его свидетельства абсолютно достоверными... Такое безграничное и слепое доверие историка к своему источнику может неожиданно привести его к признанию достоверности „чудес“» (Там же. С. 174—175). Критика легковерности советских историков в отношении «исторического ядра» рассказов о чудесах в житиях содержится также в появившейся в том же году работе Я.С. Лурье «Критика источника и вероятность известия» (Культура Древней Руси. М., 1966). См.: *Лурье*. Ордынское иго и Александр Невский. С. 127, сноска 66. Лурье счел неудовлетворительными некоторые рассуждения И.П. Шаскольского, например его утверждение, что в случае с фигурой Пелгусия из Жития речь шла об исторической личности (*Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 154). В.Т. Пашуто реагировал на упреки Лурье в реплике: К спорам о достоверности Жития // История СССР. 1974. №. 6. С. 208—209.

[134] М.Н. Тихомиров в своей работе «Издевка над историей» (о сценарии «Русь») подверг критическому разбору сценарий к фильму «Русь / Александр Невский» (См. об этом: гл. 9.4). Бегунов, Клейненберг, Шаскольский указывают на с. 175 также на статью Тихомирова «Сражение на Неве» (см.: Военно-исторический журнал. 1940. № 7), в которой ученый, среди прочего установил, что данные Жития Александра не содержат никаких свидетельств о его действительной наружности. Но и после этого многие исследователи «все еще продолжают слепо верить в буквальную достоверность известий литературного Жития».

[135] См. также: *Бегунов*. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей; *Он же*. К вопросу об изучении Жития Александра Невского; *Он же*. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII века; *Он же*. Александр Невский: Человек и миф; *Он же*. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском; *Он же*. Древнее изображение Александра Невского; Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Бегунов, Кирпичников (зд. различные статьи Бегунова); *Он же*. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. В последней монографии Бегунов обобщает результаты своих исследований истории памяти об Александре Невском (С. 175—191) и одновременно вносит свой вклад в историю памяти об этом святом (С. 17—175).

[136] *Рогов*. Александр Невский и борьба русского народа; *Рошаль*. Некоторые проблемы историзма. См. также работу С.И. Колотиловой об упоминании Александра в источниках XIII столетия: *Колотилова С.И.* Русские источники XIII века об Александре Невском.

[137] См. также: *Nolte*. Drang nach Osten. S. 232. Примечательно, например, что тезис о расстановке «русского» войска в битве на льду Чудского озера в форме «открытой буквы V» смог устоять в советском патриотическом дискурсе в качестве центральной мифемы, несмотря на научную критику. Караев в своем отчете об экспедиции за 1966 г. недвусмысленно утверждает, что ни один исторический источник не сообщает о расстановке русского войска («Ни тот, ни другой источник не сообщает нам, в ка-

ком боевом порядке выступило русское войско»). *Караев.* Ледовое побоище и его трактовка. С. 162. Тем не менее Караев не исключает, что конная дружина была расположена на одном из флангов.

[138] См., напр.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 722ff.; *Iggers, Schulz.* Geschichtswissenschaft. Sp. 946.

[139] См.: *Assmann A.* Gedächtnis, Erinnerung. S. 36—37. (Об отличиях между «функциональной памятью» и «памятью-хранилищем» см. гл. 1.2.) Ассман указывает на то, что историческая наука, представляющая «память-хранилище», редко оставляет за собой последнее слово в споре с функциональной памятью.

[140] Нольте полагает, что Шаскольский и его ученики руководствовались целью подтолкнуть просветительский процесс в историческом дискурсе. См.: *Nolte.* Drang nach Osten. S. 230.

[141] Ibid. S. 232. Нольте ссылается на книгу Роя Медведева: Sowjetbürger in Opposition. Plädoyer für eine sozialistische Demokratie («Советский гражданин в оппозиции. В защиту социалистической демократии») (Hamburg, 1973).

[142] Эта цитата, которая украшает шапку на первой странице журнала «Посев. Общественно-политический журнал» (что выборочно проверено по годовым подшивкам томов 24 (1968); 25 (1969); 31 (1975); 38 (1982)), взята из речи Александра, которую он перед битвой на Неве, согласно Житию, произнес перед своей дружиной. См.: Повесть. С. 191. В 1992 г. редакция «Посева» переместилась в Москву, где журнал и сегодня выходит под тем же традиционным девизом.

12. ПЛЮРАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ (1985—2000)

Новый генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев, инициировав в 1985 г. всеобъемлющую реформу государства и общества, объявив о наступлении новой эры открытости и поступившись монополией партии на истину, отказался от претензий государства на верховенство в трактовке прошлого. Провозгласив перестройку и гласность, Горбачев инициировал общественную дискуссию, в которой очень скоро были высказаны не только противоречивые мнения о неудовлетворительном положении в области политики и экономики, но и суждения об исторических проблемах. Коренной ревизии в ходе этой дискуссии подверглась более всего история Советского Союза: официальные картины Октябрьской революции, правления Сталина и Великой Отечественной войны. Было критически пересмотрено и обращение коммунистических властителей с дореволюционным историческим наследием. Появилась возможность открыто критиковать и принудительное вскрытие раки с мощами Александра Невского большевиками в 1922 г. и перенос его останков в Музей религии и атеизма. Возвращение мощей в Александро-Невскую лавру в июне 1989 г. показало, что Советское государство поступилось своими исключительными правами распоряжаться фигурой Александра Невского и более не хотело или не могло препятствовать плюрализации памяти о нем.

В той мере, в какой в 1985—1991 гг. была демонтирована официальная картина истории СССР и в целом советская идеология, в разных частях СССР усилились, вместе с нарастающими национальными движениями, также и новые дискурсы коллективной идентичности. К 1991 г. стало ясно, что советский проект государства, в котором граждане должны были определяться в первую очередь как члены многонационального «советского народа», потерпел крах. Все меньше людей верило в реформу экономического и политического устройства СССР и все больше видело свое будущее во вновь образовывавшихся независимых национальных государствах.

В республиках Прибалтики и Закавказья, на Украине и в Средней Азии национальные движения обращались к «новому» историческому нарративу и решительно отмежевывались от советской идеи и соответствующей ей картины истории. Затронута этим движением оказалась и Российская Федерация. Распад советской многонациональной империи, глубокий экономический кризис, неоспоримая потеря статуса мировой державы и дискуссия о «белых пятнах» или «темных страницах» советской истории питали в российском обществе потребность в новой исторической ориентации и стремление к новым символам и позитивным идеалам.

Центральную роль в поиске нового структурирующего идентичность исторического нарратива, которому после 1991 г. подошла бы роль государствообразующего, в России сыграла память о дореволюционном прошлом. В этом контексте и память об Александре Невском пережила новый расцвет. Князь XIII в. особенно подходил как «новая» или обновленная фигура коллективной самоидентификации, поскольку он являлся частью официального символического репертуара как до революции, так и в Советском государстве. Большое число публикаций об Александре Невском, множество новых монументальных проектов и празднеств, которыми были встречены 750-летний юбилей битв 1240 и 1242 гг. и 775-я годовщина рождения князя, отпразднованная в 1995 г. в разных городах России, оправдывают определение периода 1985—2000 гг. как еще одной кульминации в его долгой истории памяти. Бросается в глаза разнообразие многочисленных прочтений фигуры Александра Невского. Плюрализация памяти означала возникновение многообразия мнений и ренессанс различных концептов коллективной идентичности в постсоветской России. Так как эти концепты совместимы друг с другом по многим пунктам, отдельные образы Александра Невского следует считать не столько приметами спора конкурирующих дискурсов коллективной идентичности, сколько (в особенности с середины девяностых годов) отражением разных граней нового «патриотического консенсуса».

12.1. Перестройка и история

Горбачев принял политическое управление страной, приближавшейся к самому тяжелому экономическому кризису в своей истории. Он вступил в свою должность с намерением провести реформы политического и экономического устройства СССР. Фун-

даментальным для его «нового мышления» было убеждение, что СССР можно реформировать только после того, как в открытую дискуссию о различных проблемах страны будет вовлечено по возможности больше граждан. Из «инвентарного списка» критики не должна была выпасть ни одна область жизни, в том числе и «белые пятна» официального исторического нарратива[1]. После того как в 1986 г. генеральный секретарь провозгласил новую эру открытости — гласность — и отказ от государственного контроля над средствами массовой информации, в СССР распространилась неизвестная до той поры культура дискуссии. Дебаты об истории, в которых профессиональные историки на первых порах принимали лишь незначительное участие, концентрировались в первую очередь на терроре сталинской эпохи и реабилитации некоторых видных жертв этого времени[2]. После 1989 г. обсуждению были подвергнуты также пакт Молотова—Риббентропа и его секретный дополнительный протокол, советская аннексия Прибалтики и массовое убийство офицеров польской армии в Катыни[3]. Становившиеся достоянием гласности новые факты расшатали официальный советский патриотический образ истории[4].

В ходе критического обновления истории СССР после 1985 г. испытанию было подвергнуто и отношение руководства Советского государства к историческому наследию Киевской Руси и Российской империи. В центре пересмотра находились образы Петра Великого и Ивана Грозного[5]. В конце восьмидесятых годов критика дошла и до образа Александра Невского. При этом интерес общественности был направлен не столько на инструментализацию этой фигуры после 1937 г., сколько на обращение большевиков со святым князем непосредственно после Октябрьской революции и особенно — на принудительное вскрытие раки с мощами Александра и перенос останков в 1922 г.

Переоценка этого события стала возможной также и потому, что коммунистическое руководство после 1985 г. коренным образом изменило свое отношение к Русской православной церкви. Не обращая внимания на сопротивление старых кадров, реформаторы стремились к примирению с руководством церкви. Ярким выражением новой политической линии в отношении церкви стали празднества по случаю 1000-летия крещения Руси в 1988 г., которые Горбачев недвусмысленно приветствовал[6]. Государство снова приняло церковь в качестве действующего лица в историческом дискурсе. С этим было связано также и стремление привлечь церковь

в эпоху кризиса, подобно тому как это было в годы Великой Отечественной войны, для консолидации общества и стабилизации политической системы.

Новое отношение государственного и партийного руководства к церкви оказало непосредственное воздействие на историю памяти Александра Невского. В начале 1989 г. министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев и митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий подписали соглашение о возвращении останков Александра Невского в Троицкий собор Александро-Невской лавры[7].

> Министерство культуры РСФСР в знак уважения чувств граждан Советского Союза, исповедующих православие, передало Ленинградской митрополии останки знаменитого защитника земли Русской, великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского, которого Русская православная церковь глубоко чтит как своего святого и как небесного покровителя города Санкт-Петербурга, Петрограда, Ленинграда[8].

Цитируемое здесь сообщение Министерства культуры маркирует начало плюрализации дискурса об Александре Невском в эпоху перестройки. В соответствии с советским патриотическим образом истории, Александр Невский все еще описывался в официальном документе как военная и политическая фигура («знаменитый защитник земли Русской», «великий князь Владимирский»), его прах именовался «останками», а не «мощами». Одновременно в том же тексте допускалось, что в СССР живут люди, причисляющие себя к православной вере и почитающие Александра «как ...святого и как небесного покровителя города». Этим власти не только признали существование множественной памяти о князе, но и одновременно вернули общине православных христиан СССР часть их истории.

3 июня 1989 г. рака с останками Александра Невского была передана духовенству и торжественно переправлена в Троицкий собор. За семь веков, начиная с первого захоронения князя в 1263 г., это было уже пятым его погребением. В сравнении с первым *translatio* останков в Санкт-Петербург в 1724 г. (см. гл. 5.1) церемония 1989 г. оказалась относительно скромной. Автомобиль с эскортом перевез раку с мощами в лавру, где она была передана духовенству и доставлена траурной процессией в Троицкий собор. В завершение церемонии в главной церкви отслужили литургию[9].

Многочисленные церкви города отметили это событие благодарственными богослужениями. В своей речи министр культуры Мелентьев выразил удовлетворение тем, что «в трудном поиске путей нравственного обновления общества, которым отмечены наши дни, активно участвует церковь»[10]. Митрополит Алексий в своем обращении оценил возвращение мощей как знак хороших отношений государства и церкви[11].

В празднестве 3 июня 1989 г. приняли участие всего несколько сотен жителей Ленинграда[12]. Это показывает, что после более чем семидесяти лет коммунистического владычества значительную часть жителей города мало что связывало с православием и его культом святых мощей. Хотя Александр Невский выступал по-прежнему как один из самых известных русских национальных героев, с почитанием его как православного святого могли соединить себя лишь немногие. То, что возвращение мощей Александра Невского в лавру воспринималось многими жителями города не как звездный час всей мы-группы, но лишь как «большое событие в истории Ленинградской митрополии»[13], давала понять и местная пресса. Александра вернули не городу, а «верующим», как писала, например, газета «Смена»[14]. В «Ленинградской правде» обозначение останков князя как «святыни» взято в кавычки. Газета продолжала оценивать Александра в первую очередь как «мужественного воина, защитника рубежей Отечества, мудрого политика», а его прах — просто как «останки»[15].

Хотя большинство журналистов не могло связать себя с ритуалами православного культа святых, но в их текстах нет ни иронических оттенков, ни критики этой религиозной практики. Подобно Министерству культуры, журналисты, как кажется, примирились с плюрализацией памяти об Александре Невском. «Ленинградская правда» допускает, например, что об Александре можно помнить по-разному, в зависимости от того, считает ли человек себя православным христианином или (атеистом-)патриотом: лавра «станет одним из главных мест паломничества православного мира, памятным местом для всех, кому дороги честь, достоинство и слава Отечества»[16].

Те, кто почитал Александра Невского не как православного святого, а только как «нашего великого предка», приветствовали перенос его праха как акт «исторической справедливости»[17]. Сторонники и критики почитания православных святых были едины в том,

что принудительное вскрытие и перемещение большевиками раки с мощами в 1922 г. следует признать осквернением могилы[18].

Таким образом, и в случае Александра Невского начался поиск новых форм памяти с учетом критической ревизии советского наследия. Этот антикоммунистический или антисоветский консенсус является существенной характеристикой исторических дискуссий эпохи перестройки[19]. Какие новые образы Александра Невского заступят место полученного по наследству советского патриотического дискурса, оставалось пока неясным, как и вопрос о том, какими новыми концептами коллективной идентичности будет замещена дискредитированная идея «советского народа».

12.2. В поисках новой знаковой системы (1985—1993)

В фазу перестройки, начавшуюся со вступлением в должность Горбачева в 1985 г. и закончившуюся выборами в Государственную думу и референдумом о Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г., на территории Советского Союза «произошла системная перемена эпохального масштаба»[20]. Когда 21 декабря 1991 г. президенты России, Белоруссии и Украины положили конец существованию СССР, потерпела крах не только экономическая модель первого социалистического государства, но и идея советского многонационального государства, как и концепт «советского народа». Советский эксперимент опроверг теории, «согласно которым государство может само конструировать национальные идентичности. Самое могущественное государство, используя самый полный в истории идеологический аппарат в течение более чем семи десятилетий, не смогло переформировать исторический материал и возникающие мифы и создать на их основе новую идентичность»[21]. К 1988 г. стал заметен тот факт, что в балтийских республиках, Грузии и Армении у многих нерусских групп населения под «советским верхним слоем» сохранились сильные связи с собственной, автохтонной, культурой и историей. Новые национализмы в западных и южных советских республиках отделяли себя как от советского наследия, так и от всего, что они считали «русским». В марте 1990 г. Литва первой из союзных республик объявила о своей независимости. За ней последовали Эстония, Латвия, Армения и Грузия. Эти события обозначили начало конца СССР.

Сепаратистские устремления новых национальных движений и желание отгородиться от всего «русского» способствовали ренессансу национального дискурса коллективной идентичности и в РСФСР[22]. В «ядре» СССР, где идентификация с союзным государством была традиционно самой прочной, глянец старых советских институций и символов сильно поблек. Уже в июне 1990 г. РСФСР провозгласила государственный суверенитет. Политики-карьеристы из старой номенклатуры, такие как бывший первый секретарь обкома Борис Николаевич Ельцин, выигравший в июне 1991 г. первые свободные выборы и ставший президентом РСФСР, делали теперь ставку на национальную карту. В качестве одного из первых своих действий на новом посту Ельцин запретил коммунистические партийные ячейки в российских государственных учреждениях и объявил бело-сине-красный флаг «новым» российским национальным знаменем.

Распад старого порядка, эрозия советской идеологии и советского исторического нарратива и, наконец, распад СССР привели к осознанию в России потребности в новых символах и новых концептах коллективной идентичности. В дискуссиях о проблемах и будущем развитии страны исторические темы и вопросы играли важную роль. По мере того как интерес к новому пониманию советского прошлого проходил, будучи «делегирован» частным лицам или неправительственной организации «Мемориал», в российском обществе росло ностальгическое любопытство к истории дореволюционной России. Пораженные страшными разоблачениями мифов советской истории и разочарованные результатами «западной» экономической реформы, многие люди все больше стали обращать свой интерес к мнимому блеску царской России и истории Российской империи.

Эта новая «тоска по истории», возможно, объясняет наилучшим образом то возрождение, которое пережила память об Александре Невском в начале девяностых годов в России. Александр Невский был одной из многих фигур среди героев и правителей дореволюционной России, чья популярность резко выросла за время перестройки. Князь XIII в. особенно хорошо подходил в качестве обновленной фигуры самоидентификации для россиян, поскольку на фоне выдающегося положения в дискурсе советского патриотизма его образ было легко актуализировать как «место памяти» (*lieu de mémoire* — термин Пьера Нора). По случаю 750-летних юбилеев битв на Неве и на льду Чудского озера в России вышло необозри-

мое число статей, брошюр и книг, посвященных этим событиям или личности самого Александра Невского[23]. Кроме того, празднование юбилеев во многих городах страны было использовано в качестве повода вспомнить о князе в богослужениях, исторических постановках, памятниках, конференциях и пр.

Рассматривая культуру памяти 1990—1992 гг., в особенности следует отметить многообразие форм воспоминания, большое число акторов и плюрализм образов истории. Наряду с советским или российским правительством свой вклад в праздничную и мемориальную программу вносили администрации городов и регионов, Русская православная церковь, военные, а также общественные группы, объединения и ученые. При этом большинство действий, кажется, не являлось спланированными «сверху», а основывалось на большом числе инициатив «снизу».

Вклад правительств СССР и Российской Федерации в празднования 1990 и 1992 гг. ограничился, в сущности, выпуском двух почтовых блоков тиражом соответственно 1,1 млн. и 0,9 млн. экземпляров[24]. В то время как почтовый блок 1990 г. украшал росчерк «Почта СССР», почтовый блок 1992 г. вышел с надписью «Россия» и вошел в почтовую историю Российской Федерации под пятым номером постсоветского времени. На обоих блоках изображены сцены битв. Дополнительным украшением блока 1990 г. служит деталь ордена Александра Невского 1942 г. — противовес изображению новгородского войска в иконописном стиле. На обоих блоках Александр Невский представлен военным героем. Это не только соответствовало поводам исторических юбилеев 1990 и 1992 гг., но и отвечало образу этой исторической фигуры в советском патриотическом дискурсе. Иллюстративная цитата военного ордена 1942 г. служила одновременно оптической связкой между событием 1240 г. и повествованием о Великой Отечественной войне. Поставленные рядом, два почтовых блока особенно наглядно обозначают тот факт, что Российская Федерация в 1991 г. стала не только юридическим, но и символическим наследником СССР[25].

Кроме правительств Советского Союза и Российской Федерации, в 1990 и 1992 гг. в создании исторической программы памяти участвовали администрации многих российских городов. При этом особенно выделялись на общем фоне Новгород, Псков и Ленинград/Петербург. Центром празднования юбилея Невской битвы стала северная столица[26]. В Ленинграде уже в 1989 г. местным от-

делением Советского фонда культуры был сформирован Комитет по координации праздничной программы. Под председательством историка А.Н. Кирпичникова он взял на себя планирование торжеств, состоявшихся во вторую неделю июля 1990 г. Историк Ю.К. Бегунов, наряду с Кирпичниковым руководивший оформлением городских торжеств, в декабре 1989 г. так сформулировал цель запланированных мероприятий:

> Современная идеологическая функция «идеи Александра Невского» ясна: объединить все здоровые силы нации ради Возрождения России и ее триумфального шествия к демократическому будущему. Нам сегодня нужны Александры Невские, с мечом и в броне, то есть такие, каким был сам святой князь: заступник народа от врагов, от бездуховности, от государственного и нравственного нигилизма[27].

Подобно министру культуры РСФСР Мелентьеву, выступавшему с речью в связи с возвращением мощей Александра Невского в Ленинградскую митрополию, Бегунов в своем докладе выражал надежду на то, что память о князе может послужить нравственному обновлению страны. При этом он рассматривает мы-группу не столько с точки зрения внешней угрозы, но, скорее, с позиций угрозы «бездуховности» и «государственного и нравственного нигилизма». Уже за два года до подписания Беловежского соглашения Советский Союз более не является для Бегунова исходной государственной величиной. Место СССР занимает «Россия», которой он желает «возрождения» и «триумфального шествия в демократическое будущее». Какие «здоровые силы нации» должны способствовать «возрождению» России, можно уточнить, взглянув на список участвовавших в программе праздника 1990 г. учреждений и объединений. Организационный комитет праздника особенно рассчитывал на сотрудничество с православной церковью: было запланировано даже приглашение духовенства из приходов Александра Невского со всего мира[28]. В программу торжеств были включены в качестве участников представители армии и патриотических объединений.

Два главных события в празднованиях июля 1990 г. составили историческое плавание из Новгорода к устью Ижоры, где в 1240 г. состоялась битва со шведами, и торжественное возвращение церкви собора Александра Невского в Усть-Ижоре. Плавание на лодках

с историческим снаряжением и в средневековых одеждах организовали члены Ленинградского военно-исторического клуба. Энтузиасты-историки отремонтировали старый парусник, сшили костюмы, смастерили щиты, выковали кольчуги. Их плавание из Новгорода через Старую Ладогу до Усть-Ижоры длилось более недели и сопровождалось иллюстрированными репортажами в «Известиях» и газете Министерства обороны «Красная звезда»[29].

Маршрут заканчивался на поле, где состоялась битва 1240 г. и где с XVIII в. находится церковь Александра Невского. Она была закрыта в 1934 г. и затем использовалась в качестве склада[30]. В 1987 г. группа добровольцев «Невская битва» при финансовой поддержке администрации города решительно принялась за реставрацию церковной постройки. 13 июля 1990 г. было торжественно отпраздновано возвращение здания Русской православной церкви[31]. В церемонии принимали участие наряду с духовенством также и представители Вооруженных сил. Четыреста ветеранов Великой Отечественной войны еще прежде объединились в «Клуб кавалеров ордена Александра Невского при Совете ветеранов»[32]. Обладатели ордена чувствовали себя ответственными за наследие Александра Невского и поставили себе целью внести вклад в «патриотическое воспитание молодежи»[33]. Во время торжеств 13 июля 1990 г. в Усть-Ижоре делегация от этого объединения получила задание: на корабле с военным эскортом перевезти ящик с землей с места сражения 1240 г. в Александро-Невскую лавру, где он был принят на сохранение как святыня[34].

Мемориальная культура Александра Невского в эпоху перестройки развивалась весьма причудливым образом и приводила к удивительным сочетаниям. Бывшие командиры Красной армии, получившие орден Александра Невского во время Великой Отечественной войны за заслуги в войне с вермахтом, в 1990 г., очевидно, восприняли как честь возможность участвовать в транспортировке священной земли с поля, где одержал победу патрон их ордена, в один из духовных центров сакральной общности русского православия. Ни военные, ни духовенство, по всей видимости, не видели проблемы в слиянии традиций Советской армии и православной церкви. Напротив: на вопрос, почему Русская православная церковь почитает Александра Невского как святого, ректор Православной духовной академии в Ленинграде Владимир Сорокин в 1990 г. ответил в интервью журналу «Наука и религия» в точном соответствии с советским патриотическим кредо:

> Для меня Александр Невский прежде всего связан с патриотизмом... Александр Невский конкретными делами своими, служением Руси представлен нашей народной памятью, церковью как Человек Отечества. Он делал все возможное, чтобы оградить Отчизну от вторжения извне... Для него был дорог язык, песни, архитектурные сооружения, иконы, обряды, церковная музыка[35].

Ни одним словом это духовное лицо не упоминает заслуг князя перед православием, стойкость его веры, поддержку небесных сил в земных делах и чудеса, связываемые с ним и его могилой. Он ссылается не на Житие святого, а на фильм Эйзенштейна. Сорокин называет исполнителя главной роли, Николая Черкасова, «выдающимся актером» и цитирует заключительный монолог из фильма как историческое высказывание.

Однако элементы церковно-сакральной памяти об Александре Невском, отсутствующие в высказываниях высшего духовенства, служат в качестве придатка к дискурсу памяти Вооруженных сил. Так, например, корреспондент газеты Министерства обороны «Красная звезда» в рассказе о торжествах 13 июля 1990 г. ссылается не только на Житие Александра, но называет также и участие церкви в праздничной программе «принципиально важным»[36].

Наряду с историческими и патриотическими объединениями, православной церковью и ветеранами армии летом 1990 г. в формировании программы памяти в Ленинграде участвовали научные учреждения и руководство города. 24 июля в Государственном Эрмитаже была открыта выставка на тему «Александр Невский в памятниках русской культуры»[37]. 28 и 29 июня в Государственном музее этнографии народов СССР состоялась международная конференция «Александр Невский и его эпоха». Доклады конференции, в которой принимали участие историки из России, Германии и Швеции, были изданы в 1995 г.[38]. Этот сборник является не только важным вкладом в научный дискурс об Александре Невском, некоторые статьи интересны и с точки зрения постсоветской истории его памяти.

В предисловии к изданию, написанном тогдашним мэром города А.А. Собчаком, например, Александр Невский — не только важная исходная точка в дискурсе о «возрождающейся России», но герой истории Ленинграда/Санкт-Петербурга[39], основополагающая фигура в региональном дискурсе коллективной идентичности[40]. В своей статье Собчак превозносил усилия князя XIII столетия к со-

зданию «евро-балтийского единства с участием Руси». Он подчеркивал, что Петербург и лавра, где хранятся как мощи князя, так и ковчег с благословленной землей с устья Ижоры, могут прославиться как «хранители национальных святынь». Мэр предлагал задуматься над тем, чтобы день 12 сентября (30 августа ст. ст.), «день перенесения останков» Александра, отмечался не только как церковный, но и «общегородской» и даже «общероссийский» праздник. Он предлагает подумать и над учреждением городской медали Александра Невского — третьей по счету награды имени Александра Невского. Этим знаком отличия следовало бы награждать горожан «за их выдающиеся труды на благо С.-Петербурга», согласно идее мэра. С сожалением Собчак упомянул, что в Петербурге нет ни одного монумента «покровителю города». «Идеальным» местом для такого памятника он считал площадь перед входом в лавру[41].

Два первых предложения Собчака не были воплощены в жизнь. А памятник Александру Невскому на площади его имени был открыт только 9 мая 2002 г. (см. гл. 1). В 1990 г. городская администрация вынуждена была ограничиться открытием на станции метро «Площадь Александра Невского» настенной мозаики под названием «Битва Александра Невского» работы художника А.К. Быстрова[42]. То, что художник в качестве мотива для своей работы выбрал битву на льду Чудского озера, а не сражение со шведами, в 1990 г. не очень обеспокоило комитет по празднованию юбилея. Быстров в своей мозаике изображает два конных войска, наскакивающих друг на друга на покрытом льдом озере. «Русская» армия на левой стороне несет в качестве отличительного знака знамя с ликом Христа и икону Св. Георгия, войско ордена — белое знамя с красным (!) крестом. В середине изображения можно видеть поединок Александра Невского с магистром ордена — цитата из фильма Эйзенштейна. В центре стоит Александр Невский, верхом в золотых доспехах, с поднятым двумя руками мечом для нанесения решающего удара по врагу. Выбор этого мотива, цитата из фильма, изображение Александра Невского как сражающегося полководца, а также отдельные стилевые элементы показывают, что мозаика Быстрова еще всем обязана советскому патриотическому дискурсу об Александре Невском. Адаптация проекта к потребностям «новой эпохи» была, очевидно, или невозможна, или еще нежелательна.

В то время как в Ленинграде/Санкт-Петербурге в начале девяностых годов только шла речь о планах памятника Александру Невскому, во Пскове, как и в Новгороде, уже праздновали открытие

монументов в его честь. После оживленных дебатов о псковском памятнике в конце восьмидесятых годов, через некоторое время на берегу Чудского озера начались строительные работы (см. гл. 11.4). В эпоху гласности в местной псковской прессе появились возражения против проекта из-за его «банальности», монументализма, огромных расходов, а также по причине сомнительности самого принятия решения в конкурсе 1968 г. Отдельные критики требовали объявления нового, демократического и прозрачного конкурса[43]. В одной из статей в псковском «Молодом ленинце» Д. Казеннов возмущается тем, что дискуссия об установке памятника в 1987 г. проходила не во Пскове, а в Москве:

> Раньше в таких случаях прикрывались презрительным «народ не поймет», но теперь-то ведь другое время. Битва на Чудском озере — яркое событие в жизни русского народа, поэтому недопустимо лишать слова тех, ради которых и свершилось само сражение. Пусть специалисты уступят место на трибуне псковичам[44].

Эта позиция примечательна по двум причинам. Во-первых, она может считаться еще одним примером использования в конце восьмидесятых годов дискурса об Александре Невском для критики политической системы Советского Союза, в данном случае — централизованного процесса принятия решений. Во-вторых, эту позицию можно считать свидетельством регионализации памяти об Александре Невском. Псков, Ленинград и Новгород выдвигали все больше веских претензий на «своего» героя и (заново) интегрировали эту фигуру в соответствующие региональные дискурсы коллективной идентичности.

Когда в апреле 1992 г. на берегу Чудского озера праздновался 750-летний юбилей Ледового побоища, огромный бронзовый монумент на горе Соколихе еще не был достроен. Несмотря на это, 5 апреля 1992 г. на месте сражения прошли разнообразные памятные мероприятия. Как уже за два года до того в Ленинграде, здесь нашлась группа любителей истории, разыгравших бои 1242 г. в костюмах на «настоящем месте действия». Также и православное духовенство в 1992 г. внесло свой вклад в праздничную программу, установив крест в память о битве 1242 г. вблизи Чудского озера, у местечка Самовла[45]. В конце концов монументальное сооружение в память об Александре Невском на Чудском озере было открыто для общественности 24 июля 1993 г.

В 1995 г. новый памятник Александру Невскому был открыт и в Новгороде. Каменный бюст на вокзальной площади был третьим памятником князю в городе на Волхове[46]. Эта статуя также символизирует начало новой эпохи, причем в двух перспективах. Во-первых, она является знаком обособления от советской эпохи: место новому монументу древнего героя должен был уступить бюст Карла Маркса. Надпись на памятнике «Александр Невский — Князь Новгородский» выдает стремление утвердить этого героя как историческую величину регионального значения в проекте городской коллективной идентичности. Именно в Новгороде, где городская дума в январе 1998 г. постановила вернуть городу историческое имя «Великий Новгород», особенно четко прослеживается эта связь регионализма и местного исторического дискурса[47].

Наряду с институционализированными акторами — правительством, церковью и Вооруженными силами, городскими администрациями Ленинграда, Пскова и Новгорода — в полифоничном дискурсе об Александре Невском в 1990 и 1992 гг. участвовала и поднявшая голову политическая общественность. Обретенная свобода мнений открыла возможность различным группам и лицам принять участие в дискуссиях о прошлом. На исторический дискурс при этом воздействовал не только окончательный расчет с советским прошлым и поиски новых формирующих идентичность символов в дореволюционной эпохе. Одновременно этот дискурс отражал потребность найти в истории аналогии современному экономическому и политическому положению страны и ответы на вопросы «Кто мы?» и «Кто такие другие?». Едва ли удивительно, что Александр Невский, стилизованный в советском патриотическом дискурсе послевоенного времени под фигуру антизападного героя, превозносился как светлая историческая личность прежде всего политическими кругами, скептически относившимися к курсу России в направлении демократии и рыночной экономики или решительно отвергавшими западные модели развития для своей страны. В этом пункте пересекались программы коммунистов и националистов[48].

Многочисленные авторы статей об Александре Невском, издававшихся по случаю юбилея, полагали, что смогут найти в прошлом аналоги знакомых им современных проблем — политические раздоры внутри общества, распад государства и агрессию Запада: «Боже, до чего же знакомо всё»[49], — разногласия между князьями и притязания «иноземцев» на русскую территорию[50]. В отличие от

Александра Невского, «нынешние спасители» больше думали о себе, чем о Родине, жаловался Ю. Рубцов в газете «Красная звезда»[51]. Следствиями распространившегося эгоизма были конфликты между соотечественниками и сепаратистские войны на территории бывшего СССР. Николай Белан полагал, что и 750 лет спустя после битвы на льду Чудского озера России продолжали угрожать внешние враги:

> Современные «ливонцы» тоже пытаются растащить их [наши богатства]... История справедлива, повторяется... Найдут свой бесславный конец и те, кто беззастенчиво грабит народ... ибо по тонкому льду ходят[52].

Многие авторы предостерегали от того, чтобы полагаться на помощь Запада в решении стоявших перед страной проблем: «Каждый раз, оказываясь перед лицом беды, наша страна надеялась на помощь и поддержку своих западных соседей, но никогда эти надежды не оправдывались»[53]. Уже в XIII в., в пору тяжелейших трудностей, Запад наносил России удары в спину, согласно мнению Гринева, опубликованному в «Литературной России». В националистической газете «День» это скептическое отношение превратилось в открытое отвращение к Западу:

> Сегодня нас разоряют, унижают, членят на части, оскорбляют наши святыни, умертвляют любимых стариков, растлевают любимых дочерей. Нас обворовывают, оплевывают наши храмы, музеи, школы. Нам говорят пришедшие на нас: «Вы быдло, рабы, скоты. Нет у вас культуры, трудолюбия, чести, нет у вас великих мужей, ваша история — это яма тьмы». Мы в оковах, мы умираем. — Но не умрем! ... Мы начали наше сопротивление... И все, что есть в нашей русской истории светлого, бескорыстного, жертвенного, все служит сегодня нашему русскому сопротивлению. И Невский князь с нами... Все сатанинские сонмища, налетевшие на Россию, исчахнут, упадут, уйдут под лед...[54]

Такие воинственные антизападные высказывания в поле дискурса об Александре Невском все же составляли исключения в позднеперестроечное время, однако латентные антизападничество или антикатолицизм можно найти во многих текстах этого времени[55]. Это соответствует росту значимости религиозного аспекта и

тенденции все более отчетливо описывать мы-группу как сообщество православных христиан. Так, например, Белан упоминает в газете «Советская Россия», что Александр одержал победу на Чудском озере с Божьей помощью[56]. Заново открываемые элементы церковно-сакральной памяти в дискурсе начала девяностых годов сливались воедино с деталями советского патриотического наследия, превращаясь в странную амальгаму. В газете «День», например, над статьей о битве на льду Чудского озера можно найти иконописное изображение Александра Невского и под ним — текст торжественной песни «Вставайте, люди русские» из исторического фильма 1938 г.[57].

Многие авторы 1990 и 1992 гг. были едины в том, что молодежь может учиться «у нашего славного предка [Александра] патриотизму, любви к отчизне»[58]. О какой отчизне здесь шла речь, об СССР, об РСФСР или о современной Российской Федерации, остается в большинстве текстов без объяснений. Многие авторы в 1992 г. еще не примирились с распадом союзного государства и потерей независимых теперь союзных республик[59].

12.3. Патриотический консенсус в эпоху постмодерна (1993—2000)

В декабре 1993 г. граждане Российской Федерации проголосовали за новую Конституцию и выбрали Государственную думу. Оба эти события можно рассматривать как заключительные этапы перестройки в стране. Российская Федерация вступила в символическое наследство как дореволюционной империи, так и советского союзного государства[60]. Правительство объявило имперского двуглавого орла государственным гербом, утвердило изображение царя на новых рублевых купюрах и таким образом подтвердило государственную преемственность между Российской империей и Российской Федерацией[61]. Одновременно позитивно окрашенные символы Советского Союза были интегрированы в новый знаковый репертуар государства[62]. 7 ноября, так же как 1 и 9 мая, остались законными праздничными днями[63], светящиеся красные звезды не исчезли с башен Московского Кремля, от выноса тела Ленина и закрытия Мавзолея на Красной площади воздержались, гимн СССР в январе 2001 г. был объявлен официальным гимном России[64]. В качестве формирующих идентичность повествований госу-

дарство переняло мифологический нарратив Великой Отечественной войны и культ космоса[65]. При выборе символов из дореволюционного времени российское правительство останавливалось на личностях, воплощавших величие Российской империи[66]. Зубкова и Куприянов расценивают обращение к «сильным личностям» при Ельцине как индикатор слабости президента: «Авторитет сильных личностей прошлого используется окружением президента для поддержания престижа личной власти Ельцина, которая получает, таким образом, некую историческую преемственность и историческую (и не только политическую) легитимность»[67].

Как возвращение к дореволюционному наследию может быть расценено и сотрудничество государства с Русской православной церковью. Православие, однако, при этом не объявлялось государственной идеологией или религией, так как это противоречило бы светскому характеру государства. Тем не менее федеральный Закон о свободе совести и религиозных организациях, который вступил в силу в октябре 1997 г., подчеркивает «особую роль православия в истории России в отношении ее духовного и культурного возникновения и развития»[68]. Российское правительство объявило Пасху и Рождество официальными праздничными днями. С этого момента обряды церковного освящения являются обязательной составной частью государственных церемоний, и политики ожидают выгод для своего имиджа от участия в православных богослужениях[69]. Восстановление храма Христа Спасителя в Москве как национальный проект поддерживалось политиками высокого ранга, прежде всего мэром Юрием Лужковым[70].

Насколько сильно православие было укоренено среди населения России, оценить сложно. Опросы середины девяностых годов показывают, что ни одна институция в России не располагала таким большим доверием, как православная церковь[71]. 70% опрошенных полагали, что церкви принадлежит важная роль в поднятии морального уровня молодежи[72]. Однако в начале девяностых только 16% причисляли себя к «православным», из них едва ли не половина никогда не переступала порога церкви. Данлоп предполагает, что в это время прилагательное «православный» использовалось многими русскими как синоним «русского»[73].

То, что многие граждане новой России имели крайне размытое представление о том, что значит быть «россиянином», с середины девяностых годов, видимо, стало заботить президентскую администрацию Бориса Ельцина. В июне 1996 г. правительственная «Рос-

сийская газета» объявила всероссийский конкурс на создание «идеи для России». Как заявил Борис Ельцин, «России нужна общенациональная идея, которая сплачивала бы нацию, объединяла и поднимала людей на возрождение России»[74]. Призыв, в котором западные наблюдатели видели тоску по утерянной советской идеологии, получил в России большой отклик. Победителем конкурса был выбран Гурий Судаков из Вологды. В своей статье «Шесть принципов русскости» он разграничивает «русский» и «западный» характеры[75].

Способствовал ли этот конкурс укреплению патриотизма, неясно. Важнее было то, что в середине девяностых годов учителя истории смогли прибегнуть к невиданному доселе разнообразию учебных материалов. Все же, в отличие от других постсоветских государств, правительство Российской Федерации никому не поручило новое изложение «собственной» истории[76] — возможно, это один из знаков того, что новый режим придавал значение максимально достижимой непрерывности исторического нарратива. Существом «национальной идеи» в учебниках по отечественной истории, доступных в российской книготорговле и подвергнутых сравнительному анализу Зубковой и Куприяновым, была не столько идея «русского этноса», сколько идея «русского государства»[77].

После окончания перестройки Российское государство не располагало монопольным положением в построении дискурса о «собственной» истории и концепта коллективной идентичности. Наряду с институциями федерального правительства на культурную память и дискуссию о представлениях мы-группы пытались повлиять также церковь, регионы и оппозиционные политические силы. Образы истории отдельных действующих лиц отличались друг от друга по многим пунктам, что позволяет сделать вывод о существовании отклоняющихся друг от друга концептов коллективной идентичности. Отдельные концепты не обязательно конкурировали, но часто совмещались друг с другом. Например, житель Новгорода связывает себя как со своим родным городом, так и с православной церковью, каким-либо политическим движением и Российской Федерацией. Символические фигуры, которые в различных дискурсах коллективной идентичности играют роль, подобную роли Александра Невского, могут при синтезе отдельных концепций даже брать на себя важную связующую функцию.

Те, кто наблюдал за политическим и общественным развитием в России в середине девяностых годов, обнаружили признаки сбли-

жения различных дискурсов коллективной идентичности. Герхард Симон назвал результат этого процесса «патриотическим консенсусом»[78]. Проект общности «патриотического консенсуса», с точки зрения Симона, питается славянофильскими традициями XIX в. и в то же время использует советское наследие. Общим знаменателем является убежденность в том, что Россия как великая мировая держава представляет собой центр особой цивилизации[79]. В средоточии находится представление о сильном патриархальном государстве, носителем которого является «российская нация»[80]. Нация, с одной стороны, видится как (полиэтническая) общность граждан государства[81], с другой стороны, существует общее мнение о том, что группа русских является доминирующей в языковом, культурном и политическом отношении. Наряду с государством у сторонников «патриотического консенсуса» самый большой авторитет имеют те институции, которые символизируют величие и мощь, в особенности армия и церковь[82]. В то время как мы-группа в годы перестройки и гласности (1985—1993) определялась скорее диахронно, отграничиваясь от собственного советского прошлого, в концепте общности «патриотического консенсуса» значение синхронного разграничения с внешним миром снова усилилось. Два важных образа «другого» представляли собой отныне «Запад» (прежде всего США)[83] и «черные», люди южного происхождения и исламской веры, провозглашенные «внутренними врагами», особенно в контексте войны с Чечней[84]. В концепте общности «патриотического консенсуса» сплавлялось русское наследие с советским — в новую «национальную мифологию» (по Майклу Урбану), которая лежит в основе «русско-советской смешанной идентичности»[85]. Насколько глубоко картина мира этой национальной мифологии была укоренена в сознании населения во второй половине 1990-х гг., показывает обращение к российским маркетинговым стратегиям тех лет. Специалисты по рекламе уже давно признали, что фигуры Петра I, Степана Разина, Чапаева и Александра Невского обладают высоким позитивным эффектом узнавания как лейблы (labels) и позволяют использовать ностальгические мечты многих потребителей для сбыта сигарет, пива и других пищевых продуктов[86].

По завершении реструктуризации политических институтов Российское государство вновь более отчетливо проявило себя как актор в дискурсе об Александре Невском. В то время как юбилейные торжества 1990 и 1992 гг. были отмечены многочисленными

инициативами «снизу», правительство Российской Федерации после 1993 г. яснее заявило о своих притязаниях на контроль над памятью об этом герое. Особенно очевидным это стало 6 января 1995 г., когда Ельцин распорядился о праздновании 30 мая того же года 775-й годовщины со дня рождения Александра Невского[87]. Указанию президента последовали Переславль-Залесский, Новгород, Псков и Санкт-Петербург, которые встретили этот памятный день под девизом «Венок славы Александру Невскому». При этом не имело значения, что среди исследователей нет единого мнения о точной дате рождения Александра Невского[88]. Еще менее вызывал беспокойство вопрос о том, что в России нет традиции празднования дней рождения этого князя и святого[89]. Традиционными праздничными днями были 23 ноября (ст. ст.), день его погребения во Владимире, и 30 августа (ст. ст.), день перенесения его мощей в Санкт-Петербург. В советскую эпоху почитались дни 5 апреля и 15 июля, годовщины двух важных битв Александра.

«Открытие» дня рождения Александра Невского в 1995 г. связано, очевидно, с тем, что в мае того же года по всей стране проходило празднование 50-летия победы в Великой Отечественной войне. Память об Александре Невском после войны установилась как неизменная составная часть дискурса о 1941—1945 гг. (см. гл. 11.1 и 11.3). Так представился способ расширить календарь памятных дат мая 1995 г. днем рождения Александра Невского — еще одним «большим» историческим юбилеем. Совпадение памятных дат один из членов государственного комитета по проведению праздничных торжеств Юрий Мелентьев представил как символичное, как счастливый случай[90]. Администрация президента искусно сумела использовать этот «случай» для своей политики исторической памяти.

Посещая 3 мая 1995 г. только что выстроенный мемориал Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве, Борис Ельцин передал музею в качестве подарка массивный меч более чем двухметровой длины. Эфес меча украшен изображением Александра Невского (ил. 38). На клинке выгравированы известные слова, произнесенные героем фильма Эйзенштейна: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!» Работа тульских кузнецов экспонируется сегодня в музее в витрине зала Славы. Подарок Ельцина отражает тот факт, что своей политикой исторической памяти президент был обязан как дореволюционному, так и советскому наследию. В соответствии с советской традицией он видел фигуру

Александра Невского как элемент дискурса памяти о Великой Отечественной войне[91].

Призыву президента к празднованию по всей стране 775-й годовщины со дня рождения князя последовали многочисленные учреждения и организации. В Москве прошел конкурс детского рисунка, результаты которого были представлены горожанам на выставке «Блистающий славой и добродетелью»[92]. Ю. Мелентьев открыл в детских рисунках «тот исторический оптимизм, который помогает им расти настоящими гражданами и патриотами России»[93]. Центром празднеств в 1995 г. стала, однако, отнюдь не Москва, а Псков. Там торжественно отмечалось окончание реставрации церкви Александра Невского. Кроме того, у завершенного к тому моменту памятника Александру Невскому на берегу Чудского озера состоялся «массовый патриотический митинг»[94]. В Новгороде и Иванове заседали научные конференции в память об Александре Невском[95], многие газеты и журналы опубликовали памятные статьи по случаю «дня рождения», издательства использовали этот повод для выпуска новыми тиражами исторической и патриотической литературы[96]. Этот день рождения и в последующие годы пользовался большой популярностью. Так, например, город Владимир в 2000 г. отпраздновал 780-й день рождения князя военным парадом и исполнением патриотической музыки.

В середине девяностых годов Александр Невский был твердо укоренен в российской культурной памяти. В 1994 г. в одном из опросов его причислили к «наиболее выдающимся деятелям “всех времен и народов”»[97]. История жизни Александра является излюбленным сюжетом современной детской и юношеской литературы[98]; да и среди взрослых читателей по-прежнему сохраняется, как кажется, большой спрос на исторические романы об этом герое[99].

Его популярности определенно способствует также и то заметное положение, которое он занимает в базовых школьных учебниках по истории России[100]. Нарисованный там с санкции Министерства образования РФ образ героя отличается лишь частично от того, что присутствовал в работах эпохи советского патриотизма. В центре, как прежде, находятся военные успехи и военное искусство Александра[101]. Четыре пятых текста в учебнике Ворожейкиной и др. посвящены битве на льду Чудского озера, которая представлена на внутренней стороне обложки учебника в числе одного из двенадцати ключевых эпизодов отечественной истории[102]. В советской патриотической традиции соответствующая глава иллюстрирова-

лась известным «портретом» Александра работы Павла Корина 1942—1943 гг. Известная практика цитирования монолога Александра из фильма Эйзенштейна как аутентичного высказывания князя сохраняется в сегодняшней учебной литературе[103]. Наконец, авторы школьного учебника четко разграничивают средневековую мы-группу и объединенный «западный», католический лагерь[104]. Это вполне соответствует латентному антизападничеству «патриотического консенсуса».

Образ Александра Невского в современных российских учебниках отличается, однако, рядом новых нюансов. Во-первых, бросается в глаза рост значимости личности Александра по сравнению с «народом». После смерти Сталина и реабилитации Покровского школьные учебники в шестидесятые годы стали сильнее подчеркивать значение «масс» в историческом процессе сравнительно с отдельной личностью. То повышенное внимание, которое сегодня уделяется Александру Невскому в российских школьных учебниках истории, указывает на возникновение противоположной тенденции. В то время как учебник 1962 г. еще писал о «победе русского *народа* под предводительством Александра Невского»[105], учебник 1997 г. представляет то же событие противоположным образом — как «славную победу» *Александра Невского* и «возглавляемого им войска»[106].

При этом Александр Невский представлен школьникам не только как полководец, но вдобавок и как большой патриот, который более всего думал о русской земле[107]. Тот факт, что он, будучи князем, принадлежал к социальной верхушке, в современных школьных учебниках больше не относится к его недостаткам. Подчеркивается, что Александр как великий князь был сильным и безжалостным правителем, что его политика проводилась жестокими методами, несмотря на внутриполитическое сопротивление. А.Н. Сахаров упоминает, например, без критических интонаций, что Александр в 1257—1259 гг. помогал монгольским завоевателям подавить новгородское восстание, направленное против переписи населения и обложения данью[108]. Александр, по словам автора, осознавал, что Русь к этому времени еще не была в состоянии сбросить иго Орды. А вот о том, что Александр в 1252 г. занял великокняжеский престол с помощью монголов, он не упоминает вовсе[109].

Во-вторых, на фоне растущего значения православия как элемента коллективной идентичности в современной России вряд ли может удивить тот факт, что при изображении Александра Невско-

го в российских учебниках истории для школ вновь уделяется большое внимание истории церкви. Сахаров, например, считает необходимым упомянуть, что во времена Александра Невского в Сарае была основана православная епархия: «Она обслуживала религиозные потребности русских людей, которых немало скопилось в Орде»[110].

В-третьих, распад СССР оставил следы в школьных учебниках постсоветского времени. Героические дела Александра подаются теперь не под заголовком «Борьба русского народа и народов Прибалтики со шведскими и немецкими феодалами»[111], а служат частью повествования о покорении и порабощении Руси монголами[112]. Таким образом, Александр Невский был возвращен в рамочное повествование национального дискурса XIX столетия.

В меняющемся контексте внутри повествования об Александре Невском вновь выросло значение завоевателей с Востока как образа врага. При этом заметно, что враги с Запада и с Востока теперь все чаще описываются как религиозные сообщества — «крестоносцы» или «мусульмане»[113]. Это может быть расценено как знак того, что русская мы-группа в современных дискурсах коллективной идентичности часто характеризуется как конфессиональная группа православных христиан.

В этом пункте образ Александра Невского из современной школьной литературы соприкасается с его изображением в христианско-сакральном дискурсе, который сегодня снова может свободно развиваться после многих лет подавления и маргинализации. Первым шагом к оживлению православной традиции памяти было переиздание религиозных трудов дореволюционных авторов. Здесь следует отметить в первую очередь новую публикацию биографии Невского работы М. Хитрова 1893 г.[114]. Одновременно церковь уже несколько лет делает попытки приблизить население к практикам православного почитания святых и реликвий и объяснить значимость Александра Невского как святого[115]. В текстах церковно-сакрального дискурса Александр называется не военным героем, а именуется как «благоверный великий князь Александр Невский, в схиме Алексий»[116] и почитается «ангелом-хранителем Русской земли»[117]. Не военным талантом выделялся Александр, но «с ранних лет отличался разумом, величественной красотой, правдолюбием, сострадательностью и благочестием»[118]. В борьбе со шведами Александр «уповал» на «помощь Божию»[119], а перед битвой на Неве «долго молился в храме Святой Софии»[120]. Как князю Новгородскому и

великому князю Владимирскому, ему выпало не только защищать Русь от «корыстных соседей» — шведов, немцев, литовцев, — он явил себя и «твердым защитником православия перед лицом идолопоклонников и католиков»[121]. Особое место в церковно-сакральном дискурсе о Невском находит тот факт, что князь незадолго до смерти принял монашество и умер в Городце как схимник Алексий[122]. Так началась небесная жизнь Александра, в святости которого после «чудес духовной грамоты» не могло остаться никаких сомнений[123]. Вера в «многообразные чудотворения» Александра и его «нетленные мощи» сегодня вновь относится к центральным элементам почитания князя как святого[124]. В обращенной к святому молитве, в которой верующие описываются как часть мы-группы «православных христиан»[125], к Александру взывают как к ходатаю за это сообщество перед Господним престолом[126]:

> Ты, оставив тленный венец царства земнаго, избрал еси безмолвное житие, и ныне, праведно венцем нетленным увенчанный, на небесех царствуеши, исходатайствуй и нам, смиренно молим тя, житие тихое и безмятежное, и к вечному царствию шествие неуклонное твоим предстательством устрой нам[127].

Память о святом почитается в церковные праздники 23 ноября и 30 августа (ст. ст.)[128]. Центром религиозного культа Александра Невского опять является Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, где установлен его гроб. Перенос мощей из Владимира в Петербург в церковно-сакральном дискурсе служит центральным событием истории памяти святого, место нахождения гроба наряду с самим праздником является в религиозном восприятии одной из двух «агиографических координат»[129].

То, что перезахоронение в начале XVIII в. означало не только перенесение гроба, но в то же время важный рубеж в религиозной истории памяти о святом, в церковных кругах не рассматривается как проблема. Носители церковно-сакрального дискурса сегодня, как представляется, хотели бы оставаться и в до-, и в послепетровской традициях. Это предположение напрашивается при взгляде на многообразие иконописных изображений святого, которые сегодня предлагаются для продажи в церковных лавках в России. Среди них можно найти Александра в образе монаха — в соответствии с самой древней из известных икон XVI в. (см. гл. 4.2, ил. 39)[130] — и такие,

на которых святой изображен в облачении российского императора (см. гл. 5.1, ил. 40) или в одеждах великого князя Московского (см. гл. 4.3, ил. 41). Наконец, распространены иконы, на которых элементы династически-императорского, национального и советского патриотического дискурсов сливаются в единый новый образ святого и представляют Александра грозным князем в императорской мантии с поднятым мечом в правой руке и со свитком — в левой (ил. 42). Эту множественность образов, казалось бы противоречащую строгой теории передачи прообраза, принятой в православном учении иконописи, нелегко объяснить. С одной стороны, ее можно истолковать как свидетельство потери ориентиров внутри православного сообщества верующих. С другой стороны, описанный здесь последний тип иконы можно интерпретировать как образное выражение синтеза различных концепций коллективной идентичности в соответствии с «патриотическим консенсусом».

Сохранение памяти об Александре Невском в постсоветской России — функция различных акторов. Наряду с правительством Российской Федерации в дискурсе о средневековом князе участвуют администрации Новгорода, Пскова и Санкт-Петербурга, а также Русская православная церковь. Отдельные образы Александра Невского — полководца и патриота, местного князя и небесного покровителя — отвечают различным концептам коллективной идентичности: государственно-национальному, региональному и церковно-сакральному. Эти три концепта не конкурируют, но, напротив, взаимно дополняют друг друга. В качестве коллективного символа Александр Невский берет на себя весьма важную связующую функцию. Герой Невской битвы является идеальной интегративной фигурой в смысле «патриотического консенсуса». Он является одновременно знаком как дореволюционного, так и советского времени. Он репрезентирует обороноспособное государство и авторитарное политическое правление. Его биография подходит для проецирования как антизападничества, так и антиисламизма. В повествовании о его героических делах мы-группа может рассматриваться и как национальная общность русских людей, и как группа православных христиан. По всем этим причинам Александр Невский и сегодня причисляется в России к самым популярным фигурам отечественной истории.

Это проявляется и в том, что его имя используется также российскими стратегами маркетинга как лейбл для сбыта товаров пищевой промышленности. Как петербургский ликеро-водочный за-

вод «Ливиз», так и его псковский конкурент «Псковпищепром» поставляли на рынок водку марок «Александр Невский» и «Князь Александр Невский»[131]. При этом петербургский производитель выбрал в качестве иллюстрации на этикетке орден петровского времени, псковский завод — портрет Невского работы Павла Корина. Это еще раз показывает, что имя «Александр Невский» может пробуждать разнородные ностальгические мечты российских потребителей. Вхождение Александра Невского в мир товаров является совершенно новым феноменом в истории его памяти, который нельзя интерпретировать только лишь как умелую стратегию российских специалистов по рекламе. Вовлечением Александра в рыночные отношения капиталистической России наглядно знаменуется конец использования его как политического инструмента и начало игрового обращения с символическим наследием. Сегодня средневековый богатырь на рекламном плакате в петербургском метро провозглашает: «Наша взяла!» (цитата из фильма Эйзенштейна о Невском), но этот боевой клич больше не относится ни к фашистским завоевателям, ни к шведским феодалам: он обращен к западным конкурентам на рынке сливочного масла (ил. 43). Это послание сознательно обращено к патриотическим чувствам, пытаясь преобразовать антизападные настроения в покупательский спрос. Возможно, даже убежденный русский патриот оценит юмор этого плаката, а западный зритель его не испугается[132].

---

[1] См.: *Hildermeier.* Geschichte der Sowjetunion. S. 1026.

[2] См. об этом также: *Davies.* Perestrojka und Geschichte; Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hg. D. Geyer. Göttingen, 1991.

[3] *Scherrer J.* Das Erbe: Geschichte und Gesellschaftskultur // Rußland unter neuer Führung. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. H.-H. Höhmann, H.-H. Schröder. 2001. S. 22.

[4] Перед лицом всеобщей неуверенности в июне 1988 г. пришлось отменить обязательный экзамен по истории во всех школах страны. Ср.: *Scherrer.* Das Erbe. S. 22.

[5] См.: *Davies.* Perestrojka und Geschichte. S. 34ff.

[6] См.: Ibid. S. 29ff.; *Geyer D.* Perestrojka in der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hg. D. Geyer. S. 10; *Bremer.* Religion und Kirche // Rußland unter neuer Führung. S. 258.

[7] Ср. об этом: Возвращение святыни // Вечерний Ленинград. 1989. 3 июня. С. 1. (Рубрика «Память»); *Богословская Е.* «Святыня» // Ленинградская правда. 1989. 4 июня. № 130 (22572). С. 3; *Репина А.* Святыня возвращена верующим // Смена. 1989. 4 июня. № 121 (19281). С. 3; *Бегунов,*

Сапунов. История мощей и раки. С. 90; *Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...»; *Антонов, Кобак*. Святыни Санкт-Петербурга. С. 37. Фотографии церемонии: Наука и религия. 1990. № 6. С. 36; Вечерний Ленинград. 1989. 3 июня. С. 1; Ленинградская правда. 1989. 4 июня. С. 3; Смена. 1989. 4 июня. С. 3.

[8] Сообщение министра культуры РСФСР цит. по: *Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...»; См. также: *Богословская*. «Святыня».

[9] См.: *Дегтярев А.Я*. Заступник Отечества. 750-летию битвы на Неве посвящается. Л., 1990. С. 13; Возвращение святыни // Вечерний Ленинград.

[10] *Богословская*. «Святыня».

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Возвращение святыни // Вечерний Ленинград.

[14] *Репина*. Святыня возвращается верующим.

[15] *Богословская*. «Святыня».

[16] Там же.

[17] *Лаврук*. Солнце Отечества.

[18] *Кардашов*. Ледовое побоище. С. 7. См. также: *Богословская*. «Святыня»; *Лаврук*. Солнце Отечества; *Дегтярев*. Заступник Отечества. С. 12; *Сарымов А*. «И ту бысть велика сеча...» // Аврора. 1990. № 7. С. 149.

[19] См.: *Urban M*. Stages of Political Identity Formation in Late Soviet and Post-Soviet Russia // Identities in Transition: Eastern Europe and Russia after the Collapse of Communism / Ed. V.E. Bonnell. Berkeley, 1996. P. 144.

[20] *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 1062. Там можно найти обоснование временно́го ограничения фазы «перестройки».

[21] *Castells M*. The Power of Identity. Malden (Mass.), 1997. P. 39.

[22] Ср.: *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 1051.

[23] О битве на Неве см.: Александр, князь-инок. 750 лет Невской битвы // Наука и религия. 1990. № 6. С. 33—37. (Статья И. Жерневской (С. 33—35), интервью с ректором Духовной академии Владимиром Сорокиным (С. 35—36) и академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым (С. 37)); *Дегтярев*. Заступник Отечества (тираж: 100 000). (Сокращенная версия текста появилась в: Ленинградская панорама. 1990. № 7. С. 4—7); *Шарымов*. «...И ту бысть велика сеча...»; *Краюхин С*. Как семь веков назад // Известия. 1990. 16 июля. № 198. С. 3; *Стрельцов В*. Во славу воинства русского. Невской битве 750 лет // Красная звезда. 1990. 15 июля. № 163 (20250); *Преображенский*. Солнце земли русской; *Лаврук*. Солнце Отечества; *Терехов В.П*. Александр Невский. М., 1990 (Серия: Библиотека нравственного чтения); *Югов А.К*. Ратоборцы. Даниил Галицкий, Александр Невский. М., 1990 (первое издание: 1949); *Он же*. Александр Невский. Киев, 1990 (на укр. яз.); *Трефилов Ю*. Живет в веках слава русичей: к 750-летию Невской битвы // Лесная промышленность. 1990. 14 июля.

О битве на льду Чудского озера см.: *Белан Н*. О, Русская земля. 5 апреля — 750 лет Ледового побоища // Советская Россия. 1992. 4 апр. С. 1; *Рубцов Ю*. Он любил Отечество более чести // Красная звезда. 1992. 4 апр.;

Булычева Л.И. Мир стоит до рати, рать до мира // Военно-исторический журнал. 1992. № 4/5; *Гринев Н.* Россия и Европа // Литературная Россия. 1992. 3 апр. (Репринт новейшего издания новгородского журнала «Вече»); *Проханов А.* Битва Светлая (Рубрика «Русская элита») // День. 1992. 5—11 апр. № 14 (42). С. 3; *Вернадский Г.В.* Два подвига Св. Александра Невского // Наш современник. 1992. № 3. С. 151—164 (Репринт статьи 1925 г.); *Кардашов.* Ледовое побоище; *Югов.* Ратоборцы. М., 1992.

[24] Ср.: Каталог почтовых марок России. 1857—1995. М., 1995. С. 444 и 456; *Gabka J.* Weltchronik in Briefmarken. Bd. 1. Berlin, 1997. Ил. 804/5.

[25] Почтовый блок к юбилею 1990 г. вышел 20 июня 1990 г., его оформление принадлежит Б. Илюхину. Почтовый блок к юбилею 1992 г. появился 20 февраля 1992 г., его оформлением занимался художник Яцкевич. Ср.: Каталог почтовых марок России. 1857—1995. С. 444 и 456.

[26] Ср. об этом: *Кирпичников А.Н.* 750-летие Невской битвы и ее историческое значение // Князь Александр Невский. Материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. С. 48—55. Текст основан на докладе, прочитанном 6 декабря 1989 г.

[27] *Бегунов Ю.К.* Александр Невский и современность // Князь Александр Невский. С. 47—48.

[28] См.: *Кирпичников.* 750-летие Невской битвы и ее историческое значение. С. 54—55.

[29] См. об этом: *Краюхин.* Как семь веков назад (с фотографией корабля). Ср. также снимки в: Красная звезда. 1990. 15 июля.

[30] Первая деревянная церковь была построена на месте битвы 1240 г. по распоряжению Петра I уже в 1711 г. (ср.: гл. 5.1). Это строение много раз горело и в 1798—1799 гг. было заменено каменной постройкой.

[31] Новое освящение церкви состоялось 12 сент. 1995 г.

[32] Ср.: *Бегунов.* Александр Невский и современность. С. 47.

[33] *Стрельцов.* Во славу воинства русского.

[34] Эта идея *translatio* освященной земли из Усть-Ижоры в лавру происходила якобы лично от патриарха Алексия II. Ср.: *Бегунов Ю.К., Кирпичников А.Н.* От редакторов // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 9.

[35] Александр, князь-инок. С. 35.

[36] *Стрельцов.* Во славу воинства русского.

[37] См. об этом: *Иоаннисян О.М., Томсинский С.В.* Сообщение о выставке «Александр Невский в памятниках русской культуры» в Государственном Эрмитаже // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 185—186.

[38] Князь Александр Невский и его эпоха.

[39] В 1991 г. Ленинграду было возвращено имя Санкт-Петербург.

[40] См.: *Собчак А.А.* Александр Невский — покровитель Санкт-Петербурга // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 3—5.

[41] Еще в 1989 г. Ю.К. Бегунов жаловался, что в Ленинграде нет ни одного памятника Александру Невскому. См.: *Бегунов.* Александр Невский и современность. С. 48.

[42] Ил. см.: Князь Александр Невский и его эпоха. Внутр. сторона обложки.

[43] См., напр.: *Одобряев*. Монумент в честь Ледового побоища; Неодобрение Одобряева // Декоративное искусство. 1988. № 12. С. 42—43 (читательские письма о статье Одобряева).

[44] *Казеннов*. История с памятником.

[45] См. об этом: *Белан*. О, Русская земля.

[46] Первый памятник — бюст Александра Невского — был установлен в 1959 г. поблизости от Ярославского дворца (ср. гл. 11.4). Второй — статуя работы скульптора И. Чернова — был воздвигнут в 1984 г. к 40-летию освобождения города от нацистов на набережной Волхова вблизи церкви святых Бориса и Глеба. Он отличается от статичных, военизированных памятников послевоенного времени определенной динамикой и легкостью. Александр Невский здесь изображен без шлема, в развевающемся на ветру плаще. См. об этом: *Лаврук*. Солнце Отечества.

[47] См.: IEWS Russian Regional Report, Internet Edition. Vol. 3. 1998. № 5. 5 Feb.

Новые памятники Александру Невскому после 1991 г. были установлены не только близ Пскова и в Новгороде. Также и город Курск с 2000 г. может похвастаться собственным монументом Александру Невскому, установленным на Красной площади в центре города. Статуя — работа скульптора Вячеслава Клыкова — была воздвигнута по инициативе ветеранов Великой Отечественной войны и кавалеров военного ордена Александра Невского. Открытию памятника в октябре 2000 г. предшествовало переименование одной из центральных аллей и одной школы Курска (в августе 1999 г. и феврале 2000 г.) в честь Александра Невского. Памятник в Курске является хорошим примером «заделки» официальной памяти об Александре Невском в дискурс памяти о Великой Отечественной войне (ср. гл. 11.1 и 11.3). О памятнике в Курске см.: http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?AID=1666 (Поиск в Интернете от 22.04.2003).

[48] После всесоюзных выборов съезда народных депутатов в апреле 1989 г. российский партийный ландшафт резко разделился на лагеря: либерально-демократический, национально-консервативно-антизападный и коммунистический. См.: *Hildermeier*. Geschichte der Sowjetunion. S. 1038.

[49] *Белан*. О, Русская земля.

[50] Там же.

[51] *Рубцов*. Он любил Отечество более чести.

[52] *Белан*. О, Русская земля.

[53] Предисловие к статье: *Гринев*. Россия и Европа: век тринадцатый.

[54] *Проханов*. Битва Светлая.

[55] Эта точка зрения наиболее отчетливо представлена в трудах «неоевразийцев» или в текстах их предшественника Льва Николаевича Гумилева. Для них, как для «евразийцев» Вернадского и Клепинина (см. гл. 7.4), Александр Невский является важной исторической и референтной фигурой. См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб., 1992; *Он же*. Александр Невский и восточное христианство // Князь Александр Невский. С. 73—78. См. об этом: *Лурье*. Ордынское иго и Александр Невский. С. 124 и далее. Также и оба ключевых текста «евразийцев» были переизданы в нача-

ле 90-х: *Клепинин*. Святой и благоверный князь Александр Невский. М., 1994; *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Наш современник. 1992. № 3. С. 151—164. Как и Вернадский, Гумилев одобряет решение Александра заключить союз с монголами и сражаться с католическим Западом. Александр признал, что «монголы-несторианцы» «на уровне суперэтнических отношений» русским несколько ближе, чем католики. Он также представляет тезис о том, что монголы спасли Русь от нападений с Запада. Там, где агрессия Запада не сдерживалась, на территории сегодняшней Западной Украины и Белоруссии, «русская культура пошла по совершенно иному пути, который отнюдь нельзя признать оптимальным для русского населения». (*Гумилев*. Александр Невский и восточное христианство. С. 78).

[56] *Белан*. О, Русская земля.

[57] См.: *Проханов*. Битва Светлая. Также и заключительная речь героя фильма «Кто с мечом к нам...» цитируется некоторыми авторами как аутентичное высказывание. См.: *Белан*. О, Русская земля; *Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...». См. также полотно С.Н. Присекина «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Фрагмент картины см. на титульном листе «Военно-исторического журнала» (1997. № 2).

[58] *Лаврук*. Солнце Отечества.

[59] Рассматривая приграничные споры между Россией и независимой Эстонией, Кардашов упоминает, что не только Тевтонский орден в XIII в. посягал на Изборск: «Нелишне будет упомянуть, что ныне эстонские националисты предъявляют претензии на обладание Изборском» (*Кардашов*. Ледовое побоище. С. 6). Тремя годами позже Мелентьев в «Правде» с гневом писал, что памятник во Пскове сегодня в особенности актуален, поскольку «нежданно-негаданно [он] оказался на государственной границе России и Эстонии, которая спит и видит членство в НАТО. Так могучий памятник встал здесь... вовремя и прочно» (*Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...»).

[60] Также Зубкова и Куприянов приходят к выводу, что РФ стала наследницей как Российской империи, так и СССР. При этом они полагают, что может наблюдаться преобладание дореволюционных символов. См.: *Зубкова, Куприянов*. Возвращение к «русской идее». С. 325.

[61] К истории государственных национальных символов России см.: *Соболева, Артамонов*. Символы России.

[62] Председатель Геральдического совета при Президенте РФ Георгий Вилинбахов в одном из своих интервью подчеркнул, что он не видит никакой проблемы в комбинировании новой российской и старой советской государственной символики. По его словам, «история любит соединять несоединимое» (Время МН. 2001. 16 марта. № 46 (657). С. 8).

[63] В то время как 9 мая в неизменном виде как «День Победы» был перенесен в новый государственный календарь праздников Российской Федерации, 7 ноября, прежде «День Великой Октябрьской социалистической революции», праздновался до 2004 г. как «День согласия и примире-

ния», а 1 мая празднуется как «День весны и труда» (*Зубкова, Куприянов.* Возвращение к «русской идее». С. 305).

[64] Дума, в которой большинство было представлено коммунистами и националистами, в марте 1999 г. проголосовала за возвращение музыки гимна СССР 1944 г. композитора А. Александрова. В Новый, 2002-й, год старый гимн, снабженный новым текстом, впервые прозвучал по государственному телевидению России.

[65] О памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России см. особ.: *Langenohl A.* Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Russlands. Göttingen, 2000. Значимость культа космоса для официальной саморепрезентации России была хорошо видна на российском стенде на выставке «Экспо-2000» в Ганновере.

[66] См.: *Зубкова, Куприянов.* Возвращение к «русской идее». С. 308. В качестве примера здесь может быть названо (новое) учреждение ордена Святого апостола Андрея Первозванного в 1998 г. Впервые орден Св. Андрея был учрежден Петром I в 1698 г. См. гл. 5.2.

[67] *Зубкова, Куприянов.* Возвращение к «русской идее». С. 309.

[68] Цит. по: *Bremer.* Religion und Kirche. S. 257.

[69] Весной 1991 г. Борис Ельцин в качестве Президента РСФСР впервые принял участие в праздновании православной Пасхи. См.: *Scherrer J.* Das Erbe. S. 26.

[70] См. об этом: *de Keghel I.* Die Moskauer Erlöserkathedrale als Konstrukt nationaler Identität. Ein Beitrag zur Geschichte des «patriotischen Konsenses» // Osteuropa. 1999. Bd. 49. S. 145—159.

[71] *Dunlop J.B.* Orthodoxy and National Identity in Russia // Identities in Transition / Ed. V.E/ Bonnell. P. 127; *Stricker G.* Das Moskauer Patriarchat im Zeichen des neuen Nationalismus // Osteuropa. 1998. Bd. 48. S. 271—272.

[72] *Bremer.* Religion und Kirche. S. 256.

[73] *Dunlop.* Orthodoxy and National Identity in Russia. P. 118—119; *Stricker.* Das Moskauer Patriarchat im Zeichen des neuen Nationalismus. S. 270; *Scherrer.* Das Erbe. S. 26.

[74] *Simon G.* Auf der Suche nach der «Idee für Rußland» // Osteuropa. 1997. Bd. 47. S. 1170; *Юрков А.* О чем звонят колокола: Субъективные заметки // Российская газета. 1996. 30 июля. № 142 (1502). С. 1. См. об этом также: *Ignatow A.* Nabelschau auf allerhöchste Anweisung. Der Wettbewerb um die «neue russische nationale Idee» tritt in die zweite Phase ein // Aktuelle Analysen des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien 18/1997; Uhlig Chr. Nationale Identitätskonstruktionen für ein postsowjetisches Rußland // Osteuropa. 1997. Bd. 47. S. 1191—1206; Dokumentation. «Rußland: Eine nationale Idee per Preisausschreiben» // Osteuropa-Archiv. 1997. Bd. 12. A 483 — A 498; *Urban M.* Remythologising the Russian State // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. P. 969; *Mettke J.R.* Was soll aus uns werden // Der Spiegel. 1999. № 2. S. 136—140.

[75] *Судаков Г.* Шесть принципов русскости, или Когда в России появится праздник Датского королевства? // Российская газета. 1996. 17 сент. С. 4.

Судаков подчеркивает относительность значения Запада как разграничителя для представления о «русскости» в своей статье: Свойство беспокойной русской души // Российская газета. 1997. 11 февр. С. 4.

[76] См.: *Зубкова, Куприянов.* Возвращение к «русской идее». С. 316.

[77] См.: Там же. С. 310, 325. Об образе Александра Невского в российских школьных учебниках постсоветского времени см. ниже.

[78] См.: *Simon G.* Auf der Suche nach der «Idee für Rußland». S. 1171ff.

[79] Ю. Шеррер указывает на то, что новый учебный предмет «культурология» в особенности транслирует представления о русской «самобытности» и «русскости» (*Scherrer J.* Das Erbe: Geschichte und Gesellschaftskultur. S. 29—30; *Idem.* Kulturologie. Rußland auf der Suche nach seiner zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003.

[80] *Simon G.* Auf der Suche nach der «Idee für Rußland». S. 1189. См. также: *Chubova D.* Reanimierung der kollektiven Erinnerung jenseits der akademischen Geschichtswissenschaft // Hg. I. Oswald u.a. Sozialwissenschaft in Rußland. Bd. 1. Berlin, 1996. S. 209.

[81] См.: *Simon G.* Auf der Suche nach der «Idee für Rußland». S. 1175—1176. Для продвижения гражданского (не этнонационального) концепта «российской нации» в особенности много сделал этнолог В.А. Тишков. См. об этом: *Uhlig Chr.* Nationale Identitätskonstruktionen. S. 1204—1205; *Tolz.* Russia. P. 249ff. В Законе о гражданстве Российской Федерации (28.11.1991) гражданство не определяется ни языковым, ни этническим критерием. См.: *Tolz.* Russia. P. 253.

[82] См.: *Urban M.* Stages of Political Identity Formation. S. 150. Тягу к символам империи и ее авторитарной власти можно наблюдать также в историческом сознании русских в середине девяностых годов. См.: *Зубкова, Куприянов.* Возвращение к «русской идее». С. 303.

[83] См.: *Tolz.* Russia. P. 70, 129.

[84] См.: *Urban M.* Stages of Political Identity Formation. P. 149ff.

[85] *de Keghel.* Die Moskauer Erlöserkathedrale. S. 159. Симон подчеркивает, что «темные страницы» истории советской власти в патриотическом историческом дискурсе вновь тенденциозно замалчиваются. См.: *Simon G.* Auf der Suche nach der «Idee für Rußland». S. 1178.

[86] См. об этом: *Sperling W.* «Erinnerungsorte» in Werbung und Marketing. Ein Spiegel der Erinnerungskultur im gegenwärtigen Rußland? // Osteuropa. 2001. Bd. 51. S. 1321—1341.

[87] Указ № 16 «О праздновании 775-летия со дня рождения Александра Невского». Цит. по: *Бегунов, Кирпичников.* От редакторов. С. 10.

[88] См. об этом гл. 2.1.

[89] Автору известен только один документ 1990 г., который позволяет сделать вывод о том, что «день рождения» Александра привлекал к себе внимание еще до 1995 г. См.: *Соколов Ю.Ф.* За землю русскую: К 770-летию со дня рождения Александра Невского. М., 1990.

[90] *Мелентьев Ю.С.* «Венок славы Александра Невского» // Блистающий славой и добродетелью. Российская выставка детского рисунка. Каталог.

775-летию Александра Невского посвящается / Ред. Т. Бедоева, В. Векшин. М., 1996. С. 7.

[91] Александр Невский присутствует в памятном ансамбле на Поклонной горе еще в одном месте: в памятнике «Защитникам земли российской» он является представителем средневековой истории рядом с солдатами — участниками Отечественной войны 1812 года и красноармейцами. Ил. с обложки журнала «Ориентир: Журнал Министерства обороны России» (1999. № 5).

[92] См. об этом: *Мелентьев*. «Венок славы Александра Невского» // Блистающий славой и добродетелью. С. 5—8.

[93] Там же. С. 8.

[94] Там же. С. 7.

[95] См. сборники материалов: Александр Невский и история России. Материалы историко-философских чтений, посвященных 775-летию со дня рождения Александра Невского. Иваново, 1995.

[96] См.: *Плугин В.* Тайные службы Александра Ярославича // Наука и религия. 1995. № 6. С. 36—41; *Мелентьев*. «Скажите всем, что Русь жива...»; *Мезенцев Е.* Солнце земли русской // Патриот. 1995. № 29. С. 8—9; *Зверев Ю.* Ледовое побоище происходило на суше // Техника и оружие. 1995. № 1. С. 20—22; *Пашуто*. Александр Невский. М., 1995 (новое изд.); Князь Александр Невский: Материалы / Ред. Бегунов, Кирпичников; Князь Александр Невский и его эпоха / Ред. Бегунов, Кирпичников.

[97] *Зубкова, Куприянов*. Возвращение к «русской идее». С. 302. В список вошли Петр I, Ленин, Пушкин, Сталин и т.д.

[98] Напр.: *Дегтярев А.Я.* Заступник Отечества. Л., 1990 (тираж: 100 000); *Тихомиров О.Н.* (текст), *Пашков Б.П.* (иллюстрации). Битва на Неве. М., 1993 (тираж: 70 000); *Пятова Г.В.* (текст), *Кривенко В.С.* (иллюстрации). Александр Невский. М., 1993. (Серия: «Заступники земли русской»).

[99] *Макарихин В.П.* Витязь Северной Руси. Повествование об Александре Невском. М., 1993; *Ян В.Г.* К последнему морю. Роман. Юность полководца. Повесть об Александре Невском. М., 1994; *Мосияш С.П.* Александр Невский. Трилогия. Кишинев, 1988 (последующие изд.: 1988, 1994, 1998, первое изд.: 1982); *Субботин А.А.* За землю русскую. М., 1999 (Серия: «Слава русского оружия в романах», Т. 1: Ледовое побоище) (первое изд.: 1957); *Югов А.К.* Ратоборцы. М., 1993 (первое изд.: 1949). См. также: *Белов В.И.* Князь Александр Невский. Пьеса в трех действиях // Современная драматургия. 1988. № 1. С. 113—152. Эти тексты, которые не могут быть, к сожалению, проанализированы в рамках данной работы, заслуживают отдельного исследования.

[100] См., напр.: *Ворожейкина Н.И., Соловьев В.М., Студеникиин М.Т.* Рассказы по родной истории. Учебник для V класса общеобразовательных учреждений. М., 1997. С. 57—60; *Сахаров А.Н., Буганов В.И.* История России с древнейших времен до конца XVII века. Учебник для X класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1998. С. 159—164.

[101] Как и прежде, особое внимание уделяется его тактике в сражении на льду Чудского озера. Иллюстрации расстановки его войска в этой бит-

ве см.: *Ворожейкина Н.И. и др.* Рассказы по родной истории. С. 58; *Сахаров А.Н., Буганов В.И.* История России с древнейших времен до конца XVII века. С. 163. Там приводится известный еще с советских времен контрольный вопрос: «В чем проявилось полководческое искусство Александра Невского?..» (Там же. С. 167).

[102] Учебник Ворожейкиной и др. по многим позициям напоминает труд: *Голубева, Геллерштейн.* Рассказы по истории СССР для IV класса. М., 1980 (см. гл. 11.3). В обеих книгах внутренние стороны обложек иллюстрированы картинами, которые демонстрируют «звездные часы отечественной истории». Серия изображений в учебнике 1980 г. охватывает двадцать, в учебнике 1997 г. — только двенадцать событий. Из старого издания в новое перешли 8 эпизодов: 1) «Первое упоминание Москвы»; 2) Битва на льду Чудского озера; 3) Битва на Куликовом поле; 4) Битва при Полтаве; 5) Отечественная война; 6) Отмена крепостного права; 7) Революция и Гражданская война; 8) Великая Отечественная война. Добавлены в учебник 1997 г. следующие эпизоды: 1) Крещение Руси; 2) Падение монгольского ига; 3) Вступление на престол первого царя; 4) Основание Санкт-Петербурга. События из учебника 1980 г., такие как «Крестьянская война под предводительством Пугачева», «Восстание декабристов», «Жизнь Ленина», «Первый пятилетний план» или «Первый полет человека в космос», были к этому времени вычеркнуты из эксклюзивного списка исторических моментов.

[103] *Ворожейкина Н.И. и др.* Рассказы по родной истории. С. 58, 60.

[104] Сахаров подчеркивает, что римский папа поддерживал Тевтонский орден в его агрессии против Новгорода («при поддержке папы римского») и немецкие и шведские дипломаты согласовывали свои агрессивные планы друг с другом. См.: *Сахаров, Буганов.* История России. С. 162.

[105] *Нечкина, Фадеев.* История СССР. М., 1962. С. 50 (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*).

[106] *Ворожейкина Н.И. и др.* Рассказы по родной истории. С. 60 (курсив мой. — *Ф.Б.Ш.*). В другом месте книги (С. 59) подчинявшееся Александру войско называется даже «полк Александра Невского». См. также: *Сахаров, Буганов.* История России. С. 164: «войска Александра Ярославича».

[107] *Ворожейкина Н.И. и др.* Рассказы по родной истории. С. 57.

[108] *Сахаров, Буганов.* История России. С. 165.

[109] Там же.

[110] Там же.

[111] *Нечкина, Лейбенгруб.* История СССР. М., 1967. С. 80 (см. гл. 11.3).

[112] В учебнике Сахарова и Буганова история Александра составляет часть главы «§ 30. Вторжение татаро-монголов на Русь. Агрессия крестоносцев. Александр Невский». См.: *Сахаров, Буганов.* История России. С. 159.

[113] Там же. С. 166. Подчеркивание принадлежности западных врагов к классу «феодалов», напротив, исчезает.

[114] *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1893. Репринт: М., 1991; СПб., 1992 (Тираж: 100 000).

Книга Хитрова полностью (включая иллюстрации) представлена в Интернете: http://www.rus-sky.org/history/library/nevsky/

[115] См., напр.: Почитание святых в православной церкви. М., 1997; О нетлении и почитании святых мощей. М., 1996; Святые, коим господь даровал особую благодать исцелять болезни и подавать помощь в других нуждах. Какому святому в каких случаях молиться. М.: Православное братство Св. апостола Иоанна Богослова, 1998; Русские святые, подвижники благочестия и агиография: Словник-указатель / Сост. И.Б. Владышевская, Б.Л. Сорокина. Б.м., 1992; Житие святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, 1999 (по случаю 275-й годовщины переноса мощей из Владимира в Санкт-Петербург. Текст основан в т.ч. на редакции Жития из Миней Четьих. Ил. миниатюрами из Лицевого свода). См. также новейший альбом: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб.: Арт Деко, 2006.

[116] См.: Православный церковный календарь. 2002. М.: Международный православно-просветительный центр при Московской патриархии, 2001. С. 272.

[117] Александр Невский. Великий князь (1263) // Энциклопедия православной святости. М., 1997. Т. I. С. 27—29; Святой благоверный князь Александр Невский. Б.м., б.г. (СПб., 1998. Буклет, продающийся на книжном стенде в Александро-Невской лавре); Житие св. благов. вел. кн. А. Невского. СПб., 1999; Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, б.г. (после 1991), зд.: Молитва святому благоверному великому князю Александру Невскому. С. 45 и далее. (Тот же текст см.: Житие святого благоверного великого князя Александра Невского. С. 22—23.)

В то время как биография Александра Невского в эпоху советского патриотизма была неизменной составной частью сборников рассказов о «великих героях» истории России, сегодня она попадает и в научно-популярные книги о «самых знаменитых святых и чудотворцах России». См., напр.: *Карпов А.Ю., Юрьев А.А.* Самые знаменитые святые и чудотворцы России. М., 2001. С. 94—105.

[118] Александр Невский // Энциклопедия православной святости. С. 27.

[119] Там же.

[120] Святой благоверный князь Александр Невский. Б.м., б.г. С. 3.

[121] Александр Невский // Энциклопедия православной святости. С. 29; см. также: Святой благоверный князь Александр Невский. Б.м., б.г. С. 4.

[122] См.: Александр Невский // Энциклопедия православной святости. С. 29; Святой благоверный князь Александр Невский. Б.м., б.г. С. 4.

[123] Там же. Здесь упомянуто также явление святых Бориса и Глеба перед битвой на Неве.

[124] Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому. СПб., б.г. С. 41. В акафисте святому вспоминают помощь Александра Дмитрию Донскому с татарами, при взятии Казани Иваном IV и многочисленные исцеления у его гроба.

[125] «Молися о всех православных христианех»: Молитва святому благоверному великому князю Александру Невскому. С. 47. Страна «мы-группы» именуется и «русской землей», и «землей Российской». См.: Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому. СПб., б.г. С. 41, 45.

[126] Молитва святому благоверному великому князю Александру Невскому. С. 45.

[127] Там же. С. 47. В одном из справочных пособий по почитанию святых верующим советуют обращаться в молитве к Александру, особенно в случаях угрозы извне, со стороны «иноплеменных» или «иноверных». См.: Святые. Коим господь даровал особую благодать исцелять болезни и подавать помощь в других нуждах. Какому святому в каких случаях молиться. С. 46.

[128] Православный церковный календарь. 2002. С. 197, 272.

[129] «Мощи святого князя, ставшего покровителем новой столицы России»: Александр Невский // Энциклопедия православной святости. С. 29; см. также: Святой благоверный князь Александр Невский. Б.м., б.г. С. 4.; Житие святого благоверного великого князя Александра Невского. С. 22; Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому. С. 41 и далее. См. также: *Рункевич*. Александро-Невская лавра, 1713—1913. СПб., 1997 (Репринт первого изд. 1913 г.). Гл. 10. С. 203—222 (История *translatio*).

[130] Изображения Божьей Матери и святых православной церкви, изд. Храма Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре. М., 1996. С. 68 и 328.

[131] Петербургский ликероводочный завод «Ливиз» в 1997 г. к 100-летнему юбилею фирмы поставил на рынок серию водок под названием «Победитель». Один из сортов водки, входивший в эту серию, носил название «Александр Невский». См.: Невское время. 1997. 20 дек. № 232 (1635). (http://www.pressa.spb.ru/newspapers/nevrem/arts/nevrem—1635—art—16.html).

[132] В Санкт-Петербурге было зарегистрировано частное охранное предприятие под названием «Благоверный князь Александр Невский. Охранное предприятие» (результат поиска в Интернете на 13.08.2001). Финансирование памятника Александру Невскому в Петербурге фирмой «Балтийская строительная компания» (см. гл. 1) также можно расценивать как пример инструментализации образа Невского для экономических интересов в сегодняшней России.

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С конца XIII в. Александр Невский занимает прочное место в русской культурной памяти. Его образ, нашедший выражение в текстах и изобразительных документах, не однажды существенно изменялся. Согласно основному тезису нашего исследования, эти изменения можно интерпретировать как выражение перемен в концептах коллективной идентичности в русской истории.

Александр стал почитаться святым вскоре после смерти, на месте погребения во Владимире. Житие, «пратекст» истории памяти о князе, было создано в восьмидесятые годы XIII в. Здесь князь представлен святым правителем. Поначалу Александр Невский был классическим местным святым. Сообщество, участвовавшее в создании памяти о нем, было относительно невелико. Сначала святой имел значение лишь для монастырской общины, ухаживавшей за его могилой, самое большее — для жителей Владимиро-Суздальского княжества. Можно предположить, что для этих сообществ Александр Невский играл роль фигуры, формирующей коллективную идентичность. В определенном отношении самая ранняя редакция его Жития оказывается выражением локального патриотизма.

Через институциональную сеть православной церкви с течением времени память о святом князе распространилась за границы Владимиро-Суздальского княжества. Копируя его Житие, монахи получали возможность переписывать и дополнять память о князе, исходя из собственных представлений. Первый более или менее явный случай борьбы за присвоение образа Александра Невского можно датировать XV в., когда вписать этого святого в качестве положительного персонажа в собственную историю стремился не только новгородский клир, но и священнослужители становящегося Великого княжества Московского. Если новгородцы выдвигали на первый план заслуги Александра, защищавшего богатый торговый город, москвичи подчеркивали его деятельность в роли вели-

кого князя и основателя московской династии. Причиной этого противостояния была борьба этих политических центров за право вступить в наследство Киевской Руси и за будущую политическую власть в русских землях. В этом противостоянии Новгород уступил более сильной Москве, подчинившей себе торговую республику. Теперь у Москвы была возможность определять память о новгородском князе.

Память об Александре Невском в так называемый «московский период», т.е. с конца XV по начало XVIII в., характеризуется наличием двух различных трактовок его личности. На одном полюсе находилось сакральное прочтение, которое легко могло следовать традиции почитания Александра как местного святого во Владимире и Суздале. Однако теперь эта трактовка получила более широкое распространение, так как в середине XVI в. Александр был канонизирован. С 1547 г. память о его личности сохранялась во всех русских православных храмах, иконы с его изображением вошли в инвентарь каждой общины, где о святом напоминала литургия в день его памяти в церковном календаре, 23 ноября. Сакральная интерпретация, которую можно реконструировать прежде всего по иконописным изображениям святого, его Житию и литургии в день его памяти, представляет Александра Невского отрешившимся от мира иноком и чудотворцем. Подвиг Александра — или Алексия, как он именуется в сакральном дискурсе, — усматривался не столько в его мирских делах, сколько в чудесах, происходивших на его могиле во Владимире. Перечень этих чудес становился все длиннее от одной редакции Жития к другой.

Наряду с сакральным прочтением Александра Невского в московский период существовала и дополнительная династическая интерпретация его личности, отразившаяся в произведениях официального московского историописания XVI в. («Степенная книга», Никоновская летопись, Лицевой свод). Здесь на первый план в образе Александра выходит аспект правителя и его земные деяния. В династическом дискурсе Александр является святым князем, чье выдающееся историческое значение состоит прежде всего в основании правящей династии. Как в сакральном, так и в династическом дискурсе обнаруживается четкое размежевание мы-группы с «безбожными латинянами» (так в источниках именуются шведы и Тевтонский орден).

За существованием этих двух граней памяти об Александре Невском в московский период можно было бы предположить на-

личие борьбы двух лагерей за «верный» образ собственного прошлого. Однако кажущиеся противоположными по направленности тексты зачастую создавались в одной и той же «мастерской», при дворе Московского митрополита, поэтому такая интерпретация может оказаться неубедительной. Скорее, две трактовки следует рассматривать как взаимодополняющие полюсы одного дискурса коллективной идентичности. «Государственная доктрина» Великого княжества Московского имела религиозный и политический компоненты. Идея «Русской земли» принадлежала наследию Киевской Руси. Она предполагала причисление к «земле Руси» всех князей и их подданных, во-первых, исповедующих православие и, во-вторых, платящих дань династии Рюриковичей. Оба аспекта обнаруживаются в повествовании об Александре Невском московского периода. Если изображение Александра монахом-чудотворцем Алексием репрезентировало религиозную часть коллективного образа, то представление его князем, предком царя подчеркивало политический аспект.

В начале XVIII в., в ходе широкомасштабных изменений в обществе, культуре и политической системе при Петре Великом, значительно изменилась и память об Александре Невском. В отличие от предшествующих столетий, когда смещения в образе Александра Невского происходили медленно и зачастую без четко определяемой идеологической цели, Петр сознательно обратился к истории памяти о святом и инструментализировал ее в своих политических целях. После победы над Швецией в Северной войне Петр I избрал Александра Невского небесным покровителем города Санкт-Петербурга и святым защитником всей империи. Причиной присвоения царем-реформатором образа святого была прежде всего победа Александра над шведами в 1240 г. Первый российский император основал в честь городского небесного покровителя монастырь, в 1723—1724 гг. перевез его мощи из Владимира в новую резиденцию на Неве и перенес день памяти святого на 30 августа — день, напоминавший о его собственной победе над Швецией в 1721 г. Указом Петра, кроме того, было запрещено живописное изображение святого Александра в образе монаха. Такая символическая трансформация была направлена на то, чтобы встроить сакральную фигуру в новую имперскую знаковую систему, центром которой был институт императорской власти. На изображениях XVIII в. Александр появляется уже не благочестивым монахом или великим князем в одеянии московского царя, но правителем, пол-

ностью отвечающим идеалу нового, вестернизированного института императорской власти.

Преображение Александра Невского в XVIII в. отражало изменение доктрины государства и концепта коллективной идентичности. После покорения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств власть русских царей распространилась далеко за прежние границы Киевской Руси. Расширяющаяся империя, причислявшая теперь к своим подданным и нехристианские народы, не могла больше мыслиться исключительно как христианское сакральное сообщество. Секуляризация государственной идеологии и развитие внерелигиозного представления о государстве, происходившие при Петре I, стали логическим следствием имперской экспансии России. «Быть русским» означало теперь в первую очередь принадлежность к государственному союзу многонациональной Российской империи или подданство российскому императору. В имперском дискурсе Александр Невский не был больше знаком религиозного размежевания вовне, а имел в рамках имперской идеологии функцию позитивного образца. Как славный предок Петра, он указывал на институт императорской власти и репрезентировал абстрактное государство с его столицей на Неве. В имперском «межконфессиональном» государственном концепте XVIII в. синхронное размежевание вовне по принципу православной веры, как оно мыслилось еще в самосознании Московского государства, было слабее диахронного размежевания «внутри» страны, размежевания с «собственным» московским прошлым.

Однако новое имперское прочтение образа Александра Невского не могло полностью вытеснить старые интерпретации его фигуры. Историю памяти об Александре Невском в целом невозможно описать как линейную последовательность изменяющихся образов, скорее ее можно назвать разветвленным дискурсом. Более старые наррации дополняются, а не вытесняются новыми, можно наблюдать смешанные формы отдельных образов. В Петровскую эпоху новая, имперская интерпретация, опиравшаяся на династический дискурс московского времени, противостояла старой, сакральной, которая, вероятно, и в дальнейшем продолжала определять память о святом среди православного духовенства и верующих мирян, особенно в провинции.

Упрощая, можно сказать, что сакральный и династически-имперский дискурсы редуцируют личность Александра Невского, придают ей профиль то монаха, то князя. В XIX в. возникло третье

прочтение Александра, особенно выделявшее его подвиги как воина и полководца. Такой взгляд на Невского можно назвать «национальным». Он обнаруживается в секуляризованной историографии конца XVIII — начала XIX в., эмансипировавшейся от церковно-религиозной сферы. Образ Александра мутировал в национальном дискурсе из русского православного святого и российского правителя — в национального русского героя. В этом дискурсе он почитался уже не как «живой» святой, но как умерший герой. Историографов интересовали теперь не чудеса, приключившиеся на его могиле, но история его героических земных деяний и более всего его военные успехи. Главнейшим подвигом Александра становилась теперь не защита государства, а защита русской культуры и русской народности. В отличие от текстов об Александре XVIII в., в национальном дискурсе вновь усиливается роль разграничения с внешним миром. Александр Невский оказывается, во-первых, символом противостояния агрессивному католическому Западу и, во-вторых, «нецивилизованным» монголам. Подвиг Александра усматривался в том, что его сдержанная и мудрая политика в отношении монголов сберегла русскую культуру (религию, язык и народность) от «азиатского засилья», что оправдывало и жестокое обращение с восставшим Новгородом. Иконографический образец национального имиджа Александра Невского отмечен двумя главными особенностями. Во-первых, князь изображается в доспехах и с мечом. Во-вторых, герой «фольклоризируется». В живописи, особенно в изображении одежды Александра и его бороды, сделана попытка подчеркнуть «русский» аспект его личности.

Изменившийся образ Александра Невского был составной частью национального дискурса коллективной идентичности, получившего в XIX в. распространение в России, пусть даже и в намного более слабой форме, чем в Западной и Центральной Европе. Не без существенного влияния западноевропейских идей в России был создан концепт национальной идентичности с центральными ценностями — языком, культурой и историей. При этом национальная история не «изобреталась» заново, а лишь реинтерпретировалась, согласуясь с новой ценностной системой. «Воображение» нации как сообщества борьбы, очевидно, было значимо и для национального мышления в России. Национальная самоидентификация происходила, с одной стороны, в размежевании с (западно)европейскими культурными образцами, а с другой — была направлена на то, чтобы подчеркнуть позицию России как равноправного члена се-

мьи европейских народов. В русском «азиатском» дискурсе, строившемся вокруг типичных для того времени полюсов «цивилизации» и «варварства», Россия видела себя европейской страной.

Носителем этого развивающегося исторического сознания постепенно становилось эмансипировавшееся от церкви и государства дворянское сообщество, или интеллигенция. Созданная ею новая, национальная интерпретация русской истории и вдохновленный историческими образами национальный проект коллективной идентичности лишь условно могли сочетаться с имперской реальностью России. Несмотря на предпринимаемые царским правительством с начала 1830-х гг. робкие попытки расширить имперскую государственную доктрину страны национальными компонентами, до 1917 г. власть скептически относилась к новым национальным идеям. В концепции современной нации видели двойную угрозу: она противоречила как политической системе самодержавия, так и реальности многонациональной империи. Образно говоря, Александр Невский в одеянии российского императора опасался фольклорного русского богатыря с тем же именем.

Несмотря на точки соприкосновения церковно-сакрального, имперского и национального дискурсов об Александре Невском, в конце XIX в. можно различить три «идеальных типа» трактовки его личности: святой, князь и военный герой. Три этих образа соотносились с концептами коллективной идентичности, относительно автономно существовавшими тогда в России: сакральным сообществом, империей и современной нацией. Тот факт, что концепты коллективной идентичности не объединялись тогда одной интегральной идеей, охватывающей все общественные слои, мог способствовать распаду старого порядка после неудач в Первой мировой войне. К тому же из-за низкой грамотности и неразвитости сетей общедоступных школ в империи массы крестьянского населения были в значительной степени исключены из участия в национальном (и имперском) дискурсе коллективной идентичности.

После Октябрьской революции 1917 г. начался единственный в долгой истории памяти об Александре Невском период, когда официальная власть считала его негативным символом. Большевики, объявившие войну аристократии, православному духовенству и великорусскому национализму, прокляли Невского и как правителя, и как святого, и как национального героя. По отношению к Александру они следовали двойной стратегии клеветы и вытеснения. Вскрыв и конфисковав раку с мощами Александра Невского

в мае 1922 г., новые власти разрушили в Петрограде один из символических центров старой столицы. Одновременно они положили конец плюрализму внутри культурной памяти и попытались навязать населению свой исторический нарратив. В этом нарративе не было места великим историческим личностям и тем более святым князьям. Память об Александре Невском, однако, оставалась жить — вместе со многими бежавшими от преследований коммунистического режима — в русской эмиграции. Память о святом берегли прежде всего представители евразийской школы, прославлявшие его подвиги в борьбе с католическими силами Запада и мирную монгольскую политику.

Причиной, по которой Александр не только не погрузился в забвение в СССР, но очень скоро возвысился до одной из важнейших исторических фигур, стал широкомасштабный идеологический поворот середины 1930-х гг.. В 1937 г. были «реабилитированы» многие правители и полководцы русской истории, в том числе и Александр Невский. Возвращение князя в культурную память стало возможно благодаря его победе 1242 г. над Тевтонским орденом: Невский был инструментализирован как антинемецкий символ. Реабилитация полководца стала очевидной реакцией на угрожающее высказывание Гитлера в «Mein Kampf» о том, что в поисках нового жизненного пространства на востоке национал-социалистская Германия пойдет по пути средневековых рыцарских орденов. Последовав предложенной национал-социалистами интерпретации средневековой истории, большевики также провели связующую линию между Тевтонским орденом и современным немецким рейхом. Ссылаясь на деяния Александра Невского, они попытались показать, что предки русских уже в XIII в. могли успешно отражать вечный немецкий «натиск на Восток».

В советском патриотическом дискурсе Александр Невский предстал прославленным вождем и гениальным полководцем. Авторы новой интерпретации, таким образом, опирались на прочтение князя в национальном дискурсе XIX в. Одновременно они остались верны антирелигиозной пропаганде 1920-х гг. и представили национального русского героя как десакрализованную фигуру. Александр Невский в дискурсе советского патриотизма стал победителем немцев, умелым военным стратегом и грозным вождем своего народа. Память о его победе призвана была помочь советскому народу подготовиться к возможной войне с нацистской Гер-

манией, а также служила пропаганде модели правления сталинской эпохи как вечного принципа общественного порядка.

Особенно показателен в этом отношении художественный исторический фильм «Александр Невский», снятый знаменитым режиссером Сергеем Эйзенштейном в 1937 г. по заданию партии на основе проекта литературного сценария Петра Павленко. Фильм Эйзенштейна, как ни один другой текст, повлиял на образ Александра Невского в русской культурной памяти XX в. В нем на историческом примере создается концепт сообщества, который можно интерпретировать как отражение советской общественной модели 1938 г. В «Александре Невском» мы-группа, в духе доктрины советского патриотизма, представляет собой «большую семью». На ее вершине возвышается Александр Невский, мужчина-вождь и неприкосновенная фигура отца. Между ним и массой населения находятся герои, сыновья «большой семьи». Мы-группа изображается в фильме как этнически гомогенное, национальное и секуляризованное сообщество борьбы. Оно отграничено, во-первых, от внутренних врагов — предателей и шпионов, а во-вторых, от внешнего (немецкого) врага. Этот концепт коллективной идентичности отсылает к средневековой концепции православного сакрального сообщества. Там, однако, Александр Невский стоял не на вершине пирамиды, а занимал позицию святого, среднюю между Богом и земной общиной. Вследствие десакрализации большевиками концепта коллективной идентичности Александр возвысился до богоравной фигуры. В советском проекте сообщества тридцатых годов в изменившейся форме продолжал действовать образец религиозного порядка дореволюционной эпохи.

После подписания пакта Молотова—Риббентропа в 1939 г. государственное производство текстов об Александре Невском на два года приостановилось, но достигло очередного пика в период Великой Отечественной войны. Будучи победителем «псов-рыцарей» (Маркс), Александр Невский стал после нападения Германии на СССР одной из важнейших фигур идентификации в советской военной пропаганде. Подвиги средневекового военного героя призваны были мотивировать солдат и командиров Красной армии к такой же отваге в борьбе с нацистами. Смысл этого послания был прост: точно так же, как Александр Невский в 1242 г. побил Тевтонский орден, Красная армия должна победить вермахт. В годы войны Александр Невский в СССР был вездесущ. Цитаты из фильма о нем вошли в формульный запас советских военных лозунгов.

Дети играли на улицах в «Ледовое побоище», более десяти тысяч командиров Красной армии были награждены военным орденом его имени, советизированное «житие» Александра печаталось и распространялось в карманном формате миллионными тиражами.

После 1945 г. дискурс об Александре Невском оставался тесно связанным с официальной памятью о Великой Отечественной войне. До 1985 г. в советском патриотическом образе Александра Невского не произошло существенных изменений. Смерть Сталина и дискуссии о культе личности повлияли лишь на то, что внутри повествования о военных подвигах XIII в. несколько усилилась роль народных масс и был несколько принижен вклад вождя. Александр все же продолжал почитаться как военный стратег и герой, а возглавляемая им мы-группа воображалась как боевое сообщество. Однако в послевоенное время в официальном дискурсе о Невском изменился образ врага. Из-за дифференциации советского образа Германии место «немецких варваров» заняли в годы «холодной войны» католические силы Запада, вступившие в заговор против Руси.

С объявлением гласности и перестройки рухнула и монополия коммунистической партии на интерпретацию истории. От плюрализации памяти об Александре Невском выиграла прежде всего Русская православная церковь. В июне 1989 г. мощи святого были торжественно возвращены из ленинградского Музея религии в Троицкий собор Александро-Невской лавры. В 1990 и 1992 гг. в торжествах по случаю 750-летия Невской битвы и Ледового побоища уже принимало участие множество действующих лиц. В Новгороде, Пскове и Ленинграде/Санкт-Петербурге исторического деятеля стремились концептуализировать как фигуру самоидентификации регионального значения.

После распада СССР правительство Российской Федерации вновь стало заметным актором в дискурсе памяти о Невском. Празднования 775-й годовщины со дня рождения князя в 1995 г. уже носили характер направляемого «сверху» государственного мероприятия.

В постсоветской России три дискурса памяти об Александре Невском, созданные под влиянием православной церкви, региональных властей (Новгорода, Пскова и Санкт-Петербурга) и федерального правительства, изображали его в качестве святого и небесного покровителя, регионального правителя и полководца-патриота. Эти образы соотносятся с различными концептами

коллективной идентичности: церковно-сакральным, региональным и государственно-национальным. Три концепта, однако, находятся не в конкурентных отношениях, а скорее дополняют друг друга. Если в конце долгого XIX в. три идеальных типа образа Александра Невского — монах, князь и воин — репрезентировали лишь условно совместимые концепты коллективной идентичности — сакральное сообщество, империю и нацию, то сегодня Александр Невский стал воплощением различных проектов сообщества, которые могут быть слиты в единой концепции — латентно антизападного «патриотического консенсуса».

Сближение и синтез этих трех расходящихся концептов мы-группы царской эпохи стали результатом как процесса становления, так и распада Советского государства. В годы советской власти не только систематически подавлялись и преследовались носители религиозно-сакрального дискурса. С конца тридцатых годов в СССР усилилась «национализация» государственной идеологии. Благодаря распространению грамотности и новым техническим возможностям эта идеология могла массированно пропагандироваться среди населения. Наконец, в 1991 г. империя распалась. Несмотря на то что Российская Федерация до сих пор является многонациональным государством, имперская реальность и национальный проект сегодня не вступают в столь сильное противоречие, как это было в 1914 г. После периода перемен в политике и обществе различные политические лагеря в России, кажется, сошлись на едином проекте общества «патриотического консенсуса». Сегодня Александр Невский занял в нем свое место как полководец и вождь, как региональный правитель и святой, а также, что не менее важно, в качестве водки на праздничном застолье русской нации.

* * *

Память об Александре Невском на Руси, в России и Советском Союзе никогда не прерывалась, более семи столетий он служил различным сообществам точкой фиксации коллективной идентичности. Множество раз изменялось не только символическое значение, но и ранг этой фигуры в русской культурной памяти. Из местного суздальского святого Александр Невский стал небесным покровителем всей Российской империи. Из второго эшелона исторических героев он вознесся в тридцатые годы XX в. на вершину национального пантеона.

Значение Александра как исторической фигуры идентификации существенно возрастало во время правлений Ивана Грозного, Петра I и Сталина. В XVII и XIX вв. он, напротив, не попадал в первый ряд исторических фигур идентификации. В имперском дискурсе XIX в. он уступал по значению св. Владимиру, Дмитрию Донскому, Ивану III, Михаилу Федоровичу и Петру I. В это время национальный дискурс выдвигал на первый план память о подвигах Минина и Пожарского, Ивана Сусанина и других исторических фигур. В церковно-религиозном дискурсе Александр Невский был одним из членов все пополнявшегося сонма святых Русской православной церкви, хотя в XIX в. играл и особую символическую роль как святой, именем которого были наречены при крещении три императора, как покровитель многих новоосвященных церквей внутри страны и за рубежом.

Даже в те времена, когда Александр Невский находился на вершине исторической памяти, он не занимал эксклюзивного места. В середине XVI в. помимо него еще двадцать один чудотворец был причтен к лику святых. В отличие от классических национальных святых в других странах, например св. Стефана, в определенной мере единолично предстательствовавшего за Венгрию при Троне Господнем, Александр Невский всегда оставался лишь одним из множества русских святых. Кажется, лишь в имперском дискурсе Петровской эпохи Александр как исторический персонаж занимал привилегированную позицию. «Новая Россия» Петра I сознательно размежевывалась с собственным прошлым. Идеологи первого российского императора редко искали материал для символической саморепрезентации в истории Руси и Московского царства, чаще они черпали из универсального европейского символического запаса, греческой и римской античности. Поэтому «назначение» новгородского князя небесным покровителем новой столицы оказалось феноменом чрезвычайным. Несмотря на это особенное обстоятельство, Александру не удалось стать главным русским национальным святым. И в дискурсе советского патриотизма Александр вынужден был конкурировать с другими историческими деятелями. Наряду с победителем 1242 г. в официальной памяти фигурировали другие великие исторические «вожди» и «полководцы»: Иван IV, Петр I, Ленин, Суворов, Кутузов, Чапаев и др.

Александр Невский всегда оставался лишь элементом в многогранной мозаике русской культурной памяти. Рядом с ним постоянно существовало множество других фигур, служивших точка-

ми кристаллизации коллективной памяти и плоскостью, на которую проецировались концепты коллективной идентичности. Следовательно, анализ дискурса об Александре Невском с XIII до конца XX в. позволяет лишь приблизительно очертить развитие образов прошлого и изменение концептов коллективной идентичности в русской истории. Мы смогли лишь вскользь затронуть вопрос о том, какие еще символические фигуры в отдельные фазы истории воспоминания об Александре функционировали как «места памяти». Именно с этой проблемы должно начинаться дальнейшее исследование. Весьма привлекательной выглядит перспектива диахронного исследования частных случаев, а также синхронно-сравнительное рассмотрение различных исторических образов в отдельные эпохи истории русской культурной памяти.

Возможное исследование памяти о святом князе Михаиле Черниговском, современнике Александра, умершем в 1246 г. в лагере Орды и причтенном к лику святых мучеников, поможет, например, в разрешении вопроса о том, было ли расщепление образа Александра Невского на ипостаси «святого чудотворца», «князя» и «военного героя» в церковно-сакральном, династически-имперском и национальном дискурсах специфической чертой истории памяти о Новгородском князе или более общим феноменом[1]. А синхронное сравнение отдельных мест памяти XIX в. могло бы дать возможность проверить тезис о расхождении культурной памяти (и дискурсов коллективной идентичности) по этим трем направлениям.

* * *

Привлекательным представляется и сравнение истории памяти об Александре Невском с подобными фигурами из иного национального контекста. Предметом такого исследования может стать, например, история памяти о св. Вацлаве / Вячеславе, св. Людовике (короле Франции Людовике IX) или св. Генрихе (императоре Генрихе II)[2]. Сравнение русского места памяти с чешским, французским или немецким может, в частности, помочь в более глубоком понимании особенностей истории русской культурной памяти. Насколько полезным может быть этот компаративный подход, мы постараемся показать в завершающем настоящую книгу анализе сходства и различий в историях памяти об Александре Невском и св. Вацлаве[3].

Выбор св. Вацлава удачен для сравнения с Александром Невским по многим причинам. Как и Новгородский князь, Вацлав,

родившийся между 903 и 908 гг. и убитый (предположительно в 929 г.) собственным братом, может быть причислен к группе святых правителей. Как и Александр, Вацлав принадлежал к княжескому роду. Память о нем имеет долгую историю, в ходе которой множество раз изменялся его образ. И сегодня Вацлав считается одним из важнейших национальных героев и национальным чешским святым.

Достоверная информация о жизни Вацлава — как и в случае с Александром Ярославичем — достаточно скудная. Подобно истории Новгородского князя, память о Вацлаве базируется прежде всего на агиографических источниках. Его Житие сохранилось в двенадцати различных редакциях, созданных между X и XIV вв. Житие Вацлава описывает герцога как христианского правителя, строившего новые церкви (в частности, собор Св. Вита на Пражском Граде) и призывавшего в свою страну священников, как заступника бедных и несправедливо наказанных.

После смерти Вацлав, как и Александр, поначалу почитался как местный святой в месте своего погребения (Стара Болеслав). Житие Вацлава также сообщает о многочисленных чудесах, происходивших на его могиле. Подобно Александру, св. Вацлав, по свидетельствам, выступал на стороне войск своих потомков на поле брани. (Так, например, он помогал королю Оттокару Богемскому в 1260 г. в битве под Кроиссенбрунном против Венгрии.) Останки святого также были перенесены из первоначального места погребения в столичный храм (в 932 г. в собор Св. Вита в Праге), получивший тем самым статус символического центра страны. Канонизация Вацлава также произошла лишь много времени спустя после его смерти (в 1729 г.). Однако еще до этого именем Вацлава освящали церкви, крестили детей и наследников престола.

Носителем памяти о св. Вацлаве поначалу тоже был лишь клир, в данном случае католический, почитавший его как мученика и чудотворца. *Dies natalis* святого с конца X в. было 28 сентября. С XI в. заметен растущий интерес к его личности со стороны богемских правителей. В середине XI в. Пшемыслиды объявили собор Св. Вита усыпальницей династии. Как и свидетельства об Александре Невском, память о св. Вацлаве (в XII в.) очевидно распадалась на сакральный и политико-династический дискурсы. Если в Евангелии Вышеградском (ок. 1086), например, Вацлав изображался еще как священник, то с XII в. богемские герцоги чеканили на монетах его конное изображение в латах. Поддержка властями куль-

та Вацлава достигла высшей точки при императоре Карле IV, который не только лично написал биографию святого, но и учредил в 1346 г. «корону Вацлава», *corona regni Bohemiae*, важнейшую регалию королевства Богемии. Наряду с церковью и королем с конца XII в. самостоятельный вклад в историю памяти о Вацлаве внесло и богемское дворянство, поставив себя под небесное покровительство святого. Таким образом, память о богемском святом распалась — так же как и память об Александре Невском — на три отдельных дискурса. Святой Вацлав, подобно русскому святому, оказался фигурой памяти, способной к изменениям.

Ранг св. Вацлава в чешской культурной памяти также несколько раз изменялся. Во времена Контрреформации значение Вацлава по сравнению с другими католическими святыми (особенно св. Непомуком) существенно снизилось. В эпоху романтизма он потерял авторитет из-за своей лояльной «немецкой» и церковной политики и даже одно время находился в последних рядах национального пантеона. Однако в конце XIX в. Вацлав был «реабилитирован» национальной чешской историографией, а после 1918 г. стал для народов, объединившихся в Чехословакию, символом их идентичности.

История памяти о св. Вацлаве манифестируется одновременно в разнообразных текстуальных и изобразительных источниках. Наряду с уже упомянутыми редакциями его Жития существуют многочисленные светские жизнеописания. Его изображения украшают средневековые монеты, книжные иллюстрации и печати правителей, а также историческую живопись и войсковые знамена. В XIV в. скульптор Генрих Парлер создал для собора Св. Вита одну из самых известных статуй героя. Первый светский памятник Вацлаву был возведен в середине XVII в. на пражском Конном Рынке. С 1848 г. эта площадь носит имя святого. Незадолго до Первой мировой войны барочная скульптура была заменена новой национальной конной статуей Вацлава и сегодня считающейся одним из символов Праги.

Уже при беглом взгляде на истории памяти об Александре и Вацлаве наряду с многочисленными сходствами бросаются в глаза и существенные различия. Самые основные становятся заметными уже при исследовании биографий обоих персонажей. Даже не говоря о том, что Вацлав жил на целых три столетия раньше Александра Ярославича, можно заметить, что в период своего правления богемский герцог не вел войн, но старался решить проблемы с за-

падными соседями, прежде всего королем Генрихом I, мирным путем и стремился к укреплению отношений с христианским латинским миром. В Житии Вацлав — в отличие от Александра — изображается не активно действующим и борющимся за свою страну князем, а мягким правителем. Вацлав жил праведной жизнью и даже лелеял мысль о том, чтобы полностью отречься от светской власти. В отличие от Александра, он умер не естественной смертью, а, подобно Борису и Глебу, пал от руки брата и вошел в память потомков в роли мученика. Однако изображение Вацлава в Житии как мирного князя и христианского мученика не помешало позднее почитать его как небесного участника земных битв и покровителя воинов. Так, например, его имя носил первый сформированный в России во время Первой мировой войны чешский полк. Сооруженный в 1912—1914 гг. национальный памятник Вацлаву в Праге изображает его не отвернувшимся от мира монахом, а рыцарем в доспехах. Очевидно, «милитаризация» Вацлава и Александра в XIX и XX вв. объясняется не фактами их биографии, а спецификой символических потребностей «века наций». Описание мы-группы как исторического боевого сообщества в принципе представляется особенностью национальных проектов коллективной идентичности.

Как и память об Александре Невском, память о св. Вацлаве распалась в ходе столетий на отдельные дискурсы (в частности, церковно-сакральный, династически-властный, сословный и национальный). Однако при сравнении этих линий памяти с памятью об Александре Невском очевидны явные фазовые сдвиги. Уже в X в. останки Вацлава были захоронены в столице Богемии, тогда как захоронение в имперской столице Александра произошло лишь в 1724 г. Первые попытки богемских герцогов «присвоить» себе образ Вацлава датируются XI в. О политической инструментализации Александра русскими царями можно говорить лишь с XVI в. Если Карл IV выступил как авторитетный сторонник культа Вацлава уже в XIV в., Александр нашел своего властительного заступника — Петра I — лишь в XVIII столетии. В отличие от российского дворянского общества, образованная часть которого медленно открывала для себя св. Александра в конце XVIII в., богемские сословия избрали Вацлава своим небесным покровителем уже в XIII в. С 1219 г. богемское дворянство заверяло документы «печатью святого Вацлава». Александр никогда не становился сравнимым по значению символом российского дворянства как сословия. Как Александр, так и Вацлав в XIX и XX вв. использовались для национализации

соответственно русской и чешской культурной памяти. Однако и здесь можно наблюдать временной сдвиг. Например, св. Вацлаву воздвигли национальный памятник в Праге уже в начале XX в. Первый светский монумент Невскому появился в России лишь после Второй мировой войны. Первая конная статуя Невского национального масштаба появилась только после распада СССР.

Следующее важное различие между Александром и Вацлавом состоит, как нам представляется, в том, что Невскому ни разу не удалось занять место единственного национального святого своей страны, которое его чешский «коллега» обрел уже в начале XII в. Спустя всего двести лет после смерти Вацлав почитался в Богемии небесным покровителем страны и правящей династии, «вечным правителем», а также владельцем Богемии, *«terra sancti Wenceslai»*. Печати короля Богемии с XII в. украшались изображением святого с надписью *«Sanctus Wenceslaus, Boemorum dux»*. Даже если счесть перенесение мощей Александра в 1723—1724 гг. в Петербург попыткой Петра I сделать святого главным заступником Российской империи, в XVIII и XIX вв. князь оставался всего лишь одним из многих национальных святых Русской православной церкви. Если отдельные линии памяти о Вацлаве в Богемии очевидно сплелись в XIX в. в один национальный чешский дискурс, то церковный, имперский и национальный дискурсы об Александре Невском оставались до 1914 г. отделенными друг от друга. Только после распада СССР в Российской Федерации можно наблюдать схождение этих концептов коллективной идентичности в «патриотическом консенсусе».

Объявление св. Вацлава небесным покровителем Богемии открыло возможность существования памяти о нем независимо от истории правящей династии и института власти и позволило использовать его как символ противостояния несправедливому применению силы правителем. У первого памятника Вацлаву на пражском Конном Рынке начинались восстания и баррикадные бои 1848 г. Второй национальный памятник Вацлаву на одноименной площади стал после 1945 г. символом протеста против коммунистического режима. В январе 1969 г. Ян Палах покончил с собой у ног национального героя. Монумент, использовавшийся сторонниками Дубчека в качестве стенда для политических плакатов, со всех сторон охраняли силы безопасности. Подобное повторилось во время «бархатной революции» 1989 г., когда конная статуя вновь стала сборным пунктом участников политических демонстраций

против коммунистического режима. В истории же Александра Невского его образ не отделялся от генеалогии династии, от образа правящего в данный момент правителя или статуса великого князя, царя, императора, генерального секретаря и т.д. Святой Александр, в отличие от святого Вацлава, никогда не смог стать символом критического по отношению к власти, противостоящего или демократического дискурса. Даже в национальном дискурсе XIX в. Александр Невский всегда репрезентировал наряду с русской нацией институт самодержавного императора. И в антибольшевистском дискурсе евразийцев Невский представлялся идеалом православного самодержца. Ипостась небесного покровителя, поддерживающего свой народ в революционной борьбе против правителей, полностью отсутствует в фигуре Александра. Князь всегда оставался на протяжении долгой истории памяти о нем символом власти. Причину этого, однако, следует искать не в биографии князя, а скорее в отсутствии рамочных социальных условий и в коллективных духовных потребностях, которые не позволили такой памяти о князе сформироваться или не востребовали ее в ходе русской истории.

Эти первые осторожные рассуждения о сравнении историй памяти об Александре Невском и Вацлаве позволяют увидеть, какие исследовательские возможности сулит компаративное рассмотрение двух мест памяти в разных национальных традициях. Описанные сходства в развитии обеих фигур, с одной стороны, делают очевидным, что изменение исторических образов является не специфической чертой русской культурной памяти, а феноменом истории памяти многих европейских наций. Отдельные дискурсы об Александре Невском и соответствующие концепты коллективной идентичности соотносятся, по всей видимости, с подобными феноменами в истории памяти в других странах. Как кажется, «укладка» памяти о святом князе, например, в церковно-сакральный, династический или национальный дискурс коллективной идентичности приводила в различных странах к сходным изменениям соответствующих образов прошлого. В этом можно увидеть указание на структурную общность дискурсов коллективной идентичности в различных странах. В то же время сходства показывают, что история русской культурной памяти должна рассматриваться не как изолированное явление, но как феномен взаимоотношений разных культур. Так, например, стилизация Александра как святого правителя в XIII в. отражает тот образ князя, который известен как в византийской, так и в римско-католической духовной традиции.

Стилизация Александра как родоначальника московской династии в генеалогиях XV и XVI вв. создавалась с опорой на аналогичные генеалогические проекты на Западе. Петр I, без сомнения, при трансформации образа святого в имперский символ ориентировался на западные образцы, например образ святого короля Людовика во Франции. Николай Карамзин в начале XIX в. превратил Александра Невского в национального героя, конечно же ориентируясь на соответствующие процессы в Западной и Центральной Европе. Наконец, инструментализацию Александра в 1930-х гг. идеологами советского патриотизма невозможно понять без обращения к антисоветской национал-социалистской пропаганде Германского рейха.

Намеченные различия истории памяти об Александре Невском и Вацлаве, с другой стороны, бросают свет на определенные особенности развития русской культурной памяти. К ним, например, можно причислить то обстоятельство, что в России культурная память сравнительно поздно разделилась на церковно-сакральный и династически-имперский дискурсы, а в XIX в. влияние национального дискурса было сравнительно невелико. Рассматривая историю памяти об Александре Невском, можно осмелиться высказать тезис, что только после распада СССР, в 1991—1993 гг., можно говорить о консолидации и всеобщем распространении концепта *национальной* русской идентичности. Эта форма «догоняющего» развития сопровождается процессами, указывающими на игровое обращение с историческим наследием и национальными мифами и символами, прежде всего в сфере рекламы. Подобную одновременность творящего коллективную идентичность исторического дискурса и его постмодернистской релятивизации можно наблюдать и во многих западных странах. Таким образом, сегодня Александр Невский — в виде национального конного монумента и марки отечественного маргарина — символизирует и прибытие России в XXI век.

---

[1] О Михаиле Черниговском см., в частности: *Dimnik M.* Mikhail of Chernigov and Grand Prince of Kiev. 1224—1246. Toronto, 1981; *Soldat.* Urbild und Abbild. S. 153ff.

[2] О св. Луи см., в частности: *Le Goff.* Ludwig der Heilige.

[3] История памяти о св. Вацлаве исследована относительно неплохо. См., в частности: *Graus F.* St. Wenzel, der heilige Patron des Landes Böhmen // Graus F. Lebendige Vergangenheit. Köln; Wien, 1975. S. 159—182; *Graus F.*

St. Adalbert und St. Wenzel. Zur Funktion der mittelalterlichen Heiligenverehrung in Böhmen // Europa slavica — Europa orientalis (FS Herbert Ludat) / Hg. K.-D. Grothusen, K. Zernack. C. 205—231; *Seibt F.* Der Heilige Herzog Wenzel // Lebensbilder zur Geschichte der böhmischen Länder. T. 4. München; Wien, 1981. S. 9—21; *Seibt F.* Wenzelslegenden // Bohemia. 1982. Bd. 23. H. 2. S. 249—276; *Dvornik Fr.* Das Leben des Heiligen Wenzel. Prag 1929. insbes. S. 93—111; *Naegle A.* Kirchengeschichte Böhmens. Bd. 1: Einführung des Christentums in Böhmen. Wien; Leipzig, 1915. S. 283—326; *Bláhová M.* Wenzel //_Lexikon des Mittelalters. Bd. VIII. München, 1997. Sp. 2185—2187; *Assion P.* Wenzeslaus (Vaclav) // Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 8. Freiburg, u.a. 1976. Sp. 595—599; *Obrazová P., Vlk J., Gloria M.* Svatý knír e Václav. Praha, 1994. См. об этом более подробно: *Schenk F.B.* Der Heilige und die Nation. Aleksandr Nevskij und der Heilige Wenzel im russischen bzw. tschechischen kulturellen Gedächtnis // Bohemia. 2004. Bd. 45. S. 315—352.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Настоящий список содержит все процитированные в данной работе сочинения. Распределение на «источники» и «литературу» оказалось сложным из-за многочисленных совпадений. В список источников вошли те тексты и изображения, которые напрямую можно причислить к истории памяти об Александре Невском. Другие источники находятся в рубрике «литература».

14.1. Источники

14.1.1. Архивные материалы

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва.

Ф. 1923 (С.М. Эйзенштейн):

Опись 1. Ед. хр. 410, 411, 417, 440, 460—462, 469—471, 474, 476, 480—488, 1189, 1191, 1195, 1240, 1242, 2298, 2300.

Опись 2. Ед. хр. 903, 905, 907, 911.

Отдел эстампов РНБ, Санкт-Петербург.

Святцы:

Э Ал Ис 547/3—7 эн 16141 (1714); Э Ал Ис 547/3—10 эн 44254 (после 1724 г.).

Собрание народных картин Адама Васильевича Олсуфьева:

Э Олс/3—637, Э Олс/3—638, Э Олс/3—639, Э Олс /3—640, Э Олс/10—2114, Э Олс/10—2164.

Альбом картин по русской истории от Рюрика до Николая I:

Э Ал Ир 100 / 4—8 / Эи 11866.

Альбом произведений русских художников, посв. истории и быту:

Э Ал Ир 10 / 2—9 / Эи 10090.

Сорок картин из русской истории. Художественно-исторический альбом с кратким объяснением картин. Бесплатное приложение к газете «Сын Отечества». Б.м.: Типография С. Добродеева, 1889:

Э Ал Ир 100 / 2—7 / Эп 6156.

Сорок картин из истории русской культуры и русской истории / Под ред. Н.Г. Тарасова, А.О. Гартвига и С.И. Гречушкина. Б.м.: Издание книжного склада В.В. Думнова, б.г.:

Э Ал Ир 100 / 4—6.

Полководцы и флотоводцы. Серия литографий. 21 лист с портретами (44х60 см). 1985:

Э АлП/А—211; Эп 62640.

14.1.2. Опубликованные источники

Müller G. Fr. Leben des heiligen Alexandri Newsky. Aus russischen ungedruckten Nachrichten zusammengetragen und mit Zeugnissen auswärtiger Geschichtsschreiber bestätigt. Mit einer geschichtlichen Tafel des hl. Alexander Newsky // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1. St. Petersburg, 1732. S. 281—314.

Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому. СПб.: Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, б.г. (после 1991). Здесь: Молитва святому благоверному великому князю Александру Невскому.

Александр В.Ю. Благоверный князь Александр Ярославич Невский. Сергиев Посад, 1905.

Александр Невский // Большая советская энциклопедия. М., 1950. Т. 2. С. 76—78.

Александр Невский // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 294—296.

Александр Невский // Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 1. С. 143.

Александр Невский. Великий князь (1263) // Энциклопедия православной святости. М., 1997. Т. 1. С. 27—29.

Александр Ярославич Невский // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 2. С. 167—168.

Александр, князь-инок. 750 лет Невской битвы // Наука и религия. 1990. № 6. С. 33—37.

Алексеев П. Нашествие татар. Святой благоверный князь Александра Невский. Невская битва и Ледовое побоище. 2-е изд. Пг., 1915.

Архив Маркса и Энгельса / Изд. В. Адорацкого. М., 1938. Т. 5.

Аршакунин О. В честь подвига // Псковская правда. 1976.15 февр.

Бегунов Ю.К. Александр Невский и современность // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 42—48.

Белан Н. О, русская земля. 5 апреля — 750 лет Ледового побоища // Советская Россия. 1992. 4 апр.

Беллярминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1896. (Перепечатано в: Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.Е. Естеферова. М., 1993.)

Беляев И.Д. Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник Общества истории и древностей России. 1849. Т. 4. С. 1—42.

Беляев Н.И. Александр Невский. М.: Воениздат, 1951.

Блистающий славой и добродетелью. Российская выставка детского рисунка. Каталог. 775-летию Александра Невского посвящается / Ред. Т. Бедоева, В. Вескин. М., (1995) 1996.

Богословская Е. «Святыня» // Ленинградская правда. 1989. 4 июня. № 130 (22572).

Булычева Л.И. Мир стоит до рати, рать до мира // Военно-исторический журнал. 1992. № 4/5.

«Большевик № 17» // Литературная газета. 1939. 10 окт.

Бущик Л.П. История СССР / Ред. А.М. Панкратова. М., 1954.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985.

Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Утверждение евразийцев. Книга четвертая. Берлин, 1925. С. 318—337. (Перепечатано в: Наш современник. 1992. № 3. С. 151—164.)

Виноградов И. Русским воинам // Правда. 1969. 15 марта. № 74 (18487).

Возвращение святыни // Вечерний Ленинград. 1989. 3 июня.

Ворожейкина Н.И., Соловьев В.М., Студеникин М.Т. Рассказы по родной истории. Учебник для V класса общеобразовательных учреждений. 3-е изд. М., 1997.

Гиндина Е. На сем стоять будет. Александр Невский — памятник и покровитель // Вечерний Петербург. 2002. 14 мая.

Глазков А. Александр будет смотреть на «Москву» // Смена. 2002. 7 мая. № 78 (23150).

Глязер С.В. Битва на Чудском озере. М., 1938.

Голубева Т.С., Гёллерштейн Л.С. Рассказы по истории СССР для IV класса. Учебная книга / Ред. Н.П. Кузина. 10-е изд. М., 1980.

Гринев Н. Россия и Европа: Век тринадцатый // Литературная Россия. 1992. 3 апр.

Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. История эпохи феодализма. Учебник для средней школы. Харьков; Полтава, 1934.

Гумилев Л.Н. Александр Невский и восточное христианство // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 73—78.

Гусев И. Вскрытие мощей Александра Невского // Красная газета. 1922. 13 мая. № 105 (1257).

Данилевский В.В. Александр Невский. 3-е изд. М.: Госполитиздат, 1944.

Дегтярев А.Я. Заступник Отечества. 750-летию битвы на Неве посвящается. Л., 1990.

Дегтярев А.Я. Заступник Отечества. 750-летию битвы на Неве посвящается // Ленинградская панорама. 1990. Вып. 7. С. 4—7.

Евгеньев М. Установление бюста Александра Невского // Новгородская правда. 1959. 23 авг. № 167 (3785).

Евстафьев П. О сценарии «Русь» // Литературная газета. 1938. 24 апр. № 23 (730).

Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. V —VI // Она же. Сочинения на основании подлинных рукописей. СПб., 1901. Т. 10. С. 232—284.

Елпатьевский К.В. Учебник русской истории. 12-е изд. СПб., 1909.

Епифанов И. Александр Невский (Ледовое побоище). Рассказ с рисунками Н. Каразина. СПб., 1892.

Епифанов П.П., Федосов И.А. История СССР. Учебник для IX—X классов средней школы. 2-е изд. М., 1964.

Ерофеев А. Святые мощи и конский хвост. Место у Александро-Невской лавры оспаривают два памятника полководцу // Век. 1999. 10—16 дек. № 48.

Ефименко А.Я. Элементарный учебник русской истории. Курс эпизодический. 2-е изд. СПб., 1912.

Живописный Карамзин или русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево. СПб., 1837.

Жизнь и подвиги святого благоверного великого князя Александра Невского. 5-е изд. СПб., 1881.

Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского, в иночестве Алексия. СПб., 1853 (Рец.: Отечественные записки. 1853. Т. 91. С. 74—77).

Житие и жизнь и повесть о храбрости и о чудесах, описано вкратце, святого великого князя Александра Ярославича Невского, нового чудотворца // *Мансикка В.И.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. Памятники древнерусской письменности и искусства. CLXXX. СПб., 1913. Приложение. С. 33—48. (Редакция Василия Варлаама. Кратко: Василий Варлаам.)

Житие и подвизи вкупе же отчасти чюдеса прехвальнаго и блаженнаго князя Александра Ярославича, рекомаго Невского, нареченнаго во иноцех Алексия // ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908. С. 279—295. (Редакция жития из Степенной книги. Кратко: Степенная книга.)

Житие святого благоверного великого князя Александра Невского // Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб., 1999.

Замысловская Е. Учебник истории. В школах I ступени. 3-е изд. М.; Пг., 1923.

И встанет памятник над озером Чудским // Псковская правда. 1977. 26 февр.

Иванов К.И. Музей Александра Невского в городе Переславле-Залесском. Ярославль, 1951.

Из речи тов. А. Гурвича // Литературная газета. 1939. 26 апр. № 23.

Измайлова И. Пятый всадник. Почему князя Александра Невского пытаются ссадить с коня // Культура. Еженедельная газета интеллигенции. 2000. 30 марта — 5 апр. № 12 (7220). (http://archive.kultura-portal.ru/archive/2000/12/rub7/1.asp.)

Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. 5-е изд. М., 1875. (Перепечатано в: Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В. Ерофеева. М., 1993.)

История России в картинах / Ред. Н.А. Дементьев. СПб., 1863—1871.

История России в портретах по столетиям. СПб.: Издание состоящей под Августейшим Попечительством Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургского, Покровской общины сестер милосердия, 1903.

История СССР. Краткий курс / Гл. ред. А.В. Шестаков. 4-е изд. М., 1946.

История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Ред. А.М. Панкратова. М., 1940.

Казеннов Д. История с памятником // Молодой ленинец. Псков. 1989. 22 июля. № 88 (4984).

Кайданов И. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 года. СПб., 1864.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV.

Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // Он же. Избранное. М., 1990. С. 389—394.

Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину N.N. // Он же. Избранное. М., 1990. С. 11—16.

Кардашов В. Ледовое побоище // Ленинградская панорама. 1992. Вып. 4 (апрель). С. 6—7.

Карпов А.Ю., Юрьев А.А. Самые знаменитые святые и чудотворцы России. М., 2001. С. 94—105.

Картины по русской истории (И.Н. Кнебеля) / Под общ. ред. и с объяснительным текстом С.А. Князькова. Б.м., 1908—1913. (Переиздавались в качестве приложения к журналу «Юный художник» в 1993—1996 гг.)

Киров С.М. 1886—1934. Материалы к биографии. М.: Партиздат, 1934.

Клепинин Н.А. Святой благоверный великий князь Александр Невский. 2-е изд. Париж, 1961(?). (Репринт первого изд.: Париж, 1927.)

Князь Александр Невский // Русский вестник. 1808. № 8. С. 157—183.

Козаченко А.И. Замечательный исторический урок. (Ледовое побоище и Невская битва) // Исторический журнал. 1937. № 3/4 (март—апрель). С. 156—164.

Козаченко А.И. Ледовое побоище. М., 1938.

Козлов И. Нашествие татар. Александр Невский. СПб.: Издано В.А. Березовским, 1899.

Костомаров Н.И. Александр Невский // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 1. Вып. 1. СПб., 1880. С. 155—172.

Краюхин С. Как семь веков назад // Известия. 1990. 16 июля. № 198.

Кротков С. Невская битва и Ледовое побоище. Исторический очерк. М.: Общество распространения полезных книг, 1892.

Кюхельбекер В.К. Лекция о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июле 1821 года // Литературное наследство. М., 1954.

Т. 59. С. 366—374. (Русский перевод: Декабристы. Антология: В 2 т. Т. 2: Проза. Литературная критика. Л., 1975. С. 347—357.)

Лаврук П. Солнце Отечества // Советский патриот. 1990. 28 мая — 3 июня. № 22. С. 8—9.

Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. М.: Институт археологии Академии наук СССР, 1966.

Липицкий С.В. Ледовое побоище. М.: Воениздат, 1964.

Лихачев Д.С. Богатырям Александра Невского // Литературная газета. 1969. 2 апр. № 14.

Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // Он же. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 367—373.

Ломоносов М.В. Краткий российский летописец. СПб., 1760.

Лурье А.Я. Александр Невский. М.: Воениздат, 1939.

Мавродин В.В. Ледовое побоище. Л.: Госполитиздат, 1941.

Макарихин В.П. Витязь Северной Руси. Повествование об Александре Невском. М., 1993.

Малинин Н. История России для народа. М., 1879.

Мальгин Т. Зерцало российских государей от рождества Христова с 862 по 1791 год. 2-е изд. СПб., 1791.

Манкиев А.И. Ядро российской истории. (Сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих.) 3-е изд. М.: Издано Г.Ф. Миллером, 1799.

Марк Сист. Чудеса в решете // Петроградская правда. 1922. 14 мая. № 106.

Маркс К. Хронологические выписки // Большевик. 1936. № 24 (15 декабря). С. 51—67.

Мартынов А. Очерки русской истории. Пг., 1921.

Мезенцев Е. Солнце земли русской // Патриот. 1995. № 29. С. 8—9.

Мелентьев Ю. «Скажите всем, что Русь жива...». К 775-летию Александра Невского // Правда. 1995. 15 апр.

Мелентьев Ю.С. «Венок славы Александра Невского» // Блистающий славой и добродетелью. Российская выставка детского рисунка. Каталог. 775-летию Александра Невского посвящается / Ред. Т. Бедоева, В. Векшин. М., 1996. С. 5—8.

Месяца ноября 23 день преставление святого и великого князя Александра Ярославича Невского. (Редакция жития, Новгород, третья четверть XVI в.) Публикация: *Бегунов Ю.К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы. 1961. Т. 17. С. 353—357.

Месяца ноября 23 день. Житие и подвиги благоверного великого князя Александра, иже Невский именуется, нового чудотворца, в нем же и о чудесах его отчасти исповедание // *Мансикка В.И.* Житие Александра Нев-

ского. Разбор редакций и тексты. СПб., 1913. Приложение. С. 49—124. (Редакция жития Ионы Думина.)

Милкин А. Символы наших побед // Невское время. 2002. 14 мая. № 85 (2682).

Миронов С. На месте Ледового побоища // Труд. 1971. 15 янв.

Митяев А. Книга будущих командиров. М., 1970.

Мостовский А. Краткие очерки истории России с портретами и картинами. 5-е изд. Рига, 1904.

Наумов Н. Александр Невский 1219—1263. М.: Молодая гвардия, 1943.

Неодобрение Одобряева // Декоративное искусство. 1988. № 12. С. 42—43.

Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С. История СССР. Учебное пособие для VII класса. 2-е изд. М., 1967.

Нечкина М.В., Фадеев А.В. История СССР. Учебное пособие для VII класса. 2-е изд. М., 1962.

Никонова О. Святой на бронзовом коне // Невское время. 1997. 17 июля.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.

Новик Д. Можно ли ссадить с коня Александра Невского? // Известия. 1999. 23 окт.

Новик Д. Памятник Александру Невскому откроют в День Победы // Известия (СПб.). 2002. 8 мая.

Новиков А. В 1242 году. М.: Правда, 1942.

Новинский Н. Ледовое побоище. Сражение с немцами в 1242 году. Ярославль, 1914.

Новые произведения П. Павленко. Из беседы с писателем // Литературная газета. 1937. 10 окт. № 55.

Одобряев В. Монумент в честь Ледового побоища на Чудском озере // Декоративное искусство. 1988. № 4. С. 18.

Орешкин А. Не видать нам Александра Невского без лошади // Смена. 1999. 23 нояб. № 293.

Острогорский М. Учебник русской истории. Элементарный курс. СПб., 1911.

Отдел юстиции Петросовета — Президиуму Петросовета (12.04.1919) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996. С. 58.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях / Ред. В.Д. Греков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто. М., 1953. Т. I.

Павленко П.А., Эйзенштейн С.М. Александр Невский // Павленко П.А. Киносценарии. М., 1952. С. 195—229.

Павленко П.А., Эйзенштейн С.М. Ответ тов. Евстафьеву // Литературная газета. 1938. 24 апр. № 23.

Павленко П.А., Эйзенштейн С.М. Русь. Литературный сценарий // Знамя. 1937. № 12. С. 102—136.

Памятник Александру Невскому в Старой Руссе // Новгородский комсомолец. 1959. 13 июня. № 70 (303).

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. (Репринт: М., 1965). С. 118—143.

Пашуто В.Т. Александр Невский и борьба народа за независимость в XIII веке. М., 1951.

Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1975. 2-е изд. (Первое изд.: 1974).

Петров В.П. Александр Невский: Поэма. Новгород, 1860.

Петров П. Бой Александра Невского на Неве со шведами Биргера // Нива. 1874. № 8. С. 119—122.

Петрушевский А. Сказание о св. благоверном, великом князе Александре Невском. СПб.: С.-Петербургский комитет грамотности, 1885.

Писарев А. Предметы для художников, избранные из российской истории, славенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе. СПб., 1807.

Пичета В.И. Александр Невский. Исторический очерк. Ташкент, 1942.

Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический. 4-е изд. СПб., 1911.

*Плугин В.*Тайные службы Александра Ярославича // Наука и религия. 1995. № 6. С. 36—41.

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 190—195. (Первая редакция Жития. Перевод на русский язык: С. 196—201.)

Погодин Н.П. Начертание русской истории для училищ. М., 1835.

Подорожный Н.Е. Александр Невский. М.: Воениздат, 1941.

Подорожный Н.Е. Ледовое побоище. М., 1938.

Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1967. Т. 3.

Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 3-е изд. М., 1923—1926.

Пономарев А. Александр Невский // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1904. Т. 1. Стб. 437—448.

Поселянин Е. Сказание о святых вождях земли русской. М., 1900.

Постановление СНК РСФСР (29.07.1920) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996. С. 60.

Потемкин А.Н. Великий русский полководец Александр Невский. М., 1952.

Потресов В. На месте Ледового побоища // Огонек. 1985. № 49. С. 32.

Православная богословская энциклопедия. Пг., 1904. Т. 1.

Православный церковный календарь. 1997. М., 1996.

Православный церковный календарь. 2002. М.: Международный православно-просветительный центр при Московской патриархии, 2001.

Предложения Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе (29.07.1920) // Русская православная церковь и коммунис-

тическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996. С. 60.

Преображенский А. Солнце земли русской. К 750-летию победы на Неве // Литературная Россия. 1990. 13 июля. № 28. С. 19.

Придворный календарь на 1891 год. СПб., б.г. (Особ.: Исторический обзор ордена Св. Александра Невского. С. 426—448).

Придворный календарь на 1914 год. СПб., б.г.

Проханов А. Битва светлая // День. 1992. 5—11 апр. № 14 (42).

Пятова Г.В., Кривенко В.С. Александр Невский. М., 1993.

Разин Е.А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2.

Ремезов И. Сказание о подвигах святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1862.

Репина А. Святыня возвращена верующим // Смена. 1989. 4 июня. № 121 (19281).

Рождественский С. Отечественная история. Курс средних учебных заведений. 5-е изд. СПб., 1878.

Рожков Н.А. Учебник истории всеобщей и русской. Курс систематический для второй степени единой трудовой школы и для самообразования. Курск, 1922.

Романов А. Как мы вскрывали // Красная газета. 1922. 13 мая. № 105 (1257).

Рубцов Ю. Он любил Отечество более чести // Красная звезда. 1992. 4 апр.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996.

Русская энциклопедия / Ред. С.А. Адрианов и др. СПб., 1911. Т. 1.

Рыбаков Б.А., Сахаров А.М., Преображенский А.А., Краснобаев Б.И. История СССР. Учебник для VIII класса. 4-е изд. М.: Просвещение, 1991.

Саблин И. Монументальные пустоты // Петербургский Час пик. 2002. 15—21 мая. № 20 (226).

Самгин К. Князь скачет на «Москву» // Коммерсант. СПб. 2002. 7 мая. № 77. С. 12.

Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России. С древнейших времен до конца XVII века. Учебник для X класса общеобразовательных учреждений. 4-е изд. М.: Просвещение, 1998.

Святой Александр Невский // Нива. 1870. № 9. С. 142—144.

Святой благоверный великий князь Александр Невский. М.: Отдел распространения духовно-нравственных книг, 1885.

Святой благоверный великий князь Александр Невский и Свято-Троицкая Александро-Невская лавра на память двухсотлетия обители (1713—1913). СПб., 1913.

Святой благоверный князь Александр Невский. Б.г., б.м. (Буклет в продаже книжного киоска Александро-Невской лавры. СПб., 1998).

Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. Вязники, 1888.

Святой великий князь Александр Невский и Александро-Невский монастырь в Санкт-Петербурге // Воскресный досуг. Народная иллюстрация. 1863. № 33. С. 118—122.

Святые. Коим господь даровал особую благодать исцелять болезни и подавать помощь в других нуждах. Какому святому в каких случаях молиться. М.: Православное братство св. апостола Иоанна Богослова, 1998.

Симонов К. Ледовое побоище. Поэма // Знамя. 1938. № 1. С. 182—206 (Также: Пролетарская правда. 1938. 8 дек.; РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 28.)

Сказание о подвигах и жизни великого князя Александра Ярославича Невского // Памятники древней письменности. 1882. Т. 36.

Скворцов И.В. Учебник русской истории. Систематический курс. Ч. 1. 4-е изд. Б.м., 1913.

Словарь исторический о святых православных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1862. (Репринт: М., 1990.)

Слово похвальное благоверному князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в нем же и о чудесах его споведася // *Мансикка В.И.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. Памятники древнерусской письменности и искусства. CLXXX. СПб., 1913. Прил. С. 15—31. (Редакция жития из Миней Четьих. Кратко: Четьи Минеи.)

Снова Блюм // Литературная газета. 1939. 26 янв. № 5.

Собчак А.А. Александр Невский — покровитель Санкт-Петербурга // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 3—5.

Соколов Ю.Ф. За землю русскую: К 775-летию со дня рождения Александра Невского. М., 1990.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3—4 // Он же. Сочинения. М., 1988. Т. 2.

Соловьев С.М. Святой Александр Невский // Московские ведомости. 1851. 30 авг. С. 965.

Соловьев С.М. Учебник русской истории. 3-е изд. М., 1860.

Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Он же. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947.

Сталин И.В. Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве // Он же. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943. С. 34—37.

Столп-воитель земли и церкви русской: святой благоверный великий князь Александр Невский. Житие, подвиги и чудеса благоверного князя и его багрянородных сподвижников. 2-е изд. М., 1901.

Стрельцов В. Во славу воинства русского. Невской битве 750 лет // Красная звезда. 1990. 15 июля. № 163 (20250).

Стриттер И. История российского государства. СПб., 1801. Ч. 2.

Строков А. Военное искусство Александра Невского // О начальных этапах развития русского военного искусства. М., 1951. С. 92—100.

Строков А. Историческая победа на Чудском озере в 1242 году. К 740-летию Ледового побоища // Военно-исторический журнал. 1982. № 3. С. 53—58.

Сутт Н.И. Александр Невский. Ярославль, 1940.

Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5.

Терехов В.П. Александр Невский. М., 1990.

Тихомиров М.Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Он же. Древняя Русь. М., 1975. С. 375—380. (Первая публикация: Историк-марксист. 1938. Вып. 3. С. 92—96.)

Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия Академии наук СССР. Серия философии. 1950. Т. 7. № 1. С. 88—91.

Тихомиров О.Н. Битва на Неве. (Иллюстрации Б.Р. Пашкова). М., 1993.

Трахтенберг О.В., Гуковский А.И., Вернадский В.Н. Рабочая книга по истории. Для V года ФЗС и I года ШКМ. М.; Л., 1931.

Трефилов Ю. Александр Невский прибыл на площадь Александра Невского // Санкт-Петербургские ведомости. 2002. 7 мая. № 84 (2714).

Троханов А. Память Чудского озера. О традициях и поисках современных монументалистов // Комсомольская правда. 1969. 4 марта.

Туманский Ф. Созерцание славной жизни святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. СПб., 1789.

Успение великого князя Новгородского Александра Ярославича. (*Begunov Ju.K.* Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd. 16. S. 88—109. Здесь: S. 105—109. «Третья редакция» Жития.)

Установление императора Павла I для российских орденов (5.4.1797) // Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов / Сост. граф И.И. Воронцов-Дашков. СПб., 1891. С. 59—78.

Устрялов Н.Г. Русская история. 3-е изд. СПб., 1845. Т. 1.

Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью и местно. Опыт описания жизни их. 2-е изд. Чернигов, 1865.

Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. (Репринты: М., 1991; СПб., 1992. Изд. 1992 г. в Интернете: http://www.rus-sky.org/history/library/nevsky.)

Хмыров М.Д. Александр Ярославич Невский. Великий князь Владимирский и всея Руси. Историко-биографический очерк. Б.м., б.г. (Цензурное разрешение 1871 г.)

Холодный Г.М. Жизнь и деятельность великого князя Александра Ярославича Невского в связи с событиями на Руси XIII столетии. Тамбов, 1883.

Церемониальный камер-фурьерский журнал 1770 года. Б. м., б.г.

Шарымов А. «И тут бысть велика сеча» // Аврора. 1990. № 7. С. 139—149.

Шаскольский И. Борьба русского народа за немецкие берега. М., 1940.

Шмидт С.О. Александр Невский // БСЭ. 3-е изд. М., 1970. С. 408—409. Т. 1.

Шмидт С.О. Александр Невский // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Стб. 371—372.

Шульгина Т. «На том стоит земля русская» // Советская культура. 1969. 6 февр. № 16 (3986).

Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 3 // Он же. Сочинения. СПб., 1902. Т. 3.

Эйзенштейн С.М. (совместно с П. Павленко). Александр Невский. Литературный сценарий // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 155—196, 453—455.

Эйзенштейн С.М. Александр Невский // Он же. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 165—174. (Первая публикация: Кино. 1938. 11 нояб.; РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Ед. хр. 905.)

Эйзенштейн С.М. Александр Невский. 1938. Из истории создания фильма «Александр Невский» // Он же. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 159—160.

Эйзенштейн С.М. Александр Невский и разгром немцев // Известия. 1938. 12 июля (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1191).

Эйзенштейн С.М. Истинные пути изобретания. Александр Невский // Он же. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 176—184.

Эйзенштейн С.М. Мемуары. М., 1997. Т. 2.. С. 262—276.

Эйзенштейн С.М. Патриотизм — моя тема // Он же. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 161—164.

Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 1.

Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский. СПб., 1890. Т. 1.

Югов А. Куда же смотреть коню // Советская Россия. 4 апр. 1969.

Яковлев А.И. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке. Александр Невский. М., 1944.

Янкович де Мириево Ф.И. Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799.

14.1.3. Визуальные и материальные источники (внутри групп хронологически)

14.1.3.1. Фрески и росписи храмов

Архангельский собор, Москва. Изображение Александра на фресках. Ил., в частности: *Zernack K.* Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994. Ил. 8.

Благовещенский собор, Москва. Изображение Александра на фресках. Ил.: *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Drang nach Osten» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32—58.

Исаакиевский собор, Санкт-Петербург. Роспись купола. Эскизы К.П. Брюллова (1843—1847). Ил.: *Brjullov K.P.* Paintings, Watercolours, Drawings. Leningrad, 1990. Илл. 163. Проект осуществлен П.В. Бассиным. Ил.: St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974. Ил. 42, 44.

Семирадский Г.И. Эскизы фресок храма Христа Спасителя в Москве (1876):

(1) «Александр в Золотой Орде»;

(2) «Александр принимает папских легатов»;

(3) «Смерть Александра»;

(4) «Погребение Александра и чудо духовной грамоты».

Мотивы (3) и (4): ил. в: *Климов П.Ю.* Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX — начала XX в. // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.9.1995. Новгород, 1996. С. 93—100.

14.1.3.2. Иконы, пелены, прориси

Чудо от иконы «Знамение Пресвятой Богородицы» (Битва новгородцев с суздальцами). Ил. в: *Onasch K.* Ikonen. Berlin, 1961. S. 365—366, ил. 41—43.

Ikonenmalerhandbuch der Familie Stroganov. München; Autenried, 1965. (Прорись (конец XVI века) для иконы Александра Невского как святого покровителя дня 23 ноября: С. 105. См. также: Изображения Божьей Матери и святых православной церкви. М., 1996. С. 68, 328).

Портретные иконы «Московского периода» (XVI—XVII вв.):

(1) Ил. в: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. Ил. 5;

(2) Александр, молящийся Богородице (XVII в.). Ил. в: Tausend Jahre orthodoxe Kirche in der Rus'. 988—1988 / Ed. F. Ullrich. Russische Heilige in Ikonen. Recklinghausen, 1988. S. 47. Abb. 56; Энциклопедия православной святости. М., 1997. Т. 1. С. 28.

(3) Александр, молящийся Богу (конец XVII в.): *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Drang nach Osten» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. Ил. 4.

Пелены (Московского периода): *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Drang nach Osten» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. Ил. 2 (1613); *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. (Репринты: М., 1991; СПб., 1992.) С. 191 (1690).

Житийная икона «Александр Невский с деянием». Ил. в: *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII века // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 311—326; *Бегунов Ю.К.* Древнее изображение Александра Невского // Byzantino-Slavica. 1981. Vol. 42. H. 1. С. 39—42.

«Насаждение древа Московского государства — Похвала Богоматери Владимирской» Семена Ушакова. Государственная Третьяковская галерея,

Москва. Ил. в: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Großen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978. S. 222.

«Церковь воинствующая / Благословенно воинство небесного царя». Государственная Третьяковская галерея. Ил., в частности: *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. XVI — начало XVIII века. М., 1963. Ил. 37—41.

Портретные иконы XVIII в.:

(1) Илл. в: *Haustein-Bartsch E.* Ikonen. Eine Stiftung für das Ikonenmuseum Recklinghausen. Recklinghausen, 1995. S. 31;

(2) Ил. в: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский: человек и миф // Наука и религия. 1970. Вып. 5. С. 52—57. Здесь: С. 55; Энциклопедия православной святости. М., 1997. Т. 1. С. 28;

(3) Ил. в: *Abel U.* En märkelig Alexander Nevskij — ikon // Rysk Kulturrevy. 1977. H. 1. S. 7. (Середина XVIII в.);

(4) Александр Невский. Икона в Петропавловском соборе, СПб., начало XVIII в. Ил.: Открытка Музея истории Санкт-Петербурга.

Васнецов В.М. Эскиз портретной иконы для иконостаса Владимирского собора в Киеве (1884/1885). Ил. в: *Моргунов М.* Виктор Михайлович Васнецов. Жизнь и творчество. М., 1962. С. 278.

Нестеров М.В. «Святой Александр Невский». Эскиз иконы для иконостаса церкви Вознесения Христова в Санкт-Петербурге (1892/1893). Илл. в: *Климов П.Ю.* Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX — начала XX в. // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.9.1995. Новгород, 1996. Ил. 4.

Александр Невский. Икона XX века. Мастерская Московской патриархии. Илл. в: Tausend Jahre Kirche in Rußland. Katalog zur Ausstellung der evangelischen Akademie Tutzing und der Arbeitsgemeinschaft für evangelische Erwachsenenbildung in Bayern e.V. / Hg. Evangelische Akademie Tutzing. Tutzing, 1987. S. 167.

Портретные иконы XX в. (после 1988 г.): собрание автора.

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. СПб.: Арт Деко, 2006.

14.1.3.3. Лицевой летописный свод, книжные иллюстрации, лубки, листовки, плакаты, почтовые марки и пр.

Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. 2-е изд. СПб., 1992.

«Большая государственная книга» («Титулярник»). Ил. в: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский: человек и миф // Наука и религия. 1970. Вып. 5. С. 53.

Синодик царской дочери Татьяны Михайловны. Ил. в: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Großen. Studien zur

Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978. S. 245.

«Святой Александр Невский, Нева, Петербург и Александро-Невской монастырь». Лубок XVIII в. Ил. в: *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913. С. 271.

Верещагин В.П. «Александр Невский умоляет хана пощадить землю русскую». Ил. к книге: История России в картинах / Ред. Н.А. Дементьев. СПб., 1863—1871. Вып. VIII. № 26.

«Александр Невский 1246—1263». Книжная иллюстрация № 21 в: Исторический альбом тысячелетия России. Портреты царского дома земли русской с 862—1862 гг., издание К. Соловьева. СПб., 1875.

Верещагин В.П. Александр Ярославич Невский. Книжная иллюстрация в: История государства Российского в изображении державных его правителей. СПб., 1891. Ил. в: *Литвинов Б.* Властелины Кремля. М., 1996. С. 37.

«Невская битва». Книжная иллюстрация в: История России по столетиям. Издание состоящей под Августейшим Попечительством Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургского Покровской общины сестер милосердия. СПб., 1903. S. 47.

«Александр Невский с новгородцами молится перед битвой». Книжная иллюстрация в: *Ефименко.* Элементарный учебник русской истории. 2-е изд. СПб., 1912. С. 61; *Скворцов.* Учебник русской истории. 4-е изд. Ч. 1. Б.м., 1913. С. 99.

«Ледовое побоище 5 апреля 1242 года». Патриотическая открытка «Общества 1914 года». Ил. в: *Stricker G.* Rußland. Berlin, 1997. (Reihe: Deutsche Geschichte im Osten Europas). S. 113.

«Св. Александр Невский в 1242 году победил немцев на льду Чудского озера». Пропагандистский лубок времен Первой мировой войны. Ил. в: Картинки. Война русских с немцами. Пг., 1916.

Карикатура из журнала «Безбожник» (1925 г. (?)). Ил. в: *Fülöp-Miller R.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich; Leipzig; Wien, 1926. Илл. 160.

Бельский А.П. «Александр Невский. Большой звуковой исторический художественный фильм. Посвящен одному из самых героических событий русской жизни XIII века — разгрому тевтоно-литовских рыцарей на Чудском озере в 1242 году». Плакат. М: Госкиноиздат, 1938. Тираж 6500 экз. Ил.: http://www.ruhr-uni-bochum.de/lirsk/kunst.htm.

Яковлев Е. «Александр Невский. Большой звуковой исторический художественный фильм. Посвящен одному из самых героических событий русской жизни XIII века — разгрому тевтоно-литовских рыцарей на Чудском озере в 1242 году». Плакат. М: Госкиноиздат, 1938. Тираж 8000 экз.

«Большой исторический художественный фильм "Александр Невский". Немало славных побед русского оружия записано в летописях истории. Об одной из таких славных побед рассказывает фильм "Александр Невский", фильм, показывающий, как в 1242 г. русский народ во главе с полководцем Александром Невским разгромил немецких псов-

рыцарей, усеяв их трупами лед Чудского озера». Плакат. М: Искусство, 1941. Тираж 7000 экз.

«Били, бьем и будем бить!» Листовка. 1941. Ил. в: *Zernack K.* Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994. Ил. 54 с.

*Кукрыниксы (*текст Самуила Маршака). «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева». Советский пропагандистский плакат 1941 г. Ил. в: Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 101; http://www.ruhr-uni-bochum.de/lirsk/kunst.htm.

«1242—1942 гг. — Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». (Пропагандистский плакат Великой Отечественной войны). Ил. в: *Пашуто В.* Александр Невский. М., 1975. С. 128—129.

Маврина Т. (текст Абрама Эфроса). «Стой! Прочти рассказ о том, как боролась Русь с врагом и как ныне дело спорится — наш народ с фашистом борется». Цветная литография. Ил. в: Agitprop im Krieg gegen das Großdeutsche Reich. Sowjetische Plakate 1941—1946 aus dem Staatlichen Museum Moskau. Deutsches Historisches Museum Berlin Magazin. 1991. Bd. 1. H. 4. S. 12.

Соколов-Скаля П. «"Освободим землю новгородскую от врага! Кто с мечом к нам войдет — от меча погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля!" Александр Невский». Окна ТАСС. 08.02.1944. Ил. в: Agitprop im Krieg gegen das Großdeutsche Reich. Sowjetische Plakate 1941—1946 aus dem Staatlichen Museum Moskau. Deutsches Historisches Museum Berlin Magazin. 1991. Bd. 1. H. 4. S. 39.

«Александр Невский». Почтовая открытка. 1943. Ил. в: Ленинградская панорама. 1990. №. 7. С. 6.

Корин П.Д. «Александр Невский» (1942—1943, фрагмент триптиха «Северная баллада»). Государственная Третьяковская галерея. Почтовая марка, вышедшая в серии «Третьяковская галерея» Почты СССР (6 копеек). 1967.

«Александр Невский». Литография Новиковского // «Полководцы и флотоводцы». Серия литографий. 21 лист с отдельными портретами (44 х 60 см). СПб., 1985. РНБ. (Отдел эстампов. Э AlP/A—211; Эп. 62640).

Почтовый блок (50 коп.) Почты СССР к 750-летию Невской битвы. (1990). Дата выпуска: 20.06.1990. Эскиз: В. Илюхин. Тираж: 1,1 млн. Ил. в: *Gabka J.* Weltchronik in Briefmarken. Bd. 1. Berlin, 1997. Abb. 804.

Почтовый блок (50 коп.) Почты Российской Федерации к 750-летию Ледового побоища (1992). Дата выпуска: 20.02.1992. Эскиз: Якевич. Тираж 0,9 млн. Ил. в.: *Gabka J.* Weltchronik in Briefmarken. Bd. 1. Berlin, 1997. Abb. 805.

Почтовая марка (1000 рублей) Почты Российской Федерации с изображением Александра Невского в серии почтовых марок «История Российского государства» (Портреты исторических деятелей Российского государства). 1995. Тираж 0,55 млн.

«Наша взяла». Рекламный плакат. «Деревенское масло мягкое™». Санкт-Петербургский маргариновый комбинат. 1999.

14.1.3.4. Мозаики, историческая живопись, статуи, памятники и пр.

Орденский знак ордена Александра Невского (1725). Ил., в частности: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. Ил. XXXIII.

Ломоносов М.В. Мозаичный портрет Александра Невского (1757/1758). Ил. в: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995.

Угрюмов Г.И. «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями». (1794). Ил. в: *Зонова З.Т.* Г.И. Угрюмов (1764—1823). М., 1966.

Пименов С.С. Статуя Александра Невского перед Казанским собором. СПб., (1807—1811). Ил. в: St. Petersburg um 1800. S. 82.

Шебуев В.К. «Святой Александр Невский». Живопись. (1819). Ил. в: St. Petersburg um 1800. Ил. 43.

Бассин П.В. «Александр Невский в борьбе со шведами». Холст, масло. Для часовни Александра Невского в Исаакиевском соборе. Ок. 1850 года. Ил. в: St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974. Ил. 83.

«Перенесение мощей Александра Невского в С.-Петербург», ок. 1850 г. Бронзовый барельеф на южном портале Исаакиевского собора И.П. Витали. Ил., в частности: St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974. Ил. 90.

Микешин М. Памятник «Тысячелетие России» в Новгородском кремле. (1862). Илл. в: *Смирнов Г.В.* Россия в бронзе. Памятник тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.

Рерих Н.К. «Бой Александра Невского с ярлом Биргером». Эскиз мозаики. 1905. Ил. в: *Schmiegelt U.* Rußland. Geschichte als Begründung der Autokratie // Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama / Hg. M. Flacke. Berlin, 1998. S. 408.

Телятников И. Орденский знак ордена Александра Невского (1942). Ил. в: *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1975.

Корин П.Д. «Александр Невский». Живописное полотно (1942—1943). Средняя часть триптиха. Ил., в частности: Berlin—Moskau / Moskau—Berlin 1900—1950. Ausstellungskatalog, Berlinische Galerie, Staatliches Puškin-Museum / Hg. I. Antonowa, J. Merkert. Moskau; München; New York, 1995. S. 457.

Памятник (бюст) «Александр Невский. 1220—1263» в Переславле-Залесском, после 1945 г. Ил. в: *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1975.

Томский Н.В. Памятник Александру Невскому в Новгороде (1959).

Орлов С. Памятник Александру Невскому во Владимире-на-Клязьме (1963). Ил.: http://www. cityadm.vladimir.su/photo/gorod/1000years/V40_2.jpg.

Чернов И. Памятник Александру Невскому на набережной в Новгороде (недалеко от церкви Бориса и Глеба). Установлен: 1984.

Козенюк В. Бюст Александра Невского. Установлен в июле 1990 г. в Пушкине, около Софийского собора. Освящен 12 сентября 1990 г. Ил. в: *Золотоносов М.* Бронзовый век. СПб., 2005. С. 217.

Козловский И.И. Памятник в честь Ледового побоища на Соколичей горе (окрестности Пскова, недалеко от Чудского озера). 1988—1992. Ил., в частности: Правда. 15.04.1995.

Быстров А.К. «Битва Александра Невского». Настенное изображение на станции метро «Площадь Александра Невского» в С.-Петербурге. Ил. в: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. Суперобложка.

Памятник «Защитникам земли русской». Москва, Поклонная гора. 1995. Ил.: Ориентир. Журнал Министерства обороны России. 1999. № 5. Суперобложка.

Присекин С.Н. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. Живописное полотно, ок. 1995 г. Фрагмент на титульном листе: Военно-исторический журнал. 1997. Вып. 2 (март—апрель).

Клыков В. Памятник Александру Невскому на Красной площади в Курске, открыт в октябре 2000 г. Ил.: http://www.cofe.ru/blagovest/Images/Nevsky.jpg.

Козенюк В., Пальмин А. Памятник Александру Невскому на площади Александра Невского в Санкт-Петербурге, открыт 9 мая 2002 г. Ил. в: *Золотоносов М.* Бронзовый век. СПб., 2005. С. 323—332.

Селезнев А., Козенюк В. Памятный знак «Часовня на месте Божьей помощи в день Невской битвы» со скульптурным портретом Александра Невского. Памятник установлен около церкви Св. благов. кн. Александра Невского (пос. Усть-Ижора) и освящен 6 декабря 2002 г. Ил. в: *Золотоносов М.* Бронзовый век. СПб., 2005. С. 218—220.

Горевой В. Памятник Александру Невскому в поселке Усть-Ижора под С.-Петербургом, открыт 29 мая 2003 г. Илл. в: *Золотоносов М.* Бронзовый век. СПб., 2005. С. 334—335.

Черноглазов И. Памятник Александру Невскому во Владимире, открыт 12.06.2003. См.: http://www.vladgrad.narod.ru/1/220/066_2_03.HTM.

14.1.4. Кинофильм

Александр Невский. Художественный фильм Сергея Эйзенштейна. Мосфильм, 1938; Видеокопия: Киновидео объединение «Крупный план» (Серия «Киноклассика»). М., 1997; DVD — The Criterion Collection, 2001.

14.2. Литература

Abel U. En märkelig Alexander Nevskij — ikon // Rysk Kulturrevy.1977. Bd. 9. H. 1. S. 5—8.

Abel U. Icons and Soviet Art // Iconography of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / Ed. C. Arvidsson, L.E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 141—162.

Akten zur deutschen und auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes, Serie D (1937—1945). Bd. IV: Die Nachwirkungen von München, Oktober 1938 — März 1939. Baden Baden, 1951.

Alexander Newskij // S.M. Eisenstein / Zusammengestellt von Jacques Charrière. Tübingen, 1973. S. 99—122.

Alexeev M.A., Vagin V. Russian Regions in Expanding Europe: The Pskov Connection // Europe-Asia Studies. 1999. Bd. 51. P. 43—64.

Alexeyewa L., Goldberg P. The Thaw Generation. Coming of Age in the Post-Stalin Era. Little Brown, 1990.

Alings R. Monument und Nation. Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal. Berlin; New York, 1996.

Altendorf B. Die russischen Sänger des Königs und die Kolonie Alexandrowka in Potsdam. Berlin, 2004.

Altrussische Heiligenleben / Hg. K. Onasch. Berlin, 1977.

Ammann A.M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Nevski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma; 1936.

Angenendt A. Der Heilige: auf Erden — im Himmel // Hg. J. Petersohn. Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter. Sigmaringen, 1994. S. 11—52.

Angenendt A. Heilige und Reliquien. Die Geschichte ihres Kultes vom frühen Christentum bis zur Gegenwart. München, 1997.

Angenendt A. Ekstase und Wunder — Vorbild und Inbild: die Heiligen // Die Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder 1500—2000 / Hg. R. Dülmen. Köln, 1998. S. 93—111.

Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik in Rußland vom Ende des Zarenreiches bis zum Beginn der Stalin Ära. Berlin; Wiesbaden, 1978.

Arnold S.R. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, 1998.

Aron P.H. M.N. Pokrovskii and the Impact of the First Five-Year Plan on Soviet Historiography // Essays in Russian and Soviet History / Ed. J.S. Curtiss. Leiden, 1963. P. 283—302.

Assion P. Wenzeslaus (Vaclav) // Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 8. Freiburg u.a, 1976. Sp. 595—599.

Assmann A. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis — zwei Modi der Erinnerung // Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten / Hg. K. Platt, M. Dabag. Opladen, 1995. S. 169—185.

Assmann A. Gedächtnis, Erinnerung // Handbuch der Geschichtsdidaktik / Hg. K. Bergmann. Seelze-Velber, 1997. S. 33—37.

Assmann A. Zum Problem der Identität aus kulturwissenschaftlicher Sicht // Die Form des Regionalen. Über neue Formen kultureller Identität. Frankfurt/Main, 1994. S. 13—35.

Baedeker K. Rußland. Leipzig, 1904.

Baehr St.L. From History to National Myth: Translatio imperii in Eighteenth Century Russia // Russian Review. 1978. Vol. 37. P. 1—13.

Balter L. Alexander Nevsky // Film Culture. 1983. № 70/71. P. 43—87.

Barber J. The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War 2 // World War 2 and the Soviet People / Ed. J. Garrard, C. Garrard. Houndmills; London, 1993. P. 38—49.

Bartlett R., Edmondson L. Collapse and Creation: Issues of Identity and the Russian *Fin de Siècle* // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 165—193.

Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. P. 1—17.

Baudry P. Notes sur Alexandre Nevski // Cahiers du cinéma. 1971. № 226—227. P. 39—41.

Becker S. Contributions to a Nationalist Ideology: Histories of Russia in the First Half of the Nineteenth Century // Russian History. 1986. Vol. 13. № 4. P. 331—353.

Begunov Ju. Aleksandr Nevskij im künstlerischen und geschichtlichen Bewußtsein Rußlands bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts // Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert / Hg. H. Grasshoff. Berlin, 1986. S. 81—125.

Begunov Ju. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd. 16. S. 88—109.

Benz E. Geist und Leben der Ostkirche. München, 1971.

Bergmann K. Identität // Handbuch der Geschichtsdidaktik / Hg. K. Bergmann. Seelze-Velber, 1997. S. 23—29.

Beyme K. v. Die Oktoberrevolution und ihre Mythen in Ideologie und Kunst // Revolution und Mythos / Hg. D. Harth, J. Assmann. Frankfurt/M., 1992. S. 149—177.

Beyrau D. Nationalsozialistisches Regime und Stalin-System. Ein riskanter Vergleich // Osteuropa. 2000. Bd. 50. H. 6. S. 709—720.

Bitter Victory // World War 2 and the Soviet People / Ed. J. Garrard, C. Garrard. Houndmills; London, 1993. P. 1—27.

Bittner K. Herdersche Gedanken in Karamzins Geschichtsschau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1959. NF 7. S. 237—269.

Black. J.L. The Search for a «Correct» Textbook of National History in 18th Century Russia // The New Review of East European History. 1976. Vol. 16. № 3. P. 3—19.

Bláhová M. Wenzel // Lexikon des Mittelalters. Bd. VIII. München, 1997. Sp. 2185—2187.

Blomqvist L.E. Some Utopian Elements in Stalinist Art // Russian History / Histoire Russe. 1984. Vol. 11. № 2/3. P. 298—305.

Bonnell E. Russisch-Livländische Chronographie. Von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. (Reprint: Leipzig, 1967.)

Bonnell V.E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997.

Bonnell V.E. The Leader's Two Bodies: A Study in the Iconography of the Vozhd' // Russian History / Histoire Russe. 1996. Vol. 23. № 1/4. P. 113—140.

Bonwetsch B. Der «Große Vaterländische Krieg» und seine Geschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hg. D. Geyer. Göttingen, 1991. S. 167—187.

Bonwetsch B. Der «Große Vaterländische Krieg». Vom deutschen Einfall bis zum sowjetischen Sieg (1941—1945) // Handbuch der Geschichte Rußlands.

Band 3/II. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat / Hg. v. G. Schramm. Stuttgart, 1992. S. 909—1008.

Bordjugov G. Umorientierung der Staatsideologie und Kulturpolitik in den 30er und 40er Jahren // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 29—38.

Bordwell D. Audio essay // Alexander Nevsky. DVD. The Criterion Collection, 2001.

Bordwell D. The Cinema of Eisenstein. Cambridge (Mass.), 1996.

Böss O. Die Lehre der Eurasier. Wiesbaden, 1961.

Bouchard M. The Medieval Nation of Rus': The Religious Underpinnings of the Russian Nation // Ab Imperio. 2001. № 3. P. 97—121.

Brandenberger D.L. «He who comes to us with the sword shall perish by the sword»: Historicizing the Production and Reception of S.M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii. Неопубликованная рукопись, март 2000.

Brandenberger D.L. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity 1931—1956. Cambridge (Mass.), 2002.

Brandenberger D.L. Soviet Social Mentalité and Russocentrism on the Eve of War, 1936—1941 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Bd. 48. H. 3. S. 388—406.

Brandenberger D.L. The Short Course to Modernity. Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity 1934—1956. (Ph. D. Dissertation, Harvard University, 1999). Введение опубликовано: http://www.people.fas.harvard.edu/ ~dbranden/prospectus.html.

Brandenberger D.L., Dubrovsky A.M. «The People Need a Tsar»: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931—1941 // Europe-Asia Studies. 1998. 50. P. 873—892.

Bremer T. Religion und Kirche // Rußland unter neuer Führung. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. H. H. Höhmann, H.-H. Schröder. o.O., 2001. S. 256—266.

Breslauer G.W. Identities in Transition: An Introduction // Identities in Transition: Eastern Europe and Russia after the Collapse of Communism / Ed. V.E. Bonnell. Berkeley, 1996. P. 1—12.

Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature 1861—1917. Princeton, 1985.

Bulgakowa O. Herr der Bilder — Stalin und der Film, Stalin im Film // Agitation zum Glьck / Hg. H. Gaßner. Bremen, 1993. S. 65—69.

Bulgakowa O. Kunst als emotionale Versklavungsmaschine oder befreiende Realität? Zum 100. Geburtstag Sergei Eisensteins // Neue Züricher Zeitung. Nr. 18. 23.1.1998. S. 35.

Bulgakowa O. Sergej Eisenstein — drei Utopien. Architekturentwürfe zur Filmtheorie. Berlin, 1996.

Bulgakowa O. Sergej Eisenstein. Eine Biographie. Berlin, 1997.

Bulgakowa O. Wahnsinn ohne Logik oder der deutsche Russe — Logik des Wahnsinns oder der russische Deutsche // Die ungewöhnlichen Abenteuer des

Dr. Mabuse im Lande der Bolschewiki / Hg. O. Bulgakowa. Berlin, 1995. S. 43—80.

Bulgakowa O. Zwischen Gleichgültigkeit und Inbesitznahme. Eisenstein und seine «Brecht-Erben» // Neue Züricher Zeitung. Nr. 18. 23.1.1998. S. 36.

Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / Hg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt/Main, 1991. S. 289—304.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, 1992.

Bushkovitch P. The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. № 3/4. P. 335—376.

Castells M. The Power of Identity. Malden (Mass.), 1997.

Cherniavsky M. «Holy Russia»: A Study in the History of an Idea // American Historical Review. 1958. Vol. 63. P. 617—637.

Cherniavsky M. Ivan the Terrible and the Iconography of the Kremlin Cathedral of Archangel Michael // Russian History. 1975. Vol. 2. P. 3—28.

Cherniavsky M. Russia // National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe / Ed. O. Ranum. Baltimore, 1975. P. 118—143.

Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; London, 1961.

Christiansen E. The Northern Crusades. London, 1997.

Christie I. Introduction. Rediscovering Eisenstein // Eisenstein rediscovered / Ed. I. Christie, R. Taylor. London; New York, 1993. P. 1—32.

Christie I. The director in Soviet cinema // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. I. Christie, R. Taylor. London; New York, 1993. P. 142—170.

Chubova D. Reanimierung der kollektiven Erinnerung jenseits der akademischen Geschichtswissenschaft // Sozialwissenschaft in Rußland / Hg. I. Oswald. Bd. 1. Berlin, 1996. S. 196—218.

Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago; London, 1981.

Conquest R. Stalin and the Kirov Murder. Edmonton, 1988.

Cracraft J. Empire Versus Nation. Russian Political Theory under Peter I // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. P. 524—541.

Crnković D. Thematic and Compositional Unity in the Life of Aleksandr Nevskii. (Dissertation Faculty of the Graduate School of Yale University). Yale, 1985.

Curtiss J.Sh. Die Kirche in der Sowjetunion (1917—1956). München, 1957.

Dahlmann D. Der russische Sieg über die «teutonischen Ritter» auf dem Peipussee 1242 // Schlachtenmythen. Ereignis — Erzählung — Erinnerung / Hg. G. Krumeich, S. Brandt. Köln, 2003. S. 63—75.

Danilewski R.Ju. Die erste Aufnahme der «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» in Rußland // Johann Gottfried Herder. Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa / Hg. G. Ziegengeist. Berlin, 1978. S. 107—116.

Davies R.W. Perestrojka und Geschichte. Die Wende in der sowjetischen Historiographie. München, 1991.

Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934—1941. Cambridge (UK), 1997.

Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hg. R. Koselleck, M. Jeismann. München, 1994.

Description de l'église russe de Paris. Paris, 1861.

Deutsche Erinnerungsorte. Bde. 1—3 / Hg. E. François, H. Schulze. München, 2001.

Die Bibel. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. Gesamtausgabe. Stuttgart, 1990.

Die Gnade des obersten Filmkritikers — die sowjetische Führung und Sergej Eisenstein / Vorgelegt von Larisa Rogovaja, eingeleitet von Donal O'Sullivan // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2000. Bd. 4. H. 1. S. 271—282.

Die orthodoxe Kirche in Rußland. Dokumente ihrer Geschichte (860—1980) / Hg. P. Hauptmann, G. Stricker. Göttingen, 1988.

Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990.

Die Tretjakow-Galerie Moskau. Russische und sowjetische Malerei / Hg. L. Iowlewa. Leningrad, 1987.

Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hg. D. Geyer. Göttingen, 1991.

Dietrich H.Ch. Die russisch-orthodoxe Aleksandr-Nevskij-Kirche in Potsdam. «Denkmal Russisch-Preußischer Freundschaft» oder Mahnerin zur Versöhnung // Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus' / Hg. K.C. Felmy, G. Kretschmar. Göttingen, 1988. S. 940—951.

Dietsch V. Interdependenzen von historischem Diskurs und Geschichtskonzeption. N.A. Polevojs «Istorija russkogo naroda» und «Kljatva pri grobe Gospodnem» im Kontext der zeitgenössischen Geschichtsschreibung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1981. Bd. 28. S. 17—381.

Dixon S. The Church's Social Role in St. Petersburg 1880—1914 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / Ed. G.A. Hosking. London, 1991. P. 167—192.

Dokumentation «Rußland: Eine nationale Idee per Preisausschreiben» // Osteuropa-Archiv. 1997. 12. A 483 — A 498.

Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of the Autocrat // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. № 4. P. 773—795.

Döpmann H.-D. Die russische orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin (DDR), 1981.

Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Hermann-Mythos: Zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. Hamburg, 1996.

Dudek G. Die Französische Revolution im Urteil N.M. Karamzins // Zeitschrift für Slawistik. 1989. Bd. 34. S. 345—351.

Dunlop J. B. Orthodoxy and National Identity in Russia // Identities in Transition: Eastern Europe and Russia after the Collapse of Communism / Ed. V.E. Bonnell. Berkeley, 1996. C. 117—128.

Durand-Cheynet C. Alexandre Nevski ou le soleil de la Russie. Paris, 1983.

Dvornik Fr. Das Leben des Heiligen Wenzel. Prag, 1929.

Egorova T. K. Elaboration of the Idea of Sound-visual Counterpoint in the Film Alexander Nevsky // Egorova T.K. Soviet Film Music. An Historical Survey. Amsterdam, 1997. P. 59—68.

Eisenstein at Ninety / Ed. I. Christie, D. Elliott. London, 1988.

Ėjzenštejn S. M. Freundschaftliche Beziehungen zwischen der Sowjetunion und Deutschland. Radio Moskau, 18.2.1940 // Eisenstein und Deutschland. Texte, Dokumente, Briefe / Zusammengestellt von Oksana Bulgakowa. Berlin, 1998. S. 105—107.

Ėjzenštejn S. M. Towards a Theory of Montage // Ėjzenštejn S. M. Selected Works. Bd. 2 / Hg. M. Glenny, R. Taylor. London, 1991.

Ekdahl S. Tannenberg/Grunwald. Ein politisches Symbol in Deutschland und Polen // Journal of Baltic Studies. 1991. Vol. 22. S. 271—324.

Elwert G. Fassaden, Gerüchte, Gewalt. Über Nationalismus // Merkur. 1991. Bd. 45. H. 4. S. 318—332.

Elwert G. Nationalismus und Ethnizität. Über Bildung von Wir-Gruppen / / Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989. Bd. 41. S. 440—464.

Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln, 1997.

Enteen G.M. Pokrovskii M.N. // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Bd. 28. Gulf Breeze, 1982. P. 167—171.

Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hg. D. Čiževskij, D. Groh. Darmstadt, 1959.

Färber H. Eisensteins spekulative Abstraktionen. Zur deutschen Erstaufführung von «Alexander Newski» in München // Süddeutsche Zeitung. 10.2.1967.

Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. Bd. 1: Kievan Christianity. 1946; Bd. 2: The Middle Ages. The 13th to the 15th Centuries. Cambridge (Mass.), 1966.

Felmy K.Ch. Die Heiligen der Russischen Orthodoxen Kirche und ihre Ikonen // Tausend Jahre orthodoxe Kirche in der Rus'. 988—1988. Russische Heilige in Ikonen / Hg. F. Ullrich. Recklinghausen, 1988. S. 6—10.

Fennell J. Andrej Jaroslavič and the struggle for power in 1252. An investigation of the sources // Russia Mediaevalis. 1973. Vol. 1. P. 49—62.

Ferenczi C. Nationalismus und Neoslawismus in Russland vor dem Ersten Weltkrieg // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1984. Bd. 34. S. 7—128.

Ferro M. The Fiction Film and Historical Analysis // The Historian and Film / Ed. P. Smith. Cambridge, 1976. P. 80—94.

Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.

Film der totalitären Epoche (1933—1945). Stenogramm eines Kolloquiums / Hg. O. Bulgakowa // Kunst und Literatur. 1990. H. 5. S. 516—531.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. NY; Oxford, 1999.

François E., Schulze H. Das emotionale Fundament der Nationen // Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama. Begleitband zur Ausstellung im Deutschen Historischen Museum (20.3—9.6.1998) / Hg. M. Flacke. Berlin, 1998. S. 17—32.

François E., Siegrist H., Vogel J. Die Nation. Vorstellungen, Inszenierungen, Emotionen // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich; 19. und 20. Jahrhundert / Hg. E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 13—35.

Frevert U. Herren und Helden. Vom Aufstieg und Niedergang des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert // Die Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder / Hg. R. Dülmen. Köln, 1998. S. 323—344.

Frötschner R. Das Bild des Krieges im Moskauer Reich im 16. Jh. // Frötschner R., Osterrieder M. Das Bild des Krieges im Moskauer Reich und Polen-Litauen im 16.Jh. Mitteilungen des Osteuropa-Instituts Мьnchen. 1995. H. 8. S. 12—45.

Fülöp-Miller R. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich; Leipzig; Wien, 1926.

Gabka J. Weltchronik in Briefmarken. Bd. 1. Berlin, 1997.

Gaßner H., Gillen E. Vom utopischen Ordnungsentwurf zur Versöhnungsideologie im ästhetischen Schein. Beispiele sowjetischer Kunst zwischen dem 1. Fünfjahrplan und der Verfassungskampagne 1936/37 // Agitation zum Glück / Hg. H. Gaßner. Bremen, 1993. S. 27—59.

Gellner E. Nationalismus und Moderne. Berlin, 1991.

Geulen Ch. Die Metamorphose der Identität. Zur «Langlebigkeit» des Nationalismus // Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität 3 / Hg. A Assmann, H. Friese. Frankfurt/Main, 1999. S. 346—373.

Geyer D. Funktionen des russischen Nationalismus 1860—1885 // Nationalismus / Hg. H. A Winkler. Königstein, 1985. S. 173—188.

Geyer D. Nation und Nationalismus in Rußland // Nation und Gesellschaft in Deutschland. Historische Essays / Hg. P. Nolte, M. Hettling. Müchen, 1996. S. 100—113.

Geyer D. Perestrojka in der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte/ Hg. D. Geyer. Göttingen, 1991. S. 9—31.

Glants M. Images of the War in Painting // World War 2 and the Soviet People / Ed. J. Garrard, C. Garrard. Houndmills; London, 1993. P. 98—124.

Goble P.A. Sowjetstaat und russischer Nationalismus // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A Kappeler. Köln, 1990. S. 91—101.

Goehrke C. Groß-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1. (1. Halbband). Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hg. v. M. Hellmann. Stuttgart, 1981. S. 431—483.

Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 75—107.

Goodwin J. Alexander Nevsky: The Great Man in History // Goodwin J. Eisenstein, Cinema, and History. Urbana; Chicago, 1993. P. 156—178.

Goodwin J. Eisenstein, Cinema, and History. Urbana; Chicago, 1993.

Gorys E. Moskau und Leningrad. Kunst, Kultur und Geschichte der beiden Metropolen, des 'Goldenen Rings' und Nowgorods. Köln, 1988.

Gorzka G. Inszenierung der Macht — Kultur im Stalinismus // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 13—17.

Gottesdienst zu Ehren aller Heiligen der Rus'. Würzburg, 1987.

Grabmüller H.J. Die Alexander-Nevskij-Vita in der Pskover Handschriftenüberlieferung // Die Welt der Slaven. 1976. Bd. 21. S. 68—80.

Graus F. St. Adalbert und St. Wenzel. Zur Funktion der mittelalterlichen Heiligenverehrung in Böhmen // Europa slavica — Europa orientalis / Hg. K.-D. Grothusen, K. Zernack. (FS Herbert Ludat). S. 205—231.

Graus F. St. Wenzel, der heilige Patron des Landes Böhmen // Graus F. Lebendige Vergangenheit. Köln; Wien, 1975. S. 159—182.

Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.), 1992.

Große-Kracht K. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs — Pierre Nora // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1996. Bd. 47. H. 1. S. 21—31.

Groys B. Rußland auf der Suche nach seiner Identität // Groys B. Die Erfindung Rußlands. München; Wien, 1995. S. 19—36.

Günther H. Der Feind in der totalitären Kultur // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 89—100.

Günther H. Der Held in der totalitären Kultur // Agitation zum Glück / Hg. H. Gaßner. Bremen, 1993. S. 70—75.

Hagiographie und Kunst. Der Heiligenkult in Schrift, Bild und Architektur / Hg. G. Kerscher. Berlin, 1993.

Halbwachs M. Das kollektive Gedächtnis. Frankfurt/Main, 1991.

Halperin Ch.J. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41. P. 477—493.

Halperin Ch.J. Novgorod and the «Novgorodian Land» // Cahiers du Monde Russe. 40/3. Juillet—Septembre 1999. P. 345—364.

Halperin Ch.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism / / Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 36. S. 55—194.

Halperin Ch.J. The Concept of the Russian Land from the Ninth to the Fourteenth Centuries // Russian History. 1975. Vol. II. № 1. P. 29—38.

Haupt H.-G., Tacke C. Die Kultur des Nationalen. Sozial- und kulturgeschichtliche Ansätze bei der Erforschung des europäischen Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert // Kulturgeschichte heute (Sonderheft Geschichte und Gesellschaft) / Hg. W. Hardtwig, H.U. Wehler. Göttingen, 1996. S. 255—283.

Hecker H. Politisches Denken und Geschichtsschreibung unter Ivan IV // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30. S. 1—15.

Hellberg-Hirn E. Soil and soul: the symbolic world of Russianness. Aldershot, 1998.

Hielscher K. Geschichtsmythen der russischen «Neuen Rechten»: Der Eurasismus // Osteuropa im Umbruch: alte und neue Mythen / Hg. C. Friedrich, B. Menzel. Frankfurt / Main, 1994. S. 91—105.

Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion 1917—1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998.

Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1 und 2. München, 1937.

Hobsbawm E. Das Erfinden von Traditionen // Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung // Hg. C. Conrad, M. Kessel. Stuttgart, 1998. S. 97—120.

Hoffmann L. Die Konstitution des Volkes durch seine Feinde // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 1993. Bd. 2. S. 13—27.

Holm K. Kampf dem Papst. Die russische Orthodoxie bläst zum Sturm gegen die Katholiken // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1.3.2002.

Hösch E. Alexander Nevskij // Die Großen der Weltgeschichte. Bd. 3. Zürich, 1973. S. 718—729.

*Hösch E.*Die Ostpolitik des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert // Balten — Slaven — Deutsche: Aspekte und Perspektiven kultureller Kontakte, FS Friedrich Scholz / Ed. U. Obst, G. Ressel. Münster, 1999. S. 87—102.

Hosking G. Russia. People and Empire 1552—1917. London, 1997.

Hosking G. Russischer Nationalismus vor 1914 und heute: Die Spannung zwischen imperialem und nationalem Bewußtsein // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 169—183.

Hösler J. Die Russische Revolution in der sowjetischen Historiographie // Geschichte Rußlands und der Sowjetunion. Studienbrief der Fernuniversität Hagen, 1999.

Hubbs J. Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998.

Hülbusch N. Im Spiegelkabinett des Diktators. Stalin als Filmheld im sowjetischen Spielfilm (1937—1953). Alfeld, 2001.

Hülbusch N. Volk und Führer. Filmische Einheitskonstruktionen im Stalin-Film // Kulturrevolution. 1998. Bd. 37. H. 12. S. 46—52.

Iggers G., Schulz W. Geschichtswissenschaft // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Bd. II. Freiburg u.a, 1968. Sp. 914—959.

Ignatow A. Der Eurasismus und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des «Evrazijstvo»-Mythos. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1992. № 15.

Ignatow A. Nabelschau auf allerhöchste Anweisung. Der Wettbewerb um die «neue russische nationale Idee» tritt in die zweite Phase ein. Aktuelle Analysen des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1997. № 18.

Ingold F.Ph. Russischer Konservatismus. Die Triade // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11.07.2001. № 5.

Isoaho [Mäki-Petäys] M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden, 2006. (= The Northern World. Northern Europe and the Baltic c. 400—1700 AD. Peoples, Economies and Cultures. Vol. 22).

Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Cornell, 1995.

Jilge W. Staatssymbolik und nationale Identität in der postkommunistischen Ukraine // Ethnos-Nation. Eine europäische Zeitschrift. 1998. Bd. 6. H. 1—2. S. 85—113.

Jobst K. Orientalism, E.W. Said und die Osteuropäische Geschichte // Saeculum. 2000. Bd. 51. S. 250—266.

Jurenev (Yurenev) R. Art and Ideology: The Soviet Historical Film // Cultures. 1975. Bd. 2. P. 57—77.

Jurenev (Yurenev) R. Die Historischen Filme Eisensteins // Sergej Eisenstein. Künstler der Revolution. Materialien der Eisenstein Konferenz 10.—18.04.1959 / Hg. mit Unterstützung von Prof. H. Rodenberg (= Beiträge zur Filmwissenschaft, Bd. 1). Berlin, 1960. S. 202—227.

Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Großen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978.

Kämpfer F. Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Groznyj // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. Bd. 23. S. 504—524.

Kämpfer F. Vom Massengrab zum Heroenhügel. Akkulturationsfunktionen sowjetischer Kriegsdenkmäler // Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne / Hg. R. Koselleck, M. Jeismann. München, 1994. S. 327—349.

Kappeler A. Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 19—35.

Kappeler A. Einleitung // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 7—15.

Kappeler A. Nationalismus im Vielvölkerreich Rußland // Nationalismus in vorindustrieller Zeit / Hg. O. Dann. München, 1986. S. 83—99.

Kappeler A. Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich // Archiv für Sozialgeschichte. 2000. Bd. 40. S. 67—90.

Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München, 1993.

Kappeler A. Kleine Geschichte der Ukraine. München, 1994.

Kappeler A. Some Remarks on Russian National Identities (Sixteenth to Nineteenth Centuries) // Ethnic Studies. 1993. Vol. 10. S. 147—155.

Karl L. Der «Tag des Sieges» in der Sowjetunion. Inszenierung eines politischen Mythos. (Unveröffentlichte) Magisterarbeit. Tübingen 1999.

Karl L. Von Helden und Menschen. Der Zweite Weltkrieg im sowjetischen Spielfilm (1941—1965) // Osteuropa. 2002. Bd. 52. H. 1. S. 67—82.

Keghel I. de. Die Moskauer Erlöserkathedrale als Konstrukt nationaler Identität. Ein Beitrag zur Geschichte des «patriotischen Konsenses» // Osteuropa. 1999. Bd. 49. S. 145—159.

Kelly C. Introduction: Iconoclasm and Commemorating the Past // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. D. Shepherd, C. Kelly. Oxford, 1998. P. 227—237.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization 1917—1929. Cambridge (Mass.), 1985.

Kenez P. Black and White. The War on Film // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 157—175.

Kenez P. Soviet Cinema in the Age of Stalin // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. R. Taylor, D. Spring. London; New York, 1993. P. 54—68.

King D. Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulation in der Sowjetunion. Hamburg, 1997.

Kleiman N. Arguments and ancestors // Eisenstein rediscovered / Ed. I. Christie, R. Taylor. London; New York, 1993. P. 33—40.

Kluge u. Ströms illustrierter Führer durch Reval und seine Umgebung. Reval, 1926.

Knight N. Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Ed. D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. New York, 2000. P. 41—65.

Koenen G. Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao, Castro... Sozialistischer Personenkult und seine Sänger von Gorki bis Brecht — von Aragon bis Neruda. Frankfurt/M., 1987.

Kohl K.-H. Ethnizität und Tradition aus ethnologischer Sicht // Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität 3 / Hg. A. Assmann, H. Friese. Frankfurt/Main, 1999. S. 269—287.

Koselleck R. Feindbegriffe // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Jahrbuch 1993. S. 83—90.

Koshkin M.R. Hero of the Soviet Union // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 14. Gulf Breeze, 1979. P. 20—35.

Kreckel R. Soziale Integration und nationale Identität // Berliner Journal für Soziologie. 1994. Bd. 4. S. 13—20.

Lades H. u.a. Kalter Krieg // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Bd. III. Freiburg u.a., 1969. Sp. 465—506.

Lammich M. Fürstenbiographien des 13. Jahrhunderts in den russischen Chroniken. Diss. Univ. Köln. Köln, 1973.

Länge A. Das Bild Aleksandr Nevskijs in den Redaktionen seiner Vita. (Unveröffentlichte Magister-Hausarbeit — Freie Universität Berlin). Berlin, 1978.

Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung. Öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Rußland. Diss. Universität Gießen, 1999.

Langewiesche D. Menschen in Kabinen. Ernest Renan will die Nation Europa // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 10.10.1995. S. 28.

Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat: Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Neue Politische Literatur. 1995. Bd. 40. S. 190—236.

Layton S. Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples 1700—1917 / Ed. D.R. Brower; E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997. P. 80—100.

Le Goff J. La sainteté de Saint Louis. Sa place dans la typologie et l'évolution chronologique des rois saints // Les fonctions des saints dans le monde occidental

(IIIe—XIIIe siècle). Actes du colloque organisé par l'École française de Rome avec le concours de l'Université de Rome «La Sapienza», Rome 27—29.10.1988. Rome, 1991. P. 285—293. (Collection de l'École française de Rome №149).

Le Goff J. Ludwig der Heilige. Stuttgart, 2000.

Leitsch W. Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 202—216.

Lemberg H. Der «Drang nach Osten» — Mythos und Realität // Deutsche und Polen. 100 Schlüsselbegriffe / Hg. E. Kobylińska u.a. München, 1992. S. 22—28.

Lemberg H. Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln; Graz, 1963.

Lenhoff G. The Martyred Princes Boris and Gleb. A Socio-cultural Study of the Cult and the Texts. Columbus, 1989.

Leonhard W. Die Revolution entläßt ihre Kinder. Köln; Berlin, 1960.

Les lieux de mémoire. Vol. 1: La République / Ed. Nora P. Paris. 1984. Bd. 2 (3 Bde.): La Nation. Paris, 1986; Bd. 3 (3 Bde.): Les France. Paris, 1992.

Leyda J. Kino. A History of the Russian and Soviet Film. London, 1960.

Leyda J. The Missing Reel // Sight & Sound. 1965. Vol. 34 (Spring). P. 63.

Leyda J., Voynow Z. Alexander Nevsky // Leyda J., Voynow Z. Eisenstein at Work. London, 1985. P. 97—101.

Lilienfeld F. v. Das Bild des «heiligen Herrschers» in der ältesten Redaktion der Vita des Aleksandr Nevskij // Eikon und Logos / Hg. H. Goltz. (Beiträge zur Erforschung byzantinischer Kulturtradition. Bd. 35). Halle, 1981. S. 141—158.

Lilienfeld F. v. Das Herz zum Verstand neigen. Altrussische Heilige des Beginns. Freiburg, 1989.

Lilienfeld F. v. Der Himmel im Herzen. Altrussische Heiligenlegenden. Freiburg, 1990.

Lindner R. Geschichte und Geschichtsbetrieb im Weißrußland der Stalinzeit // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung. 2001. Bd. 50. H. 2. S. 198—213.

Livländische Reimchronik / Hg. L. Meyer. Hildesheim, 1963.

Łódź Dzieje miasta T.1 (do 1918). Warzsawa; Łódź, 1980.

Löwe H.-D. Nationalismus und Nationalitätenpolitik als Integrationsstrategie im zarischen Rußland // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 55—79.

Löwe H.-D. Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right. 1900—1914 // The Slavonic and East European Review. 1998. 76. P. 441—466.

Löwe H.-D. Russian Nationalism and Tsarist Nationalities Policies in Semi-Constitutional Russia 1905—1914 // New Perspectives in Modern Russian History / Ed. R.B. Mc Kean. Houndmills, 1992. P. 250—277.

Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. H. 3. S. 374—395.

Maier R. Die Stachanov-Bewegung 1935—1938. Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

Majeska G. P. Alexander Nevskii // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol. 1. Gulf Breeze, 1976. P. 148—152.

Mäki-Petäys M. On the Applicability of Image Research to the Study of Medieval Hagiographies // Looking at the Other — Historical Study of Images in Theory and Practise / Ed. K. Alenius, O.K. Fält, S. Jalagin. Oulu: University of Oulu, Department of History, 2002. P. 89—103.

Mäki-Petäys M. The political narrative of the Life of Alexander Nevskiy as an instrument of Russian identity and order. Доклад на конференции «Narrative, Identity, Order» (13—15.09.2001, университет Тампере) http://www.uta.fi/conference/PAG/PAG_papers_mari_maki_petays.pdf .

Mäki-Petäys M. Warrior and Saint: The Changing Image of Alexander Nevsky as an Aspect of Russian Imperial Identity // Imperial and National Identities in Pre-revolutionary. Soviet, and Post-Soviet Russia / Ed. Ch. J. Chulos, J. Reny. Helsinki, 2002. P. 45—69.

Makolkin A. Name, Hero, Icon. Semiotics of Nationalism through Heroic Biography. Berlin; N.Y., 1992. (Approaches to Semiotics. Bd. 105).

Makrides V. Antiokzidentalismus und Antieuropäismus in den orthodoxen Kulturen Ost- und Südosteuropas in vergleichender Perspektive. (Неопубликованная заявка на поддержку исследовательского проекта. Erfurt, 2001).

Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia 1700—1800. Princeton, 1985.

Mayer G. Hagiographie und Geschichte Mayer G. Morphologie der Viten. Zur Struktur ost- und südslavischer Mönchs- und Hierarchenviten. Bochum, 1971. S. 111—129.

Mazour A.G. An Outline of Modern Russian Historiography. Berkeley, 1939.

Mazour A.G. Modern Russian Historiography. Westport, 1990.

Mennell S. The Formation of We-Images: A Process Theory // Social Theory and the Politics of Identity / Ed. C. Calhoun. Cambridge (Mass.), 1994. P. 175—197.

Merridale C. Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland. München, 2001.

Merritt R. Recharging Alexander Nevsky. Tracking the Eisenstein-Prokofiev War Horse // Film Quarterly. 1995. Bd. 48. H. 2. P. 34—47.

Merten S. Die Kunst und der Krieg. Kampfbilder und Kriegsverständnis im «Licevoj Letopisnij Svod» (Moskau, 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. Bd. 50. S. 481—518.

Mettke J.R. Was soll aus uns werden // Der Spiegel. 1999. № 2. S. 136—140.

Meyer H.C. Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-concept in German Slavic Relations. 1849—1990. Bern u.a., 1996.

Miller D.B. Official History in the Reign of Ivan Groznyi and its Seventeenth-Century Imitators // Russian History. 1987. Vol. 14. P. 333—360.

Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama. Begleitband zur Ausstellung im Deutschen Historischen Museum (20.3—9.6.1998) / Hg. M. Flacke. Berlin, 1998.

Nationalismus. Dokumente zur Geschichte und Gegenwart eines Phänomens / Hg. P. Alter. München, 1994.

Nembach E. Stalins Filmpolitik: Der Umbau der sowjetischen Filmindustrie 1929 bis 1938. St. Augustin, 2001.

Neumann I.B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, 1996.

Nicolosi R. Die Petersburg-Panegyrik. Russische Stadtliteratur im 18. Jahrhundert. Frankfurt/Main, 2002.

Niedermüller P. Zeit, Geschichte, Vergangenheit. Zur kulturellen Logik des Nationalismus im Postsozialismus // Historische Anthropologie. 1997. Bd. 5. S. 245—267.

Nienhuysen F. Loblied auf ein «Großes Rußland» // Süddeutsche Zeitung. 12.03.1999.

Niethammer L. Konjunkturen und Konkurrenzen kollektiver Identität. Ideologie, Infrastruktur und Gedächtnis in der Zeitgeschichte // Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. 1994. Bd. 24. S. 378—399.

Nikolaou Th. Der Begriff ἔθνος («Nation») in seiner Bedeutung für das Autokephalon der Kirche // Orthodoxes Forum. 2000. Bd. 14. H. 1. S. 5—23.

Nipperdey Th. Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. S. 529—585.

Nitsche P. Die Mongolenzeit und der Aufsteig Moskaus (1240—1538) // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1. (1. Halbband). Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hg. M. Hellmann. Stuttgart, 1981. S. 534—715.

Nitsche P. Moskau — das Dritte Rom? // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1991. Bd. 42. H. 6. S. 341—354.

Nitsche P. Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. Bd. 35. H. 3. S. 321—338.

Nolte H.-H. «Drang nach Osten». Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Frankfurt/Main, 1976.

Nolte H.-H. Die Glaubensgemeinschaften und die Religionspolitik des Staates // Handbuch der Geschichte Rußlands. Band 3/II. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat / Hg. G. Schramm. Stuttgart, 1992. S. 1709—1741.

Nora P. Das Abenteuer der Lieux de mémoire // Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich; 19. und 20. Jahrhundert / Hg. E. François, H. Siegrist, J. Vogel. Göttingen, 1995. S. 83—92.

Nora P. Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Berlin, 1990.

Nyssen W. Die theologische und liturgische Bedeutung der Ikonen // Die Ikonen. Freiburg/Brsg., 1982. S. 413—416.

Oberländer E. Sowjetpatriotismus und Geschichte. Dokumentation. Köln, 1967.

Oberländer E. Sowjetpatriotismus und russischer Nationalismus // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 83—90.

Onasch K. Grundzüge der russischen Kirchengeschichte. Göttingen, 1967.

Onasch K. Ikonen. Berlin, 1961.

Osterrieder M. Von der Sakralgemeinschaft zur modernen Nation. Die Entstehung eines Nationalbewußtseins unter Russen, Ukrainern und Weißru-

thenen im Lichte der Thesen Benedict Andersons // Formen des Nationalen Bewußtseins im Lichte zeitgenössischer Nationalismustheorien / Hg. E. Schmidt-Hartmann. München, 1994. S. 197—232.

Otto K.-H. Erzpriester Koljada, Anatolij: Alexandrowka. Alexander-Newski-Gedächtniskirche. Potsdam, 1997.

Pagensteiner U., Schröder D. Kopenhagen. Köln, 1995.

Papierszyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo i kościół prawosławny w Polsce w latach 1918—1939. Warszawa, 1986.

Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815—1915. Warszawa, 1991.

Paszkiewicz P. The Russian Orthodox Cathedral of Saint Alexander Nevsky in Warsaw // Polish Art Studies. 1992. Vol. 14. S. 64—67.

Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Houndmills, 2001.

*Perrie M.*Narodnost': Notions of National Identity // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881—1940 / Ed. D. Shepherd, C. Kelly. Oxford, 1998. P. 28—36.

*Perrie M.*Nationalism and History: The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia // Russian Nationalism Past and Present / Ed. G. Hosking, R. Service. London, 1998. P. 107—127.

Philipp W. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1983. Bd. 33. S. 152—226.

Philipp W. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1973. Bd. 18. S. 55—72.

Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo» // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1957. Bd. 5. S. 7—37.

*Philipp W.*Die gedankliche Begründung der Moskauer Autokratie bei ihrer Entstehung (1458—1522) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. S. 59—118.

Philipp W. Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1983. Bd. 33. S. 227—238.

Pickhan G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrußland. Wiesbaden, 1992.

Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime 1917—1924. London, 1997.

Pisiotis A.K. Images of Hate in the Art of War // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 141—156.

Piwko R. Warägerfrage und Christianisierung in russischen und sowjetischen Schulbüchern // Internationale Schulbuchforschung. 1993. Bd. 15. S. 5—30.

Plaggenborg S. Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Bd. 48. H. 1. S. 109—118.

Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln; Weimar; Wien, 1996.

Platt K.M.F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV. under I.V. Stalin // The Russian Review. 1999. Vol. 58. P. 635—654.

Platthaus A. Ritterheer mit Leitmotiv // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.06.94.

Poppe A. Politik und Heiligenverehrung in der Kiever Rus'. Der apostelgleiche Herrscher und seine Märtyrersöhne // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter / Hg. J. Petersohn. Sigmaringen, 1994. S. 403—422.

Pospielovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. Vol. 1, 2. Crestwood; N.Y., 1984.

Prokofjew S. Die Musik zu «Alexander Nevski» // Prokofjew S. Dokumente, Briefe, Erinnerungen / Zusammengestellt von S.I. Schlifstein. Leipzig, 1965. S. 212—213.

Puiseux H. Le détournement d'Alexandre Nevski au service de Staline // Film et Histoire / Ed. M. Ferro. Paris, 1984. P. 15—21.

Raba J. Evfimij II., Erzbischof von Groß-Novgorod und Pskov. Ein Kirchenfürst als Leiter einer weltlichen Republik // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1977. Bd. 25. S. 161—173.

Raba J. Moscow — the Third Rome or the New Jerusalem? // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1994. Bd. 50. P. 297—307.

Raeff M. At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars // History Teacher. 1991. Vol. 25. № 1. P. 7—18.

Raeff M. State and Nobility in the Ideology of M.M. Shcherbatov // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder u.a., 1994. P. 268—283.

Rauch G.V. Grundlinien der sowjetischen Geschichtsforschung im Zeichen des Stalinismus // Europa-Archiv. 1950. Bd. 5. S. 3383—3388, 3423—3432, 3489—3494.

Renner A. Nationalismus und Diskurs: Zur Konstruktion nationaler Identität im Russischen Zarenreich nach 1855 // Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich / Hg. U. Hirschhausen, J. Leonhard. Göttingen, 2001. S. 433—449.

Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855—1875. Köln, 2000 (= Beiträge zur Geschichte Osteuropas Bd. 31).

Riasanovsky N. Nicholas I. and Official Nationality in Russia 1825—1855. Berkeley; Los Angeles, 1959.

Riasanovsky N. Rußland und der Westen. Die Lehre der Slavophilen. München, 1954.

Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.Y., 1985.

Roberts P.D. Prokofiev's Score and Cantata for Eisenstein's Alexander Nevsky // Semiotica. 1977. Vol. 21. № 1/2. P. 151—166.

Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge (Mass.), 1960.

Rogger H. Nationalism and the State: A Russian Dilemma // Comparative Studies in Society and History. 1961/1962. Vol. 4. P. 253—264.

Rogovaja L., O'Sullivan D. Die Gnade des obersten Filmkritikers — die sowjetische Führung und Sergej Eisenstein// Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2000. Bd. 4. H. 1. S. 271—282.

Rolf M. Constructing a Soviet Time: Bolshevik Festivals and their Rivals during the First Five-Year Plan. A Study of the Central Black Earth Region // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 1. 2000. № 3. P. 447—474.

Rolf M. Feste des «Roten Kalenders»: Der Große Umbruch und die sowjetische Ordnung der Zeit // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2001. Bd. 49. S. 101—118.

Rothschild Th. Führer in historischer Verkleidung. Fridericus und Alexander Newski // Film und Fernsehen. 1992. Bd. 5. S. 62—63.

Rothstein R.A. Homeland, Home Town, and Battlefield. The Popular Song // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 77—94.

Rüsen J. Was ist Geschichtsbewußtsein? Theoretische Überlegungen und heuristische Hinweise // Rüsen J. Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln, 1994. S. 3—24.

Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples 1700—1917 / Ed. D.R.Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.

Russische Heiligenlegenden / Hg. E. Benz. Zürich, 1953.

Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte / Hg. F. Golczewski, G. Pickhan. Göttingen, 1998.

Rußland / Hg. C. Goehrke, M. Hellmann, P. Lorenz, P. Scheibert. Frankfurt/Main, 1991. (Fischer Weltgeschichte Bd. 31).

Sacharov A.M. Über den Kampf gegen das «Lateinertum» in Rußland am Ende des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen / Hg. W. Steinitz, P.N. Berkov. Berlin, 1966. (FS für Eduard Winter zum 70. Geburtstag). S. 92—105.

Sartorti R. Legende und Wirklichkeit der Sowjethelden // Osteuropa im Umbruch. Alte und neue Mythen / Hg. C. Friedrich, B. Menzel. Frankfurt/M. u.a, 1994. S. 133—144.

Sartorti R. On the Making of Heroes, Heroines, and Saints // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 176—193.

Sauerland K. 30 Silberlinge. Denunziation — Gegenwart und Geschichte. Berlin, 2000.

Saunders D.B. Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // Slavonic and East European Review. 1982. Bd. 60. H. 1. P. 44—62.

Schäfer M. Historienmalerei und Nationalbewußtsein in Russland 1860—1890, Diss. Univ. Köln. Köln, 1985.

Schafgans B. «If ever the whole ‚Ring' should be produced». Eisensteins Walküre: eine deutsch-sowjetische Beziehung // Eisenstein und Deutschland.

Texte, Dokumente, Briefe / Zusammengestellt von Oksana Bulgakowa. Berlin, 1998. S. 171—196.

Schafgans B. Kunst und Außenpolitik: Eisensteins Walküre-Inszenierung in Moskau 1940 // Leviathan. 1998. Vol. 26. H. 3. S. 341—369.

Scharf C. Tradition — Usurpation — Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharina II // Rußland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus — Aufklärung — Pragmatismus / Hg. E. Hübner, J. Kusber, P. Nitsche. Köln, 1998. S. 41—101.

Schelting A. Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken. Bern, 1948.

Schenk F.B. Der Heilige und die Nation. Aleksandr Nevskij und der Heilige Wenzel im russischen bzw. tschechischen kulturellen Gedächtnis // Bohemia. 2004. № 45. S. 315—352.

Schenk F.B. Концепция «Lieux de mémoire» // Comentarii de Historia. 2001. № 2. http://www.main.vsu.ru/~cdh/02-main.htm.

Schenk F.B. Tannenberg/Grunwald // Deutsche Erinnerungsorte / Hg. H. Schulze, E. François. München, 2001. S. 438—454.

Scherrer J. Das Erbe: Geschichte und Gesellschaftskultur // Rußland unter neuer Führung. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. H.-H. Höhmann, H.-H. Schrцder. o.O. 2001. S. 21—31.

Schierle I. «Syn otečestva»: Der «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit / Hg. P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 2006.

Schlosser F.Ch. Geschichte des Mittelalters. Bd. 3 (= Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 6). Stuttgart; Leipzig, 1901.

Schmidt W.-H. Die historiographischen Gattungen und die Geschichtsauffassung // Schmidt W.-H. Gattungstheoretische Untersuchungen zur altrussischen Kriegserzählung. Berlin, 1975. S. 20—37.

Schmiegelt U. Rußland. Geschichte als Begründung der Autokratie // Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama / Hg. M. Flacke. Berlin, 1998. S. 401—421.

Schöttler P. Wer hat Angst vor dem «linguistic turn»? // Geschichte und Gesellschaft. 1997. Bd. 23. S. 134—151.

Schramm G. Radikalisierter Terror: Stalins zweiter Durchbruch? // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 3. II. Halbband / Hg. G. Schramm. Stuttgart, 1992. S. 837ff.

Schulze H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994.

Schulze Wessel M. Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreichs und der Sowjetunion 1697—1947. Stuttgart, 1995.

Seibt F. Der Heilige Herzog Wenzel // Lebensbilder zur Geschichte der böhmischen Länder / Hg. F. Seibt. Bd. 4. München; Wien, 1981. S. 9—21.

Seibt F. Wenzelslegenden // Bohemia. 1982. Vol. 23. H. 2. S. 249—276.

Serman I. Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // Russia in the Age of the Enlightment / Hg. B. Roger. London, 1990. P. 40—56.

Seton M. Sergei M. Eisenstein. A Biography. London, 1952.

Seton-Watson H. Russian Nationalism in Historical Perspective // Conquest R. The Last Empire. Nationality and Soviet Future. Stanford, 1986. P. 14—29.

Shlapentokh D., Shlapentokh V. Soviet cinematography 1918—1991. Ideological Conflict and Social Reality. New York, 1993.

Short K.R.M., Taylor R. Soviet Cinema and the International Menace 1928—1939 // Historical Journal of Film, Radio and Television. 1986. Vol. 6. № 2. P. 131—159.

Simon G. Auf der Suche nach der «Idee für Rußland» // Osteuropa. 1997. Bd. 47. S. 1169—1190.

*Simon G.*Die Krise der politischen Identität in Rußland // Der Osten Europas im Prozeß der Differenzierung. BIOst Jahrbuch 1997. München; Wien, 1997.

*Simon G.*Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden Baden, 1986.

Škarovskij M.V. Die russische Kirche unter Stalin in den 20er und 30er Jahren des 20. Jahrhunderts // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Hg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 233—254.

Skrobucha H. Zur Darstellung russischer Heiliger in der Ikonenmalerei // Kirche im Osten. 1964. Bd. 7. S. 9—32.

Slezkine Y. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. 1994. Vol. 47. P. 170—195.

Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. P. 414—452.

Smith A.D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism // Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2. P. 371—388.

Smith A.D. The Politics of Culture: Ethnicity and Nationalism // Companion Encyclopedia of Anthropology / Ed. T. Ingold. London, 1994. P. 706—733.

Soldat C. Urbild und Abbild. Untersuchungen zu Herrschaft und Weltbild in Altrußland 11—16. Jahrhundert. München, 2001 (= Slavistische Beiträge. Band 402).

Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR / Hg. S. Satjukow, R. Gries. Berlin, 2002.

Sperling W. «Erinnerungsorte» in Werbung und Marketing. Ein Spiegel der Erinnerungskultur im gegenwärtigen Rußland? // Osteuropa. 2001. Bd. 51. P. 1321—1341.

Špidlík T. L'Idée russe. Une autre vision de l'homme. Troyes, 1994.

Spiller C. «Im Namen des Vaters, des Führers und Stalins» oder «Padenie Vavilona». Zur Ikonographie des Films «Padenie Berlina» (Regisseur: Čiaureli, UdSSR 1950). Неопубликованная рукопись. Berlin, 1996.

St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974.

St. Petersburg um 1800. Ein goldenes Zeitalter des russischen Zarenreiches. Meisterwerke und authentische Zeugnisse der Zeit aus der Staatlichen Ermitage, Leningrad. Kulturstiftung Ruhr Essen. Recklinghausen, 1990.

Stegemann M. Klang. Geste. Raum. Prokofjews Filmmusik zu Sergej Eisensteins Alexander Newski // Bericht über das internationale Symposion «Sergej

Prokofjew — Aspekte seines Werkes und seiner Biographie» / Hg. W. Niemöller. Köln, 1991. Regensburg, 1992. S. 349—361.

Stites R. Introduction // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 1—8.

Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989.

Stökl G. Die Entstehung der russischen Nation // Österreichische Osthefte. 1966. Bd. 8. S. 261—276.

Stökl G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1990.

Stölting E. Charismatische Aspekte des politischen Führerkultes am Beispiel Stalins // Politische Religion — religiöse Politik / Hg. R. Faber. Würzburg, 1997. S. 45—74.

Straub J. Personale und kollektive Identität. Zur Analyse eines theoretischen Begriffs // Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität 3 / Hg. A. Assmann, H. Friese. Frankfurt/Main, 1999. S. 73—104.

Streck B. Wir Gruppe // Wörterbuch der Ethnologie / Hg. B. Streck. Wuppertal, 2000. S. 299—302.

Stricker G. Das Moskauer Patriarchat im Zeichen des neuen Nationalismus // Osteuropa. 1998. Bd. 48. S. 268—281.

Stricker G. Rußland. Berlin, 1997. (Reihe: Deutsche Geschichte im Osten Europas).

Sudendorf W. Sergej M. Eisenstein. Materialien zu Leben und Werk. München; Wien, 1975.

Suter A. Nationalstaat und die «Tradition von Erfindung». Vergleichende Überlegungen // Geschichte und Gesellschaft. 1999. Bd. 25. S. 480—503.

Tacke C. Denkmal im sozialen Raum. Nationale Symbole in Deutschland und Frankreich im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1995.

Tausend Jahre Kirche in Rußland. Katalog zur Ausstellung der evangelischen Akademie Tutzing und der Arbeitsgemeinschaft für evangelische Erwachsenenbildung in Bayern e.V. / Hg. Evangelische Akademie Tutzing. Tutzing, 1987.

Taylor R. Alexander Nevsky // Taylor R. Film Propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. London; N.Y., 1998. P. 85—98.

Taylor R. Red stars, positive heroes and personality cults // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. R. Taylor, D. Spring. London; New York, 1993. P. 69—89.

Taylor R. Eisenstein. A Soviet Artist // The Eisenstein Reader / Ed. R. Taylor. London, 1998. P. 1—28.

Tesemnikov V.A. Belgrad: Die russischen Emigranten in Jugoslawien // Der Große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917—1941 / Hg. K. Schlögel. München, 1994. S. 86—111.

Thaden E.C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. P. 500—521.

The Film Factory. Russian and Soviet Cinema in Documents 1896—1939 / Ed. R. Taylor, I. Christie. London; New York, 1994.

The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

Thon N. Deutschlands älteste orthodoxe Gemeindekirche neu geweiht // Hermeneia 1993. Bd. 9. H. 3. S. 171—175.

Tolz V. Forging the Nation: National Identity and Nation Building in Post-Communist Russia / Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. P. 993—1022.

Tolz V. Russia (Reihe: Inventing the Nation). London; New York, 2001.

Torke H.-J. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997.

Torke H.-J. Zur Geschichte der rußländischen Geschichtswissenschaft. Eröffnungsvortrag der Ringvorlesung «Wissenstransfer» am Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin, Wintersemester 1996/97.

Treitschke H.V. Das deutsche Ordensland Preußen (1862). Göttingen, 1955.

Tumarkin N. The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994.

Tumarkin N. The War of Remembrance // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 194—207.

Turovskaja M. The 1930s and 1940s: cinema in context // Stalinism and Soviet Cinema / Ed. R. Taylor, D. Spring. London; New York, 1993. P. 34—53.

Turovskaja M. The Tastes of Soviet Moviegoers during the 1930s // Late Soviet Culture. From Perestroika to Novostroika / Ed. Th. Lahusen, G. Kuperman. Durham; London, 1993. P. 95—107.

Uhlenbruch B. Mythos als Subversion? Vermutungen zu Ėjzenštejns Aleksandr Nevskij // Textbeschreibungen, Systembeobachtungen. Neue Studien zur russischen Literatur im 20. Jahrhundert / Hg. D. Kretzschmar, Chr. Veldhues. (= Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur Bd. 10). Dortmund, 1997. S. 373—403.

Uhlenbruch B. The Annexation of History: Eisenstein and the Ivan Grozny Cult of the 1940s // The Culture of the Stalin Era / Ed. H. Gunther. London, 1990. P. 266—287.

Uhlig Ch. Die Renaissance der nationalen Frage in Osteuropa. Ein Forschungsproblem der deutschen Geschichts- und Sozialwissenschaften // Osteuropa. 1998. Bd. 48. H. 2. S. 160—172.

Uhlig Ch. Nationale Identitätskonstruktionen für ein postsowjetisches Rußland // Osteuropa. 1997. Bd. 47. S. 1191—1206.

Urban M. Remythologising the Russian State // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. P. 969—992.

Urban M. Stages of Political Identity Formation in Late Soviet and Post-Soviet Russia // Identities in Transition: Eastern Europe and Russia after the Collapse of Communism / Ed. V.E. Bonnell. Berkeley, 1996. P. 140—154.

Uspenskij B.A. Zur Semiotik der Ikone // Semiotica Sovietica / Hg. K. Eimermacher. Bd. 2. Aachen, 1986. S. 755—825.

Valensi L. Histoire Nationale, Histoire Monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // Annales. 1995. Vol. 50. № 6. P. 1271—1278.

Vernadsky G. Russian Historiography. Belmont, 1978.

Vogel J. Nationen im Gleichschritt. Der Kult der «Nation in Waffen» in Deutschland und Frankreich 1871—1914. Göttingen, 1997.

Wachtel A.B. An Obsession with History. Russian Writers Confront the Past. Stanford, 1994.

Wagner P. Fest-Stellungen. Beobachtungen zur sozialwissenschaftlichen Diskussion über Identität // Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität 3 / Hg. A. Assmann, H. Friese. Frankfurt/Main, 1999. S. 44—72.

Waszink P.M. Life, Courage, Ice. A Semiological Essay on the Old Russian Biography of Aleksandr Nevskij. München, 1990. (= Slavistische Beiträge. Bd. 256).

Weeks Th.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863—1914. DeKalb, 1996.

Weeks Th.R. Official and Popular Nationalisms: Imperial Russia 1863—1914 // Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich / Hg. U. Hirschhausen, J. Leonhard. Göttingen, 2001. S. 411—432.

Wehner M. Stalinismus und Terror // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 365—390.

Weichlein S. Nationalismus als Theorie sozialer Ordnung // Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft / Hg. Th. Mergel, Th. Welskopp. München, 1997. S. 171—200.

Weidinger D. Nation — Nationalismus — Nationale Identität. Bonn, 1998.

Weiner A. Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

Werlich R. Russian Orders, Decorations and Medals. Washington, 1981.

Winter E. Rußland und das Papsttum. Bd. 1. Von der Christianisierung bis zu den Anfängen der Aufklärung. Berlin, 1960.

Wippermann W. Das Bild der mittelalterlichen deutschen Ostssiedlung bei Marx und Engels // Germania Slavica. Bd. 1. Berlin, 1986. S. 71—97.

Wippermann W. Der «Deutsche Drang nach Osten». Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981.

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bde. 1 und 2. Göttingen, 1964.

Wohlfeil R. Das Bild als Geschichtsquelle // Historische Zeitschrift. 1986. Bd. 243. S. 91—100.

Yakobson S.O. The Rise of Russian Nationalism // Nationalism. A Report of Members of the Royal Academy of International Affairs. London, 1939 (Repr. 1963). P. 57—81.

Yaresh L. The Role of the Individual in History // Rewriting Russian History. Soviet Interpretations of Russia's Past / Ed. C.E. Black. New York, 1956. P. 78—106.

Yurenev R. Art and Ideology: The Soviet Historical Film // Cultures. 1975. Bd. 2. P. 57—77.

Zaremba M. Johann Gottfried Herders humanitäres Nations- und Volksverständnis. Berlin, 1985.

Zeitler R. Dänemark. Kunstdenkmäler und Museen. Stuttgart, 1978.

Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des veče. Wiesbaden, 1967.

Zernack K. Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994.

Zernack K. Zum Problem der nationalen Identität in Ostmitteleuropa // Nationalbewußtsein und kollektive Identität / Hg. H. Berding. Frankfurt/M., 1994. S. 176—188.

Zimbajew N.I. Zur Entwicklung des russischen Nationalbewußtseins vom Aufstand der Dekabristen bis zur Bauernbefreiung // Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart / Hg. A. Kappeler. Köln, 1990. S. 37—54.

Zyklus. Filme von S.M. Eisenstein / Hg. Staatliches Filmarchiv der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1960.

Адорацкий В. О рукописи К. Маркса «Хронологические выписки» // Большевик. 1936. № 24 (15 декабря). С. 40—50.

Александров А.В. (музыка), *Лебедев-Кумач В.И.* (текст) «Священная война» // Песни, опаленные войной. Сборник песен / Сост. Ю.Е. Бирюков. М., 1984. С. 6.

Алексеева О. Духовным лицам — мирские награды // Коммерсант. 2000. 15 авг. № 149 (2034). С. 7.

Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Антонова В.И. Александр Невский / Государственная Третьяковская галерея. М., 1946. (Серия «Образы великих русских полководцев в искусстве»). Вып. 1.

Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 125—135.

Артизов А.Н. М.Н. Покровский: Финал карьеры — успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77—96.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Ацаркина Е. Карл Павлович Брюллов. М., 1963.

Бегунов Ю.К. Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв. // Zeitschrift für Slavistik. 1976. Bd. 21. S. 311—318.

Бегунов Ю.К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.

Бегунов Ю.К. Александр Невский: человек и миф // Наука и религия. 1970. № 5. С. 52—57.

Бегунов Ю.К. Древнее изображение Александра Невского // Byzantino-Slavica. 1981. Bd. 42. H. 1. C. 39—42.

Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. 26 (1971). С. 72—84.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII века // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 311—326.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII—XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 163—171.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н.П. Лихачева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 60—72.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 229—238.

Бегунов Ю.К. Издание без текстолога и искусствоведа // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 187—189. (Рец. на факсимильное издание Лицевого свода 1990 г.)

Бегунов Ю.К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 172—176.

Бегунов Ю.К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 348—357.

Бегунов Ю.К. Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 206—209.

Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. АН СССР. Институт археологии. Л., 1966. С. 169—240.

Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965.

Бегунов Ю.К., Сапунов Б.В. История мощей и рак святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 85—90.

Белецкий С.В., Сатырева Д.Н. Псков и Орден в первой трети XIII века // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 81—85.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Русское библейское общество. М., 1995.

Бранденбергер К., Петроне К. «Все черты расового национализма»: интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 128—133.

Василенко А., Василенко Н. Не в силе Бог, а в правде. История храма во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Псков, 1991.

Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30—50-х годов // Образ врага / Ред. Л. Гудков. М.: О.Г.И., 2005. С. 191—229.

Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.

Верещагина А. Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX века. Л., 1973.

Виноградова Е.В. П. Корин. Избранные произведения. М., 1985.

Вишневский В.С. Эйзенштейн. М., 1939.

Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1902. (Репринт: Westmead, 1969.)

Горский А.А. Александр Невский // Родина. 1993. № 11. С. 26—31.

Горский А.А. Два неудобных факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996. С. 64—74.

Данилевский И.Н. Александр Невский: Русь и Орда // Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 207—228.

Данилевский И.Н. Александр Невский: Русь и Орден // Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.): Курс лекций. М, 2001. С.181—206.

Данилевский И.Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147—168.

Данилевский И.Н. От Киевской Руси к Руси удельной // Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 21—39.

Довженко А.П. Глядя в глаза // Искусство кино. 1965. № 3. С. 4—9.

Егоров В.Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996. С. 42—63.

Егоров В.Л. Александр Невский и чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48—58.

Жуков Ю.Н. Судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 33—51.

Завадская Л.А. Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996. С. 84—92.

Замятин Е. Мы. М., 1990.

Золотоносов М., Калиновский Ю. Бронзовый век. Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда—Петербурга. 1985—2003. СПб., 2005.

Зонова З.Т. Григорий Иванович Угрюмов. 1764—1823. М., 1966.

Зорин А. Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71—104.

*Зорин А.*Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: Кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Ред. Г. Бордюгов, К. Аймермахер. М., 1999. С. 299—328.

Изображения Божьей Матери и святых православной церкви. М.: Храм Спаса Нерукотворного образа в Андрониковом монастыре, 1996.

Иоаниссян О.М., Томсинский С.В. Сообщение о выставке «Александр Невский в памятниках русской культуры» в Государственном Эрмитаже // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 185—186.

Исаев С.И. Имени великих русских полководцев (к 45-летию орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского) // Военно-исторический журнал. 1987. № 7. С. 84—86.

Караев Г.Н. К вопросу о месте Ледового побоища // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. Академия наук СССР. Институт археологии. М., 1966. С. 6—32.

Караев Г.Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. Академия наук СССР. Институт археологии. М., 1966. С. 145—166.

Карпов А.Ю. Великий князь Александр Невский. Русь, Орда и Запад в эпоху Александра Невского. Земное и небесное в посмертной биографии Александра Невского. Два подвига Александра Невского. М., 2002.

Киевский Владимирский собор. Альбом фотографий Г. Лазоровскаго. Киев, б.г.

Кино тоталитарной эпохи (Протокол международного коллоквиума в рамках XVI московского кинофестиваля) // Искусство кино. 1990. № 1. С. 110—120; № 2. С. 109—117; № 3. С. 100—112.

Кирпичников А.Н. 750-летие Невской битвы и ее историческое значение // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 48—55.

Кирпичников А.Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996. С. 29—41.

Кирпичников А.Н. Ледовое побоище 1242 года. Новое осмысление // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 162—166.

Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 279—302.

Кларк К. Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург, 2002.

Климов Р.Ю. Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX — начала XX в. (Г.И. Семирадский, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров) // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28.09.1995. Новгород, 1996. С. 93—100.

Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995.

Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995.

Колотилова С.И. Русские источники XIII века об Александре Невском // Исторические науки. Ученые записки ГПИ им. А.И. Герцена. Псков, 1971. Т. 502. С. 99—107.

Корин П.Д. Александр Невский / Сопроводительный текст Г. Кушнеровской. М., 1965. (Выдающиеся произведения советского изобразительного искусства).

Коринфский А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901. (Репринт: М., 1995.)

Кучкин В.А. Александр Невский. Государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18—33.

Кучкин В.А. Борьба Александра против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 130—137.

Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.

Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. Академия наук СССР. Институт археологии. М., 1966.

Линд И.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 44—54.

Литвинов Б. Властелины Кремля. М., 1996.

Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 36—56.

Лихачев Д.С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 43—56.

Лихачев Д.С. Слово об Александре Невском // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 13—14.

Лурье Я.С. Введение // Он же. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 13—18.

Лурье Я.С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 387—399.

Лурье Я.С. К проблеме «исторического жанра» в кино // In Memoriam. Сборник памяти Я.С. Лурье / Сост. Н.М. Ботвинник, Е.И. Фатеева. СПб., 1997. С. 50—65.

Лурье Я.С. Ордынское иго и Александр Невский. Источники и историография XX в. // Он же. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 100—130.

Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137—165.

Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936—1938. М., 1997.

Мансикка В.И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. Памятники древнерусской письменности и искусства. CLXXX. СПб., 1913.

Матхаузерова С. Александр Невский и его эпоха // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 59—64.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

Мильчина В. О национальной идее без дефиниций и анахронизмов. Круглый стол «Национальная идея в России XIX века». РГГУ. 13 июня 2001 // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 451—466.

Михайлов А. Павел Корин. М., 1965.

Моисеева Г.Н. Образ Александра Невского в творчестве М.В. Ломоносова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 177—180.

Моргунов Н. Виктор Михайлович Васнецов. Жизнь и творчество. М., 1962.

Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34.

Никольская В. Композиция фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» // Вопросы киноискусства. М., 1958. С. 205—245.

О нетлении и почитании святых мощей. М., 1996.

Охотникова В.И. Повесть и житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I / Ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987. С. 354—363.

Памяти Сергея Мироновича Кирова // Литературная газета. 1938. 1 дек. № 66. С. 2.

Песни, опаленные войной. Сборник песен / Сост. Ю.Е. Бирюков. М., 1984.

Печко Л.П. Павленко Петр Андреевич // БСЭ. М., 1975. Т. 19. С. 60. Стб. 167—168.

Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40—70-х годов. М., 1972.

Политбюро и церковь 1922—1925 гг. Т. 2 / Ред. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск; М., 1998.

Потехин М.Н. Петроградская трудовая коммуна. Л., 1980.

Почитание святых в православной церкви. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1997.

Рогов А.И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Drang nach Osten» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32—58.

Рожко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания папы римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. 1988. № 20. С. 92—114.

Розов Н. Летописный рассказ о жизни и воинских подвигах великого князя Александра Ярославича в Лицевом летописном своде XVI века // Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 2-е изд. СПб., 1992. (Приложение).

Рошаль Л.М. Некоторые проблемы историзма произведений киноискусства. На примере фильма «Александр Невский» С. Эйзенштейна // Труды МГИАИ. 1970. Т. 28. С. 438—454.

Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996.

Рябов О. Матушка Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. М., 2001.

Салей Е.И. Александро-Невский собор как художественно-идеологический ансамбль. (Неопубликованная рукопись, СПб., 2001).

Серков С.Р. Первые ордена России // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 93—94.

Смирнов В.Г. Россия в бронзе. Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.

Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. Очерки истории государственной символики России. М., 1993.

Соколов Ю.Ф. Александр Невский: Формирование личности и традиции // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 38—43.

Сорокатый В.М. Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты содержания // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К столетию Андрея Николаевича Грабаря (1896—1990). СПб., 1999. С. 399—417.

Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963.

Терешкин В.И. «Это не уходящая Русь, а Русь существующая... уничтожить ее нельзя»: П.Д. Корин в донесениях управлений НКВД—КГБ 1941—1945 гг. // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 71—97.

Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М., 2005.

Троцкий Л. Водка, церковь и кинематограф // Правда. 1923. 12 июля.

Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1999.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995.

Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Т. 1—2. М.: О.Г.И., 2002—2004.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 — 1304. М., 1989.

Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

Хабарова В. Праздник — это душа народа. Интервью с режиссером патриотических праздников Владимиром Деминым // http://old.vtsnet.ru/arhiv/09_06_2.htm (2000).

Хеш Е. Восточная политика немецкого ордена в XIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 65—74.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVII вв.). М., 1986.

Цернак К. Александр Невский и «окно в Европу» // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 75—80.

Чернобаев А.А. Михаил Николаевич Покровский (1868—1932) // Историки России XVIII—XX веков / Ред. А.А. Чернобаев. М., 1995. Вып. 2. С. 51—61.

Шаскольский И.П. Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 15—23.

Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в российской истории (1263—1998) // Ab Imperio. 2001. № 1/2. С. 141—164.

Шенк Ф.Б. Русский герой или фантом? Заметки к истории почитания Александра Невского // Родина. 2003. № 12. С. 91—93.

Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995.

Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. М., 1999.

Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Гл. 6: Здание лавры во время Великой Отечественной войны. СПб., 2003 (неопубликованная рукопись).

Шкловский В. Эйзенштейн. М., 1976.

Шляпкин И.А. Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 82—102.

Эйзенштейн С.М. Мемуары. М., 1997. Т. 2.

Эйзенштейн С.М. Проблемы советского исторического фильма (доклад на конференции в феврале 1940 года // Он же. Избранные произведения: В 6 т. М., 1968. Т. 5. С. 110—128 (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1240).

Эйзенштейн С.М. Советский исторический фильм // Правда. 1940. 8 февр. (РГАЛИ. Ф. 1923б. Оп. 1. Ед. хр. 1242).

Эрик П.Д. Преподавание истории в русской школе в XVIII веке // Преподавание истории в школе. 1960. Вып. 4. С. 67—74.

Юренев Р. Чувство Родины. Замысел и постановка фильма «Александр Невский» // Искусство кино. 1973. № 11. С. 56—78.

14.3. Справочные издания, библиографии и словари

Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration Russe en France (1920—1930). Paris, 1971.

Georges K.E. Lateinisch-Deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1902.

Handbuch der Geschichte Rußlands / Hg. M. Hellmann, K. Zernack, G. Schramm. Bde. 1—3. Stuttgart, 1981—1992.

Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bde. 2—4. Berlin, 1978—1990.

Historisches Lexikon der Sowjetunion. 1917/22 bis 1991 / Hg. H.-J. Torke. München, 1993.

Kasack W. Lexikon der russischen Literatur nach 1917. Stuttgart, 1976.

Kessler W. Rußland Ploetz. Russische und sowjetische Geschichte zum Nachschlagen. Freiburg, Würzburg, 1992.

Kunstdenkmäler in der Sowjetunion: Leningrad und Umgebung. Ein Bilderhandbuch / Hg. R. Darmstadt, 1982.

Lexikon der christlichen Ikonographie. Bde. 3 u. 5. Freiburg/Brsg. u.a., 1971; 1990.

Lexikon der Geschichte Rußlands. Von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution / Hg. H.-J. Torke. München, 1985.

Lexikon für Theologie und Kirche. Bde. 1, 4. Freiburg/Brsg. u.a., 1993.

Meyers Grosses Taschenlexikon in 24 Bänden. Mannheim u.a., 1990.

Milner J. A Dictonary of Russian and Soviet Artists 1420—1970. Woodbridge, 1993.

Onasch K. Liturgie und Kunst der Ostkirche in Stichworten unter Berücksichtigung der Alten Kirche. Leipzig, 1981.

Osteuropa-Handbuch, Sowjetunion. Außenpolitik 1917—1955. Bd. 1 / Hg. D. Geyer. Köln; Wien, 1972.

Ploetz K. Auszug aus der Geschichte. Würzburg, 1960.

Rothemund B. Handbuch der Ikonenkunst. Bd. 1. München, 1985.

The Modern Encyclopedia of Religions in Russia and the Soviet Union. Vol. 1. Gulf Breeze, 1988.

The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History (MERSH). Vol. 1, 23, 28, 34, 38. Gulf Breeze, 1976.

Александр Невский. К 750-летию Невской битвы. Указатель литературы. Л., 1990.

Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб., 1994. Т. 1.

Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2: XVI — начало XVIII века. М., 1963.

Барсуков Н.П. История русской агиографии. СПб., 1882. (Репринт: Leipzig, 1979.)

Боевые корабли России. Художественный альбом. М., 1996.

Большая советская энциклопедия. Т. 1—30. 3-е изд. М., 1970—1978.

Великая Отечественная война советского народа. Указатель литературы / Сост. В.С. Чеснокова, А.В. Велижева. М., 1942.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985.

Государственные награды СССР. М., 1987.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

За землю русскую. К 750-летию Ледового побоища. Указатель литературы. Псков, 1991.

Каталог почтовых марок России. 1857—1995. М., 1995.

Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.

Православные монастыри Российской империи / Сост. Л.И. Денисов. М., 1908.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 4. Приложения, заключения и алфавитные указатели. СПб., 1889.

Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 1—4. (Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 23—26). СПб., 1881.

Русские святые, подвижники благочестия и агиография. Словник-указатель / Сост. И.В. Владышевская, В.Л. Сорокина. Б.м., 1992.

Русские художники. Энциклопедический словарь. СПб., 1998.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. СПб., 1992.

Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1996.

Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Т. 11.

Список архиереев, священнослужителей и приходов русской зарубежной церкви с их адресами. Б.м., 1991.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2.

Черепнина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга. 1917—1945 гг. (По документам ГГА СПБ). СПб., 1996.

Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Библиографический словарь. 2-е изд. Саратов, 2000.

14.4. Документальные фильмы

Die verschiedenen Gesichter des Sergej Eisenstein, ein Film von Oksana Bulgakowa und Dietmar Hochmuth, Deutschland 1997. Länge: 59 Minuten.

Das Haus des Meisters, ein Film von Naum Klejman (Buch), Marianna Kir'eva, Aleksandr Iskin (Regie), Rußland, Deutschland (ZDF/ARTE) 1997. Länge: 102 Minuten.

14.5. Интервью

Интервью с Наумом Клейманом, директором московского Музея кино и Кабинета Эйзенштейна. Москва, 16 декабря 1999 г.

Приложение

Протокол эпизодов фильма «Александр Невский» (1938)

В этом протоколе действие фильма «Александр Невский» разделяется на смысловые отрезки. Разграничение отдельных эпизодов может вызвать сомнение, однако в рамках настоящей работы оно представляется оправданным. В первом столбце указан номер эпизода, во втором — время начала эпизода в фильме (час, минуты, секунды), в третьем кратко описано содержание.

№	Время	Содержание
0	0:00:00	**Название, сведения о создателях фильма**
1.	0:01:55	**Текстуальная заставка «Русь после нападения монголов»**
2.		**На Плещеевом озере (титры: «Плещеево озеро»)**
2.1.	0:03:24	Рыбаки и кораблестроители за работой.
2.2.	0:04:40	Прибытие монгольского посольства. Савку заставляют опуститься на колени. Драка русских с монголами.
2.3.	0:05:50	Вмешательство Александра прекращает бой. Он разговаривает с посланником и отказывается от предложения стать воеводой в Орде.
2.4.	0:08:20	Отъезд монголов.
2.5.	0:09:40	Разговор Александра с Никитой. Александр называет «немца» злейшим врагом Руси.
2.6.	0:10:45	Александр возвращается к рыбакам.
3.	0:11:11	**Новгород (титры: «Господин Великий Новгород»)**
3.1.	0:11:15	Оживленная торговля в Новгороде. Василий Буслай и Гаврило Олексич замечают в толпе Ольгу Даниловну.

3.2.	0:13:00	Разговор торгующего оружием Игната с Василием и Гаврилой.
3.3.	0:14:50	Василий и Гаврило пытаются понравиться Ольге.
3.4.	0:16:16	*Вече*. Народ сбегается, раненый псковский воин держит речь, где предупреждает Новгород о немцах. Спор бояр с патриотами. Высший слой хочет откупиться от ордена. Игнат предлагает призвать Александра Ярославича. Один из торговцев выступает за то, чтобы новгородское войско возглавил Домаш Твердиславич. Домаш отклоняет предложение и присоединяется к предложению призвать Александра.
4.	0:21:05	**Псков (титры: «Псков»)**
4.1.	0:21:08	Ужасы правления ордена во Пскове. В городе полыхают костры, население города связано и поставлено на колени.
4.2.	0:23:30	Предатель Твердило сдает город магистру ордена. Православный монах Ананий рассказывает магистру о решении новгородского веча призвать Александра. Магистр ордена назначает своих рыцарей наместниками Пскова и Новгорода. Твердило посылает Анания в Новгород, чтобы возбудить народ против Александра. Католический епископ объявляет, что на земле нет другого правителя, кроме Папы Римского. Павша сопротивляется Твердиле.
4.3.	0:26:00	Твердило и магистр ордена приказывают повесить Павшу, который призывает свою дочь Василису отомстить за свою смерть.
4.4.	0:27:00	Рыцари рубят беззащитных псковичей мечами. Рыцари, благословляемые католическим монахом, бросают детей в костер.
4.5.	0:28:25	Павшу вешают на фасаде церкви. Перед смертью он взывает к Александру.
5.	0:29:08	**Переяславль (титры: «Переяславль»)**
5.1.	0:29:12	В избе Александра разговаривают Савка и Михалка, латающие сеть. Они хотят бороться. Александр велит им замолчать. Он разрывает сеть. Входят посланники из Новгорода.
5.2.	0:31:10	Александр беседует с посланниками, которые просят его забыть о ссоре с городом и призывают возглавить новгородскую дружину для защиты от немцев. Он сам решает напасть на немецкое войско и побороться за русское дело.

6.	0:33:30	**Созыв войска. Песня «Вставайте, люди русские!»** Люди выбираются из землянок и стекаются в единый поток.
7.	0:35:51	**Новгород (титры: «Новгород»)**
7.1.	0:35:55	Александр со своей дружиной входит в город.
7.2.	0:36:38	Монах Ананий и новгородские купцы осуждают Александра.
7.3.	0:37:32	В первой своей речи Александр призывает новгородцев подняться на борьбу за *землю русскую*.
7.4.	0:38:05	Новгородцы призывают Александра возглавить их. Ремесленники обещают бесплатно раздать оружие.
7.5.	0:39:50	Кузнец Игнат раздает свое оружие. Василиса вооружается. Ольга обещает Василию и Гавриле, что выйдет за того, кто окажется храбрее. Игнату достается слишком короткая кольчуга.
8.	0:42:14	**Католическая месса рыцарей ордена**
8.1.	0:42:14	Епископ совершает мессу. Монах играет на походном органе, предатель Твердило присутствует на мессе.
8.2.	0:43:30	Ананий выдает Твердиле, что новгородский передовой отряд засел в ближайшем лесу. Магистр ордена призывает рыцарей выступить против русских. Епископ благословляет их. Ананий показывает дорогу Твердиле и рыцарям.
9.	0:44:50	**На Чудском озере перед битвой**
9.1.	0:44:50	Ананий показывает Твердиле место, где затаился отряд Василия Буслая. Первый бой.
9.2.	0:46:10	В лагере Александра: Игнат рассказывает сказку о лисе и зайце, Александр невозмутимо слушает.
9.3.	0:48:10	Ананий приходит к Александру, рассказывает о разгроме авангарда, сообщает о смерти Домаша и взятии в плен Буслая.
9.4.	0:49:00	Титры «Чудское озеро». Александр и Гаврило на конях скачут по льду. Конь Гаврилы поскальзывается. Александр выбирает замерзшее озеро возле Вороньего камня местом битвы.
9.5.	0:49:40	После разгрома передового отряда Василий хочет перевести свое войско обратно на русский берег озера. Однако его останавливает Александр, объявляющий, что с врагом следует биться на его территории.
9.6.	0:51:00	Александр прощается с павшим в бою Домашем Твердиславичем.
9.7.	0:51:42	Александр разъясняет фланговую тактику, которую он собирается применить против клина немецкого войска. Гаврило напоминает Василию об их уговоре с Ольгой.

10.	0:53:20	**Ледовое побоище (Титры: «5 апреля 1242»)**
10.1.	0:53:28	Русские ждут начала битвы. В кадре: Василиса, Игнат, Савка. На Вороньей скале: Александр, Гаврило, Василий.
10.2.	0:55:15	Католический епископ благословляет войско немецких рыцарей.
10.3.	0:55:35	Войско ордена приближается. Александр объявляет начало битвы, Василий прощается с Гаврилой.
10.4.	0:59:25	Сражение начинается. Центральное войско под предводительством Василия наносит удар по рыцарскому клину.
10.5.	1:02:20	Александр и Гаврило наступают со своими отрядами с флангов. Враги (Твердило, епископ и Ананий) бледнеют от страха. Василий теряет в бою свой меч, Василиса дает ему оглоблю, которой он борется дальше.
10.6.	1:07:35	Рыцари ордена справляют мессу и вновь выставляют свои войска.
10.7.	1:09:55	В бою погибает мальчик Савка.
10.8.	1:11:35	Гавриле удается прорвать сплошные ряды рыцарей.
10.9.	1:12:55	Александр вызывает магистра ордена на поединок. Александр побеждает и приказывает связать и увести своего противника. Александр провозглашает: «Мы победили».
10.10.	1:14:10	Немцы пускаются в бегство. Игнат и Василиса штурмуют католическую походную церковь, Василиса убивает Анания, Игнат берет в плен Твердилу, однако тот убивает Игната. Под убегающими рыцарями раскалывается лед, враги тонут в озере.
11.	1:20:35	**После сражения на поле битвы** Мертвые и раненые на поле сражения, жены ищут своих мужей, Ольга ищет Василия и Гаврилу, Василий уступает Ольгу своему другу.
12.	1:29:23	**Празднование победы во Пскове**
12.1.	1:30:00	Впереди войска победителей в город въезжают сани с павшими (Домаш, Савка, Игнат). За ними следуют пленные немцы, затем через городские ворота въезжают победители. Матери протягивают Александру своих детей. Завершает шествие предатель Твердило, запряженный в сани.
12.2.	1:33:40	Александр держит речь перед жителями Пскова.
12.3.	1:34:35	Александр судит врагов. Он отпускает кнехтов и меняет рыцарей на мыло. Твердилу он отдает народу, который линчует предателя на месте.

12.4.	1:37:30	Ольга спрашивает Александра, за кого ей выходить замуж, Василий уступает Ольгу Гавриле и получает в жены Василису, Александр благословляет пары. Мать Василия довольна. Праздник начинается.
12.5.	1:42:00	Александр произносит речь-предостережение перед кнехтами ордена, текст которой еще раз повторяется в титрах.
	1:43:10	**Конец**

Иллюстрации: справка об источниках

Ил. 1: *Onasch K.* Ikonen. Berlin, 1961. Ил. 41.

Ил. 2: Ikonenmalerhandbuch der Familie Stroganov. München; Autenried, 1965. S. 105.

Ил. 3: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. Ил. 5.

Ил. 4 и 5: Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 2-е изд. СПб., 1992.

Ил. 6: Gottesdienst zu Ehren Aller Heiligen der Rus'. Würzburg, 1987. S. 71.

Ил. 7: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978. S. 244.

Ил. 8: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский: человек и миф // Наука и религия. 1970. № 5. С. 53.

Ил. 9: Энциклопедия православной святости. М., 1997. Т. 1. С. 28.

Ил. 10: *Haustein-Bartsch E.* Ikonen. Recklinghausen, 1995. S. 31.

Ил. 11: Ikonenbuch mit 30 Kunstpostkarten. Parkland Verlag.

Ил. 12: Staatliches Museum der Geschichte St. Petersburg. Peter-und-Pauls-Festung, Museumsshop. (Почтовая открытка).

Ил. 13: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995.

Ил. 14: *Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton, 1995. P. 47.

Ил. 15 и 16: *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713—1913. СПб., 1913. С. 271, 765.

Ил. 17: *Зонова З.Т.* Г.И. Угрюмов (1764—1823). М., 1966.

Ил. 18: *Моргунов Н.* Виктор Михайлович Васнецов. Жизнь и творчество. М., 1962. С. 278.

Ил. 19: St. Isaac's Cathedral Leningrad / Ed. G. Butikov. Leningrad, 1974. Илл. 44.

Ил. 20: История России в картинах / Ред. Н.А. Дементьев. СПб., 1863—1871. Вып. VIII. № 26.

Ил. 21: *Ефименко А.Я.* Элементарный учебник русской истории. Курс эпизодический. 2-е изд. СПб., 1912. С. 61.

Ил. 22: Картинки. Война русских с немцами. Пг., 1916.

Ил. 23: *Fülöp-Miller R.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich, 1926. Tafel 160.

Ил. 24 und 25: *Bordwell D.* The Cinema of Eisenstein. Cambridge (Mass.), 1996. P. 219, 215.

Ил. 26: Alexander Newskij // S.M. Eisenstein / Zusammengestellt von Jacques Charrière. Tübingen, 1973. S. 108.

Ил. 27: Киров С.М. 1886—1934. Материалы к биографии. М.: Партиздат, 1934. С. 9.

Ил. 28: Alexander Newskij // S.M. Eisenstein / Zusammengestellt von Jacques Charrière. Tübingen, 1973. S. 120.

Ил. 29: *King D.* Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulation in der Sowjetunion. Hamburg, 1997. S. 153.

Ил. 30 и 31: Alexander Newskij // S.M. Eisenstein / Zusammengestellt von Jacques Charrière. Tübingen, 1973. S. 117, 106.

Ил. 32—34: Собрание автора.

Ил. 35: Agitprop im Krieg gegen das «Großdeutsche Reich». Sowjetische Plakate 1941—1946 aus dem Staatlichen Historischen Museum Moskau, DHM-Magazin. 1991. Bd. 1. H. 4. S. 39.

Ил. 36: Berlin—Moskau / Moskau—Berlin 1900—1950. Ausstellungskatalog, Berlinische Galerie, Staatliches Puškin-Museum / Hg. I. Antonowa, J. Merkert. Moskau; München; New York, 1995. S. 457.

Ил. 37: Правда. 1995. 15 апр.

Ил. 38—43: Собрание автора.

Именной указатель

Абель У. 6, 164, 167
Абрикосов А. 388
Аввакум 297
Август, император 106, 120, 126
Август II, король 170
Агапет, папа римский 124
Александр В.Ю. 192
Александр I, император 168, 169, 172
Александр II, император 207, 232
Александр III, император 206, 207, 231, 233
Александр IV, папа римский 45
Александр Свирский, св. 113
Александров А.В. 425, 494
Алексеев П. 235
Алексей Михайлович, царь 112—114, 116, 128, 166
Алексий, митрополит 467, 468
Амман А.М. 44, 54
Андерсон Б. 11, 14
Андрей, св. 145, 162
Андрей Боголюбский, св. кн. 72, 120, 123
Андрей Ярославич, кн. 39, 41, 42, 45, 46, 55, 56, 60, 83, 152, 155, 183, 200, 277
Андрей Александрович (Городецкий), кн. 84
Анна Иоанновна, императрица 140, 158
Анна Петровна, вел. кн. 147
Антоний, монах 97
Арциховский А.В. 316, 317, 372, 373
Ассман А. 17, 18, 450, 463
Ассман Я. 16—18, 28, 29, 65, 234
Ауст М. 6

Бабель И. 387
Бакунин М.А. 238, 284
Балтер Л. 347, 385
Банкет 164
Барсов А.А. 155
Барт Ф. 28
Бассин М. 219
Бассин П. 166, 194, 195, 196, 227
Батый, хан 45, 46, 55, 56, 60, 81, 96, 123, 141, 152, 174, 182, 262, 276
Бахрушин С.В. 422
Бегунов Ю.К. 23, 47, 50, 55, 78, 80, 85, 86, 100, 119, 120, 122, 123, 126, 139, 165, 170, 174, 301, 448, 449, 462, 472, 491, 497
Белан Н. 479
Беллярминов И. 200
Беляев И.Д. 369
Бенц 82
Берке, хан 49, 370
Бёрк П. 18
Биргер Я. 40, 50, 51, 190, 275, 328
Бисмарк О. фон 395
Битнер К. 217

Блек Дж. 173
Блок А. 370
Блок М. 28
Бломквист Л. 321, 386
Блюм В.И. 360, 363
Богусевич 301
Болотников И.И. 238
Бонвеч Б. 427
Боннел В. 305, 384
Боннел Э. 54
Бордвелл Д. 347, 377
Борис, св. кн. 23, 48, 59, 63, 64, 73, 77, 80—82, 88, 97, 101, 120, 123, 127, 145, 205, 253, 492, 514
Бородин А.П. 221
Бранденбергер Д. 318, 319, 358, 371, 389, 393
Брандт Б. 6, 7
Брежнев Л.И. 435
Брюллов К.П. 166, 195
Бужинский. См. *Гавриил*
Булгакова О. 316, 353, 379, 380
Бунин И.А. 369
Бушкович П. 104, 129
Быстров А.К. 475

Вагнер Р. 365, 394
Ванаг Н.Н. 286, 298
Вангенхейм Г. 366
Вартберг Г. 52, 300
Василий (Василько) Александрович, кн. 39, 46, 49, 50, 57, 68, 107, 126, 127
Василий Варлаам 96, 108, 120, 138
Василий Дмитриевич, вел. кн. 75
Василий III, вел. кн. 118
Василий Шуйский, царь 112
Васильев Г. 366, 383
Васильев Д. 321
Васильев С. 366, 383
Васнецов В.М. 193, 195, 225
Вассиан, архиепископ Ростовский 76
Вацлав (Вячеслав), св. 59, 77, 145, 169, 511—517
Велвен А. фон 40, 79, 123, 128, 171
Вениамин, митрополит 251, 268, 270
Верещагин В.В. 202, 226
Вернадский Г.В. 258—264, 273—277, 492, 493
Веспасиан, император 93, 111
Вилинбахов Г. 493
Винтер Э. 44, 54
Випперманн В. 284, 298
Витали И.П. 164, 227
Вишневский В.С. 322, 346, 367, 425
Владимир, св. кн. 23, 31, 36, 59, 77, 106, 110, 113, 118, 120, 123, 128, 145, 199, 234, 253, 510
Владимир Мономах 83, 105—107, 129, 199
Воротынский М.И. 121
Ворошилов К.Е. 306, 367
Всеволод Большое Гнездо, вел. кн. 106, 120
Всеволод Мстиславович (Гавриил) 81—82
Вульпиус Р. 6
Вяземский П.А. 220

Гавриил Бужинский, архимандрит 137—140, 165
Гальперин Ч. 48, 82, 85, 129, 259, 274
Ганнибал 308, 397
Гауптман Г. 395
Гейне Г. 238
Геллерштейн Л.С. 444
Генрих I, король 514
Генрих II, император (св. Генрих) 59, 82, 511
Генрих Латышский 54
Георгий Победоносец, св. 88, 101, 164, 170
Гердер И.Г. 178, 179, 185, 186, 217, 228
Герман, епископ Дерптский 41
Геронтий, митрополит 76
Герцен А.И. 238
Гёрке К. 87

Гитлер А. 286—288, 292, 299, 304, 317, 331, 344, 356, 365, 373, 379, 395, 397, 404, 405, 412, 414, 506
Глеб, св. кн. 23, 48, 59, 63, 64, 73, 77, 80—82, 88, 97, 101, 120, 123, 127, 145, 205, 253, 492, 514
Глесер 301
Глинка М.И. 221, 311, 360, 394, 420
Глинка С.Н. 218
Глязер С.В. 379, 418, 422
Голицын М.М. 170
Голубева Т.С. 444
Гольчевский Ф. 228
Горбачев М.С. 464—466, 469
Городецкий С.М. 360
Горский А.А. 55
Горький М. 366, 377
Готье Ю.В. 316, 317, 373
Грацианский Н.П. 301, 316, 317
Грибоедов Ф. 126
Григорий IX, папа римский 44, 51, 190, 205, 291, 302, 441
Григорьев З. 355
Гримм М. 172
Гринев Н. 478
Гришин 460
Гудвин Дж. 388
Гумилев Л.Н. 492, 493
Гурвич А. 361—363, 393
Гуюк, хан 56
Гюнтер Х. 384, 422

Давид, св. кн. 118
Даниил Александрович, вел. кн. 47, 75, 87, 106, 112, 123
Даниил Галицкий 45, 55, 221, 262, 263, 275, 276
Данилевский В.В. 405, 406, 409, 412, 414, 423, 427
Данилевский И.Н. 23, 27, 40, 48, 50—53, 56, 81, 84, 219, 425
Данилевский Н.Я. 220, 272
Данилевский Р.Ю. 217
Даниловичи 77, 87, 114, 277
Дантон Ж.Ж. 238
Данлоп Дж. 480
Дарья Изяславна, кн. 47
Девлет-Гирей, хан 97, 121
Дег Л. 6
Дементьев Н.А. 202
Дени, св. 169
Дитрих Х.Х. 233
Дмитрий Александрович (Переяславский), кн. 39, 46, 67, 79, 84
Дмитрий Донской, вел. кн. 94, 97, 108, 119, 121, 123, 126, 128, 129, 198—200, 205, 275, 311, 414, 424, 436, 437, 498, 510
Дмитрий Углицкий, кн. 123
Дмитрий Фессалоникийский (Солунский), св. 88, 164
Довмонт Т. 81
Довженко А.П. 323, 362, 363, 366
Долбилов М.Д. 6, 7, 172
Доллер М. 366
Домаш Твердиславич 52, 324—328, 334—336, 342, 344, 346, 377, 381, 571—573
Доннер Г.А. 54
Достоевский Ф.М. 183
Драпкин Ц. 380
Дроздов П. 298
Дубчек А. 515
Дукельский С.С. 323, 371
Дэвис С. 385

Евфимий II, архиепископ Новгородский 69, 71—73, 87
Евстафьев П. 321, 372, 373
Егоров В.Л. 56
Екатерина I, императрица 140, 147, 148, 151, 166
Екатерина II, императрица 24, 118, 141, 142, 149, 155—158, 165, 168, 169, 172, 173, 176
Елизавета, императрица 141, 142, 144, 167
Ельцин Б.Н. 5, 470, 480, 481, 483
Епифанов П.П. 440
Ефанов В.П. 382

Ефименко А.Я. 199, 200, 207, 213, 230

Жанна д'Арк 13, 347
Жданов А.А. 292, 306, 367, 432
Жерневская И. 490
Журавлев В. 366

Земскова Е. 7
Зигрист Х. 27, 30
Зиновьев Г.Е. 249, 333, 334
Зорин А. 227
Зоя (София) Палеолог 124
Зубкова Е. 480, 481, 493

Иван I Данилович Калита, вел.кн. 113, 118
Иван II Иванович, вел.кн. 118
Иван III, царь 31, 74, 76, 107, 112, 124, 126, 166, 199, 234, 301, 510
Иван IV Грозный, царь 23, 31, 74, 95, 97, 101, 102, 105—110, 124—126, 128, 130, 234, 282, 297, 304, 318, 319, 366, 371, 374, 387, 466, 498, 510
Иеремия II, патриарх 124
Иловайский Д.И. 247
Илюхин Б. 491
Иннокентий III, папа римский 291
Иннокентий IV, папа римский 44, 45, 54, 55, 221, 262
Иоанн, архиепископ Новгородский 72
Иоанн Дамаскин, св. 92, 122
Иоасаф Заболоцкий 148, 168
Иов, патриарх Московский 97
Иовлева Л. 88
Иона, епископ 71
Иона Думин, архиепископ 96—98, 100, 120, 123, 127
Иосиф Волоколамский 102—104, 124
Исаак Далматский, св. 195
Исоахо М. 31
Ищенко А. 6

Каганович Л.М. 367
Казак В. 309
Казеннов Д. 476
Калинин М.И. 270
Каменев Л.Б. 333, 334
Караев Г.Н. 52, 447, 448, 462, 463
Карамзин Н.М. 50, 54, 118, 121, 149, 177—184, 187—192, 197, 198, 217, 218, 220, 223, 226, 345, 369, 412, 419, 517
Кардашов В. 426, 493
Карл Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский 147, 148
Карл IV, император 513
Катаев Л. 459
Кемпфер Ф. 386
Кирилл II, митрополит 49, 60, 65, 78, 79, 95, 181
Киров С.М. 333—335, 354, 380, 381
Кирпичников А.Н. 51, 53, 472
Кларк К. 340, 373, 381, 383, 385
Клейман Н. 6, 320, 331, 367, 368, 370, 371, 379, 386—388, 394, 425, 426
Клейненберг И.Э. 80, 126, 301, 448, 449, 462
Клепинин Н.А. 166, 259—264, 274, 276, 277, 369, 492
Ключевский В.О. 80, 299
Клыков В. 492
Клячко Ю. 220
Кнебель И.Н. 234
Кнут, св. 169
Козаченко А.И. 285—292, 294, 298, 299, 301, 302, 307, 308, 310, 328, 343, 380, 390, 397, 403, 418, 439, 441, 448, 449
Козенюк В.Г. 25
Козлов И. 189, 192
Козловский И.И. 445, 459
Конецкие 368
Константин, св. кн. 118
Константин, император 123, 128
Копелев Л.З. 358
Корин П.Д. 415—417, 422, 429, 438, 454, 461, 485, 489

Коринфский А. 234
Косминский Е.А. 422
Костомаров Н.И. 184—189, 192, 200, 213, 220, 221, 223, 230, 264, 275, 276, 291, 369, 370
Крекель Р. 27, 29, 30
Кристи И. 376
Кротков С. 224
Крючков К.Ф. 392
Крылов П.Н. 422
Кугач Ю. 379
Кунигунда, св. 59
Куприянов А. 480, 481, 493
Куприянов М.В. 421
Курбский А., кн. 110
Кутузов М.И. 304, 366, 402, 407, 438, 510
Кучкин В.А. 41, 51, 53, 55
Кюстин А. де, маркиз 275
Кюхельбекер В.К. 183, 184, 219

Лавринович М. 7
Лавров Г. 339
Лангевише Д. 11
Лангеноль А. 28—30
Ласкин Б. 361, 392
Лебедев-Кумач В.И. 425
Лейда Дж. 316, 367, 388
Лемберг Х. 178
Ленин (Ульянов) В.И. 238, 239, 250, 254, 265, 266, 269, 271, 303—305, 338, 357, 366, 381—383, 386, 391, 402, 479, 497, 510
Лилиенфельд Ф. 78, 81, 83, 123
Линд Дж. 40, 44, 51
Линдер Р. 427
Липицкий С.В. 440, 454
Лихачев Д.С. 78, 87, 89, 459, 490
Ломоносов М.В. 140, 141, 146, 152, 158, 159, 175, 194
Луговской В. 376
Лужков Ю. 480
Лурье А.Я. 397, 398
Лурье Я.С. 372, 462
Людвиг-Рудольф, герцог Брауншвейг-Блакенбургский 170
Людовик, св. (король Людовик IX) 59, 78, 147, 170, 511
Ляйтч В. 46, 121, 213

Мавродин В.В. 404, 412, 414, 422
Майман Р. 380
Макаренко А.С. 334
Макарий, митрополит 93, 95, 101, 102, 105, 119, 128
Макридес В. 83, 456
Максименков Л. 367
Мальгин Т. 159, 174
Мамай 94, 97
Манкиев А.И. 159, 174
Мансикка В.И. 86, 97, 212, 449
Мария Федоровна (Дагмар), императрица 233
Марк Сист (псевдоним) 251
Маркелл Радышевский, архимандрит 139
Маркизова Г. 339
Маркс К. 9, 238, 282—285, 288, 269, 298, 299, 370, 396, 398, 437, 477, 507
Мартос И. 229
Маршак С.Я. 422
Матвеев А.С. 114
Мачерет А. 366
Маяковский В.В. 383
Медведев Р. 463
Межуев 388
Мезенхеллер М. 6
Мейерхольд В.Э. 387
Меки-Петейс. См. Исоахо
Мелентьев Ю.С. 467, 468, 472, 483, 484, 493
Менгке, хан 56
Меншиков А.Д. 170
Мерритт Р. 367
Микешин М.О. 199, 225, 459
Миллер А.И. 6, 7
Миллер Г.Ф. 149—154, 171, 175

Миллер Д. 108
Миндовг, вел. кн. 43, 45, 283
Минин К. 199, 200, 229, 304, 306, 366, 420, 510
Минкин А. 366
Михаил, монах 98
Михаил Федорович, царь 112, 199, 510
Михаил Черниговский, св. кн. 63, 82, 96, 118, 138, 276, 511, 517
Михаил Ярославич, кн. 141
Мнева Н.Е. 124
Модена В. 44
Молотов В.М. 306, 364, 365, 367, 394, 395, 397, 422, 433, 466, 507
Морозов П.Т. (Павлик Морозов) 305, 352, 366
Мостовский А. 199, 229
Мстислав Ростиславович, кн. 82
Мусоргский М.П. 311
Мюллер-Хэрлин М. 6
Мур К.Б. 6

Найт Н. 221, 227
Наполеон I 178, 232, 301
Наумов Н. 409
Неврюй 46, 55, 152, 155, 183, 277
Некрасов И. 377
Непомук, св. 513
Нестеров М.В. 225
Нечитайло В. 379
Николаев Л. 333
Николай I, император 196, 197, 204, 227
Николай II, император 204
Николози Р. 162
Никон, патриарх 125
Нил Сорский 104, 297
Ниппердей Т. 445
Нитхаммер Л. 29
Новиков А. 404, 423
Новинский Н. 214
Новицкий В. 356, 358
Нольте Х.-Х. 23, 284, 402, 421, 423, 448, 463
Нора П. 5, 12, 13, 16, 29, 30, 470

Оберлендер Э. 281
Огуль-Гамиш 56
Одольский И. 135
Олаф, св. 169
Олсуфьев А.В. 167
Ольга, св. кн. 59, 118, 145, 253
Онаш К. 73, 78, 82, 119
Орлов А.С. 422
Орлов Д. 354
Орлов С. 459
Оруэлл Дж. 387
Оттокар Богемский, король 512
Охлопков Н. 354
Охотникова В.И. 81, 86

Павел I 142, 170
Павленко П.А. 309—312, 314—316, 318—321, 323, 327, 328, 330, 331, 335, 338, 343, 353, 369, 370, 374—376, 378, 381, 383, 393, 403, 449, 507
Пайпс Р. 269
Палах Я. 515
Пальмин А.А. 25
Панкратова А.М. 396, 398, 435
Парлер Г. 513
Пахомий Логофит 72
Пашуто В.Т. 440, 441, 449, 453—456, 462
Пелгусий (Филипп), монах 64, 123, 174, 275, 310, 462
Перри М. 296, 301
Петр, митрополит 82, 113
Петр I 23, 24, 31, 88, 116, 130—147, 149, 151, 157—163, 166, 169, 176, 195, 196, 199, 200, 234, 237, 255, 258, 268, 270, 282, 304, 311, 363, 370, 394, 466, 482, 491, 494, 502, 503, 510, 515, 517
Петров В.М. 304, 366
Петров В.П. 229
Петроне К. 393
Петрушевский А. 190, 222, 223
Пикерт П. 168
Пикхан Г. 41, 44, 228
Пименов А.С. 227

Пименов С. 459
Пионтковский С.А. 286, 298
Писарев А. 226
Пичета В.И. 405, 406, 423, 427
Плаггенборг С. 252
Платт К. 318, 319, 371
Подобедова О.И. 124
Подорожный Н.Е. 302, 422, 427
Пожарский Д. 199, 200, 229, 304, 306, 366, 402, 420, 510
Покровский М.Н. 239—242, 244, 255, 265, 266, 278, 280, 285, 286, 296, 312, 373, 435, 442, 485
Полевой Н.А. 217
Полочанин Я. 427
Пресняков А.А. 50
Прокофьев С.С. 321, 344, 374
Пропп В.Я. 384
Прохорова И.Д. 7
Пугачев Е.И. 185, 497
Пудовкин В.И. 366, 367
Пушкин А.С. 177, 178, 220, 221, 255, 393

Раба Дж. 87
Радищев А.Н. 238
Разин С.Т. 185, 482
Разлогов К. 331, 350
Рамм Б.Я. 441
Ранке Л. фон 272
Раппопорт Г. 366
Раскин А. 362
Ренан Э. 11, 12, 14
Реннер А. 216, 233
Рерих Н.К. 226
Риббентроп И. 364, 365, 394, 395, 397, 433, 466, 507
Римский-Корсаков Н.А. 221, 310
Робеспьер М. 238
Ровинский Д.А. 167, 168
Роггер Х. 158
Рогов А.И. 23, 98, 116, 121, 449
Рождественский С. 203
Рожков Н.А. 266
Розенфельд М. 390
Рольф М. 6
Ром А. 380
Романов А. 251
Романовы 112, 113, 129, 132, 135, 143
Ромм М. 366
Рошаль Л.М. 372, 374, 449
Рубан И.Н. 424
Рубцов Ю. 478
Рузвельт Ф.Д. 358
Рункевич С.Г. 167
Руссо Ж.Ж. 228
Руссов Б. 52, 300
Рюрик 105, 106, 120, 180, 199
Рюриковичи 35, 36, 47, 74, 101, 105, 106, 111—115, 126, 128, 129, 502
Рябов О. 31

Савицкий П.Н. 256
Савченко И. 366
Салатан 152
Салей Е. 31, 232, 233
Салц Г. 154
Самарин Ю.Ф. 191
Самнер У.Г. 30
Сартак, хан 46, 55, 123, 152
Сарторти Р. 341, 384, 387
Сахаров А.Н. 124, 485, 486, 497
Святополк Окаянный, кн. 81
Святослав Ярославич, кн. 141
Семирадский Г.И. 225, 226
Сенкевич Г. 369—370
Сергий, митрополит 414, 415, 428
Сергий Радонежский 252, 269
Серебрянский Н. 79, 82
Серов В. 422
Сетон М. 375
Симон Г. 482, 495
Симонов К.М. 294, 295, 346, 380, 427, 438
Скворцов И.В. 199
Склива Г. 169, 194
Слёзкин Ю. 216
Слободской М. 362
Смирнов В. 459

Собчак А.А. 474, 475
Соколов Н.А. 422
Соколовская С. 306, 368
Соловьев С.М. 55, 190, 199, 203, 225, 229, 291, 299
Соловьев М.Т. 226
Сорокин В. 490
Спиридон, архиепископ 41
Сталин (Джугашвили) И.В. 255, 279, 280, 297, 304—307, 309, 318—323, 329, 331, 333—335, 338—340, 345, 350, 351—354, 357, 363, 365—367, 374, 378—387, 390, 391, 397, 398, 401, 402, 406, 407, 409, 412, 414, 415, 420, 422, 424, 427, 431, 434, 435, 437, 446, 453, 454, 457, 464, 485, 508, 510
Стасов В.П. 206
Стаханов А. 338, 341
Стефан, св. 169, 510
Строгановы 99
Строков А. 301
Суворов А.В. 304, 366, 402, 407, 421, 438, 510
Судаков Г. 481
Сусанин И. 23, 199, 200, 306, 360, 367, 394, 510
Сутт Н.И. 397—400, 418, 419
Сыроечковский В.Е. 316, 317, 372
Сычков 270

Татищев В.Н. 47, 55, 56, 152, 153, 156—158, 171—173, 179, 183, 200, 227, 229, 277, 299
Татьяна Михайловна, царевна 113
Твердило Иванкович 41, 292, 295, 310, 324—326, 328, 329, 333, 334, 343, 344, 348, 356, 377, 385, 571—573
Тейлор Р. 368, 372, 394
Телятников И. 424
Тимашев Н.С. 296
Тиссе Э. 321, 322
Тихомиров М.Н. 316, 317, 372, 384, 449, 462
Тихон, патриарх 378
Тишков В.А. 495
Тоидзе И. 424
Толочко А.П. 56
Толстой Л.Н. 420
Тольц В. 169, 378
Томский Н.В. 459
Торке Х.-Й. 56
Трейчке Г. 221
Трауберг Л. 361
Трезини Д. 133
Тройницкий С.Н.
Троханов А. 459
Троцкий Л.Д. 250, 303
Трубецкой Н.С. 256
Трусман Б.Ю. 369
Туманский Ф. 159, 160, 168, 171, 174
Тумаркин Н. 386, 407, 425
Тургенев А. 220
Тургенев Н.И. 178
Туровская М. 329, 388
Тюрин В.В. 50

Уайт Х. 318, 373
Уваров С.С. 196—198, 204, 227, 228
Угрюмов Г.И. 146, 148, 169, 328
Уленбрух Б. 169, 329, 351, 352, 377, 378, 381, 387, 388
Уортман Р. 228, 232
Урбан М. 482
Устрялов Н.Г. 198, 199, 201, 202
Уткин Н.И. 169
Ушаков С.Ф. 113

Фалк Г. 154
Фази (Ваза) У. 40, 50
Федор Алексеевич, царь 113
Федор Ярославич, кн. 39, 69
Федор Ярославский, св. кн. 118
Федосов И.А. 440
Федотов Г.П. 129

Феннел Дж. 40, 43, 44, 46, 50, 53, 55, 57, 84
Феодосия, кн. 69, 72
Феофан Прокопович 131, 132, 137, 139
Фербер Х. 348
Ферро М. 335
Филарет, патриарх 112, 205
Филд Д. 234
Филимонов 121
Филипп В. 56, 63, 64, 79, 83, 84, 119
Флавий И. 80
Флаке М. 225
Франсуа Э. 5, 27, 30, 233
Фретшнер Р. 6, 82
Фридрих Вильгельм III, король 168, 206
Фридрих IV, король 170
Фрис Й. 6
Фогель Й. 27, 30
Фурманов Д. 383

Хаакон, норвежский король 57
Хальбвакс М. 12, 15—17, 28, 29
Херсонский 372
Хеш Е. 44, 53, 55
Хильдермайер М. 428, 435
Хитров М. 118, 162, 233, 398, 418, 419, 486, 498
Хмельницкий Б. 366, 424, 426
Хорошев А.С. 125, 129
Христиан IX, король 233
Хрущев Н.С. 410, 434, 435, 457
Хюльбуш Н. 386

Цедеркройц, барон 170
Цернак К. 5, 50
Црнкович Д. 79
Цыбулин С.П. 424
Цыплаков В. 379

Чайковский П.И. 420
Чапаев В.И. 304, 354, 366, 383, 421, 482, 510
Чехов А.П. 420
Чиаурели М.Э. 309, 379
Чеботарев Х.А. 155
Черкасов Н.К. 354, 388, 408, 409, 425, 474
Чернов И. 492
Чернявский М. 101, 128
Чешихин Е.В. 52, 300, 369
Чингисхан 258, 263

Шаскольский И.П. 44, 50, 54, 80, 126, 301, 400, 441, 448, 449, 456, 462, 463
Шветрфегер Т. 168
Шебуев В. 227
Шевченко Т.Г. 185, 186, 238
Шеллинг Ф.В. 221
Шеррер Ю. 495
Шестаков А.В. 292, 293, 297, 396
Шильдер Н.К. 172
Шинкель К.Ф. 206, 233
Шкаровский М. 6, 7
Шкловский В.Б. 323, 362, 367—369, 376, 379
Шлегель Ф. 228
Шлецер А.Л. 153, 175
Шлоссер Ф.Х. 282—284, 297, 298
Шлапентох В. 385
Шлапентох Д. 385
Шляпкин И.А. 77, 86, 88, 162, 164, 170, 235
Шмаринов Г.А. 78
Шмигельт У. 31, 234
Шмидт С.О. 439, 453
Шпенглер О. 257
Шпиллер К. 378
Штефан А. 6
Штёкль Г. 87
Штрауб Й. 18, 29
Шуленбург фон дер Ф.В. 359
Шульце-Вессель М. 6
Шульце Х. 11—12, 14, 30, 453
Шумяцкий Б. 305, 306, 322, 367

Щегаль Г.М. 382
Щербатов М.М. 149, 152—158, 165, 172, 174, 179, 264, 419

Щилагий А. 339
Щорс Н.А. 366, 420

Эдуард, св. 169
Эйзенштейн С.М. 6, 23, 25, 30, 169, 303, 305—312, 314—316, 318—323, 326—332, 335—338, 340, 343, 346, 351—354, 358—363, 365—368, 370, 371, 374—379, 383, 387—389, 391—395, 401, 403, 408, 409, 413, 416, 426, 438, 445, 449, 459, 474, 475, 483, 485, 489, 507
Эльверт Г. 14
Энгельс Ф. 238, 282, 284, 298
Эпштейн Ф.Т. 6
Эренбург И.Г. 410
Эриксон Э.Х. 29
Эрик Эриксон, шведский король 40
Эрих, св. 169

Юренев Р. 369, 371, 376, 388
Юрий Долгорукий 106, 120, 123
Юстиниан, император 124

Ягайло, вел.кн. 71
Ян Х. 215
Янин В.Л. 40
Янкович де Мириево Ф.И. 172
Яреш Л. 297
Ярослав Всеволодович, вел. кн. 37, 39, 41, 53, 87, 120
Ярослав Владимирович (Мудрый), кн. 41, 43, 81, 83, 106, 129, 295
Ярослав Ярославич, кн. 49, 68, 126
Ярославичи 87
Ятков 316
Яцкевич 491

Содержание

Предисловие 5

1. Введение

1.1. Постановка проблемы 8

1.2. Теоретические основания и определение понятий 11

1.3. Источники и современное состояние исследований 20

1.4. Структура работы 23

2. Александр Ярославич: Исторический очерк

2.1. Фон времени 35

2.2. Александр Ярославич. Князь Новгородский 39

2.3. Александр Ярославич. Великий князь Владимирский 45

3. Сакрализация Александра (XIII—XV века)

3.1. Святой князь и местное почитание во Владимире 58

3.2. Александр и борьба за новгородские вольности 67

3.3. «Московский» образ Александра Невского в новгородской литературе 74

3.4. Борьба за историю Руси 76

4. Россиезация Александра (XV—XVII века)

4.1. Церковный и династический дискурсы 90

4.2. Церковный дискурс 92

4.3. Династический дискурс 104

4.4. *Terra sancta* Московское царство 115

5. Этатизация Александра (XVIII век)

5.1. Александр Невский и Петр I 130

5.2. Имперский дискурс 142

5.3. История и общество ... 149
5.4. Государство — церковь — нация ... 160

6. Национализация Александра (XIX век)

6.1. Национальный, имперский и церковный дискурсы ... 175
6.2. Национальный дискурс ... 177
6.3. Имперский дискурс ... 194
6.4. Церковный дискурс ... 204
6.5. Национализированный Александр ... 207
6.6. Александр Невский и крушение империи ... 209

7. Свержение Александра (1917—1937)

7.1. Изменившийся исторический нарратив ... 237
7.2. Десакрализация святого ... 245
7.3. Борьба с великорусским шовинизмом ... 254
7.4. Александр Невский в эмиграции ... 256

8. Советизация Александра: 1937 год

8.1. Советский патриотизм и история ... 279
8.2. Реабилитация Александра ... 281
8.3. Карьера Александра ... 292

9. Экранизация Александра (1938)

9.1. Советский патриотизм и кино ... 303
9.2. «Александр Невский» в контексте биографии Эйзенштейна ... 305
9.3. Сценарий фильма ... 309
9.4. Борьба за «истинный» образ Александра Невского ... 313
9.5. К истории создания фильма ... 321
9.6. Действие ... 323
9.7. Фильм как интертекст ... 327
9.8. Сообщество: боевая семья ... 335
9.9. Возможные интерпретации «Александра Невского» ... 351
9.10. История восприятия фильма ... 354

10. Александр призван (1939—1945)

10.1. Временное увольнение Александра ... 395
10.2. «Зимняя война» Александра ... 398
10.3. Великая Отечественная война ... 401

11. Консолидация и критика: послевоенный период (1945—1985)

11.1. Советский патриотизм и память о войне ... 431
11.2. Критика культа личности ... 434
11.3. Александр Невский в эпоху «холодной войны» ... 436
11.4. Новые формы памяти ... 444
11.5. Расколдовывание с помощью государства ... 447

12. Плюрализация памяти (1985—2000)

12.1. Перестройка и история ... 465
12.2. В поисках новой знаковой системы (1985—1993) ... 469
12.3. Патриотический консенсус в эпоху постмодерна (1993—2000) ... 479

13. Заключение ... 500

Источники и литература ... 519
Приложение. Протокол эпизодов фильма «Александр Невский» (1938) ... 570
Иллюстрации: справка об источниках ... 575
Именной указатель ... 577

Фритьоф Беньямин Шенк

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Святой, правитель, национальный герой (1263 — 2000)

Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректоры *Э. Корчагина, Л. Морозова*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlo.magazine.ru

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 37. Заказ № 531

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6